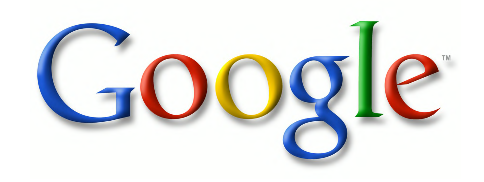
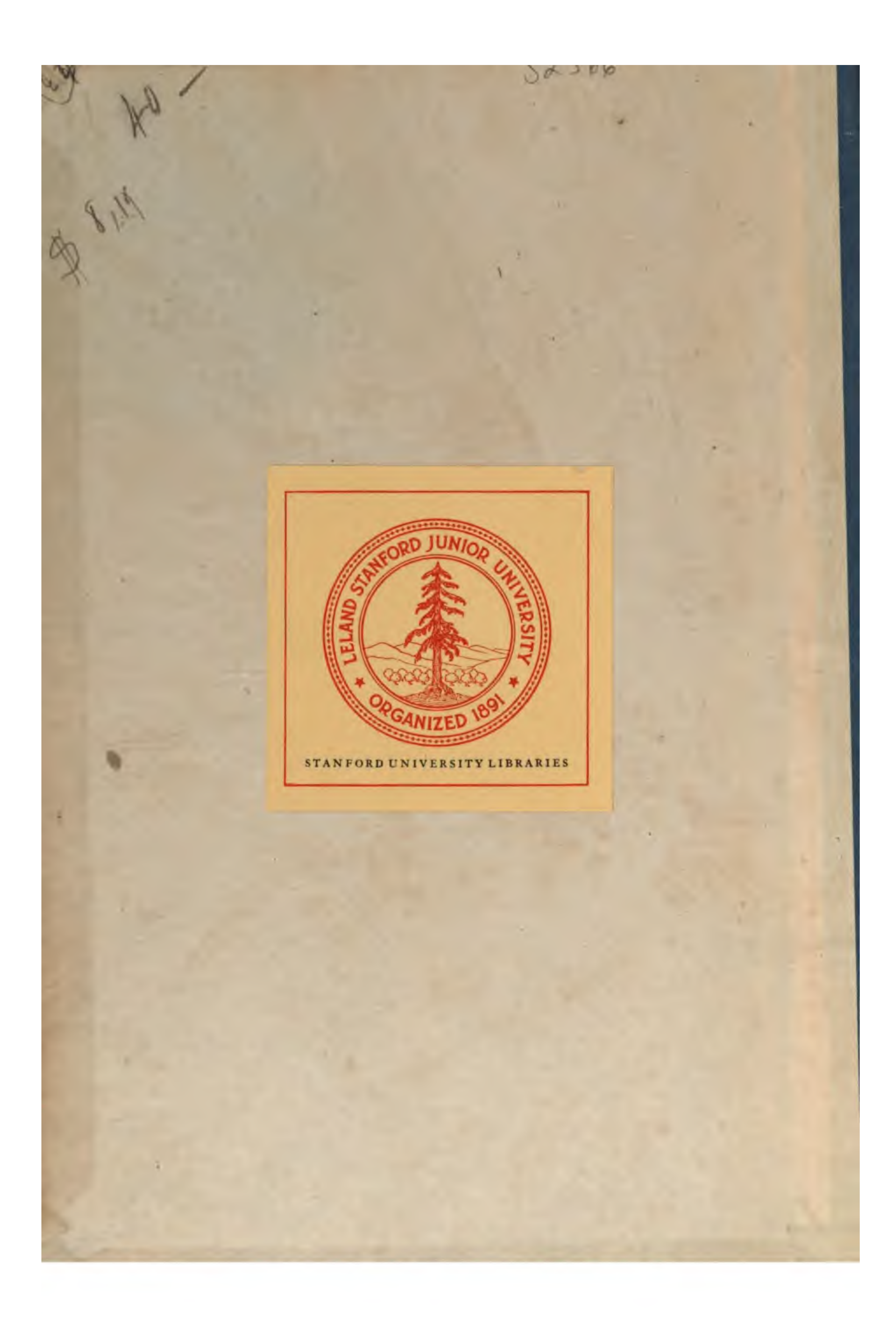


DK
169
C6A317



LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

[redacted]

Интимный Дневникъ

шевалье де-КОРБЕРОНА,

французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II.

(Изъ парижскаго изданія).

Изданіе Ѳ. И. Булгакова.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія К. К. Стефанскаго. Гороховая, 12.

1907.

Отъ переводчика.

Мари-Даніэль Буррэ, кавалеръ, а впослѣдствіи баронъ де-Корберонъ, сынъ президента Парижскаго Парламента, родился въ 1748 году, и прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ гвардіи короля Людовика XV, перешелъ на дипломатическое поприще. Сначала, въ 1773 г., онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Кассель, при маркизѣ де-Веракъ, тамошнемъ французскомъ посланникѣ, а потомъ въ 1775 г., зачисленъ на ту же должность при своемъ дядѣ, маркизѣ де-Жюинье (de-Juigné), который тогда отправлялся посланникомъ ко двору Екатерины II, на смѣну Г. Дюрану.

Пробывъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ августа 1775 по октябрь 1780 г., онъ затѣмъ состоялъ короткое время французкимъ посланникомъ въ Цвейбрикенѣ, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Парижѣ, Тулузѣ и Авиньонѣ. Во время террора его отецъ, братъ, племянникъ и зять погибли на эшафотѣ, а самъ онъ избѣгъ этой участи только потому, что былъ арестованъ и привезенъ въ Парижъ уже послѣ термидорскаго переворота. Какъ и гдѣ онъ жилъ потомъ, лишившись семьи и имущества, покрыто мракомъ неизвѣстности, но умеръ онъ, не оставивъ потомства, въ декабрѣ 1810 г. въ Парижѣ.

Начало его дипломатической карьеры не предвѣщало, однакожъ, такого печальнаго конца. Въ Россію онъ пріѣхалъ 27 лѣтъ отъ роду, блестящимъ молодымъ человѣкомъ, умнымъ, веселымъ, наблюдательнымъ и, по тогдашнему, прекрасно образованнымъ. Проникнутый идеями энциклопедистовъ, философъ, массонъ, сильно интересовавшійся „герметическими“ и оккультическими“ науками, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный танцоръ, актеръ-любитель, поэтъ, пѣвецъ и Донъ-Жуанъ, онъ игралъ, повидимому, крупную роль въ тогдашнемъ петербургскомъ „свѣтѣ“, и былъ очень полезенъ своему патрону, маркизу де-Жюинье, именно этой стороною своей дѣятельности, такъ какъ при дворѣ Императрицы Екатерины II свѣтскія интриги часто значили гораздо болѣе, чѣмъ политическія. Въ канцелярской работѣ посольства, и вообще въ серьезномъ дѣлѣ де-Корберонъ принималъ, повидимому, весьма мало участія, хотя, по отъѣздѣ маркиза де-Жюинье, исполнялъ нѣсколько времени обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ (*charge' d'affaires*), и даже претендовалъ на постъ посланника при русскомъ дворѣ.

Въ „Дневникѣ“ его, поэтому, нельзя искать какихъ-нибудь важныхъ политическихъ открытій, но за то этотъ „Дневникъ“ представляетъ собою вѣрный фотографическій снимокъ съ интимной жизни тогдашняго „свѣта“ и двора Императрицы Екатерины II. День за день, съ небольшими перерывами, авторъ записывалъ всѣ факты, интриги, сплетни и слухи, такъ или иначе ставшіе ему извѣстными, освѣщая все это съ точки зрѣнія не особенно глубокаго, но бойкаго, образованнаго и наблюдательнаго француза. Для русской публики, „Дневникъ“ Корберона долженъ представлять, поэтому, особенный интересъ, какъ взглядъ посторонняго человѣка на нравы и образъ жизни тогдашняго правящаго слоя въ Россіи и на характеры нашихъ общественныхъ дѣятелей конца XVIII столѣтія.

Но кромѣ того этотъ „Дневникъ“ является и превосходнымъ „человѣческимъ документомъ“, въ которомъ

авторъ, обсуждая чужія достоинства и недостатки, помимо своей воли выдаетъ свои собственныя.

Какъ бы ни были ошибочны его взгляды на русскую жизнь, и какъ бы ни были пристрастны сужденія о характерахъ окружающихъ лицъ, они во всякомъ случаѣ обладаютъ достоинствомъ полной искренности, такъ какъ „Дневникъ“ былъ написанъ не для публики, не для потомства, и даже не для знакомыхъ или друзей автора, а для собственнаго удовольствія, просто по привычкѣ, образовавшейся съ дѣтства, хотя и представляетъ собою какъ бы рядъ писемъ къ брату, къ невѣстѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Почему авторъ придалъ своему дневнику такую эпистолярную форму—сказать трудно; но что письма эти, въ дѣйствительности, не были никому посылаемы и даже не предназначались къ отсылкѣ, видно уже изъ того, что „Дневникъ“, по показанію издателя его Labande'a, представляетъ собою шесть переплетенныхъ книжекъ, сплошь исписанныхъ неразборчивымъ почеркомъ (иногда даже шифромъ) и переполненныхъ черезъ-чуръ интимными замѣтками, стихами, анекдотами и объяснительными замѣтками на поляхъ.

Выбросивъ все слишкомъ интимное, всѣ непонятныя мѣста, а также стихи и разсужденія о „герметическихъ“ наукахъ, издатель напечаталъ лишь то, что имѣетъ общественный интересъ, а мы, въ свою очередь, выключили изъ него тѣ мѣста, которыя относятся къ пребыванію автора во Франціи (начало „Дневника“) и касаются личностей, для русскаго читателя неинтересныхъ, то есть родныхъ и знакомыхъ де-Корберона. Изъ множества выносокъ, въ которыхъ авторъ приводитъ общеизвѣстныя въ Россіи подробности о лицахъ, упоминаемыхъ въ „Дневникѣ“ (ихъ генеалогія, служебное положеніе и проч.), мы оставили только тѣ, въ которыхъ содержится что-либо новое.

Въ руки издателя „Дневникъ“ попалъ изъ Авиньонской городской библіотеки (Музей Кальвэ), въ которую былъ пожертвованъ, въ 18?9 г. генеральнымъ викаріемъ Клэрономъ.

Дневникъ шевалье де-Корберона

1775 годъ.

Съ 14 по 20 іюля.

Мы *) выѣхали изъ Дрездена въ часъ ночи, причемъ пришлось вновь упаковывать вещи, распакованныя только на одинъ день. Очень жалѣли, что не могли остаться подольше. Ночь была лунная. Я сидѣлъ въ англійской каретѣ съ маркизомъ. Желая завязать съ нимъ политическій разговоръ, я сталъ говорить о торговлѣ Россіи съ Англіей и о преимуществахъ, которыми пользуется послѣдняя по сравненію съ нами. Маркизъ отвѣчалъ неопредѣленно, какъ человѣкъ, желающій скрыть свое мнѣніе или неуспѣвшій себѣ его составить; можетъ быть даже то и другое вмѣстѣ. Затѣмъ мы стали говорить о посланникахъ короля при разныхъ дворахъ, причемъ маркизъ хорошо отозвался только о двухъ: о баронѣ де-Бретейлѣ и графѣ Монморейлѣ. Замѣчательно, что маркизъ де-Жюинье хвалитъ именно тѣхъ лицъ, которые дурно объ немъ отзываются: де-Бретейля, открыто говорившаго въ Вѣнѣ, что маркизъ ни на что не способенъ, и графа Барбансона, который хотя и не былъ посланникомъ, но, по мнѣнію маркиза, больше всѣхъ другихъ способенъ быть таковымъ.

Съ этого дня мы ѣхали не останавливаясь до самой Варшавы, такъ что ничего почти не могли видѣть. Проѣхали мы черезъ Бунцлау, гдѣ подвергались таможенному осмотру прусскихъ властей. Я мимоходомъ замѣтилъ, что прусскія таможни не строже прочихъ и что съ помощью денегъ да нѣкоторой ловкости отъ нихъ можно благополучно отдѣлаться. Въ Бреславлѣ, гдѣ чинились наши экипажи, мнѣ удалось заснуть часа два на кровати, хотя и не раздѣваясь. Въ этомъ городѣ мы видѣли много французовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время послѣдней войны. Они очень скучаютъ по родинѣ и стремятся вернуться.

Изъ Бреславля путь идетъ на Вартенбергъ, гдѣ лежитъ граница между Пруссіей и Польшей. По дорогѣ къ Наравичу (Narawicz) мы провели очень утомительную ночь. Почта тамъ ходитъ на заморенныхъ еврейскихъ клячахъ. Эти несчастныя животныя все время тащили насъ шагомъ, тѣмъ болѣе что дорога идетъ лѣсомъ и ночь была настолько темна, что намъ пришлось зажечь факелы изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. Горятъ они очень ярко и мы устроили изъ нихъ, ради удовольствія, очень красивую иллюминацію. Но эта ужасная ночь все же насъ утомила. Часа въ четыре утра, мы пріѣхали въ Вельжи (Wielgie), а оттуда, черезъ Черновицы, пробрались въ Варшаву.

Ужасная страна! Ели да песокъ. Городами тамъ называются простыя деревушки, состоящія изъ деревянныхъ хибарокъ, прокопченныхъ дымомъ и покрытыхъ пылью, что, кромѣ убожества, придаетъ имъ видъ крайней нечистоплотности. Обыватели, по большинству евреи, дополняютъ печальную картину, тѣмъ болѣе что, не смотря на бѣдность и гнетъ, въ которыхъ живутъ, они повидимому не чувствуютъ своего несчастія: рабы, нищіе, а между тѣмъ кажутся довольными. Привычка скрашиваетъ, должно быть, ужасъ невольничества, но она за то унижаетъ

*) То есть авторъ «Дневника», съ маркизомъ де-Жюинье, маркизомъ Пюнсегюромъ (вторымъ секретаремъ), аббатомъ Дефоржемъ и другими членами посольства.

людей, лишаетъ ихъ характера. Наши служители били этихъ несчастныхъ, что однакожъ заставляло ихъ только смѣяться да удваивать свое усердіе. Но въ то-же время они не упускали случаевъ украсть у насъ, что могли. Мнѣ кажется ударъ палкой и мелкая монета производятъ на нихъ одинаковое впечатлѣніе; они одинаково смѣются и одинаково благодарятъ за то и за другое. Души ихъ, угнетенныя продолжительнымъ рабствомъ, потеряли уже способность чувствовать оскорбленіе. Удивительно ли послѣ этого, что люди, настолько лишенные понятія о своихъ правахъ, могутъ подчиняться первой попавшейся силѣ?

Къ такимъ печальнымъ философскимъ выводамъ привела меня, между прочимъ, одна тяжелая сцена, которой я былъ свидѣтелемъ. Мы были въ Равѣ (Rava), небольшомъ городкѣ, больше похожемъ на деревню. Желая дать лошадямъ отдыхъ, мы пробыли тамъ около трехъ часовъ. Во время обѣда, одна изъ служившихъ намъ дѣвушекъ разбила тарелку, стоющую не болѣе четырехъ или пяти польскихъ флориновъ, то есть одно экю. Хозяйка гостинницы побила эту несчастную и кромѣ того приговорила ее къ уплатѣ стоимости разбитой тарелки. Надо знать, какое ничтожное жалованье получаетъ польская прислуга, чтобы понять горе дѣвушки; она пришла къ намъ заливаясь слезами, такъ что всѣ мы были тронуты. Маркизъ де-Жюинье тотчасъ же рѣшился заплатить за тарелку, и когда аббатъ *), по его приказанію, передалъ дѣвушкѣ деньги, то я помню, какая перемѣна произошла въ выраженіи ея лица: радость и удивленіе сдѣлали ее неподвижной. Но скоро она пришла въ себя и, бросившись къ ногамъ маркиза, стала со слезами цѣловать его руки. „Чѣмъ я заслужила такую милость со стороны этого добраго господина?“ говорила она. Самъ маркизъ прослезился, но у меня слезы не пошли въ виду слѣдующаго соображенія: „Этотъ человѣкъ, по природѣ, добръ“ — думалъ я — „и остался бы добрымъ, если бы не былъ скупъ. Вотъ онъ теперь заплатилъ экю, чтобы доставить своей душѣ радость, а луидора то, пожалуй, для такой цѣли не пожертвовалъ бы“.

Только что я это подумалъ, какъ въ комнату вошла маленькая депутація отъ мѣстныхъ школъ, въ лицѣ трехъ монаховъ, принесшихъ на поклонъ Его Превосходительству корзину съ грушами и сказавшихъ привѣтственную рѣчь на плохомъ латинскомъ языкѣ. Маркизъ вышелъ изъ этого испытанія не съ такимъ блескомъ какъ изъ предъидущаго. Попробовавъ груши и задавъ монахамъ нѣсколько пустыхъ вопросовъ, онъ сталъ пить кофе, даже не предложивъ его имъ, такъ что депутаты принуждены были уйти съ пустыми руками. Это меня очень огорчило; да и не меня одного. Я вспомнилъ о своемъ соображеніи и нашелъ его вполнѣ справедливымъ.

Четвергъ, 20.

Въ Варшаву мы прибыли въ десять часовъ утра, и часа два должны были ожидать, пока намъ найдутъ недорогое помѣщеніе, такъ какъ маркизъ, по экономическимъ соображеніямъ, заранѣе позаботился только объ одномъ себѣ. Въ концѣ концовъ мы помѣстились въ домѣ герцога Карла Курляндскаго, котораго въ это время въ Варшавѣ не было. Управляющій его уступилъ намъ нѣсколько комнатъ. Надо замѣтить, что тѣмъ, кто ѣдетъ въ Польшу, слѣдовало бы заранѣе запасаться квартирою, такъ какъ польскіе магнаты относятся гостепріимно только къ своимъ знакомымъ и друзьямъ, а гостинницъ очень мало и онѣ дороги. За помѣщеніе нашей компаніи, напримѣръ, съ маркиза просили сто дукатовъ въ день; какъ мы ни торговались—ничего не помогло и, если бы не управляющій герцога Курляндскаго, намъ пришлось бы плохо.

Что касается самаго маркиза, то другъ его, великій гетманъ (Grand-général) Литовскій, графъ Огинскій, прислалъ своего адъютанта, барона Гейкинга, съ предложеніемъ помѣститься у него (на что маркизъ и разсчитывалъ.

*) Дефоржъ, капелланъ маркиза де-Жюинье, сопровождавшій его въ Россію.

Мы съ Пюнсегюромъ пошли прогуляться по городу, а потомъ отправились въ театръ, гдѣ давалась опера-буффъ, *Le Chevalier de la Vieille-Roche*, доставившая мнѣ большое удовольствіе. Возвратившись домой, мы нашли приглашеніе графа Огинскаго остановиться у него, чѣмъ тотчасъ же и воспользовались. Маркизъ представилъ насъ, съ обычной для него неловкостью. Наконецъ то мы получили то, чего такъ долго были лишены: хорошій ужинъ и хорошую постель; за то и выспались какъ слѣдуетъ.

Пятница, 21.

У меня сегодня были съ визитомъ очень многіе и между прочимъ Гейкингъ, котораго я нашелъ человѣкомъ, умнымъ и не лишеннымъ философскихъ идей. За обѣдомъ присутствовали двѣ дамы, которыя мнѣ показались весьма милыми. Одну изъ нихъ называли старостихой (starostica), потому что мужъ ея былъ староста, то-есть губернаторъ. Это—молодая женщина, лѣтъ двадцати, съ фигурой, достойной Роксоланы. Пюнсегюръ тотчасъ же пристроился къ ней въ роли Сулеймана. Другую даму называли подскарбиной (podscarbina), что значитъ—жена казначея; настоящихъ именъ этихъ дамъ я не знаю. Послѣдняя была настолько же нѣжна и деликатна, насколько первая бойка и кокетлива. Говорили, что она очень добродѣтельна и холодна. Эти два эпитета въ Польшѣ всегда совмѣщаются, потому что въ этой странѣ большинство женщинъ очень соблазнительны и легко доступны. Жаль только, что главнымъ условіемъ нѣжныхъ отношеній тамъ часто является золото. Поэтому страсти въ Польшѣ такъ же рѣдки, какъ и сложныя интриги. Тамъ не любятъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, а сговариваются. Старостиха слыла тогда фавориткой графа Огинскаго; выйдя два года тому назадъ замужъ за старосту, которому было запрещено пользоваться супружескими правами, она черезъ нѣсколько времени разошлась съ нимъ и въ ранней молодости стала пользоваться свободой и прерогативами вдовы.

Суббота, 22.

Утромъ я былъ у гетмана; это очень любезный человѣкъ, по вкусу и по привычкѣ посвятившій себя свободнымъ искуствамъ, къ которымъ онъ очень способенъ, особенно къ страстно любимой имъ музыкѣ. Онъ очень хорошо играетъ на скрипкѣ, на кларнетѣ, на клавесинѣ, на арфѣ и на гармоникѣ. Мнѣ онъ разсказывалъ объ арфѣ, которую изобрѣлъ и къ которой будетъ приспособлена флейта. Теперь онъ сочиняетъ оперу на польскомъ языкѣ, очень къ тому пригодномъ; я съ удовольствіемъ прослушалъ одинъ пассажъ изъ этой оперы. Характеръ графа Огинскаго проявляется во всѣхъ его поступкахъ не столько энергичнымъ, сколько нѣжнымъ и мягко-чувственнымъ. Этимъ объясняется склонность его къ частной жизни и къ музыкѣ. Онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ монархіи, чѣмъ въ республикѣ; поэтому то конфедераты, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрятъ въ окружающихъ его лицъ, чѣмъ въ него самого. На дѣлѣ имъ руководитъ графъ Коминскій, человѣкъ тонкій, развязный, обладающій дѣльнымъ, повелительнымъ характеромъ.

Передъ обѣдомъ мы сдѣлали визитъ вице-канцлеру. Послѣ кофе, явился русскій посолъ, графъ Штакельбергъ. Я видѣлъ его одну только минутку, но все-таки онъ мнѣ показался человѣкомъ ловкимъ, тонкимъ, много пожившимъ и знающимъ людей. Затѣмъ баронъ Гейкингъ предложилъ намъ прогуляться въ Саксонскомъ саду, очень красивомъ; мы съ Пюнсегюромъ согласились. Тамъ было много дамъ, очень красивыхъ, и въ томъ числѣ публичныя женщины, болѣе привлекательныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной изъ нихъ мы разговорились и она насъ очень позабавила.

Воскресенье, 23.

Въ полдень, всѣ мы, вмѣстѣ съ маркизомъ, представлялись королю, находившемуся тогда у обѣдни, въ дворцовой церкви, очень простенькой. Да и вообще весь дворецъ некрасивъ.

Есть въ немъ нѣсколько довольно большихъ залъ, какъ та, напримѣръ, въ которой развѣшены портреты всѣхъ польскихъ королей, затѣмъ—бальная или концертная, и наконецъ та, гдѣ мы ждали возвращенія короля изъ церкви. Народу было много; почти столько же, сколько бываетъ въ Ойль-де-Бефъ, въ Версали. Когда король вернулся, то насъ пригласили въ сосѣднюю комнату, довольно большую, но темную, гдѣ мы и были представлены. Король стоялъ опершись на каминъ, онъ высокъ ростомъ, красиво сложенъ, обладаетъ прекрасными икрами и благороднымъ, полнымъ достоинства и доброты лицомъ. Онъ принялъ маркиза весьма милостиво, а нашъ посолъ казался очень сконфуженнымъ и смотрѣлъ въ землю. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Его Величество взглянулъ на насъ, какъ бы желая, чтобы насъ ему представили, но посолъ этого не понялъ и уже вице-канцлеръ догадался исполнить желаніе короля. У Пюнсегюра король спросилъ, не родственникъ ли онъ маршалу Пюнсегюру, писавшему о военномъ искуствѣ, а у меня—не бретонецъ ли я (въ виду перваго слога моего имени).

Маркизъ могъ бы воспользоваться этимъ, чтобы сказать, что я—его племянникъ и родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, сообщить о моемъ положеніи въ посольствѣ и мѣстѣ, которое занималъ мой отецъ. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ, что меня, признаться сказать, очень обидѣло. Черезъ нѣсколько минутъ король со свитой удалился. Такое смѣшеніе французскихъ обычаевъ съ польскими довольно оригинально. Пышные мундиры, и при нихъ—длинные усы, бритыя головы; намъ это не понравилось: точно два столѣтія соединены въ одно. Новыя моды, однакожъ, берутъ верхъ надъ старыми; дамы и иностранцы предпочитаютъ французскій костюмъ, да и король тоже.

Вечеромъ мы ѣздили въ его загородный дворецъ, Лазенки, гдѣ онъ проводитъ все лѣто; очень красивое мѣсто. Домъ тамъ маленькій и окруженъ водою, но сады очаровательны своей безъ искусственностью. Есть въ нихъ цвѣтники и много тѣни.

Понедѣльникъ, 24.

Мы съ Гейкингомъ говорили о политикѣ; онъ сказалъ, что много работалъ подъ руководствомъ своего дяди, графа Сакена, министра иностранныхъ дѣлъ при электорѣ Саксонскомъ. А кстати Гейкингъ передалъ мнѣ слѣдующую записку, съ просьбой воспользоваться ею, когда представится случай:

Записка барона Гейкинга.

„Хотя принцъ Карлъ Саксонскій долженъ былъ уступить герцогство Курляндское отцу нынѣ царствующаго герцога *), но мой отецъ, дроссаръ (drossard) Гейкингъ, въ виду двойной присяги принцу Карлу, захотѣлъ остаться ему непоколебимо вѣрнымъ. Эта вѣрность была наказана конфискаціей его имуществъ и бальяжей.

„Такъ какъ законы Курляндіи запрещаютъ конфискаціи такого рода, то мой отецъ жаловался королю и всей націи. Процессъ шелъ много лѣтъ, до тѣхъ поръ пока князь Репнинъ **), русскій посланникъ, тронутый несчастнымъ положеніемъ моего отца, не вступился за него и не убѣдилъ герцога Эрнеста-Іоганна дать ему въ вознагражденіе за убытки Виндавское дроссарство (drossarderie) и Нейгаузенскій бальяжъ.

„Будучи увѣренъ въ покровительствѣ Ея Величества, Императрицы Всероссійской, мой отецъ вступилъ во владѣніе этими имѣніями, но здоровье его, подточенное горемъ, не выдержало и онъ скончался, только что пріѣхавъ въ Курляндію. Герцогъ Эрнестъ-Іоганнъ поэтому счелъ себя свободнымъ отъ обязательства и отнялъ у насъ имѣнія, лишивъ, такимъ образомъ, всего, чѣмъ мы были обязаны покровительству Ея Величества. Живя вдали отъ родины и будучи слишкомъ молодъ для того,

*) Бирона.

**) Николай Васильевичъ, будущій фельдмаршалъ, племянникъ Панина.

чтобы настаивать на своихъ справедливыхъ требованіяхъ, я вытерпѣлъ здѣсь все, что бѣдность заключаетъ въ себѣ тяжелаго, противопоставляя суровому року только безупречное поведеніе и прилежныя занятія науками. Достигнувъ теперь чина маіора, командира батальономъ 1-го Литовскаго пѣхотнаго полка, я вижу, что получаемое мною скромное жалованье будетъ недостаточнымъ для удовлетворенія моихъ нуждъ, если царствующій герцогъ не удостоитъ дать мнѣ нѣкоторую помощь, въ видѣ ли скромной пенсіи на нѣсколько лѣтъ, или въ видѣ единовременнаго вспомоществованія, или, наконецъ, въ видѣ какого-нибудь бальяжа".

„Его Превосходительству, маркизу де-Жюпнье, было бы легко получить отъ графа Панина *) рекомендательное письмо на этотъ счетъ къ Его Высочеству, царствующему герцогу.

Подписано: „Баронъ Гейкингъ, камергеръ и маіоръ 1-го Литовскаго полка".

Вечеромъ мы были въ оперѣ, а потомъ гуляли съ Гейкингомъ, причемъ говорили о массонствѣ. Завтра онъ поведетъ меня къ главѣ ложи *„Испытанной Дружбы"* который записалъ меня въ число ея членовъ.

Вторникъ, 25.

Вечеромъ король былъ съ визитомъ у гр. Огинской. Онъ оставался съ полчаса, а потомъ мы съ великимъ гетманомъ были на свадьбѣ въ одной городской семьѣ. Было много народа. Религіозная церемонія происходила въ залѣ, гдѣ былъ поставленъ временной алтарь. Я не замѣтилъ большой разницы съ процедурой вѣнчанія у насъ, кромѣ того что здѣсь она нѣсколько короче. Послѣ вѣнца, всѣмъ роднымъ, высокопоставленнымъ лицамъ и иностранцамъ роздали по цвѣтку изъ букета и по куску подвязки новобрачной. Я тоже получилъ свою долю. Затѣмъ былъ большой ужинъ, послѣ котораго новобрачную повели въ спальню, а въ залѣ начались тосты. Ихъ было безчисленное количество, но такъ какъ вино оказалось очень хорошимъ, то никто на это не жаловался, а въ томъ числѣ и я. Вернулись мы домой, чтобы тотчасъ же ѣхать далѣе, но такъ какъ Пюнсегюру хотѣлось остаться, то онъ и подстроилъ препятствіе — лошади оказались не готовы. Поэтому намъ пришлось уступить просьбамъ графа и графини Огинскихъ и провести у нихъ еще одну ночь.

Отъ 26 до 29.

Утромъ въ среду у меня перебыло много народа: г. Фагонъ, французскій офицеръ на русской службѣ, пользующійся въ Польшѣ очень плохой славой; шевалье де-Сентъ-Круа, служившій у конфедератовъ, взятый въ плѣнъ, сосланный въ Сибирь и т. д.; г. Боно, неглупый малый, хотя немножко жеманный. Онъ семь лѣтъ былъ личнымъ секретаремъ примаса, раньше того путешествовалъ по Италіи, а теперь желалъ получить мѣсто секретаря посольства.

Всѣ эти прощальныя визиты предвѣщали нашъ скорый отъѣздъ и потому были мнѣ пріятны, такъ какъ я очень былъ недоволенъ своимъ представленіемъ королю и тѣмъ, что маркизъ совсѣмъ не поручалъ мнѣ никакихъ дѣлъ. Я даже только случайно узналъ, что онъ писалъ о чемъ-то министру и что Розуа *) снималъ копіи съ какихъ-то очень важныхъ бумагъ.

Выѣхали мы изъ Варшавы въ семь часовъ вечера, да потомъ еще долго провозились съ переправой на паро-

*) Никиты Ивановича, о которомъ де-Корберонъ, въ депешѣ своей къ де-Вержену, отзывается такъ: «Графъ Панинъ—старѣйшій изъ министровъ этого двора. Онъ безсиленъ передъ фаворитами, какъ и всѣ прочіе; вліянія не имѣетъ никакого. Сластолюбивый по натурѣ и лѣнивый по привычкѣ, онъ даже и не заботится о томъ, чтобы имѣть вліяніе на государыню». Еще раньше, Сабатье де-Кабръ говорилъ о немъ въ 1772 г.: «Безпечность и лѣнь его невыразимы. Онъ проводитъ всю жизнь со льстецами и второстепенными куртизанками. Дѣла, даже самыя важныя, лежатъ у него безъ движенія; мало образованъ и вкусами своими напоминаетъ молодого, избалованнаго женщинами развратника».

*) Второй секретарь.

мѣ черезъ Вислу, которая очень широка и быстра. Страна, по которой мы затѣмъ два дня ѣхали, оказалась болѣе красивой и богатой, чѣмъ по ту сторону Варшавы.

Въ восемь часовъ вечера, въ пятницу, мы прибыли въ Бѣлостокъ, къ графинѣ Браницкой, вдовѣ великаго гетмана и сестрѣ короля Станислава Понятовскаго. Жюинье и Пюнсегюръ, ѣхавшіе въ англійской каретѣ, тотчасъ же отправились въ замокъ, причемъ Пюнсегюръ даже не успѣлъ переодѣться, такъ какъ маркизъ никого не предупредилъ о предстоящемъ визитѣ. Меня посылали искать, но я не хотѣлъ являться къ графинѣ въ дорожномъ костюмѣ и тѣмъ далъ маркизу почувствовать его небрежность.

Суббота, 29.

Вставши утромъ, я наскоро одѣлся, чтобы идти съ визитомъ въ замокъ. Дорогою осматривалъ городъ, который нашелъ очень красивымъ: широкія, прямыя улицы; крытыя черепицей, однообразные домики съ мансардами; передъ каждымъ изъ нихъ—дворъ и троттуаръ. Дворецъ или замокъ гр. Браницкой великолѣпенъ; комнаты въ немъ огромныя и прекрасно меблированы. Вошли мы къ графинѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, который забылъ меня представить, такъ что я долженъ былъ представиться самъ. Графиня приняла меня прекрасно. Затѣмъ мы у ней обѣдали; за обѣдомъ присутствовала одна француженка, м-мъ Люлье. Послѣ обѣда гуляли по саду, который хорошъ, но ничего необыкновеннаго собою не представлетъ.

Уѣхали мы въ семь часовъ вечера, обильно снабженные всякаго рода провизіей. Между прочимъ графиня велѣла намъ дать нѣчто вродѣ желѣзной корзины на палкѣ; въ эту корзину кладутся еловыя или сосновыя лучинки и зажигаются ночью, вмѣсто фонаря. Мѣстные крестьяне освѣщаютъ такими лучинками свои дома.

Съ 30-го по 31-ое включительно.

Проѣхавъ ночью черезъ Куремицу и другіе городки, похожіе на тѣ, которые встрѣчались намъ передъ Варшавой, въ одиннадцать часовъ утра пріѣхали мы въ Гродно Этотъ городъ когда-то, какъ мнѣ говорили, очень богатый, теперь точно разрушенъ непріятелемъ. Онъ уступами поднимается Нѣманомъ, который течетъ внизу. У дома, занятаго маркизомъ, оказался почетный караулъ, присланный литовскимъ подскарбіемъ (trésorier), графомъ Тизенгаузомъ, который здѣсь командуетъ. Вскорѣ и самъ онъ явился пригласить насъ къ обѣду. Этотъ магнатъ очень красивъ, образованъ и обладаетъ живымъ воображеніемъ. Онъ насъ угостилъ очень обильнымъ, но плохимъ обѣдомъ; вино тоже было плохо. За обѣдомъ было много гостей, одѣтыхъ по польски, что производитъ довольно внушительное впечатлѣніе. Послѣ обѣда мы слушали домашній оркестръ хозяина, очень хорошій. Были также пѣвцы и пѣли по итальянски. Всего интереснѣе то, что эти пѣвцы и музыканты суть рабы, которыхъ учили съ раннихъ лѣтъ и успѣли научить всему, что дается человѣку, не обладающему особой геніальностью. Затѣмъ хозяинъ, гордившійся своимъ хозяйствомъ, показалъ намъ устроенныя имъ фабрики различныхъ тканей, суконъ, бархата, парчи, кружевъ, а также экипажей разнаго рода. Во главѣ этихъ фабрикъ стоятъ три француза. Но я не думаю, чтобы эти фабрики оправдывали свое назначеніе и приносили какую-нибудь пользу: устроены они плохо, издержекъ требуютъ громадныхъ, доходъ приносятъ не большой, такъ что только однимъ чванствомъ можно объяснить ихъ существованіе. При осмотрѣ хозяйства гр. Тизенгауза, я не могъ не смѣяться надъ Розуа, который ежеминутно приходилъ въ восторгъ и сыпалъ техническими словами, за неимѣніемъ настоящихъ техническихъ знаній. Его всѣ называли „господиномъ секретаремъ“, что заставляло его пыжиться и пить какъ заправскій полякъ, вызывая этимъ похвалы со стороны послѣднихъ. Кончилось это, однакожъ, не очень красиво, такъ какъ пьяный Розуа поссорился съ Пюнсегюромъ, пославшимъ его къ чорту. А затѣмъ онъ поссорился и съ аббатомъ, такъ

что присутствующіе поляки говорили: „Однако г. секретарь не особенно вѣжливъ, для француза“.

Выѣхали мы изъ Гродно въ семь часовъ, на лошадяхъ Тизенгауза и съ его конюхомъ, что заставило маркиза ворчать, такъ какъ ему пришлось давать на водку, „ни за что ни про что“, какъ говорилъ маркизъ. Послѣдній и тутъ, впрочемъ, выгадалъ, такъ какъ заплатилъ меньше, чѣмъ стоила-бы почта. Согласно обычаю, мы ѣхали всѣ ночь, причемъ выдержали сильную грозу.

Съ 1-го по 7-е августа.

Обѣдали мы на фермѣ Тизенгауза, на берегу Нѣмана. Оттуда проѣхали черезъ Новогрудокъ, Корелице и Миръ. Страна довольно красивая; большія равнины, покрытыя прекрасными нивами. Несчастный Розуа, благодаря которому мы ѣдемъ на Смоленскъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Петербургъ, чего мы хотѣли, подвергается теперь всеобщимъ насмѣшкамъ. Но за то онъ ухаживаетъ за маркизомъ, которому это нравится. Въ Мирѣ у меня съ нимъ произошла стычка, кончившаяся любезнымъ предложеніемъ съ моей стороны попробовать моей палки. Не вмѣшайся пасторъ, такъ онъ бы ее и попробовалъ.

Изъ Мира мы пріѣхали въ Минскъ, гдѣ я встрѣтилъ очень хорошенькихъ дѣвушекъ, которыхъ очень смѣшилъ и которыя вознаградили меня за дорожную скуку. Изъ Минска я поѣхалъ въ одной кибиткѣ съ Пюнсегюромъ, который также, какъ и я, недоволенъ маркизомъ и прямо мнѣ это высказалъ. Дорогой сломалась у насъ ось, исправленіе которой задержало насъ на нѣсколько часовъ въ одной деревушкѣ. Ѣхавши затѣмъ день и ночь, мы 6-го числа прибыли въ Толочинъ (Tolotzin), первый русскій городъ со стороны Польши. Тутъ состоялся таможенный осмотръ болѣе поверхностный, чѣмъ мы ожидали. Надо замѣтить, что, въ виду этого ожиданія, мой лакей (Гарри, занимавшійся торговлей) просилъ меня принять на свой счетъ нѣкоторые товары, которые онъ везъ съ собою. Я безпрекословно согласился и взялъ болѣе, чѣмъ на пять тысячъ ливровъ разныхъ вещей, но эта предосторожность оказалась ненужной — насъ почти не осматривали.

Замѣчу по этому поводу, что мы съ маркизомъ Жюинье держались различныхъ принциповъ въ отношеніяхъ къ прислугѣ. Маркизъ думалъ, что она не должна наживаться, пользуясь его положеніемъ, что конечно очень стѣсняло его лакеевъ. А я думалъ наоборотъ, что мы должны содѣйствовать ихъ обогащенію, насколько это совмѣстно съ порядочностью. Но мы не въ одномъ этомъ расходимся съ маркизомъ; чѣмъ болѣе я изучаю этого человѣка, тѣмъ менѣе его понимаю. Поведеніе его кажется мнѣ непослѣдовательнымъ. Онъ, напримѣръ, сочувствуетъ принципу свободы торговли и въ то же время одобряетъ таможенную систему и ввозныя пошлины. Въ Мирѣ мы, по этому поводу, вели споръ. Маркизъ не любитъ политическихъ споровъ. Мнѣ кажется, что онъ вообще о многомъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а придерживается чужихъ, которыя часто противорѣчатъ его инстинктамъ. Его Превосходительство — человѣкъ довольно таки ограниченный.

Изъ Толочина, переправившись черезъ Днѣпръ, мы поѣхали далѣе. Страна здѣсь гораздо лучше той, которую мы только что покинули. Со всѣхъ сторонъ видны плодородныя и покрытыя всѣми родами хлѣбовъ пашни. Это — одна изъ лучшихъ провинцій Польши, потому то ее и отняли.

Вторникъ 8.

Въ Смоленскъ мы прибыли въ три часа пополудни, при громѣ пушекъ. Маркизу приготовлено помѣщеніе, у воротъ котораго выставленъ почетный караулъ по крайней мѣрѣ въ 45 человѣкъ. Губернаторъ тотчасъ же явился къ намъ съ визитомъ, который мы ему отдали. Маркизъ согласился здѣсь переночевать, но насъ положили спать на сѣнѣ съ червями. Начали мы съ плохого обѣда, окрашеннаго только хорошимъ аппетитомъ, а затѣмъ Комбсъ, Пюнсегюръ и я пошли осматривать городъ. Онъ представляетъ собою группу

деревянныхъ домиковъ съ садиками и окруженъ глубокимъ, сухимъ рвомъ, черезъ который проложенъ деревянный мостъ. Посреднинѣ города находится огромная площадь, служащая мѣстомъ для прогулокъ. Съ этой площади мы пошли въ одну улицу, съ которой слышалась музыка, и когда остановились передъ тѣмъ домомъ, гдѣ она играла, то хозяинъ попросилъ насъ зайти и принять участіе въ танцахъ. Балъ былъ во всемъ разгарѣ. Я тамъ встрѣтилъ очень хорошенькую женщину, съ которой много говорилъ. Уходя я далъ себѣ слово разыскать ее зимою, въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ 9 по 12.

Изъ Смоленска мы выѣхали въ пять часовъ утра, тоже подъ громъ пушекъ—честь, которая оказывается обыкновенно посламъ, но не вредитъ и посланникамъ. Во всякомъ случаѣ она доказываетъ вѣжливость обывателей Смоленска и служитъ для насъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

Три послѣдніе дня мы ѣхали не останавливаясь и ничего необыкновеннаго не произошло. Страна теперь опять стала похуже, много необработанныхъ земель, мало селеній и домовъ. Да и холодъ начинаетъ быть чувствительнымъ—видно, что мы подвигаемся къ сѣверу.

Съ 12 по 26.

Въ Москву мы пріѣхали въ 10½ часовъ вечера, сдѣлавъ громадный кругъ по этому дьявольски—большому городу, который при лунномъ свѣтѣ, показался мнѣ чрезвычайно безобразнымъ. Сомнѣваюсь, чтобъ и днемъ онъ былъ красивѣе.

Пріемъ, оказанный намъ г. Дюраномъ [1]), былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Я полагаю, что Дюрану надоѣло ждать маркиза, а такъ какъ послѣдній и самъ не былъ ни любезенъ, ни разговорчивъ, то двумъ нашимъ министрамъ, черезъ четверть часа, не объ чемъ было больше и разговаривать. Хорошо, что ужинъ выручилъ ихъ изъ затрудненія и пришелъ на помощь нашему отчаянному голоду. По окончаніи ужина, заговорили о снѣ и мы съ Пюнсегюромъ были очень удивлены, узнавъ, что намъ отведено помѣщеніе верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома, занимаемаго начальствомъ. Карета, однакожъ, была готова, и люди г. Дюрана проводили насъ въ какой-то не то кабакъ, не то вертепъ, въ которомъ не оказалось ни одной кровати. Нѣкій Дофинэ, содержатель этого трактира, далъ намъ изъ милости матрасы, на одномъ изъ которыхъ я и растянулся не раздѣваясь. Положимъ, я былъ привыченъ спать такимъ образомъ,, но все же не ожидалъ отъ маркиза такой забывчивости. Было бы нѣсколько вѣжливѣе съ его стороны позаботиться о нашихъ нуждахъ или хоть предупредить насъ заранѣе. Въ этомъ и заключается настоящая вѣжливость, а не въ томъ, чтобы пропускать васъ первымъ въ дверь, что маркизъ постоянно дѣлаетъ. А когда заговоришь о кровати, то онъ весьма тонко замѣчаетъ, что „въ арміи еще хуже бываетъ“.

Съ пріѣзда сюда, у меня не было времени хорошенько анализировать различныхъ лицъ, съ которыми я познакомился. Первый изъ нихъ г. Дюранъ. Онъ мнѣ показался тонкимъ наблюдателемъ, съ перваго взгляда оцѣнивающимъ людей, и я сильно ошибаюсь, если онъ не успѣлъ уже оцѣнить нашего маркиза. Секретарь его, Мальво, не глупъ, и подъ холодной, вѣжливой внѣшностью скрываетъ свое тщеславіе и желаніе быть тонкимъ; но мнѣ не нравится фатовской оттѣнокъ всѣхъ его рѣчей. Онъ претендуетъ на званіе секретаря посольства, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. За обѣдомъ я видѣлъ нѣкоего князя Одоевскаго, который, какъ большинство русскихъ, отличается оффиціальной вѣжливостью; въ сущности это пустой, фальшивый и не пользующійся уваженіемъ человѣкъ. Онъ—хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Дюранъ и будетъ жить маркизъ де-Жюинье.

Приходилъ Ролэнъ, французъ, гу-

[1]) *Французскій* посолъ. Дворъ и дипломатическій корпусъ были тогда въ Москвѣ.

вернеръ пажей, хотя и не говоритъ по-русски. Это—добрый и забавный малый, игрокъ и болтунъ. Говорятъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію искать мѣсто повара; проживъ тридцать лѣтъ, онъ, должно быть, умѣлъ себя вести и порядочно нажиться: большого богатства не нажилъ, но пользуется достаткомъ и ведетъ пріятную жизнь.

Первымъ иностраннымъ посланникомъ, котораго я видѣлъ, былъ графъ Сольмсъ [1]). Съ виду холодный и простодушный, онъ однакожъ очень хитеръ; за пятнадцать лѣтъ пребыванія въ Россіи онъ научился русскому языку, что даетъ ему возможность выходить въ различные кружки. Онъ—кавалеръ прусскаго ордена Чернаго Орла и русскаго—Александра Невскаго.

Очаровательный человѣкъ, который не долго здѣсь останется, это великій гетманъ, графъ Браницкій [2]). Удивительно любезенъ; говоритъ о женщинахъ, о дѣлахъ, объ удовольствіяхъ, какъ настоящій французъ, и при томъ свѣтскій человѣкъ. Это одинъ изъ тѣхъ милыхъ прожигателей жизни (roués), которыхъ всѣ такъ любятъ! Графъ Браницкій пріѣхалъ сюда по дѣламъ [3]) и я увѣренъ, что онъ ихъ успѣшно кончитъ: такіе люди какъ будто созданы для этой страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Есть комическая опера, не особенно важная, хотя театральный залъ хорошъ. Я тамъ видѣлъ *Юлію*, съигранную довольно плохо. Есть талантливый актеръ, по имени Дюгэ, также какъ и актриса м-мъ Дефуа, съ которой онъ живетъ. Прежде они играли въ Брюсселѣ. А помимо ихъ двухъ, талантливыхъ актеровъ мало. Тоже можно сказать и о m-me Pincemaille, которая, однакоже, высока, молода и красива.

На другой или на третій день было гулянья въ Вокзалѣ, на которомъ я присутствовалъ. Вокзалъ, это большой садъ, принадлежащій какому-то магнату и отдаваемый имъ внаймы антрепренеру гуляній. Садъ кончается прудомъ, около котораго играетъ музыка. Кромѣ того въ отдѣльныхъ боскетахъ помѣщены маленькіе оркестры, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ духовыхъ инструментовъ, дающихъ только одинъ тонъ. Выходитъ нѣчто въ родѣ плохого органа, напоминающаго музыку савойяровъ на парижскихъ улицахъ. По вечерамъ садъ освѣщался фонариками, а въ большомъ залѣ танцуютъ и играютъ въ карты. Входъ стоитъ рубль и гулянье продолжается до двухъ часовъ ночи.

Познакомился я съ графомъ Ляссп, испанскимъ посланникомъ, человѣкомъ очень умнымъ и обладающимъ благородной осанкой. Въ воскресенье я у него обѣдалъ, а послѣ обѣда мы смотрѣли ученье гусарскаго полка, состоящаго подъ командой Потемкина. Лошади въ этомъ полку всѣ съ Украйны, маленькія, но сильныя и быстрыя. Въ общемъ полкъ продѣлывалъ маневры хорошо.

Есть здѣсь нѣкто шевалье де-Порталисъ, провансалецъ; онъ ко мнѣ заходилъ, но не засталъ дома. Не знаю, кто это такой.

Мелочность маркиза де-Ж. все растетъ и растетъ. Даже въ разговорахъ она проглядываетъ, и такъ какъ онъ скрывать ничего не умѣетъ, то всѣ видятъ его недостатки. Мнѣ и Пюнсегюру онъ не даетъ ни мебели, ни постелей. Правда онъ не обязанъ дѣлать это, но вѣдь нужно же быть вѣжливымъ. Что касается меня, то посмотримъ, какія условія онъ мнѣ предложитъ. Кстати онъ нашелъ средство уменьшить расходы—каретный ящикъ будетъ служить намъ для храненія шифра. Одной шкатулкой меньше, и маркизъ въ восторгѣ! Я помню, что онъ какъ-то разъ высказалъ, въ видѣ общаго правила, что „въ хозяйствѣ нѣтъ пустяковъ". Къ несчастію, это правило давно извѣстно. Я былъ очень удивленъ, когда Мальво мнѣ сказалъ, что маркизу не повезетъ въ этой странѣ, что здѣсь уже знаютъ о промахахъ, сдѣланныхъ имъ въ Польшѣ, о

[1]) Прусскій посланникъ.

[2]) Франциско-Ксаверій, впослѣдствіи женившійся на племянницѣ Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, и окончательно продавшійся Россіи.

[3]) Просить отозванія русскаго посла въ Варшавѣ, Штакельберга.

нашемъ представленіи королю и о поведеніи маркиза въ разговорѣ съ послѣднимъ. Я былъ удивленъ, откуда они знаютъ такія подробности, но оказалось очень просто: въ одномъ здѣшнемъ домѣ, должно быть у графа Браницкаго или у князя Адама Чарторижскаго, за обѣдомъ кто-то разсказалъ, что Штакельбергъ видѣлъ въ Варшавѣ французскачо посланника, и что это „человѣкъ невѣжественный, однимъ словомъ дуракъ". Вотъ какъ оцѣнили человѣка еще до его прибытія; измѣнится ли эта оцѣнка теперь?

Вотъ уже нѣсколько дней какъ насъ съ Пюнсегюромъ помѣстили рядомъ съ посольствомъ, въ трехъ комнаткахъ, которыя маркизъ нанялъ для насъ до отъѣзда г. Дюрана. У меня было на этой квартирѣ довольно забавное приключеніе. По одной со мною лѣстницѣ жила тамъ хорошенькая молодая женщина, знакомая домовладѣльца. Я сталъ ее преслѣдовать, когда она поднималась или спускалась по лѣстницѣ, но такъ какъ мы говорили на разныхъ языкахъ и другъ друга не понимали, то столковаться было довольно трудно. Глаза ея, однакожъ, доказывали, что она меня понимаетъ. Вслѣдствіе этого, я однажды попробовалъ пожать ея ручку, а потомъ, видя, что могу объясниться только жестами, сталъ ихъ разнообразить. Приходилось, однакожъ, быть осторожнымъ, чтобы не погубить всего дѣла, такъ какъ мы были окружены аргусами. Образецъ моихъ дѣйствій, очевидно, понравился моей сосѣдкѣ. При слѣдующей встрѣчѣ я уже поцѣловалъ ее довольно выразительно; она отнеслась къ этому, какъ настоящая француженка, почему я и послѣдовалъ за нею въ ея комнату. Тамъ, конечно, начались новыя объятія, но дальше я идти не посмѣлъ, боясь, чтобы насъ не захватили. Пришлось изъ благоразумія разстаться. Я уже думалъ, что на этотъ день ничего не предстоитъ новаго, и вечеромъ, раздѣваясь, сталъ придумывать планъ на завтрашній день, какъ вдругъ слышу, что кто-то босыми ногами спускается съ лѣсницы, отворяю дверь и вижу мою сосѣдку... Это приключеніе продолжалось два дня, а затѣмъ моя нимфа уѣхала въ деревню, оставивъ меня вдовцомъ, не знающимъ даже кто она такая. Впослѣдствіи, я узналъ, что это была жена какого-то офицера.

Суббота, 26.

Маркизъ былъ представленъ Императрицѣ въ ея кабинетѣ, а насъ она въ этотъ день принять не захотѣла. Послѣ обѣда Пюнсегюръ, Комбсъ и я были въ Воспитательномъ Домѣ. Царствующій тамъ порядокъ, выкармливаніе дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть это учрежденіе подробно.

Воскресенье, 27.

Маркизъ далъ мнѣ прошифровать депешу, послѣднюю отъ имени г. Дюрана; она датирована 28 числомъ.

Вечеромъ я гулялъ въ городскомъ саду; онъ недуренъ. Единственная аллея, по которой гуляютъ, не широка; налѣво отъ нея — прудъ, къ которому спускаются по лѣстницѣ. Нижняя часть сада устроена на англійскій манеръ, что дѣлаетъ ее разнообразной и красивой. Все время прогулки было у меня занято разговоромъ съ шевалье де-Порталисъ; онъ ожидалъ, что графъ де-Верженъ *) напишетъ объ немъ маркизу. Я узналъ, наконецъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Сначала онъ служилъ подпоручикомъ въ Турэнскомъ полку и вышелъ оттуда, надѣясь получить роту въ одномъ изъ колоніальныхъ полковъ, что ему было обѣщано. Между тѣмъ имущественныя дѣла заставили его отправиться на Мартинику или въ Санъ-Доминго, а по возвращеніи оттуда въ 1774 г. онъ уже опоздалъ получить назначеніе, да кстати еще влюбился въ жену Ивана Чернышева, за которой и послѣдовалъ въ Россію. Проживъ здѣсь пять недѣль и не имѣя рекомендательнаго письма къ Дюрану, онъ былъ у послѣдняго только одинъ разъ

*) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

и остался недоволенъ холоднымъ пріемомъ. Онъ желалъ бы сойтись поближе съ маркизомъ и быть представленнымъ Императрицѣ. Сомнѣваюсь, чтобы ему это скоро удалось.

Среда, 30.

Маркизъ далъ мнѣ прошифровать депешу. Это была первая наша депеша, хотя и носила № 2, потому что Жюинье еще раньше писалъ министру письмо, увѣдомлявшее о нашемъ прибытіи въ Москву. Переписывалъ это письмо Мальво, причемъ возникъ вопросъ, долженъ ли маркизъ, въ своихъ письмахъ къ министру, титуловать послѣдняго *Monseigneur*'омъ, какъ это дѣлалъ Дюранъ? На это я сталъ представлять маркизу, что его положеніе значительно рознится отъ положенія Дюрана, что вообще министровъ не принято такъ титуловать, и что де-Веракъ не давалъ этого титула даже герцогу д'Эгильону, предшественнику де-Вержена. Но маркизъ сказалъ, что существуетъ правило, по которому только одни полномочные послы имѣютъ право не давать министру такого титула. Я не сталъ спорить, но боюсь, что надъ маркизомъ будутъ смѣяться, какъ въ канцеляріи, такъ и повсюду, гдѣ про это узнаютъ.

Четвергъ, 31.

Ночью Дюранъ уѣзжаетъ и потому я спѣшу отправить съ нимъ письма къ отцу, къ матери, къ брату, которому посылаю шифръ, къ сестрамъ и ко многимъ знакомымъ.

Дюранъ заходилъ ко мнѣ сегодня утромъ на минутку и сказалъ, что, при моемъ стремленіи учиться, здѣсь я научусь многому. Кромѣ того онъ обѣщалъ сообщить министру о впечатлѣніи, которое я на него произвелъ.

Суббота, 2 сентября.

Де-Порталисъ сообщилъ мнѣ, что на нашихъ лакеевъ жалуются, что они поколотили полицейскихъ и дали убѣжище человѣку, арестованному за долги. Скажу объ этомъ маркизу. За ужиномъ былъ новый французскій консулъ, надъ которымъ всѣ смѣялись. Это нѣкій Лессепсъ *), который прежде былъ въ Гамбургѣ. За отсутствіемъ ума, онъ легко поддается насмѣшкѣ, а здѣсь этимъ умѣютъ пользоваться.

Воскресенье, 3.

Я обѣдалъ у князя Степана Куракина. Мы были приняты просто и любезно. Этимъ талантомъ русскіе обладаютъ въ совершенствѣ, а кромѣ того они больше, чѣмъ кто-либо стараются подражать намъ въ манерахъ. Возвращаясь, мы прошли черезъ садъ, гдѣ было много красивыхъ женщинъ и между прочимъ дѣвица Корсакова, красота которой меня прямо поразила. Пюнсегюръ остался гулять съ г-жей Шуваловой **), а мы съ Порталисомъ вернулись домой!

Суббота, 9.

Сегодня мы съ маркизомъ являлись ко Двору, по настоянію Пюнсегюра и противно моему совѣту, такъ какъ я хотѣлъ подождать приглашенія. И лучше бы было подождать, такъ какъ намъ отказали въ пріемѣ.

Шевалье де-Порталисъ отъ меня не отходитъ. Онъ желаетъ, чтобы я уговорилъ маркиза представить его Императрицѣ, но маркизъ не хочетъ и по причинамъ весьма основательнымъ. Многіе купцы, на которыхъ Порталисъ ссылается, приходили къ маркизу справляться, кто онъ такой, и говорили, что онъ имъ долженъ, а Порталисъ говоритъ, что онъ не занималъ ни у кого, кромѣ негоціанта Грелэна.

Воскресенье, 10.

Въ полдень мы, Пюнсегюръ и я, были представлены Ея Величеству вице-канцлеромъ, графомъ Остерма-

*) Мартинъ, прадѣдъ строителя Суэзскаго канала.

**) Женой каммергера и сенатора Андрея Петровича.

номъ 1), причемъ цѣловали ея руку. Императрица возвращалась изъ церкви, гдѣ слушала обѣдню въ честь орденскаго праздника Александра Невскаго. Эта государыня очень величественна, на лицѣ ея написаны благородство, доброта [2]) и любезность.

Теперешній дворецъ, недавно выстроенный, представляетъ собою совокупность многихъ отдѣльныхъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ, весьма искусно соединенныхъ. Входъ украшенъ колоннами; за прихожей слѣдуетъ большой залъ, а за нимъ—другой, гдѣ Ея Величество принимаетъ иностранныхъ пословъ. Затѣмъ слѣдуетъ залъ, еще большій, занимающій всю ширину зданія и раздѣленный колоннами на двѣ части: въ одной—танцуютъ, въ другой—играютъ въ карты.

Маркизъ представилъ насъ графинѣ Румянцовой [3]), матери знаменитаго фельдмаршала, которая въ восемьдесять лѣтъ пользуется цвѣтущей старостью, радуясь успѣхамъ своего сына и внука [4]). Мы были представлены также двумъ графинямъ Чернышевымъ (женамъ Ивана и Захара), мужу послѣдней изъ нихъ, и всѣмъ фрейлинамъ [5]).

Затѣмъ мы присутствовали при орденскомъ обѣдѣ въ тронной залѣ, причемъ Императрица и всѣ участвовавшіе были въ костюмахъ, присвоенныхъ ордену—зрѣлище очень внушительное. За обѣдомъ играла музыка и превосходно пѣлъ одинъ кастратъ.

Обѣдали мы у графа Ляссп. Какъ только я вошелъ, хозяинъ отвелъ меня въ сторону, чтобы сообщить, что онъ получилъ письмо отъ де-Вержена, въ которомъ министръ говоритъ обо мнѣ съ большимъ интересомъ. Къ этому Ляссп прибавилъ, что я могу распоряжаться его домомъ какъ своимъ собственнымъ и что онъ готовъ мнѣ служить чѣмъ можетъ. Это мнѣ доставило большое удовольствіе, такъ какъ Ляссп самый лучшій изъ здѣшнихъ представителей дипломатическаго корпуса и я именно имѣлъ въ виду сойтись съ нимъ. Онъ обладаетъ благородной внѣшностью, умомъ, непринужденностью въ обращеніи и весьма вѣжливъ.

Императрица его очень любитъ.

Послѣ обѣда мы представлялись наслѣднику и его супругѣ [1]). Великій князь малъ ростомъ и худъ, но весьма недуренъ. Фигура у него дѣтская, а манера держаться такая, какая бываетъ у очень молодыхъ людей, не отвыкшихъ еще слушаться совѣтовъ своего учителя танцевъ. Великая княгиня не показывалась, потому что ей сего, изъ предосторожности, пускали кр… она беременна.

Балъ начался по прибытіи Императрицы; открылъ его великій князь. Ея Величество, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на танцующихъ, сѣла играть въ карты. Между прочимъ она тутъ же обручила дѣвицу Волконскую [2]) съ княземъ Голицынымъ. Церемонія обрученія состоитъ въ томъ, что женихъ съ невѣстой мѣняются кольцами, причемъ Императрица сама снимаетъ и надѣваетъ послѣднія на ихъ пальцы. Я танцовалъ съ очень хорошенькими фрейлинами, Бибиковой [3]) и Бутурлиной. Онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ 12—15 фрейлинъ, которыя живутъ при дворѣ и содержатся въ большой строгости, съ тѣхъ поръ

---

[1]) Иванъ Андреевичъ, сынъ канцлера Императрицы Анны.

[2]) Позднѣе, въ депешѣ 9 Апр. 1778 г. Корберонъ говоритъ объ Императрицѣ слѣдующее: «Екатерина II, болѣе умная женщина, чѣмъ великая правительница, поняла духъ народа, которымъ правитъ. Эта удивительная личность, являющаяся то законодательницей, то завоевательницей, но всегда женщиной, представляетъ собою неслыханную и странную смѣсь твердости и слабости, рѣшительности и нерѣшительности. Проходя, поочередно, черезъ самыя противуположныя крайности, она представляется наблюдателю съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ что онъ, сбитый съ толку, принужденъ бываетъ признать ее скорѣе великой актрисой, чѣмъ великой государыней».

[3]) Жена Александра Ивановича, бывшая фаворитка Петра I.

[4]) Николай Петровичъ, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Александра I.

[5]) Которыхъ авторъ вездѣ называетъ frles. *(Прим. перев.)*.

---

[1]) Натальѣ Алексѣевнѣ, первой женѣ Павла Петровича.

[2]) Дочь московскаго губернатора.

[3]) Дочь Александра Бибикова, предсѣдателя комиссіи составленія законовъ.

какъ одна изъ нихъ забеременила отъ англійскаго посланника. Вообще фрейлины получаютъ по 2000 р. въ годъ, а при выходѣ замужъ 20000 приданаго. Кромѣ фрейлинъ, при дворѣ есть еще статсъ-дамы; онѣ замужнія и носятъ на груди портретъ Императрицы, а фрейлины—шифръ. Эти знаки достоинства даются имъ на всю жизнь.

Понедѣльникъ, 11.

День отправки депешъ; я шифровалъ одну. Маркизъ обѣдалъ у графа Ляссн, гдѣ долженъ былъ быть и Иванъ Чернышевъ, но Императрица оставила его обѣдать у себя. Онъ входитъ въ милость и, по слухамъ, можетъ замѣнить Панина. У насъ обѣдалъ Мартинъ, при которомъ Розуа устроилъ сцену Фортэну и Сенъ-Полю, очень надъ нимъ насмѣхавшимся. Я забылъ упомянуть объ этихъ господахъ, въ общемъ они добрые и милые люди, но Фортэнъ немножко вѣтренъ. Сенъ-Поль былъ сокретаремъ при шевалье д'Эгремонъ *), въ Германіи и де-Верженъ рекомендовалъ его маркизу.

Послѣ обѣда мы дѣлали визиты Потемкину, графинѣ Румянцевой и проч. Затѣмъ маркизъ и Пюнсегюръ отправились въ Вокзалъ, а я вернулся домой, легъ въ постель и съ удовольствіемъ читалъ письмо Клемана къ Вольтеру. Ложась я слышалъ, какъ Розуа поетъ и хохочетъ съ тѣми самыми господами, которые смѣялись надъ нимъ за обѣдомъ. Чѣмъ больше я на него смотрю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его низости и іезуитизмѣ.

Вторникъ, 12.

День сценъ и переворотовъ. Утромъ я былъ у маркиза для того, чтобы поговорить о предполагаемой чахоткѣ у моего каммердинера, вслѣдствіе которой послѣднему воспрещенъ входъ въ посольство, что его, конечно, очень огорчаетъ, такъ какъ непріятно же считаться зараженнымъ. Маркизъ отвѣчалъ, что ему дѣйствительно противно видѣть моего лакея, потому что Розуа считаетъ его больнымъ. Я воспользовался упоминаніемъ о Розуа и сообщилъ маркизу, что онъ то именно и виноватъ во всемъ, такъ какъ изобрѣлъ болѣзнь моего лакея изъ мести, въ чемъ самъ сознавался управляющему Дюрана, говоря, что намѣренъ мстить этимъ своимъ спутникамъ. Для того, чтобы установить этотъ фактъ окончательно, я просилъ маркиза пригласить Розуа, и я при немъ повторю свои обвиненія. Маркизъ не согласился. Тогда я сталъ описывать ему этого человѣка какъ низкаго, фальшиваго, безхарактернаго шпіона, лишеннаго всякаго образованія и пользовавшагося техническими выраженіями, чтобы пускать ими пыль въ глаза и проч. и проч. Этотъ длинный обвинительный актъ, подкрѣпленный фактическими доказательствами, не понравился маркизу.

Онъ слушалъ меня съ видимой досадою и я долженъ былъ уйти, сказавъ на прощанье, что желалъ бы ему убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, но на это не разсчитываю и очень жалѣю, что человѣкъ, всѣми презираемый, пользуется его довѣріемъ. Розуа входилъ во время этого разговора, но маркизъ его выслалъ, не смотря на мои просьбы. Выйдя отъ маркиза, я засталъ Розуа въ залѣ, и сказалъ ему, что желалъ бы имѣть его свидѣтелемъ моего разговора съ посланникомъ и прошу вѣрить, что все мною сказанное послѣднему готовъ повторить, когда угодно.

Два часа спустя, у Розуа вышла схватка съ Фортэномъ, который схватилъ его за горло и чуть было не задушилъ. По окончаніи обѣда они оба вышли какъ бы для того, чтобы драться на дуэли, но Розуа, будучи вдобавокъ ко всѣмъ своимъ достоинствамъ еще и трусомъ, убѣжалъ.

Фортэнъ потомъ жаловался на Розуа маркизу; аббатъ и Сенъ-Поль были призваны въ свидѣтели и, послѣ долгаго разбирательства маркизъ рѣшилъ отослать и Розуа и Фортэна, о чемъ вечеромъ мнѣ и сообщилъ. Жаль бѣднаго Фортэна, но Розуа давно слѣдовало бы прогнать.

*) Посланникъ при ландграфѣ Гессенъ-Кассельскомъ и *электорѣ Трирскомъ.*

Воскресенье, 14.

Мы были при дворѣ; видѣлъ Алексѣя Орлова, покорителя Крыма. Очень красивый человѣкъ, напоминающій бога Марса: физіономія его столь-же благородна, сколь пріятна.

Обѣдали по обыкновенію у Ляссы. Тамъ я видѣлъ г. Нормандеца[1]), секретаря посольства, только позавчера вернувшагося въ Петербургъ. Это очень милый малый, простой и любезный. Онъ разсказывалъ о неудачѣ, постигшей Фальконэ[2]) при литьѣ статуи Петра I. Не согласившись поручить это литье страссбургскому литейщику, Фальконэ взялся отлить самъ, и хотя употребилъ на это четырьмя тысячами ливровъ металла больше, чѣмъ считалъ нужнымъ, но голова статуи все-таки не вышла. Говорятъ, растопленная масса вытекала черезъ какую-то незамѣченную щель въ воронкѣ. Фальконэ и многіе изъ присутствовавшихъ были слегка обожжены; но онъ и безъ того, я думаю, чувствовалъ себя плохо благодаря этой неудачѣ. Полагаютъ, впрочемъ, что голову можно будетъ придѣлать послѣ. А другіе говорили, что не только голова Петра не вышла, но также и голова лошади. Теперь это еще трудно знать навѣрное.

Среда, 20.

Сегодня утромъ Порталисъ пришелъ звать меня гулять. Мы вышли въ четверть девятаго и прошли до какого-то монастыря за городомъ. Погода была удивительная—сухо и прохладно, какъ у насъ во Франціи, въ началѣ ноября. Дорогою мы говорили о здѣшнемъ обществѣ. Порталисъ, совершенно справедливо, считаетъ его неустановившимся и вмѣстѣ съ тѣмъ надоѣдливо требовательнымъ; у Шуваловыхъ, напримѣръ, надо или бывать всякій день, или ужъ поссориться. Затѣмъ Порталисъ разсказывалъ мнѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и о стычкахъ въ Америкѣ съ графомъ Гамильтономъ и нѣкіимъ Калльеръ-де-ля-Туромъ, которые, нося мундиръ, занимались торговлею. Онъ дрался съ обоими и писалъ объ этомъ въ иностранныхъ газетахъ, въ январѣ 1774 г. Потомъ онъ разсказывалъ о русскомъ врачѣ Соболинскимъ (Sobolinski), очень хорошимъ натуралистомъ, съ которымъ встрѣтился въ Любекѣ.

Между прочимъ, Порталисъ сообщилъ, что здѣсь есть одна дама или дѣвица, желающая попасть на содержаніе къ маркизу(!). Онъ обѣщаетъ свести меня къ ней и къ другимъ(!!), но одного, потому что Пюнсегюра онъ считаетъ слишкомъ гордымъ.

Больше ничего интереснаго не произошло. За ужиномъ былъ у насъ баронъ Нолькенъ.

Съ 24 по 29.

Въ половинѣ четвертаго мы выѣхали въ Ярославль, за 280 верстъ отъ Москвы. Я не описываю этого путешествія, которому велъ особый дневникъ[1]).

Воскресенье, 1 октября.

Сегодня большой балъ при дворѣ по поводу рожденія Наслѣдника. Императрица, однакожъ, не выходила, она нездорова. Я не танцовалъ и ушелъ раньше конца бала.

Вторникъ, 3.

День коронаціи. Опять большой балъ и опять Императрица на немъ не присутствовала по нездоровью. У нея лихорадка. Обѣдали мы у вице-канцлера графа Остермана. Вечеромъ, на балу, маркизъ игралъ въ карты съ великой княгиней, потомъ былъ ужинъ.

Пятница, 6.

Маркизъ катался верхомъ съ Ляссы и обѣдалъ у него, а вернувшись сказалъ, что мой ярославскій дневникъ очень нравится всѣмъ, кромѣ барона Нолькена (Nolken) [2]), который хотя и

---

[1]) Впослѣдствіи былъ испанскимъ посломъ въ Россіи, а потомъ сошелъ съ ума.

[2]) *Французскій* скульпторъ, строившій памятникъ *Петру I.*

[1]) Къ сожалѣнію этотъ дневникъ, кажется, потерянъ.

[2]) Шведскаго посланника.

хвалилъ этотъ дневникъ, но замѣтилъ, что ему было-бы пріятнѣе, еслибъ тамъ не упоминалось объ немъ. Никто, впрочемъ, не нашелъ въ этомъ упоминаніи ничего обиднаго.

Маркизъ совѣтовалъ мнѣ повидаться съ Ляси, что я тотчасъ же сдѣлалъ. Ляси прекрасно меня принялъ и очень смѣялся надъ огорченіемъ барона Нолькена, которому не совѣтовалъ ничего говорить по этому поводу, надѣясь, что обида пройдетъ сама собой. Меня это положительно разсердило: неужели нельзя пошутить, чтобы шутку сейчасъ же не приняли въ серьезъ и не заподозрили въ васъ желаніе написать эпиграмму? Я уже дорогою составилъ себѣ мнѣніе объ Нолькенѣ; онъ слабохарактеренъ, мелоченъ и подозрителенъ. Теперь это мнѣніе подтвердилось

Воскресенье, 8.

Утромъ—большой выходъ при дворѣ и цѣлованіе руки Императрицы. Вечеромъ—музыка и карточная игра. Маркизъ игралъ съ Императрицей.

Пюисегюръ, по его словамъ, боится влюбиться въ маленькую Нелединскую, жену каммергера, потому что въ нее до сумасшествія влюбленъ графъ Андрей Разумовскій [1]). Такая рыцарская заботливость о соперникѣ пахнетъ, по моему, фатовствомъ; поэтому я порядочно таки надъ нимъ посмѣялся—слишкомъ ужъ много претензій у голубчика.

Понедѣльникъ, 9.

Маркизъ вмѣстѣ Ляси и графомъ Сольмомъ уѣхалъ сегодня въ Гіэрополисъ имѣніе фельдмаршала Захара Чернышева, который пригласилъ великаго князя. Тамъ будутъ спектакли и проч.

Среда, 11.

У насъ обѣдалъ Мартинъ. Онъ мнѣ сообщилъ подъ секретомъ, что князь Михаилъ Долгорукій состоитъ въ связи съ женою фельдмаршала Чернышева, и въ послѣднее время сталъ очень безпокоенъ; это потому, должно быть, что Ляси успѣлъ его замѣнить, какъ кажется. Я показалъ Мартину мой ярославскій дневникъ, очень ему понравившійся. Онъ говоритъ, что нравы описаны вѣрно и что Императрица прочла-бы дневникъ съ удовольствіемъ, если-бы кто-нибудь ей объ немъ сказалъ. Затѣмъ мы говорили о дѣлахъ. Онъ вновь разсчитывалъ стать вице-консуломъ, и показывалъ мнѣ письмо изъ Петербурга, въ которомъ его извѣщаютъ, что генеральный консулъ, Лессепсъ, приметъ его въ свои помощники съ удовольствіемъ. Но онъ хотѣлъ бы получать жалованье отъ двора(?) и проситъ 2000 рублей. Дюранъ, считавшій вице-консульство въ Москвѣ необходимымъ, долженъ показать министру докладную записку Мартина по этому поводу. Маркизъ тоже будто бы собирался писать объ немъ де-Верженну, но отъ меня онъ это почему то скрываетъ.

Вечеромъ былъ Порталисъ и прочелъ мнѣ письмо, написанное имъ къ своей возлюбленной, но письмо это никуда не годится и онъ желаетъ, чтобы я ему помогъ.

Воскресенье, 15.

Сегодня утромъ я забавлялся музыкой. Маркизъ вернулся ночью и очень доволенъ своей поѣздкой. Разсказывалъ о великомъ князѣ и его женѣ. По его словамъ, характеръ перваго еще не сложился, что сразу видно; великая княгиня обладаетъ большимъ характеромъ, но оба *не любятъ русскихъ* и плохо скрываютъ это, почему и въ свою очередь не пользуются особенной любовью. Маркизъ сказалъ еще, что не вѣритъ, чтобы графиня Чернышева была особенно хорошаго мнѣнія о Порталисѣ, но я думаю, что онъ ошибается. Онъ увѣренъ также, что слухи о связи Чернышевой съ княземъ Михаиломъ Долгорукимъ и о замѣнѣ послѣдняго испанскимъ посланникомъ несправедливы. Нашъ маркизъ недовѣрчивъ въ этомъ отношеніи; онъ судитъ по себѣ.

[1]) Сынъ Кирилла, впослѣдствіи посолъ при разныхъ дворахъ. Умеръ въ Вѣнѣ, принявъ католичество.

Когда я пришелъ къ себѣ, то засталъ аббата, очень испуганнаго и пришедшаго спросить у меня, слышалъ-ли я пушечный выстрѣлъ при заходѣ солнца. Я отвѣчалъ, что слышалъ что-то такое, но не обратилъ вниманія. Онъ тогда сказалъ, что это похоже на какой-то сигналъ, что въ народѣ замѣтно сильное броженіе, ропщутъ противъ Императрицы и Потемкина, что воры, которыхъ ежедневно ловятъ, суть остатки шайки Пугачева. Это можетъ быть и правда, но что Пугачевъ не пойманъ, какъ увѣряетъ аббатъ, этому я не вѣрю. Аббату кто-то сказалъ, что вмѣсто Пугачева взятъ и казненъ одинъ изъ его партизановъ. Говорили также аббату о проектѣ войны между Россіей, Австріей и Швеціей. Этому я также не вѣрю. Императрица достаточно тщеславна, чтобы завидовать Маріи-Терезіи, но слишкомъ горда и умна для того, чтобы начинать войну при настоящихъ обстоятельствахъ.

Понедѣльникъ, 16.

Сегодня я съ утра одѣлся для того, чтобы идти къ барону Нолькену, объясниться съ нимъ насчетъ моего ярославскаго дневника и, если нужно, то хоть подраться, да кончить это дѣло. Я былъ готовъ на все. Объясненіе наше, съ самаго начала, приняло натянутый характеръ, что мнѣ не хотѣлось. Наконецъ, видя, что онъ начинаетъ завираться, я сказалъ, что готовъ ему дать какое онъ хочетъ удовлетвореніе, но во всякомъ случаѣ желаю кончить это дѣло шуткой или чѣмъ-либо серьезнымъ. Не знаю, понялъ ли онъ меня, но на этомъ мы кончили. Я отправился къ Ляссн, далъ ему отчетъ во всемъ происшедшемъ и попросилъ возвратить мнѣ дневникъ, чтобы я могъ послать его Нолькену для сожженія. Ляссн не согласился. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Получилъ депешу для шифровки. Маркизъ говоритъ, что въ воздухѣ носится что-то такое, чего онъ никакъ не можетъ выяснить. Былъ сегодня въ одномъ домѣ, гдѣ его присутствіе видимо стѣсняло, но узнать ничего не могъ.

Среда, 18.

Сегодня мы съ маркизомъ и Пюнсегюромъ смотрѣли домъ, приготовленный для турецкаго посольства (гр. Бутурлиной). Онъ хорошъ и меблированъ по восточному, то есть диванами и подушками. Оттуда мы отправились въ домъ нѣкаго Загряжскаго, чтобы видѣть въѣздъ посланника. Онъ ѣхалъ верхомъ, окруженный свитою. Самое замѣчательное—лошади, приведенныя для подарка Императрицѣ. Въ общемъ—ничего особенно великолѣпнаго; свита, однакожъ, человѣкъ въ пятьсотъ по крайней мѣрѣ.

Четвергъ, 19.

Мы съ Пюнсегюромъ смотрѣли пріемъ турецкаго посла у Панина. Онъ пріѣхалъ въ придворной каретѣ, съ экспортомъ гусаръ, и вошелъ въ комнату поддерживаемый подъ руки двумя турками. По лѣстницѣ всюду раставлены лакеи въ ливреяхъ министра иностранныхъ дѣлъ; пріемная также полна ими. Вторая пріемная занята чиновниками министерства, а Панинъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и принималъ посла со шляпой на головѣ, такъ какъ и посолъ не снялъ своей чалмы. Въ глубинѣ кабинета были поставлены два одинаковыхъ кресла, на которыхъ собесѣдники и сидѣли. Съ обѣихъ сторонъ наговорено много любезностей. Турокъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, говорилъ очень вѣжливо и даже умно; его угостили фруктами и вареньемъ, послѣ чего онъ ушелъ, передавъ Панину два письма великаго визиря—одно къ Императрицѣ, а другое къ министру—и двѣ шали (mouchoires) для тѣхъ же лицъ.

За обѣдомъ у насъ были гости. Вечеромъ я отправился въ театръ, а оттуда въ клубъ, гдѣ проскучалъ до 11-ти часовъ. Сегодня была депеша къ Лессепсу, но мнѣ некогда было ее шифровать, такъ что этимъ занялся Комбсъ.

Князь Михаилъ Долгорукій говорилъ Порталису, что маркизъ Жюинье прослылъ глупымъ и что Пюнсегюръ его не уважаетъ; никто его орломъ и не считалъ. Не дальше какъ сегодня онъ сдѣлалъ нѣчто, чему очень радуется—самъ покупалъ утромъ рыбу на рынкѣ. Смѣшно, разумѣется, но вполнѣ соотвѣтствуетъ его характеру.

Суббота, 21.

Я вышелъ утромъ въ половинѣ одиннадцатаго, чтобы отправиться во дворецъ смотрѣть пріемъ турецкаго посла. Намъ пришлось ждать довольно долго. Пріемъ состоялся въ Грановитой Палатѣ (Salle aux Piliers du Kremlin?), въ которой поставленъ тронъ. Императрица со свитою вошла въ половинѣ второго. Посланникъ былъ введенъ церемоніймейстеромъ графомъ Брюсомъ (Яковомъ Александровичемъ). Войдя въ залъ, его турецкое превосходительство Абдулъ—Керимъ Эффенди, Бейлербей Румелійскій, сдѣлалъ первый поклонъ въ шести шагахъ отъ трона, затѣмъ —второй нѣсколько поближе, и подойдя къ самому трону, сталъ говорить рѣчь, продолжавшуюся минутъ 5—7; Толмачъ переводилъ эту рѣчь по русски. Императрица милостиво отвѣчала; потомъ принесли подарки, то есть шали, пахучія эссенціи и проч. Все это положили на столъ, находившійся справа отъ трона. Съ этой стороны, на ступеняхъ послѣдняго стоялъ вице-канцлеръ Остерманъ, а съ лѣвой—оберъ-мундшенкъ Нарышкинъ. Потемкинъ стоялъ подальше и Императрица ему повременамъ улыбалась. Изъ дворца мы отправились къ г-жѣ Соловой (Solof) *), но тамъ ужъ пообѣдали, такъ какъ церемонія кончилась въ четыре часа.

Я забылъ сказать, что на пріемѣ турка статсъ-дамы и фрейлины стояли справа отъ трона, а рядомъ съ ними, около Ея Величества — иностранные послы. Митрополитъ Московскій Платонъ, съ духовенствомъ, стоялъ слѣва. Ихъ Величества, Наслѣдникъ съ супругой, смотрѣли какъ изъ ложи изъ внутренняго окна, продѣланнаго вверху залы.

*) Мадемуазель Брелань, француженка, любовница русскаго, г. Солова.

Воскресенье, 22.

Сегодня утромъ я не былъ при дворѣ, пришлось шифровать одну депешу, но вечеромъ туда отправился. Былъ балъ и такъ какъ на немъ присутствовалъ турецкій посланникъ, почему всѣ дамы были въ русскихъ костюмахъ, то есть безъ фижмъ (paniers), то танцовали только контрадансы. Когда мы прибыли, балъ уже начался, но, не смотря на большую тѣсноту, мы успѣли пробраться къ танцующимъ. Я очутился около Нарышкиной (Наталья, дочь оберъ-шталмейстера), младшей изъ фрейлинъ, очень хорошенькой и обладающей искренностью первой молодости. Она спросила, буду ли я танцовать, я отвѣчалъ, что да, если только съ нею. Она обѣщала. Во время танцевъ я замѣтилъ, что мое скромное ухаживанье нравиться, а поэтому и самъ почувствовалъ нѣкоторый интересъ, который могъ бы перейти въ любовь, если бы поддерживался. Къ тому же воображеніе мое было уже подготовлено маркизомъ и Пюнсегюромъ, которые очень хвалили эту молодую дѣвушку. А кромѣ того, я припомнилъ, что въ день нашего представленія Императрицѣ и фрелинамъ, Нарышкина особенно внимательно на меня смотрѣла и потомъ, на первомъ же или на второмъ балу, прислала Александра *) Куракина пригласить меня танцовать съ нею. Признаюсь, что все это заставило меня пожелать завести съ нею интригу, и что эта идея разлила радость въ моемъ сердцѣ, печальномъ и ноющимъ, такъ сказать, со дня отъѣзда изъ Франціи. Это сердце слишкомъ нуждается въ привязанности и женщины, я полагаю, необходимы для моего существованія. Избранница никогда мною не будетъ позабыта; та, кото-

*) Борисовича, камеръ-юнкера, лучшаго друга и соученика великаго князя. Впослѣдствіи онъ былъ вице-канцлеромъ и посланникомъ въ Парижѣ.

рую я любилъ такъ нѣжно, никогда не покинетъ моего сердца!

Понедѣльникъ, 23.

Мы съ Комбсомъ говорили о Порталисѣ и о его любви къ гр. Чернышевой. Онъ хочетъ, чтобы я ему составилъ письмо и мнѣ пришло въ голову послать это письмо со своимъ лакеемъ. Этимъ я услужу графинѣ, избавивъ ее отъ какой-нибудь нелѣпой выходки Порталиса, потому что влюбленные часто бываютъ нескромны по излишней горячности и неблагоразумію.

Вторникъ, 24.

Утромъ мы съ Портализомъ были съ визитомъ у кн. Степана Куракина и у Измайлова. Я сообщилъ Порталису свой планъ относительно его любовныхъ дѣлъ. Онъ былъ въ восторгѣ и обѣщалъ представить меня гр. Нарышкину, отцу хорошенькой фрейлины, оберъ-шталмейстеру *).

Среда, 25.

Утромъ мы осматривали Кремлевскую сокровищницу (Оружейную палату?). Много тамъ богатыхъ вазъ, украшеній, шитыхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Видѣли превосходную чашу (потиръ?), которую сама Императрица поставила на престолъ, въ видѣ жертвы по поводу заключенія мира. Она золотая, и самый кубокъ греческой формы поддерживается тремя каріатидами, составляющими ножку. Все осыпано драгоцѣнными камнями, въ особенности рубинами. Видѣли Евангеліе, покрышка котораго великолѣпно украшена брилліантами. Но что меня особенно заинтересовало, такъ это коллекція стариннаго оружія и сбруи. Послѣдняя шита жемчугомъ и камнями, по восточному обычаю. Видѣли также серебрянный тронъ, стоящій въ одной изъ залъ. Въ 1862 г. онъ служилъ двумъ братьямъ, Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, царствовавшимъ вмѣстѣ. Въ спинкѣ трона видно отверстіе, сдѣланное для ихъ сестры, честолюбивой и властолюбивой царевны Софьи. Черезъ это отверстіе она шептала царямъ свои совѣты.

Обѣдали мы у гр. Сольма, прусскаго посланника. Баронъ Нолькенъ просилъ меня разъяснить нѣкоторые французскіе обороты рѣчи, что ему нужно для разсказа о путешествіи въ Гіэрополисъ, написаннаго стихами и прозой, по образцу моего ярославскаго дневника. Надѣюсь, что его разсказъ помиритъ насъ, какъ мой дневникъ поссорилъ. Нолькенъ обѣщалъ прочесть мнѣ его съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ поправки, какія найду нужными. Завтра, я съ этой цѣлью отправляюсь къ нему обѣдать.

На спектаклѣ былъ турецкій посланникъ и задушилъ насъ табачнымъ дымомъ.

Четвергъ, 26.

Обѣдалъ у барона Нолькена, читали его разсказъ о путешествіи въ Гіэрополисъ, который очень хорошо написанъ для не-француза. Я сдѣлалъ нѣкоторыя маленькія поправки и съ удовольствіемъ увидалъ, что ссора наша кончилась.

Былъ съ визитомъ у гр. Шувалова и его жены; приняли превосходно. Графъ прочелъ мнѣ экспромтъ Вольтера во сто строкъ и разсказъ въ прозѣ, который доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Хотѣли оставить меня ужинать, но клубъ помѣшалъ мнѣ остаться. Танцовалъ до часу ночи.

Пятница, 27.

Маркизъ обѣдалъ у Алексѣя Орлова для того, чтобы видѣть Souharas (?). Вернулся онъ въ семь часовъ и вошелъ въ ложу графини Чернышевой, гдѣ я въ то время находился, чтобы поговорить съ графиней о дѣлахъ моего камердинера. Маркизъ помѣшалъ этому разговору, но, выходя изъ ложи, я предложилъ графинѣ руку и просилъ ея протекціи для распродажи товаровъ, привезенныхъ моимъ лакеемъ. Я обѣщалъ прислать ихъ къ

*) *Льву Александровичу.*

ней. Она поблагодарила, но не обѣщала ничего опредѣленнаго. Вернувшись домой, я сказалъ Порталису, что пошлю завтра къ ней Гарри, который, вмѣстѣ съ кружевами и блондами, передастъ ей и его письмо.

Затѣмъ меня потребовалъ маркизъ, заявившій желаніе, чтобы я познакомился съ г. Обри, французомъ, служащимъ въ министерствѣ Панина.

Суббота, 28.

Сегодня я завтракалъ у князя Александра *). Онъ принялъ меня дружески.

Передъ уходомъ изъ дома, я послалъ своего лакея къ графинѣ Чернышевой съ товарами и запечатанной въ конвертъ книжкой романа, въ которую были вложены два письма: одно—отъ Порталиса, а другое—отъ меня, съ объясненіями и извиненіями по поводу странной выходки, на которую рѣшаюсь.

Когда пришелъ лакей, графиня садилась въ карету. Съ товарами она велѣла ему придти послѣ, но книжку взяла и лакей видѣлъ, какъ она читала письма, сидя въ каретѣ. Передача книжки, однакожъ, очень ее удивила.

Обѣдалъ у г. Панина и очень много говорилъ съ кн. Василіемъ Долгорукимъ **), съ которымъ мы рядомъ сидѣли за столомъ. Послѣ обѣда представился Обри, съ которымъ у насъ оказались общіе знакомые. Но я былъ очень остороженъ и разсыпался въ любезностяхъ, говоря, что очень хотѣлъ съ нимъ познакомиться, такъ какъ слышалъ объ немъ много хорошаго.

Воскресенье, 29.

Утромъ былъ при дворѣ. Императрица не появлялась; народу было не много. Видѣлъ маленькую Нарышкину и говорилъ съ ней до прибытія великаго князя. Она была очень любезна и сообщила, въ чьей ложѣ будетъ во время спектакля. Я не сталъ разспрашивать подробностей, но знаю, что это ложа директора театровъ *) (directeur des spectacles), что соотвѣтствуетъ камеръ-юнкеру (gentilhomme de la Chambre) у насъ во Франціи. Послѣ обѣда былъ вмѣстѣ съ Пюнсегюромъ у гр. Шереметева **), гдѣ встрѣтилъ Обри, который, какъ говорятъ, часто тамъ бываетъ. Я ему говорилъ о предупредительности, съ которой здѣсь относятся къ англичанамъ, и выразилъ мое удивленіе по этому поводу. Онъ отвѣчалъ, что это результатъ привычки. Маркизу очень хочется узнать, что изъ себя представляетъ этотъ человѣкъ.

Четвергъ, 2 ноября.

Клубный день. Раньше я сдѣлалъ визитъ графинѣ Шереметевой (comt. Pierre?), а оттуда отправился танцовать. На балу познакомился съ дѣвицей Нарышкиной, невѣстой кн. Александра Куракина и родственницей той фрейлины, о которой говорилъ выше. Порталисъ сообщилъ мнѣ, что въ послѣднюю влюбленъ Измайловъ, очень красивый кавалергардскій офицеръ, который ревнуетъ ее ко мнѣ, такъ какъ видѣлъ, что мы съ ней много танцовали. Измайловъ, въ самомъ дѣлѣ, на этомъ же балу говорилъ со мною о московскихъ красавицахъ и спрашивалъ, какая изъ нихъ мнѣ больше нравится. Я отвѣчалъ неопредѣленно, но онъ все-таки былъ задумчивъ весь вечеръ. Не нравится мнѣ это соперничество; боюсь, какъ бы оно не помѣшало моимъ намѣреніямъ.

Пятница, 3.

Утромъ мы съ Порталисомъ отправились смотрѣть упражненія артиллеріи, но они были отложены. Встрѣтили гр. Чернышеву.

Вечеромъ былъ на спектаклѣ. Давали „Le Tableau parlant“ и „Annette et Lubin“; первую пьесу я всю пробылъ въ ложѣ гр. Черны-

*) Александръ Борисовичъ Куракинъ.
**) Покорившимъ Крымъ въ 15 дней (1771) и получившимъ за это названіе «Крымскаго».

*) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
**) Петра Борисовича, оберъ-камергера.

шевой, которая приняла меня очень холодно. На вторую пьесу я поэтому вышелъ въ залъ. Порталисъ очень безпокоится, хотя графиня часто поглядывала въ его сторону послѣ того, какъ я вышелъ изъ ложи; это подаетъ нѣкоторую надежду и позволяетъ приступить къ новымъ попыткамъ.

Суббота, 4.

Мы съ Порталисомъ обѣдали у актеровъ. Дюгэ гадала ему на картахъ и предсказала всякія бѣдствія, если онъ останется въ Россіи. Мнѣ она, напротивъ, сдѣлала самыя блестящія предсказанія, но только по части самолюбія.

Вернувшись, дешифрировалъ громадную депешу изъ Версали, а потомъ послушалъ немножко концертъ любителей.

Воскресенье, 5.

Утромъ былъ при дворѣ, но поговорить съ фрейлиной Нарышкиной не могъ, такъ какъ она была дежурною и ходила за Ея Величествомъ.

Маркизъ, Пюисегюръ и я обѣдали у гр. Ляссп. Нолькенъ просилъ меня построже проредактировать его разсказъ о поѣздкѣ въ Гіэраполисъ и потомъ прочесть его у Шуваловыхъ; я обѣщалъ.

Вечеромъ опять былъ при дворѣ. Маленькая Нарышкина опять держалась около Императрицы и я говорить съ ней не могъ, но стоялъ такъ, чтобы она меня видѣла. Измайловъ влюбляется все болѣе и болѣе. Съ нимъ раскланиваются, но вѣдь онъ же бываетъ въ ихъ домѣ. Это большое преимущество предо мною. Ужиналъ у Шуваловыхъ съ Андреемъ Разумовскимъ. Говорили о комедіяхъ и трагедіяхъ, просили Шувалову играть, но я не думаю, чтобы крайняя ея застѣнчивость это дозволила. Въ ожиданіи, будемъ репетировать нѣкоторыя сцены изъ „Магомета“; я беру роль Зопира.

Вторникъ, 7.

За обѣдомъ у насъ было много народа. Адмиралъ Барбалъ (Barbal) былъ въ первый разъ. Должны были присутствовать князья Михаилъ Долгорукій и Александръ Куракинъ, но не явились. Послѣдній пришелъ уже послѣ обѣда. Былъ гр. Шуваловъ и очень пенялъ мнѣ за то, что я наканунѣ не остался ужинать. Вновь предлагалъ мнѣ распоряжаться своимъ домомъ и проч. Удивительный онъ человѣкъ; характеръ его настолько страненъ, что дѣлаетъ ненадежными всякія съ нимъ отношенія. Сегодня вы ему другъ, а завтра онъ васъ и знать не хочетъ. Жена его дѣйствительно милая женщина, добрая, простая, деликатная и чувствительная.

Четвергъ, 9.

Обѣдали у гр. Потемкина. Онъ намъ показывалъ тульскія стальныя издѣлія, дѣйствительно превосходныя какъ по выдѣлкѣ стали, такъ и по позолотѣ, украшеніямъ и проч. Случайно меня посадили за столомъ рядомъ съ оберъ-шталмейстеромъ Нарышкинымъ, котораго я не зналъ, но передъ которымъ разсыпался въ любезностяхъ, когда узналъ, что онъ отецъ фрейлины, такъ мнѣ понравившейся. Онъ тоже былъ со мной очень любезенъ и пригласилъ бывать, чѣмъ я, конечно, воспользуюсь.

Смотрѣли ученье артиллеріи, прошедшее очень хорошо, не смотря на сильный снѣгъ. Испытывали скорость огня одной пушки, которая давала, по часамъ, 29 выстрѣловъ въ минуту (!).

Воскресенье, 12.

Былъ при дворѣ, разсчитывая увидать маленькую Нарышкину, но ея не было. Въ субботу утромъ дѣлалъ визитъ ея отцу, но не засталъ дома. Утромъ мы цѣловали руку Императрицы и разговаривали съ великой княгиней, которая отнеслась ко мнѣ весьма милостиво.

Обѣдалъ у Ляссп. Гр. Брюль *), герцогъ Ангальтъ и князь Одоевскій тол-

*) Карлъ Адольфъ, съ которымъ Корберонъ постоянно переписывался о герметическихъ наукахъ.

ковали со мною о массонствѣ. Послѣдній сказалъ, что въ Авиньонѣ есть особая ложа, хранящая тайны массоновъ. Онъ узналъ это изъ бумагъ барона Штейна (Stecn), убитаго при осадѣ Бендеръ. Между прочимъ онъ берется разбирать іероглифы и показывалъ мнѣ свое искусство.

Вторникъ, 14.

Обѣдалъ у Измайлова. По поводу массонства онъ мнѣ сказалъ, что вступаетъ въ Швейцарскую ложу. Я ему намекнулъ, что состою на одной изъ высшихъ степеней, имѣю право принимать въ массонство и сообщать свои знанія, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Я хотѣлъ такимъ образомъ пріобрѣсти себѣ друга и отклонить предубѣжденіе противъ себя. А кромѣ того репутація таинственнаго человѣка быстро распространяется и очень помогаетъ при сношеніяхъ съ женщинами.

Получилъ приглашеніе въ Швейцарскую ложу. Былъ тамъ съ кн. Одоевскимъ, Ангальтомъ и гр. Брюлемъ. Остался не особенно доволенъ, но видѣлъ пріемъ новопосвященнаго. Нашъ пароль былъ „Альфа и Омега". Гр. Брюль опять говорилъ мнѣ о великомъ дѣланіи; онъ въ это серьезно вѣритъ.

Четвергъ, 16.

Утромъ былъ у Одоевскаго: говорили о массонствѣ. Онъ мнѣ показалъ дипломъ (grade) барона Штейна, а также медальонъ, носимый послѣднимъ на груди и найденный на немъ послѣ смерти. Я сниму съ него модель, чтобы заказать себѣ такой же. Одоевскій опять говорилъ мнѣ объ Авиньонѣ; дипломъ Штейна подписанъ въ этомъ городѣ. Затѣмъ онъ мнѣ сообщилъ многое, что я запишу для себя.

Былъ въ клубѣ; вышелъ оттуда въ 9 часовъ, чтобы идти ужинать въ гр. Шуваловой. Мужъ ея продекламировалъ нѣсколько отрывковъ изъ трагедій, но съ большими претензіями. Мы согласились разъучить. „Смерть Цезаря"; я взялъ роль Антонія.

Суббота, 18.

Я вѣрно замѣтилъ, что Пюнсегюръ очень перемѣнился. Онъ мнѣ признался сегодня, что тоскуетъ и плохо себя чувствуетъ. Причины этого не знаю, но думаю, что онъ влюбленъ въ маленькую Нарышкину, такъ какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ ее очень расхваливалъ на придворномъ балу и былъ сильно смущенъ моимъ за нею ухаживаньемъ.

Ужиналъ у гр. Шуваловой, гдѣ была графиня Пушкина *), очень любезная и хорошенькая. Былъ также кн. Голицынъ и разсказалъ намъ остротѣ датскаго посла въ Неаполѣ: слушалъ онъ не особенно хорошую игру на скрипкѣ какого-то артиста, и кто-то, чтобы похвалить послѣдняго, сказалъ, „не правда ли какая трудная соната?"—„Да, отвѣчалъ посолъ, но я бы желалъ, чтобы она была совсѣмъ неисполнима".

Воскресенье, 19.

Утромъ былъ при дворѣ. По случаю праздника св. Мартина, Императрица слушала обѣдню въ большой церкви, а не въ часовнѣ. Маленькая Нарышкина была дежурной; я съ ней раскланялся, она отвѣтила.

Вечеромъ былъ балъ при дворѣ; я сдѣлалъ видъ, что не танцую и помѣстился противъ стола Императрицы, за которою стояла Нарышкина. Отецъ ея говорилъ со мною и спрашивалъ, почему я не танцую; я отвѣтилъ, что не хочется. Нарышкина прекрасно замѣтила, что я на нее смотрю, и сама на меня часто взглядывала; кн. Михаилу она потомъ говорила, что я, должно быть, надъ кѣмъ-нибудь насмѣхаюсь, потому что я дѣйствительно смѣялся, разговаривая съ Порталисомъ.

Графъ Иванъ Чернышевъ тутъ же представилъ меня фельдмаршалу Разумовскому, Кириллу Григорьевичу **),

*) Жена гр. Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, впослѣдствіи фельдмаршала и и оберъ-гофмейстера двора Цесаревича.

**) Гетману, брату Алексѣя, морганатическаго супруга Императрицы Елизаветы, и отцу Андрея, о которомъ здѣсь часто упоминается.

который пригласилъ меня ужинать. Я согласился и къ великому моему удивленію, а также удовольствію, встрѣтился съ Нарышкиной. Она спросила, танцовалъ ли я, я отвѣтилъ, что нѣтъ; затѣмъ мы сѣли рядомъ. Князь Ангальтъ упорно за нею ухаживаетъ. Начались танцы; она много съ нимъ танцовала, а меня попросила взять ея сестру, что я и сдѣлалъ. За ужиномъ, Ангальтъ сѣлъ рядомъ съ ней; я пошутилъ надъ этимъ и совсѣмъ не сѣлъ за столъ, чтобы сохранить возможность подходить къ ней. Ангальтъ это замѣтилъ и сказалъ Нарышкиной. Они стали шутить на мой счетъ, а я рекомендовалъ имъ не потѣшаться надъ отсутствующимъ.

Четвергъ, 23.

Былъ въ клубѣ; встрѣтилъ тамъ чудака, адъютанта фельдмаршала Чернышева. Это человѣкъ страшно самолюбивый, злой съ виду, сплетникъ по привычкѣ и никого не любящій, потому что слишкомъ ужъ любитъ себя самого. Онъ мнѣ наговорилъ много дурного обо всѣхъ, даже о присутствующихъ, за исключеніемъ фельдмаршала, котораго очень хвалилъ за доброту, но въ такихъ выраженіяхъ, чтобы заставить считать его глупымъ и во всемъ подчиняющимся своему адъютанту. Имя этого господина—шевалье де-Мезберъ.

Пятница, 24.

Обѣдалъ у гр. Ляссп, а вечеромъ сдѣлалъ визитъ князю Волконскому, отцу невѣсты кн. Голицына, который былъ убитъ какимъ-то Лавровымъ и котораго завтра хоронятъ. Это очень запутанная и странная исторія. Нѣсколько времени тому назадъ, кн. Голицинъ побилъ палкой, въ строю, одного офицера Шепелева. Тогда этотъ господинъ смолчалъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ изъ полка, въ которомъ служилъ, и пріѣхалъ въ Москву къ кн. Голицыну требовать отъ него удовлетворенія, причемъ далъ ему пощечину. Князь вытолкалъ *его вонъ, на томъ дѣло и* остановилось. Всѣ удивлялись, почему князь въ свою очередь не требуетъ удовлетворенія, но онъ говоритъ, что не можетъ драться съ субалтернъ-офицеромъ. По этому поводу состоялся судъ, приговорившій Шепелева къ удаленію отъ двора, а Голицына — къ выходу въ отставку. Послѣдній сталъ распространять слухи, что потребуетъ отчета отъ Лаврова, который будто бы подстрекалъ Шепелева на драку. Лавровъ явился къ нему за объясненіемъ, а князь отвѣчалъ такъ невѣжливо, что получилъ вызовъ на дуэль, которая должна была быть на пистолетахъ. Передъ дуэлью, во время заряжанія, почему-то тянувшагося очень долго, Лавровъ сталъ оправдываться и отрицать обвиненія кн. Голицина, а послѣдній, взбѣшенный медленностью процедуры, не вытерпѣлъ и бросился на Лаврова съ обнаженной шпагой, но, не успѣвъ нанести удара, самъ былъ дважды раненъ, послѣ чего и умеръ черезъ нѣкоторое время.

Принцъ Ангальтъ, разсказавшій мнѣ эту исторію, совершенно справедливо замѣтилъ, что страшное общественное неравенство, обусловленное образомъ правленія въ Россіи, душитъ идею чести, и что кн. Голицинъ, человѣкъ отличившійся въ арміи, не понялъ своихъ обязанностей по отношенію къ Шепелеву, хотя и стоявшему ниже его по рожденію, но все же офицеру. Это мнѣ напомнило черту изъ жизни великаго Кондэ, который, оскорбивъ офицера, не отказалъ ему въ удовлетвореніи.

Воскресенье, 26.

При дворѣ состоялся великолѣпный маскарадъ. Была турецкая кадриль, въ которой участвовали Императрица и Потемкинъ; послѣдній танцовалъ изнѣженно и вяло. Нарышкина тоже была, и тутъ я убѣдился, что дѣйствительно влюбленъ: мнѣ было очень непріятно, что она не узнала меня подъ маской. А когда я снялъ маску и она со мной раскланялась, то моя досада сразу прошла и я, какъ настоящій влюбленный, почувствовалъ себя совершенно воскресшимъ. Но что мнѣ

еще болѣе доставило удовольствіе, такъ это то, что Комбсъ замѣтилъ, какъ маленькая Нарышкина долго ходила съ какой-то подругой, какъ бы кого-то отыскивая, а когда встрѣтила меня, то остановилась и сдѣлала знакъ подругѣ, что та больше не нужна и можетъ идти. Это что-нибудь да значитъ. Нарышкина въ свою очередь тоже, должно быть, замѣтила, что Порталисъ мой повѣренный, такъ какъ засмѣялась, когда онъ меня толкнулъ, проходя мимо нея.

Пятница, 1 декабря, 2 ч. дня.

Мы съ маркизомъ ѣдемъ въ Тулу; сейчасъ садимся въ экипажъ.

Суббота, 2.

Въ Тулу пріѣхали въ $11^{1}/_{2}$ часовъ; остановились у богатаго купца, любезнѣйшаго въ мірѣ человѣка. Маркизу дали кровать, а я легъ на диванѣ. Въ 9 часовъ утра, отправились съ визитомъ къ губернатору или коменданту города; это—толстый человѣкъ, не говорящій по-французски, но веселый, добродушный и искренній на старый манеръ. Онъ насъ проводилъ на заводъ, занимающій большое мѣсто на берегу рѣки Упы (Ора), которая, какъ говорятъ, приводитъ въ движеніе машины. Издѣлія завода очень красивы и похожи съ виду на англійскія, но сталь менѣе крѣпка и полировка ее, при внимательномъ разсмотрѣніи, недостаточно совершенна. Въ складѣ особенно хорошихъ вещей нѣтъ, но мы все-таки видѣли шпагу, предназначенную для Ивана Чернышева, и превосходную по тонкости отдѣлки. По приказанію Потемкина, маркизу самому предоставили выбрать, что ему понравится; онъ выбралъ карабинъ.

По выходѣ изъ мастерскихъ, мы были въ церкви, очень хорошей и въ своемъ родѣ прекрасно расписанной. Тамъ въ это время служили благодарственный молебенъ (Te deum) по поводу годовщины привитія оспы Императрицѣ. Былъ пушечный салютъ и проч.

Обѣдали у губернатора; было много народу, и между прочимъ епископъ, при своемъ входѣ благословлявшій каждаго въ отдѣльности, причемъ у него всѣ цѣловали руку, даже двѣ дамы, бывшія въ числѣ приглашенныхъ.

Хозяинъ любитъ пожить и похожъ на нашихъ старыхъ дворянъ, что касается добродушной веселости; но я замѣтилъ, что манеры его болѣе изысканны, а привычки отличаются той роскошью, которая особенно свойственна русской національности, единственной, кажется, въ которой даже крестьянки бѣлятся и румянятся.

Обѣдъ по старымъ обычаямъ сопровождался тостами за здоровье Императрицы и ихъ императорскихъ высочествъ. Кромѣ епископа, былъ еще архимандритъ или аббатъ, завѣдующій монахами, который не сказалъ ни слова, но не пропустилъ ни одного тоста.

Въ пять часовъ мы вернулись домой, гдѣ губернаторъ отдалъ намъ визитъ. Къ счастію, онъ просидѣлъ не долго и въ 6 часовъ мы выѣхали обратно въ Москву.

Понедѣльникъ, 4.

Утромъ мы съ Порталисомъ гуляли, а потомъ обѣдали у итальянцевъ Мочениго и Мари. Первый, ужъ не знаю, какъ попалъ на русскую службу, но репутація его не завидна; впрочемъ онъ родственникъ Дожа, другой—добрый малый, очень образованный и путешествующій какъ философъ, для собственнаго удовольствія. Я потому стремился съ ними сойтись, что они знакомы съ оберъ-шталмейстеромъ.

Четвергъ, 7.

При дворѣ парадъ, по случаѣ праздника св. Георгія. Императрица учредила военный орденъ имени этого святого, на подобіе нашего ордена св. Людовика. Не знаю, сколько уже имѣется вообще кавалеровъ, но первой степени только четыре. Императрица

---

*) Дожемъ былъ тогда Альвизо Мочениго.

предсѣдательствовала на парадномъ обѣдѣ. Принцъ Ангалтъ тоже сегодня принятъ въ число кавалеровъ, чего едва-ли заслуживаетъ.

Я попалъ ко двору только поздно вечеромъ, по причинѣ отправки курьера.

Пятница, 8.

При дворѣ состоялся маскарадъ; я былъ съ Порталисомъ. Онъ разговаривалъ съ своей графиней, а я танцовалъ съ Нарышкиной, которая сама объ этомъ просила. Она видѣла, что я съ нея глазъ не спускаю на балахъ.

Комбсъ замѣтилъ, что, когда я пріѣхалъ, то она сдѣлала знакъ дамѣ, съ которой разговаривала, та взглянула на меня и потомъ обѣ продолжали говорить, улыбаясь. За полчаса до отъѣзда, я говорилъ съ маленькимъ Волконскимъ, стоявшимъ недалеко отъ нея.

Мой соперникъ, Измайловъ, видѣлъ, я полагаю, мое ухаживанье за Нарышкиной. Мы съ нимъ разговаривали и, передъ концомъ бала, онъ признался, что имѣетъ большое горе и съ чувствомъ нѣсколько разъ повторилъ это.

Суббота, 9.

Утромъ я былъ у кн. Михаила Долгорукаго, которому разсказалъ исторію своего знакомства съ Порталисомъ и про любовь послѣдняго къ графинѣ. Князь былъ очень удивленъ посылкой писемъ и проч. Затѣмъ пришелъ самъ Порталисъ и Долгорукій посовѣтовалъ ему поступить на морскую службу, о чемъ ходатайствовать черезъ меня у графа Андрея *). Вечеромъ я былъ у послѣдняго, но еще не для того, чтобы просить о Порталисѣ, а только для того, чтобы заручиться имъ для своихъ цѣлей. Мы очень сошлись: онъ говорилъ о своемъ проектѣ описать, въ стихахъ любовь—въ 18 лѣтъ и въ 24.

Былъ съ визитомъ у графини Шереметевой **), и такъ какъ моя карета уѣхала въ виду того, что я останусь ужинать, то мнѣ пришлось ѣхать къ гр. Шуваловой въ саняхъ. Тамъ я засталъ принца Ангальта; онъ былъ въ мечтательномъ настроеніи и спросилъ, что я предпочитаю, **Альзиру** или **Заиру**. Я отвѣчалъ, что первая пьеса хороша въ чтеніи, а вторая—на сценѣ и кромѣ того я предпочитаю **Заиру** въ качествѣ любовницы. Это ему очень понравилось и онъ вполнѣ со мной согласился.

Понедѣльникъ, 11.

При дворѣ—праздникъ св. Андрея. Утромъ я тамъ былъ. Нарышкина опять дежурная, какъ я и думалъ. Вечеромъ я танцовалъ съ ней менуэтъ и сказалъ, что нахожу его слишкомъ короткимъ. Потомъ она заставила меня танцовать съ дѣвицей Корсаковой. Шутилъ съ гр. Андреемъ по поводу его именинъ, говоря, что если бы зналъ это, то прислалъ бы ему поздравительные стихи.

Вторникъ, 12.

Послѣ обѣда разговаривалъ съ гр. Брюлемъ о здѣшнемъ обществѣ, графъ говоритъ, что здѣсь трудно завязывать пріятныя интриги, потому что барышни тотчасъ же заговариваютъ о бракѣ, какъ только вы скажите имъ какую-нибудь любезность. Затѣмъ онъ говорилъ о чувствительности принца Ангальта, о его любви къ дѣвицѣ Плещеевой (Pléchef), самой красивой и добродѣтельной во всей Москвѣ. Однажды, у гр. Разумовскаго, слушая тріо изъ Земиры и Азора, принцъ Ангальтъ сталъ печальнымъ и разсѣяннымъ. Увидѣвъ это, гр. Брюль сдѣлалъ ему знакъ, напомнившій Плещееву (?), тогда принцъ вдругъ вздрогнулъ и конфузливо попросилъ избавить его отъ такихъ напоминаній. Эта застѣнчивость и конфузливость даетъ понятіе о чувствительности его сердца и заставила меня питать къ нему истинную дружбу.

Среда, 13.

Утро прошло безъ приключеній. Вечеромъ былъ у гр. Андрея Разу-

*) Разумовскаго.

**) Вѣроятно, такъ какъ авторъ вездѣ употребляетъ французскую манеру обозначать *женъ* именами мужей: comtesse Pierre, princesse *Joan и проч. (Прим. перев.)*.

мовскаго, который съ каждымъ днемъ становится со мною любезнѣе. Ужинали вмѣстѣ у гр. Шуваловой, дорогой я просилъ за Порталиса. Графъ отвѣчалъ очень любезно и откровенно, обѣщая сдѣлать что можетъ, но посовѣтовалъ мнѣ попросить еще графа Ивана Чернышева, какъ морского министра, такъ какъ Порталисъ хочетъ поступить въ морскую службу.

Пріѣхавъ къ гр. Шуваловой, мы тамъ застали принца Ангальта. Шуваловъ продекламировалъ мнѣ нѣсколько стиховъ изъ сочиняемаго имъ посланія къ человѣку, призванному къ дѣламъ изъ отставки. Довольно легко написано, есть хорошіе стихи.

За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ принцомъ Ангальтомъ. Мы говорили о чувствахъ и дружбѣ между женщинами. По этому поводу онъ мнѣ привелъ въ примѣръ дружбу Плещеевой и другой дѣвицы. У одной изъ нихъ случился пожаръ; она прежде всего бросается спасать шкатулку съ письмами подруги, не обращая вниманія ни на что другое; а подруга, узнавъ о пожарѣ, вскакиваетъ съ постели и, въ ночномъ костюмѣ, хочетъ бѣжать справиться о судьбѣ своего друга.

Суббота, 16.

Все утро я просидѣлъ дома, гдѣ и обѣдалъ. Послѣ обѣда у меня былъ маленькій кн. Долгорукій, а потомъ явился Порталисъ. Мы говорили о графинѣ, я былъ очень веселъ и шутилъ надъ нимъ, а онъ отмстилъ мнѣ сообщеніемъ, что, по словамъ Шереметева, Пюнсегюръ тоже влюбленъ въ Нарышкину. Это на меня подѣйствовало, я сталъ угрюмъ и грустенъ. Къ довершенію неудовольствія, Пюнсегюръ просилъ меня поѣхать съ нимъ къ генералу Солтыкову *). Дорогой я старался вывѣдать отъ него, уѣдетъ ли онъ весною, но ничего не добился. Судя по многимъ признакамъ, по его склонностямъ и поведенію, я думаю, однакоже, что онъ влюбленъ въ Нелединскую.

*) Николаю Ивановичу, оберъ-гофмейстеру двора Наслѣдника.

Воскресенье, 17.

Вечеромъ мы были въ театрѣ. Порталисъ ничего не сказалъ своей графинѣ, хотя собирался говорить съ ней въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы. Выходя изъ театра, онъ получилъ суровый выговоръ отъ гр. Чернышевой, жены Захара, которую нечаянно толкнулъ въ толпѣ. Это самая злая женщина въ мірѣ и по временамъ очень нахальная. Это одна изъ тѣхъ мужчинообразныхъ женщинъ, о которыхъ говоритъ Дидро, и которыя особенно противны мужчинамъ.

Понедѣльникъ, 18.

Сегодня, въ 8 часовъ утра, я былъ у гр. Андрея, который ѣдетъ съ великимъ княземъ въ Петербургъ. Мы обѣщали писать другъ другу и разстались очень дружелюбно.

Въ 10 часовъ былъ у меня принцъ Ангальтъ. Отъ имени одной дамы онъ просилъ у меня стиховъ, написанныхъ мною для гр. Андрея, въ день его именинъ. Я думаю, что эта дама подруга дѣвицы Плещеевой. Затѣмъ онъ говорилъ о кн. Лобковичѣ, австрійскомъ послѣ, и его соперничествѣ съ гр. Ляси, гордость котораго не можетъ перенести первенствующаго положенія Лобковича. Я при этомъ подумалъ о положеніи нашего маркиза, немножко подчиняющагося гордому испанцу и потому находящемуся между двухъ огней. Постараюсь сдѣлать такъ, чтобы онъ взялъ верхъ, что вполнѣ возможно благодаря его богатству, достаточному, чтобы держаться на высотѣ положенія.

Принцъ Ангальтъ предложилъ мнѣ обѣдать у гр. Панина, съ кн. Екатериной Романовной Дашковой. Я сказалъ объ этомъ маркизу, который былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ; мы отправились всѣ вмѣстѣ. Я съ большимъ интересомъ наблюдалъ эту женщину, прославившуюся той ролью, которую она играла при революціи [1]), своимъ характеромъ и честолюбіемъ, поссорившимъ ее съ Им-

[1]) Воцаренія Екатерины.

ператрицею. За обѣдомъ она говорила мало, можетъ быть потому, что мы тутъ были—она терпѣть не можетъ французовъ. Англичанъ она, напротивъ, очень любитъ. Она часто ѣздитъ въ Ирландію, гдѣ проводитъ нѣсколько времени съ своимъ сыномъ, воспитаніе котораго поручило Юму [1]). За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ принцемъ Ангальтомъ и, говоря о вкусахъ княгини Дашковой, о любви ея къ англійской литературѣ, вспомнили о *сантиментальномъ путешествіи* Іорика, которое ей особенно нравится. Принцъ обѣщалъ перевести мнѣ нѣсколько страницъ изъ одного нѣмецкаго журнала, по этому поводу.

Ужиналъ у Нелединской, гдѣ много говорилъ съ кн. Волконской, съ которой недавно танцовалъ въ клубѣ. Это—одна изъ близкихъ знакомыхъ кн. Одоевскаго, одна изъ обожаемыхъ имъ женщинъ.

Вторникъ, 19.

Приходилъ Порталисъ и сказалъ, что былъ у гр. Шереметева. Они много говорили о любви и дѣлали другъ другу признанія. Шереметевъ такъ расчувствовался, что плакалъ; такая чувствительность дѣлаетъ ему честь и выкупаетъ, на мой взглядъ, замѣтный недостатокъ разума. Между прочимъ они говорили о любовныхъ чувствахъ Пюнсегюра, и Шереметевъ думаетъ, что предметомъ ихъ теперь является Нелединская. Извѣстно навѣрное, что Пюнсегюръ уѣдетъ раньше насъ. Онъ хотѣлъ меня увѣрить, что нуждается въ леченіи, но я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Вечеромъ мы съ нимъ долго толковали и онъ увѣрялъ, что не влюбленъ, но довольно слабо. Такъ какъ онъ долженъ выѣхать въ одинъ день съ Нелединской, то я, чтобы узнать его намѣренія, совѣтовалъ выѣхать днемъ раньше или позже. Онъ ничего не сказалъ, но, кажется, ему это понравилось.

Маркизъ, съ которымъ мы теперь въ хорошихъ отношеніяхъ, пришелъ ко мнѣ поболтать четверть часика: онъ ѣдетъ ужинать къ граф. Шереметевой. Я принялъ его не одѣваясь, запросто, у камина.

Среда, 20.

Принцъ Ангальтъ и гр. Брюль пригласили меня вмѣстѣ обѣдать. Принцъ въ очень горячихъ выраженіяхъ говорилъ о своей любви. Вчера онъ тамъ провелъ цѣлый день съ гр. Брюлемъ: читали мое посланіе къ гр. Андрею и разсуждали по этому поводу. Меня больше всего радуетъ возрастающая интимность между принцемъ и мною.

За столомъ говорили о разныхъ обычаяхъ. Въ Россіи, напримѣръ, пьютъ водку *(chole?)* передъ обѣдомъ и ѣдятъ дессертъ въ гостиной, уже вышедши изъ-за стола. Въ качествѣ дессерта подаются обыкновенно варенья разныхъ сортовъ и ихъ берутъ той же ложечкой, которой ѣдятъ, не вытирая ее. По праздникамъ тосты пьются опять-таки всѣми изъ одного бокала, причемъ вѣжливость обязываетъ только оставить въ этомъ бокалѣ немного вина и выплеснуть его куда-нибудь, прежде чѣмъ передать бокалъ сосѣду. Принцъ Ангальтъ разсказывалъ, что въ Польшѣ, въ нѣкоторыхъ домахъ, при прибытіи или удаленіи гостя объ этомъ громогласно объявляютъ нѣсколько лакеевъ.

Четвергъ, 21.

Былъ фейерверкъ въ честь турецкаго посланника. Мы, съ прочими иностранными послами, смотрѣли его изъ дома Императрицы, куда были приглашены. Тамъ я встрѣтилъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, который меня обнялъ и возобновилъ приглашеніе бывать у него въ Петербургѣ. Не знаю, къ чему клонятъ всѣ эти любезности, но приглашеніемъ воспользуюсь съ удовольствіемъ. Что касается фейерверка, который я плохо видѣлъ, то я замѣтилъ только дерево прекраснаго зеленаго цвѣта. Это не-

[1]) *Давиду*, знаменитому философу и *историку*.

кусство процвѣтаетъ въ Россіи: имъ занимаются артиллеристы.

Затѣмъ мы направились въ клубъ. Тамъ я встрѣтилъ Поггенполя *) который былъ очень ласковъ со мною и настоятельно просилъ часто видаться съ нимъ въ Петербургѣ. Не знаю, откуда онъ знаетъ о моей склонности къ Нарышкиной, но довольно прозрачно шутилъ на этотъ счетъ.

Назначили наконецъ русскаго посланника въ Константинополь — нѣкоего Стахѣева *(Stackief)*; для него это большое счастье—будетъ получать 40000 рублей жалованья.

Пятница, 22.

Утромъ мы съ маркизомъ были у турецкаго посланника. Онъ спросилъ, французъ ли я; маркизъ отвѣчалъ, что я принадлежу къ посольству и назначенъ королемъ. Онъ могъ бы прибавить, что я прихожусь ему племянникомъ, но не прибавилъ этого. Съ четверть часа поговорили, а затѣмъ невольники принесли разныя сласти и подавали ихъ намъ, стоя на колѣняхъ; послѣ сластей, такимъ же порядкомъ они подали намъ превосходный кофе, снабдивъ предварительно, вмѣсто салфетокъ, шелковыми платками. Подъ конецъ визита насъ угощали еще очень вкуснымъ шербетомъ, подавали розовую воду для мытья рукъ, жгли разныя куренья, и все на колѣняхъ. На прощанье намъ поднесли подарки: маркизу—шаль для жены и муслиновый галстукъ *(cravate?)*, шитый по краямъ шелкомъ и золотомъ, а намъ съ Пюнсегюромъ—по галстуку. Таковъ, сказали намъ, восточный обычай.

Вечеромъ присутствовали на балетѣ, исполненномъ воспитанниками и воспитанницами Воспитательнаго Дома, притомъ такъ хорошо, какъ только можно желать. Кто-нибудь спроситъ, пожалуй, зачѣмъ бѣдныхъ сиротъ дрессируютъ въ танцовальномъ искусствѣ? Я не нашелъ бы отвѣта на этотъ вопросъ, но можетъ быть роскошь, царствующая теперь во всѣхъ государствахъ Европы, заставляетъ подготовлять учениковъ современныхъ школъ ко всѣмъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. Любопытно, къ какимъ результатамъ это приведетъ. Балетъ мы смотрѣли послѣ того, какъ прошлись по всѣмъ мастерскимъ Воспитательнаго Дома. Никогда не забуду оригинальной фигуры нѣкоего г. Демидова, котораго мы тамъ видѣли. Этотъ странный субъектъ, похожій на арлекина, обладаетъ, однакоже, большимъ достоинствомъ — онъ очень богатъ и умѣетъ съ пользою тратить свои богатства: онъ пожертвовалъ Воспитательному Дому 100000 рублей, т. е. полмилліона франковъ.

Суббота, 23.

Въ 4 часа вечера, Пюнсегюръ уѣхалъ въ Петербургъ, съ своимъ новымъ лакеемъ, похожимъ на дѣвочку. Уѣзжая онъ мнѣ сказалъ, что вчера, изъ его комнаты, кто-то укралъ 27 рублей. Это насъ очень опечалило, въ виду подозрѣній, которыя поневолѣ возникаютъ.

Воскресенье, 24.

Часть дня я провелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Затѣмъ мы съ маркизомъ были у московскаго губернатора, кн. Волконскаго, у фельдмаршала Румянцева, и проч. Дорогой разговаривали. Маркизъ сказалъ, что нельзя разрушать въ народѣ религію, не имѣя чѣмъ замѣнить ее, и что въ этомъ лежитъ причина безчестности простого народа. Петръ I, унижая духовенство, котораго боялся, понизилъ его нравственное достоинство; теперь въ этомъ сословіи царствуетъ посредственность—нѣтъ у него ни знаній, ни вдохновенія, а потому и народъ не получаетъ воспитанія. Такъ думаетъ маркизъ и я полагаю, что онъ правъ во многихъ отношеніяхъ. Надо однакожъ знать, насколько нравственныя принципы сдерживаютъ грубыхъ людей, руководящихся только инстинктами; на нихъ можетъ дѣйствовать только угроза наказаніемъ и обѣщаніе награды. Нельзя не признать, что че-

*) Негоціанта, основавшагося въ Россіи.

стность здѣсь явленіе рѣдкое и даже не всѣми понимается, такъ какъ многіе не скрываютъ отрицательнаго своего къ ней отношенія. Недавно одинъ офицеръ ходатайствовалъ передъ начальствомъ объ орденѣ св. Георгія, приводя вполнѣ достаточный къ тому поводъ. „Нѣтъ, отвѣчало начальство, я воспользуюсь этимъ поводомъ ради такого-то". Такая откровенность доказываетъ, что начальство понятія не имѣло о чести и справедливости. Лучше бы ужъ оно сфальшивило и постыдилось признаваться въ безчестномъ дѣлѣ.

Изъ этого я заключаю, что и здѣсь, какъ повсюду, люди руководствуются личными интересами; но такъ какъ здѣшнее общество еще не сложилось, такъ какъ о народѣ никто не заботится и всѣ его развращаютъ, то здѣсь и не могъ еще установиться сословный духъ, основанный на законахъ чести, не можетъ пользоваться уваженіемъ и честность, не приносящая никакихъ личныхъ выгодъ.

Со вторника 26 по субботу 30.

Я простился со всѣми моими знакомыми въ Москвѣ и съ самымъ городомъ, котораго, вѣроятно, никогда болѣе не увижу.

Выѣхавъ изъ Москвы въ $4^1/_2$ часа, мы ѣхали до самаго Петербурга, останавливаясь только на часъ или полтора въ сутки, чтобы пообѣдать. Ничего интереснаго на этомъ пути не случилось. Всего мы проѣхали 735 верстъ, коихъ нужно немножко больше четырехъ, чтобы составить одно французское лье. Каждая верста отмѣчена придорожнымъ столбомъ съ цифрою.

По Россіи вообще лучше ѣхать, не останавливаясь и днемъ и ночью, потому что тамъ нѣтъ такихъ пристанищъ, какъ во Франціи; постели вы нигдѣ не найдете и тѣ домики, въ которыхъ мы останавливались для обѣда, снабжали насъ только посудою. Это неудобство обусловливается манерой русскихъ вельможъ путешествовать—*они всегда берутъ съ собою все необходимое: кухню,* постели и пр. Гостиницы становятся поэтому ненужными. По дорогѣ отъ Москвы къ Петербургу есть, однакожъ, двѣ довольно сносныхъ; одна—въ Твери, другая въ Новгородѣ. Кромѣ того крестьяне очень гостепріимны, и пускаютъ въ свои дома всѣхъ, желающихъ остановиться, причемъ остаются довольны всѣмъ, что вы захотите имъ дать.

Для пріѣзда Императрицы, заранѣе подготовляютъ дома, въ которыхъ бы можно было остановиться съ большимъ удобствомъ, чѣмъ у крестьянъ, помѣщенія которыхъ совершенно невыносимы для француза, по причинѣ страшной жары, которая въ нихъ царствуетъ. Тогда и лошадей можно найти сколько угодно; до Новгорода, за нихъ платится по копѣйкѣ на лошадь и версту, а съ Новгорода—вдвое. Но и это очень не дорого. Кучерамъ даютъ сколько угодно, начиная съ пяти су; отъ этого зависитъ скорость ѣзды.

Годъ 1776.

Понедѣльникъ, 1-го янв. 1776 г.—Къ М-ель Бресюль.

Изъ-за пятисотъ лье, мой дорогой и милый другъ, поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ, который проведу, вѣроятно, безъ васъ. Увы! Желалъ бы васъ видѣть, но не могу на это надѣяться. Въ карьерѣ, мною избранной, нельзя знать куда попадешь Могу ли я разсчитывать, что увижу свою семью, друзей и знакомыхъ, которыхъ оставилъ во Франціи? Но я не хочу останавливаться на такихъ печальныхъ мысляхъ, онѣ убиваютъ бодрость, которая мнѣ теперь такъ нужна. Въ томъ уединеніи, въ которомъ находится теперь мое сердце, я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, почаще вспоминать о томъ, что мнѣ дорого, и питаться надеждою вновь пережить когда-нибудь тѣ блаженныя минуты, которыя я проводилъ съ вами.

Вотъ уже два дня, мой другъ, какъ я живу въ одномъ изъ лучшихъ городовъ Европы, по отзыву географовъ и путешественниковъ. Я не могу еще пока сказать, что объ немъ думаю, но придетъ и мой чередъ, когда я выска-

жусь можетъ быть иначе: всякій воленъ имѣть свое мнѣніе.

Вторникъ, 2.—Къ моему брату.

Пребываніе въ Москвѣ не было для меня такъ плодотворно, какъ я надѣялся. Мнѣ слѣдовало изучить итальянскій и нѣмецкій языки, но я ничего этого не сдѣлалъ. Зато я пріобрѣлъ нѣсколько знакомыхъ, которыхъ опишу тебѣ впослѣдствіи; они мнѣ будутъ полезны и доставятъ удовольствіе. Вообще я очень люблю частныя знакомства и жертвую имъ необходимостью вращаться въ свѣтѣ; въ этомъ отношеніи мнѣ слѣдуетъ исправиться.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я рѣшилъ вести себя иначе: хочу видѣть свѣтъ, не бросая своихъ занятій. Я положилъ себѣ за правило каждый день прочитывать по сту страницъ, а вечеромъ записывать все, что увижу въ обществѣ интереснаго. Начну съ «*Исторіи министерства Вальполя*» и думаю сдѣлать изъ него конспектъ. Думаю также поступить съ историческими сочиненіями аббата Милло, и проч. Излагать буду въ формѣ писемъ, чтобы не было сухо.

Очень пріятно пообѣдать у барона Нолькена. Насъ было 8 или 10 человѣкъ, между прочими знаменитый портретистъ Ролэнъ и гр. Штейнбокъ, капитанъ кавалергардовъ, прекрасно играющій на клавесинѣ и очень милый въ обществѣ. За столомъ моимъ сосѣдомъ былъ Ролэнъ, обладающій простотой и скромностью настоящаго таланта. Это въ самомъ дѣлѣ великій художникъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ живописцевъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что пейзажи въ Швеціи замѣчательно красивы, какъ благодаря живописности мѣстоположенія, такъ и вслѣдствіе замѣчательной чистоты воздуха, дѣлающей всѣ цвѣта болѣе живыми. Было бы интересно взглянуть на нихъ, и я надѣюсь, по отъѣздѣ изъ Россіи, провести нѣсколько дней въ Стокгольмѣ. Тогда я опишу то, что увижу.

Среда, 3.—Къ нему же.

Каждый день, мой другъ, являются новыя лица. Начинаю съ Лессепса, французскаго консула, переведеннаго сюда въ іюлѣ изъ Гамбурга. Онъ мнѣ показался порядочнымъ человѣкомъ, немножко болтуномъ можетъ быть и не особенно умнымъ, хотя внѣшность у него пріятная. Благодаря этимъ двумъ недостаткамъ, въ связи съ нѣкоторой претенціозностью, онъ нажилъ себѣ здѣсь враговъ. Но я надѣюсь, что при ближайшемъ знакомствѣ его оцѣнятъ, такъ какъ онъ, въ сущности, добрый малый; по крайней мѣрѣ, показался мнѣ таковымъ.

Въ то же утро я видѣлъ двухъ французскихъ негоціантовъ, гг. Рэмбера и Мишеля. Первый былъ вице-консуломъ; онъ человѣкъ образованный, умный и дѣятельный, а кромѣ того экономистъ. Что касается Мишеля, то онъ корчитъ изъ себя барина; онъ дѣйствительно богатъ, но я предпочитаю ему Рэмбера.

Четвергъ, 4.—Къ г-жѣ Брессоль.

Вы любили живопись, мой милый другъ; какъ жаль, что васъ не было со мною сегодня въ мастерской Ролэна, которую я осматривалъ! Вы бы пришли въ восторгъ отъ того, что я тамъ увидѣлъ. Между прочимъ я любовался портретами князя и княгини Голицыныхъ *); первый особенно хорошъ. Тѣнь, напримѣръ, передающая пустоту между голубой лентой и сукномъ мундира—кажется, что туда можно палецъ просунуть! Этотъ Ролэнъ, весьма искусный художникъ, онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ въ своихъ картинахъ, такъ что отдѣлка подробностей увеличиваетъ сходство. Я очень былъ доволенъ взглянуть на его работы, но все искалъ въ мастерской еще чего-то и только потомъ догадался, что ищу вашего портрета. Впрочемъ, если бы онъ и былъ тамъ, то мнѣ все-таки недоставало бы оригинала; нельзя быть счастливымъ вдали отъ того, кто необходимъ нашему сердцу.

Часть дня я провелъ въ питьѣ и ѣдѣ, какъ пьютъ и ѣдятъ только въ кабакахъ. Но мы и въ самомъ дѣлѣ были въ одномъ изъ нихъ. Вы должны знать, милый другъ, что однимъ изъ немногихъ удовольствій въ этой странѣ являются пикники. Ѣдутъ на саняхъ въ трактиръ, такимъ же образомъ оттуда возвращаются и думаютъ,

*) Александръ Михайловичъ, фельдмаршалъ и вице-канцлеръ, женатый на Дарьѣ Алексѣевнѣ Гагариной.

что хорошо провели время. Въ двухъ верстахъ отъ Петербурга, на Невѣ, есть очень красивый островокъ, называющійся Каменнымъ. Великій князь, которому онъ принадлежитъ, намѣренъ тамъ строиться. Французскій ресторатор, по имени Готье, получилъ позволеніе держать тамъ трактиръ, въ которомъ мы и были. Хорошій обѣдъ стоилъ намъ четыре рубля три четверти (около луидора), но было очень холодно—19 градусовъ. Больше всего мнѣ доставила удовольствіе ѣзда по льду Невы. Эта прекрасная рѣка, по крайней мѣрѣ, вдвое шире Сены и очень украшаетъ столицу Россійской Имперіи.

Возвратясь, я пилъ чай у шведскаго посланника; мы съ нимъ протолковали до вечера, то-есть часовъ до трехъ. Я очень былъ польщенъ этимъ, потому что видѣлъ съ его стороны дружеское участіе, къ которому я всегда былъ очень чувствителенъ. Баронъ Нолькенъ въ высшей степени любезенъ и къ достоинствамъ ума присоединяетъ достоинства сердца. Но онъ очень подозрителенъ, всякія пустяки его обижаютъ. Его надо знать и прощать ему маленькія слабости, обусловленныя слабымъ здоровьемъ. Вы знаете, мой другъ, какъ мы съ нимъ поссорились изъ-за шутки, изъ-за составленнаго мною, въ стихахъ и прозѣ, описанія поѣздки въ Ярославль. Онъ на меня долго за это сердился, и признаюсь, что теперешнія проявленія дружбы и довѣрія съ его стороны очень меня удивляютъ, хотя въ то же время и льстятъ. Я стараюсь отыскать своекорыстный мотивъ такого ко мнѣ отношенія, потому что вѣдь всѣ люди, болѣе или менѣе своекорыстны, хотя бы и въ деликатной формѣ. Въ данномъ случаѣ, я полагаю, мотивомъ служитъ желаніе Нолькена имѣть повѣреннаго, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить горе и радость, а потому выборъ, имъ сдѣланный, очень мнѣ льститъ, тѣмъ болѣе, что и моимъ интересамъ соотвѣтствуетъ: я, мой другъ, буду говорить съ нимъ о васъ.

Онъ мнѣ показалъ письмо, написанное имъ къ шведскому королю Густаву III, когда тотъ еще былъ наслѣднымъ принцемъ. Письмо поучительно, хорошо написано и дѣлаетъ честь имъ обоимъ. Король питаетъ къ нему большую дружбу. *Если Нолькенъ когда-либо пріѣдетъ во Францію, то я его познакомлю* съ вами.

Суббота, 6.—Къ моему брату.

Я еще не говорилъ тебѣ, мой другъ, о Нормандецѣ, секретарѣ испанскаго посольства. Это весьма порядочный малый и очень не глупый; онъ, повидимому, желаетъ сойтись со мной, что мнѣ очень пріятно. Благодаря плохому здоровью, онъ нѣсколько меланхоличенъ, но я постараюсь вылѣчить его своимъ уходомъ и развлеченіями. Такъ пріятно оказать услугу хорошему человѣку!

Сегодня утромъ онъ былъ у меня, мы вмѣстѣ сдѣлали нѣсколько визитовъ и потомъ обѣдали у Мишеля, который насъ очень хорошо принялъ и угощалъ превосходнымъ калабрскимъ виномъ. В[illegible]ромъ мы отправились къ Штелину, [illegible]кретарю Академіи, которому я долж[illegible] былъ передать книгу доктора Жибеле[illegible] Объ этомъ человѣкѣ я составилъ хорош[illegible] мнѣніе; онъ большой оригиналъ, обладаю[illegible]щій весьма смутными знаніями, но в[illegible] общемъ большой говорунъ и хорошій человѣкъ. Говоруны всегда бываютъ хорошими людьми.

Говорятъ о назначеніи камергера Нарышкина губернаторомъ въ Бѣлоруссію. Императрица подписала это назначеніе сегодня, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Говорятъ также о смерти аббата Вуазенона и о томъ, что Вольтеръ умираетъ. Изъ Франціи доходятъ также интересныя новости; отмѣна Нантскаго эдикта доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ доказываетъ, что духовенство лишилось вліянія и что въ министерствѣ господствуетъ философскій духъ, весьма плодотворный для человѣчества. Маркизъ со мной не согласенъ, и я съ тяжелымъ чувствомъ вижу, что онъ, единственный изъ французовъ и вообще иностранцевъ, не радуется этой новости.

Воскресенье, 7.—Къ нему же.

Сегодня мы были во дворцѣ, милый другъ, для цѣлованія руки ея величества. Петербургскій дворецъ довольно обширенъ, но въ его внѣшности болѣе великолѣпія, чѣмъ вкуса. Передъ нимъ—большая площадь. Что меня особенно удивило, такъ это то, что намъ пришлось очень высоко подниматься по лѣстницѣ. Подробности опишу тебѣ въ слѣдующій разъ.

Черезъ Нормандеца, очень дружески ко мнѣ относящагося, я сдѣлалъ еще новое знакомство. Онъ представилъ меня г. Бемеръ *), президенту коммерческаго суда для нѣмецкихъ провинцій. У этого добродушнаго нѣмца очень симпатичная жена и три весьма любезныя дочери; я, впрочемъ, видѣлъ только двухъ. Одна изъ нихъ, говорятъ, будто бы англичанка, но въ ней нѣтъ британской натянутости. Другая **) гораздо красивѣе и похожа на м-ель де-Гурнэ. По словамъ Нормандеца, это очень пріятный домъ и мы часто будемъ туда заглядывать по вечерамъ. Оттуда я отправился къ гр. Андрею (Разумовскому), который просилъ меня придти, такъ какъ принималъ сегодня лекарство и сидитъ дома одинъ. Я у него пробылъ до 11½ часовъ. Графъ Андрей, мой другъ, человѣкъ дѣйствительно глубоко чувствующій; жизнь, которую онъ ведетъ, неблагопріятна для проявленія этого качества, но онъ проявляетъ его въ тѣсномъ кружкѣ друзей. Мы разговаривали о любви, и онъ съ интересомъ слушалъ разсказы о моихъ приключеніяхъ. Я, право, думаю, что онъ поможетъ мнѣ переносить разлуку съ тобою, хотя, конечно, замѣнить тебя въ моемъ сердцѣ не можетъ.

Понедѣльникъ, 8.—Къ нему же.

Сегодня утромъ, мой другъ, я видѣлъ человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго; это баронъ Сакенъ, саксонскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ. Я встрѣчался съ нимъ въ обществѣ, не обращая на него особеннаго вниманія, но теперь, благодаря различнымъ отзывамъ о его характерѣ, мнѣ захотѣлось познакомиться съ нимъ поближе. Съ перваго взгляда онъ кажется простымъ, холоднымъ и вѣжливымъ человѣкомъ; довольно высокій ростъ, красивая и характерная фигура, а особенно произношеніе, тотчасъ же обличаютъ въ немъ нѣмца. Въ разговорѣ его нѣтъ ничего пикантнаго; уединеніе онъ предпочитаетъ обществу, можетъ быть, потому, что наводитъ на всѣхъ скуку. Признаюсь, что въ качествѣ молодого человѣка я такъ объ немъ до сихъ поръ и думалъ. Но замѣтивъ, что онъ и въ Петербургѣ, какъ въ Москвѣ, старается жить подальше отъ города и поближе къ полю, что въ его квартирѣ царствуетъ искусство и что при всемъ этомъ въ немъ незамѣтно никакой претенціозности, я долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе. Кромѣ того, объ немъ говорятъ какъ о хорошемъ наблюдателѣ, умѣющемъ оцѣнивать характеры выдающихся лицъ. Я хочу сойтись съ этимъ человѣкомъ и посмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли его характеръ тому понятію, которое я теперь немъ себѣ составилъ.

Въ четыре часа я вышелъ отъ барона Нолькена для того, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ. Былъ у Фальконэ и проговорилъ съ нимъ часа два. Онъ упомянулъ о своемъ переводѣ Плинія, который такъ раскритиковали. Фальконэ съ большой твердостью защищался отъ критиковъ, но въ то же время исправилъ ошибки, на которыя они ему указали. Онъ далъ мнѣ, для прочтенія, экземпляръ книги съ собственноручными помѣтками. Думаю, что онъ выпуститъ новое изданіе. Когда прочту, то сообщу тебѣ свое мнѣніе объ этомъ переводѣ.

Вторникъ, 9.—Ему же.

Часть дня я провелъ за письмами. Сегодня отправлю тебѣ мой № 7. Написалъ также къ матушкѣ, къ м. де-Жюинье и въ Москву, къ кн. Долгорукому, камергеру Императрицы. Это очень достойный и порядочный человѣкъ, отъ котораго я получилъ много любезностей. Онъ обладаетъ кроткимъ и добрымъ характеромъ, потому что влюбленъ! Ты знаешь, мой другъ, что для меня достаточно такого доказательства. Предметомъ его любви является супруга Захара Чернышова, злая и некрасивая, такъ что я ему не завидую.

Покончивъ съ письмами, я провелъ вечеръ у гр. Ляссі. Тамъ встрѣтилъ гр. Сакромозо, который сообщилъ мнѣ новость о смерти Мальтійскаго Гросмейстера и о замѣнѣ его Руанскимъ Бальи. Только это еще не навѣрно.

Помнишь, мой другъ, о знаменитомъ камнѣ, привезенномъ въ Петербургъ изъ Финляндіи. Этотъ громадный камень, предназначенный для пьедестала статуи

*) Фридрихъ, женатый на Шарлоттѣ Менцель.
**) Шарлотта, будущая жена шев. де-Корберона.

Петра I, не долженъ былъ обтачиваться, а между тѣмъ Фальконэ нашелъ его слишкомъ большимъ для статуи, и велѣлъ уменьшить. Изъ этого вышли сплетни. Говорятъ, что Фальконэ боится, какъ бы пьедесталъ не привлекъ къ себѣ большаго вниманія зрителей, чѣмъ самая статуя. Я не вѣрю, чтобы онъ былъ способенъ на такую мелочность.

Послѣ ужина Нормандецъ говорилъ мнѣ о своей любви къ Шарлоттѣ Бемеръ. Онъ желалъ бы избавиться отъ этой любви, такъ какъ Шарлотта кокетка. Ему не понравилось бы, однакоже, я полагаю, если бы кто-нибудь отбилъ ее у него. Это та самая дѣвица, которую я видѣлъ прошлый разъ и нашелъ похожей на м-ель Гурнэ. Нормандецъ самъ признается, что онъ ревнивъ, такъ что онъ просто ее ревнуетъ. Правда, что и онъ даетъ поводъ къ ревности, расхваливая мнѣ третью сестру, которую я еще не видалъ. Вотъ, мой другъ, канва для приключеній; но ты знаешь мои московскіе проекты и я подожду, чѣмъ они кончатся, прежде чѣмъ переходить къ чему-нибудь другому. Кромѣ того, я не хочу серьезныхъ связей, а это можетъ кончиться чѣмъ-нибудь серьезнымъ.

Среда, 10.—Ему же.

Вернулся отъ Лессепса, гдѣ ужиналъ. Это очень милые люди; тонъ у нихъ нѣсколько буржуазный — мы пѣли за столомъ — но зато весело, а это главное. Былъ одинъ молодой испанецъ, который мнѣ сообщилъ, что Нормандецъ каждый вечеръ бываетъ у Бемеръ; значитъ, я не ошибся, считая его влюбленнымъ.

Сегодня утромъ у меня былъ маленькій, толстенькій, старенькій человѣчекъ, болтунъ и очень живой. Это нѣкій Дюмениль, французъ, которыхъ здѣсь множество. Онъ состоитъ учителемъ у кн. Трубецкого, много путешествовалъ и хвастаетъ большими познаніями въ медицинѣ.

Четвергъ, 11.—Къ м-ель де-Брессоль.

Вы—мой другъ, моя повѣренная и я вамъ хочу сообщить о двухъ новыхъ моихъ знакомыхъ. Первая—м-ель Пти, дочь француженки гувернантки въ домѣ гр. Штейнбока; она сегодня обѣдала вмѣстѣ *со мною* у бар. Нолькена. Это очень молоденькая, свѣженькая и миленькая дѣвушка, которой я старался понравиться, такъ какъ не могу жить безъ привязанности. Думаю пойти къ ней, чтобы отнести кое-какіе рисунки, въ которыхъ она нуждается.

Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я провелъ прекрасный вечеръ у Бемеръ. Видѣлъ третью дочь, но все-таки предпочитаю вторую. Она пѣла итальянскія пѣсенки, причемъ становилась еще привлекательнѣе. Хорошій голосъ—это вѣдь очаровательный даръ! Было довольно весело; съ одной стороны—было много народа, съ другой—мы занимались музыкой, а съ третьей — передавая свѣчу, я воспользовался случаемъ поцѣловать ручку, которую у меня не отняли. Будь я влюбленъ, такъ смѣлости бы не хватило.

Пятница, 12.—Къ маркизѣ Брэанъ.

Вы, сударыня, вѣроятно желали бы узнать о состояніи моего сердца, котораго прежде были повѣренной и вновь будете, такъ какъ я не боюсь экзамена. Вы знаете, какъ я страдалъ, разставаясь со всѣмъ, что люблю. Меланхолія моя продолжалась во все время путешествія и пребыванія въ Москвѣ.

Меня старались встряхнуть, излѣчить мою тоску развлеченіями, но возможно ли это безъ друга, безъ возлюбленной? Эти два ресеурса явились, наконецъ, и я признаюсь вамъ, что жадно ими воспользовался. Молодая Нарышкина и гр. Андрей доставили мнѣ утѣшеніе, котораго можно ждать отъ любви и дружбы. Но первая давала пищу только моему воображенію, такъ какъ на смутныхъ соображеніяхъ ничего основать нельзя. Въ такомъ положеніи было мое сердце, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Сегодня я видѣлъ Нарышкину при дворѣ, гдѣ былъ балъ по случаю Новаго года. Во время танцевъ мы съ ней разговаривали. Я ушелъ раньше всѣхъ, чтобы повидаться со Штелинымъ, секретаремъ Академіи. У него я встрѣтилъ сестру фрейлины Нарышкиной съ гувернанткой м-ель Немиръ и чудакомъ, живущимъ у оберъ-шталмейстера, нѣкіимъ шевалье де-Менвилльe. Этотъ вечеръ для меня не прошелъ даромъ, вы увидите, къ чему онъ приведетъ.

Суббота, 13.—Къ той же.

Сегодня мы были на прекрасномъ спектаклѣ въ Смольномъ монастырѣ. Воспитанницы представили *L'indiscret* Вольтера, *Le Sorcier* и *Le Coq du Village*. Эти три пьесы и балетъ, данный въ концѣ, прошли очень хорошо. Послѣдняя пьеса была особенно пикантна, потому что въ ней играли пяти, шести и семилѣтнія дѣвочки. Я только не совсѣмъ доволенъ тѣмъ направленіемъ, которое дается такимъ маленькимъ дѣтямъ; вкусъ къ удовольствіямъ и таланты, которые имъ прививаютъ, могутъ быть скорѣе вредными, чѣмъ полезными для счастья небогатыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Но меня примирила съ этимъ доброта Императрицы и радость воспитанницъ. Всѣ онѣ казались одной семьей, а Императрица — матерью, ласкающею своихъ дѣтей. Это вамъ должно доставить удовольствіе.

Понедѣльникъ, 15.—Къ той же.

Сегодня я видѣлъ знаменитую конную статую Петра I. Это лучшая изъ всѣхъ подобныхъ, которыя мнѣ извѣстны. Вы знаете споры, брань и насмѣшки, ею вызванные; могу васъ увѣрить, что она заставитъ забыть все это. Я еще нѣсколько разъ пойду смотрѣть на нее, и только тогда дамъ вамъ подробный отчетъ.

Вечеромъ я часа два просидѣлъ у Бемеръ. Положительно—младшая сестра прехорошенькая! Одно меня приводитъ въ смущеніе: есть молодой человѣкъ, который въ нее влюбленъ, который меня ей представилъ и съ которымъ мы пріятели. Какъ быть? Онъ очень ревнуетъ ее ко мнѣ, хотя и не признается въ этомъ. Неужели отказаться отъ пріятнаго знакомства? Или разорвать съ человѣкомъ, котораго я уважаю? О женщины, женщины! Всегда-то вы служите причиною нашихъ дурныхъ поступковъ прежде чѣмъ составить наше счастье!

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, въ Петербургѣ происходила съ большой помпой весьма смѣшная церемонія благословенія рѣки Невы греческимъ духовенствомъ *). Прежде сама Императрица присутствовала при этомъ потѣшномъ обрядѣ, всѣ гвардейскіе полки въ парадной формѣ и при оружіи участвовали, вообще значеніе ему придавалось огромное. Народъ толпами бросался купать дѣтей въ только что освященной водѣ, и эти несчастные становились, конечно, мучениками, такъ какъ вѣдь въ это время морозы стояли здѣсь страшные. Сегодня, напримѣръ, было—25°. Говорятъ, что церемонія эта установлена въ память крещенія Іисуса Христа въ Іорданѣ.

Вечеромъ сегодня при дворѣ ничего не было, другъ мой, поэтому я отправился въ нѣмецкій театръ, доставившій мнѣ большое удовольствіе хорошей игрой актеровъ, которыхъ здѣшняя нѣмецкая колонія выписала на свой счетъ. Прекрасное развлеченіе, играютъ комедіи и комическія оперы.

Четвергъ, 18.—Къ брату.

Сегодня были большія похороны; хоронили вдову канцлера Воронцова *). Ты знаешь, мой другъ, церемонію врученія паспорта мертвецу—паспорта, который долженъ быть представленъ св. апостолу Петру—эта церемонія еще продѣлывается здѣсь съ точностью. Поэтому ты можешь судить о процвѣтаніи философіи въ Россіи, не дальше ушла она и по части нравственности.

Утромъ у меня перебывало много народа, и между прочимъ французовъ. Когда-нибудь я тебѣ дамъ отчетъ объ нихъ, но заранѣе предупреждаю, что этотъ отчетъ не будетъ особенно лестнымъ для нашей національности. Удивительно сколько сюда понаѣхало различныхъ проходимцевъ изъ Франціи, они портятъ нашу репутацію и, взаимно обличая другъ друга, заставляютъ насъ прикрывать ихъ мошенничество. Я еще не могу на это жаловаться, но долженъ соблюдать осторожность.

Суббота, 20.—Къ брату.

Время здѣсь идетъ несравненно скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Общество въ Петербургѣ разнообразнѣе и связи въ немъ

*) Крещенскій парадъ.

*) Урожденную Скавронскую, родственницу императрицы Елизаветы.

больше, такъ какъ здѣсь много иностранцевъ и артистовъ. Мы, поэтому, не принуждены убивать время въ разговорахъ другъ съ другомъ. Я хочу развлекаться, въ этомъ состоитъ также и цѣль общества. Если оно этой цѣли не достигнетъ, то я предпочту жить въ одиночествѣ.

Семья Бемеръ даетъ мнѣ очень многое. Отецъ съ матерью—добрые люди, живущіе по добрымъ старымъ обычаямъ. Въ семьѣ, три дочери, дѣлающія ее пикантною. Младшая очень красива и обладаетъ естественными манерами, свойственными нѣмецкой націи. Вотъ у русскихъ нельзя встрѣтить ничего подобнаго; ихъ вѣжливость, манеры, свѣтскій тонъ, все это—обезьяничаніе, нѣтъ у нихъ ничего своего.

Другимъ рессурсомъ служитъ для меня англичанинъ Пирротъ (Perraut), котораго я встрѣчаю у Бемеръ, онъ меня научитъ своему языку.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, проклиналъ лѣнь, помѣшавшую мнѣ изучить нѣмецкій языкъ. Былъ я при дворѣ, встрѣтилъ тамъ маленькую Нарышкину, которая сообщила, что ѣдетъ въ нѣмецкій театръ, я, конечно, отправился туда же, но Нарышкиной тамъ не было, также какъ не было и оперы, а играли только двѣ комедіи и я страшно скучалъ, не понимая языка.

Оттуда отправился къ Штелину, гдѣ надѣялся по крайней мѣрѣ встрѣтить гувернантку (м-ель Немиръ), и опять ошибся въ разсчетѣ. Познакомился съ сыномъ Штелина, очень хорошимъ малымъ. Мы толковали о рисункахъ, гравюрахъ и проч. Онъ показалъ мнѣ рисунокъ маркиза Блоссэ *), сдѣланный тушью. Мы рѣшили вмѣстѣ работать, онъ мнѣ покажетъ свой способъ, а я ему—свой, и, такимъ образомъ, оба мы усовершенствуемся.

Прощай, мой другъ, иду ужинать къ Ивану Чернышову, гдѣ всегда скучаю: вельможи утомляютъ.

*) *Тогдашній французскій посланникъ въ Португаліи.*

Вторникъ, 23.—Маркизѣ де-Брэанъ.

Вы можетъ быть думаете, сударыня, что въ Россіи заботятся только о подготовленіи воиновъ и хорошихъ хозяекъ? Вы полагаете, вѣроятно, что въ этой новой странѣ начинаютъ съ примѣненія великихъ принциповъ воспитанія, съ того, чтобы внушить молодымъ людямъ обоего пола великія нравственныя добродѣтели, а затѣмъ свѣтская жизнь и путешествія даютъ имъ тотъ лоскъ, который необходимъ для жизни? Я думалъ также, но, сударыня, я ошибался. Сегодня я видѣлъ, какъ молоденькія воспитанницы монастыря, подобнаго нашему Сенъ-Сирскому, представляли комедію и комическую оперу не хуже нашихъ парижскихъ дамъ. Хорошія музыкантши, хорошія актрисы, прекрасныя танцовщицы, очень мило поддерживающія разговоръ, онѣ уже ничему больше не могутъ научиться въ свѣтѣ. Но на пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ совершенствъ нужно много времени, такъ что вы, пожалуй, подумаете, что воспитанницы монастыря предназначаются къ жизни исключительно свѣтской, разсѣянной. Я справился на этотъ счетъ и узналъ, что онѣ напротивъ того всѣ очень не богаты, и что ихъ такимъ воспитаніемъ думаютъ вознаградить за недостатокъ средствъ. Хорошо вознагражденіе—привить вкусъ къ удовольствіямъ тому, кто не въ состояніи будетъ ими пользоваться!

Среда, 24.—Къ брату.

Хоть я и дипломатъ по профессіи, но не могу же я сдѣлаться таковымъ до мозга костей и стать равнодушнымъ даже къ скукѣ. Сегодня я обѣдалъ у гр. Ивана Чернышова и чуть не умеръ съ тоски. Жена его положительно глупа, а самъ онъ хотя не глупъ, но хуже того: онъ—въ полномъ смыслѣ слова придворный и потому въ ихъ домѣ царствуетъ невозможная натянутость, хорошо, что гр. Андрей, сидѣвшій рядомъ со мною, нѣсколько скрашивалъ мое глупое положеніе. Мы съ нимъ много говорили и составили проектъ совмѣстной жизни въ Парижѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ. Вечеромъ онъ меня сводилъ къ очень милой дамѣ, г-жѣ Зиновьевой, женѣ русскаго

посла въ Испаніи *). Я думаю воспользоваться этимъ знакомствомъ; она умна и обладаетъ, я полагаю, впечатлительнымъ характеромъ.

Пятница, 26.—Къ брату.

Наконецъ я, какъ и всѣ, заплатилъ дань климату, мой другъ—вернулся домой сильно простудившись. Сегодня у насъ 21° мороза; это такой холодъ, о которомъ во Франціи не имѣютъ понятія. Я вышелъ въ полдень, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ и потомъ отправиться на обѣдъ въ кадетскій корпусъ къ Рибасу **), итальянцу, очень хорошему и весьма образованному молодому человѣку, управляющему этимъ учрежденіемъ. Послѣ обѣда пришло много молодыхъ людей его учениковъ, очевидно хорошо воспитанныхъ и развлекавшихъ насъ музыкою. Боюсь только, какъ бы множество предметовъ, ими изучаемыхъ, не мѣшали другъ другу, и какъ бы изящная часть воспитанія не вредила существенной. Между прочимъ видѣлъ одного двадцатилѣтняго кадета, который говорятъ, будто бы прекрасно играетъ, хорошій акторъ, превосходно рисуетъ и притомъ замѣчательно скроменъ. Я постараюсь узнать имя этого молодого человѣка, такъ же какъ и другого, котораго считаютъ сыномъ Императрицы ***).

Суббота, 27.—Къ брату.

Было много посѣтителей и между прочимъ былъ шевалье Козимо Мари, итальянецъ изъ Пизы, путешествующій для собственнаго удовольствія. Наружность его проста, но разговоръ богатъ содержаніемъ. Сразу видно, что онъ итальянецъ (ты смѣешся, но вѣдь это правда)—большой носъ и главнымъ образомъ акцентъ выдаютъ его. Онъ близокъ съ Орловыми и особенно съ Алексѣемъ, откуда извлекаетъ выгоду. Мы говорили о счастьѣ, возвысившемъ Орловыхъ, и о неразрывной связи, которая ихъ соединяетъ и поддерживаетъ.

Ты помнишь, милый другъ, что въ 1771 г. Григорій Орловъ *), тогдашній фаворитъ, благодаря кознямъ гр. Панина, былъ деликатно удаленъ отъ двора и впалъ бы окончательно въ немилость, если бы братъ его, Иванъ, не сдѣлалъ бы всего, что было въ силахъ, для того, чтобы оправдать его въ глазахъ Екатерины II и опровергнуть внушенныя ей несправедливыя предубѣжденія на его счетъ. Тогда она самымъ любезнымъ образомъ вернула его ко двору (мнѣ обѣщали достать письмо ея по этому поводу). Вернувшись въ концѣ 1771 г., Орловъ осыпалъ своихъ враговъ милостями: Панина сдѣлалъ фельдмаршаломъ и проч.; но для того, чтобы возстановить разстроенное здоровье, онъ принужденъ былъ вновь уѣхать за границу—(въ Италію, въ Германію) и ѣздитъ до сихъ поръ, хотя долженъ вернуться скорѣе, чѣмъ думаютъ. Вотъ, мой другъ, что разсказалъ мнѣ шевалье Козимо Мари. Къ этому онъ прибавилъ, что Григорій Орловъ женатъ на Императрицѣ, что фаворъ его еще не кончился и что фаворъ Потемкина — его креатуры, и креатуры неблагодарной—продолжительнымъ быть не можетъ. Потемкинъ, однакоже, недавно получилъ отъ Императри-

*) Степана Степановича, женатаго на Меньшиковой.

**) Жозефъ Бужонъ (Boujon), извѣстный подъименемъ Рибаса, сынъ испанца, родившійся въ Неаполѣ, былъ авантюристъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Алексѣю Орлову, вывезшему его изъ Ливорно. Сначала былъ директоромъ кадетскаго корпуса, потомъ адмираломъ, причемъ командовалъ Черноморской флотиліей, подъ начальствомъ Потемкина. Маркизъ Жюинье и генералъ Ланжеронъ прекрасно объ немъ отзываются. Послѣдній считаетъ его „хорошимъ полководцемъ, отличнымъ негоціаторомъ и даже честнымъ человѣкомъ“. Въ этомъ позволительно усумниться. Онъ учредилъ масонскую ложу въ корпусѣ.

***) Гр. Бобринскій, сынъ Екатерины и Григорія Орлова, родившійся черезъ мѣсяцъ по смерти Елизаветы. Одно время хотѣли признать его наслѣдникомъ, вмѣсто великаго князя Павла.

*) Позже, въ одной изъ своихъ депешъ, де-Корберонъ отзывается о немъ такъ: «Князь Орловъ былъ единственнымъ изъ фаворитовъ Императрицы, способнымъ давать ей смѣлые и честные совѣты. Погрязнувъ въ эгоизмѣ, онъ кончилъ тѣмъ, однако-же, что сталъ жить исключительно собою. Не имѣя, кромѣ того, никакихъ понятій въ дѣлѣ администраціи, онъ оставался въ невѣжествѣ, свойственномъ его странѣ, и сдѣлался совершенно для нея безполезнымъ». Дюранъ говорилъ о немъ слѣдующее: «По природѣ онъ простой русскій мужикъ и остался такимъ до конца... Онъ любитъ такъ же, какъ ѣстъ, и можетъ довольствоваться калмычкой или чухонкой такъ же, какъ самой красивой придворной дамой. *Бурлакъ* онъ былъ, бурлакомъ и остался».

пы 16.000 душъ крестьянъ, что можетъ дать ему ежегодно по пяти рублей съ души. Говорятъ, однакожъ, что это подарокъ есть признакъ отставки. Ужъ не знаю, мой другъ, долженъ ли я вѣрить всему, что разсказывалъ мнѣ мой итальянецъ, другъ Орловыхъ. Поживемъ—увидимъ.

Понедѣльникъ, 29.—Къ брату.

Гр. Сакромозо вчера откланялся Ея Величеству, которая подарила ему превосходную табакерку, осыпанную бриллiантами, и кромѣ того 5.000 рублей, сумму, получаемую всѣми посланниками, хотя Сакромозо и не игралъ никакой политической роли. Онъ немедленно уѣзжаетъ въ Варшаву. Это очень достойный и любезный человѣкъ, весьма образованный, философъ и чрезвычайно прiятный въ обращенiи.

Сегодня прiѣхалъ Штакельбергъ, русскiй посланникъ—а за послѣднiе шесть мѣсяцевъ уже посолъ — въ Польшѣ. Должно быть дѣло идетъ о какихъ-нибудь соглашенiяхъ съ поляками, если только не помѣшаетъ прiѣздъ принца Генриха *), такъ какъ Императрица питаетъ наилучшiя намѣренiя и готова поступиться той частью Польши, которая досталась ей по раздѣлу. Король Прусскiй **) будетъ тогда въ большомъ затрудненiи.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

Я все-таки сижу дома изъ-за своей простуды, но зато, мой другъ, меня стараются развлекать визитами. Есть здѣсь нѣкiй Дюбрейль, французскiй дворянинъ, настоящее имя котораго — д'Аржье. Онъ занимается лѣченiемъ зубовъ. Исторiя этого человѣка—цѣлый романъ. По бумагамъ онъ принадлежитъ къ хорошей фамилiи, но не совсѣмъ благоразумное поведенiе заставило его уѣхать съ родины. Дѣло въ томъ, что онъ, прокутивъ большую часть своего состоянiя, пошелъ въ монахи, или по крайней мѣрѣ въ послушники, а затѣмъ бѣжалъ въ Голландiю, гдѣ нашъ посланникъ, де-Ноайль, заставилъ его выучиться ремеслу зубного врача, которымъ онъ здѣсь и промышляетъ. Наивнѣйшимъ образомъ разсказавъ мнѣ всѣ свои дурачества, сообщивъ (подъ секретомъ) настоящее имя, онъ привелъ ко мнѣ еще одного господина, учителя у Неплюевыхъ (Néplouviof). Этого зовутъ Брэнъ-де-Фурнель; онъ служилъ къ королевской лейбъ-гвардiи, потомъ былъ лейтенантомъ въ пѣхотномъ полку, откуда перешелъ въ Польшу, гдѣ познакомился съ ген. Бибиковымъ, который и привезъ его въ Россiю. Де-Фурнель — человѣкъ высокаго роста. Худой, очень развязный, но вполнѣ приличный. Онъ хорошо говоритъ и можетъ быть мнѣ полезенъ. Онъ замѣтилъ, что я увлекаюсь фрейлиной Нарышкиной и шутилъ надъ ней по этому поводу. Она добродушно отшучивалась и велѣла мнѣ кланяться и передать, что замѣтила мое отсутствiе на куртагѣ. Не правда ли, этотъ де-Фурнель—преполезный человѣкъ?

Среда, 31.—Къ брату.

Я былъ правъ, мой другъ, обращаясь съ Фальконэ осторожно. Съ притязательными людьми нельзя иначе; надо дѣйствовать на ихъ слабую сторону, то есть на тщеславiе, что я и дѣлалъ. Имѣя дѣло съ неглупымъ человѣкомъ, однакоже, я понемножку забиралъ его въ руки. Сначала говорилъ съ нимъ объ искусствѣ; потомъ взялъ на прочтенiе его переводъ Плинiя, доставившiй мнѣ большое удовольствiе; хотя читалъ я его вовсе не ради этого, а ради того, чтобы могъ говорить о немъ, что мнѣ и удалось. Вотъ Пюнсегюръ тоже прочелъ эту книгу, но не воспользовался ею такимъ же образомъ, а потому наслушался отъ автора очень непрiятныхъ вещей! Этотъ Фальконэ—большой оригиналъ, ужасно требователенъ и ужъ не пощадитъ коль ему попадешься. Претензiи свои онъ прикрываетъ скромностью, какъ Дiогенъ лохмотьями свою философскую гордость.

Четвергъ, 1 февраля.—Къ брату.

Сегодня утромъ у меня былъ шевалье де-Сэрестъ, живущiй у князя Трубецкого. Это тоже французъ, которыхъ здѣсь раз-

*) Третiй сынъ короля Фридриха — Вильгельма I, который былъ уже въ Россiи въ 1770 году, ради *подготовки раздѣла* Польши. Теперь вновь его ждутъ.

**) *Фридрихъ Великiй.*

велось столько же, сколько насѣкомыхъ въ жаркихъ странахъ. Затѣмъ пришли итальянцы, Мочениго и Козимо Мари. Причемъ я съ грустью узналъ, что последній тотчасъ же уѣзжаетъ. Впрочемъ мы еще успѣемъ потолковать до его отъѣзда.

Къ обѣду явился бар. Нолькенъ; онъ разсказывалъ о простотѣ шведскаго двора, особенно въ деревнѣ — всѣ имѣютъ право садиться при королѣ и королевѣ. Вообще простота, введенная теперешнимъ королемъ, равно какъ и его личный характеръ, дѣлаетъ, должно быть, жизнь очень пріятной.

Сойдя къ себѣ, я былъ очень удивленъ появленіемъ Порталиса. Мои московскія связи съ нимъ, его романическія приключенія, въ которыхъ и я участвовалъ, слухи, которые здѣсь о немъ ходятъ, все это дѣлало мое положеніе затруднительнымъ и я нашелъ средство отъ него избавиться. Я далъ понять Порталису, что онъ напрасно пріѣхалъ въ Петербургъ и что я попросилъ бы его не пріѣзжать, если бы не было уже поздно. Онъ понялъ меня съ перваго слова и заявилъ, что готовъ уѣхать и сдѣлаетъ это завтра же, оставивъ мнѣ сто рублей для уплаты нѣкоему Роже-де-Фревилю, особенно дурно о немъ отзывающемуся. Я, признаюсь, не ожидалъ такого счастливаго исхода, выгоднаго для меня и для него, такъ какъ дѣла его пойдутъ отъ этого лучше. Кромѣ того, благодаря такой рѣшительности, я сталъ относится къ нему съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ она всегда служитъ доказательствомъ сильнаго характера.

Онъ разсказывалъ, что въ Москвѣ ходятъ слухи объ удаленіи Потемкина и возвращеніи Григорія Орлова.

Суббота, 3.—Къ брату.

Говорятъ, что Бецкій *) жалуется на Фальконэ за то, что тотъ обтесалъ знаменитый камень, предназначенный для пьедестала статуи Петра I. А дѣло въ томъ, что этотъ громадный монолитъ, по прибытіи въ Петербургъ, оказался длиною въ двадцать футовъ и притомъ по формѣ не соотвѣтствовалъ идеѣ Фальконэ. Въ натуральномъ видѣ онъ не могъ служить статуѣ пьедесталомъ, не убивая ее своей величиною. Кромѣ того вершину его слѣдовало превратить въ наклонную плоскость, а на ней, еще до перевозки, говорятъ будто бы отъ удара молніи, образовалась косая трещина. Фальконэ воспользовался этой трещиной для того, чтобы образовать наклонную плоскость, и снятый съ вершины кусокъ притесалъ къ задней части камня, кончавшагося некрасивой впадиной. Все это и подало поводъ клеветать на Фальконэ, говоря, что онъ уменьшилъ камень на зло Бецкому. Вотъ какъ клевещутъ, особенно въ этой странѣ! Я хотѣлъ разъяснить это дѣло, въ чемъ и успѣлъ, по крайней мѣрѣ, передъ шевалье де-Ласкарисомъ *), который добылъ камень и которому, стало быть, принадлежитъ вся честь, а вовсе не Бецкому. Да Ласкарисъ и не былъ въ претензіи на Фальконэ, съ которымъ онъ въ большой дружбѣ. Я съ нимъ говорилъ; онъ напротивъ того негодуетъ на злобу и несправедливость, заѣдающія здѣсь иностранные таланты, безъ которыхъ русскіе не могутъ обойтись, но къ которымъ они относятся съ ненавистью, по причинѣ своей зависти и мелочности.

Фальконэ долженъ разсказать мнѣ всѣ гадости Бецкаго, который, не смотря на созданныя имъ учрежденія, на свою спесь, все-таки ничтожный человѣкъ.

Воскресенье, 4.—Маркизѣ Брэанъ.

Нѣтъ, сударыня, что бы вы ни говорили, я не влюбленъ. Ну, конечно, я не претендую на полный индифферентизмъ къ красотѣ и граціи, точно такъ же, какъ не желаю казаться равнодушнымъ къ впечатлѣнію, которое самъ произвожу на лица, мнѣ нравящіяся. Но, я васъ

*) Позднѣе, Корбервнъ отзывается о Бецкомъ какъ о «глупомъ невѣжественномъ старикѣ, вся заслуга котораго состоитъ въ низкой лести».

*) «Самый дрянной авантюристъ» — по словамъ Екатерины—который заставилъ себя ненавидѣть какъ паука, и который, по протекціи Бецкаго, получилъ мѣсто директора Кадетскаго Корпуса и Академіи Художествъ (surintendant des beaux arts). Этотъ Ласкарисъ опять-таки итальянецъ, сынъ неаполитанца, торговавшаго бакалейными товарами на островѣ Кефалоніи, по имени Карбури». (Валишевскій, Autour d'un Trone).

спрашиваю, развѣ этого достаточно, чтобы считать меня влюбленнымъ? Это просто нѣкотораго рода кокетство по отношенію къ вышеупомянутымъ лицамъ. Какъ женщина, вы меня понимаете, конечно и прекрасно знаете, что такое позволительное кокетство, общее намъ съ прекраснымъ поломъ, очень еще далеко отъ любви. Таковы чувства, сударыня, которыя я испытываю къ Шарлоттѣ Бемеръ и Натальѣ Нарышкиной (я ее буду называть просто Натальей, если придется говорить о ней съ вами). Въ моихъ отношеніяхъ къ послѣдней, есть, пожалуй, нѣчто болѣе пикантное, зависящее отъ самолюбія, но Шарлотта внушаетъ мнѣ чувство болѣе глубокое, болѣе нѣжное и болѣе похожее на дружбу. Но есть вѣдь и другое чувство, хотя болѣе опредѣленное, но и труднѣе опредѣлимое; это чувство также мнѣ знакомо, я его забыть не могу... Это чувство я питаю къ вашей сестрѣ, къ избранницѣ, и его я храню въ глубинѣ души моей.

Сегодня, сударыня, я вновь нашелъ друга, оставленнаго мною въ Москвѣ; онъ сегодня пріѣхалъ. Это—принцъ Ангальтъ. Я нарисую вамъ его портретъ, такъ какъ привыкъ искать соотношенія между внѣшнимъ видомъ и душою лицъ, которыхъ люблю; физіономіи, по моему, вовсе не случайны. Ангальту 34 года; онъ средняго роста, но хорошо сложенъ, очень ловокъ, обладаетъ благородной, военной осанкой и головою, похожей на голову принца Конде. Лицомъ онъ не красивъ, но лучше всякаго красавца, потому что лицо его очень выразительно. Привычка жить въ свѣтѣ сдѣлала его искуснымъ болтуномъ съ женщинами. Съ вами, сударыня, онъ былъ бы болѣе глубокъ, чѣмъ блестящъ. Въ мужской средѣ онъ говоритъ о политикѣ и военномъ дѣлѣ, составляющемъ ремесло, которымъ онъ вполнѣ владѣетъ. Такая универсальность дѣлаетъ его годнымъ для всякаго общества и всѣмъ онъ нравится. Изучая его характеръ, я нашелъ въ немъ болѣе философскаго настроенія, чѣмъ ожидалъ встрѣтить, болѣе естественности, чѣмъ свѣтскій человѣкъ можетъ сохранить, что и заставляетъ меня думать о немъ, какъ о человѣкѣ, обладающемъ мужскимъ *величіемъ* души при впечатлительности *и чувствительности нѣжной женщины.*

Я забылъ, сударыня, что долженъ еще дать вамъ отчетъ о моемъ времяпрепровожденіи. Сегодня я обѣдалъ у гр. Потемкина; онъ намъ показывалъ картинную галлерею Императрицы, въ которой много картинъ, но онѣ плохо расположены. Галлерея слишкомъ узка, такъ что не хватаетъ мѣста для того, чтобы хорошо видѣть, затѣмъ свѣтъ идетъ не сверху, не такъ, какъ въ Кассельской галлереѣ, а черезъ обыкновенныя окна. Между прочимъ, я нашелъ тамъ Грезовскаго *Паралитика;* онъ выцвѣлъ, потерялъ весь эффектъ и теперь ничего не стоитъ. Затѣмъ намъ показали Эрмитажъ; это маленькіе интимные аппартаменты Ея Величества, въ которыхъ, во время ея тамъ пребыванія, царствуютъ полнѣйшая простота и свобода—всякій садится, гдѣ хочетъ; правила свободнаго поведенія написаны даже на особой доскѣ, при входѣ въ Эрмитажъ, но они носятъ такой авторитерный характеръ, что поневолѣ должны стѣснять свободу. Впрочемъ, вы знаете, сударыня, что дѣйствительность вообще часто замаскировывается иллюзіями. На каминѣ, въ одной изъ комнатъ Эрмитажа, я съ удовольствіемъ увидалъ мраморный бюстъ Дидро работы м-ель Колло, ученицы Фальконэ; онъ очень похожъ и хорошо выполненъ. Рядомъ съ Эрмитажемъ имѣется зимній садъ. Послѣ осмотра, мы слушали концертъ, въ которомъ участвовалъ знаменитый Ноллэ, приглашенный сюда за 400 р. въ годъ. Игра этого виртуоза удивительна, но онъ не трогаетъ, и это ужъ не въ моемъ вкусѣ.

Для того, чтобы отдохнуть отъ величія, я отправился вечеромъ къ Бемеръ, гдѣ видѣлъ г-жу Зиновьеву, у которой мы должны быть въ слѣдующій четвергъ. Была тамъ также нѣкая фонъ-Визина (von Viesen), молодая женщина, мужъ которой, повидимому, очень образованъ.

Понедѣльникъ, 5.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, я водилъ къ Фальконэ кавалера Казимо Мари. Статуя ему очень понравилась, а сужденіемъ итальянца пренебрегать нельзя. Увидавъ голову лошади Марка Аврелія, слѣпокъ которой стоитъ въ мастерской Фальконэ, тотъ же итальянецъ осуждалъ

это произведеніе искусства, которое столько людей восторженно хвалятъ. На этотъ счетъ я въ сущности согласенъ съ Фальконэ, когда у него хватаетъ смѣлости критиковать античную скульптуру *); мнѣ хотѣлось бы только исправить его насмѣшливый тонъ, не подходящій къ данному случаю.

Были мы на большомъ званомъ обѣдѣ у гр. Сольмса; видѣли тамъ двухъ поляковъ, пріѣхавшихъ со Штакельбергомъ, русскимъ посломъ въ Польшѣ, котораго недавно сдѣлали графомъ Римской Имперіи (Saint-Empire). Одинъ изъ этихъ поляковъ, графъ Пшездецкій (Pizedtziecki)— очень достойный молодой человѣкъ, а другой, графъ Унрухъ (Unruch) — кавалеръ русскаго ордена Св. Анны 1-й степени, что уже ясно показываетъ его образъ мыслей. Былъ еще какой-то камергеръ, имени котораго я не знаю. Самъ Штакельбергъ очень любезенъ; онъ обладаетъ свѣтскими манерами и, не смотря на свой малый ростъ и толстоту, весьма презентабеленъ.

Среда, 7.—Къ брату.

Я полонъ энтузіазма и почтенія, мой милый другъ! Знаешь ли ты, что я видѣлъ, къ чему прикасался? Къ шпагѣ Петра I! Я видѣлъ восковое изображеніе этого героя, этого великаго человѣка, управлявшаго дикарями. Какъ бы онъ былъ удивленъ, найдя, что они, за семьдесятъ три года, такъ мало подвинулись впередъ! Изображеніе Петра Великаго находится въ Петербургской Академіи Наукъ, которую онъ построилъ. Царь представленъ сидящимъ въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ давалъ аудіенціи, и въ своей обычной позѣ — высоко поднявъ голову, руки на подлокотникахъ кресла, а на лицѣ выражается величіе и энергія, свойственныя монарху и геніальному человѣку. Изображеніе, какъ я уже говорилъ, вылѣплено изъ воска и моделировано по его трупу. На немъ надѣтъ парикъ, сдѣланный изъ собственныхъ волосъ Петра, и голубой, градетуровый, шитый серебромъ костюмъ — единственный парадный костюмъ, который онъ когда-либо носилъ, вышитый фрейлинами его двора. Поверхъ костюма — серебряный поясъ; ноги—въ красныхъ чулкахъ и въ такихъ грубыхъ башмакахъ, что наши слуги, въ праздникъ, ихъ бы не надѣли. Мнѣ показывали будничные его шерстяные чулки, заштопанные на пяткахъ. Я видѣлъ также матросскій костюмъ, который Петръ носилъ въ голландскихъ корабельныхъ мастерскихъ; и я пожалѣлъ Россію за то, что великій ея государь былъ болѣе властителемъ, чѣмъ философомъ, и не постарался создать націю прежде, чѣмъ сдѣлать ее цвѣтущею; но въ тѣ времена вся Европа заботилась больше о величіи, чѣмъ о философіи; онъ раздѣлялъ ошибки своего вѣка: царствованіе Людовика XIV ослѣпило и обмануло его.

Я вхожу въ такія подробности, милый другъ, потому, что считаю важной всякую мелочь, напоминающую о великомъ человѣкѣ. Пойдемъ далѣе. Въ этой Академіи, которую я сегодня утромъ осматривалъ вмѣстѣ съ Козимо Мари, много различныхъ залъ. Мы начали съ библіотеки, немножко низковатой. Въ ней 40000 томовъ, изъ которыхъ 14600 отняты у кн. Радзивила *) въ Польшѣ. Намъ показывали первую книгу, напечатанную въ Москвѣ въ 1562 году. Печатали сами русскіе; шрифтъ ихъ довольно чистъ и краска хороша, но прекрасная, плотная бумага выписана изъ Англіи, какъ мнѣ говорили. Намъ показывали также первую историческую лѣтопись Россіи, написанную однимъ кіевскимъ монахомъ въ концѣ десятаго столѣтія. Въ ней встрѣчаются сдѣланныя перомъ разноцвѣтныя виньетки, по красотѣ рисунка удивительныя для того времени, когда искусство было въ упадкѣ даже въ Италіи. Кажется, Жераръ, изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Авторомъ этой лѣтописи, написанной должно быть по-славянски, былъ монахъ, по имени Несторъ.

Обѣдалъ я съ маркизомъ, и замѣтилъ, что Пюисегюръ съ нимъ въ ладахъ. Они о чемъ-то потихоньку разговаривали. Я этой интимности не завидую и она меня

*) Фальконэ страстно критиковалъ греческихъ и римскихъ скульпторовъ, которые, по его словамъ, не умѣли лѣпить лошадей. Особенно онъ нападалъ на голову лошади Марка Аврелія.

*) Карла-Станислава, палатина Виленскаго, котораго Екатерина II ненавидѣла за любовь къ родинѣ.

не безпокоить, такъ какъ разговоры такихъ лицъ не могутъ быть особенно интересными. Но это все-таки прибавляетъ маленькую черточку къ изображенію характера маркиза: онъ меня уважаетъ, даже, пожалуй, боится, такъ какъ, передавая другимъ, никогда не выбираетъ меня въ свои повѣренные. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе можетъ существовать между двумя лицами, до такой степени отличающимися другъ отъ друга по характеру, вкусамъ и чувствамъ? Мы съ тобой болѣе сходимся, милый другъ, и на этомъ основана наша дружба, которая умретъ только вмѣстѣ со мною.

Четвергъ, 8.—Къ брату.

Принцъ Ангальтъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, мой другъ, далъ мнѣ слѣдующее доказательство своего довѣрія.

Я уже тебѣ говорилъ о его московской любовной исторіи. Его очень интересовала молодая Плещеева, но онъ ей не открывалъ своихъ чувствъ и полагаетъ, что они ей неизвѣстны. Между тѣмъ подруга этой дѣвицы влюбилась въ принца и, подозрѣвая его любовь къ Плещеевой, сдѣлалась задумчива и печальна. Ангальта объ этомъ предупредили и онъ сталъ обращаться съ нею дружески, конечно, больше изъ состраданія, чѣмъ по чувству. Но любовь сильна; дѣвица подумала, что принцъ ее любитъ и молчитъ только изъ скромности. Между тѣмъ ему пришлось уѣхать, что вызвало съ ея стороны нервные припадки. М-ель Плещеева говорила съ принцемъ о своей подругѣ, упрекала его въ обманѣ, въ стараніи зажечь въ ея сердцѣ безплодную страсть. Принцъ не сказалъ ей настоящей правды и уѣхалъ изъ Москвы въ убѣжденіи, что Плещеева не только не раздѣляетъ его чувствъ, но даже считаетъ его легкомысленнымъ и фальшивымъ человѣкомъ, играющимъ женщинами. Онъ боится потерять даже ея дружбу. Между тѣмъ княжна Дашкова, которая любитъ Ангальта, стала ревновать, что еще увеличило недоразумѣніе. Эта путаница довольно забавна, но дѣйствующимъ лицамъ отъ того не легче. Я былъ очарованъ довѣріемъ, которое оказалъ мнѣ принцъ въ данномъ случаѣ. Затѣмъ мы потолковали о масонствѣ, причемъ онъ мнѣ сообщилъ главное слово (*(mot principal)*. Во всей Германіи только три ложи, поочередно поставляющія гросмейстеровъ.

Послѣ обѣда былъ у кн. Голицина, гдѣ происходила репетиція; мнѣ дали роль графа д'Ольбанъ. Много разговаривалъ съ графиней Матюшкиной (Matouchkin) и княжной Трубецкой, которая очаровательна. Подъ видомъ дружбы, онѣ терпѣть не могутъ другъ друга. Воображаю, какъ это будетъ забавно. Часть вечера пробылъ у Зиновьевой, а ужиналъ у Бемеръ.

Пятница, 9.—Къ Маркизѣ де-Брэанъ.

Какъ я предвидѣлъ, сударыня, довѣріе барона Нолькена имѣло своекорыстную подкладку, онъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Нолькенъ влюбленъ и нуждается въ повѣренномъ, которому могъ бы открыть свою душу. Предметъ его страсти—особа лѣтъ семнадцати, не болѣе; ея здѣсь нѣтъ, но онъ разсчитываетъ на ней жениться. Вчера онъ съ восторгомъ объявилъ мнѣ, что увѣрился теперь въ ея любви. Желаю ему быть счастливымъ, потому что онъ очень хорошій человѣкъ. Только я его всегда считалъ слабымъ, а это можетъ помѣшать счастью.

Обѣдалъ самымъ буржуазнымъ образомъ у м-мъ Пти. Вечеромъ былъ на придворномъ спектаклѣ; давали *Нанину*, по-русски. Я все время проговорилъ съ княжной Трубецкой, очень любезной, молоденькой и хорошенькой особой. Такъ какъ я ни въ кого здѣсь не влюбленъ и не желаю влюбиться, то ищу интрижекъ; онѣ забавляютъ сердце и такимъ образомъ удовлетворяютъ часть его потребностей.

Суббота, 10.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, въ другой разъ былъ въ Академіи Наукъ. Намъ показывали медали и монеты. Послѣднихъ особенно много. Между ними много арабскихъ. Видѣли медаль, выбитую въ Парижѣ, въ честь Петра I, когда онъ былъ на монетномъ дворѣ. Видѣли много медалей съ изображеніями патріарховъ.

Есть превосходные антики, найденные въ татарскихъ гробницахъ, въ сѣверной

части Сибири, между Камой и Самарой. Послѣ этихъ рѣдкостей намъ показали превосходный кубокъ, подаренный женѣ Петра I датской королевой, сдѣланный изъ чистаго золота и украшенный дорогими каменьями, рѣзными камнями и прекрасными антиками. Осматривали также коллекцію естественной исторіи—мраморы, камни и руды сибирскіе. Есть тамъ кусокъ серебряной руды изъ Норвегіи, подаренный Петру I. Этотъ кусокъ такъ хорошъ, что изъ него прямо штамповали монету, не переплавляя — до того чистъ металлъ.

Окончили мы свой осмотръ глобусомъ одиннадцати футовъ въ діаметрѣ. Внутри онъ пустъ, и въ этой пустотѣ можетъ помѣстится до двѣнадцати человѣкъ. Мы всѣ входили и насъ вращали, подражая движенію земли.

Вечеромъ, или лучше сказать, послѣ обѣда, я былъ у Бемеръ и у голландскаго резидента (Сюарта). Затѣмъ былъ ужинъ у маркиза и репетиція двухъ пьесъ, которыя пойдутъ на его домашнемъ театрѣ, въ присутствіи великаго князя. По этому поводу вышла исторія. Маркизъ пригласилъ къ ужину всѣхъ дамъ какъ актрисъ, такъ и прочихъ, мужчинъ же только тѣхъ, которые въ пьесѣ участія не принимали, для того чтобы они пріѣхали только на ужинъ, на репетицію же не попали. Между тѣмъ мужчины-актеры оказались приглашенными только на репетицію, а объ ужинѣ въ ихъ билетахъ упомянуть позабыли. Эта неловкость не помѣшала, конечно, большинству актеровъ остаться ужинать, но двое изъ нихъ, Кошелевъ и Мятлевъ, обидѣлись и уѣхали. Графиня Матюшкина тоже не была, потому что мать ее не пустила, боясь сближенія съ Кошелевымъ, въ котораго, говорятъ, молодая графиня страстно влюблена. Ихъ роли были прочтены другими и репетиція все-таки состоялась. Затѣмъ очень весело поужинали. Я ухаживалъ за княжной Трубецкой, хорошенькой, любезной и очень разговорчивой.

Воскресенье, 11.—Къ брату.

Утромъ были при дворѣ. Я тамъ видѣлъ новаго фаворита, кабинетъ-секретаря Завадовскаго *). Онъ красивѣе Потемкина, а самымъ существеннымъ обладаетъ въ высшей степени (le plus essentiel il le possède éminemment). Фаворъ его, однакоже, не рѣшенъ окончательно. Правда, таланты его были уже испытаны въ Москвѣ, но Потемкинъ, который, говорятъ, гораздо лучше распоряжается временемъ, все еще въ силѣ. Не дальше какъ сегодня, Ея Величество съ нимъ перемигивалась (a fait des mines d'intelligence), а что еще важнѣе—онъ получилъ командованіе полкомъ. Завадовскій, стало быть, только игрушка.

Забылъ тебѣ сказать, что сегодня утромъ я былъ очень удивленъ визитомъ г. Сэреста, мужа гувернантки кн. Трубецкой. Онъ мнѣ наговорилъ множество комплиментовъ отъ имени этой молодой особы, какъ она хорошо провела время за ужиномъ, какъ я былъ веселъ и любезенъ съ нею и проч. Затѣмъ онъ прибавилъ, что я могу видѣться съ нею у его жены и что это будетъ очень пріятно. Я тоже такъ думаю и не замедлю воспользоваться предложеніемъ.

Среда, 14.—Къ брату.

Вмѣсто ужина съ танцами, какъ предполагалось, завтра у насъ будетъ настоящій балъ, даже съ фрейлинами, что ужъ изъ ряда вонъ, такъ какъ маркизъ не имѣетъ жены; но Императрица сказала, что онъ не ребенокъ и что она съ удовольствіемъ позволитъ своимъ фрейлинамъ потанцовать у него.

Сегодня утромъ былъ пріемъ у великаго князя по поводу орденскаго праздника св. Анны. Народу было немного. Маркизъ ограничился тѣмъ, что послалъ меня. А тѣмъ временемъ съ Пюнсегюромъ случилась исторія: экипажъ его заѣхалъ въ какое-то запретное мѣсто; лакея взяли на гауптвахту; Пюнсегюръ вышелъ, нашумѣлъ и даже сталъ драться. Въ концѣ концовъ онъ далъ денегъ и дальнѣйшихъ послѣдствій исторія не имѣла.

*) Петра Васильевича, украинца по происхожденію, состоявшаго суфлеромъ въ придворномъ театрѣ, а затѣмъ сдѣлавшагося директоромъ канцеляріи малороссійскаго губернатора, гр. Румянцева. Это былъ человѣкъ умный, образованный и дѣловой. (Валишевскій).

Обѣдалъ у французскаго консула и проскучалъ ужасно. Кромѣ его жены, никого не было. Не зная о чемъ съ ней говорить, я сталъ разспрашивать о Гамбургѣ, гдѣ она прежде жила, и узналъ, что это очень хорошій городъ, что тамъ двадцать тысячъ жителей и общество чисто-купеческое, а французскій консулъ получаетъ тридцать тысячъ франковъ и проч. Вечеръ провелъ у Бемеръ, гдѣ передразнивалъ Комбса. Когда мы пріѣхали, тамъ былъ Нормандецъ, который ушелъ черезъ три четверти часа. При этомъ я замѣтилъ, что Шарлотта при немъ была очень сдержанна, а потомъ развеселилась. Это доказываетъ, что его щадятъ. Она мнѣ подарила портретъ или изображеніе Императрицы, сдѣланное изъ фарфора, въ родѣ медальона.

Четвергъ, 15.—Къ женѣ брата.

Сегодня утромъ мы съ принцемъ Ангальтомъ ѣздили по городу. Онъ говоритъ, что Императрица дала Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой *), бывшей любовницѣ Петра III, 45.000 р. для уплаты долговъ, очень любезно попрекнувъ послѣднюю за то, что она, будучи въ нуждѣ, не обратилась прямо къ ней. Даже выкупила за 15.000 ея заложенные бриллiанты. А въ то же время Екатерина отказалась дать двѣсти душъ ея сестрѣ, Екатеринѣ Романовнѣ, княгинѣ Дашковой, которой была обязана короною.

У насъ въ посольствѣ былъ балъ. Двадцать семь танцующихъ барышень, а кромѣ того ихъ матери. Все прошло прекрасно и я очень веселился. Ухаживалъ за кн. Трубецкой, самой хорошенькой и любезной изъ здѣшнихъ дѣвицъ. Я былъ удивленъ, дорогая сестра, ея сходствомъ съ вами. Я танцовалъ почти только съ ней одной, а во время ужина стоялъ за ея стуломъ и забавлялъ разговорами. На балу, фрейлина Наталья Нарышкина, въ которую я — долженъ вамъ признаться—былъ нѣсколько влюбленъ, замѣтила мое ухаживанье за Трубецкою, и это меня очень поразило. Во время танцевъ она меня выбирала, за ужиномъ просила подавать то то, то другое, но эти маленькія отступленія не задерживали меня надолго и я возвращался къ Трубецкой, такъ какъ былъ бы очень радъ завязать съ ней интрижку, что, повидимому, не невозможно. Не сердитесь, я вѣдь не влюбленъ и потому мнѣ позволительно быть непостояннымъ.

Долженъ вамъ сказать, что здѣсь есть одна семнадцатилѣтняя особа, которая отъ всей души желаетъ мнѣ добра. Объ имени ея я умолчу, но не хочу дѣлать тайны изъ благосклонности, которую она мнѣ оказываетъ. Между нами говоря, благосклонность эта не заключаетъ въ себѣ ничего пикантнаго, потому что особа некрасива. Между тѣмъ, я не упускаю случая ухаживать за нею. Нравиться женщинамъ очень полезно. Ухаживанье за одною привлекаетъ къ вамъ сердца многихъ. Это правило не въ вашемъ вкусѣ, дорогая сестра, но я еще разъ повторяю, что не влюбленъ!

Пятница, 16.—Къ брату.

На балу мы не очень устали, милый другъ, такъ какъ танцы кончились въ часъ. У фельдмаршала Голицына была репетиція. Я тамъ обѣдалъ рядомъ съ тѣмъ семнадцатилѣтнимъ божествомъ, о которомъ писалъ твоей женѣ, и ужъ конечно не потерялъ времени! Она меня пригласила къ себѣ и я думаю, что дѣло скоро будетъ сдѣлано. Послѣ обѣда репетировали «Нанину»; вышло плоховато, а между тѣмъ хотятъ играть въ понедѣльникъ.

Ужиналъ у гр. Чернышовой; за ужиномъ мужъ ея говорилъ о величественномъ видѣ Императрицы, когда она надѣваетъ парадный костюмъ; это по поводу портрета, который теперь пишетъ Ролэнъ. Говорятъ, что осенью, во время аудіенціи турецкому послу, на платьѣ Императрицы, помимо драгоцѣнныхъ камней, было 4,200 крупныхъ жемчужинъ прекрасной воды. Чернышовъ говорилъ также о дворѣ Петра Великаго и о знаменитомъ Лефортѣ, который, по его мнѣ-

*) По смерти Петра, она вышла замужъ за сенатора Полянскаго. Французскій посолъ, де-Бретейль, видѣвшій ее еще при жизни Императора, говоритъ, что она похожа «на служанку изъ плохого трактира. Безобразная, грубая, глупая, злая и невѣжественная, она бранилась, какъ солдатъ, попила и плевалась при разговорѣ» (Валишевскій, «Le roman d'une Impêratrice»).

нію, только тѣмъ и отличился, что познакомилъ царя съ нѣкіимъ Циммерманомъ, булочникомъ, кажется, который когда-то работалъ на голландскихъ верфяхъ, гдѣ, между прочимъ, построилъ маленькое парусное судно, посланное затѣмъ въ Петербургъ и валявшееся на чердакѣ. Циммерманъ его исправилъ, или выстроилъ другое по той же модели. Сначала это суденышко было испробовано на Измайловскомъ озерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, а потомъ переведено въ Ростовъ, куда Петръ отправлялся подъ предлогомъ богомолья, такъ какъ тогда приходилось тратить три недѣли на поѣздку, которая теперь совершается въ пять дней.

Это суденышко сохраняется въ особомъ домѣ; для того, чтобы его видѣть, надо изъ уваженія оставлять въ прихожей шпаги, шляпы и палки. Оно помѣщается въ жестяномъ ящикѣ; а когда, при разныхъ торжествахъ, его спускаютъ на воду, то въ немъ ѣдетъ сама Императрица, а гребутъ только первенствующіе въ государствѣ лица. Эта помпа и этотъ національный энтузіазмъ, проявляемый въ дѣлахъ, интересующихъ всю націю, мнѣ очень нравится, милый другъ; но какъ все-таки эта нація далека отъ того возвышеннаго и благороднаго энтузіазма, который мы видѣли во Франціи, и которому удивляемся въ Англіи!

Гр. Иванъ Чернышовъ разсказывалъ, по поводу воскового изображенія Петра I, стоящаго въ Академіи, что кадеты, по собственному почину, спасли эту драгоцѣнность отъ пожара, вынеся ее на ледъ Невы и окруживъ плотной цѣпью.

Суббота, 17. —Къ брату.

Сегодня я превосходно пообѣдалъ у Рэмбера. Онъ живетъ здѣсь уже около двадцати лѣтъ и содержитъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ, французскихъ, торговыхъ домовъ. Я кажется говорилъ тебѣ о немъ. Онъ не простой негоціантъ, а философъ, политикъ и поклонникъ литературы; изъ этого описанія ты можешь видѣть, что Рэмберъ не ханжа. Онъ давно уже живетъ съ женщиной, которая прежде была его любовницей, а теперь осталась его другомъ. Прежде ее звали Бильо, а теперь зовутъ м-мъ Бувильонъ. Когда-то она была очень хороша, а теперь это очень веселая дама, хорошая хозяйка и прекрасно знаетъ городъ, то-есть, гдѣ что можно найти и проч. Отъ нихъ я заѣхалъ къ шев. де-Сэрестъ, съ его хорошенькой женой. Онъ меня представилъ кн. Трубецкому, который принялъ меня въ халатѣ и ночномъ колпакѣ. Это добрый малый, не интриганъ, не гордецъ, не придворный, не кабинетный человѣкъ и не свѣтскій; живетъ для того, чтобы жить, и больше ничего. Уже по наружности видно, что онъ такое: толстый, съ большимъ брюхомъ и самой обыденной физіономіей; по простотѣ одежды, по маленькой косичкѣ, падающей на широкую спину, его сзади можно принять за небогатаго нормандскаго помѣщика; а когда онъ повернется лицомъ, то по голубой лентѣ ордена св. Андрея вы увидите, что это—русскій вельможа. Приходится пожелать, чтобы и всѣ другіе вельможи на него походили, такъ какъ онъ—прямой, честный и благородный человѣкъ.

Вторникъ, 27.—Къ брату.

Вечеромъ 21-го, у кн. Голицына давали комедію. Я изъ любезности игралъ графа д'Ольбана. Въ числѣ зрителей присутствовалъ великій князь съ женой. Нѣтъ ничего милѣе этой пары. Великій князь сказалъ мнѣ, что надѣется на мой переходъ въ его труппу. Я бы не прочь, пожалуй, но думаю, что Императрица, у которой нужно просить позволенія, не разрѣшитъ. Гр. Андрей предупредилъ меня объ этомъ и сказалъ, что ихъ высочествамъ будетъ очень досадно, если дѣло не состоится.

Въ пятницу былъ балъ. Я много разъ танцовалъ съ княжной Трубецкой, разговаривалъ и почти весь вечеръ провелъ съ нею. Меня считаютъ влюбленнымъ, а я нахожу ее очень милой, живой и пикантной; особенно хорошъ у нея звукъ голоса, а также нѣжный взглядъ.

Прошлое воскресенье при дворѣ былъ маскарадъ, на которомъ я также очень долго пробылъ съ нею, а при разъѣздѣ уступилъ ей свою карету, почему долженъ былъ оставаться до самаго конца бала, и вышедши послѣднимъ вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ, съ которымъ, къ счастью, знакомъ. Это былъ Измайловъ.

Онъ меня провелъ на гауптвахту, тутъ же, во дворцѣ; она очень напоминала гауптвахты французской гвардіи въ Версали.

Забылъ тебѣ сказать, что въ четвергъ 22 мы съ Пюнсегюромъ были приглашены къ великому князю на спектакль, причемъ ужинали за однимъ столомъ съ ихъ высочествами. Играли «La coquette corrigée» и «L'Anglomanie». Тотъ же спектакль былъ повторенъ 24. Въ воскресенье 25, которое у русскихъ является послѣднимъ днемъ карнавала, мы присутствовали на маленькомъ праздникѣ, который былъ данъ Иваномъ Чернышовымъ для ихъ высочествъ. Наши декораціи были перенесены на этотъ случай въ домъ Чернышова, гдѣ ихъ помѣстили въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ зала перегородкою, покрытой картинами. По данному сигналу, перегородка эта раздвинулась и открыла освѣщенную сцену. Давали «l'Esprit de contradiction», гдѣ я игралъ роль Тибодуа, и съ большимъ успѣхомъ, противъ ожиданія, такъ какъ ты знаешь, милый другъ, что эта роль не изъ моего репертуара. Но я вспомнилъ, какъ ты ее играешь, и насмѣшилъ всѣхъ. На мнѣ былъ надѣтъ одинъ изъ костюмовъ маркиза, шитый золотомъ по старинному, большая подушка играла роль брюха и я сталъ неузнаваемъ; только по голосу и отличали. Послѣ пьесы мы дали пословицу Кармонтеля: «La rose rouge», гдѣ Пюнсегюръ прекрасно сыгралъ живописца, а я—скупца, настолько же худого, насколько былъ толстъ въ предыдущей пьесѣ. Ихъ высочества наговорили мнѣ много комплиментовъ. За пословицей послѣдовали прехорошенькіе куплеты, сочиненные Комбсомъ; они тоже имѣли большой успѣхъ и авторъ былъ представленъ великой княгинѣ, у которой цѣловалъ руку. Вообще премилый вышелъ праздникъ; ихъ высочества были такъ милостивы, что всѣхъ очаровали.

Русскій карнавалъ кончился, однакоже, только для русскихъ, а иностранцы праздновали еще понедѣльникъ и вторникъ; для нихъ былъ устроенъ публичный маскарадъ у Бертолотти; понятно, что и русскіе не воздержались отъ посѣщенія этого маскарада, но они были въ маскахъ, во избѣжаніе штрафа въ 20 рублей.

Князь Григорій Орловъ уже восемь дней какъ пріѣхалъ сюда. Это очень красивый мужчина. Императрица сохранила къ нему дружбу. Въ качествѣ фаворита (бывшаго), онъ носитъ, въ петлицѣ портретъ Ея Величества, такъ же, какъ Потемкинъ и всѣ тѣ, которые пользовались этимъ титуломъ и исполняли функціи, дающія на него право. Не нравится мнѣ это публичное доказательство отношеній, которыя должны оставаться только подозрѣваемыми. На второмъ спектаклѣ у великаго князя, гдѣ были Императрица, Орловъ и Потемкинъ вмѣстѣ, я съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ за ними. Очень это было пикантно для зрителей. Я замѣтилъ, что царствующій фаворитъ не обладаетъ такой увѣренностью, какъ тотъ, который ужъ пересталъ царствовать.

Ты, вѣроятно, воображаешь, мой другъ, что люди, такъ много суетящіеся ради удовольствія, стремятся отдохнуть или по крайней мѣрѣ попользоваться удовольствіями менѣе суетливыми. Ты жестоко ошибаешься. Тщеславіе, всѣмъ здѣсь управляющее, заставляетъ, помимо суеты публичной, принимать на себя еще частную. У великаго князя былъ спектакль, такъ надо, чтобы и у насъ тоже онъ былъ. Я не знаю націи, болѣе подражательной чѣмъ русская, и нигдѣ не видалъ такихъ придворныхъ, какъ при русскомъ дворѣ. Графъ Иванъ Чернышовъ намѣренъ составить труппу и предложилъ мнѣ въ ней участвовать. О выполненіи этихъ новыхъ проектовъ я тебѣ дамъ отчетъ.

Вторникъ, 5 марта.—Къ брату.

Опять пропускъ въ моей корреспонденціи—не писалъ съ прошлаго вторника, съ 27 февраля. На другой день я ужиналъ у Петра Чернышова, гдѣ говорили о г-жѣ Мусиной-Пушкиной, женѣ русскаго посла въ Англіи, только что выдержавшей операцію рака. Дѣлалъ нѣкій Тоди, и очень удачно. Удивительно храбрая дама. Она скрыла день операціи отъ мужа, отъ друзей, отъ всѣхъ, кто интересуется ея здоровьемъ. Пока все идетъ хорошо, но окончательные результаты выяснятся только черезъ шесть недѣль. Маркизъ, мать котораго умерла отъ этой болѣзни, говоритъ, что въ возрастѣ г-жи Пушкиной всего можно бояться; по его

словамъ, хорошо еще то, что у нея не было дѣтей, но плохо то, что ей уже 37 лѣтъ. Ракъ у нея сдѣлался два года тому назадъ, отъ толчка, полученнаго при лондонскомъ дворѣ.

Всѣ четверги, пятницы и субботы я ужиналъ у Бемеръ. Разговаривали о слухахъ про наши спектакли. Русскіе насъ жестоко осуждаютъ и Альбертина, вторая дочь Бемеръ, предостерегала меня насчетъ этихъ сплетень, которымъ я, однакожъ, никакой важности не придаю. Они доказываютъ только зависть и безсильную злобу русскихъ: но все-таки я рѣшился бы отказаться отъ игры, чтобы не давать пищи этимъ милымъ качествамъ, если бы не боялся казаться побѣжденнымъ. Я буду продолжать играть, но постараюсь быть индифферентнымъ къ тому, что про меня говорятъ. Пюнсегюръ, очень горячо къ этому отнесшійся, такъ же, какъ гр. Андрей, удивляются моему хладнокровію, а я имъ сказалъ, что нахожу пріятнымъ сыграть что-нибудь мимоходомъ, но не хочу смотрѣть на игру, какъ на серьозное занятіе. Отвѣтъ мой только увеличилъ ихъ удивленіе, что и заставило меня объясниться съ гр. Андреемъ, которому я сказалъ, что знаю сплетни, возникшія по этому поводу, и презираю ихъ; что я никогда ни къ кому не подслуживался; что Чернышовъ, увѣряющій, будто бы мы уговаривали его дать спектакль, ошибается, такъ какъ у насъ есть занятія и развлеченія болѣе интересныя; что я, наконецъ, за себя, отказываюсь отъ участія въ его спектакляхъ. Тѣмъ болѣе, что онъ любитъ лесть, прибавилъ я. «Это правда, отвѣчалъ гр. Андрей, самъ онъ всю жизнь былъ льстецомъ, а теперь желаетъ, чтобы ему льстили». «Можетъ быть, сказалъ я, но ему придется узнать, что есть люди никому не льстящіе, и что я изъ ихъ числа».

Боюсь, милый другъ, какъ бы это откровенное объясненіе не охладило ко мнѣ гр. Андрея. Пусть оно будетъ пробой, которой я подвергаю его дружбу и образъ мыслей. Надѣюсь, что онъ выдержитъ эту пробу; слишкомъ уважаю его, чтобы думать противное, къ тому же онъ кажется понялъ мои доводы и оправдалъ ихъ.

Сюда прибыли посолъ императора кн. Лобковичъ и гр. Браницкій, великій гетманъ польскій. Послѣдній привезъ съ собою гр. Потоцкаго *), который кажется очень образованнымъ и любезнымъ.

Въ воскресенье утромъ былъ выходъ при дворѣ, а вечеромъ, вмѣсто куртага, то есть бала или концерта, состоялась игра въ карты, такъ какъ по причинѣ поста другія развлеченія не допускаются. Императрица находилась не въ галлереѣ, а въ той залѣ, гдѣ происходитъ цѣлованіе руки. Въ этотъ день я ужиналъ у Ивана Чернышова, а на другой день у гр. Петра.

Забылъ тебѣ сказать, что въ среду былъ въ ложѣ, управляемой генераломъ Мелиссино; онъ слыветъ за человѣка, обладающаго высшими знаніями.

Шевалье Козимо Мари доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о Барнаульскихъ копяхъ въ Сибири:

«Барнаульскіе, серебряные и золотые пріиски находятся на Змѣиной горѣ. Чтобы добыть 1200 пудовъ чистаго золота или серебра, нужно употребить милліонъ пудовъ руды. Жила идетъ діагонально, на глубинѣ 120 аршинъ. Число рабочихъ на пріискахъ доходитъ до 40000; на расплату съ ними идетъ мѣдь, добываемая изъ руды. Для этой цѣли тамъ устроенъ монетный дворъ, чеканящій ежегодно на 300.000 мѣдной монеты, изъ коей 200.000 идутъ на уплату рабочимъ, а остальные 100.000, такъ же, какъ все золото и серебро, поступаютъ въ пользу казны. Но куда дѣваются эти металлы, ни въ Петербургѣ, ни въ Барнаулѣ никто не знаетъ».

Ужиналъ у Бемеръ. Шарлотта была очаровательна; хотя она и не совсѣмъ здорова, но природная веселость беретъ у нея верхъ надъ болѣзнью. Мы пѣли; за столомъ я сидѣлъ рядомъ съ нею и дружески разговаривалъ. Послѣ ужина, зашла рѣчь о гаданіи; я заявилъ, что буду гадать вмѣстѣ съ принцемъ Ангальтомъ и гр. Брюлемъ; она спросила, зачѣмъ такая компанія и развѣ я не собираюсь гадать для себя отдѣльно; я отвѣтилъ, что непремѣнно буду. Затѣмъ я предложилъ погадать на ея счетъ, она согласилась, но не рѣшилась задать во-

*) Станислава—Феликса, впослѣдствіи бывшаго маршаломъ Тарговицкой конфедераціи.

проса, боясь, что «это будетъ слишкомъ ясно». Затѣмъ мы немножко полюбезничали. Я сидѣлъ рядомъ съ нею, держалъ ея руку въ своихъ и мы обмѣнялись нѣжными взглядами, но Шарлотта, не желая, должно быть, выказать своей чувствительности, вдругъ встала. Я послѣдовалъ за нею и мы стали разговаривая ходить по комнатѣ, причемъ я узналъ, что въ свитѣ принца Генриха прусскаго есть одинъ офицеръ, который въ нее влюбленъ, но котораго она не любитъ, и что скорое его прибытіе очень ее безпокоитъ. Въ слѣдующій разъ постараюсь это выяснить, но думаю, что Шарлотта питаетъ ко мнѣ дружбу; по крайней мѣрѣ очень бы желалъ этого. Желалъ бы, пожалуй, и большаго, мой другъ, потому, что въ этой молодой особѣ все меня привлекаетъ.

Среда, 6.—Къ брату.

Опять любовь, мой другъ, опять интересныя объясненія и съ другой особою! Что ты скажешь? Не думай, однако, что я хочу похвастаться побѣдами, а прежде выслушай. Пообѣдавъ у гр. Панина я отправился къ великому князю, куда былъ приглашенъ на дѣтскій спектакль. Играли Alzire и l'Indiscret, что мнѣ не понравилось, такъ какъ совсѣмъ не подходитъ къ дѣтскому возрасту. Послѣ спектакля былъ ужинъ. Я сидѣлъ рядомъ съ княжной Трубецкой, которую хвалилъ въ своихъ къ тебѣ письмахъ, находя, что она похожа на твою жену. Мы съ ней все время проговорили. Эта молодая особа очень интересна, у нея живой, воспріимчивый умъ. Говорили мы о характерахъ; она, мнѣ кажется, обладаетъ характеромъ чувствительнымъ и деликатнымъ, но до сихъ поръ развивала больше свой умъ, чѣмъ сердце. Не знаю, что она думаетъ о чувствахъ, но думаю, что остерегается ихъ. Тѣмъ не менѣе она замѣтила, что я за ней ухаживаю, и, кажется, не особенно этимъ недовольна. Между прочимъ она мнѣ сказала: «Думаю, что вы меня не любите, потому что заставляете очень много говорить, и я увѣрена, что насъ уже осуждаютъ». Ты не удивишься, милый другъ, если узнаешь, что вечеръ показался мнѣ очаровательнымъ. Но я уже вижу, какъ ты считаешь мои измѣны. Подожди, мой другъ, не осуждай такъ поспѣшно. Шарлотта внушаетъ мнѣ любовь, интересъ и желанія; кромѣ того, она похожа на избранницу. Княжна Трубецкая похожа на твою жену и напоминаетъ мнѣ ее; она очень умна, обладаетъ нѣжными глазками и красивымъ личикомъ. Ну, что ты теперь скажешь? Я люблю все, что достойно любви.

Четвергъ, 7.—Къ брату.

Мы съ Комбсомъ превосходно пообѣдали у Рэмбера. Толстая Бильо меня потѣшала; но, надо признаться все-таки, что она умная женщина. Они недовольны Лессепсомъ и вполнѣ основательно: это упрямый, ограниченный человѣкъ, которымъ командуетъ жена. Говорили мы о Бэнарѣ Дюпли. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Пруссіи съ различными проектами.

Пятница, 8.—Къ брату.

Мнѣ передали очень удачную остроту нашего военнаго министра, гр. Сенъ-Жермена; не знаю только, вѣрно ли, это тебѣ лучше знать. Однажды, во время ужина съ его величествомъ, королева стала, будто бы, бросать хлѣбными шариками въ короля. Послѣдній, обратившись къ военному министру, спросилъ у него, что бы онъ сдѣлалъ, если бы въ него стали стрѣлять ядрами. «Я заклепалъ бы пушку»,—отвѣчалъ Сенъ-Жерменъ.

Знавалъ ли ты, мой другъ, гр. Ранцау *), который написалъ оригинальные мемуары и который самъ стоитъ того, чтобы на него взглянуть? Я его разыскиваю; говорятъ, что онъ здѣсь.

Въ 4 часа у меня были принцъ Ангальтъ и графъ Брюль; я нарочно вернулся отъ Панина, чтобы вмѣстѣ съ ними отправиться къ аббату Паскини, гдѣ мы много говорили о герметическихъ наукахъ.

Суббота, 9.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, я былъ съ визитомъ у г-жъ ***, о которыхъ пи-

*) Шведскій государственный человѣкъ.

салъ тебѣ недавно. Засталъ одну дочь, матери не было дома. Играли на клавесинѣ, пѣли дуэты, разговаривали. Тонъ здѣшнихъ дѣвицъ совсѣмъ не такой, какъ у насъ во Франціи; здѣсь говорятъ откровенно, и мнѣ заявили, что желаютъ выйти замужъ за богатаго старика, который бы умеръ поскорѣе и оставилъ жену свободною. А передъ этимъ расхваливали французовъ и говорили, что очень ихъ любятъ. Вообще, прямая атака, но я сдѣлалъ видъ, что не понимаю. Пришла мать и стала хвалить свою дочь. Впрочемъ, это очень добрая женщина; она глупа и слабохарактерна, но вѣдь и доброта чего-нибудь стоитъ, мой другъ, особенно здѣсь, гдѣ она встрѣчается такъ рѣдко. Кромѣ того, дочь, повидимому, получила хорошее воспитаніе, особенно по отношенію къ талантамъ: она хорошо играетъ на клавесинѣ, поетъ и говоритъ по-итальянски, знаетъ англійскій языкъ и любитъ литературу.

Четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ, я говорилъ тебѣ о гр. Браницкомъ, великомъ гетманѣ польскомъ, который пробылъ въ Москвѣ только три недѣли послѣ нашего пріѣзда. Я тебѣ отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ удовольствіямъ, и сказалъ, кажется, что онъ, благодаря неловкой, по обыкновенію, рекомендаціи маркиза, принялъ меня очень холодно. Теперь онъ живетъ здѣсь уже дней пятнадцать и я у него былъ. По пріему видно, что онъ перемѣнилъ мнѣніе обо мнѣ, и я тѣмъ болѣе былъ польщенъ, что русскіе, по его словамъ, наговорили ему про меня много хорошаго. Можешь судить, какъ мнѣ это было пріятно. Отъ него я отправился къ г-жѣ Нелединской, которая при ближайшемъ знакомствѣ много выигрываетъ. И физически и нравственно премилая женщина.

Воскресенье, 10.—Къ м-ль де-Брессоль.

Я здѣсь со многими познакомился. Сегодня меня представили кн. Щербатову *), у котораго я и обѣдалъ. Князь, кабинетный человѣкъ, литераторъ, пишетъ исторію Россіи. Онъ очень образованъ и, по всей вѣроятности, философъ; поговорить съ нимъ весьма интересно. Оба они, съ женою, люди слабаго здоровья; жена едва успѣла оправиться отъ цѣлаго ряда родовъ. Это не дѣлаетъ домъ ихъ веселымъ; но съ ними живетъ замужняя дочь, г-жа Спиридова (Spiritof), которая согрѣваетъ семью своимъ присутствіемъ. Пообѣдавъ у нихъ, я отправился въ Смольный монастырь — учебное заведеніе для дѣвицъ, вродѣ нашего Сенъ-Сирскаго, съ той только разницей, что здѣсь помимо аристократическаго отдѣленія есть и буржуазное. Первое раздѣляется на классы, отличающіеся цвѣтомъ платья: коричневыя, синія, сѣрыя и бѣлыя—самыя старшія. Каждый цвѣтъ носится по три года, такъ что дѣвочки живутъ въ монастырѣ 12 лѣтъ. Въ торжественные дни, онѣ танцуютъ другъ съ другомъ, а публика смотритъ изъ-за баллюстрады, не мѣшающей, однакожъ, разговаривать съ ними. Только въ это время и можно ихъ видѣть, даже родителямъ. Ничего еще не могу сказать вамъ о воспитаніи, которое онѣ получаютъ: самъ хорошенько не знаю.

Ужиналъ у кн. Голицыной, гдѣ развлекался разговоромъ съ м-ль Матюшкиной, знаменитой красавицей. Вы, мой другъ, такая скромная, такая сдержанная, удивились бы, услыхавъ, какъ бойко русскія дѣвицы говорятъ о любви, кокетствѣ, любовникахъ и проч., точно модныя парижскія дамы. Разговоръ нашъ продолжался часа два и очень меня заинтересовалъ. Матюшкина весела, любезна, красива и ей всего 20 лѣтъ! Она претендуетъ на чувствительность, а я ей доказывалъ, что она всего только кокетка, лишенная чувства, и что будетъ такою еще десять лѣтъ.

Понедѣльникъ, 11 и вторникъ, 12.—Къ брату.

Маркизъ говорилъ мнѣ о вновь здѣсь возникающемъ старомъ проектѣ выдѣлывать коньякъ изъ астраханскихъ винъ. Это лишило бы Францію экспорта въ 150,000 анкерковъ коньяка, которые она высылаетъ сюда ежегодно. Но противъ проекта нельзя спорить, онъ вполнѣ основателенъ. По этому поводу, маркизъ сегодня шифровалъ депешу вмѣстѣ съ Комбсомъ. Уже не въ первый разъ отъ меня дѣлаютъ тайны.

*) Михаилу Михайловичу, написавшему исторію Россіи.

Ужинали мы у гр. Чернышовой и слушали очень интересные анекдоты о Петрѣ Великомъ. Этотъ монархъ больше всего любилъ морское дѣло. Адмиралтейство было любимымъ его мѣстопребыванiемъ и складочнымъ магазиномъ всего, чѣмъ онъ интересовался; туда онъ посылалъ всѣ свои покупки и тамъ искалъ всего, что ему было нужно. Тамъ онъ присудилъ къ смертной казни адмирала Крейца. Генералъ-адмираломъ былъ Апраксинъ, а самъ царь носилъ титулъ простого адмирала. Этимъ титуломъ подписалъ онъ и приговоръ Крейца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Петръ не хотѣлъ выступать въ роли монарха, онъ подписывался «Петръ Михайловъ» (Michaëlitz). Когда подъ приговоромъ Крейцу подписался весь совѣтъ, а въ томъ числѣ и адмиралъ Петръ Михайловъ, то царь (кн. Иванъ разсказывалъ это со слезами на глазахъ) взялъ вновь перо и написалъ: «Знаю вину Крейца, но прощаю ему. Петръ». Эта простота, соединенная съ добротою, восхитительны, мой другъ, и служатъ признакомъ великой души. По дарованiи помилованiя, произошелъ очень интересный и оригинальный споръ. Во время суда Петръ занималъ въ совѣтѣ мѣсто Крейца; а когда послѣднiй явился, то, поблагодаривъ монарха за помилованiе, сталъ требовать своего мѣста и возбудилъ противъ Петра обвиненiе въ незаконномъ его занятiи. Императоръ сталъ защищаться, говоря, что приговоренный къ смерти лишается чиновъ и мѣста. Начался судъ по всѣмъ правиламъ; Петръ выигралъ дѣло, а затѣмъ, возстановивъ Крейца во всѣхъ его чинахъ и должностяхъ, занялъ мѣсто ниже его. Этимъ царь далъ примѣръ субординацiи, за поддержанiемъ которой строго слѣдилъ. Онъ первый ввелъ въ русской армiи дисциплину, которая привилась такъ, какъ трудно было ожидать отъ русскаго человѣка. Вотъ, напримѣръ, черта, которою я восхищался бы и въ одномъ изъ нашихъ старыхъ капраловъ. Въ адмиралтействѣ есть дверь, черезъ которую можетъ входить только одинъ генералъ-адмиралъ, для чего къ ней и приставленъ часовой. Между тѣмъ Петръ, какъ я тебѣ говорилъ, былъ простымъ адмираломъ и, слѣдовательно, не имѣлъ права проходить черезъ эту дверь. Разъ, ночью, императору сообщили, что жена его родила мальчика; онъ спѣшитъ къ ней и, для скорости, хочетъ пройти черезъ запрещенную дверь. Часовой не пускаетъ, не смотря на то, что знаетъ царя въ лицо. Тогда Петръ говоритъ ему: «Другъ мой, ты меня знаешь; я не сталъ бы настаивать въ другихъ случаяхъ, но теперь императрица родила сына и я хочу его видѣть». «Вы правы, государь,—отвѣчалъ часовой,—пусть меня завтра повѣсятъ, все равно, входите!»

Среда, 13.—Къ брату.

Вечеромъ, мой другъ, я убѣдился въ чувствѣ Шарлотты ко мнѣ и хочу теперь имъ похвастаться. Она такъ искренно поцѣловала мою записку, что я пришелъ въ восторгъ. Мы долго говорили и я могу быть доволенъ. Пришлось признаться Альбертинѣ, которая отнеслась къ этому признанiю дружелюбно. Не знаю, что будетъ дальше, но я совсѣмъ рѣшился.

Четвергъ, 14.—Къ брату.

Жизнь моя продолжаетъ быть очень бурной. Обѣдалъ у испанскаго негоцiанта Кронца (Cronz), гдѣ надо мной шутили по поводу Нормандеца и его ко мнѣ ревности, которой я былъ невинною причиной. Ты знаешь, мой другъ, что я бываю очень веселъ, когда ловко себя чувствую. Такъ было и у Нелединской. Она увлеклась моей веселостью, но тутъ же присутствовали двое въ нее влюбленныхъ: одинъ—счастливый, гр. Андрей Разумовскiй, а другой—несчастный, нашъ Пюнсегюръ; они занимались музыкой, но видѣли наши шалости, и надулись, что отозвалось и на репетицiи. Нелединская вдругъ стала печальна; я приписалъ это плохому ея здоровью и, для того, чтобы развеселить, продолжалъ дурачиться, смѣшилъ, цѣловалъ ей руки и проч. Да еще вдобавокъ, сказалъ на ухо гр. Андрею, съ которымъ мы очень близки и который постоянно ее расхваливаетъ, что теперь я вполнѣ съ нимъ согласенъ. Этимъ я думалъ доставить ему удовольствiе. Репетицiя прошла плохо; я потомъ поѣхалъ ужинать къ Бемеръ, а вечеромъ узналъ отъ Комбса и Дюгэ, что между гр. Андреемъ и Нелединской произошло бурное объясненiе; что несчастная женщина пла-

кала; что всѣ поспѣшили уѣхать, между прочимъ и Пюнсегюръ... Представь себѣ, мой другъ, мое удивленіе!

Пятница, 15 и суббота, 16.—Къ маркизѣ Брэанъ.

Вчера я получилъ о васъ свѣдѣнія, сударыня. Братъ, съ которымъ я переписываюсь такъ же, какъ и съ отцомъ, сообщилъ мнѣ, что избранница удивлена моимъ молчаніемъ.

Я обѣщалъ писать вамъ, сударыня, обо всемъ, что касается интересовъ моего сердца. Я долженъ, поэтому, сказать, что подчинился склонности, которая, можетъ быть, серьезно поссоритъ меня съ Нормандецомъ, секретаремъ испанскаго посольства, влюбленнымъ въ ту же молодую особу и введшемъ меня въ ихъ домъ. Это та нѣмка, о которой я вамъ писалъ. Я имѣлъ счастіе понравиться также отцу и матери. О, госпожи француженки! Не во гнѣвъ вамъ сказать: не умѣете вы любить искренно! Это, можетъ быть, не особенно галантно по отношенію къ вамъ, сударыня, но мы оба знаемъ, какъ относиться другъ къ другу въ этихъ случаяхъ.

Отъ 17 по 20.—Къ ней же.

Я только-что ушелъ отъ моей нѣмочки, сударыня, и очень о ней безпокоюсь. Ей пускали кровь и она лежитъ въ постели. Сестра ея, наша общая повѣренная, провела меня къ ней, а тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ капитанъ Эйлеръ, сынъ знаменитаго геометра*), разливался въ рѣчахъ и вздохахъ по поводу своихъ неудачъ въ любви. Бѣдная больная была хороша, какъ ангелъ; я пробылъ у ея кровати съ четверть часа и закончилъ свой визитъ поцѣлуемъ. Что за прекрасная штука—поцѣлуй!

Кстати, по поводу любовныхъ исторій: есть здѣсь молодая дѣвушка, графиня Матюшкина, очень хорошенькая и обладающая романтическими наклонностями. Она вообразила себѣ, что любитъ нѣкоего Кошелева (Cochélof), отчаяннаго фата, и я намѣренъ побороть въ ней эту склонность. Вотъ уже два раза мы, за ужиномъ, вели съ ней разговоры о самыхъ нѣжныхъ чувствахъ. Я открыто критиковалъ ея избранника, и мы разстались съ виду поссорившись, но она должна была признаться, что и сама думаетъ то же. Какъ вы думаете, сударыня, не имѣлъ ли я права начать такую кампанію? Теперь всякія лиги и крестовые походы не въ модѣ, но если бы они возобновились, то я началъ бы походъ противъ людей индифферентныхъ и, главнымъ образомъ, противъ фатовъ вродѣ Кошелева.

Четвергъ, 21.—Къ брату.

Сегодня я имѣлъ совѣщаніе съ нѣкіимъ Пиктэ, долгое время состоявшимъ при кн. Орловѣ. Это—человѣкъ, не пользующійся хорошей репутаціей, но очень образованный. Теперь онъ работаетъ надъ мемуаромъ относительно вывоза украинскихъ табаковъ во Францію — проектъ, провалившійся при Елизаветѣ, благодаря стараніямъ ея фаворита Шувалова, изъ личныхъ его видовъ.

Вмѣстѣ съ двумя поляками, которые оба скоро уѣзжаютъ, я былъ сегодня въ Академіи Наукъ. А затѣмъ, послѣ буржуазно-веселаго обѣда у французскаго консула, отправился было къ кн. Трубецкой, которая меня наканунѣ пригласила, но не засталъ дома—какія-то семейныя дѣла заставили ее уѣхать.

Ты не знаешь, мой другъ, что у меня вчера вышла ссора изъ-за этой молодой особы. Мы репетировали двѣ пьесы у Чернышовыхъ, затѣмъ ужинали, все шло очень весело. За ужиномъ я сидѣлъ рядомъ съ княжной и очень за ней ухаживалъ, что видимо нравилось. Мало-помалу Чернышова стала пристально смотрѣть на насъ и шептаться съ маркизомъ, сидѣвшимъ около нея и тоже глазъ съ меня не спускавшимъ. «Насъ осуждаютъ»,—сказала мнѣ княжна въ полголоса; и дѣйствительно, къ концу ужина гр. Иванъ сталъ видимо придираться къ ней. Это насъ обоихъ очень разсердило и я ушелъ изъ этого дома очень недовольный хозяиномъ и хозяйкой. Первый—низкій, фальшивый и тщеславный

*) У котораго было три сына: Іоганнъ-Альбертъ, впослѣдствіи директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; Карлъ — придворный врачъ и профессоръ медицины; Христофоръ—майоръ артиллеріи и директоръ Сестрорѣцкаго орудійнаго завода.

человѣкъ, а послѣдняя—дура, осуждающая любовныя интриги и цинически отдающаяся своему лакею, какъ всѣ говорятъ. Это меня окончательно оттолкнуло отъ дома, въ которомъ я и прежде очень скучалъ. Вѣжливость русскихъ состоитъ въ томъ, что они надоѣдаютъ поклонами, пошлыми комплиментами, обѣдами и проч., а настоящей тонкой деликатностью, составляющей всю прелесть общенія, они не обладаютъ.

Пятница, 22.—Къ брату.

Пріятные дни рѣдко повторяются, мой другъ, въ нашемъ обществѣ. Только-что почувствуешь себя удовлетвореннымъ, какъ уже приходится бояться за будущее. Пять или шесть недѣль я провожу здѣсь время очень весело; думалъ, что и сегодня весь день будетъ занятъ, какъ вдругъ получаю ужасное извѣстіе: М-мъ де-Веракъ умерла въ Копенгагенѣ 27 февраля, въ 11 часовъ утра. Можешь судить, милый другъ, о моемъ удивленіи и горѣ. Жаль бѣднаго маркиза де-Веракъ, и я сильно боюсь за него. Какое тяжелое положеніе! Не знаю, что онъ будетъ дѣлать; съ нетерпѣніемъ жду извѣстій; при его впечатлительности нельзя не бояться.

Прощай! Забылъ тебѣ сказать, что гр. Потемкинъ получилъ вчера датскій орденъ Слона. Говорятъ, его хотятъ сдѣлать княземъ священной Римской Имперіи. Забавно, что богомольная Императрица Австрійская награждаетъ фаворитовъ далеко не богомольной Императрицы Всероссійской.

Суббота, 23.—Къ брату.

Сегодня перебывало множество народа, что мнѣ ужасно надоѣло и привело меня въ дурное расположеніе духа, такъ какъ я еще недостаточно дипломатъ, чтобы постоянно носить маску. Между прочимъ, заходилъ Козимо Мари; онъ мнѣ сообщилъ, что Рибасъ произведенъ въ майоры кадетскаго корпуса, что даетъ ему чинъ подполковника арміи. Что жъ—онъ стоитъ того. Ѣздилъ поздравлять и обѣдалъ у него. Видѣлъ тамъ молодого человѣка, о которомъ какъ-то писалъ тебѣ и котораго считаютъ сыномъ Императрицы. О воспитаніи его сильно заботятся; мнѣ показывали его учебныя тетради; онъ изучаетъ языки, геометрію, исторію, музыку, естественную исторію. Характеръ его, черезчуръ живой и впечатлительный, сталъ сдержаннѣе подъ вліяніемъ Рибаса. Вѣроятно, мы увидимъ этого молодого человѣка во Франціи, такъ какъ путешествіе входитъ въ планъ его воспитанія. Онъ можетъ выйти превосходнымъ человѣкомъ; теперь ему 13 лѣтъ и онъ носитъ фамилію графа Бэбринскаго.

Послѣ обѣда сдѣлалъ нѣсколько скучныхъ визитовъ, между прочимъ, къ Чернышовой. Дочь ея будетъ очень умна. Этотъ ребенокъ вознаграждаетъ меня за скуку, наводимую матерью.

День мой кончился у Бемеръ; я имѣю счастье, мой другъ, быть любимымъ по-нѣмецки, то есть искренно и безъ кривляній. Шарлотта очень чувствительна и покорить ея душу — завидная участь. Она мнѣ говорила о портретѣ одного пруссака, котораго она никогда не любила, но за котораго должна была выйти замужъ. Пріѣздъ его сюда, въ свитѣ принца Генриха, долженъ будетъ рѣшить это дѣло, но Шарлотта не хочетъ, чтобы это измѣнило нашу взаимную привязанность.

Воскресенье, 24.—Къ брату.

Нѣсколько дней тому назадъ я вмѣшался въ одно дѣло, касающееся Фальконэ. Ты, можетъ быть, слышалъ о неудачной отливкѣ статуи. Онъ сваливаетъ отвѣтственность за это на Помеля, литейщика, помогавшаго ему отливать, а Помель написалъ записку, обвиняющую Фальконэ. Такъ какъ я—другъ послѣдняго, то маркизъ поручилъ мнѣ разобрать дѣло. Выслушавъ обѣ стороны, я взялъ съ Помеля обѣщаніе не печатать его записки, а Фальконэ съ своей стороны, не предупредивъ меня, обращался къ Императрицѣ, которая приказала цензору не пропускать такого рода памфлетовъ. Я остался этимъ поступкомъ недоволенъ, такъ какъ не вижу въ немъ прямоты, которою Фальконэ хвастается. Я даже сказалъ ему это въ лицо. Цѣль моего вмѣшательства состояла въ томъ, чтобы уговорить Фальконэ выдать Помелю аван-

сомъ 15000 ливровъ изъ 80000, которыя ему обѣщаны, хотя это и было бы особой милостью, такъ какъ Фальконэ обязался платить только по окончаніи работы. Я провелъ это утро у него, и онъ мнѣ доказалъ, что ничего не можетъ сдѣлать, потому что Бецкій, въ отвѣтъ на его письмо по этому поводу (я видѣлъ письмо), весьма скаредно сообщаетъ, что плата можетъ быть выдана только послѣ удачнаго окончанія отливки. Да кромѣ того и самъ Фальконэ слишкомъ недоволенъ Помелемъ, чтобы дѣлать ему снисхожденіе, если бы даже и могъ. Я думаю, что Помель дѣйствительно виновенъ, но и Фальконэ нельзя слишкомъ вѣрить, потому что онъ очень себялюбивъ и прямолинеенъ.

Обѣдалъ у гр. Потемкина. Говорятъ, что акціи его падаютъ, что Завадовскій все болѣе и болѣе входитъ въ фаворъ, такъ какъ ему покровительствуютъ Орловы, кредитъ которыхъ очень великъ. Увѣряютъ, что кн. Григорій отдѣлываетъ свой здѣшній домъ. Это плохо вяжется съ намѣреніемъ его путешествовать.

Послѣ обѣда я былъ въ кадетскомъ корпусѣ на ассамблеѣ, почти такой же, какъ въ Смольномъ монастырѣ.

Вторникъ, 26.—Къ брату.

Ужиналъ у Бемеръ. Шарлотта говорила, что вчера Пюнсегюръ игралъ у нихъ на арфѣ и пробовалъ ухаживать за нею. Она смѣется надъ этимъ и обѣщаетъ разсказывать мнѣ обо всемъ, что между ними произойдетъ; тогда мы посмѣемся вмѣстѣ. Не вообрази, мой другъ, что этотъ новый соперникъ меня безпокоитъ; его можно только пожалѣть. Я теперь совершенно увѣренъ, мой милый, что меня любятъ искренно. Прощай.

PS. Говорятъ, что кн. Орловъ получилъ отъ Императрицы, въ видѣ подарка на свои именины, 10000 имперіаловъ, то есть 100000 р. Это возбуждаетъ ропотъ среди людей, которымъ она должна.

Четвергъ, 28.—Маркизѣ Брэанъ.

Я уже, кажется, говорилъ вамъ, сударыня, что самыми порядочными людьми въ здѣшнемъ обществѣ, какъ и повсюду, являются негоціанты. Они ведутъ болѣе правильную и пріятную жизнь, что отзывается на ихъ страстяхъ и нравахъ. Я сегодня обѣдалъ у м-мъ Шуэ, жены одного испанца и лучшей изъ женъ въ свѣтѣ. Былъ тамъ нѣкій Круцъ, пріѣхавшій за покупкой разныхъ товаровъ для Кадикса. Ужасно люблю эту буржуазную среду и съ большимъ удовольствіемъ бываю въ ней отъ времени до времени. Отъ нихъ я отправился къ моимъ итальянцамъ, къ Паскини. Засталъ только одного живописца, который называетъ себя кавалеромъ, а на самомъ дѣлѣ сынъ фермера гр. Сакромозо. Мы говорили о философскомъ камнѣ и кабалистикѣ. Аббатъ дастъ мнѣ, можетъ быть, потерянныя рукописи касательно этихъ вопросовъ.

Открытіе, сдѣланное мною въ этотъ вечеръ, дастъ вамъ понятіе о моей наблюдательности: женщины стоятъ положительно выше мужчинъ. Онѣ гораздо развитѣе, способнѣе къ воспріятію чувства, къ деликатности, ко всѣмъ оттѣнкамъ и тонкостямъ отношеній, соблазняющимъ сердце и пріятнымъ для ума. Многія изъ здѣшнихъ женщинъ навели меня на это открытіе. Къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ: княжна Трубецкая, дѣвица 18 лѣтъ; г-жа Зиновьева, жена русскаго посланника въ Испаніи; гр. Шувалова; г-жа Загряжская, сестра Андрея Разумовскаго; г-жа Нелединская, очаровательная женщина, и проч. У послѣдней я ужиналъ сегодня. Но самой любезной изъ всѣхъ является первая.

Пятница, 29.—Къ брату.

Сегодня—день курьера, мой другъ, но депешъ никакихъ нѣтъ; въ дѣлахъ наступило затишье. Говорятъ, возникъ вопросъ о легализаціи постояннаго совѣта въ Польшѣ. Этимъ займется предстоящая Діэта.

Ходилъ пѣшкомъ обѣдать въ кадетскій корпусъ. Сверхъ мундира на мнѣ было надѣто лишь пальто изъ мольтона (molleton), а между тѣмъ у насъ теперь около 12° мороза. Идя пѣшкомъ черезъ Неву, я ее измѣрилъ шагами; оказалось 330 моихъ шаговъ, а увѣряли, что ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ равняется 151 сажени.

Послѣ обѣда, я, вмѣстѣ съ Козимо Мари, былъ у одного итальянца, майора

Бертольяти, хорошаго рисовальщика по гражданской и военной архитектурѣ. Это весьма галантный человѣкъ, прекрасно воспитывающій своихъ дѣтей. У него ихъ двое, дѣвочка и мальчикъ 12—13 лѣтъ. Они хорошо говорятъ и пишутъ по-французски, по-итальянски, по-нѣмецки и по-русски; послѣдній языкъ они предпочитаютъ. Эта маленькая семья очень интересна. День кончился очень пріятно для меня: я ужиналъ у княгини Щербатовой, съ ея дочерью, г-жей Спиридовой, молоденькой и хорошенькой. Но у меня была мигрень, все испортившая.

Суббота, 30.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, у меня былъ Пиктэ, бывшій женевскій адвокатъ и уроженецъ Женевы. Это человѣкъ, обладающій довольно непріятной внѣшностью—гигантскимъ ростомъ и рѣзкими, отталкивающими чертами лица. Онъ живетъ здѣсь уже лѣтъ 15 и состоялъ при кн. Григоріѣ Орловѣ, во дни его фавора. Это дало ему возможность хорошо узнать ту страну, въ администраціи которой онъ работалъ, а кромѣ того сдѣлало его свидѣтелемъ замѣчательныхъ происшествій. Говоря о смерти Петра III, онъ увѣрялъ меня, что Императрица ея не желала и узнала о ней только тогда, когда все уже было кончено. Это—единственное преступленіе, лежащее на совѣсти Григорія Орлова, да и то было необходимымъ, прибавилъ Пиктэ, такъ какъ иначе и Екатерина и Орловы погибли бы. Онъ думаетъ, между прочимъ, что послѣдняя болѣзнь Орлова (съ мѣсяцъ тому назадъ), которую приписываютъ параличу, на самомъ дѣлѣ зависѣла отъ отравы.

И онъ не одинъ такъ думаетъ; подозрѣваютъ Потемкина. Въ этой странѣ принято отдѣлываться такимъ образомъ отъ непріятныхъ людей. Говорятъ, что жена Панина была отравлена такъ же, какъ первая жена гр. Строганова (Александра Сергѣевича, президента академіи художествъ) и м-ель Воронцова, въ смерти которой обвиняютъ кн. Трубецкого. Графъ Строгановъ любитъ свою падчерицу, фрейлину, и женился на ней по смерти матери (?).

Россія считаетъ себя могущественной; у нея въ десять разъ больше земли, чѣмъ у насъ, и считая только тѣ земли, которыя удобно обитаемы и годны къ обработкѣ, она можетъ прокормить сто милліоновъ обывателей, а у ней ихъ только семнадцать милліоновъ. Если бы этому народу рабовъ и невольниковъ была дана свобода, если бы частная собственность въ этой странѣ существовала и охранялась законами, если бы жители ея имѣли какія-нибудь понятія о торговлѣ и промышленности, то она могла бы теперь же достичь того процвѣтанія и величія, которое ее ждетъ развѣ только въ 2440 году. Пиктэ составляетъ меморіи, которыя могли бы очень его выдвинуть, если-бъ Орловъ былъ еще у власти и если бы идеи его были послѣдовательнѣе. Пиктэ объѣхалъ и изслѣдовалъ берега Волги, по которой ходятъ громадныя барки, перевозящія соль, руды и проч. Эти барки снабжены многочисленнымъ, а потому дорого стоящимъ экипажемъ *); но экипажъ этотъ необходимъ, такъ какъ барки приходится часть пути тянуть канатомъ, что замедляетъ путь и увеличиваетъ составъ экипажа. Надо бы было, вдоль береговъ рѣки, проложить дороги, идя по которымъ, барку могли бы тянуть быки или лошади. Въ то же время надо бы было разставить по берегамъ отряды войскъ, обезопасить перевозку отъ разбойниковъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, товары стали бы дешевле, или, лучше сказать, они продавались бы по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ привозные изъ другихъ странъ—Швеціи, Америки—а потому и спросъ на нихъ возросъ бы. Но правительство не хочетъ обращать вниманія на эти выгоды, и аббатъ Рейноль, во второмъ томѣ своей исторіи Россіи, совершенно справедливо на него за это нападаетъ: картина, имъ нарисованная, вполнѣ вѣрна.

Затѣмъ, милый другъ, мы говорили о прибываніи принца Генриха, за которымъ послано уже одиннадцать лошадей. Пиктэ думаетъ, что королю прусскому понадобилась Померанія; принцъ Генрихъ человѣкъ ловкій, посмотримъ, что онъ получитъ.

---

*) Корберонъ подразумѣваетъ, вѣроятно, бурлаковъ (Прим. перев.).

Шелъ разговоръ о другихъ предметахъ, напримѣръ о гр. Сенъ-Жерменѣ *), котораго Пиктэ знавалъ, и который многое разсказалъ ему о его семейныхъ дѣлахъ такъ же, какъ и маркизу Гуффье. Пиктэ считаетъ его великимъ химикомъ, знающимъ секретъ какъ придавать плохимъ бриліантамъ потерянный ими блескъ. Пиктэ знаетъ это потому, что тесть его, ювелиръ Маньянъ, всегда откладывалъ бриліанты, лишенные блеска, для гр. Сэнъ-Жермена.

Проговоривъ со мною больше двухъ часовъ, Пиктэ пригласилъ меня заходить къ нему раза два въ недѣлю и ушелъ. Съ удовольствіемъ воспользуюсь приглашеніемъ; онъ человѣкъ интересный и поговорить съ нимъ очень пріятно.

Вечеръ мы съ Комбсомъ провели у кн. Трубецкой, гдѣ было очень весело. Она говоритъ, что при первомъ удобномъ случаѣ должна мнѣ очень многое сообщить; думаю, что это касается нашихъ съ ней отношеній, такъ какъ она очень мила и обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ. Она мнѣ призналась, что боится этой чувствительности, отъ которой пострадала года три назадъ. Но Шарлотта, Шарлотта всегда будетъ стоять у меня на первомъ мѣстѣ; о ней то вѣроятно и хочетъ говорить со мной Трубецкая. Будущіе маскарады все рѣшатъ и тебя, конечно, обо всемъ увѣдомлю.

Воскресенье, 31.—Къ брату.

Гр. Ляссн сегодня откланялся Императрицѣ. Онъ ѣдетъ на воды лѣчиться; здѣшній климатъ ему вреденъ. Нормандецъ остается повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Обѣдалъ сегодня у Сюарта, голландскаго резидента. Это человѣкъ достойный и опытный. Наши хорошенькія женщины находятъ его черезчуръ голландцемъ, и онѣ правы, но онъ надъ этимъ смѣется, и еще болѣе правъ, конечно. Сюартъ ужъ не молодъ, у него есть жена, которую онъ любитъ и которая за нимъ ухаживаетъ. Столъ у него очень хорошій, хотя и безъ роскоши. Не будучи музыкантомъ, онъ любитъ слушать хорошую музыку и часто это себѣ позволяетъ, за деньги, конечно. Онъ не веселится, не жуируетъ по нашему, но ему этого и не нужно, онъ и такъ доволенъ. Я спросилъ его о Пиктэ; оказалось, что Сюартъ считаетъ его очень знающимъ и рекомендуетъ мнѣ почаще съ нимъ видѣться. «О немъ дурно говорятъ—прибавилъ Сюартъ—его бранятъ, но всѣ ему подаютъ руку и принимаютъ». Дѣло въ томъ, что онъ человѣкъ очень умный и знающій, поэтому его цѣнятъ и боятся.

Сюартъ составилъ проектъ торговли по Черному морю и обѣщалъ дать мнѣ его прочесть. Почтенный голландецъ самъ, должно быть, сдѣлалъ много замѣтокъ объ этой странѣ и ссужаетъ ими Пиктэ для его работы о Россіи. Я тутъ тоже кое-чѣмъ попользуюсь.

Понедѣльникъ, 1 Апрѣля.—Къ брату.

Пюнсегюръ далъ мнѣ прочесть комическую оперу своего сочиненія; она дѣйствительно очень комична, потому что представляетъ собою стихи, лишенные размѣра и даже рифмъ. Если бы въ ней былъ ужъ хоть не то что умъ, а остроуміе, то еще куда бы ни шло, но—увы!

Къ несчастію, талантъ у него открылся именно въ Россіи, а плохой климатъ не содѣйствуетъ развитію поэтическихъ способностей.

Послѣ обѣда былъ у Бемеръ и засталъ тамъ Перро, который разошелся съ Бецкимъ. Люблю его за характеръ, мой другъ; онъ твердъ духомъ и чувствителенъ сердцемъ. Онъ подозрѣваетъ о нашихъ съ Шарлоттой отношеніяхъ, но достаточно деликатенъ, чтобы намекать мнѣ на нихъ очень рѣдко и крайне вѣжливо.

Ужиналъ у кн. Голициной, жены фельдмаршала, гдѣ было довольно весело. Князь Хованскій (Kawanski), адъютантъ Голицина, много говорилъ мнѣ о княжнѣ Трубецкой, его кузинѣ, которая, будто бы, очень меня любитъ. Я посмѣялся надъ такой наивностью, но она все же привела меня въ замѣшательство. Затѣмъ онъ мнѣ сообщилъ, что фрейлина Бибикова страстно влюблена въ принца Ангальта; должно быть она знаетъ, что мы съ нимъ пріятели, и потому хочетъ сойтись со мной. А я, при-

*) Знаменитый искатель приключеній, предшественникъ Каліостро.

знаюсь, не считалъ ее способной на глубокое чувство, теперь вижу, что ошибся и очень радъ этому.

Вообще, мой другъ, я замѣчаю, что женщины вездѣ чувствительнѣе и деликатнѣе мужчинъ. Въ Россіи, гдѣ мужчинамъ эти добродѣтели неизвѣстны, женщины все же инстинктивно ими обладаютъ, и если онѣ, живя въ свѣтѣ, не освобождаются отъ нихъ до старости, то только потому, что остаются вѣрны природѣ, не смотря на воздѣйствіе господствующихъ обычаевъ и предразсудковъ.

Вторникъ, 2.—Къ брату.

Ѣздилъ поздравлять Потемкина, который сдѣланъ княземъ Священной Имперіи. Кромѣ того, говорятъ, что онъ получитъ званіе генералиссимуса, весьма рѣдко здѣсь даваемое. Не знаю только, правда ли это.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, другъ мой, что бѣдные французы и француженки такъ стремятся въ Россію—возможность внезапно обогатиться и безнаказанность мошенничества, вполнѣ объясняютъ такое стремленіе. Быстрое обогащеніе очень обыкновенно въ странахъ, не успѣвшихъ еще прочно установиться, какова Россійская Имперія, но за то и быстрое разореніе здѣсь не рѣдкость—многія семьи упали съ вершины благосостоянія до крайней бѣдности въ этомъ отношеніи. Иностранцы гораздо выгоднѣе поставлены: какъ только они наживутся, такъ и уѣдутъ. Въ Россіи они любятъ только деньги, которыя тамъ легко можно пріобрѣсти.

Сегодня у профессора Штелина репетировали знаменитый *Stabat* Перголезе, который завтра будетъ исполненъ въ музыкальномъ клубѣ, куда я получилъ билетъ. Репетиція, мой другъ, доставила мнѣ большое удовольствіе, хотя пьеса исполнена была посредственно. Я полагаю, что удовольствіе это менѣе зависѣло отъ самой пьесы — хотя она превосходна—чѣмъ отъ воспоминаній о родинѣ, куда она меня перенесла въ эту весеннюю пору, такую очаровательную во Франціи, а здѣсь почти неизвѣстную.

Среда, 3.—Къ брату.

За обѣдомъ у насъ были гости. Я сидѣлъ рядомъ съ г. д'Энвиллемъ, который путешествуетъ для составленія кабинета естественной исторіи, по порученію принца Карла Лотарингскаго *). Это очень достойный человѣкъ: онъ уже три раза ѣздилъ въ Сибирь, вплоть до Кяхты (*Tialka?*), лежащей на границѣ Россіи и Китая. Тамъ именно и производится мѣновая торговля между двумя государствами, безъ посредства серебряныхъ или золотыхъ денегъ. Европейцы не могутъ ѣхать далѣе границы и даже жены русскихъ посланниковъ остаются въ Кяхтѣ, такъ что посланникъ одинъ ѣдетъ въ Пекинъ, гдѣ можетъ жить не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Онъ долженъ составлять для себя караванъ, что даетъ ему громадныя выгоды. Все это я узналъ отъ графини Чернышовой, мужъ которой, графъ Иванъ, недавно былъ назначенъ посланникомъ въ Китай, но посольство не состоялось.

Четвергъ, 4.—Къ брату.

Пиктэ разсказалъ мнѣ объ Орловыхъ слѣдующее: старшій изъ нихъ, Григорій, былъ адъютантомъ гр. Петра Разумовскаго (дѣда Андрея), состоявшаго въ связи съ кн. Куракиной **), матерью Александра и Степана Куракиныхъ, съ которыми я знакомъ. Такъ какъ здѣсь въ обычаѣ употреблять адъютантовъ на посылки, какъ во Франціи лакеевъ, то Григорію Орлову приходилось носить любовныя записочки Разумовскаго. Орловъ былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы ограничиться ролью повѣреннаго любовныхъ тайнъ, а Куракина была достаточно опытна, чтобы тотчасъ же открыть счастливыя особенности Орлова. Она ими и воспользовалась. Молодой адъютантъ былъ красивъ, силенъ и неутомимъ, а притомъ обладалъ настойчивымъ характеромъ, который выказалъ во всемъ блескѣ впослѣдствіи. Графъ Разумовскій запретилъ ему бывать у Куракиной, а Орловъ не согласился обѣщать это и былъ за то посаженъ въ

---

*) Гросмейстера Тевтонскаго ордена генералъ-губернатора Голландіи и основателя Брюссельской библіотеки.

**) Это не вѣрно. Любовникомъ Куракиной былъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, братъ фаворита Императрицы Елизаветы, дѣда же гр. Андрея звали не Петромъ, а Григоріемъ.

тюрьму. Увидавъ, что и тюрьма не въ состояніи укротить строптиваго адъютанта, его послали воевать въ Германію. Тамъ онъ, въ маленькомъ городкѣ, встрѣтился съ одной принцессой, родственницей великой княгини (будущей Екатерины II), которая и содѣйствовала его возвращенію въ Россію, гдѣ онъ, черезъ нѣсколько времени, получилъ роту въ артиллеріи. Связь Орлова съ Екатериной II началась въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы. Орловъ жилъ противъ дворца и видѣлъ въ окно великую княгиню, брошенную мужемъ и работавшую въ одиночествѣ. Онъ нарочно по цѣлымъ днямъ сидѣлъ дома, чтобы смотрѣть на Екатерину. Она, наконецъ, это замѣтила, такъ же, какъ то, что Орловъ былъ молодъ и красивъ. Скоро, при помощи нѣкоего лакея Шкурина *), прежде бывшаго истопникомъ во дворцѣ, и горничной великой княгини, Екатерины Ивановны, между молодыми людьми завязалась интрига. Орловъ тогда же поклялся своей возлюбленной, что возведетъ ее на престолъ, и сталъ набирать себѣ сторонниковъ.

Разсказъ о сверженіи Петра III я пропускаю. Подробности передамъ тебѣ когда-нибудь послѣ. Извѣстно, однакоже, навѣрное, что убили его одни Орловы, а Императрица расплакалась, когда Григорій сообщилъ ей о смерти мужа. Она этого не приказывала. Возвращаюсь къ Григорію Орлову. Пользуясь интимностью Екатерины, онъ готовъ былъ потребовать себѣ и соотвѣтствующихъ правъ. Бывшій канцлеръ Бестужевъ, сосланный Петромъ III и возвращенный Екатериною, доказывалъ ему, что женщина не можетъ обладать авторитетомъ, достаточнымъ для управленія Россіей. Самой Императрицѣ онъ совѣтовалъ вступить въ бракъ, причемъ прибавляя, что не знаетъ человѣка болѣе способнаго къ роли принца, супруга, чѣмъ гр. Орловъ (онъ тогда сдѣланъ былъ графомъ). Бестужевъ настоялъ на томъ, чтобы сенатъ предложилъ Императрицѣ выбрать себѣ супруга, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ былъ русскій по происхожденію. Бракъ Григорія Орлова съ Императрицей былъ рѣшенъ, и Орлову выхлопотали дипломъ князя священной римской имперіи. Передъ бракомъ его собирались произвести въ фельдмаршалы. Между тѣмъ у Орлова были враги, къ числу которыхъ принадлежали: гр. Панинъ, канцлеръ Воронцовъ и гр. Захаръ Чернышовъ. Ихъ было предположено выслать въ имѣнія, для чего приготовили уже кареты, и Пиктэ долженъ былъ конвоировать Захара Чернышова. Въ одиннадцать часовъ вечера всѣ высылаемые собрались во дворцѣ. Императрица, очень возбужденная, большими шагами ходила по своему кабинету, разговаривая съ кн. Орловымъ, который стоялъ опершись на каминъ. Черезъ два часа, кареты приказано отложить, Императрица ушла къ себѣ, а Орловъ къ себѣ, сказавъ Пиктэ—«Что вы думаете о Екатеринѣ второй»?—Пиктэ отвѣтилъ ему стихомъ:

«Elle flotte, elle hésite, en un mot elle est femme *)!»

Ну, а что ты, милый другъ, скажешь объ этой революціи. Орловъ долженъ былъ сдѣлаться супругомъ одной изъ величайшихъ монархинь Европы; будучи первымъ подданнымъ, онъ все-таки пользовался бы властью. Дворъ его былъ уже устроенъ по примѣру императорскаго: назначены пажи, камергеры и проч. Все предвѣщало ему великую будущность... и вдругъ, одинъ разговоръ съ Воронцовымъ—съ этимъ слабымъ и безхарактернымъ Воронцовымъ—опрокидываетъ всѣ проекты. Женщины всегда такъ! Смѣлыя, быстро понимающія, одаренныя богатымъ воображеніемъ, онѣ... становятся жертвами этого воображенія, дѣлающаго ихъ нерѣшительными въ минуту дѣйствія.

Пиктэ оказалъ, между прочимъ, большую услугу Россіи. Дѣло шло о привилегіяхъ дворянства, о которыхъ Императрица собиралась издать указъ. Для этой цѣли она создала комиссію, секретаремъ которой былъ назначенъ Тепловъ (Григорій Николаевичъ, статсъ-секретарь). А такъ какъ члены комиссіи мало смыслили въ дѣлахъ, то Тепловъ представилъ имъ на разсмотрѣніе весьма

*) Шкуринъ потомъ былъ камергеромъ двора Императрицы (?) и ему были поручены заботы о Бобринскомъ, сынѣ Екатерины и Орлова.

*) Она сомнѣвается, колеблется, однимъ словомъ она – женщина.

соблазнительный проектъ, по которому дворянство въ Россіи получило бы такой же вѣсъ, какой оно имѣетъ въ Польшѣ (dans le resultat aurait été le gouvernement de Pologne). Сама Императрица соблазнилась и указъ уже почти былъ готовъ. Между тѣмъ она дала его на просмотръ Григорію Орлову, а тотъ поручилъ Пиктэ. Надо замѣтить, что онъ самъ уже сознавалъ опасность проекта и потому, подкрѣпленный въ своемъ мнѣніи запиской Пиктэ, показалъ эту записку Императрицѣ и скоро успѣлъ ее отклонить отъ подписанія указа, причемъ Екатерина поручила ему убѣдить и другихъ членовъ комиссіи. Орловъ дѣятельно принялся за исполненіе порученія и одинъ разъ они съ Пиктэ цѣлую ночь проспорили объ указѣ съ Панинымъ и фельдмаршаломъ Разумовскимъ, причемъ выяснилось, что Орловъ не отступитъ.

Пиктэ, между прочимъ, разсказывалъ о тиранніи губернаторовъ въ провинціяхъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, казанскій, влюбившись въ какую-то армянку, силой похитилъ ее у мужа, которому запретилъ выѣзжать изъ города. Вскорѣ послѣ этого, губернатору пришлось ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ. Пользуясь его отсутствіемъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и армянинъ, съ цѣлью подать жалобу на губернатора. Но послѣдній его предупредилъ, и когда несчастный купецъ явился къ генералъ-прокурору, то ему было внушено сидѣть смирно, если онъ дорожитъ жизнью.

Помнишь ли ты Вомаля *) француза, который былъ секретаремъ Дюплэ **) (Dupleix), и привезъ извѣстіе о взятіи Пондишери? Этотъ господинъ, изъ очень хорошей фамиліи, былъ монахомъ, потомъ разстригся, уѣхалъ въ Индію, затѣмъ вернулся во Францію, откуда, будучи узнанъ, бѣжалъ въ Италію и, проживъ все свое состояніе, пріѣхалъ въ Россію, былъ секретаремъ Потемкина, который ему не платилъ, бросилъ Потемкина и теперь состоитъ при оберъшталмейстерѣ.

Во время послѣдней войны, весь успѣхъ на морѣ былъ приписанъ Алексѣю Орлову, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Россія имъ обязана Эльфинстону, англійскому моряку, состоявшему адмираломъ въ русскомъ флотѣ, человѣку энергичному и талантливому. Онъ сжегъ турецкій флотъ при Чесмѣ и хотѣлъ идти къ Константинополю, но ему помѣшали *). Вотъ въ это-то время онъ разжаловалъ въ лейтенанты одного капитана, отказавшагося исполнить его приказаніе. Этотъ справедливый, но строгій поступокъ, а главное успѣхи и заслуги Эльфинстона возбудили противъ него зависть. Онъ былъ посланъ въ Италію, чтобы подождать тамъ русскаго флота и обмануть турокъ. Узнавъ, что въ Петербургѣ подъ него подкапываются и бранятъ даже въ газетахъ, онъ тотчасъ же ѣдетъ въ Россію и проситъ суда надъ собой, а такъ какъ ему въ этомъ отказали, то подаетъ въ отставку и въ тотъ же день надѣваетъ мундиръ англійскаго капитана. Получивъ отставку не въ достаточно почетной формѣ, онъ отсылаетъ ее обратно и добивается такой, какой хотѣлъ. Получивъ въ это же время приглашеніе на обѣдъ отъ Ивана Чернышова, который вредилъ ему, чѣмъ могъ, Эльфинстонъ разорвалъ приглашеніе и отдалъ клочки адъютанту, прося его передать графу, что онъ къ такимъ людямъ обѣдать не ходитъ. Говорятъ даже, что отвѣтъ былъ письменный. Эта исторія напоминаетъ мнѣ, что Перро могъ бы посвятить меня въ подробности устройства морского дѣла въ Россіи. Постараюсь также разузнать и о сухопутной арміи. Что касается милиціи (рекрутскихъ наборовъ?), то я уже знаю, что тамъ идетъ ужасное воровство: каждый солдатъ стоитъ своей деревнѣ не менѣе двухсотъ рублей, въ среднемъ.

Оканчиваю это объемистое письмо новостью, которую только что узналъ: говорятъ, что для Франціи куплено здѣсь четыреста тысячъ пудовъ пеньки за 600000 рублей. На этой покупкѣ Рэмберъ, говорятъ, нажилъ тысячъ двадцать.

*) Вомаль де-Фажъ, учитель Потемкина, приставленный къ нему Екатериной, и оставшійся при немъ въ качествѣ секретаря.

**) Губернаторъ французскихъ колоній въ Индіи.

*) Помѣшали именно Алексѣй Орловъ и адмиралъ Спиридовъ. Но Эльфинстонъ успѣлъ форсировать Дарданеллы и одинъ изъ его кораблей бросилъ даже якорь передъ Константинополемъ.

Пятница, 5.—Къ брату.

Сегодня во дворцѣ выходъ по случаю кавалергардскаго праздника. Императрица въ мундирѣ полка обѣдала съ офицерами и тосты сопровождались пушечной пальбой; что многихъ обмануло, такъ какъ ждали разрѣшенія отъ бремени великой княгини, которое тоже должно быть возвѣщено пушечнымъ салютомъ. Я въ это время обѣдалъ у Нелединской и тоже былъ обманутъ, хотя только что вернулся изъ дворца, гдѣ видѣлъ всю церемонію.

Суббота, 6.—Къ женѣ брата.

Пишу вамъ, дорогая сестра, подъ впечатлѣніемъ дня, проведеннаго съ одной изъ самыхъ милыхъ дѣвицъ въ Петербургѣ, съ княжной Трубецкой, которая такъ на васъ похожа, что я, въ ея присутствіи, постоянно васъ вспоминаю. Мы съ Комбсомъ провели у нея время такъ пріятно, какъ только можно проводить его въ избранномъ обществѣ. Г-жа Нелединская много мнѣ объ ней порассказала; этой бѣдной дѣвушкѣ пришлось испытать горе, живя съ развратникомъ отцомъ, который заставлялъ ее обѣдать съ своими любовницами, отказывалъ ей въ необходимомъ и прожилъ состояніе матери, которую она имѣла несчастіе потерять въ дѣтствѣ. Скромность и благородство поведенія этой молодой дѣвушки дѣлаютъ ее еще болѣе интересной и достойной уваженія, но въ данномъ случаѣ возбуждаемый ею интересъ можетъ стать очень опаснымъ, такъ какъ она чрезвычайно мила. Мнѣ кажется, что я ей нравлюсь, дорогая сестра; надъ ней даже шутятъ по этому поводу, но Нелединская обѣщала мнѣ замазать ротъ гр. Матюшкиной, которая особенно этимъ отличается, потому что ревнуетъ Трубецкую и завидуетъ.

Воскресенье, 7.—Къ ней же.

Вы помните, что я вамъ писалъ вчера, дорогая сестра; вы увидите теперь, что я не ошибался. Пріѣзжаю сегодня во дворецъ, встрѣчаю тамъ гр. Матюшкину, которая мнѣ публично дѣлаетъ сцену за то, что я будто бы сказалъ Нелединской, что желалъ бы ужинать у нея, вмѣстѣ съ Трубецкою, вмѣсто того, чтобы ужинать у Голицыныхъ, вмѣстѣ съ Матюшкиной; что она видѣла письмо, въ которомъ я называю Трубецкую Лапинькой *); и въ концѣ концовъ она мнѣ заявила, что терпѣть меня не можетъ. Я конечно только посмѣялся надъ этимъ, но мнѣ все же было непріятно, дорогая сестра, публичное упоминаніе о Лапинькѣ, въ которую я будто бы влюбленъ. Нелединская говоритъ, что гр. Матюшкина не любитъ кн. Трубецкую за то, что она хороша и мила; всякое ухаживанье за Лапинькой сердитъ ее. Я надѣюсь, однакожъ, что все уладится. Я боюсь только сплетень—мы вѣдь здѣсь живемъ какъ въ провинціальномъ городкѣ.

Вамъ извѣстно, дорогая сестра, о моихъ отношеніяхъ къ Шарлоттѣ. Вы знаете, какъ я люблю ее за нѣжность и искренность. Но Шарлотта немножко ревнива, она думаетъ, что я ухаживаю за всѣми русскими красавицами, и въ особенности опасается г-жи Спиридовой, молоденькой и хорошенькой женщины. Эта г-жа Спиридова задумала дать спектакль и приглашаетъ меня въ свою труппу. Шарлотта, которая тоже приглашена, еще не рѣшилась окончательно, и такъ какъ я ей играть не совѣтую, заподозрила меня въ желаніи нѣчто скрыть отъ нея. Это создало между нами легкую размолвку; Шарлотта заявила, что недовольна мною и желала бы, чтобы я самъ отгадалъ причину ея неудовольства. Въ концѣ концовъ она призналась во всемъ. Я постарался ее разубѣдить, давъ слово, что не буду играть безъ нея. Всѣ эти маленькія глупости смѣшатъ меня такъ же, какъ и васъ, вѣроятно. Пріятно примѣшивать къ любви немножко ревности, она льститъ и заинтересовываетъ. Шарлота часто доставляетъ мнѣ это удовольствіе; она считаетъ меня влюбленнымъ и въ гр. Матюшкину, и въ Лапиньку, и во многихъ другихъ! Я былъ бы очень огорченъ, если бъ это оттолкнуло ее отъ меня, но маленькая тревога только доказываетъ большую любовь и питаетъ ее. Не правда ли вы съ этимъ согласны, дорогая

(*Интимное прозвище Трубецкой.

сестра? Вы смѣетесь! Но вѣдь это тоже отвѣтъ. Прощайте.

Понедѣльникъ, 8.—Къ брату.

Утромъ въ субботу я осматривалъ ковровую мануфактуру. Во главѣ ея стоитъ нѣкто Брессанъ, итальянецъ. Я съ нимъ говорилъ, и узналъ, что на его фабрикѣ работаютъ 200 человѣкъ. Я должно быть не все видѣлъ, но былъ въ двухъ огромныхъ мастерскихъ, по двадцати оконъ въ длину и въ два свѣта. Работа распредѣлена въ большомъ порядкѣ и мастеръ можетъ однимъ взглядомъ окинуть всю комнату. Мнѣ показывали образчики ковровъ, которые мнѣ не показались особенно красивыми: узоры плохи, какъ по рисунку, такъ и по цвѣтамъ; къ тому же ковры очень дороги. Постараюсь изучить дѣло въ подробностяхъ. Брессанъ не особенно хорошій мастеръ, мнѣ кажется; знанія его весьма ограничены, но онъ за то ловокъ, много болтаетъ и беззастѣнчиво льститъ, а такими средствами здѣсь всего можно достигнуть.

Многіе меня спрашиваютъ о мѣховой торговлѣ въ Россіи. Думаютъ, что мѣха должны быть здѣсь дешевле, и очень ошибаются. Они, правда, гораздо лучше, чѣмъ въ Парижѣ, но выдѣлка здѣсь плохая. Это мнѣ дало мысль собрать точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на соболя и горностаи разныхъ сортовъ. Рэмберъ сообщилъ слѣдующія:

«Соболя (*Martres Zibelines*), отъ десяти до ста рублей за пару; куница (*Martres Communes*) — отъ 90 коп. до 9 рублей за пару; связка въ 40 горностаевыхъ шкурахъ — отъ 8 до 16 рублей».

Надо послать эту записку въ Копенгагенъ, Кальяру, который передастъ и г-жѣ де-Буажеленъ *).

Вторникъ, 9.—Къ брату.

Сегодня мы получили огромную депешу, мой другъ; дѣло идетъ опять о несчастной Польшѣ, которую разныя партіи разрываютъ на части. Великій гетманъ Браницкій желалъ бы противодѣйствовать учрежденію Постояннаго Совѣта, которое, по его словамъ, должно вызвать множество споровъ и затрудненій. Не знаю, зачѣмъ сюда ѣдетъ принцъ Генрихъ Прусскій *). Мнѣ кажется, что его прибытія не особенно желаютъ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ хочетъ получить Курляндію, подъ тѣмъ предлогомъ, что Прусскій король въ качествѣ гросмейстера Тевтонскаго ордена имѣетъ на нее права. Желаютъ, чтобы онъ удовольствовался Данцигомъ, и ждутъ, что изъ всего этого выйдетъ. Принцъ Генрихъ везетъ Потемкину ленту Чернаго Орла **), а Потемкинъ на дняхъ еще ходатайствовалъ, черезъ Нолькена, о высшемъ шведскомъ орденѣ. Не думаю, чтобы ему отказали, разъ у него есть уже датская и прусская ленты. Я даже думаю, что для шведовъ было бы опасно отказать ему въ настоящую минуту, когда отношенія между дворами и безъ того натянуты. Отказу здѣсь пожалуй бы обрадовались, какъ поводу къ разрыву, а это, по моему, не желательно.

Я сообщилъ де-Верженну нѣсколько моихъ сообщеніи о Россіи. По моему, между нравами Москвы и Петербурга существуетъ большая разница; въ первомъ изъ этихъ городовъ рѣзче выраженъ національный характеръ, а въ Петербургѣ такъ много иностранцевъ, что коренные жители менѣе держатся своеобразія въ образѣ жизни. Я ихъ нахожу болѣе пустыми и поверхностными, потому что они болѣе гоняются за новостями. Но въ сущности и они обладаютъ хитростью, себялюбіемъ и рабьей ловкостью, помогающими имъ вознаграждать себя за лишенія скорѣе инстинктивнымъ, чѣмъ разумнымъ путемъ. Я въ то же время замѣтилъ — и мое замѣчаніе разсмѣшило маркиза—что женщины здѣсь развитѣе мужчинъ, менѣе слѣпы, менѣе предубѣждены въ пользу своей родины, которую онѣ вовсе не предпочитаютъ чужимъ странамъ. Я думаю, что у нихъ вообще больше такта, больше деликатности и это замѣчаніе относится

*) Женѣ французскаго посланника при герцогѣ *Пармскомъ*.

*) Видимымъ, хотя и неожиданнымъ результатомъ его поѣздки была женитьба В. К. Павла на принцесѣ Вюртембергской.

**) По словамъ м. де-Жюпнье, Потемкинъ, получивъ отставку отъ фавора, просилъ у Императрицы корону Курляндіи, въ обладаніи польской.

Выше я говорилъ, что Прусскій король претендуетъ на Курляндію въ качествѣ гросмейстера Тевтонскаго ордена. Гросмейстеръ то, собственно, принцъ Карлъ Лотарингскій, но король, владѣющій, по Петербургскому договору, Оливскимъ аббатствомъ, которое прежде принадлежало ордену вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Курляндіи, претендуетъ на то, чтобы эти части вновь были присоединены къ аббатству.

Прежде чѣмъ уйти, я поднялся къ маркизу; мы съ нимъ говорили о Польшѣ, такъ какъ идеи Браницкаго кажутся мнѣ не совсѣмъ ясными. Маркизъ сообщилъ мнѣ, что король Франціи послалъ эскадру въ Балтійское море, но что англичане, подъ рукою, стараются помѣшать его проектамъ. Кромѣ того, маркизъ объяснилъ мнѣ разницу между торговыми правами Франціи и Испаніи въ этой странѣ: первая платитъ 16 рублей съ бочки вина, а послѣдняя – 4.

Среда, 10.—Къ брату.

Сегодня я имѣлъ новой разговоръ съ Пиктэ. Онъ мнѣ разсказалъ свою исторію. Пиктэ—женевецъ, онъ уѣхалъ изъ Женевы, проживъ въ ней 30 лѣтъ безъ восьми дней, почему и лишился права вступить въ Совѣтъ Ста, для чего нужно ровно 30 лѣтъ. Будучи въ Парижѣ, онъ взялся сопровождать одного русскаго — забылъ его имя — въ путешествіи, въ теченіе трехъ лѣтъ. Съѣхаться они уговорились въ Вѣнѣ. Но тамъ русскій получилъ отъ своего правительства приказаніе занять должность секретаря при посольствѣ, во главѣ котораго стоялъ гр. Иванъ Чернышовъ. Пиктэ тогда предложено было остаться первымъ секретаремъ *), на что онъ и согласился. Въ это то время онъ познакомился съ кн. Орловымъ, взявшимъ его съ собою въ Россію. Тутъ онъ встрѣтился съ негоціантомъ Маньяномъ, женился на его сестрѣ и сдѣлался его компаньономъ по торговлѣ, вмѣстѣ съ нѣкимъ Дэмарэ. Этотъ Дэмарэ предложилъ имъ аферу съ шелковыми тканями, но Пиктэ отказалъ, разсчитывая вести торговлю табакомъ, на которую Маньянъ имѣлъ привилегію. Дэмарэ уѣхалъ въ Парижъ и увлекъ своими проектами тамошнюю фирму Маньяна — брата, которая снабдила его двумя стами тысячъ франковъ на покупку тканей. Провезя эти ткани контрабандой, Дэмарэ явился въ Петербургъ, гдѣ петербургскій Маньянъ долженъ былъ принять участіе въ сбытѣ контрабанднаго товара, причемъ Пиктэ, безъ всякой для себя выгоды, помогалъ ему сбывать этотъ товаръ двору. Къ несчастію, таможенное мошенничество было открыто и Дэмарэ попалъ въ тюрьму. На допросѣ онъ признался, что поддѣлалъ печать Императрицы ради безпошлиннаго ввоза своихъ товаровъ, а такъ какъ Пиктэ былъ близокъ ко двору, то подозрѣніе пало и на него, хотя онъ виноватъ и не былъ.

Вотъ исторія несчастій Пиктэ. Изъ всего своего состоянія, онъ успѣлъ сохранить только 544 ливра ренты. Теперь желанія его ограничиваются увеличеніемъ этой ренты до полныхъ ста пистолей, чего ему будетъ вполнѣ достаточно. Тогда онъ намѣренъ вернуться во Францію и поискать тамъ мѣсто секретаря при провинціальномъ интендантѣ или какомъ-нибудь другомъ должностномъ лицѣ. Я обѣщалъ заинтересовать его судьбой де-Верженна, а онъ, въ свою очередь, обѣщалъ дать мнѣ, какія пожелаю, объясненія насчетъ этой страны (Россіи). Мы будемъ прилежно и систематично работать надъ этимъ.

Четвергъ, 11.—Къ брату.

Сегодня, во Франціи, четвергъ Святой недѣли, другъ мой, а здѣсь только четвергъ Страстной. При дворѣ состоялась большая церемонія, которою всѣ здѣсь восхищаются, но въ которой я не нахожу ничего особеннаго. Въ срединѣ придворной церкви (очень хорошенькой) была устроена эстрада, дюймовъ въ 8 вышиною, покрытая ковромъ. На этой эстрадѣ поставили по шести стульевъ съ каждой стороны, а въ срединѣ, противъ алтаря, одно кресло. На креслѣ помѣстился епископъ или архіепископъ, а на стульяхъ—священники, представлявшіе 12 апостоловъ, тогда какъ епископъ игралъ роль Іисуса Христа. Начали читать Евангеліе, причемъ епископъ раздѣвается, беретъ тазъ, салфетку, и начинаетъ исполнять

*) Вѣроятно личнымъ (Прим. перев.).

на дѣлѣ то, что, по словамъ Евангелія, дѣлалъ Іисусъ Христосъ, то-есть, моетъ ноги священниковъ, вытираетъ ихъ и, въ заключеніе, цѣлуетъ. Эта послѣдняя церемонія заставила меня уйти. Въ общемъ, греческая церковь демонстративнѣе католической; поютъ у нихъ гораздо лучше. Но, увы, мой другъ! есть вещи, изъ которыхъ даже лучшія ничего не стоютъ.

Съ субботы, 13, до вторника, 16.— Къ брату.

Наканунѣ Пасхи, мой другъ, здѣсь повторяется та же церемонія, что и наканунѣ Рождества—служатъ обѣдню въ полночь. Императрица слушаетъ эту обѣдню въ придворной церкви. Всѣ въ парадныхъ мундирахъ; женщины богато разодѣты. Но нужно простоять не менѣе двухъ или трехъ часовъ на ногахъ, и это обстоятельство помѣшало мнѣ удовлетворить свое любопытство. Послѣ обѣдни можно цѣловать всѣхъ женщинъ, говоря имъ: «Christos was Christ». Въ этотъ день Императрица цѣлуется со всѣми часовыми, встрѣчающимися на пути.

Потомъ всѣ ужинаютъ, какъ подъ Рождество; а утромъ всѣ дѣлаютъ другъ другу визиты, какъ на Новый годъ. Въ простомъ народѣ всѣ цѣлуются, мѣняясь яйцами, и наши мужики не забыли принести намъ яицъ, чтобы получить на водку. Порядочные люди также мѣняются яйцами, картинками и проч.

Принцъ Генрихъ Прусскій пріѣхалъ сюда въ субботу вечеромъ. До понедѣльника онъ не явится ко двору, а потому сегодня всѣ были у него. Онъ остановился во дворцѣ Воронцова, на Невскомъ. Этотъ принцъ пользуется репутаціей справедливаго, гуманнаго, умнаго и воинственнаго человѣка. Онъ принималъ всѣхъ очень вѣжливо и съ большимъ достоинствомъ. Онъ малъ ростомъ, одѣтъ въ статское платье прусскаго фасона, взглядъ его производитъ непріятное впечатлѣніе (ужасно косъ), но психическія его достоинства заставляютъ забывать о физическихъ недостаткахъ.

Сегодня, во вторникъ, обычный куртагъ при дворѣ, но народу было больше, *чѣмъ обыкновенно*. Вообще, говорятъ, самымъ блестящимъ баломъ на Пасхѣ бываетъ третій.

Среда, 17.—Къ брату.

Принцъ Генрихъ привезъ съ собой большую свиту, и между прочимъ г-дъ Врейхъ (Vreich), которые мнѣ, какъ и всѣмъ, очень нравятся. Это, мнѣ кажется, дѣлаетъ имъ честь. Я съ ними ужиналъ у Бемеръ, гдѣ гр. Вахмейстеръ говорилъ мнѣ о своемъ проектѣ перейти на французскую службу. Я очень боюсь за его сестру, бѣдную Пушкину, у которой, послѣ операціи, ракъ груди опять возобновился.

Послѣ обѣда у гр. Андрея, мы съ Комбсомъ отправились смотрѣть альбомъ Фальконэ. Есть прекрасные рисунки; особенно де-Бушэ и его сына, которые работаютъ съ большимъ вкусомъ.

Фреронъ *), стало быть, умеръ. Бѣднякъ давно, говорятъ, страдалъ подагрой и умеръ внезапно, получивъ извѣстіе о запрещеніи его газеты. Это запрещеніе было слѣдствіемъ его неаккуратности въ уплатѣ пенсій изъ доходовъ съ газеты. Правда ли, что его сынъ, съ помощью двухъ бывшихъ іезуитовъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Фрерономъ, вновь получилъ право издавать газету? **). Желаю имъ продолжать съ тѣмъ же успѣхомъ, какимъ пользовался покойный.

Четвергъ, 18.—Къ брату.

Опять, мой другъ, имѣлъ разговоръ съ Пиктэ. Я ему передалъ списокъ вопросовъ, которые тщетно задавалъ Дидро; онъ обѣщалъ отвѣтить. Онъ мнѣ далъ уже двѣ записки по этимъ вопросамъ, и разсчитываетъ давать по двѣ каждую недѣлю, причемъ мы будемъ ихъ сообща обсуждать, чтобы не забыть чего-либо, относящагося къ дѣлу.

Я его спросилъ объ одномъ балѣ, на который онъ сопровождалъ Императрицу; оказалось, что это былъ балъ у Ивана Чернышова, въ годъ коронаціи. Чернышова тогда подозрѣвали въ участіи въ

*) Бывшій іезуитъ, сдѣлавшійся журналистомъ и литературнымъ критикомъ, въ качествѣ каковаго привлекъ на себя гнѣвъ Вольтера.

**) Дѣйствительно издавалъ «l'Année littéraire», а впослѣдствіи былъ членомъ конвента.

какомъ-нибудь революціонномъ заговорѣ, и императрица остерегалась его, но не желая показать боязни, явилась къ нему на званый маскарадъ въ сопровожденіи вооруженной свиты, скрывавшей оружіе подъ маскарадными костюмами. Пиктэ былъ въ этой свитѣ и ея величество собственноручно кормила его конфектами. Онъ состоялъ тогда въ связи съ гр. Брюсъ, большимъ другомъ императрицы и ровесницей ея, старшей всего на нѣсколько мѣсяцевъ, чему трудно повѣрить.

Послѣ обѣда былъ у кн. Трубецкой, которая попрежнему очень любезна. Вечеромъ былъ у кн. Куракина, гдѣ и поужиналъ очень весело, въ холостой компаніи. Былъ тамъ гр. Шереметьевъ, поразсказавшій мнѣ о Порталисѣ нѣчто такое, что заставляетъ меня относиться подозрительно къ этому молодому человѣку. Я разсказалъ бы тебѣ все сейчасъ же, но хочу прежде собрать свѣдѣнія, а потомъ уже передать тебѣ всю исторію моихъ сношеній съ этимъ французомъ.

Пятница, 19.—Къ брату.

Не знаю, мой другъ, производятъ ли твердость и мудрость нашего правительства такое же впечатлѣніе во Франціи, какъ за границей. Сомнѣваюсь въ этомъ, на основаніи того, что ты мнѣ сообщилъ, а также въ виду всегдашняго недовольства людей тѣмъ, что они имѣютъ. Кромѣ того, во Франціи есть столько людей, интересы которыхъ противуположны настоящей системѣ, что козни противъ нея нисколько не удивительны. Но здѣсь всѣ относятся сочувственно къ французской націи. Англичанъ это не радуетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они вообразили, что мы намѣрены позаботиться о развитіи нашей торговли. Два торговыхъ судна (*Gabares*), которыя должны придти сюда, подъ начальствомъ лейтенантовъ, заставляютъ ихъ бояться какъ бы наши суда не повадились ходить въ Балтійское море. Возникъ вопросъ о регулированіи пріема этимъ двумъ судамъ въ здѣшнемъ портѣ. Знаменитая эскадра въ 25 кораблей, долженствующая идти отсюда въ Данію, сведена теперь къ 20-ти судамъ и, по словамъ Маркиза, будетъ заниматься только эволюціями, хотя снабжена провіантомъ, по обыкновенію, на шесть мѣсяцевъ. Секретарю Прусскаго посольства говорили даже, что послано будетъ всего десять кораблей, и что гр. Иванъ Чернышовъ, который ими командуетъ, намѣренъ идти въ Парижъ. Кстати, по поводу морского дѣла, говорятъ, что кн. Репнину его миссія не удалась. Онъ долженъ былъ добиться отъ турокъ права свободнаго прохода черезъ Босфоръ какъ для иностранныхъ торговыхъ судовъ, идущихъ въ Россію, такъ и для русскихъ; ему отказали.

Ужиналъ сегодня у Бемеровъ. Шарлотта была нѣжна и грустна; мои къ ней отношенія оттолкнули отъ меня Нормандеца, что мнѣ очень жаль. Онъ жалуется на мое поведеніе по отношенію къ нему; хотѣлось бы поправить дѣло, если возможно. Вижу, что онъ теперь сходится съ Пюнсегюромъ.

Императрица подарила принцу Генриху пудъ ревеня. Ты знаешь, мой другъ, что это наилучшій ревень въ Европѣ, и что онъ представляетъ собою, для Россіи, значительную отрасль торговли.

Суббота, 20.—Къ брату.

Я, кажется, говорилъ тебѣ, мой другъ, о визитѣ, который я недавно сдѣлалъ кн. Трубецкой. Мы говорили о романѣ Руссо: *Юлія*, который я предложилъ ей прочесть. Сначала она не хотѣла, но потомъ, по совѣту Комбса, который меня поддержалъ, согласилась. На другой день я воспользовался одной оказіей, чтобъ послать ей первый томъ *Новой Элоизы*, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, изящно нѣжнымъ такъ же, какъ книга, которую оно сопровождало. Представь себѣ, мой другъ, каковъ былъ отвѣтъ: письмо къ Комбсу, въ которомъ княжна распространяется объ опасности для нея читать подобныя книги, и о томъ, что несмотря на это она, по его совѣту, прочтетъ ихъ, но боится какъ бы не проникнуться гибельнымъ энтузіазмомъ, которымъ онѣ проникнуты. Она приписываетъ нѣсколько строчекъ и ко мнѣ лично, прося Комбса прислать мнѣ ея письмо, что онъ въ точности и исполнилъ, оставляя за собой право на отвѣтъ. Комбсъ думаетъ, что это съ ея стороны маленькое кокетство, чтобы завлечь меня.

Былъ у жены голландскаго резидента

и встрѣтился тамъ съ Нормандецомъ. Онъ говоритъ, что Потемкинъ находится въ критическомъ положенiи, исхода котораго всѣ ждутъ. Пиктэ, съ которымъ мы тоже встрѣтились у президента, рекомендовалъ мнѣ врача, открывшаго секретъ лечить бѣшеныхъ животныхъ, и желающаго быть представленнымъ Маркизу, чтобы открыть ему этотъ секретъ для Францiи. Имя врача—фонъ-Венгель (*Woengel*). Затѣмъ я былъ у г-жи Пушкиной, здоровье которой поправляется. У нея встрѣтилъ вицъ-канцлера; говорили о налогахъ (impositions) въ Голландiи и Англiи; Пушкинъ, состоящiй русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, увѣряетъ, что въ Англiи налоги равняются 32%, а въ Голландiи — 43%.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Говорятъ, что принцъ Генрихъ строитъ козни (*cabale*). Маркизъ предупредилъ меня, что онъ старается отдалить гр. Андрея отъ великаго князя. Я говорилъ объ этомъ гр. Андрею такъ же, какъ и о томъ, что его упрекаютъ за манеру вести себя. Онъ далъ мнѣ прекрасный отвѣтъ — разумный, благородный и философскiй, прибавивъ, что не любитъ интригъ, не отвѣтитъ на сплетни и будетъ жить покойно, не увлекаясь самолюбiемъ. Я съ нимъ спорилъ, говоря, что не желать оправдываться въ глазахъ Великаго Князя, который такъ молодъ, что его могутъ обманывать, было бы слишкомъ высокомѣрно. Онъ очень хорошо принялъ мои доводы и даже, кажется, былъ убѣжденъ ими.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Фаворъ Потемкина кончается. Уже въ Москвѣ случилось что-то такое, что его пошатнуло, а здѣсь кризисъ возобновился съ новой силою. Орловы, и въ особенности князь, опять начинаютъ пользоваться довѣрiемъ. Я тебѣ писалъ о болѣзни кн. Орлова и о подозрѣнiяхъ, которыя были ею вызваны. Еще вчера мнѣ опять объ этомъ говорили; утверждаютъ, что кн. Григорiй былъ отравленъ на ужинѣ у оберъ-шталмейстера Нарышкина. Этотъ Нарышкинъ принадлежитъ къ древнему роду, но человѣкъ онъ безхарактерный, придворный по призванiю *и по низости душевной*. Императрица и весь дворъ называютъ его дуракомъ *). Это одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ не говорятъ ничего дурного, потому, что и хорошего о нихъ сказать нечего.

Обѣдалъ у кн. Голицыной, вмѣстѣ съ гр. Матышкиной; она очень шутила надъ моей склонностью къ княжнѣ Лапинькѣ, и совѣтовала ей этого не показывать, такъ какъ она кокетка и любитъ командовать, а потому, чтобы обуздать ее, нужно стараться быть съ нею похолоднѣе. Говоря это, графиня смотрѣла мнѣ въ глаза, желая узнать что я думаю. Я предоставилъ ей думать, что влюбленъ въ Лапиньку. Затѣмъ я спросилъ какую страсть испытала она три года тому назадъ, какъ когда то говорила мнѣ; она отвѣчала, что была влюблена въ одного поляка, который теперь женатъ. Потомъ стала увѣрять, что не любитъ Кошелева и никогда его не любила, и что говоритъ это вовсе не съ досады. Она только что была у Нелединской, которая передала ей нашъ послѣднiй разговоръ и прочла одно изъ моихъ писемъ. Мнѣ нравится, мой другъ, кружить головы этимъ дамамъ, которыя все-таки очень милы и забавны.

Вторникъ, 23.—Къ брату.

О родахъ Великой Княгини ничего еще не слыхать. Говорятъ, что это запозданiе задерживаетъ окончательное паденiе Потемкина. Гр. Брюль увѣренъ, что императрица поручила кн. Орлову увѣдомить Потемкина, что онъ можетъ ѣхать въ свою губернiю. Всѣ этому будутъ рады; высокомѣрiе его всѣмъ надоѣло, тѣмъ болѣе, что онъ не стѣснялся даже съ Императрицей. На Пасхѣ, между ними произошла очень грязная сцена, благодаря тому, что она отказала ему въ томъ, чего онъ просилъ. Теперь Орловъ опять въ фаворѣ у Екатерины II, которая смотритъ на него какъ на настоящаго друга; но онъ не хочетъ больше играть другой роли, а такъ какъ Императрицѣ нуженъ любовникъ, то таковымъ будетъ Завадовскiй. Говорятъ, онъ

*) *Dourack*, по-русски, значитъ глупый человѣкъ. Это у русскихъ страшно обидное слово, болѣе обидное, чѣмъ ударъ палкой.

не пользуется вліяніемъ; возможно ли это, однако, для человѣка, котораго любятъ?

Я говорилъ съ гр. Брюлемъ о Разумовскомъ. Его попрежнему упрекаютъ по поводу отношеній къ Великому Князю, отъ котораго Панинъ отдалилъ всѣхъ благоразумныхъ людей, приближенныхъ къ нему Разумовскимъ; такихъ, напримѣръ, какъ Эпнинъ (*Epnin?*) (человѣкъ очень умный, но льстецъ, какъ я слышалъ), Николаи и Ля-Фермьеръ *). Послѣдній, говорятъ, человѣкъ очень знающій, но по внѣшности это—педантъ, и мнѣ онъ не нравится. Затѣмъ гр. Андрея обвиняютъ въ томъ, что онъ приблизилъ къ великому князю нѣкоего Дюфура, который прежде былъ лакеемъ, а теперь сталъ секретаремъ, къ которому Его Высочество очень благоволитъ, что даетъ ему возможность смѣяться надъ всѣми, какъ увѣряетъ гр. Брюль. Потомъ мнѣ сообщили, что этотъ Дюфуръ былъ помѣщенъ самимъ Панинымъ, четырнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и что причиною благоволенія къ нему является искренняя преданность къ Великому Князю и внимательный уходъ за нимъ во время его болѣзни. Изъ этого я заключилъ, что нельзя всему вѣрить, что говорятъ.

Кажется я писалъ тебѣ, мой другъ, о русскомъ посланникѣ въ Англіи; Пушкинъ говоритъ о переводѣ его въ Швецію, откуда отзываютъ Симолина. Это, повидимому, должно благопріятствовать миру. Пушкинъ—человѣкъ прямодушный, толковый и простой. По манерамъ онъ напоминаетъ де-Верженна, и я считалъ бы его честнымъ и откровеннымъ человѣкомъ, если бы не зналъ, что онъ—русскій.

Среда, 24. Къ брату.

Сегодня утромъ Пиктэ разсказалъ мнѣ исторію Рэмбера и Бильо. Рэмберъ родомъ изъ Ліона и основался въ Россіи ради торговли, которая приноситъ ему большія выгоды, благодаря коммиссіонерству, которымъ онъ давно уже занимается. Бильо, его сожительница и сотрудница, родомъ изъ Бургони. Она была замужемъ за Бильо, лавочникомъ, торговлю котораго расширила, благодаря энергіи, и теперь ее не покидающей. Но она обладала и еще однимъ достоинствомъ—была хороша какъ день, такъ что одинъ изъ приказчиковъ мужа, нѣкій Муаньяръ страстно въ нее влюбился. Она тоже, какъ водится, нашла его болѣе достойнымъ любви, чѣмъ мужъ. По у любовника скоро явились соперники, и въ томъ числѣ мѣстный Кюрэ, который однакожъ не понравился, за что и рѣшился мстить. Въ качествѣ священника, онъ принялъ сторону мужа, и возбудилъ процессъ за скандальное поведеніе жены. Любовники бѣжали въ Женеву. Пиктэ, служившій въ тамошней полиціи, познакомился съ ними по этому случаю, говорилъ объ ихъ дѣлѣ съ Вольтеромъ и успѣлъ какимъ то образомъ временно примирить м-мъ Бильо съ мужемъ. Но связь ея съ Муаньяромъ не прекратилась, и въ одно прекрасное утро любовники бѣжали въ Вѣну. Тамъ они завели торговлишку, повидимому не совсѣмъ чистую съ точки зрѣнія общественной нравственности, такъ какъ императрица-мать, не любившая, чтобы сбивали съ толку ея дамъ и дѣвицъ, приказала имъ выѣхать за границу государства. Бильо распродала свои товары и уѣхала въ Россію. Здѣсь она встрѣтилась съ Рэмберомъ, который въ нее влюбился; они вмѣстѣ съѣздили въ Парижъ и вернулись въ Петербургъ съ товаромъ. Бильо, подъ именемъ М-мъ Муаньяръ, стала помогать Рэмберу, ввязалась въ интриги высокопоставленныхъ людей и начала играть крупную роль. Между тѣмъ Муаньяръ, имя котораго она носила, не замедлилъ отыскать ее спустя нѣсколько времени, но нашелъ, что она совершенно измѣнилась и занять мѣсто въ ея сердцѣ уже не могъ. Черезъ годъ она его сплавила куда то, заплативъ десять или пятнадцать тысячъ рублей, а сама продолжала жить съ Рэмберомъ до смерти своего мужа. Тогда она опять переименовала себя въ м-мъ Бильо и выписала дѣтей, которыхъ стала воспитывать. Это—умная женщина и съ характеромъ, а къ дурному ея тону можно привыкнуть. Не знаю, почему она не любила Пюисегюра, надѣюсь, что она будетъ мнѣ здѣсь очень полезна.

*) Въ качествѣ чтеца Ля-Фермьеръ былъ кромѣ того библіотекаремъ; онъ же устраивалъ спектакли и имѣлъ большое вліяніе на великаго князя.

5*

Четвергъ, 25.—Къ брату.

Забылъ тебѣ сказать, другъ мой, что, по словамъ Пиктэ, для Франціи и для Россіи было бы выгодно, ради экспортной торговли завести коммерческія конторы въ Парижѣ и Ліонѣ. Русскіе купцы не были бы обманываемы коммиссіонерами, съ которыми имѣютъ дѣло, а французскіе избѣгли бы опасности нести большія потери отъ банкротствъ. Говорятъ, что за текущее столѣтіе они потеряли такимъ образомъ двадцать пять милліоновъ ливровъ.

Я узналъ, что мои сношенія съ Пиктэ обратили на себя вниманіе кого слѣдуетъ и что объ нихъ говорятъ. Не знаю какъ быть, но своего поведенія не измѣню; этотъ человѣкъ можетъ быть мнѣ очень полезенъ. Кромѣ того я знаю, что виконтъ де-Лявонъ прибѣгалъ къ нему во многихъ случаяхъ; также буду дѣлать и я. Я просилъ его доставить мнѣ списокъ здѣшнихъ негоціантовъ съ ихъ характеристикой; онъ обѣщалъ.

Кстати, по поводу торговли, здѣсь говорятъ, что Ями хлопочетъ передъ Панинымъ о преимуществахъ для испанцевъ. Онъ хочетъ, во-первыхъ, чтобы торговыя дѣла велись коммерческой компаніей, а не обыкновенными судами и чтобъ испанцы получили такія же права что и англичане, которые платятъ пошлину рублями, а не рейхсталерами, что дастъ имъ полтора процента выгоды. Если Испанія добьется этого права, то и мы должны хлопотать о томъ же.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ тебѣ, или къ матушкѣ, я говорилъ о беременности Великой Княгини. Уже съ мѣсяцъ начали говорить о предстоящихъ родахъ, но боли начались только въ прошлую субботу. На другой день Императрица не показывалась, такъ какъ была у Великой Княгини. Съ часу на часъ всѣ ждали салюта, такъ какъ здѣсь въ обычаѣ давать 300 пушечныхъ выстрѣловъ при рожденіи принца, и полтораста при рожденіи принцессы. Но ни на другой, ни на третій день ничего не было. Начали безпокоиться, потому что вторникъ—послѣдній срокъ. Въ этотъ день я встрѣтилъ принца Генриха (у Ивана Чернышова), который сказалъ что по словамъ Императрицы безпокоиться нечего, что ребенокъ лежитъ правильно и проч. Еще черезъ день, то есть въ среду, я обѣдалъ у кн. Щербатова, гдѣ мнѣ сказали что ребенокъ мертвъ, но Великая Княгиня еще не разрѣшилась, очень страдаетъ и за нее сильно боятся. Боюсь, мой другъ, какъ бы она не умерла, да и всѣ здѣсь ждутъ того же. Вотъ завтра увидимъ.

Нева сегодня вскрылась, но изъ пушекъ не стрѣляли въ виду болѣзни великой княгини. Здѣсь принято стрѣлять съ крѣпости во время переѣзда коменданта съ докладомъ къ Императрицѣ, которая вознаграждаетъ его за это приличной суммой.

Пятница, 26.—Къ брату.

Не даромъ боялись за Великую Княгиню, мой другъ. Эта несчастная принцесса умерла сегодня не могши родить. Она сдѣлалась жертвой невѣжества этой націи и, если вѣрить слухамъ, даже варварства, которое весьма возможно въ странѣ, въ которой ужасы очень обыкновенны.

Около великой княгини не было никого кромѣ плохой бабки изъ Страссбурга, которая жила здѣсь всего 18 мѣсяцевъ и никакой практики не имѣла. Говорятъ ее рекомендовалъ Крузе (Krouse), врачъ великаго князя. Этотъ племянникъ знаменитаго Боэргава не любитъ своего дѣла, а занимается больше фабриками и проч. Онъ только теоретикъ, изучившій сочиненія своего дяди. Акушерка, съ его согласія, позвала хирурга только въ понедѣльникъ. Хирургъ, нѣкій Тоди, предложилъ наложить щипцы, что вѣроятно и слѣдовало сдѣлать тотчасъ же, хотя еще наканунѣ смѣялись надъ другимъ врачемъ, говорившимъ что положеніе великой княгини ненормально. Между тѣмъ, несмотря на эти предупрежденія, протолковали объ операціи до четырехъ часовъ среды, когда ее и начали. Тотъ же Тоди безъ всякаго толка работалъ кто говоритъ—4 часа, а кто—8. Великая Княгиня наконецъ попросила оставить ее въ покоѣ, какъ какъ была совершенно измучена. Ее перенесли на кровать, а окружавшія лица ушли тоже совершенно выбившись изъ силъ. Я забылъ тебѣ ска-

*) Впослѣдствіи графъ Монморанси.

зать что еще раньше Императрица упрекала бабку, говоря что она отвѣтитъ за послѣдствія. Въ ту же ночь, съ среды на четвергъ, былъ позванъ Моро, который просидѣлъ во дворцѣ шесть часовъ сряду, не видавъ больной, а только слушая разсказы о ея положеніи. Наконецъ онъ разсердился и сказалъ, что̀ обо всемъ этомъ думаетъ. Тутъ Императрица заявила, что надо выслушать мнѣніе Сената если за успѣхъ не ручаются. Наконецъ позвали архіепископа Платона, который явился исповѣдовать больную подъ тѣмъ предлогомъ что таковъ обычай. Но Великую Княгиню это не обмануло; она сказала что сама этого желаетъ, такъ какъ давно уже чувствуетъ что должна умереть и не говорила объ этомъ потому, что не хотѣла никого безпокоить. Исполнивъ всѣ религіозныя обязанности, она захотѣла со всѣми проститься, подавая каждому руку для цѣлованія, по-русскому обычаю. Эту трогательную и печальную сцену она провела со всей возможной твердостью, и каждому что-нибудь сказала. Кн. Куракину, напримѣръ, она сказала: «Если вы хотите, князь, передать что-нибудь вашей покойной тетушкѣ, такъ я за это берусь, мы съ ней скоро увидимся». Затѣмъ она долго, наединѣ, говорила съ Императрицей о Россіи, о дворѣ, о ней самой, прибавивъ что обо всемъ этомъ можно свободно говорить только на краю могилы. Съ мужемъ она также долго говорила наединѣ, но раньше публично просила его поскорѣе забыть объ ней и вновь жениться, такъ какъ это необходимо для блага Имперіи и народа. Говорятъ даже, что она указала ему невѣсту. Эта просьба и эти совѣты, высказанные безъ всякихъ гримасъ и ходульности, всѣхъ растрогали до слезъ—говорятъ, всѣ кругомъ рыдали. Наконецъ, утромъ въ пятницу, принцъ Генрихъ прислалъ ей своего врача, съ которымъ она говорила о Берлинѣ, какъ будто и больна не была. Новый докторъ тоже ничѣмъ помочь не могъ, такъ какъ было уже поздно, а къ кесарскому сѣченію приступать не хотѣли, потому что Императрица требовала, чтобы отвѣчали за жизнь больной. Между тѣмъ началась гангрена. Великая княгиня встала, однакожъ, съ кровати, сѣла на кушетку и выпила чашку кофе. Врачу, состоявшему при ней, она сказала что къ вечеру умретъ, такъ какъ ребенокъ не вышелъ. Затѣмъ она вновь легла на постель и отъ времени до времени разговаривала о разныхъ пустякахъ, въ родѣ того, напримѣръ, что рѣка разошлась и что очень пріятно кататься на лодкѣ. Въ комнатѣ стоялъ отвратительный запахъ, что помѣшало Великому Князю оставаться въ ней. Великая княгиня часто спрашивала объ немъ передъ смертью, такъ же какъ объ Императрицѣ, которой велѣла передать собственноручно написанный списокъ лицъ, особенно ею рекомендуемыхъ ея величеству. До самой смерти при ней оставались только горничная, нѣмка, вывезенная ею изъ Дармштадта, и Дюфуръ, камердинеръ великаго князя. Умерла она, по словамъ Андрея Разумовскаго, въ пять часовъ безъ восемнадцати минутъ. Я былъ у него въ шесть часовъ, когда онъ лежалъ уже въ кровати. Камердинеръ сказалъ что онъ спитъ, но меня все-таки впустилъ. Какъ только гр. Андрей меня увидѣлъ, такъ зарыдалъ, причемъ и я не могъ удержаться отъ слезъ. «Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ!—воскликнулъ онъ.—Вы не знаете, мой другъ, кого мы потеряли». Я попробовалъ его утѣшить и онъ продолжалъ: «Какую твердость, какую доброту она проявила! Она сама всѣхъ утѣшала, и такъ какъ я всегда имѣлъ честь пользоваться ея вниманіемъ, то мнѣ послѣднему она сказала: «Мы съ вами увидимся когда-нибудь, мы созданы для того чтобы увидаться». Затѣмъ онъ опять сталъ плакать, и такъ какъ въ это время вошла его сестра, то я ей уступилъ свое мѣсто. Черезъ часъ я опять къ нему заѣхалъ, но г-жа Загряжская увезла его къ себѣ, такъ что я просилъ только передать ему отъ меня нюхательную соль.

Вотъ печальная исторія, мой другъ, и я горюю вмѣстѣ со всѣми. Великому Князю пускали кровь; онъ съ матерью уѣхалъ въ Царское Село. За ними поѣхали Потемкинъ и графиня Брюсъ—въ экипажѣ, а князь Орловъ—верхомъ. Увѣряютъ, что Потемкинъ, наканунѣ печальнаго происшествія, когда всѣ плакали, игралъ въ вистъ и проигралъ 3000 рублей. Да и вообще горе въ этой странѣ непродолжительно. А я, мой другъ, я долго сохраню въ душѣ своей память объ этой не-

счастной принцессѣ и о сожалѣніи, которое она успѣла всѣмъ внушить.

Суббота, 27.—Къ брату.

Сегодня я послалъ узнать о здоровьѣ гр. Андрея Разумовскаго. Мнѣ отвѣчали, что онъ еще плохо себя чувствуетъ, а какъ поправится такъ уѣдетъ въ Царское Село. Такой неопредѣленный отвѣтъ заставилъ меня самого отправиться навѣстить больного, но я уже засталъ его уѣзжающимъ, чему очень былъ радъ. Бильо, къ которой я потомъ заѣхалъ, сообщила мнѣ, что сестра гр. Андрея, Загряжская, распорядилась пустить ему кровь и что потому-то онъ уѣхалъ въ Царское Село только сегодня, а не вчера. Между тѣмъ враги могутъ воспользоваться этимъ временемъ для того чтобы очернить его въ глазахъ Великаго Князя. Ужъ и теперь говорятъ, что гр. Андрей потому такъ убивается, что покойная Великая Княгиня была съ нимъ въ связи. Говорятъ даже, что Императрица предупреждала объ этомъ великаго князя еще въ Москвѣ. Въ виду такихъ сплетенъ, я нисколько не удивлюсь если Разумовскаго успѣютъ отдалить отъ двора, тѣмъ болѣе что и принцу Генриху приписываютъ такое намѣреніе *). Кончина Великой Княгини можетъ ускорить его выполненіе, такъ какъ принцъ все это время не отходитъ отъ Великаго Князя; и теперь онъ въ Царскомъ Селѣ. Между нами говоря, мой другъ, я знаю, что Великая Княгиня предпочитала гр. Андрея весьма многимъ; думаю даже, что между ними существовала живая и нѣжная дружба; это вполнѣ естественно, такъ какъ оба они были молоды и достойны любви. Но только такой злой и развратный дворъ можетъ подозрѣвать въ такихъ отношеніяхъ что-либо грязное.

Я узналъ отъ Бильо, что Загряжская далеко не такъ сильно любитъ брата, какъ старается показать. Она его полюбила только съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ милость. Да и теперь, несмотря на политику, она иногда старается во всемъ ему противорѣчить и очень не любитъ, чтобы онъ бывалъ у насъ. Моя дружба съ гр. Андреемъ ей тоже конечно не нравится, но я смѣюсь надъ этимъ.

Сегодня обѣдалъ съ Моро, сыномъ парижскаго Моро, который въ Hôtel-Dieu. Онъ очень опытный хирургъ. Онъ не хотѣлъ присутствовать при вскрытіи тѣла Великой Княгини, потому что еще раньше откровенно высказалъ свое мнѣніе придворнымъ врачамъ и хирургамъ, которые рѣшили, что она родить не можетъ и не должна имѣть дѣтей, въ виду недостатковъ своего тѣлосложенія. Моро даже не пригласили на вскрытіе; приходили пробовать почву, но онъ держалъ себя очень холодно, и хорошо сдѣлалъ. Мнѣ онъ сказалъ, что пошлетъ отчетъ во Францію и что считаетъ придворныхъ врачей ослами. Великую княгиню, по его мнѣнію, можно было спасти. Да и въ самомъ дѣлѣ, мой другъ, удивительно какъ это не приняли мѣръ заранѣе, даже для великой княгини! Она была слишкомъ достойна любви и слишкомъ любима, а это, въ Россіи, большой порокъ, особенно для лицъ, стоящихъ на такомъ мѣстѣ. Народъ очень раздраженъ, онъ плачетъ и ропщетъ. Вчера и сегодня, въ лавкахъ говорили: «Вотъ молодыя женщины умираютъ, а старыя бабы живы!» Къ кн. Орлову приходила толпа крестьянъ спрашивать, правда ли что Великая Княгиня умерла, и когда имъ сказали что правда, то они горько заплакали. Они хоть и рабы, а любятъ своихъ монарховъ, тогда какъ въ Англіи народъ свободенъ, а королей ненавидитъ. Французы же и не рабы и монарха своего обожаетъ, что же это за чувство такое?

Сегодня вечеромъ, у Бемеровъ я видѣлъ врача Принца Генриха, который былъ приглашенъ Императрицей на вскрытіе тѣла покойной Великой Княгини. Онъ говоритъ то же, что и придворные врачи, но сообщилъ мнѣ, что ребенокъ былъ мужскаго пола и очень великъ: двадцати трехъ дюймовъ въ длину и восьми въ ширину.

Воскресенье, 28.—Къ брату.

Я былъ во многихъ домахъ, мой другъ, вездѣ говорятъ объ одномъ и томъ же. Разговоръ вертится на судьбѣ несчастной принцессы. Но горе здѣсь не бываетъ ни глубокимъ, ни прочнымъ, имъ

*) Что очень вѣроятно, въ виду пристрастія гр. *Андрея къ французамъ.*

просто развлекаются, какъ и всякими другими ощущеніями. И горе, и радость— здѣсь все только развлекаетъ на нѣсколько минутъ, ничто глубоко не задѣваетъ. Среди соболѣзнованій вдругъ берутъ альманахъ, чтобы пріискать новую невѣсту для Великаго Князя. Правда, что это необходимо, но горе, казалось бы, должно заставить забыть о политикѣ. Я долженъ однакожъ отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ, которыя, по душѣ, какъ будто бы и не принадлежатъ къ числу русскихъ. Такимъ лицомъ является, напримѣръ, Нелединская, которая захворала отъ огорченія. Я ее сегодня видѣлъ и мы говорили исключительно о покойной, вспомнили всѣ случаи, въ которыхъ намъ приходилось съ ней разговаривать, вспомнили ея доброту и благородство. Я никогда не забуду, что три раза ужиналъ съ несчастной принцессой, два раза—у нея, и одинъ—у Ивана Чернышова, гдѣ я игралъ комедію. Какъ она была ко мнѣ добра и сколько любезностей наговорила по этому поводу! Нелединскую она особенно любила и допускала ее въ свой интимный кружокъ, въ которомъ та имѣла возможность любоваться на взаимную любовь великокняжеской четы. И вотъ такой-то почтенный и трогательный союзъ хотѣли разрушить сплетнями, но онъ выдержалъ и былъ разрушенъ только неумолимой смертью! Нелединская—внучка той Лапушкиной (Lapouchkin), которая, при Елизаветѣ, была публично высѣчена кнутомъ за нескромное выраженіе. Она была молода и красива; однажды, при выходѣ ея изъ театра подъ руку съ влюбленнымъ въ нее австрійскимъ посломъ, кто-то шепнулъ ей на ухо, что Императрица можетъ быть этимъ недовольна. «Почему же она не позволитъ мнѣ имѣть одного любовника, когда у самой были тысячи?»—громко отвѣтила Лапушкина. Эта фраза ее и погубила *).

Маленькая княжна Трубецкая въ отчаяніи. Правда, она потерпѣла больше, чѣмъ кто-нибудь другой, потому что лишилась друга и покровительницы, такъ что теперь отецъ можетъ безвозбранно угнетать ее и заставлять обѣдать съ своими мерзавками (coquines). Великая Княгиня, очень ею интересовавшаяся, часто приглашала ее на свои интимные вечера; теперь этого уже не будетъ.

Ты знаешь, мой другъ, что люди къ самымъ простымъ происшествіямъ всегда примѣшиваютъ что-нибудь чудесное. Простой народъ говоритъ, что Великая Княгиня умерла, потому что за нее не молились и пригласили къ ней иностранныхъ врачей. Въ русскомъ народѣ вообще распространено мнѣніе, что при родахъ непремѣнно должна помогать русская женщина, а иностранцевъ онъ не любитъ. Такая ненависть къ иностранцамъ очень невыгодна для Принца Генриха; въ народѣ говорятъ, что онъ, въ первый свой пріѣздъ (1781 г.) завезъ чуму въ Москву, а во второй— былъ причиною смерти Великой Княгини. Но чудеса этимъ еще не кончаются: мой аббатъ Паскини предсказалъ ея смерть съ помощью каббалы; онъ же угадалъ, что Великая Княгиня должна произвести на свѣтъ принца.

Понедѣльникъ, 29.—Къ брату.

Ужиналъ у фельдмаршала Голицына, гдѣ видѣлъ гр. Матюшкину, находящуюся въ меланхолическомъ настроеніи; она уже не любитъ болѣе Кошелева, да и никого любить не хочетъ. Намъ было очень весело, и никто не предвидѣлъ, что имперія скоро потеряетъ всѣми любимую принцессу. Говорятъ, что она вспомнила передъ смертью о гр. Чернышовой и о гр. Шуваловой, которыя обѣ беременны, и велѣла имъ кланяться. Первую изъ нихъ я видѣлъ, она, повидимому, искренно огорчена и сказала мнѣ, что у большинства горе скоро пройдетъ. Полагаю, что она не ошибается, такъ какъ хорошо знаетъ свою родину.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

Мои подозрѣнія относительно судьбы Андрея Разумовскаго оказались вполнѣ основательными; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Вчера мы съ Комбсомъ его встрѣтили. Онъ вернулся изъ Цар-

*) Правда, что она, въ тоже время, была замѣшана въ заговорѣ маркиза Ботты, который пытался свергнуть Елизавету и воцарить Іоанна.

скаго и смотритъ совсѣмъ убитымъ. Отправился было я къ нему, но не засталъ дома, тогда попробовалъ написать и сегодня вечеромъ получилъ отвѣтъ: онъ желаетъ меня видѣть. Но меня очень безпокоятъ слова гр. Брюля. Говорятъ, будто бы Великій Князь подозрѣвалъ любовь своей жены къ гр. Андрею и дней пятнадцать тому назадъ сказалъ кн. Голицину: «Надѣюсь, что эта глупость пройдетъ; подожду, что будетъ дальше». Передъ смертью, говорятъ, она во всемъ призналась мужу, который, даже въ эту торжественную минуту не переставалъ записывать свои разговоры съ женою. У ея гроба онъ, говорятъ, былъ необыкновенно сдержанъ. Замѣтили, что кн. Гагаринъ остался въ Царскомъ Селѣ, а графъ Андрей вернулся въ городъ. Принцъ Генрихъ не покидаетъ Великаго Князя и кажется подтверждаетъ мои подозрѣнія относительно козней противъ Разумовскаго. Не знаю, мой другъ, правду ли говоритъ Брюль, но онъ увѣряетъ, что Великій Князь признался многимъ лицамъ, и въ томъ числѣ женѣ фельдмаршала Румянцова. Меня удивляетъ такое поведеніе со стороны покойной Великой Княгини, которая была умной женщиной, а что касается Великаго Князя, то это доказываетъ лишь то, въ чемъ я никогда не сомнѣвался, то есть, что онъ человѣкъ безхарактерный.

Графу Брюлю предложили остаться здѣсь, сохраняя за собой такое же положеніе, какое онъ имѣлъ на родинѣ. Я думаю, что Великій Князь подалъ ему даже какія-то особенныя надежды. Онъ, конечно, не могъ поступить лучше какъ привязавъ къ своей особѣ такого честнаго человѣка, какъ Брюль, но одной честности недостаточно для того, чтобы съ выгодой для Великаго Князя пользоваться его интимнымъ довѣріемъ.

Среда, 1 мая.—Къ брату.

Сегодня утромъ былъ у меня г. Брюль, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ гр. Андрею, котораго застали въ угнетенномъ настроеніи. При Брюлѣ, мы не могли свободно разговаривать; гр. Андрей сказалъ мнѣ только, что оставаясь въ Петербургѣ, за невозможностью ѣздить въ Царское Село, онъ устранится отъ большого свѣта; что сестра настоятельно предлагаетъ поселиться у нея, и что онъ принялъ это предложеніе, съ условіемъ, чтобы быть свободнымъ, и чтобы его никто не безпокоилъ; наконецъ, что онъ радъ будетъ меня видѣть, и что мы будемъ гулять вмѣстѣ. «Мнѣ очень пріятно будетъ потолковать съ вами»,—прибавилъ онъ по уходѣ Брюля. Назначивъ другъ другу свиданіе на завтра, мы разошлись, причемъ онъ просилъ никому не говорить, что мы видимся частнымъ образомъ. Я тебѣ дамъ отчетъ о результатѣ нашихъ разговоровъ.

Пятница, 3.—Къ брату.

Я тебѣ еще не говорилъ, мой другъ, о нашей вчерашней прогулкѣ съ гр. Андреемъ Разумовскимъ. Поѣхали мы въ каретѣ за городъ, а тамъ пошли пѣшкомъ. Я предоставилъ ему начать объясненіе, къ которому онъ скоро и приступилъ. «Вы знаете,—спросилъ онъ», о чемъ говоритъ весь городъ»?—Догадываюсь,—отвѣчалъ я, но не могу вѣрить, чтобы Великій Князь такъ внезапно отъ васъ отстранился.—Моя связь съ Великимъ Княземъ,—продолжалъ гр. Андрей,—началась уже давно. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я учился въ Страсбургѣ, жилъ въ Англіи *) и проч., но по возвращеніи нашелъ его попрежнему ко мнѣ расположеннымъ и расположеніе это продолжало рости съ тѣхъ поръ. Смерть Великой Княгини, которую я такъ жалѣю, которую я имѣю основаніе жалѣть, потому что горе мое законно—измѣнила мои отношенія къ Великому Князю; нашлись люди, которые сумѣли воспользоваться его растерянностью, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ его не покидаютъ. Утромъ въ тотъ день, когда я выѣхалъ изъ Царскаго Села, мы съ нимъ видѣлись; онъ меня обнялъ, но тутъ вошла Императрица и мнѣ пришлось уѣхать въ городъ. Я вамъ, подъ большимъ секретомъ, покажу письмо, которое я написалъ Великому Князю по пріѣздѣ сюда. Салтыковъ въ первый

*) Онъ былъ въ Страсбургскомъ университетѣ, а затѣмъ служилъ въ англійскомъ флотѣ.

разъ отвѣчалъ мнѣ, что у Великаго Князя лихорадка, и онъ мнѣ писать не можетъ, а во второй просто сообщилъ о здоровьѣ Великаго Князя. Я теперь рѣшился; ѣду путешествовать по Франціи, по Италіи и, главнымъ образомъ по Англіи; мнѣ нужно учиться». Я постарался укрѣпить его въ этомъ намѣреніи, въ виду того, что путешествіе дастъ ему знанія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Графъ Андрей молодъ—ему всего 24 года, будучи внукомъ пастуха, онъ не можетъ опираться на свое происхожденіе, а стало быть долженъ собственными заслугами сдѣлать себя необходимымъ. Великій князь слабъ, и можетъ забыть о немъ, но вѣдь можетъ же и вспомнить, такъ что будущая роль Разумовскаго въ Россіи можетъ быть гораздо важнѣе теперешней.

Обѣдалъ сегодня у гр. Брюля, который мнѣ сообщилъ, что Румянцеву подозрѣваютъ въ участіи въ интригѣ Великой Княгини съ Разумовскимъ и что она боится послѣдствій этого дѣла. Другіе говорятъ, что найдена переписка Великой Княгини, изъ которой все и открылось. Едва ли это, однако же, вѣрно: женщины не такъ просты.

Получилъ письмо отъ Гейкинга; лѣтомъ онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Онъ сообщаетъ, что принцъ Генрихъ намѣренъ добиваться Курляндіи для одного изъ шведскихъ принцевъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Швеція уступила Пруссіи Померанію.

Суббота, 4.—Къ брату.

Утромъ написалъ гр. Андрею записочку, которую Комбсъ передастъ черезъ Бильо. Боюсь, другъ мой, какъ бы этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно не попалъ въ немилость. Всѣ говорятъ объ этомъ и обращаются съ вопросами ко мнѣ, и, между прочими, баронъ Нолькенъ, которому до всего есть дѣло. Онъ засыпалъ меня вопросами, но отвѣты получилъ неопредѣленные. Были мы у князя Лобковича, австрійскаго посла, пригласившаго меня къ обѣду; гр. Брюль тоже былъ тамъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что къ непріятностямъ, посыпавшимся на гр. Андрея, прибавилась еще одна: его упрекаютъ въ продажности, говорятъ, что онъ бралъ деньги отъ испанскаго посла, гр. Ляссы; въ эту аферу замѣшанъ будто бы и баронъ Нолькенъ, который служилъ посредникомъ при сдѣлкѣ; но я въ это не вѣрю. Разсказываютъ еще, что на почтѣ перехвачено шифрованное письмо Ляссы къ Разумовскому, которое теперь дешифрируется. Трудно повѣрить въ эти разсказы, такъ какъ если и было что-нибудь, то Ляссы слишкомъ ловокъ и опытенъ, чтобы дѣйствовать неосмотрительно.

Послѣ обѣда мы были у св. Александра Невскаго. Это—монастырь, расположенный въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города, въ концѣ Невскаго проспекта; тамъ, съ четверга, лежитъ на парадномъ катафалкѣ тѣло покойной Великой Княгини. Тамъ же, какъ говорятъ, лежало и тѣло Елизаветы. Я былъ оскорбленъ и опечаленъ бѣдностью обстановки; точно, будто бы, почести оказываются великой княгинѣ нехотя, и смерть ея не удовлетворила ненависти, возбужденной покойною въ сердцѣ кого-то, кто сильнѣй ея. Пускаютъ народъ; каждый, поднявшись на двѣ ступеньки катафалка, цѣлуетъ руку покойной и уходитъ. Офицеръ, стоящій у гроба, приглашалъ поклониться праху и насъ, но такъ какъ никто изъ посланниковъ не отозвался на приглашеніе, то и я послѣдовалъ ихъ примѣру. За катафалкомъ стоятъ стулья и скамейки для придворныхъ дамъ, дежурящихъ по цѣлымъ суткамъ, такъ же какъ и камергеры. Собственная свита покойной будетъ дежурить постоянно, вплоть до похоронъ, которыя назначены на вторникъ. Изъ залы мы вышли въ капеллу, въ которой, направо, около алтаря, вырыта могила для великой княгини. Въ верхнемъ этажѣ—церковь Александра Невскаго, очень богатая серебряная гробница котораго ничѣмъ особенно не замѣчательна; она устроена по приказанію Петра I.

Выйдя изъ монастыря, мы, съ гр. Брюлемъ, отправились гулять въ Лѣтній садъ, который хорошъ только своимъ положеніемъ—по берегу Невы, въ концѣ прекрасной набережной. Есть тамъ плохія подражанія версальскимъ боскетамъ; есть плохія мраморныя статуи, съ большими издержками привезенныя изъ Италіи;

подъ каждой написано, кого она изображаетъ.

Разставшись съ Брюлемъ, я отправился къ Бемеру. Тамъ опять мнѣ говорили о гр. Андреѣ, о его паденіи и о томъ, что онъ рѣшилъ дѣлать. Повидимому, мнѣніе о Великой Княгинѣ окончательно установилось. Одни говорятъ, что эта несчастная принцесса, передъ смертью, сама созналась мужу въ любви къ гр. Разумовскому; другіе говорятъ, что все дѣло открылось черезъ Дюфура, камердинера Великаго Князя, на основаніи подозрѣній котораго, кн. Куракину поручено было разсмотрѣть къ средѣ бумаги покойной, между которыми нашлась переписка ея съ гр. Андреемъ, обусловившая окончательное его паденіе, такъ какъ онъ, будто бы, ужъ сосланъ въ Ригу. Брюль къ этому прибавляетъ, что Лясси давалъ Разумовскому деньги, и что шифрованное письмо его перехвачено на почтѣ. Мнѣ трудно повѣрить, другъ мой, этой послѣдней новости; невѣроятно, чтобы такой умный и опытный дипломатъ, какъ гр. Лясси, довѣрился неосмотрительному молодому человѣку. По мнѣ объ этомъ уже два раза говорили; вотъ почему и я тебѣ это вновь разсказываю.

Забылъ тебѣ сказать, что гр. Андрей прислалъ мнѣ, черезъ Комбса, письмо, въ которомъ приглашаетъ меня къ себѣ завтра, въ 8 часовъ утра. Вернувшись домой, я нашелъ другое письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что дѣла заставляютъ его рано уѣхать, и что я его уже не застану. Безпокоятъ меня слухи о ссылкѣ въ Ригу; поэтому я приказалъ разбудить меня завтра пораньше, чтобы повидаться съ гр. Андреемъ прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Сегодня я всталъ раньше семи часовъ. Засталъ графа дома. Онъ очень былъ удивленъ, когда я заговорилъ объ Ригѣ, хотя сказалъ. что я не намного ошибаюсь, такъ какъ онъ, по приказанію Императрицы, переданному черезъ фельдмаршала Голицина, долженъ выѣхать въ Ревель, черезъ 24 часа послѣ похоронъ великой княгини. «Меня успокаивали, прибавилъ онъ, относительно послѣдствій этой ссылки, и я бы не безпокоился, еслибъ не зналъ здѣшнихъ обычаевъ. Просилъ, впрочемъ, позволить мнѣ ѣхать къ отцу, въ Украйну, а оттуда—за границу».

Сибирь пугаетъ здѣсь всякаго, впавшаго въ немилость, и Разумовскій, въ разговорѣ, намекнулъ мнѣ, что подозрѣваетъ кое-что, а потому, пріѣхавъ въ Ревель, постарается бѣжать моремъ. Пока мы разговаривали, онъ приводилъ въ порядокъ свои бумаги, а затѣмъ мы вмѣстѣ отправились изъ дома его сестры въ его собственный. Тамъ онъ опять принялся разбирать бумаги и между прочимъ показалъ мнѣ тетрадь, писанную рукою Великой Княгини, датированную на поляхъ и озаглавленную: «Начато 11 мая 1745 г.». Это—мысли Сенеки, переписанныя несчастной принцессой нарочно для гр. Андрея. Я прочелъ кое-что, и съ удивленіемъ замѣтилъ полное отсутствіе ошибокъ въ языкѣ и ороографіи. Сказать по правдѣ, удивительно хорошо владѣютъ иностранцы нашимъ языкомъ!

Говорилъ я съ Разумовскимъ о предполагаемой перепискѣ его съ Лясси; онъ на это только разсмѣялся. Говоря о своемъ положеніи, онъ заявилъ, что нисколько не жалѣетъ о дворѣ, лишь бы ему позволили путешествовать. Не жалѣетъ онъ также ни о комъ, кромѣ Великаго Князя, и убѣжденъ, что все идетъ отъ императрицы. Затѣмъ гр. Андрей опять повторилъ, что въ понедѣльникъ утромъ, въ день отъѣзда его изъ Царскаго Села, ему помѣшали войти къ Великому Князю въ обычное время, то-есть, когда тотъ вставалъ съ постели, но когда онъ былъ наконецъ допущенъ, то Великій Князь его обнялъ и со слезами говорилъ о своей женѣ. Вскорѣ вошла Императрица, причемъ онъ долженъ былъ уйти, получивъ отъ Ея Величества пакетъ на имя фельдмаршала Голицина, съ словеснымъ приказаніемъ послѣднему немедленно исполнить заключающееся въ пакетѣ распоряженіе. Разумовскій, узнавъ еще въ Петербургѣ, что дѣло идетъ о его ссылкѣ, тотчасъ же написалъ письмо къ Великому Князю, которое мнѣ тутъ же и показалъ. Письмо это, въ высшей степени твердое и благородное, кажется написаннымъ скорѣе отъ друга къ другу, чѣмъ отъ подданнаго къ принцу. Въ немъ Разумовскій говоритъ, что не знаетъ, по

желанію ли Великаго Князя его удаляютъ или нѣтъ; затѣмъ вкратцѣ упоминаетъ о своей многолѣтней привязанности къ великокняжеской четѣ, и кончаетъ заявленіемъ о своемъ нежеланіи снизойти до обсужденія тайныхъ причинъ и мотивовъ немилости, которая его постигла.

Вчера онъ получилъ приказъ ѣхать въ Ревель, черезъ 24 часа послѣ похоронъ, но такъ какъ Императрица съ сыномъ вскорѣ ѣдетъ туда же, то Разумовскій думаетъ, что ему позволятъ отправиться въ Украйну, а оттуда — въ заграничное плаваніе. Гр. Иванъ Чернышовъ обѣщалъ увѣдомлять его обо всемъ, что будетъ происходить при дворѣ, но интересно бы было также завязать сношенія съ Великимъ Княземъ, такъ какъ Салтыковъ, можетъ быть, и не передалъ ему вышеупомянутаго письма. Объ этомъ Салтыковѣ хорошаго не говорятъ, да и, кромѣ того, онъ—придворный до мозга костей. Разставаясь съ Разумовскимъ, я обѣщалъ писать ему, и сдержу свое обѣщаніе; да мы, можетъ быть, еще и увидимся передъ отъѣздомъ. Не знаю, замѣшана ли жена Румянцева въ это дѣло, но говорятъ, что она теперь очень весела и покойна; это сильно удивляетъ нашихъ сплетниковъ.

Маркизъ, съ которымъ я имѣлъ разговоръ передъ уходомъ изъ дома, говоритъ, что гр. Иванъ увѣдомилъ его о встрѣчѣ, какая будетъ сдѣлана нашимъ двумъ судамъ. Салютовать имъ будутъ крѣпость и сторожевой фрегатъ, а таможенный осмотръ произойдетъ на борту. Отвѣтъ этотъ — офиціальный, и идетъ отъ вице-канцлера, Остермана, который, повидимому, входитъ въ милость. Гр. Брюлю совѣтуютъ представить ему мемуаръ, написанный мною для Императрицы и поданный Потемкину, который не далъ никакого отвѣта. Гр. Брюля увѣряли, что такимъ путемъ мемуаръ навѣрно попадетъ въ руки Императрицы и доставитъ ей удовольствіе.

Панинъ все хвораетъ; у него, говорятъ, водянка яичка, и нужно сдѣлать маленькій проколъ. Онъ очень скрываетъ свою болѣзнь. Не знаю, въ какой степени онъ пользуется расположеніемъ императрицы, но положеніе его прочно, если судить по тому, что кн. Куракинъ— его племянникъ, и кн. Гагаринъ — его родственникъ, все время остаются въ Царскомъ Селѣ, при Великомъ Князѣ. Они, правда, не видятся съ его высочествомъ, но онъ все время проводитъ съ Императрицей и принцемъ Генрихомъ.

Завадовскій попрежнему состоитъ при Императрицѣ, такъ же какъ Потемкинъ; но царству послѣдняго пришелъ конецъ, хотя онъ и старается скрыть это. Военнымъ министромъ, по слухамъ, будетъ назначенъ гр. Алексѣй Орловъ. Князь— его братъ — въ величайшей милости. Ждемъ крупныхъ новостей.

Мнѣ такъ много нужно было передать тебѣ, мой другъ, серьезныхъ вещей, что ужъ не остается больше времени для разговора о моихъ личныхъ дѣлахъ. Я не пишу тебѣ о Шарлоттѣ вовсе не по забывчивости или равнодушію. Нѣтъ, мой другъ, я ее люблю больше, чѣмъ когда-либо. Почти всѣ вечера я провожу съ нею, и только въ ея обществѣ пользуюсь прелестями жизни, если можно называть жизнью пребываніе среди разодѣтыхъ дикарей, прикрывающихъ нашими модами и обычаями природную жестокость своего характера. Среди нихъ можно жить только забывая про нихъ, только стараясь обманываться на ихъ счетъ.

Понедѣльникъ, 6.—Къ брату.

Каждый день, мой другъ, совершаются новыя гадости. Сегодня утромъ я сидѣлъ и писалъ, какъ вдругъ приходитъ Комбсъ и говоритъ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку, подъ предлогомъ какихъ-то преобразованій. Съ нимъ, впрочемъ, хорошо обошлись и обѣщали подарокъ отъ его высочества. Но онъ требуетъ возвращенія пятнадцати или шестнадцати тысячъ рублей, которыя ему должны. Лормуа собирается уѣхать; то, чему онъ былъ свидѣтелемъ, не внушило ему желанія остаться, и какъ только онъ пріѣдетъ во Францію, такъ разрѣшитъ себя отъ молчанія, которое хранитъ здѣсь. Но и тутъ онъ уже говоритъ достаточно сильныя вещи, напримѣръ: великій князь не только слабохарактеренъ, а совсѣмъ лишенъ характера; онъ грубъ и жестокъ по натурѣ, а доброта его есть лишь результатъ трусости. Онъ ненавидитъ свою мать, которая его пре-

зираетъ и считаетъ недостойнымъ занимать то мѣсто, къ которому онъ предназначенъ. Да и происхожденіе его не таково, какъ думаютъ. Отецъ его не Петръ III, а Салтыковъ *). Это обстоятельство, въ связи съ возвращеніемъ Орловыхъ, заставляетъ думать, что Екатерина II намѣрена оставить престолъ кому-нибудь изъ своихъ незаконныхъ дѣтей. Вотъ, въ кадетскомъ корпусѣ, у Рибаса, есть, напримѣръ, маленькій Бобринскій, которому теперь 12—13 лѣтъ, и Рибасу дали понять, что это не простой ребенокъ, а съ большимъ будущимъ. Онъ — сынъ Императрицы, отъ Орлова. Прежде чѣмъ Лормуа уѣдетъ, я съ нимъ поговорю.

Заѣзжалъ на минутку гр. Брюль. Онъ говоритъ, что принцъ Генрихъ подарилъ, на-дняхъ, Потемкину свой портретъ, осыпанный бриллiантами. Очевидно, онъ желаетъ поддержать Потемкина, въ ущербъ Орловымъ, которые не любятъ пруссаковъ. Орловъ, почти увѣренный въ своемъ фаворѣ, пренебрегаетъ настоящимъ фаворитомъ и преслѣдуетъ его злыми эпиграммами.

Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ маркизомъ, нѣсколько визитовъ, я ужиналъ у Беморовъ, и видѣлъ тамъ барона Нолькена, который говоритъ, что гр. Андрей Разумовскій будетъ командовать черноморской эскадрой въ пять кораблей. Нолькенъ смотритъ на это, какъ на милость, а я думаю, что такое порученіе, по слѣдствіямъ, къ которымъ оно поведетъ, есть не что иное, какъ только расчитанное мщеніе. Черное море пользуется дурной славою; русскіе—плохіе моряки, а сама экспедиція совсѣмъ не привлекательна, такъ какъ имѣетъ цѣли только коммерческія. Если она не удастся, то виноватымъ окажется гр. Андрей, который дорого за это заплатитъ. Какъ бы то ни было, положеніе друга моего, Разумовскаго, весьма плохо.

Вторникъ, 7.—Къ брату.

Буду продолжать отчетъ въ наблюденіяхъ, которыя я сдѣлалъ надъ этой страною. Я положительно думаю, что, видя вокругъ себя одну только злобу, я и самъ стану золъ, если не поберегусь. Тутъ люди зубами рвутъ другъ друга, клевещутъ другъ на друга, и у нихъ, какъ сказалъ мнѣ одинъ русскій, нѣтъ постепеннаго перехода между двумя совершенно противуположными состояніями души: отъ опьяненія удовольствіями они перескакиваютъ къ самой черной злобѣ.

Сегодня утромъ былъ я на похоронахъ Великой Княгини. Мы пріѣхали въ 9 часовъ; пришлось ждать Императрицу. Какъ только она стала на свое мѣсто, началась служба. Тѣло покойной, въ гробу, попрежнему лежитъ на катафалкѣ; гробъ покрытъ золотой съ серебромъ парчею, а надъ нимъ бѣлыя и черныя страусовыя перья. Вмѣсто парадного зала, въ которомъ гробъ стоялъ прежде, онъ перенесенъ теперь въ капеллу, въ которую надо спускаться на двѣ ступени. Спустившись, Императрица стала на правой сторонѣ, а фрейлины и статсъ-дамы—на лѣвой; тамъ же стояли и мы, только подальше къ углу, около лѣстницы, ведущей въ церковь Александра Невскаго. Служба продолжалась два часа, послѣ чего епископъ Платонъ произнесъ рѣчь, заставившую плакать всѣхъ присутствующихъ, однихъ—искренно, а другихъ—изъ лицемѣрія. Церемонія кончилась опусканіемъ гроба въ могилу, вырытую около алтаря. Подробности этой церемоніи ужасно тяжелы, особенно для того, кто лично зналъ покойную. Вотъ въ чемъ онѣ состоятъ: духовникъ читаетъ вслухъ разрѣшительную молитву и прощаетъ покойнику грѣхи, присоединяя къ этому свой послѣдній поцѣлуй; затѣмъ покойника посыпаютъ солью и даютъ ему въ руки паспортъ, въ которомъ оцѣнивается его нравственность; послѣ этого нѣсколько священниковъ снимаютъ съ гроба покровъ, поливаютъ трупъ масломъ, что обозначаетъ послѣднее помазаніе, и закрываютъ его навсегда; потомъ нѣсколько свѣтскихъ людей приносятъ крышку гроба, а простой рабочій, безъ всякаго траура, начинаетъ ее привинчивать. Видъ этого послѣдняго субъекта прямо меня возмутилъ—настоящій посланникъ смерти! Во время этой печальной сцены Императрица представлялась плачущею; но я не вѣрю въ ея слезы: она слишкомъ суха для этого. Кн. Орловъ стоялъ около нея и держался очень прилично. Графъ

*) Сергѣй Васильевичъ.

Иванъ Чернышовъ—истый придворный—сдѣлалъ ему три глубокихъ реверанса, а Потемкину едва поклонился. Послѣдній, говорятъ, тотчасъ же ушелъ.

Обѣдалъ я у Нолькена, который потомъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ, а я отправился на Васильевскій островъ, къ Бемерамъ. Бѣдная Зиновьева плохо себя чувствуетъ; мы съ ней говорили о гр. Андреѣ. Для того, чтобы видѣть послѣдняго, я поѣхалъ къ Нелединской, но ея не оказалось дома. Между тѣмъ въ квартирѣ гр. Разумовскаго, куда я оттуда отправился, мнѣ сказали, что онъ у Нелединской. Тогда я опять къ ней вернулся и послалъ графу записочку, но мнѣ ее вернули безъ отвѣта. Отправившись затѣмъ къ Загряжской, я узналъ, что братъ отъ нея уѣхалъ и что я застану его, можетъ быть, у Брюля. Но у Брюля я видѣлъ только барона Сакена, который сообщилъ мнѣ, что Разумовскому дано новое приказаніе — уѣхать черезъ шесть часовъ и что онъ уже выслалъ впередъ свои экипажи. Мы поговорили объ этомъ приказаніи, очевидно разсчитанномъ на то, чтобы надѣлать шума. Сакенъ увѣряетъ, что немилость къ Разумовскому началась уже давно, еще съ Москвы; что сближеніе его съ Потемкинымъ было причиною, оттолкнувшею отъ него Великаго Князя. Другіе говорятъ о Дюфурѣ, который на него насплетничалъ, увѣривъ всѣхъ въ существованіи связи его съ Великой Княгиней; если судить по мѣрамъ, принятымъ противъ гр. Андрея, то это толкованіе надо признать вѣроятнымъ. Можетъ быть и принцъ Генрихъ участвовалъ въ этой интригѣ; онъ поддерживаетъ Потемкина, чтобы помѣшать кредиту Орловыхъ, которые терпѣть не могутъ пруссаковъ. Онъ былъ бы радъ, конечно, купить у Потемкина Россію, которую тотъ продастъ съ удовольствіемъ. Посмотримъ.

Сакенъ сообщилъ мнѣ также, что маркизъ де-Веракъ получилъ отпускъ во Францію. Ужиналъ я у саксонскаго посланника съ гр. Брюлемъ, который пріѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго и предложилъ мнѣ отправиться въ Краснабакъ *(Crasnabac?)*, чтобы повидаться тамъ съ Разумовскимъ, за которымъ слѣдятъ и который ѣдетъ подъ конвоемъ офицера. Вернувшись домой, я нашелъ записку отъ гр. Андрея. Онъ увѣдомляетъ, что отказался отъ удовольствія проститься со мною изъ предосторожности, не желая подвергать меня преслѣдованіямъ, что за нимъ слѣдятъ и что онъ не знаетъ, когда мы увидимся. Мнѣ дѣйствительно говорили, мой другъ, что при Елизаветѣ одинъ кавалеръ изъ шведскаго посольства при такихъ же обстоятельствахъ былъ сосланъ въ Сибирь и вернулся только въ царствованіе Петра III.

До свиданья. Все это омрачаетъ мою душу и я начинаю вздыхать по Франціи; это, впрочемъ, испытываютъ всѣ иностранцы, пріѣхавшіе сюда по дѣламъ.

Среда, 8.—Къ брату.

Дѣло гр. Андрея, мой другъ, говорятъ, будетъ имѣть послѣдствія. По словамъ однихъ — онъ останется въ Ревелѣ, по словамъ другихъ — будетъ сосланъ въ Архангельскъ, а оттуда до Сибири ужъ не такъ далеко. Говорятъ также, что кн. Куракинъ арестованъ сегодня ночью, но это мало вѣроятно.

Былъ у маленькой Нелединской, которая меня укрѣпила въ моемъ мнѣніи о Загряжской. Говорили также о сплетняхъ насчетъ Разумовскаго: въ шкатулкѣ Великой Княгини найдены будто бы его любовныя письма, въ которыхъ имѣется проектъ договора съ Великимъ Княземъ, компрометирующій и маркиза де-Жюинье *). Нелединская очень бы желала, чтобы Разумовскому позволили ѣхать путешествовать, но этому воспротивится, можетъ быть, его отецъ, несоглашающійся платить долги сына. Всѣхъ долговъ у него 20000 рублей. Онъ надѣялся заплатить ихъ изъ тѣхъ двухсотъ тысячъ, которыя Императрица обѣщала подарить Великой Княгинѣ послѣ ея родовъ. Ты помнишь, мой другъ, что еще въ Москвѣ Великій Князь собирался платить долги Разумовскаго; вотъ это когда началось. Отецъ гр. Андрея очень богатъ, однакоже, и если путешествіе будетъ зависѣть только отъ него, то я

---

*) Позднѣйшіе историки подтверждаютъ справедливость этихъ слуховъ. Гр. Андрей дѣйствительно былъ въ связи съ великой княгиней и дѣйствительно продался посланникамъ Франціи и Испаніи, желавшимъ разрушить согласіе между дворами Россіи, Австріи и Пруссіи. Прим. издателя.

полагаю, что оно состоится. Онъ дастъ сыну 5000 руб. въ годъ, а этого достаточно, чтобы путешествовать безъ расточительности.

Говорятъ, Дюфура прогнали; я этому не вѣрю. Не даромъ онъ служилъ шпіономъ Императрицѣ и Панину, какъ увѣрялъ Комбса кто-то, бывшій свидѣтелемъ переговоровъ по этому поводу. Тотъ же Дюфуръ, когда беременность Великой Княгини стала извѣстна, искренно или по злобѣ говорилъ актеру Дюгэ: «Этотъ ребенокъ, мой другъ, не отъ Великаго Князя, а отъ гр. Андрея».

Четвергъ, 9.—Къ брату.

Я, кажется, писалъ тебѣ, мой другъ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку. Для того, чтобы уѣхать, онъ ждетъ только уплаты 15000 руб., которыя ему должны. Обѣщали дать ему подарокъ, но еще не уплативши долга перестали выдавать жалованье. На русскихъ, мой другъ, нельзя полагаться! По словамъ Лормуа, Великій Князь безхарактеренъ, слабъ, подозрителенъ, жестокъ, несправедливъ и развратенъ отъ бездѣлья; онъ обладаетъ всѣми пороками малодушныхъ людей и не имѣетъ ни одной добродѣтели; не вѣря въ честность, онъ презираетъ всѣхъ окружающихъ и часто говорилъ Лормуа, что его придворные—негодяи. По мнѣнію Лормуа, Великій Князь не дѣлалъ исключенія и для гр. Андрея, такъ что послѣдній напрасно считалъ его своимъ другомъ. Ко всѣмъ недостаткамъ этого принца нужно прибавить еще невообразимую скупость и большую долю чванства. Прислугѣ своей онъ плохо платитъ, а постороннимъ раздаетъ; между прочимъ, велѣлъ спороть галуны съ ливрей, чтобы сдѣлать попоны.

Что касается Императрицы, то она вчера, передъ похоронами, завтракала у м-мъ Ляфонъ *) большимъ ломтемъ ветчины, а послѣ церемоніи вернулась туда же обѣдать, причемъ одна воспитанница пѣла ей какія-то глупости, для того, чтобы развлечь и заставить смѣяться. Эта цѣль была достигнута; Императрица ласкала пѣвицу и сказала м-мъ Ляфонъ: «Люблю эту дѣвочку, потому что она похожа на меня: плачетъ и смѣется одновременно». Хитрая она женщина, кромѣ того, и чувствуетъ свое превосходство надъ Великимъ Княземъ, который ее ненавидитъ. Бояться этой ненависти она не можетъ, потому что онъ слабъ, малодушенъ, изъѣденъ золотухой и геморроемъ, вообще недолговѣченъ... А кромѣ того, все дворянство его презираетъ. Лормуа сообщилъ мнѣ, что, кромѣ маленькаго Бобринскаго, Императрица воспитываетъ по-великокняжески еще одного своего незаконнаго сына, которому теперь 10—11 лѣтъ. Я спросилъ, откуда онъ знаетъ все это, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ говорить здѣсь, а вотъ когда повидается съ де-Верженномъ, то пришлетъ на мое имя письмо. Я не сталъ настаивать, но буду очень радъ узнать отъ него подробности. Онъ, кажется, хорошо изучилъ Великаго Князя и думаетъ, что гр. Андрей жестоко въ немъ ошибся. Этотъ принцъ принадлежитъ къ числу людей, которые никого любить не могутъ. Имѣя въ виду, что Лормуа весьма много болтаетъ, несмотря на то, что отказался говорить, я спросилъ его о Салтыковыхъ, состоящихъ при Великомъ Князѣ. «Ни мужъ, ни жена ничего не стоютъ»,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—«гофмейстеръ—человѣкъ низкій, а жена его—злая женщина». Онъ же сообщилъ мнѣ о судьбѣ акушерки, состоявшей при великой княгинѣ: она куда-то исчезла и Лормуа увѣренъ, что она, вмѣстѣ съ Крузе, преднамѣренно погубила покойную, сдѣлавшуюся жертвой ревности и страха. Великая Княгиня слишкомъ воодушевляла и подкрѣпляла своего мужа, а Императрицѣ этого не требуется... Не думаю, чтобы ему легко было еще разъ жениться.

Кстати, по поводу политики Лормуа думаетъ, что нашего маркиза продалъ кто-нибудь изъ прислуги. Подозрѣнія падаютъ на Антона (Antoine), въ виду нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ Лормуа по поводу Дюфура, съ которымъ онъ былъ знакомъ. Кромѣ того, я знаю, что этотъ мерзавецъ хвастался гр. Шереметеву своей близостью съ маркизомъ и Дюраномъ, которые, будто бы, совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ. Мнѣ очень тяжело подозрѣвать также аббата Дефоржа,

*) Директриссы Смольнаго монастыря.

но онъ говоритъ по-русски, лицемѣръ, хитрецъ и обладаетъ особеннымъ талантомъ льстить, ради личной выгоды, и преимущественно иностранцамъ.

Черезъ Лормуа я узналъ нѣкоторыя подробности объ Азонѣ (Azon), бывшемъ французскомъ консулѣ въ Петербургѣ во времена владычества Дюбарри. Когда Лормуа былъ въ Лондонѣ, братъ этой Дюбарри *) пріѣхалъ туда ради обычныхъ закупокъ для короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался, при помощи Азона, заработать себѣ денегъ какимъ-нибудь путемъ. Одна сводня увѣдомила ихъ, что въ тюрьмѣ сидитъ нѣкій негоціантъ, обвиненный въ распутствѣ, и что, выхлопотавъ ему прощеніе, можно очень попользоваться. Вслѣдствіе этого, сводня завлекаетъ къ себѣ герцога Кумберландскаго **) и знакомитъ его съ молоденькой, хорошенькой женщиной, одѣтой въ трауръ и разыгрывающей роль жены негоціанта. Эта женщина овладѣваетъ глупымъ и сластолюбивымъ герцогомъ, а черезъ него добивается помилованія негоціанта. Когда послѣднее состоялось, сводня увѣряетъ помилованнаго, что онъ обязанъ своей свободой заступничеству высокопоставленнаго француза, гр. Дюбарри. Негоціантъ очень благодаренъ и приглашаетъ своего избавителя обѣдать вмѣстѣ съ Азономъ. Эти господа привозятъ съ собою вино, напаиваютъ негоціанта и обыгрываютъ его въ карты на 10000 гиней. Между тѣмъ настоящая жена негоціанта открываетъ это мошенничество, но уже поздно—деньги получены и раздѣлены между участвующими, которые разъѣхались.

Ты можешь себѣ представить, мой другъ, что и меня стараются замѣшать въ исторію Разумовскаго. Говорятъ, что я порицаю то обращеніе, которому онъ подвергся, и это конечно правда; но не правда то, что я будто бы вмѣшиваюсь не въ свое дѣло. Я сожалѣлъ объ его участи, находилъ неловкимъ и неблагоразумнымъ со стороны Великаго Князя, даже непочтительнымъ къ памяти его жены, наказывать Разумовскаго за ошибку—пожалуй за преступленіе — которое должно бы быть скрыто, еслибъ даже дѣйствительно было совершено. Но что же мнѣ за дѣло до глупостей, которыя дѣлаетъ русское правительство, въ его распоряженія я ни коимъ образомъ не вмѣшиваюсь. Между прочимъ, говорятъ, что фельдмаршалъ, кн. Голицынъ, получилъ отъ Императрицы письмо, съ дозволеніемъ гр. Андрею, въ виду заслугъ его отца, отправиться въ Украйну. Въ письмѣ этомъ, однакожъ, о Разумовскомъ говорится очень сухо: его считаютъ заслуживающимъ строгаго наказанія.

Суббота, 11.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, обѣдалъ у Рэмбера, а оттуда отправился въ Монастырь. Я уже тебѣ говорилъ, кажется, что въ этомъ воспитательномъ учрежденіи молодыя дѣвицы дѣлятся на три класса, изъ коихъ въ каждомъ обязаны пробыть три года. Выходятъ они черезъ девять лѣтъ и вотъ сегодня происходили публичныя раздачи наградъ. Эта церемонія совершалась въ томъ же залѣ, гдѣ даются балы. Воспитанницы были отдѣлены балюстрадой отъ громадной толпы собравшейся на торжество. Въ срединѣ предназначеннаго для нихъ пространства, былъ поставленъ столъ, за которымъ сидѣли, посрединѣ—м-мъ Ляфонъ, а по бокамъ—Бецкій и Минихъ. [1]) Маленькимъ—М-мъ Ляфонъ раздавала ножички, ножницы, серги и т. под. Какой то господинъ вызывалъ ихъ по списку, на русскомъ языкѣ. Затѣмъ наступила очередь большихъ. Имъ роздали двѣнадцать золотыхъ и серебряныхъ медалей, а восемь дѣвицъ получили шифръ Императрицы, изъ нихъ пять приняты въ число фрейлинъ. На медаляхъ, съ одной стороны—портретъ Императрицы, а съ другой—роза и виноградныя вѣтви съ какой то надписью. Мнѣ все это покажутъ, такъ же какъ и работы дѣвицъ, которыя выйдутъ изъ монастыря въ понедѣльникъ.

На церемонію смотрѣть было интересно, но судьба многихъ дѣвицъ, въ ней участвовавшихъ, достойна сожалѣнія. Таланты едва ли къ чему нибудь послужатъ тѣмъ изъ нихъ, которыя принуждены

*) Графъ Жанъ дю-Барри-Сересъ.
**) Сынъ Георга II и братъ Георга III.

[1]) Братъ фельдмаршала, директоръ Таможенъ, а позднѣе президентъ торговой Коллегіи.

похоронить себя въ снѣгахъ Сибири; для помощи сиротамъ Императрица даетъ однакоже, 100000 рублей, что конечно пойдетъ имъ на пользу.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Сегодня, по русскому календарю, 1-е мая; согласно здѣшнему обычаю, мы ѣздили кататься въ Екатерингофъ, недурной паркъ, въ которомъ аллея, служащая для катанья, напоминаетъ Лоншанскую. Было много народа какъ пѣшкомъ, такъ и въ экипажахъ, но такого движенія, какъ у насъ на парижскихъ бульварахъ, не замѣчалось. Здѣсь нѣтъ того духа свободы и веселья, который царствуетъ во Франціи; нѣтъ здѣсь такой смѣси разнообразныхъ народностей и нѣтъ нашей непринужденности, которой, однакожъ, стараются подражать.

Чѣмъ болѣе я изучаю эту націю, тѣмъ нахожу болѣе труднымъ опредѣлить ее. Это какая то смѣсь лицъ, мало подходящихъ другъ къ другу, между которыми вы не найдете градацій и оттѣнковъ; послѣдовательности въ ходѣ ихъ идей, принциповъ и системъ вы не откроете! Съ перваго взгляда вы увидите дикій народъ и просвѣщенное дворянство, обладающее вѣжливыми, привлекательными манерами. Но посмотрите поближе и вы поймете, что это дворянство есть не что иное какъ тѣ же дикари, только разодѣтые и разукрашенные, отличающіеся отъ простого народа только внѣшностью. Изъ этого общаго правила можно сдѣлать лишь нѣсколько счастливыхъ исключеній, которые благодаря частымъ сношеніямъ съ иностранцами или другимъ какимъ-нибудь причинамъ избѣгли общей участи.

Видѣлъ я работы воспитанницъ Смольнаго Монастыря, выставленныя въ большомъ залѣ: тетради, планы, рисунки, картины, ноты и проч. Особенно выдающагося ничего нѣтъ, но все же это чего нибудь да стоитъ. Окончившія курсъ вышли въ среду, и многія изъ нихъ поступили компаньонками къ придворнымъ дамамъ. Пелединская взяла себѣ одну дворянку, и хочетъ взять еще одну, изъ буржуазнаго сословія.

О судьбѣ гр. Андрея Разумовскаго *ничего положительнаго* неизвѣстно. Одни думаютъ, что онъ пойдетъ Сибирь, другіе говорятъ что онъ сосланъ въ Архангельскъ, а есть и такіе, которые увѣряютъ что его пошлютъ командовать эскадрой, стоящеи въ Архипелагѣ.

Понедѣльникъ, 20.—Шарлоттѣ Бемеръ.

Въ твое сердце, мой милый другъ, хочу я складывать горе и радость, мнѣ въ жизни встрѣчающіяся; ты одна будешь повѣренною моей души, тебя одну нахожу я достойной моего полнаго довѣрія.

Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ гр. Андрея Разумовскаго; оно мнѣ доставлено изъ Ревеля хирургомъ его отца, сопровождавшимъ бѣднаго изгнанника, который, даже въ несчастіи, сохранилъ то честное и благородное сердце, тотъ здровый, философскій умъ, которые привлекали меня къ нему во дни счастія. Поэтому, дорогая Шарлотта, я не измѣню своего о немъ мнѣнія, я не буду такимъ вѣтрянымъ, какъ фортуна. Ты знаешь, мой другъ, какую тѣнь хотѣли набросить на мое поведеніе. Императрицѣ донесли, что я провожалъ Разумовскаго за три станціи, тогда какъ, въ день его отъѣзда, я преспокойно сидѣлъ у бар. Нолькена, откуда тщетно разсчитывалъ видѣть какъ онъ поѣдетъ. Мнѣ это не удалось. Многіе имѣли даже глупость увѣрять, что мы съ Комбсомъ также арестованы и сосланы. Эти сплетни, мой другъ, доказываютъ только, что Разумовскаго можно любить, и что французы способны не покидать своихъ друзей въ несчастіи. Я цѣлое утро тщетно гонялся за нимъ; былъ, между прочимъ, у Нелединской, которая несмотря на горячую любовь къ гр. Андрею, успѣла уже кажется позабыть его.

Видѣлъ сестру его, Загряжскую, которая собирается ѣхать въ Ревель. Говорятъ, что онъ скоро оттуда уѣдетъ за границу; говорятъ даже, что онъ будетъ назначенъ русскимъ посломъ въ Португаліи.

Вторникъ 21.—Къ брату.

Новости за новостями. Паденіе Потемкина, возрождающійся фаворъ Орловыхъ, отъѣздъ принца Генриха—который, го-

ворять, будетъ сопровождать въ Берлинъ Великаго Князя, гдѣ послѣдній познакомится со своей будущей женой, принцессой Вюртембергской, теперь помолвленной съ братомъ покойной Великой Княгини *)—всѣ эти готовыя совершиться происшествія возбуждаютъ пропасть разговоровъ и умозаключеній. Я никакихъ не дѣлаю, а жду что будетъ.

Сегодня была раздача наградъ въ кадетскомъ корпусѣ, церемонія очень похожая на ту, которая происходила въ монастырѣ. Кончили курсъ только двѣнадцать или четырнадцать молодыхъ людей. Фельдмаршалъ кн. Голицинъ раздавалъ имъ серебряныя и золотыя медали разныхъ величинъ; получившій золотую медаль посылается на нѣсколько лѣтъ за границу, на счетъ ея величества.

Ужиналъ у Нелединской, которая сказала, что кн. Трубецкая не пріѣдетъ, причемъ показала письмо послѣдней, въ которомъ я ничего не понялъ. Между тѣмъ, по словамъ Нелединской, тамъ говорится обо мнѣ. Постараюсь разъяснить этотъ фактъ, который кажется мнѣ очень интереснымъ.

Среда, 22.—Къ брату.

Былъ у гр. Головиной, **) гдѣ танцовалъ до половины десятаго. Было много воспитанницъ монастыря, не считая м-ель Дугни (Dougni?) и Глинской, которыя живутъ у Нелединской и Головиной. Первая—очень веселая дѣвушка, и, по наивности или по какой другой причинѣ, позволяетъ себѣ говорить двухсмысленныя вещи. Другая—натура болѣе тонкая и деликатная. Не знаю ужъ достаточно-ли онѣ обѣ умны. Ужиналъ у жены фельдмаршала Голицына, которая весьма любезно упрекала меня за то, что рѣдко бываю. Была тамъ Матюшкина и сидѣла между мною и молодымъ кн. Голицинымъ, который за нею ухаживаетъ. Говорили о будущей Великой Княгинѣ, какъ будто бы она уже была тутъ, а прежней никогда не существовало. Тебя это удивляетъ, мой другъ, а меня—уже нѣтъ. Таковы русскіе! Я начинаю ихъ узнавать.

*) Людовикомъ, наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ.

**) Мать г-жи Неледииской.

Четвергъ, 23.—Къ брату.

Сегодня мы съ Комбсомъ были у Леруа. Онъ намъ прочелъ свое послѣднее письмо о Россіи, касающееся здѣшнихъ законовъ, нагроможденныхъ другъ на друга и совершенно неудовлетворительныхъ. Леруа хорошо пишетъ; онъ отчетливо излагаетъ свои идеи и вы безъ труда, но съ большимъ удовольствіемъ, слѣдите за ихъ развитіемъ. Собраніе такихъ писемъ, въ которыхъ будутъ описаны подробности здѣшней администраціи, пороки и недостатки, которыми она страдаетъ и проч., составитъ очень поучительную книжку.

Послѣ обѣда я ѣздилъ съ Бемерами за городъ. Шарлотта была печальна: она думаетъ, что я влюбленъ въ Спиридову, какъ ей кто-то сказалъ. Передъ разставаньемъ мы имѣли объясненіе по этому поводу; я, насколько могъ, увѣрилъ ее что всѣ сплетни на мой счетъ ложны. Отъ Бемеровъ я отправился къ Зиновьевой, гдѣ нашелъ княжну Трубецкую и Серестъ (Céreste), съ которыми мы очень весело поужинали. Я сидѣлъ между хозяйкой и княжной, разсказывая имъ всякія глупости, надъ которыми онѣ очень смѣялись. Послѣдняя нѣсколько разъ исподтишка взглядывала на меня и улыбалась, какъ бы давая понять, что видитъ меня насквозь. Послѣ ужина, съ ней нѣсколько времени разговаривалъ Комбсъ, причемъ я замѣтилъ, что Серестъ смотритъ на него, стараясь понять о чемъ идетъ разговоръ. Такимъ образомъ, другъ мой, я вижу, что княжна вовсе не предубѣждена противъ меня и что весь шумъ поднятъ отцомъ и гувернанткой.

Гр. Панинъ все хвораетъ. Ему уже сдѣлали два прокола, но кажется придется прибѣгнуть ко вскрытію сумки. Здѣсь немного хирурговъ, способныхъ произвести такую операцію, такъ что рѣшаются выписать очень искуснаго француза, бѣжавшаго въ Англію. Только Панинъ слишкомъ истощенъ, благодаря распутству, и слишкомъ слабъ для того, чтобы выдержать операцію, и потому положеніе его очень опасно.

Мнѣ сообщили, что гр. Петръ Разумовскій *) собирается жениться на молодой

*) Братъ гр. Андрея.

вдовѣ, которая была или продолжаетъ быть любовницей Великаго Князя, встрѣчавшагося съ нею у Панина. Отецъ его, фельдмаршалъ, очень противится этой женитьбѣ, а Великій Князь сдѣлалъ уже свадебный подарокъ въ 3000 рублей.

Пятница, 24.—Къ брату.

Я послалъ тебѣ сегодня письмо съ Лормуа, бывшимъ конюшимъ Великаго Князя, выгнаннымъ въ отставку, какъ всѣ, состоявшіе при Великой Княгинѣ. Съ нимъ поступили возмутительно; не заплатили ему 15.000 р. долга, не прислали обѣщаннаго подарка, и дали всего 500 р. Ну и воспѣваетъ же онъ имъ хвалебныя пѣсни за это! Онъ мнѣ совѣтуетъ продолжать вести себя съ русскими попрежнему весело, но ни въ чемъ имъ не вѣрить, а кромѣ того остерегаться Гибала (Quibal) и Буассона, агентовъ Дюфура. Послѣдній, служившій лакеемъ у гр. Андрея, французъ по происхожденію; онъ часто ходитъ къ моему Гарри, но я нисколько не безпокоюсь о томъ, что онъ можетъ подсмотрѣть и подслушать. Лормуа увѣряетъ, что послѣ Великой Княгини остался долгъ въ 3.000.000 р.; онъ это знаетъ изъ вѣрнаго источника.

Суббота, 25.—Къ брату.

Лормуа уѣхалъ сегодня вечеромъ, и безъ помощи маркиза не могъ бы этого сдѣлать. маркизъ далъ ему 175 р., которые Лормуа пришлось внести по поручительству за одного француза и безъ которыхъ ему не хватило бы денегъ на дорогу. Такая своевременная щедрость со стороны маркиза меня нисколько не удивляетъ; я тебѣ уже много разъ говорилъ, что онъ скупъ, но честенъ и справедливъ. Мы съ нимъ дѣлали визиты, между прочимъ—къ Зиновьевой и кн. Щербатовой, которымъ я его представилъ. У Щербатовой намъ показывали медаль, даваемую воспитанницамъ монастыря, при выходѣ. Я тебѣ говорилъ, что медали эти бываютъ золотыя и серебряныя, но я ошибся: онѣ всѣ золотыя, только разной величины. Съ одной стороны на нихъ выбито изображеніе Императрицы, съ ея именемъ русскими буквами, а съ другой—вѣтки винограда разныхъ величинъ, освѣщенныя лучами солнца, въ срединѣ котораго помѣщена роза—эмблема императрицы; вверху—надпись: «Вотъ какъ онѣ воспитываются» (C'est ainsi qu'ils s'elevent), а внизу—другая надпись, въ которой значится что медаль служитъ наградой за добродѣтель и заслуги. Кромѣ того, на каждой медали выбито имя получившей и годъ выдачи.

День я кончилъ очень скучно, у гр. Чернышевой, у которой ужиналъ. Я тебѣ уже нѣсколько разъ говорилъ про эту даму, что она настоящая русская и сегодня она мнѣ это доказала. Начала она съ изысканной вѣжливости и особеннаго за мной ухаживанья; меня это удивило, но не надолго. Вскорѣ оказалось, что ей нуженъ девизъ для кольца на кошелекъ, который она посылаетъ гр. Штакельбергу. Я ей понадобился, вотъ она за мной и ухаживаетъ. Обѣщавъ составить девизъ, я внутренно рѣшилъ не исполнять своего обѣщанія. Людямъ надо платить тою же монетою, которою они сами расплачиваются.

Воскресенье, 26.—Къ брату.

Во вторникъ Великій Князь ѣдетъ на Каменный островъ класть первый камень своего дворца. Поѣздка его въ Берлинъ еще не рѣшена окончательно, а можетъ быть ее пока не хотятъ объявлять, по политическимъ причинамъ. Горе свое онъ давно позабылъ. Говорятъ, его развлекаетъ одна изъ фрейлинъ Императрицы. Опять начали устраивать частные спектакли. Фельдмаршалъ Голицынъ строитъ театръ; о спектакляхъ говорятъ и у Головиныхъ, и у Спиридовой; я приглашенъ повсюду.

Вторникъ, 28.—Къ брату.

Мы съ маркизомъ обѣдали у кн. Щербатова. Чѣмъ болѣе я бываю въ этомъ домѣ, тѣмъ болѣе остаюсь имъ доволенъ. Это одинъ изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ менѣе всего придерживаются національныхъ предразсудковъ. Хозяйка дома очень умна и знаетъ свѣтъ. Она недовольна монастыремъ и взяла оттуда свою дочь, ничему хорошему, по ея словамъ, не научившуюся. Къ тому же здоровье дочери пострадало отъ плохой пи-

щи, такъ какъ въ монастырѣ царствуетъ безобразное скряжничество. Воспитаніемъ она тоже не особенно довольна, а что касается образованія, то дочь ея, получившая медаль, писать правильно не умѣетъ. Впослѣдствіи мы узнаемъ больше—воспитанницы, привыкшія притворяться, не говорятъ пока всего, что думаютъ и не разсказываютъ обо всемъ, что видѣли. Вотъ уже два года какъ ихъ жалобы стараются заглушить всякими развлеченіями, но очарованіе разсѣивается, онѣ перестаютъ боятся м-мъ Ляфонъ, а когда совсѣмъ про нее забудутъ, то заговорятъ. Кн. Щербатова очень боится за другую свою дочь, которая еще въ монастырѣ. Она отдала туда своихъ дѣтей надѣясь на кн. Долгорукую *), которая тогда управляла монастыремъ, обладая всѣми нужными для того качествами; но м-мъ Ляфонъ, съ помощью Бецкаго, сумѣла выжить Долгорукую и сѣла на ея мѣсто. Въ виду разсказовъ объ умѣ и достоинствахъ Бецкаго, ты можешь вообразить, мой другъ, что эта м-мъ Ляфонъ какая-нибудь особенная женщина, по крайней мѣрѣ одаренная талантами и знаніями. Но ты ошибешься: ничего подобнаго. Всѣ ея заслуги состоятъ въ умѣньи осѣдлать Бецкаго, этого глупаго и тщеславнаго старика, всю жизнь работавшаго болѣе для себя чѣмъ для родины. Я не буду говорить о происхожденіи м-мъ Ляфонъ; она, говорятъ, дочь здѣшняго торговца винами, и образованіе не заставило ее забыть винную лавку,—но что вполнѣ вѣрно и о чемъ всѣ здѣсь говорятъ, такъ это то, что у ней нѣтъ никакихъ принциповъ, никакой системы. Я самъ читалъ, мой другъ, наставленія, которыя она давала выходившимъ изъ монастыря дѣвицамъ, и могу сказать что въ нихъ нѣтъ никакой основы, никакой связи, и что даже написаны они на плохомъ французскомъ языкѣ, съ орѳографическими и стилистическими ошибками, такъ что представляютъ собою нѣчто плачевное какъ по мысли, такъ и по формѣ. Орѳографическія ошибки зависятъ можетъ быть отъ плохой переписки, но онѣ во всякомъ случаѣ доказываютъ крайнюю небрежность въ надзорѣ за работами воспитанницъ, даже тогда, когда онѣ работаютъ не для себя лично, а для публики. У меня хранится цѣлая тетрадь этихъ наставленій, которую я велю переписать для тебя со всѣми ошибками; ты тогда самъ будешь судить о справедливости тѣхъ безбожныхъ похвалъ, которыя расточаются подобнымъ учрежденіямъ и ихъ творцамъ.

Проведя часть вечера у Бемеровъ, гдѣ читалъ одинъ романъ, я отправился ужинать къ гр. Головиной, гдѣ была Нелединская, надъ которой я шутилъ по поводу отношеній къ Андрею Разумовскому и ея непостоянства. Она говорила, что это ей не нравится, увѣряла, что не забываетъ отсутствующихъ, а въ то же время давала понять, что не оттолкнетъ утѣшителя. Къ такому предложенію не слѣдовало быть глухимъ, но я остался глухъ, потому что надо же быть нравственнымъ, и хоть я—цыганъ, но сердце мое менѣе склонно къ инымъ сдѣлкамъ чѣмъ умъ. Эта дама увезла меня въ своей каретѣ, къ себѣ, и я даже посидѣлъ у нея, но вышелъ столь же чистъ, какъ и вошелъ.

Среда, 29.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, съ аббатомъ и молодымъ кн. Щербатовымъ *) ходилъ по лавкамъ. Видѣлъ тульскіе клинки, очень не дорогіе; вполнѣ отдѣланная шпага, съ портупеей, цѣпочками и проч. стоила мнѣ пять рублей. Молодой князь—полное ничтожество—ни идей, ни живости, ни деликатности. Затѣмъ мы отправились къ Бильо. Бѣдная женщина въ горѣ: сынъ ея, жившій въ Москвѣ, бѣжалъ въ Украйну съ тремя тысячами рублей, принадлежавшихъ брату, который живетъ здѣсь. Этотъ молодой человѣкъ былъ любимцемъ матери, но игра заставила его уже надѣлать много глупостей. Между прочимъ Бильо жаловалась мнѣ на глупости, которыя дѣлаетъ Лессепсъ; завтра я объясню тебѣ въ чемъ дѣло. Все это послѣдствія малоумія нашего консула и его тщеславія.

Ты будешь смѣяться, когда я разскажу тебѣ объ очаровательномъ обѣдѣ вдвоемъ, который я имѣлъ сегодня. Я обѣдалъ съ однимъ англичаниномъ... У насъ было

*) Жену посла въ Берлинѣ.

*) Иваномъ Михайловичемъ.

одно только блюдо, но за то превосходное; а главное—некому было мѣшать. Шекспиръ былъ, впрочемъ, третьимъ среди насъ, и мы веселились по-деревенски, такъ какъ это происходило у Перро. Поѣвши, поговоривши, почитавши Шекспира, мы занялись политикой, но не по образцу Нормандеца, который всюду вноситъ непріятную сухость, а какъ мудрые граждане и философы. Перро сказалъ мнѣ, что англійскіе ройялисты очистили Бостонъ, что Испанія вооружается, Англія—тоже, и что семейный договоръ (Pacte de famille) можетъ вызвать ссору; желаю, чтобы ничего этого не случилось. Баронъ Сакенъ, котораго я видѣлъ передъ обѣдомъ, увѣряетъ, что дѣла Разумовскаго плохи, такъ какъ открыта систематическая его переписка съ Дармштадскимъ дворомъ, и въ этомъ состоитъ главная его вина. Затѣмъ—Великій Князь кажется не поѣдетъ въ Берлинъ, такъ какъ Орловы тому препятствуютъ, а ихъ вліяніе усиливается, въ ущербъ Потемкину. Что касается той фрейлины, которая состоитъ будто бы въ связи съ Великимъ Княземъ, то это едва ли вѣрно. Мнѣ говорили только, что черезъ три дня по смерти Великой Княгини его свели съ какою-то дѣвочкой, чтобъ утѣшить. Это средство подѣйствовало—слезы его высохли, если когда-нибудь текли.

Четвергъ, 30.—Къ брату.

Часъ по полуночи, а солнце уже встаетъ. Россія—положительно страна крайностей: то солнце не сходитъ съ горизонта, а то совсѣмъ не хочетъ надъ нимъ подниматься.

Сегодня былъ у меня Жилляръ (Gillard). Онъ не любитъ Рибаса изъ кадетскаго корпуса, и говоритъ, что этотъ Рибасъ ввелъ тамъ сократовскую любовь со всѣми ея сальностями. Не хочется этому вѣрить.

Пятница, 31.—Къ брату.

Я тебѣ говорилъ, мой другъ, о фальшивомъ характерѣ русскихъ. Въ обществѣ это только стѣсняетъ и сердитъ, но въ дѣлахъ—прямо губитъ. Несчастенъ тотъ, кому приходится имѣть дѣла съ русскими. Дамъ два примѣра, доказывающіе ненависть этихъ людей къ намъ и ихъ несправедливость вообще.

Есть здѣсь нѣкій Дэмарэ, купецъ, которому одинъ изъ Салтыковыхъ много долженъ. По происшествіи долгаго времени, получивъ нѣсколько отказовъ, Дэмарэ идетъ къ своему должнику и требуетъ немедленной уплаты. Салтыковъ отвѣчаетъ, что ничего не долженъ, и рекомендуетъ обратиться къ своему опекуну. Дэмарэ настаиваетъ, Салтыковъ грозитъ его выгнать, а когда первый сказалъ: «Фи, графъ, неужели Салтыковъ такъ долженъ платить свои долги?», то послѣдній приказалъ своимъ лакеямъ избить его до крови. Несчастный и теперь боленъ, а правосудію нѣтъ никакого дѣла.

Другой Салтыковъ, Сергѣй *), задолжавъ 4.000 рублей нѣкоему Годэну, французскому купцу, живущему здѣсь уже двадцать лѣтъ и слывущему честнымъ человѣкомъ, предлагаетъ ему получить въ уплату вексель г-жи Грибоѣдовой на 10.000 р. съ тѣмъ, чтобы 6.000 взять отъ него товаромъ. Годэнъ принимаетъ вексель, такъ какъ сама Грибоѣдова его признала, но онъ предлагаетъ дать только 4.000 драгоцѣнностями, а остальныя 2.000 внести деньгами. Согласились. Мѣсяца два спустя, полиціймейстеръ Архаровъ (Akarof) зоветъ къ себѣ Дэмарэ, чтобы узнать подробности сдѣлки, и безъ всякаго суда засаживаетъ его, въ кандалахъ, въ погребъ, гдѣ тотъ и сидитъ теперь со 2-го февраля. Маркизу обѣщали освободить этого человѣка, но до сихъ поръ обѣщанія не исполнили. Вотъ, мой другъ, легкій очеркъ русскаго правосудія и честности, встрѣчаемой нашими купцами въ этой странѣ.

Не знаю, какъ повернутся дѣла. Испанія вооружается, Англія — тоже, такъ что и мы, пожалуй, не останемся простыми свидѣтелями. Мы здѣсь закупаемъ большіе запасы пеньки; пріѣхалъ нѣкій Трэнъ (Train) для закупки лѣса. Лессепсъ заранѣе разгласилъ о пріѣздѣ этого господина. Нѣкій Сэнъ-Валь сообщилъ эту новость англійской колоніи, что не можетъ быть полезнымъ при настоящихъ

*) Бывшій фаворитъ Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и предполагаемый отецъ Павла I.

обстоятельствахъ. Тѣмъ болѣе, что и въ самой Россіи несовсѣмъ спокойно, нѣкоторые народы взбунтовались (?); турки недовольны заключеннымъ миромъ. Эти волненія скорѣе задержатъ, чѣмъ ускорятъ ходъ нашихъ дѣлъ.

Говорятъ, что Великій Князь далеко не такъ сердитъ на Разумовскаго, какъ можно было думать. Онъ не вѣритъ сплетнямъ на счетъ отношеній гр. Андрея къ Великой Княгинѣ. Это мнѣ кажется очень удивительнымъ, такъ какъ онъ — человѣкъ слабый и подозрительный. Вѣрно лишь то, что возвращаясь съ Каменнаго острова, гдѣ произвелъ закладку новаго дворца, онъ не заѣхалъ къ гр. Панину и даже не присылалъ справляться объ его здоровьѣ.

Князь Орловъ далеко не пользуется такимъ довѣріемъ, какъ говорили. Онъ очень грубъ и не годится для женскаго общества, за исключеніемъ извѣстныхъ случаевъ. Здѣсь есть г-жа Зиновьева, которая, будучи фрейлиной во время перваго фавора Орлова, имѣла отъ него ребенка. Онъ тотчасъ же выдалъ ее замужъ за Зиновьева, посланника въ Испаніи *). Эта милая и любезная женщина была тогда въ такихъ же отношеніяхъ съ императрицей, въ какихъ состоитъ теперь графиня Брюсъ. Однажды, прогуливаясь съ Ея Величествомъ, она уступила ласкамъ послѣдней и призналась ей въ своей связи съ Орловымъ. Это признаніе ее погубило: приславъ на другой день 10.000 р., Императрица запретила ей показываться ко двору. Теперь, въ виду разстройства своихъ дѣлъ и возростающаго довѣрія императрицы къ Орлову, она обратилась къ нему за помощью, но тщетно: находя ее постарѣвшей и непривлекательной, онъ ей на отрѣзъ отказалъ.

У Бемеровъ былъ большой ужинъ; присутствовали пруссаки, и кн. Лобковичъ. Говорятъ, что Великій Князь окончательно рѣшилъ 25 числа ѣхать въ Берлинъ, гдѣ встрѣтится въ принцессой Виртемберской, невѣстой принца Дармштадтскаго, который прислалъ сюда свой отказъ отъ нея. Принцъ Генрихъ остается еще здѣсь, а Великаго Князя будетъ сопровождать фельдмаршалъ Румянцевъ.

Пріѣхалъ сюда генералъ Панинъ **); вотъ еще загадка, объ этомъ слѣдуетъ подумать.

Суббота, 1 іюня.—Къ брату.

Не знаю, что и думать объ одной женщинѣ, поведеніе которой удивительно странно и непослѣдовательно. Я говорю о Нелединской, которая, въ Москвѣ, показалась мнѣ очень вѣтрянной, здѣсь, сначала—нѣжной, потомъ—опять вѣтряной, но всегда кажется хорошенькой и любезной. Она довольно серьезно была привязана къ гр. Андрею, но отъѣздъ его повидимому нисколько ее не опечалилъ; меня это очень удивило. Однажды я сказалъ ей все, что объ этомъ думаю, но она упрекала меня за недовѣріе. Между тѣмъ на другой же день она очень меня расхваливала гр. Вахмейстеру, который думаетъ, что я за ней ухаживаю, и ошибается. Вчера я ее встрѣтилъ у гр. Головиной, и мы вмѣстѣ гуляли. Она говорила о гр. Андреѣ, но въ очень смутныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, причемъ дала мнѣ понять, что имѣетъ право жаловаться на него, и до такой степени за мной ухаживала, что я не знаю, что думать. Она сдѣлала все, что могла, чтобъ удержать меня, но я не уступилъ, такъ какъ обѣщалъ быть у Голициной, куда и отправился. Послѣ ужина, мы пошли гулять по набережной, служащей общимъ мѣстомъ встрѣчъ; тамъ я опять нашелъ Нелединкую, подалъ ей руку и мы вновь поговорили. Посмотримъ, что все это значитъ, а пока я постараюсь вывѣдать отъ нея, чѣмъ ее обидѣлъ гр. Андрей; посмотримъ чѣмъ это кончится. Вернулся я къ себѣ въ половинѣ второго; ночь была дивная, удивительно свѣтлая, въ 12 часовъ можно читать газеты. А черезъ мѣсяцъ будетъ еще свѣтлѣе. Но за это маленькое удовольствіе приходится платить очень дорого; я не безъ основаній говорилъ тебѣ, что живу въ странѣ крайностей какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ.

Воскресенье, 2 іюня.—Къ брату.

У маркиза обѣдалъ гр. Шереметевъ, наговорившій мнѣ много любезностей и

*) Это не вѣрно, личности перепутаны.

**) Петръ Ивановичъ, братъ Никиты (Nikita).

упрековъ за то, что рѣдко видимся. Мнѣ очень пріятны эти любезности, но другомъ его я все же не буду. Это заставило меня подумать о себѣ: я, какъ и всѣ, люблю похвалы и меня легко поймать на эту удочку, но есть люди, которымъ это никогда не удастся, съ которыми я никогда не сойдусь. Шереметевъ, по общему отзыву, добрый малый, то есть не имѣетъ особенныхъ недостатковъ; Пюисегюръ, въ Москвѣ, находилъ его даже очаровательнымъ человѣкомъ. Но мы съ маркизомъ думали и думаемъ о немъ иначе. Это человѣкъ русскій, лишенный разума; человѣкъ, котораго путешествія не развили и которому богатство не даетъ счастія, потому что онъ не умѣетъ имъ пользоваться. Онъ подозрителенъ какъ всѣ мелкія души и слабые умы; онъ не умѣетъ ни любить, ни ненавидѣть; чувства его неопредѣленны, а привязанности обращаются чаще всего на льстецовъ и на лакеевъ. Въ его внѣшности и обращеніи есть что-то непослѣдовательное. Блестящая роскошь одежды, каретъ, ливрей, и никакой представительности въ собственной особѣ, никакихъ пріемовъ. Прибытіе его возвѣщается скороходами (*coureurs*), но прибываетъ онъ, со своимъ блестящимъ кортежемъ, въ весьма немногіе дома и очень рѣдко. Вообще Шереметевъ мало бываетъ въ свѣтѣ; онъ предпочитаетъ сидѣть дома, окруженный компаніей, которой платитъ и которою командуетъ. Онъ ни русскій по манерамъ, ни французъ по ходу идей; онъ любитъ все французское кромѣ самихъ французовъ, а къ русскимъ примыкаетъ только по національному характеру. По богатству, онъ былъ бы первымъ человѣкомъ въ Россіи, еслибъ обладалъ тонкостью въ обращеніи, чувствительнымъ сердцемъ и философскимъ умомъ. Онъ завладѣлъ бы всѣми женщинами, раздавилъ бы всѣхъ мужчинъ, всѣ бы его боялись, любили, уважали.

Ѣздилъ съ Комбсомъ кататься въ Екатерингофъ. Было много экипажей и толпа народа. Эти рабы, эти мужики, замѣняющіе здѣсь народъ, представляютъ удивительный контрастъ съ образованной частью націи. Съ одной стороны вы здѣсь видите роскошь, почти такую *же, какъ въ Парижѣ*, богатство, хорошія манеры, а рядомъ—грубые мужики пляшутъ и поютъ тѣ же пѣсни, которыя вы услышете отъ извозчиковъ (*ichwauchiks*), на всѣхъ дорогахъ Имперіи. Цивилизація—съ одной стороны, и варварство — съ другой, всегда удивляютъ иностранцевъ. Точно будто два народа, двѣ различныхъ націи живутъ на одной и той же территоріи. Вы заранѣе чувствуете себя и въ XIV и въ XVIII столѣтіи.

Проѣхавшись нѣсколько разъ, мы, по обыкновенію, отправились въ Лѣтній Садъ, а оттуда къ гр. Головиной, гдѣ встрѣтили княжну Трубецкую. Послѣ ужина я опять гулялъ по набережной, вмѣстѣ съ Потэ, который занимаетъ въ кадетскомъ корпусѣ мѣсто, приносящее ему 600 р. въ годъ. Онъ тамъ играетъ роль завѣдующаго развлеченіями репетитора и режиссера спектаклей. Потэ пріѣхалъ сюда по торговымъ дѣламъ, но любовь къ театру, отвлекая его отъ этихъ дѣлъ, заставила взять мѣсто въ корпусѣ, тѣмъ болѣе, что они давнишніе пріятели съ Рибасомъ, который въ это время занялъ тамъ мѣсто директора. Однакоже хитрый итальянецъ, вошедшій въ милость, не могъ ужиться съ нашимъ добродушнымъ Потэ; Рибасъ хотѣлъ сдѣлать изъ него домашняго шпіона, а Потэ не согласился, такъ что теперь они очень охладѣли другъ къ другу, и Потэ уже подумываетъ объ отставкѣ. Ему предлагали въ Москвѣ мѣсто на тысячу рублей, съ готовой квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ и даже пищей, причемъ онъ долженъ будетъ управлять вокзаломъ, который учреждается какимъ-то обществомъ. Этотъ Потэ наговорилъ мнѣ много хорошаго о Щербатовыхъ, о которыхъ я тебѣ писалъ нѣсколько разъ, и онъ же сообщилъ мнѣ причину сумасшествія бѣдной княгини, такъ какъ она дѣйствительно сошла съ ума.

Среди ея родныхъ есть нѣкій кн. Прозоровскій, успѣшно дравшійся съ Пугачевымъ; этотъ господинъ обладалъ слишкомъ крупными преимуществами, по сравненію съ мужемъ княгини, для того, чтобы послѣдняя могла остаться къ нему равнодушною, и не осталась. Желая, однакожъ, задушить опасную страсть, она употребила на это всѣ усилія своей воли, и вышла изъ борьбы чистою, но

потерявшей разсудокъ. Сколько дамъ, на ея мѣстѣ, предпочли бы его сохранить!

Говорятъ что горничная покойной Великой Княгини получила отставку и двѣ тысячи рублей, да нѣсколько платьевъ, которыя Императрица велѣла ей отдать; а между тѣмъ врачамъ и хирургамъ, невѣжество и небрежность которыхъ были причиною смерти бѣдной принцессы, дано 10.000 р.

P. S. Только что узналъ отъ одного русскаго, что тотъ Шереметовъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, не что иное какъ человѣкъ очень ограниченный, помирившійся съ отсутствіемъ ума и предпочитающій хорошему обществу какую-то французскую потаскушку, которую содержитъ и отъ которой почти не выходитъ. Другіе мнѣ говорили, что это самый богатый, но въ то же время и самый дрянной человѣкъ въ Европѣ.

Понедѣльникъ, 3.—Къ брату.

Сегодня у меня былъ гр. Брюль и мы говорили о дѣлахъ, которыя не двигаются. Ему совѣтуютъ повидаться съ кн. Орловымъ, который самъ желаетъ его видѣть, но онъ боится, какъ бы князь не предложилъ ему жениться на Зиновьевой. Ты знаешь, мой другъ, что эта фрейлина, племянница князя, имѣла отъ него ребенка, за что онъ ей назначилъ 100.000 р. и настолько же брилліантовъ; но нужно найдти мужа, а Брюль не желаетъ быть таковымъ. Ему можетъ быть предложатъ здѣсь мѣсто, но я и того брать не совѣтую—вмѣшательство кн. Орлова поставитъ его въ неловкое положеніе.

Вторникъ 4.—Къ Альбертинѣ Бемеръ.

Сегодня я ужиналъ у г-жи Спиридовой, которая такъ безпокоитъ вашу сестру, боящуюся, чтобы она меня не соблазнила. Спиридова очень мила, но пуста, и съ претензіями. Ея красивая и граціозная фигура дѣйствительно могла бы быть опасной для меня, если бы соединялась съ образованіемъ и постоянствомъ. Мы съ ней говоримъ о стихахъ, о литературѣ, о маленькихъ, пустенькихъ разсказцахъ и проч. Она теперь переводитъ съ русскаго на французскій языкъ нѣмецкую поэму Гесснера: Потопъ. Въ тотъ же день я обѣдалъ у кн. Щербатовой, которая пригласила меня ужинать, вмѣстѣ съ ея дочерью, но я отказался, потому что не хочу ссориться съ Шарлоттой.

Вы знаете Биржу, это хваленое мѣсто прогулокъ, которое дѣйствительно могло бы назваться хорошимъ, если бы не было лучшихъ. Я тамъ былъ сегодня утромъ. Видъ приходящихъ и уходящихъ коммерческихъ судовъ доставляетъ мнѣ удовольствіе; я люблю это зрѣлище, но здѣсь оно лишь слабо напоминаетъ мнѣ Амстердамъ, черезъ который я проѣзжалъ въ октябрѣ 1774 г. Въ тамошнемъ портѣ стояло тогда 3000 судовъ, да ожидалось еще 5000. Ну а здѣсь ихъ и всего то бываетъ нѣсколько сотенъ, включая барки. А говорятъ о видѣ! Это справедливо лишь для того, кто не видалъ ничего другого. Все въ мірѣ относительно, все другъ съ другомъ связано. Абсолютной цѣнностью обладаютъ только честные и твердые люди, для такихъ же честныхъ и твердыхъ, какъ они. Вы, мой другъ, принадлежите именно къ числу такихъ людей; но вы и Шарлотта, кромѣ того, еще и достойны любви. Судите же сами, прочна ли моя къ вамъ дружба, основанная на такихъ непоколебимыхъ принципахъ.

Среда, 5.—Къ брату.

Есть здѣсь, мой другъ, нѣкій гр. Нессельроде, который прежде состоялъ на прусской службѣ и былъ очень близокъ къ королю, а потомъ перешелъ на службу ландграфини дармштадтской. *) Онъ пріѣхалъ сюда въ надеждѣ получить мѣсто при Великой Княгинѣ, а она тѣмъ временемъ умерла. Это очень умный, остроумный и разговорчивый человѣкъ. Онъ много разсказывалъ о прусскомъ королѣ и начертилъ мнѣ, однимъ почеркомъ пера, его профиль, говорятъ, очень похожій. Я бы его награвировалъ. Гр. Нессельроде далъ мнѣ прочесть письмо Вольтера къ королю прусскому.

Четвергъ, 6.—Къ брату.

Мы съ маркизомъ ѣздили сегодня

*) Матери первой жены великаго князя.

смотрѣть фарфоровый заводъ, находящійся въ 12 верстахъ отъ города. Директоромъ его состоитъ одинъ финляндецъ, живущій здѣсь съ женой, которая очень не дурна. Заводъ плохо обставленъ, хорошихъ работниковъ въ немъ мало, а продукты слишкомъ дороги. Самое зданіе, о 19 окнахъ по фасаду, стоитъ въ глубинѣ двора, засаженаго деревьями, на берегу Невы, другой берегъ которой, въ этомъ мѣстѣ, принадлежитъ уже Швеціи.

Ничего особенно хорошаго я тамъ не видалъ. Рисунки посредственны, а тѣсто, не совсѣмъ бѣлое, наклонно къ остеклѣнію. Намъ показывали глину, изъ которой оно приготовляется; она привезена изъ Оренбурга и я взялъ себѣ кусочекъ на образецъ. Очаги, въ которыхъ производитя обжиганіе, устроены не такъ какъ въ Саксоніи: тамъ огонь помѣщенъ внизу, а здѣсь онъ на одномъ уровнѣ съ издѣліями. Правда, здѣсь употребляютъ болѣе уголь чѣмъ дрова, а его, по словамъ директора, требуется гораздо меньше.

Вечеромъ былъ большой концертъ у жены фельдмаршала, кн. Голициной. Матюшкина еще утромъ, черезъ моего лакея, рекомендовала мнѣ быть на этомъ концертѣ, и я послушался. Концертъ былъ очень хорошъ. У меня тамъ завязалось маленькое приключеніе. Проходя въ одну изъ боковыхъ комнатъ, мы съ Вахмейстеромъ встрѣтили дочь полицейскаго чиновника, Зыбину и молодую Теплову. Я имъ загородилъ дорогу и, задержавъ Зыбину, сталъ говорить ей любезности и даже поцѣловалъ. Она нисколько не противилась, глазки у нея заблестѣли, и я думаю, что будь, мы одни, дѣло этимъ бы не кончилось.

Пятница, 7.—Къ брату.

Итакъ, мой другъ, Тюрго и Мальзербъ *) остались за флагомъ. Первый палъ жертвой коварства, а послѣдній самъ подалъ въ отставку. Будучи способенъ къ службѣ, онъ не хотѣлъ сидѣть сложа руки, что ему пришлось бы благодаря кознямъ враговъ. Желаю, чтобы Г. Г. де-Клюньи и Амло *) оказались способными замѣнить ихъ, но боюсь, что они не имѣютъ опредѣленной системы и что это поведетъ къ нѣкоторой революціи особаго рода.

Маркизу говорили, что гр. Андрей настраивалъ Великую Княгиню противъ пруссаковъ, что это не нравилось Императрицѣ; гр. Лясси, будто бы, внушилъ ему эти идеи.

Великій князь, вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ, ѣдетъ въ Берлинъ 21-го. Нѣкоторые полагаютъ, что наканунѣ отъѣзда онъ захвораетъ, чтобы остаться здѣсь. Между тѣмъ всѣ распоряженія по конюшнѣ почти уже сдѣланы. Одна карета предназначена для великаго князя, двѣ—для свиты, и шесть—для прислуги.

Суббота, 8.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, Пюисегюръ прочелъ мнѣ сумасшедшее письмо своего отца, завзятаго экономиста, относящагося къ дѣлу со всѣмъ фанатизмомъ и ходульной фразистостью, свойственными такимъ людямъ. Я не вѣрю въ его знанія и думаю, что у него больше словъ чѣмъ мыслей. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которые только роняютъ экономическую науку. Ты знаешь, мой другъ, что я настолько же уважаю принципы экономистовъ, насколько возмущаюсь дутымъ энтузіазмомъ и сектантской манерой многихъ изъ нихъ, притомъ именно наименѣе образованныхъ.

Вчера, въ Царскомъ селѣ состоялась свадьба Рибаса съ Анастасіей Соколовой **) горничной Императрицы. Обѣдъ состоялся при дворѣ, въ присутствіи Великаго Князя; молодые получили подарки. Этотъ Рибасъ, неаполитанецъ, хитеръ какъ всѣ люди этой національности. Я тебѣ разсказывалъ, какъ онъ объѣхалъ Бецкаго и получилъ мѣсто директора въ Кадетскомъ корпусѣ. Теперь бракъ послужитъ къ его дальнѣйшему возвышенію. Ея Величество дала 10.000 р. ему и 15.000—его женѣ, которая была прежде любовницей Бецкаго ***), а этотъ безум-

*) Первый — министръ финансовъ, послѣдній— *министръ двора, подали въ отставку 12 мая* 1776 г.

*) Назначенные вмѣсто Тюрго и Мальзерба.

**) Незаконной дочерью Бецкаго.

***) Это, какъ оказалось, не правда.

ный старикъ, выдавая ее замужъ, прибавилъ еще домъ и тридцать или сорокъ тысячъ. Вотъ, мой другъ, какъ здѣсь составляются состоянія. Рибасъ ничего не имѣлъ, когда сюда пріѣхалъ, но благодаря своей ловкости, пріобрѣлъ очень много. Онъ, конечно, талантливый молодой человѣкъ, но не безупречный, и даже очень. Это не помѣшало ему сдѣлаться директоромъ корпуса. Я тебѣ говорилъ о дружбѣ его съ Нормандецомъ; я думаю, что она зиждется на хитрости одного и глупости другого. Рибасъ, желая прослыть испанцемъ и пользоваться покровительствомъ Гр. Ласси, ухаживаетъ за Нормандецомъ, который разсчитываетъ имъ пользоваться, не понимая, что хитрый итальянецъ смѣется надъ нимъ внутренно. Перро не любитъ ни того ни другого изъ нихъ, но ужъ особенно испанца, потому что тотъ напѣлъ на него Бецкому и помѣшалъ получить мѣсто инспектора (directeur des études).

Воскресенье, 9.—Къ брату.

Давно уже я ничего не писалъ тебѣ, мой другъ, о гр. Андреѣ Разумовскомъ. Сегодня я получилъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія косвеннымъ путемъ, черезъ Зиновьеву, которой онъ писалъ, что самъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Одни говорятъ что онъ будетъ возвращенъ, а другіе, въ томъ числѣ гр Брюль, этого не думаютъ. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ.

Женитьба Рибаса надѣлала шума. Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ посаженымъ отцомъ Рибаса (a conduit à la cérémonie nuptiale), а Императрица—посаженой матерью Соколовой. Дидро воспользуется, вѣроятно, случаемъ восхвалять доброту Ея Величества, которая бѣситъ русскихъ и заставляетъ умныхъ людей пожимать плечами. Но Дидро прекрасно знаетъ что дѣлаетъ. Ему нужно издавать Энциклопедію и сундуки ея величества будутъ къ его услугамъ. Я тебѣ не говорилъ, каково было воспитаніе Анастасіи Соколовой? Ее воспитывала м-мъ Клэранъ, по рекомендаціи какого-то русскаго вельможи, который хотѣлъ сдѣлать ее актрисой своего театра, но Клэранъ отказала ему въ этомъ въ виду дурной его славы. Будучи дочерью кучера и одной бѣдной женщины, изъ милости живущей въ домѣ Бецкаго, какимъ образомъ достигла она того, что теперь имѣетъ? Колесо фортуны, мой другъ, вертится въ этой странѣ скорѣй чѣмъ гдѣ либо, и совершенно незамѣтно подняло Рибаса съ женой на теперешнюю ихъ высоту.

У маркиза былъ большой обѣдъ. Онъ вполнѣ основательно любитъ хорошо накормить гостей и соотвѣтствующимъ образомъ оплачиваетъ повара. Но меня бѣситъ, что онъ, передъ своими секретарями, получающими отъ него не болѣе ста пистолей, разсказываетъ о 1200 ливрахъ, которые платитъ повару. И онъ это дѣлаетъ вовсе не потому, чтобы не понималъ разницы въ ихъ положеніи, какъ иной откупщикъ, платящій повару больше чѣмъ учителю, потому что обѣдъ для него важнѣе книги. Нѣтъ, мой другъ, маркизъ—человѣкъ честный и просвѣщенный, но онъ скупъ, онъ любитъ деньги и тратитъ ихъ насколько возможно меньше.

Штелинъ, секретарь академіи, о которомъ я, въ виду мѣста имъ занимаемаго, имѣлъ преувеличенное мнѣніе, оказывается просто сыномъ лакея или даже самъ служилъ въ лакеяхъ. Онъ здѣсь состоитъ еще и президентомъ петербургскаго экономическаго общества, въ которое предложилъ вступить и мнѣ. Я не далъ положительнаго отвѣта—надо еще посмотрѣть, что это такое.

На набережной встрѣтилъ Зиновьеву, съ княжной Грузинской; князь Орловъ подходилъ къ ихъ каретѣ и сказалъ, что влюбленъ въ одну изъ только что выпущенныхъ воспитанницъ Монастыря. Онъ гулялъ съ ними въ Лѣтнемъ саду. Не люблю я, мой другъ, самодовольнаго фатовства, которымъ отличается этотъ князь. Оно совсѣмъ не идетъ къ той крупной роли, которую сыгралъ Орловъ и еще намѣревается играть. Наши вельможи ведутъ себя иначе; они, можетъ быть, и дѣлами не занимаются, и женщинъ любятъ больше чѣмъ русскіе, но они никогда не роняютъ своего достоинства.

Говорятъ, Орловъ уже выбралъ для своихъ забавъ четырехъ дѣвицъ, кончившихъ курсъ въ Монастырѣ; въ Россіи всегда такъ поступаютъ.

Не знаю, почему Леруа не совѣтуетъ мнѣ довѣриться фрейлинѣ Ефимовской, которая всегда ко мнѣ хорошо относится; ее считаютъ глупенькой, но отнюдь не злой.

Понедѣльникъ, 10.—Къ брату.

Здѣсь часто заболѣваютъ перемѣжающейся лихорадкой, а нѣкоторые даже злокачественной и гнилой; у барона Сакена, саксонскаго посланника, недавно двое людей умерли. Я очень боюсь за гр. Брюля, у котораго колотье въ груди и ознобъ. Ты знаешь, мой другъ, какъ я люблю этого милаго малаго; я нахожу, что онъ похожъ на тебя характеромъ и прямотою, а потому онъ имѣетъ еще больше правъ мнѣ нравиться. Сегодня я у него обѣдалъ, чтобы узнать о здоровьѣ, и нашелъ, что оно не измѣнилось со вчерашняго дня. Послѣ обѣда мы ѣздили въ загородный домъ оберъ-шталмейстера, находящійся въ 5 или 6 верстахъ отъ Петербурга, и называющійся Ахъ! Ахъ! (Ah! Ah!), по причинѣ удивленія, которое онъ вызываетъ при первомъ взглядѣ. Ничего тебѣ не скажу о домѣ, потому что, къ стыду моему, я его не видѣлъ. Сады меня больше заинтересовали; но и то не надолго. Во-первыхъ, почва тамъ, какъ и повсюду подъ Петербургомъ, болотистая, хотя и осушается канавами. Эти канавы образуютъ нѣсколько островковъ, хорошо содержимыхъ и потому красивыхъ. Есть тамъ цвѣтники, кіоски, китайскія бесѣдки, и повсюду разставлены удобныя садовыя скамейки. На острова проложены мостики, настоящіе и плавучіе (паромы?). Хорошенькая, золоченая шлюпочка готова для прогулокъ по водѣ, и вообще ничто не упущено изъ виду для того, чтобы доставить гуляющимъ удобство и развлеченіе. Странный контрастъ представляютъ собою китайскіе костюмы садовниковъ и англійскій нарядъ лакеевъ. Меня однакожъ нисколько не удивила эта рабская подражательность, царствующая въ Россіи повсюду. Ничего своего, никакого воображенія, ни крошки сердца—на всемъ печать рабства. Влюбленный отвернется, человѣкъ со вку-*сомъ соскучится, а русскій*—доволенъ, *тщеславіе его удовлетворено.*

Я ошибся, мой другъ, посажеными на свадьбѣ Рибаса были Бецкій и Минихъ, а Соколова, говорятъ, незаконная дочь Бецкаго; по крайней мѣрѣ, всѣ такъ думаютъ.

Мнѣ разсказывали, что Пюиссегюръ, желая сблизиться съ одною изъ воспитанницъ Монастыря, попробовалъ выдать себя за учителя игры на арфѣ, и отправился къ своей избранницѣ въ сопровожденіи одного музыканта. Но музыкантъ этотъ былъ такъ плохо принятъ, что Пюиссегюръ, ожидавшій за дверью, предпочелъ ретироваться. Приключеніе это—если только разсказъ вѣренъ, за что я не ручаюсь—легко объясняется скудоуміемъ и тщеславіемъ главнаго дѣйствующаго лица. Но что вѣрно, и что тоже меня нисколько не удивляетъ, такъ это желаніе аббата Дефоржа, чтобы маркизъ представилъ его Бемерамъ. Послѣднихъ не было, однако же, дома, чему они, вполнѣ основательно, радуются. Этотъ аббатъ обладаетъ всѣми недостатками своего сословія: онъ мягокъ, вкрадчивъ и льстивъ по наружности, а на самомъ дѣлѣ эгоистъ, интриганъ и гордецъ. Ты понимаешь, что такой человѣкъ не можетъ быть моимъ другомъ. Онъ-то бы, пожалуй и хотѣлъ, но этого никогда не будетъ. Онъ слишкомъ за мною ухаживаетъ, чтобы я могъ его полюбить; я его даже не уважаю.

Бѣдный Роджерсонъ, врачъ Императрицы, очень боленъ гнилой горячкой, а можетъ быть и воспаленіемъ мозга; сегодня вечеромъ онъ былъ особенно плохъ. Мнѣ бы очень было его жаль; онъ пользуется здѣсь хорошей репутаціей какъ врачъ, всѣми любимъ, уважаемъ, и будучи тридцати лѣтъ отъ роду, можетъ сдѣлать хорошую карьеру. Я пожалѣлъ бы его и какъ хорошаго, образованнаго, умнаго человѣка, такъ какъ такіе люди очень рѣдки; такъ какъ здѣсь привыкли къ отравленіямъ, то говорятъ, что и Роджерсонъ отравленъ своими собратіями. Я этому не вѣрю.

Графъ Панинъ тоже не поправляется; хирурги въ безпокойствѣ.

Вторникъ, 11.—Къ брату.

Я кажется говорилъ тебѣ, мой другъ, о нѣкоемъ Потэ, директорѣ удоволь-

ствій въ кадетскомъ корпусѣ, французъ по происхожденію. Сначала онъ былъ другомъ Рибаса, но когда тому повезло, то онъ совершенно отшатнулся отъ Потэ, такъ какъ послѣдній отказался служить ему шпіономъ. По случаю женитьбы Рибаса, среди кадетъ возникла мысль устроить ему праздникъ, и самъ Рибасъ, подъ рукою, подстрекалъ кадетъ поручить устройство Потэ. Послѣдній былъ поставленъ этимъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ генералу Пурпру (Pourpre?), полиціймейстеру корпуса (directeur du Corps quant'a la police) праздникъ былъ бы непріятенъ, потому что ему, своему главному начальнику (?), никогда такихъ лестныхъ знаковъ вниманія кадеты не оказывали. Какъ бы то ни было, составили дивертисментъ, подъ названіемъ «Вѣнецъ Цитеры», просмотрѣть который поручено было намъ съ Пюисегюромъ, хотя я не зналъ, что послѣдній также получилъ это порученіе. Имѣя понятіе о козняхъ и сплетняхъ, царствующихъ въ корпусѣ, я туда не ходилъ, репетицій пьесы не видалъ и не желалъ видѣть. Между тѣмъ Пюиссегюръ, страшно расхваливыій эту плохую компиляцію изъ комическихъ оперъ и пасторалей, очень хотѣлъ попасть на самое представленіе. Ему посовѣтовали одѣться такъ, чтобы быть принятымъ за купца.

Вчера утромъ, мой другъ, я получаю отъ него приглашеніе пожаловать вмѣстѣ съ нимъ къ 3 часамъ въ кадетскій корпусъ къ Перро. Я ничего не зналъ, ни о чемъ не просилъ, и потому отвѣтилъ, что не знаю пойду или нѣтъ, но справлюсь пойдетъ ли маркизъ. Оказалось, что маркизъ не пойдетъ, а я привыкъ слѣдовать его примѣру. Только что я принялъ это рѣшеніе, какъ получаю письмо отъ Потэ, въ которомъ онъ, отъ имени Перро, проситъ насъ не пріѣзжать. Это вполнѣ согласовалось съ моими намѣреніями и я послалъ письмо Потэ къ Пюиссегюру, съ указаніемъ на сдѣланный имъ ложный шагъ. Онъ посмѣялся надъ этимъ, и я тоже. А всетаки очень непріятно компрометировать себя участіемъ въ глупости. Самъ Рибасъ, говорятъ, не хотѣлъ, чтобы мы съ Пюиссегюромъ попали на его праздникъ—чувствовалъ, должно быть, смѣшную сторону послѣдняго; и я не буду удивленъ, если это ему было подсказано Нормандецемъ, большимъ пріятелемъ Пюиссегюра. Онъ самъ-то былъ тамъ, вмѣстѣ съ Бемеромъ. Удивительно мелочный человѣкъ этотъ Нормандецъ!

Ѣздилъ къ Загряжской, она была дома, но не приняла меня. Бильо послѣ говорила, что я не долженъ удивляться такому обращенію, что это вполнѣ въ русскомъ вкусѣ.

Опять стали говорить о возвращеніи гр. Андрея. Положительнаго ничего не извѣстно, но онъ писалъ великому князю изъ Ревеля и получилъ отвѣтъ.

Ужинали мы съ маркизомъ у кн. Щербатова; князь говоритъ что м-мъ Ляфонъ сдѣлала его дочери строгій выговоръ за то, что въ домѣ ея родителей критикуютъ воспитаніе, даваемое въ монастырѣ. Онъ писалъ по этому поводу письмо къ м-мъ Ляфонъ, очень хорошее письмо, которое, однакожъ, было бы еще лучше, еслибъ не содержало въ себѣ крупныхъ орѳографическихъ ошибокъ. Между прочимъ я былъ удивленъ тѣмъ, что князь, потомокъ Рюрика, титулуетъ ее «превосходительствомъ», и вообще относится къ ней съ уваженіемъ. Но у него, въ монассырѣ, дочь, зависящая отъ м-мъ Ляфонъ, и въ этомъ лежитъ ключь къ разгадкѣ. Говорятъ, что м-мъ Ляфонъ не особенно прочна на своемъ мѣстѣ, и что Рибасъ, который ее не любитъ, всѣми мѣрами старается осмѣивать ее и находить недостатки въ ея дѣятельности.

Среда, 12—Къ брату.

Все понемногу открывается, милый другъ, и чаще при помощи случая чѣмъ благодаря старательнымъ изысканіямъ. Въ странѣ интригъ полезно все знать, ни къ чему нельзя относиться индифферентно, но если самъ думаешь и поступаешь прямодушно, то съ трудомъ замѣчаешь всякія тонкости и даже относишься къ нимъ презрительно.

Ты помнишь, мой другъ, что я писалъ тебѣ о княгинѣ Трубецкой, о предпочтеніи, которое я ей оказывалъ и къ которому она относилась съ удовольствіемъ. Ты помнишь также одинъ ужинъ у гр. Чернышовой, гдѣ эта женщина под-

вергла насъ глупѣйшему допросу; я тебѣ разсказывалъ, какъ отношеніе кн. Трубецкой ко мнѣ измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ трудно мнѣ стало видѣться съ нею и проч. Запутанныя рѣчи ея гувернантки, м-мъ Серестъ, принужденность княжны съ нею, полуобъясненіе, которое я имѣлъ у Бемеровъ и Пелединской, когда убѣдился, что Трубецкая отдаетъ мнѣ справедливость, все это теперь почти открылось благодаря моему разговору съ шевалье де-Серестомъ. Я ему прямо высказалъ мои сомнѣнія и заявилъ, что они меня очень безпокоятъ. Онъ отвѣтилъ, что я былъ слишкомъ довѣрчивъ, что насчетъ моихъ отношеній къ княжнѣ возникли сплетни; что одинъ Андреевскій кавалеръ оказалъ мнѣ плохую услугу, роспустивъ слухъ, что я человѣкъ рѣзкій, злорадный, никого не щадящій и пишущій на всѣхъ эпиграммы, правда—не глупыя. Я хотѣлъ узнать отъ него имена, но онъ отказался сообщить ихъ мнѣ, говоря, что это можетъ повести къ ссорамъ, такъ какъ сколько бы честныхъ словъ я ни давалъ, а моя живость и вспыльчивость возьмутъ верхъ и дадутъ мнѣ средства отомстить моимъ хулителямъ. Мнѣ не хотѣлось, однакоже, упустить добычу, и я пригласилъ Сереста вмѣстѣ пообѣдать, на что онъ согласился. За обѣдомъ я возобновилъ разговоръ и два часа сряду старался вывѣдать отъ него что возможно, но онъ постоянно отказывался назвать мнѣ имена. Но когда я упомянулъ о нашемъ разговорѣ съ княжной, въ воскресенье, за ужиномъ, причемъ она мнѣ сказала, что знаетъ всѣ сплетни, роспускаемыя на нашъ счетъ, то Серестъ воскликнулъ! «О: это она говорила про другое», то есть ужъ про что то новое. Наконецъ, мой другъ, онъ взялъ съ меня слово не видѣться съ княгиней до понедѣльника, когда обѣщалъ объяснить мнѣ все. Ты можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этого объясненія, желая знать, какія еще новыя сплетни роспускаются на мой счетъ. Впрочемъ, во время нашего загадочнаго разговора, Серестъ намекнулъ, что я во всемъ этомъ играю далеко не плохую роль, что женщины любятъ оказываемое имъ предпочтеніе, но не желаютъ, чтобы оно проявилось *слишкомъ рѣзко, и что, кромѣ того*, большинство сплетенъ обусловливается завистью.

Четвергъ, 13—Къ брату.

Кадетъ, о которомъ я тебѣ часто говорилъ, (?) мой другъ, называется Ахвердовъ (*Acvedof*); онъ живетъ у Бецкаго, и состоитъ въ первомъ батальонѣ.

Баронъ Гриммеръ, русскій уполномоченный въ Польшѣ, возвращается въ Варшаву.

Суббота, 15—Къ брату.

Сдѣлавъ множество визитовъ, я ужиналъ у Голицыныхъ. Матюшкина просила меня написать ей эпитафію, на подобіе той, которую я написалъ, въ Касселѣ, для самого себя. Вотъ эта эпитафія:

C'y—gst qui toujours eût vécu,
S'il avait toujours eu maîtresse;
Mais l'âge éteignant la tendresse,
Il cessa d'aimer et mourut, *)

Я ей сказалъ, что сначала нужно жить, а потомъ уже претендовать на эпитафію, но она настаивала, и я обѣщалъ. За ужиномъ присутствовалъ одинъ очень богатый голландецъ, по имени Хансвитъ (Hansvit), по крайней мѣрѣ, такъ это имя произносится. Ты видишь, насколько оно удобно для шутокъ и надъ нимъ дѣйствительно шутили. Затѣмъ принялись шутить надъ рогатыми мужьями (cocus), и это слово показалось такимъ невиннымъ и милымъ, что съ удивительной для француза легкостью переходило изъ устъ въ уста; мнѣ казалось, что я присутствую на представленіи *Школы мужей* Мольера. Поистинѣ мой другъ, я не перестану говорить, что русскіе заимствовали у насъ все самое дурное; нашу вѣжливость они замѣнили гримасничаньемъ, а сальности и глупости принимаются ими за свободу въ обращеніи и хорошій тонъ.

Воскресенье 16.—Къ брату.

Поѣздка великаго князя въ Берлинъ рѣшена; въ будущую субботу онъ ѣдетъ

*) «Здѣсь лежитъ тотъ, кто жилъ бы вѣчно, если бы вѣчно могъ имѣть любовницъ; но такъ какъ годы потушили въ немъ страсть, то онъ пересталъ любить и умеръ».

въ Ригу, гдѣ подождетъ отъѣзда принца Генриха, соединится съ нимъ въ Мемелѣ и вмѣстѣ поѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ король Прусскій можетъ держать его сколько хочетъ. Русскіе плохо понимаютъ свои интересы, а все таки громко осуждаютъ этотъ проектъ. Князь Орловъ сильно противъ него возсталъ, но онъ рѣдко показывается при дворѣ, предпочитая ухаживать за воспитанницами монастыря. Гр. Панинъ, здоровье котораго все еще плохо, не былъ увѣдомленъ о предположеніяхъ двора относительно путешествія Наслѣдника.

Сегодня я ужиналъ у кн. Щербатова, который занимался пустой декламаціей; онъ знаетъ русскую исторію, у него есть идеи, но въ немъ, мой другъ, есть также и большая доля педантизма!... Была дочь его, Спиридова, критиковавшая всѣхъ и все. Упрекая другихъ въ злорѣчіи, они сами оказываются злорѣчивѣе прочихъ. Такъ устроенъ міръ!

Суббота, 22.—Къ брату.

Я наконецъ, открылъ, другъ мой, въ чемъ состоятъ сплетни, распущенныя на мой счетъ, оттолкнувшія отъ меня кн. Трубецкого и обусловившія сдержанность его дочери.

Серестъ сообщилъ мнѣ, что андреевскій кавалеръ, говорившій, что я очень рѣзокъ и что меня слѣдуетъ остерегаться, есть нѣкій Пассекъ. Но это еще не все; увѣряютъ, что я, въ мужскомъ обществѣ, гдѣ трунили надъ моими отношеніями къ княжнѣ, нетолько будто бы разсыпался въ похвалахъ ей, но и признался въ своей любви, и призналъ княжну своей любовницей! Сама княжна, впрочемъ, этого не знаетъ, она отдаетъ мнѣ полную справедливость.

Ты видишь, мой другъ, какія низкія клеветы распространяются въ этой странѣ на человѣка, который никому не сдѣлалъ зла. Говорятъ, что это изъ ревности, потому что княжна не обращаетъ никакого вниманія на клеветниковъ, а меня нѣсколько отличаетъ. Можетъ быть и такъ, но все-таки не тяжело ли быть предметомъ глупыхъ и злостныхъ сплетенъ? Серетъ берется примирить меня съ княземъ, а что касается княжны, то она, по его словамъ, и такъ не вѣритъ сплетнямъ, презираетъ ихъ и сумѣетъ оцѣнить мое поведеніе.

Воскресенье, 23.—Къ брату.

Ужиналъ у кн. Щербатова. Маленькая Спиридова передавала намъ новости, сообщенныя ей мужемъ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ теперь находится. Великій князь ѣдетъ завтра; его провожаютъ: Куракинъ, Гагаринъ, Нарышкинъ, Румянцовъ и другіе, которыхъ я не знаю. Можетъ быть завтра узнаю, такъ какъ приглашенъ на проводы въ 11 час. утра. Эта Спиридова, мой другъ, очаровательна и далеко не такъ сильно любитъ своего мужа, какъ старается показать; говорю тебѣ это не съ вѣтра.

Понедѣльникъ, 24.—Къ брату.

Я уже говорилъ тебѣ, мой другъ, что всѣ русскіе суть, въ глубинѣ души, нечто иное какъ простые мужики. Правда, они выработали себѣ изящную внѣшность, но натура все-таки беретъ верхъ и «какъ только маска падаетъ, такъ остается человѣкъ, а герой исчезаетъ».

Князь Вяземскій, о которомъ я тебѣ нѣсколько разъ говорилъ какъ о плохой копіи съ нашихъ отпѣтыхъ кутилъ, произвелъ у себя въ лагерѣ дебошъ, совершенно немыслимый даже для послѣднихъ. Составивъ проектъ гомерической попойки, онъ набралъ пріятелей и отдалъ приказъ никого не выпускать изъ лагеря. Въ этой кампаніи былъ Нелединскій, напившійся какъ извозчикъ, и между прочимъ Потэ изъ кадетскаго корпуса. Послѣдняго тоже рѣшились напоить и велѣли не давать ему ничего кромѣ водки, но лакей, французъ, подмѣнилъ водку чаемъ. Тогда компанія постановила лить ему въ горло пуншъ насильно. Разсерженный Потэ отнесся къ нимъ какъ къ канальямъ и сталъ драться, что только усилило любовь къ нему съ ихъ стороны.

Сегодня утромъ былъ у г-жи Спиридовой, которая показала мнѣ свои письма, написанныя къ мужу еще тогда, когда онъ былъ женихомъ. Написаны они по французски, и очень недурно. По одному изъ нихъ можно судить о духѣ, царствующемъ въ средѣ фрейлинъ, сплетенъ, за-

висть, интриги—вотъ этотъ духъ. Были между ними двѣ кузины, Синявина (Sinevin) и Зиновьева, обѣ никуда негодныя, по отзыву кн. Гагарина и другихъ. Первая была влюблена въ Спиридова передъ его женитьбой и потому ревновала Щербатову и завидовала ей. Какъ это печально для человѣчества, другъ мой, что мужчины или женщины, собранныя вмѣстѣ, почти всегда портятъ другъ друга!

Баронъ Нолькенъ уѣхалъ сегодня въ Дерптъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ обѣдали. Была тамъ г-жа Пушкина, которую мнѣ очень было жаль, такъ какъ здоровье ея плохо и она ужасно печальна. Всѣ надѣются на ея выздоровленіе, но я думаю, что напрасно. Послѣ обѣда мы съ Пюисегюромъ уѣхали въ загородный домъ Гр. Чернышевой.

Прибыли мы туда въ 7 часовъ. Домъ этотъ находится въ 13 верстахъ отъ города, влѣво отъ Петровской дороги, стоитъ на возвышеніи и очень хорошъ. Зданіе красиво и удобно; оно построено въ формѣ креста, причемъ средній залъ, освѣщенный сверху, очень похожъ на салонъ въ Марли. Распредѣленіе комнатъ очень удобно, такъ что помѣщеній оказывается гораздо больше, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда. Сада нѣтъ, но окрестности очень красивы. Противъ дома начинается каналъ, ведущій къ довольно широкому озеру, съ правой стороны котораго есть островокъ, а на этомъ островкѣ—прелестнѣйшая бесѣдка, въ которой можно бы было проводить вдвоемъ время самымъ восхитительнымъ образомъ. Между тѣмъ теперь въ этой бесѣдкѣ царствуетъ скука и натянутость, а я, кромѣ того, былъ подвергнутъ въ ней инквизиторскому допросу. Чернышева злонамѣренно заговорила со мной о княжнѣ Трубецкой, и нарочно стала настаивать на этомъ разговорѣ; я немножко покраснѣлъ, она меня въ этомъ обличила, чѣмъ заставила покраснѣть еще больше. По истинѣ, мой другъ, не могу я переносить эту женщину!

Вторникъ, 25.—Къ брату.

Великій Князь, вчера, въ коляскѣ, съ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, уѣхалъ *въ Берлинъ*. За экипажемъ не было даже, *кажется, лакея*; это по прусской модѣ. Поѣдетъ онъ тихо, употребитъ 24 дня на дорогу и 14 дней на остановки въ разныхъ мѣстахъ. Свиту Его Высочества составляютъ: Румянцевъ, Куракинъ—уѣхавшій больнымъ, оберъ-гофмейстеръ Соминковъ (?), псковской губернаторъ Нарышкинъ, чтецъ Николаи, хирургъ, камердинеръ Дюфуръ и проч. Гагаринъ, о которомъ прежде говорили, остался дома.

Принцъ Генрихъ долженъ ѣхать сегодня послѣ обѣда. Вниманіе этому принцу было оказано неслыханное. Говорятъ, Великій Князь признался ему даже, что получилъ отъ своей жены рога. Затѣмъ, Принцъ получилъ много подарковъ: шкатулку, шпагу, сапфировыя украшенія на мундиръ и шляпу и проч. Русскіе говорили, что все это стоитъ тысячъ шестьдесятъ, да и не мудрено—Императрица всегда дѣлаетъ богатые подарки: подкупъ здѣсь вошелъ въ систему.

Среда, 26.—Къ брату.

Маркизъ уѣхалъ съ Пюиссегюромъ къ Гр. Чернышовой на два дня. Эта дама очень мною недовольна, по словамъ маркиза, котораго она надуваетъ. Письмо, написанное мною для Порталиса, очень ее разсердило, а также предостереженіе, которое я ей сдѣлалъ у жены Захара Чернышева, хотя за него она бы должна быть мнѣ благодарна. Я рѣшилъ не отказываться отъ своихъ правъ на ея уваженіе и признательность; если она захочетъ, такъ я ей это докажу въ присутствіи мужа. Въ сущности ей просто досадно, что я знаю ея исторію съ Порталисомъ, авансы, которые она ему дѣлала, и фальшивое, безчестное поведеніе по отношенію ко мнѣ. Мнѣ, конечно, все равно, что она думаетъ; я презираю такихъ женщинъ, которыя не обладаютъ даромъ даже забавлять меня. Поэтому буду являться къ ней возможно рѣже,

Четвергъ, 27. Къ брату

Сегодня утромъ сдѣлалъ визитъ Эйлерамъ, у которыхъ давно не былъ. Невѣстку стараго геометра нашелъ окруженной дѣтьми; это мнѣ понравилось. На этихъ дняхъ представлю Эйлерамъ шевалье де Лилль, у котораго есть письмо къ старику,

Я тебѣ говорилъ о поѣздкѣ къ Головинымъ; я къ нимъ попалъ въ четвертомъ часу, благодаря тому, что мой извозчикъ пропутался два часа сряду. У Головиныхъ я нашелъ большую кампанію: тамъ были воспитанницы монастыря съ м-мъ и м-ель Ляфонъ. Первая очень приличная и добродушная съ виду женщина, но если она угодна Бецкому, который боится противорѣчій и привыкъ чтобы его водили за носъ лестью, то едва ли она годна, чтобы стоять во главѣ учрежденія. Послѣ обѣда, сервированнаго въ двухъ залахъ, всѣ вышли въ садъ и тамъ танцовали. Забылъ тебѣ сказать, что передъ танцами, происходившими въ аллеѣ, которую замостили досками и окружили занавѣсями, м-ель Дугни (Dougni) помирилась съ м-мъ Ляфонъ. Произошло это очень быстро, съ обѣихъ сторонъ пролиты слезы, можетъ быть и неподдѣльныя, какъ это обыкновенно бываетъ. Воспитанницы держали себя недурно; въ ихъ глазкахъ блещетъ желаніе повеселиться и свѣтъ имъ кажется, я полагаю, очень соблазнительнымъ. Я танцовалъ съ дѣвицей Симоновой, молоденькой, хорошо сложенной и обладающей тонкимъ благороднымъ профилемъ. Въ 8 часовъ балъ кончился, такъ какъ въ 9 надо быть въ постели. Еще забылъ тебѣ сказать, что дочь м-мъ Ляфонъ представляетъ собою полную противоположность матери. Ея живая и рѣшительная физіономія свидѣтельствуетъ объ умѣ и современномъ настроеніи. Она очень любезна, хорошо поддерживаетъ разговоръ и легко отбивается отъ нѣсколькихъ спорщиковъ сразу. Претендуетъ на умъ и удачно поддерживаетъ эту претензію. Остатокъ вечера прошелъ въ прогулкахъ, танцахъ и ѣздѣ. Я говорилъ съ Нелединской о Гр. Андреѣ. Она вспоминаетъ о немъ съ грустью и жалуется на обиды, нанесенныя ей передъ отъѣздомъ, на которыя всякая другая женщина отвѣчала бы ненавистью, «а въ моемъ сердцѣ они вызываютъ печаль»—говорила она.—«Если бы я только потеряла его! Мое горе гораздо тяжелѣе»!

Не знаю, какія это такія тяжелыя обиды; конечно, ужъ не сплетни насчетъ покойной великой княгини. Можетъ быть его склонность къ Барятинской? Вліяніе женщинъ Нелединская сама отрицала, что же касается Барятинской, то не думаю—онѣ до сихъ поръ друзья. Мнѣ не хочется очень распрашивать, такъ какъ она всегда плачетъ при этихъ разговорахъ. Чтобы развлечь, я заговорилъ о ея предполагаемомъ путешествіи. Она ждетъ продажи своего имѣнія, причемъ, за уплатой долговъ, у ней останется 12,000 р. дохода. Но надо подождать пока операція будетъ кончена. У русскихъ такъ мало взаимнаго довѣрія, они такъ опасаются другъ друга, что не смѣютъ, какъ у насъ во Франціи, поручить кому-нибудь окончаніе своихъ дѣлъ въ своемъ отсутствіи. Небрежность и мошенничество суть два неудобства, съ которыми здѣсь постоянно и послѣдовательно встрѣчаешься.

Передъ отъѣздомъ, я долженъ былъ оказать вниманіе матери Нелединской, гр. Головиной. Это—добродушная старушка лѣтъ пятидесяти, глухая и болѣзненная, но не тяготящаяся своимъ положеніемъ. Она хорошо принимаетъ гостей и я хотѣлъ заявить ей мою благодарность, посвятивъ нѣсколько времени разговору съ нею, что всегда нравится старикамъ.

Суббота, 29.—Къ брату.

Въ полдень приходилъ Серестъ, прочитавшій мнѣ письмо отъ Пиктэ, который, въ виду неудачи своего ходатайства передъ кн. Орловымъ, ждетъ помощи только отъ пистолета, которымъ завтра и проситъ снабдить его. Онъ проситъ Сереста пріѣхать въ Царское Село. Я сталъ искать средства спасти этого человѣка отъ самоубійства, къ которому онъ способенъ прибѣгнуть. Серестъ говоритъ, что всѣ двери передъ нимъ закрыты, даже дверь голландскаго резидента. Я поѣхалъ къ послѣднему, чтобы уговорить его сжалиться и снабдить несчастнаго суммой, нужной для того, чтобы уѣхать моремъ потихоньку. Но Сюартъ сдѣлалъ мнѣ весьма основательное возраженіе, состоящее въ томъ, что Пиктэ, по своему отношенію къ колоніальнымъ дѣламъ, является государственнымъ преступникомъ, и что въ нашемъ положеніи было бы очень не тактично доставлять ему средства къ побѣгу, такъ какъ этотъ чисто-гуманный поступокъ былъ бы приписанъ русскими какимъ-нибудь коварн-

нымъ мотивамъ. Такимъ образомъ мы порѣшили, что Серестъ долженъ завтра отправиться къ Пиктэ и уговорить его въ послѣдній разъ попытать счастья у кн. Орлова, а въ случаѣ неудачи, мы посмотримъ какъ поступить.

Эта исторія, мой другъ, омрачила мою душу, а веселость безшабашной Бильо вновь разсѣяла мракъ. Я обѣдалъ у нея съ нѣсколькими капитанами только-что прибывшихъ судовъ. Послѣ обѣда я заставилъ ее разболтаться, такъ какъ она всегда знаетъ какія-нибудь новости. По ея словамъ, поѣздка въ Берлинъ, очень обезпокоившая народъ, окажется, пожалуй, для великаго князя гибельною, если прусскій король вздумаетъ задержать его. Кромѣ того, она увѣряетъ, что принцъ Генрихъ выполнитъ порученіе своего брата, возобновивъ союзъ между нимъ и Императрицей, союзъ выгодный для него и который чуть было не былъ разрушенъ великой княгиней, къ ихъ удовольствію скончавшейся. Другіе думаютъ, что принцъ Генрихъ не достигъ своихъ цѣлей. Каковы бы онѣ ни были, но онъ можетъ еще вознаградить себя въ Берлинѣ, гдѣ великій князь останется до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно его прусскому величеству.

Татары бойко работаютъ; говорятъ, что они умертвили 2000 русскихъ. Турки предложили кн. Репнину смягчить одинъ изъ параграфовъ трактата, относящійся къ татарамъ; Совѣтъ и Сенатъ будто бы согласились и только одна Императрица, изъ тщеславія, не утвердила ихъ мнѣнія, что и было причиною вышеупомянутой войны. Я ни за что не ручаюсь, но вѣрю въ возможность этого. Кн. Потемкинъ отказался отъ дома, который Императрица ему предложила; говорятъ, что онъ не нашелъ этотъ домъ достаточно хорошимъ, но дѣлаетъ видъ, что совершенно доволенъ.

Воскресенье, 30.—Къ брату.

Я еще не говорилъ тебѣ, мой другъ, о шевальѣ д'Илѣ, который былъ въ Копенгагенѣ, а теперь проведетъ нѣсколько времени здѣсь. Это очень порядочный малый, искусный въ своемъ ремеслѣ моряка и очень его любящій. Сегодня я его представилъ Штелину, Эйлеру и барону Сакену, а дорогой мы все время разговаривали. Онъ меня спросилъ о нѣкоемъ мичманѣ (enseigne de vaisseau) Капонѣ (Capon), называющемъ себя здѣсь кавалеромъ Капони. Д'Иль знакомъ съ нимъ и потому интересуется его судьбою, но онъ не зналъ, что этого Капона прислали сюда родители, за дурное поведеніе, какъ мнѣ сообщилъ маркизъ.

Я узналъ новость, которая требуетъ подтвержденія: Ревель и Рига заложены (sont hypothéqués) голландцамъ за русскіе долги. Это, еще мѣсяцъ тому назадъ, говорили д'Илю въ Стокгольмѣ. Надо справиться въ чемъ дѣло. Д'Иль увѣряетъ, что англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ имѣлъ много непріятностей по поводу исторіи съ королевой *). А англичане продолжаютъ терпѣть неудачи въ своихъ дѣлахъ, въ Америкѣ **).

Сакенъ, русскій посолъ въ Даніи, пользуется тамъ большимъ вліяніемъ; повидимому ея величество начинаетъ смотрѣть на Данію, какъ на провинцію своего государства. Характеръ датчанъ, такъ же, какъ и шведовъ, по словамъ шевалье д'Иля, видѣвшаго и тѣхъ, и другихъ, чрезвычайно подозрителенъ. Они насъ ненавидятъ, боятся и все-таки намъ подражаютъ.

У гр. Андрея Разумовскаго, отъ котораго я получилъ сегодня письмо, перекосило, говорятъ, ротъ на сторону. Апоплексическій ударъ! Въ его-то годы! Мы, во Франціи, называемъ это результатомъ отравы, и мы правы. Меня безпокоитъ судьба гр. Андрея; я хотѣлъ бы поскорѣе видѣть его выѣхавшимъ изъ этой страны, гдѣ убійства, отравленія и пр. столь обыкновенны.

P. S. Гр. Головкинъ назначается, говорятъ, въ Дрезденъ, вмѣсто Бѣлозерскаго; онъ очень порядочный человѣкъ.

Понедѣльникъ, 1 іюля.—Къ брату.

Протекло уже, мой другъ, шесть мѣсяцевъ этого года, который я не раз-

*) Каролиной-Матильдой, сестрой Георга III англійскаго и женой Христіана VII датскаго, обвиненной въ связи съ министромъ Струэнзе, разведенной и изгнанной въ Ганноверъ.

**) Въ эту минуту засѣдалъ уже филадельфійскій конгрессъ, провозгласившій независимость Соединенныхъ Штатовъ.

считывалъ сплошь провести вдали отъ тебя, а между тѣмъ, надеждѣ на наше свиданіе не суждено, должно быть, исполниться и въ продолженіе шести слѣдующихъ мѣсяцевъ. Конца моего здѣсь пребыванія не видать и—признаться ли тебѣ, другъ мой?— я начинаю менѣе желать его, такъ какъ съ Петербургомъ меня теперь связываютъ такія нѣжныя чувства, какихъ я не ожидалъ имѣть. Я тебѣ часто говорилъ о милой дѣвушкѣ, съ которой я познакомился вскорѣ по пріѣздѣ сюда и которая тогда же показалась мнѣ опасной для моего спокойствія. Опасность эта, съ теченіемъ времени, возрастала, а теперь уже я могу сказать, что та привязанность, которая служила для меня сначала пріятнымъ развлеченіемъ, превратилась теперь въ деспотическое чувство, вполнѣ мною овладѣвшее. Я теперь покоя не имѣю отъ радости видѣть себя любимымъ и отъ страха потерять эту любовь, пасть въ глазахъ той, которую люблю. Ты знаешь, мой другъ, крайнюю мою живость, впечатлительность и чувствительность, а стало-быть можешь себѣ представить, что я испытываю. Шарлотта молода и красива; тысячи людей желали бы ей понравиться; она предпочла меня, я вполнѣ счастливъ, но кто знаетъ, на долго ли?

Обѣдалъ у Голицыной, въ ея загородномъ домѣ, въ 18 верстахъ отъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ. Мѣстоположеніе прекрасное, сады очень хороши, хотя не подстрижены, и самый домъ не дуренъ. Изъ столовой видно море и вообще видъ великолѣпный. Была тамъ Матюшкина; играли въ пословицы. Ужинать я отправился въ Бемерамъ.

Вторникъ, 2.—Къ брату.

Сегодня мы были съ маркизомъ въ монастырѣ для малолѣтнихъ дѣвицъ. Бецкій предупредилъ насъ, что мы явимся нечаянно, и что онъ нарочно выбралъ этотъ день, чтобы видѣть учрежденіе безъ всякой подготовки. Мы, въ самомъ дѣлѣ, были въ это время у Бецкаго, на набережной, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ монастырь; сначала въ квартиру м-мъ Ляфонъ. У нея мы нашли нѣсколькихъ воспитанницъ, которыя насъ потомъ и водили повсюду. Несмотря на предполагаемую нечаянность нашего визита, насъ ждали, какъ сообщила мнѣ одна изъ дѣвицъ. Благодаря этому, вѣроятно, мы повсюду нашли порядокъ, что, говорятъ, не всегда бываетъ.

Видѣлъ я тамъ м-ль Ляфонъ, о которой говорилъ тебѣ раньше. Она мнѣ не показалась такъ хороша, какъ въ первый разъ. У нея много претензій, не идущихъ ни къ ея положенію, ни къ фигурѣ. Можетъ быть мнѣ это только кажется, въ силу предубѣжденія, такъ какъ я кое-что объ ней слышалъ. Говорятъ, что она веселаго характера и, повидимому, не ошибаются. Была она влюблена въ Денона и устраивала для него очень пріятные ужины. Рибасъ, узнавшій про эти маленькія развлеченія, нашелъ ихъ неподходящими, а такъ-какъ онъ—правая рука Бецкаго, то кредитъ м-ль Ляфонъ значительно понизился.

Забылъ тебѣ сказать, что, осматривая очаровательный домъ старика Бецкаго, мы были и въ томъ домикѣ, въ концѣ сада, который онъ подарилъ Рибасу съ женой. Рибасъ принялъ меня очень любезно и просилъ посѣщать его.

Среда, 3.—Къ брату.

Утро провелъ въ академіи наукъ, вмѣстѣ съ шевалье д'Илемъ. Не стану тебѣ разсказывать, что я тамъ видѣлъ, упомяну только о штанахъ изъ женской кожи, которые намъ показывали; кожа толстая и плотная.

Фаворитъ, обвѣшанный всѣми своими лентами, уѣхалъ, наконецъ; провожали его всеобщими проклятіями, но онъ зато увезъ много денегъ. Говорятъ, онъ получилъ шестьдесятъ или семьдесятъ пять тысячъ пенсіи, да 20,000 единовременно. Ѣдетъ онъ прямо въ свое губернаторство.

Вторникъ, 16.—Къ брату.

Съ 3-го числа, мой другъ, ты не получалъ отъ меня писемъ и я не имѣлъ ни силы, ни смѣлости писать тебѣ. Въ воскресенье, 7-го, я былъ при дворѣ, въ Петергофѣ, прекрасномъ загородномъ дворцѣ Императрицы, на берегу моря, съ очень хорошими садами и фонтанами. Но лучшее его достоинство состоитъ въ мѣстоположеніи. Въ этотъ день мы пред-

ставляли ко двору многихъ французовъ, какъ моряковъ, пришедшихъ на «*Тампонинъ*», подъ командою Вердена, такъ и другихъ, пріѣхавшихъ по сухому пути, какъ напримѣръ: де-Мэма, Вассэ, д'Аттильи, а также испанца маркиза де-ля-Жамайкъ *). Удивительно, что изъ всей этой компаніи, самыми приличными по тону и манерамъ оказались моряки. Особенно одинъ, по имени Маркери, человѣкъ очень достойный, хорошій танцоръ и весьма просвѣщенный экономистъ. Мы встрѣтились съ большимъ удовольствіемъ и я былъ столь же очарованъ, сколько польщенъ этимъ знакомствомъ. Вечеромъ, возвращаясь съ гр. Брюлемъ изъ Петергофа въ Петербургъ, то-есть, проѣхавъ около 30 верстъ, я очень утомился. Это утомленіе, соединенное, должно быть, съ простудою, заставило меня прохворать восемь дней.

Лежа въ своей комнатѣ, я узналъ о приключеніи, совершившемся въ Петергофѣ, и служащемъ не къ чести русскихъ, особенно главнаго дѣйствующаго лица. Въ среду былъ балъ при дворѣ, причемъ кто-то распространилъ, подъ рукою, что Вассэ прекрасно танцуетъ. Гр. Иванъ Чернышевъ донесъ объ этомъ Императрицѣ, и Вассэ заставили протанцовать, какъ на театрѣ, менуэтъ, контрдансъ и аллемандъ. Ты достаточно хорошо знаешь, мой другъ, завистливость русскихъ, чтобы угадать, что произошло. Они со вниманіемъ слѣдили за танцами, но только для того, чтобы ихъ раскритиковать. Когда Вассэ кончилъ, Иванъ Чернышевъ опять обратился къ Императрицѣ съ просьбой дозволить произвести сравненіе французской ловкости съ русскою, причемъ вызвать молодого гр. Миниха, который, дѣйствительно, хорошо танцуетъ. Хотя этотъ молодой человѣкъ еще передъ баломъ заявилъ императрицѣ о смерти своего дяди, Скавронскаго, и просилъ извиненія, что по этому случаю, танцовать не будетъ, но тутъ Иванъ Чернышевъ его уговорилъ постоять за славу Россіи. Уподобившись маріонеткѣ, Минихъ согласился, и когда онъ кончилъ, то всѣ присутствовавшіе, съ Чернышевымъ во главѣ, воскликнули: «вотъ это танцы!». А самъ молодой атлетъ, сіяя радостью, сказалъ окружающимъ дамамъ: «я отомстилъ за честь Россіи!» Видалъ ли ты, мой другъ, гдѣ-либо такое нахальство и фатовство? Не думаю, потому что ты не живалъ въ полярныхъ странахъ.

Другое обстоятельство меня гораздо болѣе занимаетъ и тревожитъ, это— письмо, написанное мнѣ Шарлоттой восемь дней тому назадъ. Она, подъ какимъ-то предлогомъ, пріѣхала съ матерью въ городъ и послала мнѣ письмо съ какимъ-то солдатомъ, который, вмѣсто меня, отнесъ письмо къ Нормандецу. Нормандецъ, возвратившись домой, находитъ это письмо, распечатываетъ его несмотря на чужой адресъ, находитъ слишкомъ нѣжнымъ и является на другой день къ Бемерамъ съ выговорами и жалобами. Шарлотта защищается какъ можетъ, а женщины умѣютъ защищаться!.. Пріѣзжаю я; мнѣ разсказываютъ всю исторію, говорятъ, что наши сношенія открыты, что весь свѣтъ объ нихъ говоритъ и что надо удвоить предосторожности. Признаюсь, эти дипломатическія ходы мнѣ не нравятся, мой другъ; я разсердился, голова у меня пошла кругомъ, воображеніе настроилось на мрачный ладъ и я счелъ себя нелюбимымъ болѣе, несмотря на тутъ же данныя доказательства противнаго. На другой день пришло письмо отъ Брессона, упрекающее меня въ непостоянствѣ и пробудившее въ моемъ сердцѣ былыя чувства. А какъ я страдалъ! Какъ я проклинаю свою впечатлительность!

Среда, 17.—Къ брату.

Ужиналъ у кн. Щербатовой. Нашелъ всю семью въ саду, занятою приготовленіемъ кушанья. Каждый самъ себѣ готовилъ свое блюдо и можешь себѣ представить, было ли оно вкусно. Но было много смѣха, а веселость, какъ ты знаешь, есть лучшая приправа къ обѣду, даже самому изысканному. Спрашивалъ кто будетъ новымъ фаворитомъ (Шарлотта просила меня узнать объ этомъ), такъ какъ звѣзда Завадовскаго видимо закатывается — его повысили, сдѣлали генералъ-аншефомъ, а это вѣрный признакъ отдаленія. Замѣстителя его зовутъ Безбородовымъ (*Besborodof*); это — украин-

---

*) *Карлъ Фицъ-Джемсъ, называемый маркизомъ де-ла-Жамайкъ (de la Jamaique).*

скій полковникъ, по росту, силѣ, жизненной энергіи вполнѣ достойный новаго поста...

Суббота, 20.—Къ брату.

Недавно видѣлъ г-жу Нолькенъ, жену шведскаго посланника, только-что вышедшую за него замужъ и прибывшую сюда два дня тому назадъ. Она недурна, но страшно застѣнчива. Былъ у Щербатовыхъ, гдѣ узналъ о милостяхъ, дарованныхъ въ четвергъ флоту Императрицею. Эволюцій, впрочемъ, никакихъ не было, а потому и я не присутствовалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нездоровится. Церемонія, однакожъ, была, говорятъ, красивая, а главное — шумная, такъ какъ сопровождалась пальбою. Ея величество пожаловала адмиралу Грейгу ленту Александра Невскаго и раздала морякамъ 345000 р. деньгами.

Я много разъѣзжаю и очень скучаю. Вчера ужиналъ у оберъ-мундшенка; у него прекрасный садъ и хорошіе огороды, много фруктовъ и цвѣтовъ. Это въ пяти верстахъ отъ Петербурга.

Бильо сообщила мнѣ оригинальную новость. Она увѣряетъ, что здѣшняя колонія дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы добиться замѣщенія маркиза де-Жюинье графомъ Адэмаромъ, нашимъ посланникомъ въ Брюсселѣ. Маркизъ будто бы не пользуется достаточнымъ вліяніемъ; про него говорятъ только, что онъ «добрый человѣкъ». Ему вредитъ пристрастіе къ Чернышовымъ. Бильо прибавила, что я за то здѣсь преуспѣваю; очень бы желалъ этого. Говорятъ, что я остеръ и насмѣшливъ, но вѣдь съ этими людьми иначе нельзя: они любятъ только того, кого боятся.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Мы думали, что въ Петергофѣ будетъ куртагъ и сильно ошиблись. Графъ Брюль, собиравшійся везти меня туда, все-таки сдержалъ слово и мы отправились обѣдать къ Ивану Чернышову, но прежде я заѣхалъ къ Бемерамъ.

Тонъ Чернышовыхъ былъ сегодня болѣе милостивымъ. Я много говорилъ съ маркизомъ де-ла-Жамайкъ, который проникнутъ массонскими идеями и кажется очень интереснымъ. Я обѣщалъ дать ему шифръ для переписки объ этихъ вопросахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ баронъ Дюбенъ (Düben), который по интригамъ Остермана и противъ воли покойнаго короля былъ шведскимъ посланникомъ въ Польшѣ. Этотъ человѣкъ, продавшійся Россіи, пріѣхалъ сюда искать службы; но онъ человѣкъ дюжинный и не опасенъ.

Пробовали надѣть скафандръ на одного мужика, и онъ очень хорошо держится подъ водою. Затѣмъ плавалъ маленькій негръ гр. Чернышовой и мы удивлялись его способности нырять и долго оставаться въ водѣ.

Часть общества ужинала у фельдмаршала Голицына, въ томъ числѣ были и мы съ Брюлемъ. Играли въ пословицы; Пюисегюръ игралъ на арфѣ, и засидѣлись такъ долго, что я легъ спать только въ половинѣ четвертаго.

Забылъ тебѣ сказать, что маркизъ говорилъ мнѣ о торговой компаніи, образующейся среди русскихъ; онъ боится, какъ бы это намъ не повредило. А я думаю, что опасенія его неосновательны, такъ какъ русскіе не могутъ долго быть ни моряками, ни коммерсантами. Нашъ посланникъ хочетъ быть дальновиднымъ! Довольно бы было съ него и простого здравомыслія.

Среда, 24.—Къ брату.

Въ дѣлахъ — ничего интереснаго; фавориты — Орловъ, Завадовскій, Безбородовъ — всѣ на своихъ мѣстахъ. Второй изъ нихъ испытываетъ нѣкоторыя неудовольствія, но онъ держится за Орлова и потому положеніе его продолжаетъ быть прочнымъ. Говорятъ, что полицмейстеръ Архаровъ вызывается сюда изъ Москвы, чтобы получить свою долю фавора отъ монархини, которая уже даровала ему таковую въ Москвѣ. Вліяніе м-ель Брюсъ, говорятъ, будто бы падаетъ. Слухи о назначеніи кн. Репнина военнымъ министромъ не прекращаются; скоро онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и тогда мы увидимъ, справедливы ли они.

Флотъ Императрицы, плавающій теперь въ Финскомъ заливѣ и долженствующій вернуться къ 14 августа, состоитъ изъ пятнадцати кораблей о 60—74 пушкахъ

и семи фрегатовъ; галеръ при немъ нѣтъ. Наши моряки съ *Тампонны* находятъ, что русскія суда плохо построены — въ нихъ слишкомъ много ели.

Наша габара *(gabare)* недавно ушла въ море съ марк. де-ля-Жамайкъ, де-Мэмомъ, д'Аттильи, Вассэ и Пюисегюромъ. Они идутъ въ Копенгагенъ, откуда *Тампонна* вернется въ Тулонъ. При дворѣ всѣмъ этимъ господамъ дали прозвища: Вассэ прозвали кавалеромъ Сердечкинымъ *(de Coeur)*, д'Аттильи—маркизомъ Вѣрнымъ *(de Foi?)*, Жамайка — барономъ Невиннымъ *(Innocent)*, а де-Мэма—тѣмъ же самымъ *(de Même)*. Таковъ, мой другъ, обычай въ этой странѣ: все смѣшное тотчасъ же подхватываютъ и забавляются. Игра Пюисегюра на арфѣ заслужила ему прозвище царя Давида. Думаю, что онъ вернется сюда къ сентябрю; по крайней мѣрѣ маркизъ того желаетъ и Чернышовы его поддерживаютъ, потому что онъ за ними ухаживаетъ, а они не хотятъ выпустить его изъ рукъ, что могло бы случиться, еслибъ онъ подпалъ моему вліянію. Всѣ думаютъ, что я только и жду отъѣзда Пюисегюра, чтобы начать дѣйствовать, то есть отвлекать маркиза отъ Чернышовыхъ, отъ которыхъ онъ не выходитъ. Всѣ объ этомъ говорятъ; русскіе говорятъ, что онъ поступилъ къ нимъ нахлѣбникомъ, что Чернышовъ его надуетъ. Говорятъ даже, что и теперь Чернышовы надъ нимъ смѣются, только онъ не замѣчаетъ этого. Я тамъ бываю очень рѣдко, несмотря на зазыванья маркиза. Печально видѣть, что такіе люди овладѣли маркизомъ и слышать сплетни по этому поводу. Желаю, чтобы это не повредило ему въ Парижѣ, какъ вредитъ здѣсь. Въ Петербургѣ онъ не пользуется вниманіемъ. Говорятъ даже, что недолго и останется здѣсь. Французскіе моряки очень его осуждали. Его громко порицаютъ за слабость и смѣются надъ нею. Недавно онъ оправдалъ это мнѣніе, не заступившись за своего лакея, котораго поколотили. Вообще онъ всегда останется дюжиннымъ человѣкомъ.

Я познакомился съ двумя англійскими семьями; одна изъ нихъ купеческая: мужъ — базельскій негоціантъ, мистеръ Вельденъ, а жена — бывшая любовница Петра III, до сихъ поръ разыгрывающая *императрицу, что въ ея положеніи до*вольно смѣшно, но что всѣ терпятъ изъ-за ея дочери, дѣвицы очень милой, талантливой и образованной. Другая семья— здѣшняго англиканскаго священника Тата *(Taught)*. Это меня заставило заниматься англійскимъ языкомъ, и я теперь всякій день читаю по-англійски.

Былъ нѣсколько разъ у Головиныхъ и разговаривалъ съ Нелединской о гр. Андреѣ. Она все жалуется, плачетъ и старается его забыть. Ко мнѣ она выказываетъ большую дружбу, что и меня заставляетъ относиться къ ней дружески. Это не единственная куртизанка *(femme galante)*, обладающая чувствительнымъ сердцемъ. У нея живетъ четырнадцатилѣтняя дѣвочка, Юрасова, которая со мной заигрываетъ *(fait des agaceries plaisantes)*.

Воскресенье, 4 августа.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, былъ послѣдній куртагъ въ Петергофѣ. Сверхъ ожиданія и безъ всякаго предупрежденія, много танцовали. Говорятъ, что причиной этого была вѣсть о помолвкѣ великаго князя съ принцессой Виртембергской. Вѣсть эту привезъ сегодня Императрицѣ одинъ изъ офицеровъ полка его величества, получившій въ награду чинъ капитана и прекрасную табакерку.

Мы съ маркизомъ обѣдали у гр. Чернышовой, которая скоро переѣзжаетъ въ городъ. Я тамъ видѣлъ Загряжскую, очень повеселѣвшую и болѣе обыкновеннаго довѣрчивую. Мы дружелюбно разговаривали и она нашла, что я обладаю особеннымъ талантомъ вызывать ее на разговоръ.

Нѣсколько дней тому назадъ мы съ гр. Брюлемъ ѣздили смотрѣть русскій флотъ на морѣ. Поѣхали мы на шлюпкѣ, изъ Петергофа въ Кронштадтъ, съ однимъ морскимъ офицеромъ. Выѣхали въ 8 часовъ вечера, а пріѣхали почти въ полночь. Отправившись на другой день, въ 8 часовъ утра, на парусномъ ботѣ, мы въ полтора часа доѣхали до стоянки флота, въ 20 верстахъ отъ Кронштадта. Вѣтеръ былъ довольно силенъ, насъ качало и даже нѣсколько разъ волны захлестывали палубу, но я морской болѣзни не испыталъ.

Флотъ, какъ я тебѣ уже говорилъ, состоитъ изъ четырнадцати кораблей по

60—80 пушекъ, и семи фрегатовъ. Адмиралъ Грейгъ, шотландецъ, принялъ насъ на борту своего корабля, откуда мы отправились обѣдать къ контръ-адмиралу Барчу *(Barch)*, русскому, очень веселому и добродушному человѣку; говорятъ, что онъ получилъ мѣсто въ Морской Коллегіи, хотя предпочитаетъ, повидимому, оставаться на своемъ кораблѣ. Капитанамъ здѣсь отдаютъ честь музыкой, играющей при прибытіи и отбытіи, а для пріема адмираловъ команда выстраивается и кричитъ *ура;* иногда корабль салютуетъ имъ пушечными выстрѣлами. Послѣ довольно хорошаго обѣда, мы вернулись къ адмиралу Грейгу и смотрѣли на примѣрный морской бой между двумя половинами флота, стоявшаго въ двѣ линіи. Бой продолжался семь минутъ, причемъ изъ каждой пушки было выпущено по 7—9 выстрѣловъ. Это зрѣлище очень меня заняло. Приготовленія къ бою и самый бой заняли около часу. Я не былъ удивленъ скоростью маневровъ, но любовался порядкомъ и крайней чистотою на судахъ, а также субординаціей, царствующей на борту. Мы бросили якорь и провели остатокъ дня въ ѣдѣ, питіи и слушаніи разговоровъ на русскомъ языкѣ, а затѣмъ легли спать. Кн. Гагаринъ уступилъ мнѣ койку въ своей каютѣ.

На другой день, во вторникъ, поднялся сильный туманъ, заставившій насъ остаться на якорѣ. Послѣ обѣда мы ѣздили на шлюпкѣ осматривать мортирный фрегатъ *(frégate à bombes)* или гальотъ. При насъ выпустили шесть бомбъ по 200 ливровъ. Выстрѣлы были такъ сильны, что пришлось затыкать уши; одинъ разъ я забылъ сдѣлать это и почувствовалъ въ правомъ ухѣ довольно сильную боль. При выстрѣлѣ, отъ толчка, судно погружается въ воду фута на два.

Утромъ мы осматривали пороховой погребъ, гдѣ оставались съ полчаса. Этотъ погребъ находится на самомъ днѣ судна, подъ водою. Онъ довольно обширенъ и освѣщается фонаремъ въ два квадратныхъ фута, установленнымъ на массивномъ пьедесталѣ и состоящемъ изъ толстыхъ, выпуклыхъ стеколъ, защищенныхъ проволочной сѣткой. Въ фонарѣ горятъ нѣсколько свѣчей, зажигаемыхъ изъ другого помѣщенія, отдѣленнаго особой лѣстницей. Въ погребѣ помѣщается 700 боченковъ и 200 картузовъ съ порохомъ. Для того, чтобы снабдить одинъ 74-хъ-пушечный корабль, по 50 выстрѣловъ на пушку, нужно 300 боченковъ пороха. Порядокъ, царствующій въ погребѣ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Адмиралъ Грейгъ говоритъ, что на англійскихъ судахъ въ пороховыхъ погребахъ устроены краны, дозволяющіе затопить ихъ водою въ случаѣ пожара. Послѣ ужина, по сигналу, всѣ суда были иллюминованы — на каждомъ изъ нихъ появился бѣлый фейерверочный огонь, дозволяющій видѣть все вокругъ, несмотря на темную ночь.

Справлялся я чѣмъ кормятъ матросовъ; пища хорошая, состоящая изъ овощей, затѣмъ четыре раза въ недѣлю—мясо, а остальные дни—соленая рыба и масло. Сухари изъ чернаго хлѣба, но очень хороши, я пробовалъ. Всякій день полагается по чаркѣ водки и свиное сало *(couenne?)* сколько угодно. Одежда вся, съ ногъ до головы, казенная, но жалованья полагается всего только по восьми рублей въ годъ, поэтому матросъ всегда нуждается въ деньгахъ.

Въ среду мы сдѣлали визиты нѣсколькимъ капитанамъ, на ихъ корабляхъ; на каждомъ пришлось выслушивать комплименты, закусывать соленымъ мясомъ и пить вино или ликеры, такъ что мы вернулись назадъ нагруженные пятью завтраками, сверхъ которыхъ положили еще обѣдъ. Послѣ обѣда я уѣхалъ на шлюпкѣ, а Бресоль остался.

Возвращеніе въ Петербургъ было довольно продолжительно; мы провели ночь въ морѣ и прибыли только на другой день, въ 8 часовъ утра, при сплошномъ туманѣ, мѣшавшемъ видѣть городъ. Пріѣхавъ домой, я получилъ отъ тебя пакетъ, переданный мнѣ кн. Барятинской. Въ немъ было письмо отъ м-ель де-Бреанъ и нѣсколько милыхъ строчекъ отъ м-ель де Бриссоль. Послѣднія меня порадовали и опечалили, такъ какъ я живу далеко отъ нея, а ея чувствительная душа очень сходится съ моею. Шарлотта меня любитъ, другъ мой, въ этомъ я не сомнѣваюсь, но я желалъ бы быть любимымъ такъ, какъ самъ люблю, какъ Шарлотта любить не можетъ, потому что она даетъ мнѣ

только частичку того чувства, къ которому способно ея сердце, а мы этой частичкой удовольствоваться не можемъ. Вчера мы съ ней видѣлись, она высказала мнѣ довѣріе и привязанность; мнѣ не на что жаловаться, я могу быть недоволенъ только самъ собой.

Пятница, 9.—Къ брату.

Употребивъ большую часть дня на писаніе, я отправился къ Нелединской. Повѣришь ли, мой другъ, что эта женщина, которую считаютъ куртизанкой, успокоила мою душу, столь тревожную за послѣднее время? У этой женщины есть сердце; она понимаетъ самые тонкіе оттѣнки, ускользающіе отъ вниманія другихъ. Разговоръ съ нею мнѣ нравится, потому что мы сходимся во мнѣніяхъ и она внушаетъ мнѣ довѣріе. Она предложила мнѣ ѣхать въ театръ. Я все время сидѣлъ въ ея ложѣ, и мы разговаривали. Разговоръ начался съ гр. Андрея, а потомъ перешелъ на мнѣніе, которое Нелединская желаетъ, чтобы я имѣлъ о ней, на довѣріе и дружбу, которыя она ко мнѣ чувствуетъ, съ условіемъ, чтобы я былъ искрененъ. Мнѣ нужно было сдѣлать визитъ Щербатовымъ, послѣ чего я вернулся ужинать къ Нелединской. Она была одна; мы вновь начали прежній разговоръ, который я приправлялъ маленькими ласками, принимаемыми такъ, какъ будто имъ не осмѣливались вѣрить. Въ моемъ карманѣ нашлись стихи сочиненные мною для Разумовскаго, о которомъ мы говорили во время спектакля. Написаны они довольно горячо. Я ихъ прочелъ, и съ большимъ успѣхомъ. «Не могу говорить, какъ я тронута» — сказала мнѣ Нелединская, — «когда вы это сочинили?» Я отвѣчалъ, что, сочиняя, имѣлъ въ виду ее, что она внушила мнѣ тѣ чувства, которыми согрѣты мои стихи. По правдѣ, мой другъ, удивительно была соблазнительна эта женщина! Хорошенькіе глазки, устремленные на меня и горящіе страстью, которую я описывалъ; сладострастная улыбка; бѣлая, нѣжная шейка и отдающееся молчаніе... Я припалъ къ ея *рукѣ, и пошелъ бы,* пожалуй, дальше, *если бы мы не сидѣли* у окна, не ждали гостей и я не желалъ бы оставаться другомъ... Когда я кончилъ читать, пришелъ гр. Брюль и мы сѣли ужинать.

Суббота, 10.—Къ брату.

Приходилъ Фальконэ поговорить со мною о Пómелѣ, напечатавшемъ свою записку въ *Энциклопедическомъ журналѣ.* Фальконэ, сильно занятый работою въ настоящее время, не можетъ отвѣчать ему въ газетахъ ничѣмъ, кромѣ простого опроверженія, которое и напишетъ, когда будетъ посвободнѣе.

Бильо подтверждаетъ слухи объ отъѣздѣ маркиза. У Воронцовыхъ, кажется, ей говорили, что маркизъ уѣдетъ въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ Пюисегюромъ, который теперь путешествуетъ по Швеціи и Даніи, а къ тому времени вернется, я же останусь повѣреннымъ въ дѣлахъ. Очень хотѣлъ бы этого, но разсчитывать не смѣю, слишкомъ ужъ было бы хорошо. Къ сожалѣнію, на небрежность маркиза дѣйствительно всѣ жалуются: французы не находятъ у него поддержки, иностранцы его не уважаютъ и смѣются надъ тѣмъ, какъ его объѣхалъ Иванъ Чернышовъ. Отсутствіе твердости, по отношенію къ дѣламъ французовъ, очень ему вредитъ. Самъ Остерманъ жалуется на медленность въ доставленіи отзывовъ, и на то, что маркизъ присылаетъ послѣдніе съ секретаремъ, вмѣсто того, чтобы переговорить лично. Все это вмѣстѣ вредитъ ему, а пристрастіе къ Лессепсу тоже не можетъ поправить дѣла.

Былъ у консула и встрѣтилъ тамъ Сереста, который говоритъ, что многіе русскіе и русскія хорошо меня рекомендовали кн. Барятинской, и что если между мужчинами у меня и есть враги, то отношеніе ко мнѣ женщинъ должно меня въ этомъ утѣшить. Признаюсь, мой другъ, безъ всякаго тщеславія, что это меня очень порадовало, такъ какъ позволяетъ надѣяться на такое же пріятное существованіе какъ въ Касселѣ. Кромѣ того Серестъ не теряетъ надежды помирить меня съ княжной Трубецкой.

Воскресенье, 11.—Къ брату.

Имѣлъ свиданіе съ Пиктэ, у Леруа. Я тамъ былъ сегодня утромъ и мы

проговорили часа два. Я поручилъ Пиктэ собрать справки насчетъ того, какъ ко мнѣ относятся высокопоставленные люди и свѣтъ вообще. Между прочимъ, разговоръ обо мнѣ шелъ на одномъ парадномъ ужинѣ, гдѣ были Воронцовъ и Шуваловъ. Послѣдній говорилъ и за и противъ меня, смотря по обстоятельствамъ. Пиктэ думаетъ, что онъ и здѣсь, какъ въ Москвѣ, избѣгаетъ меня, потому что считаетъ влюбленнымъ въ его жену. Вообще, по справкамъ, собраннымъ Пиктэ, оказалось, что меня считаютъ способнымъ вносить напряженность въ общество, потому что я стремлюсь влезать въ душу каждаго, слишкомъ тонко это дѣлаю и безпощадно критикую все, что въ этой душѣ найду. Но все же за мною признаютъ общительность, способность вести разговоръ, развлекать и проч. Вообще, говоря между нами, въ обществѣ дѣлаютъ сравненія весьма для меня лестныя. Пиктэ совѣтуетъ познакомиться съ Воронцовымъ, знанія котораго помогутъ мнѣ разобраться въ коммерческихъ вопросахъ, такъ какъ онъ сторонникъ торговаго сближенія съ Франціей. Я кажется говорилъ тебѣ, мой другъ, о проектѣ удалить маркиза и оставить меня повѣреннымъ въ дѣлахъ. Пиктэ слышалъ отъ Воронцова, что Бакунинъ *) узналъ эту новость изъ канцеляріи Панина, которому кн. Барятинскій писалъ о ней въ одной изъ своихъ депешъ.

Видѣлъ Зиновьеву, которая вернулась въ городъ, но скоро разсчитываетъ уѣхать въ деревню. Здоровье ея все-таки плохо и грудь слаба; нарывъ, образовавшійся на груди, немножко облегчилъ ея страданія, но все же она меланхолично настроена. Мы много говорили о кн. Барятинской, которой она меня представила. У нея большіе проекты на эту зиму—хочетъ образовать у себя комитетъ, въ который и я, можетъ быть, буду принятъ, по крайней мѣрѣ, она меня объ этомъ просила.

Обѣдалъ у Нелединской, которая ко мнѣ попрежнему хорошо относится. Меня очень смущаетъ сомнѣніе, въ которомъ она находится по поводу моего образа мыслей на ея счетъ. Иногда она считаетъ меня влюбленнымъ въ нее, а иногда ей кажется, что я только играю роль влюбленнаго—это выходитъ очень забавно. Послѣ обѣда я ей прочелъ конецъ (*l'Homme sensible*), что ей доставило удовольствіе. Мы говорили объ англоманствѣ; она убѣждена, что я не созданъ быть англичаниномъ и что мой сплинъ зимою пройдетъ.

Говорятъ, что Нелединская, которая была прежде любовницей кн. Барятинскаго, откровенно заявила ему, что не любитъ его больше. Онъ, говорятъ, былъ отъ этого въ отчаяніи, но утѣшился съ маленькой Клерофиль (*Clérophile*), которая больше ему подходитъ. Гр. Брюль думаетъ, что желаніе Нелединской ѣхать во Францію объясняется привязанностью къ Барятинскому, и что гр. Андрея она уже позабыла; а я думаю напротивъ, потому что она уже меня просила помирить ее съ послѣднимъ.

Вернувшись, я зашелъ пожелать доброй ночи маркизу. Онъ мнѣ сообщилъ, что въ Португаліи начались волненія, что португальцы вторглись въ испанскія владѣнія и произвели тамъ рѣзню.

Говорятъ, что на одномъ сеймикѣ въ Польшѣ также произошелъ бунтъ; ранили русскаго офицера, командовавшаго отрядомъ, а полякъ, зачинщикъ бунта, былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Передъ смертью онъ просилъ прощенія у офицера и сознался, что самъ былъ виноватъ. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ замѣшанъ Браницкій; онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ, такъ же, какъ Огинскій.

Американскія дѣла становятся интересными для всей Европы; какъ бы пожаръ не перекинулся изъ Новаго Свѣта въ Старый.

Понедѣльникъ, 12.—Къ брату.

Все утро, мой другъ, я употребилъ на писаніе писемъ. Обѣдалъ у маркиза. Послѣ обѣда ждалъ одного русскаго моряка, который обѣщалъ представить меня м-ель Бонафини, итальянской пѣвицѣ, недавно пріѣхавшей сюда. Къ ней мы и отправились. Насъ встрѣтила женщина высокаго роста, около 23 лѣтъ отъ роду, довольно красивая, съ очень хорошими

*) Петръ Васильевичъ, начальникъ канцеляріи (*premier commis*) Панина.

глазами и превосходной косой. Она недурно говоритъ по-французски и разговаривать съ нею довольно пріятно, насколько объ этомъ можно было судить во время визита, продолжавшагося четверть часа. Говорятъ, она очень талантлива. Затѣмъ я поѣхалъ ужинать къ Бемерамъ. Засталъ тамъ большую кампанію: м-мъ Вельденъ, Г. Г. Вельденъ и Визенъ и пр. Дочь м-мъ Вельденъ очень мила; она пѣла по-итальянски, а потомъ — по-французски дуэтъ со мною. Шарлотта также пѣла, и, если не обращать вниманія на произношеніе, лучше чѣмъ м-ель Вельденъ,

Вторникъ, 13.—Къ брату.

Я, мой другъ, написалъ много писемъ, чтобы отправить ихъ во Францію съ Пиктэ, который ѣдетъ на дняхъ. Обѣдалъ у консула. Бильо подтверждаетъ слухи объ отставкѣ маркиза и пр. Потомъ я поѣхалъ къ Матюшкинымъ; молодая графиня передала мнѣ утромъ, съ лакеемъ, что меня примутъ, а между тѣмъ ихъ не было дома. Поѣхалъ къ Нолькену, а оттуда домой, гдѣ мнѣ сказали, что маркизъ ждетъ меня у Барятинской; потомъ и я поѣхалъ туда. По внѣшности, она мнѣ понравилась: хорошенькая талія, красивое лицо, благородство, непринужденность и немножко претензіи. Княгиня наговорила мнѣ много любезностей по поводу моего драматическаго таланта, о чемъ ей разсказывали во Франціи и пр. Были тамъ Матюшкины, мать и дочь; послѣдняя опять говорила мнѣ объ эпитафіи. Мы много разговаривали, и смѣялись надъ кн. Голицинымъ, съ которымъ она, по ся словамъ, вспоминала обо мнѣ въ деревнѣ; я сталъ его расхваливать и это ее насмѣшило. Ты знаешь, мой другъ, молодой князь влюбленъ въ нее; желалъ бы, чтобы они поженились и говорятъ, что такой проектъ уже существуетъ.

Говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, о пріемѣ, оказанномъ Барятинскому Императрицею? Она ему, при первой встрѣчѣ, сказала: «Ахъ, Боже мой! А я думала, князь, что вы пополнѣли *)! Отъ васъ такъ и пахнетъ Парижемъ, изъ котораго вы пріѣхали»!

*) *Emplumé*—тройной смыслъ: пополнѣли, обросли пухомъ, набили карманъ. (Примѣч. Перев.).

Удивительно, что Екатерина II, которую такъ расхваливаютъ въ Европѣ, способна къ такой мелочности. Парижъ ей покоя не даетъ; всѣ, кто тамъ побывалъ, ей не нравятся, и восторгъ, съ которымъ къ нему относятся, ее оскорбляетъ. Такъ же думаетъ и кн. Орловъ. Онъ насъ не любитъ и недавно, на придворномъ обѣдѣ, доказывалъ, что смѣшно, въ Россіи, изучать французскій языкъ и говорить на немъ. А князь Щербатовъ, который мнѣ это разсказывалъ, отвѣтилъ ему, что нужно же любить свою кормилицу.

Среда, 14.—Къ брату.

Обѣдалъ на дачѣ оберъ-шенка, Нарышкина, гдѣ, кромѣ меня, не было никого постороннихъ. Разговаривали о моей поѣздкѣ къ эскадрѣ, что произвело впечатлѣніе и всѣмъ понравилось. Судя по слухамъ, я однакожъ думаю, что гр. Иванъ Чернышовъ недоволенъ этой поѣздкой. Кн. Лобковичъ желалъ также осмотрѣть флотъ, но онъ ужъ теперь въ гавани.

Послѣ обѣда я былъ у Вельденовъ. Засталъ тамъ дѣвицъ Ковенокъ; онѣ молоды, веселы и бойки. Молодая Вельденъ была очень любезна, мы съ ней проговорили и просмѣялись часа два; когда я сталъ прощаться, она велѣла мнѣ передать поклонъ туда, куда я ѣду, то есть Бемерамъ—женщины первыя замѣчаютъ эти вещи, и рѣдко ошибаются. Я дѣйствительно ѣхалъ къ Бемерамъ, Шарлотты однакожъ не засталъ, она отправилась съ Визенами гулять въ Петергофъ.

Читалъ рѣчь Г. Формэ *), (*Formey*), произнесенную имъ въ Берлинской академіи, въ присутствіи великаго князя и Румянцова. Это—сплетеніе общихъ мѣстъ, плоскостей и низостей. Говорятъ, что Формэ, въ этотъ самый день, потерялъ сына, и король велѣлъ на сутки задержать похороны. Великій князь, однакоже, приказалъ передать оратору, что онъ можетъ удѣлить академіи лишь нѣ-

*) Сынъ французскаго протестанта, бѣжавшаго изъ Франціи послѣ отмѣны Нантскаго Эдикта; сначала — членъ, а потомъ — непремѣнный секретарь Берлинской академіи.

сколько минутъ, почему Формэ пришлось сократить свою рѣчь, отъ чего она только выграла. Въ концѣ ея онъ говорилъ о союзѣ дворовъ, прусскаго и русскаго, а также о дружбѣ соотвѣтствующихъ принцевъ, причемъ великій князь поцѣловался съ принцемъ Генрихомъ, и оба они поклялись въ вѣрности и незыблемости этой дружбы.

Увѣряютъ, что прусскій король, разговаривая съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ и генераломъ Лентулусомъ (*Lentulus*), сказалъ послѣднему, что Румянцовъ похожъ на него. Фельдмаршалъ замѣтилъ, что желалъ бы нравственно походить на человѣка столь достойнаго и оригинальнаго. «О! на этотъ счетъ вамъ желать нечего — воскликнулъ король — вы сами оригиналъ».

Вечеромъ, у маркиза состоялся ужинъ съ гостями: были м-мъ Остервальдъ и м-мъ Нолькенъ, что вышло не особенно весело. Но мы, въ своемъ уголкѣ, смѣялись и разсказывали сказки.

Четвергъ, 15.—Къ брату.

Обѣдалъ у гр. Головиной; очень любезно упрекали въ томъ, что рѣдко бывалъ. Это, какъ я тебѣ говорилъ, очень хорошая семья, у нихъ можно научиться добру. Была тамъ Нелединская, мы много говорили, она попрежнему относится ко мнѣ дружески. Я спросилъ правда ли, что она не любитъ больше Барятинскаго и заявила ему о этомъ. Она отвѣчала, что правда, что она писала ему объ этомъ девять мѣсяцевъ тому назадъ, но что она все-таки дружески къ нему расположена. Просили меня остаться ужинать, но я далъ слово маркизу быть у Щербатовыхъ, куда и пріѣхалъ въ 9 часовъ: ужинъ уже начался. Вставъ изъ-за стола, репетировали нѣкоторыя сцены изъ *Glorieux*; я взялъ роль Геронта, которую ты такъ хорошо игралъ въ Труассре [*]), и которую я играю также въ труппѣ Спиридовой. Я предпочитаю играть у нея эту роль, вмѣсто роли влюбленнаго, потому, что не хочу безпокоить Шарлотту, такъ какъ мнѣ ее жаль, хотя мотивъ ея безпокойства и льститъ самолюбію.

*) Замокъ его брата, маркиза де-Корберона, близъ Бовэ.

Пятница, 16.—Къ брату.

Актриса Дефуа, разрѣшившаяся мертвымъ ребенкомъ, чувствуетъ себя плохо; за нее боятся.

Пиктэ уѣзжаетъ сегодня въ Кронштадтъ, а оттуда во Францію. Полиція позаботилась о томъ, чтобы кредиторы его не безпокоили. Я съ нимъ посылаю письмо къ тебѣ, къ де-Верженну, и проч. Уѣзжая, онъ мнѣ оставляетъ нотату о податяхъ въ Россіи. Желаю ему большаго успѣха, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ пользуется плохой славою.

У маркиза, сегодня вечеромъ, собралось много народа къ ужину: Голицыны, Матюшкины и кн. Барятинская, которая пользуется вниманіемъ мужчинъ и потому привлекаетъ на себя ревность со стороны женщинъ. Говорятъ, что она очень высокомѣрна, презрительна и не отдаетъ визитовъ; это не правда; ее просто хотятъ какимъ-нибудь образомъ опорочить.

Кн. Голицинъ много говорилъ мнѣ о своей любви; ему не идетъ быть влюбленнымъ, но онъ не можетъ этого скрыть. Онъ увѣряетъ, что Матюшкина неисправимо легкомысленна и недавно завела себѣ новаго любовника. Это—Салтыковъ, адъютантъ ея величества. Я не вѣрю, потому, что данный господинъ не обладаетъ нужными для того качествами.

Гр. Брюль, ночевавшій у меня, говоритъ, что Мальтицъ (*Maltitz*) послалъ письмо Матюшкиной черезъ кн. Хованскаго (*Kavanski*), адъютанта фельдмаршала Голицина. Письмо это открыли, и Матюшкина, чтобы оправдаться въ его полученіи, сказала, что оно ей передано Брюлемъ, хотя самъ Хованскій сознался въ передачѣ. Нелединская увѣряетъ, что Голицинъ на ней женится, но я не думаю—онъ считаетъ ее слишкомъ вѣтреной; посмотримъ, чѣмъ кончится эта комедія.

Вторникъ, 20.—Къ брату.

Никакихъ извѣстій отъ тебя, мой другъ, и никакихъ надеждъ отъ министра. Слухи насчетъ маркиза не подтверждаются; я попробовалъ зондировать его самого, но онъ ничего не говоритъ, да повидимому ничего и не знаетъ. Онъ

думаетъ, что де-Бретейль не упускаетъ изъ виду мѣста министра иностранныхъ дѣлъ, и что де-Верженнъ рано или поздно слетитъ; я бы этого не желалъ.

Говорятъ объ отставкѣ м-мъ Ляфонъ, потому, что Императрица узнала о безпорядкахъ въ Монастырѣ отъ той молодой дѣвушки, которую взяла къ себѣ. Увѣряютъ, что Бецкій тоже не проченъ и уйдетъ, если только его не станутъ удерживать. Надѣюсь, что Ляфоновъ прогонятъ, для блага учрежденія. Говорятъ, что маменька порядочно нажилась на этомъ мѣстѣ, уплачивая расходы по учрежденію только разъ въ 18 мѣсяцевъ и пользуясь за это время двѣнадцатью процентами съ доходовъ, достигающихъ 150.000 въ годъ. Ей очищалось, такимъ образомъ, тысячъ восемнадцать ежегодно. А дочка, говорятъ, просто потаскушка (*coduine*); она родила въ Монастырѣ, о чемъ знаютъ и воспитанницы. Сестра ея умерла отъ исскуственнаго выкидыша. Какъ видишь — вся семья не представляетъ собою ничего поучительнаго для юношества.

Къ обѣду у насъ собрались Рибасы, гр. Минихъ, Нолькены, и проч. Послѣдній страшно ревнуетъ свою жену; онъ постоянно держится рядомъ съ нею и не любитъ, чтобы шутили на этотъ счетъ. Если такъ, то быть ему съ рогами! Да и состояніе-то его пошатнулось; двадцать тысячъ рублей приданаго еще не получены, а уже прожиты, остальныя 3.000 будутъ выданы только по рожденіи перваго ребенка; между тѣмъ онъ, какъ говорятъ, нуждается, для этого, въ помощникѣ.

Среда, 21.—Къ брату.

Слухи объ отставкѣ маркиза могутъ зависѣть, мой другъ, отъ англо-американской распри. Говорятъ, что русскіе берутъ сторону англичанъ и посылаютъ имъ на помощь десять кораблей. Не знаю, насколько это вѣрно, но здѣсь, тѣмъ не менѣе, постоянно разоружаются (on désarme).

Обѣдалъ у Спиридовой, гдѣ говорили о спектаклѣ. Она преполагаетъ сыграть le Glorieux и la Jeune Indienne въ день имянинъ ея матери, 26-го. Мнѣ поручено предложить старшей Бемеръ, Каролинѣ, роль маркизы. Любезный и вкрадчивый Измайловъ участвовать не будетъ. Князь Голицинъ займетъ его мѣсто.

Спиридова должна ѣхать поздравлять одну только что разрѣшившуюся отъ бремени даму. По здѣшнимъ обычаямъ, она должна подарить родильницѣ букетъ. Я также собрался было исполнить этотъ обычай по отношенію къ женѣ Ивана Чернышова, но мнѣ сказали, что молодые люди обоего пола отъ исполненія его избавлены. Надо быть родственникомъ, или другомъ дома, или по крайней мѣрѣ, пожилымъ человѣкомъ, чтобы имѣть право поднести букетъ и поцѣловать родильницу, какъ обыкновенно дѣлается.

Послѣ обѣда, я ѣздилъ на дачу, къ Головинымъ. Нелединская больна и лежитъ въ постели. Боюсь, какъ бы она не отчаялась въ своемъ положеніи, такъ какъ сестра ея умерла отъ такой же болѣзни, и ей имѣли неблагоразуміе сказать это. Мы съ ней много говорили и смѣялись. Она находитъ, что я пересталъ быть англоманомъ и трунила надо мною по этому поводу. Передъ ужиномъ, когда мы остались одни, она много темныхъ фразъ наговорила обо мнѣ, о Матюшкиной, о моихъ сужденіяхъ по поводу ея характера, о моемъ непостоянствѣ и проч. Я отвѣчалъ, что ничего не понимаю. «Не такъ давно вы понимали и были гораздо интереснѣе,—сказала она,—вы вѣдь ужъ больше не англоманъ? Ахъ, какой непонятливый!». Тутъ я вспомнилъ, что мы съ ней толковали о чувствахъ, о любви, о дружбѣ, и поспѣшилъ перейти на вопросъ о гр. Андреѣ, причемъ замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, непостоянство ея, какъ и Матюшкиной, зависитъ скорѣе отъ постоянной потребности въ чувствѣ, чѣмъ отъ недостатка послѣдняго; что весьма многіе страдаютъ такимъ непостоянствомъ, и что я желаю ей скорѣйшаго успокоенія. Тогда лицо ея вдругъ измѣнилось, глаза покраснѣли, она заплакала и сказала: «Вы меня заставляете молчать, ну, такъ я ничего больше не скажу!».—«Боже мой,—сказалъ я,—что васъ такъ огорчило? Вы меня не поняли!».—«Да вы всегда меня огорчаете!». — «Можетъ ли это быть!— воскликнулъ я,—можетъ ли желать васъ огорчить человѣкъ, искренно васъ ува-

жающій и вашъ другъ! Это ваша подозрительность перетолковываетъ мои слова въ другую сторону; вы не хотите меня узнать, несправедливо меня судите». Ужинъ прервалъ этотъ разговоръ. Я пошелъ въ столовую, а Нелединская ужинала въ своей комнатѣ. Послѣ ужина, я опять вошелъ къ ней напустивъ на себя серьезность и сдержанность. Замѣтивъ это, она сказала: «Хотите взять мои цвѣты? Вы вѣдь ихъ любите». —«Благодарю васъ, отвѣчалъ я,—куда жъ я ихъ дѣну? Они изомнутся въ каретѣ. Зачѣмъ вы,—продолжалъ я,—меня подозрѣваете въ желаніи огорчить васъ? Вы дурно обо мнѣ судите и не правы». Съ этими словами я вышелъ и мы съ Брюлемъ уѣхали. Поистинѣ, мой другъ, если бы мое сердце не было занято, если бы въ немъ не царствовала Шарлотта, то я думаю, что влюбился бы въ эту молодую женщину. Она нѣжна, она печальна, она плачетъ, а всякое чувство быстро покоряетъ тѣхъ, которые съ нимъ уже знакомы и его уважаютъ.

Четвергъ, 22.—Къ брату.

Я писалъ сегодня утромъ, другъ мой, когда пришелъ меня навѣстить кн. Голицинъ. Мы говорили о его любовныхъ дѣлахъ, которыя идутъ такъ плохо, что онъ готовъ отъ нихъ отказаться.

Я не обѣдалъ, потому что въ четыре часа долженъ былъ быть у Щербатовыхъ на репетиціи, и пробылъ тамъ до семи, поджидая актеровъ, а затѣмъ мы съ кн. Голицинымъ отправились къ Пушкиной, которая уже два дня какъ переѣхала въ домъ Строгоновыхъ, на Невскомъ. Ужиналъ у фельдмаршала; тамъ была молодая Головина, прическа и перья которой надѣлали шума въ Петербургѣ. Матюшкина очень печальна, такъ какъ у нея какое-то семейное горе; кромѣ того, мать ее преслѣдуетъ. Говорятъ, она увѣрила свою мать, что кн. Голицинъ, за столомъ, сдѣлалъ ей предложеніе, и затѣмъ публично заплакала. Князь мнѣ самъ это разсказывалъ, и онъ вѣритъ, хотя съ огорченіемъ видитъ въ этомъ притворство и ломанье. Это Зыбина ему наговорила, а онъ, будучи влюбленнымъ, вѣритъ всему, какъ хорошему, такъ и дурному. На чувствующую душу все производитъ впечатлѣніе. Любовь сильна, но у нея, зато, большія уши.

Пятница, 23.—Къ брату.

Я сегодня далъ маркизу рѣчь, произнесенную въ Берлинской академіи г. Формэ, при великомъ князѣ. Эта рѣчь можетъ служить образчикомъ нахальства, низости и глупости.

Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ визитовъ, заѣхалъ къ кн. Барятинской. Мы проговорили три четверти часа; она очень любезна и умѣетъ вести разговоръ. Я нахожу, что она, по тону, похожа на парижскихъ дамъ тридцатилѣтняго возраста; оттѣнокъ философіи, примѣшанный къ чувству, дѣлаетъ этихъ дамъ очень опасными. Княгиня вполнѣ обладаетъ такого рода кокетствомъ, такъ какъ вѣдь это—кокетство. Говорили о гр. Андреѣ, котораго она очень любила и любитъ, и который къ ней былъ неравнодушенъ. Это очень милый малый, говоритъ она, только голова у него горячая.

Суббота, 24.—Къ брату.

Говоря о петербургскомъ обществѣ, я сказалъ тебѣ, что оно очень отличается отъ московскаго — оно болѣе подходитъ для иностранцевъ, встрѣчающихъ въ немъ тѣ же нравы, что и въ остальной Европѣ. Въ Москвѣ болѣе своеобразія, болѣе азіатчины. Въ Петербургѣ живетъ больше иностранцевъ, ихъ здѣсь охотнѣе принимаютъ, съ ними чаще встрѣчаются. Но, что странно, такъ это то, что русскіе мало сообщаются другъ съ другомъ. У всякаго своя компанія, изъ которой онъ рѣдко выходитъ. Вы не увидите, даже въ самыхъ большихъ домахъ, того прилива и отлива публики, какой замѣчается, во Франціи, повсюду. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это очень пріятно, и мнѣ нравится. Голицины, Чернышовы, Щербатовы и Головины живутъ именно такъ.

Сегодня я былъ на дачѣ у послѣднихъ. Я тамъ обѣдалъ съ Брюлемъ и актеромъ Дюгэ. Нелединская поправилась и была очень весела. Мы много говорили въ дружескомъ и довѣрчивомъ тонѣ. Имѣлъ я также очень пріятный разговоръ съ воспитанницей Монастыря, дѣвицей Дугни (Dougni), которая живетъ у нихъ. Эта молодая особа очень развилась физически

и нравственно. Теперь она и чувствительна, и благоразумна, и остроумна. Общество Нелединской послужило ей на пользу. Шутя, я предложилъ ей вопросъ: въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ человѣка, который бы могъ ей понравиться. Она очень свободно отвѣчала, что желаетъ видѣть въ немъ чувство, умъ, основательность и веселость въ обществѣ. Это, мой другъ, не похоже на застѣнчивый отвѣтъ дѣвушки, только что вышедшей изъ Монастыря. Три мѣсяца тому назадъ, она не могла бы поддержать такой разговоръ. Ты вѣдь представить себѣ не можешь, въ какомъ видѣ кончаютъ курсъ эти дѣвицы. Дугни и Глинская не имѣли никакого понятія о религіи, о катехизисѣ, и не могли сдѣлать сложенія (?). Гр. Брюль, который мнѣ это передавалъ, самъ училъ ихъ многому, чего онѣ, къ стыду своему, не знали. Дугни гораздо понятливѣе Глинской, что только подтверждаетъ мое о ней мнѣніе.

Въ городъ я вернулся къ семи часамъ, и ужиналъ у Бемеровъ. Съ Альбертиной имѣлъ длинный разговоръ о способности вести себя съ женщинами; она во многомъ со мной согласилась. По ея мнѣнію, эта наука мнѣ хорошо знакома, я обладаю ею во всѣхъ подробностяхъ. Разговоръ насъ позабавилъ, что и требовалось. Такого рода разговоры нравятся Альбертинѣ; она очень умна и въ то же время забавна.

Воскресенье, 25.—Къ м-ль де-Брессоль.

Кажется, я говорилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что мы расчитываемъ зимою возобновить наши старые проекты развлеченій—спектакли и проч. Я приглашенъ въ новую труппу кн. Щербатовой; дочь ея, Спиридова, будетъ главной актрисой. Она молода, красива, умна и желаетъ имѣть меня своимъ чичисбеемъ.

Я долженъ былъ обѣдать у кн. Лобковича, вѣнскаго посла, но отказался, чтобы быть вмѣстѣ съ Шарлоттой, которая обѣдаетъ у Щербатовыхъ.

Она и дѣйствительно тамъ была, вмѣстѣ съ своими родителями. Спиридовой не было. Въ качествѣ друга дома, я пріѣхалъ во фракѣ, а хозяева были еще не одѣты: князь—въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, княгиня—также въ колпакѣ, который дѣлаетъ ее похожей на поваренка. Когда пріѣхали Бемеры, то меня послали принимать ихъ, а хозяева бросились одѣваться и вскорѣ вернулись: князь—въ сюртукѣ, сапогахъ, парикѣ и съ ночнымъ (?) платкомъ на шеѣ, а княгиня—въ камлотовомъ капотѣ. По этому описанію, сударыня, вы не скажете, чтобы мы въ Россіи любили роскошь. Но посмотрите на насъ во время парадовъ—не узнаете самыхъ близкихъ знакомыхъ: такое великолѣпіе. Послѣ обѣда задумали ѣхать къ Спиридовой, и застали тамъ ея свекра и свекровь въ такихъ же костюмахъ, въ какихъ я засталъ Щербатовыхъ. Здѣсь такая нечистоплотная распущенность въ нравахъ. Она была бы благоразумна, если бы только дѣло ограничивалось одной простотою и костюмы были бы чисты.

Понедѣльникъ, 26 и вторникъ, 27.—Къ ней же.

Здѣсь строже, чѣмъ гдѣ-либо, соблюдается обычай празднованія имянинъ и дней рожденія, когда принесеніе поздравленій обязательно. По этому случаю, я сегодня приглашенъ къ Головинымъ на празднованіе дня рожденія старшаго ихъ сына, гр. Степана, не того, котораго вы знаете.

Графъ Брюль заѣхалъ за мною и мы отправились въ шлюпкѣ, съ музыкантами кн. Орлова, которыхъ нанялъ графъ. Рѣка была очень красива, вѣтеръ свѣжій, мы поставили два паруса и, благодаря желанію забрать больше вѣтра, чуть было не перевернулись. На дачѣ Головиныхъ собралось много народа; восемь или десять воспитанницъ Монастыря значительно оживляли общество. Мы обѣдали, потомъ танцовали въ саду, причемъ я выбралъ себѣ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, ту самую, съ которой я здѣсь и прежде танцовалъ — молодую Симонову, не особенно красивую, но обладающую выразительнымъ лицомъ и очень свѣжую. Это, конечно, не были вы, мой другъ, это не была Шарлотта, но вѣдь на миленькое личико всегда смотрѣть пріятно. Натанцовавшись вволю, мы вернулись въ домъ. Въ восемь часовъ воспитанницы уѣхали и я имѣлъ, съ Нелединской, длин-

ный разговоръ, въ которомъ она, со слезами на глазахъ, упрекала меня за шутки по поводу ея вѣтренности. Эта диверсія, отъ веселья къ чувству, была очень пикантная, и я отдался ей, мой другъ, съ тою прямотою души, которую вы знаете и которая легко отдается всякаго рода развлеченіямъ. Я шутилъ, разсуждалъ, читалъ наставленія, но кончилъ тѣмъ, что разчувствовался и просилъ прощенія, которое мнѣ наконецъ и было дано. Съ этой молодой женщиной, которую вы, можетъ быть, увидите въ Парижѣ, очень интересно познакомиться. Чувствительная душа, доброе сердце и довѣрчивость, съ которою она ко всѣмъ относится, привлекаютъ къ ней любовь каждаго.

Послѣ этой маленькой, плаксивой сцены, мы вновь начали танцовать, только уже между собою, такъ какъ большая часть актрисъ тоже уѣхали. Потомъ былъ ужинъ, и я уѣхалъ только въ полночь. Вотъ какъ я провелъ день, мой очаровательный другъ, день, который вы бы очень украсили, если бы присутствовали при нашихъ развлеченіяхъ, причемъ и сами бы повеселились въ прекрасной мѣстности, на берегу одной изъ лучшихъ рѣкъ, въ средѣ простыхъ и любезныхъ людей, которые заставляютъ позабывать всѣ непріятности, испытываемыя иностранцами въ этой странѣ.

Четвергъ, 29.—Къ брату.

День прошелъ въ визитахъ, и кончился репетиціей у Спиридовой, да очень пріятнымъ ужиномъ, на которомъ присутствовало много народа, притомъ, людей порядочныхъ и серьезныхъ. Молодой кн. Голицынъ, котораго я тамъ встрѣтилъ, говорилъ мнѣ о Матюшкиной и о своемъ намѣреніи отказаться отъ женитьбы на ней. Причина этого отказа, конечно, ея кокетство, и до извѣстной степени князь правъ. Но я съ нимъ не согласенъ по отношенію предполагаемой ея любви къ Малицу. Голицынъ намѣревается образовать общество для пріятнаго препровожденія вечеровъ. Не знаю, удастся ли это, и не вполнѣ раздѣляю его идеи.

Сегодня былъ большой обѣдъ у Кавенака, англійскаго коммерсанта. На него были приглашены Голицыны и Головины, съ цѣлью помирить ихъ другъ съ другомъ, такъ какъ они поссорились еще въ Москвѣ, изъ-за первенства на общественномъ спектаклѣ, состоявшемся при дворѣ. Примиреніе, однакожъ, не состоялось, такъ какъ обѣ стороны отнеслись къ нему очень холодно. Ссора, говорятъ, будто бы, даже усилилась. Это и неудивительно, разъ она произошла по такому ничтожному поводу и поддерживается тщеславіемъ старыхъ бабъ. Говорятъ, что послѣднее подстрекается кн. Хованскимъ, человѣкомъ умнымъ, но мелочнымъ и суетнымъ.

Среда, 28.—Къ брату.

Говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, что великій князь вернулся въ Царское Село въ воскресенье вечеромъ? Онъ остался очень доволенъ Берлиномъ, хотя Берлинъ едва ли остался доволенъ его щедростью: все, въ этомъ отношеніи, было сдѣлано ужасно скаредно. Управляющему загороднаго дома принца Генриха, гдѣ великій князь прожилъ нѣсколько дней, онъ пожаловалъ, напримѣръ, сорокъ серебряныхъ дукатовъ. Къ человѣку вполнѣ порядочному, его высочество отнесся какъ къ лакею, да и тому заплатилъ плохо. Почетный караулъ ничего не получилъ. Не понимаю я, въ этомъ отношеніи, Императрицы, которая такъ любитъ выставлять свою щедрость и великолѣпіе.

Многіе подозрѣваютъ Салтыкова, оберъ-гофмейстера Наслѣдника въ удержаніи подарковъ въ свою пользу, но это трудно предположить. Положимъ, что Салтыковъ — дрянной человѣкъ. Все это я знаю прямо изъ Берлина.

Забылъ тебѣ сказать, что, по увѣренію Поте, крупныя претензіи Рибаса не удались. Онъ желалъ получить для себя мѣсто генерала Пурпра, а для своей жены—мѣсто м-мъ Ляфонъ; но Пурпра поддерживаетъ кн. Голицынъ, а что еще важнѣе—кн. Орловъ.

Г. де-Веранъ рекомендовалъ мнѣ, черезъ Кальяра, одного молодого человѣка, нѣкоего Кюсси (Cussy), который ищетъ мѣсто въ кадетскомъ корпусѣ или при какомъ-нибудь русскомъ вельможѣ. Мѣста учителей въ корпусѣ очень хороши, такъ какъ даютъ 560 р. въ годъ, но

они рѣдки. Что касается мѣста секретаря, то я боюсь, что достать его будетъ еще труднѣе. Постараюсь сдѣлать все, что могу. Надо замѣтить, однакоже, что этотъ Кюсси показался мнѣ большимъ нахаломъ и хвастуномъ по отношенію къ своимъ талантамъ и знанію литературы. Я ему посовѣтовалъ вернуться въ Копенгагенъ; это лучшее, что онъ можетъ сдѣлать.

Пятница, 30.—Къ брату.

Маркизъ показалъ мнѣ сегодня письмо, написанное имъ къ гр. Штакельбергу, по поводу одного очень деликатнаго обстоятельства. Французскія принцессы (Mesdames de France), по смерти Польскаго короля, получили наслѣдство въ видѣ земли, перешедшей теперь къ Россіи, по раздѣлу, котораго Франція не признаетъ. Земля была пожертвована принцессами іезуитамъ, на пользу просвѣщенія; но съ тѣхъ поръ какъ поляки захватили землю этого ордена, принцессы желаютъ возстановить свое право владѣнія, чтобы передать его въ благотворительный фондъ покойной королевы французской. Вотъ это чрезвычайно деликатное дѣло и поручено теперь маркизу. По правдѣ тебѣ сказать, мой другъ, я подозрѣваю, что это просто ловушка, ему подставленная, такъ какъ сомнѣваюсь, чтобы онъ успѣлъ чего-либо добиться по дѣлу, которое является смѣшнымъ въ виду печальнаго положенія Польши.

Суббота, 31.—Къ брату.

Пообѣдавъ у Головиныхъ, мы смотрѣли ученье пѣхотнаго полка, состоящаго подъ командой человѣка, который былъ адъютантомъ фельдмаршала Чернышова. Въ этомъ полку 1080 человѣкъ; онъ, говорятъ, принадлежитъ къ числу наилучше обученныхъ. Я не люблю ихъ манеры маршировать; они слишковъ высоко поднимаютъ ноги, не чувствуютъ локтя, а потому ломаютъ фронтъ по недостатку опоры. Производили ихъ любимый манёвръ—карэ, при помощи котораго они побѣждали турокъ.

Воскресенье, 1 сентября.—Къ брату.

Ѣздилъ съ визитами, былъ въ корпусѣ и въ лѣтнемъ саду. Въ послѣднемъ было много народа, и я не могу сказать, чтобы скучалъ. Между прочимъ была Спиридова; она шутила по поводу моего сравненія ея театра съ табакеркой, а я продолжалъ шутку сравнивъ ее самое съ буфетомъ. Нѣсколько времени спустя пріѣхала Нелединская, съ воспитанницами Монастыря. Послѣ обѣда я къ ней заѣзжалъ, но не засталъ дома и она меня попрекнула за то, что я ее позабылъ. М-ель Дугни, которая была тутъ же, смѣясь посовѣтовала мнѣ идти опять къ Спиридовой. Въ этомъ же кружкѣ, я встрѣтилъ Симонову, съ которой танцовалъ недавно. Она со мной поздоровалась, и мы поговорили. Вообще прогулка мнѣ очень понравилась; погода была дивная, хотя и холодно. Въ семь часовъ всѣ мы вышли изъ сада; я подалъ руку Нелединской. Забылъ тебѣ сказать, что встрѣтилъ въ саду Загряжскую, которая шутила надъ моими новыми склонностями и въ особенности надъ ихъ объектомъ. Положительно не знаю, что она хотѣла сказать, мой другъ, а она не пожелала объясниться и сказала, что сдѣлаетъ это лишь тогда,, когда все точно разузнаетъ. Полагаю, что она говоритъ о Нелединской, которую терпѣть не можетъ.

О гр. Андреѣ она, пять недѣль, никакихъ свѣдѣній не получала!

Изъ сада я зашелъ къ графу Матюшкину, справиться о его здоровьѣ. Здѣсь меня въ первый разъ приняли. Молодая графиня просила меня приходить къ нимъ обѣдать и ужинать, а затѣмъ съ большимъ интересомъ говорили о кн. Голицинѣ. «Вы ему даете плохіе совѣты, прибавила она, и если это будетъ продолжаться, то мы поссоримся съ вами». Я отвѣчалъ, что мои совѣты согласовываются съ поведеніемъ, и что отъ нея зависитъ измѣнить ихъ. Проболтавъ, такимъ образомъ, съ полчаса, я отправился на репетицію къ Щербатовымъ. Тамъ было много гостей, репетировали la Jeune indienne. Мы не особенно отличились, но нѣкій Богдановичъ (Bardanowitch) такъ смѣшно игралъ квакера, что выходило очень комично,

тѣмъ болѣе, что онъ увѣренъ въ своемъ преталантѣ и заранѣе хвастался имъ.

Понедѣльникъ, 2.—Къ м-ель де Брессоль.

Новая непріятность, сударыня, и по тому же поводу. Я хотѣлъ провести вечеръ и ужинать у Бемеровъ; таково было мое намѣреніе вчера, но, вернувшись домой въ часъ ночи, я засталъ лакея Головиныхъ, который ждалъ меня, чтобы предупредить, отъ имени своихъ господъ, что военныя упражненія, которыя я желалъ видѣть, вмѣсто девяти часовъ утра, назначены въ шесть вечера, и что поэтому Головины приглашаютъ меня обѣдать на дачу, а оттуда вмѣстѣ отправимся на ученье. Обѣдать я обѣщалъ у Спиридовой, но не желая отказываться отъ ученья, назначеннаго ради меня, я послалъ ей сказать, что пріѣду къ ужину. Какъ же быть съ Шарлоттой, да и съ самимъ собой, такъ какъ эти перемѣны были очень мнѣ непріятны? Тѣмъ болѣе, что Шарлотта, по словамъ моего лакея, Гарри, вчера жаловалась на меня. Я рѣшился ѣхать къ ней завтракать въ телѣжкѣ. Вы не знаете, сударыня, что такое представляетъ собою этотъ національный экипажъ, удивительно нелѣпый. Представьте себѣ кабріолетный ходъ, на которомъ помѣщена очень маленькая, очень узенькая и очень высоко поставленная скамеечка *), всѣ неудобства фаэтона и фіакра вмѣстѣ взятыя. Взобрался я въ этотъ экипажъ, сзади меня сѣлъ бородатый мужикъ, и понеслись мы довольно скоро. Шарлотту я засталъ съ подвязанной щекой; она собиралась встрѣтить меня холодно, но я ее развеселилъ и все неудовольствіе кончилось тѣмъ, что она назвала меня шалуномъ какъ вы называете графа Степана. За два или три часа, которые я пробылъ у Бемеровъ, мы успѣли поговорить, погулять, посмѣяться и позавтракать. Въ самый разгаръ веселья, вдругъ явился сумрачный Нормандецъ, окончательно насъ заморозившій. Я пробылъ еще съ четверть часа и уѣхалъ обѣдать къ Спиридовой. Тамъ собралась наша труппа и мы, безъ всякихъ претензій, очень весело провели время. Я особенно напираю на это и достоинства, которыя здѣсь не во всѣхъ кружкахъ встрѣчаются и которыхъ мнѣ очень недостаетъ, если только болѣе нѣжныя чувства не отвлекаютъ моего вниманія.

Уѣхалъ я въ четыре часа, чтобы отправиться къ Головинымъ, но на половинѣ пути встрѣтилъ гр. Степана и мы съ нимъ вернулись въ Петербургъ прямо на ученье егерей Преображенскаго полка, въ которомъ императрица состоитъ полковникомъ, а Потемкинъ и Алексѣй Орловъ подполковниками. Это ученье доставило мнѣ большое удовольствіе. Солдаты молоды, подвижны и ловки; одежда ихъ состоитъ изъ зеленаго камзола, такихъ же брюкъ, сапогъ и кожанаго кивера, на манеръ англійскихъ, охотничьихъ, а вооруженіе изъ ружья и кортика, который служитъ также штыкомъ. Командуетъ егерями молодой Тепловъ, по протекціи своей матери, къ которой кое-кто изъ начальствующихъ лицъ полка неравнодушенъ. Этотъ молодой человѣкъ не пріобрѣлъ еще навыка командовать, но такъ какъ подъ его командой состоятъ люди, хорошо уже обученные, то дѣло идетъ само собою. Ученье производилось въ двѣ линіи—ихъ обычный строй. Самыя разнообразныя упражненія производились бѣглымъ шагомъ, причемъ то всѣ смѣшивались, то вновь быстро разбѣгались по своимъ мѣстамъ. Дрессировалъ ихъ капитанъ, раньше Теплова командовавшій этой ротой. Фельдмаршалъ Румянцевъ думаетъ, въ случаѣ войны, соединить егерей всѣхъ полковъ въ одинъ корпусъ. У нихъ у всѣхъ одинъ мундиръ, а полки отличаются только по эполетамъ.

Вторникъ, 3.—Къ ней-же.

Мы съ маркизомъ превосходно пообѣдали сегодня у Рембера, крупнѣйшаго изъ здѣшнихъ французскихъ негоціантовъ, обладающаго самымъ правильнымъ взглядомъ на торговлю. Тамъ былъ кн. Лобковичъ и гр. Чернышовъ. Послѣ обѣда я былъ на смотру полка кн. Вяземскаго, довольно плохо упражнявшагося. Я былъ вмѣстѣ съ гр. Вахмистеромъ, братомъ Пушкиной. Этотъ моло-

*) Судя по описанію—финская рашка. (Прим. перев.).

дой человѣкъ обладаетъ страннымъ характеромъ, который можетъ показаться фальшивымъ, если не узнать его хорошенько. Неувѣренность въ сужденіяхъ, легкость перехода отъ однихъ мнѣній къ другимъ, совершенно противуположнымъ, зависитъ у него не отъ лживости, а отъ слабости характера. Онъ былъ другомъ и сторонникомъ Бемеровъ, а теперь нападаетъ на нихъ, благодаря вліянію своей сестры и ея мужа, которые окончательно имъ завладѣли. На его нападки, касающіяся исключительно отца, старика Бемера, я отвѣчалъ, что не могу съ ними согласиться, такъ какъ считаю президента человѣкомъ хотя и не особенно любезнымъ, но честнымъ, твердымъ и надежнымъ.

Среда, 4.—Къ брату.

Обѣдалъ у кн. Щербатова. Я думалъ, что будетъ репетиція, но ея не было; я, поэтому, соскучился, уѣхалъ, сдѣлалъ одинъ визитъ и отправился къ Вельдену, англійскому коммерсанту, гдѣ Бемеры должны были ужинать. Вечеръ прошелъ очень весело. У Вельденовъ двѣ дочери, очень любезныя, особенно одна, которую зовутъ Шамбреленой (Chambrelin), и о которой я тебѣ уже говорилъ нѣсколько разъ. Она пѣла по-итальянски, аккомпанируя себѣ на клавишѣ, и проч. Шарлотту тоже просили пѣть, но у нея насморкъ и она отказалась, что мнѣ было очень непріятно. Послѣ ужина, веселились еще болѣе, играли въ разныя игры, много смѣялись, даже цѣловались; Шамбрелена была въ прекрасномъ расположеніи духа, и я, пожалуй, слишкомъ ужъ былъ къ ней внимателенъ въ присутствіи Шарлотты.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Сегодня у насъ состоялась торжественная обѣдня въ честь св. Людовика. Аббатъ Дефоржъ, очень ревниво относящійся къ своимъ обязанностямъ, постарался сдѣлать службу возможно великолѣпной, и успѣлъ въ этомъ. Боюсь говорить объ этомъ человѣкѣ, потому что не могу сказать про него ничего хорошаго. Онъ лживъ, интриганъ, мелоченъ, даже опасенъ. Мы не симпатизируемъ другъ другу, какъ ты себѣ можешь представить, а это не поощряетъ моего благочестія. Кромѣ того, я узналъ, какими проповѣдями угостилъ онъ актрису Дефуа, добрую и некрасивую женщину, которую исповѣдывалъ послѣ родовъ. Довольно пошло было съ его стороны разыгрывать Филинта съ этой женщиной. Да его нельзя назвать и честнымъ человѣкомъ; не люблю я этой смѣси ханжества съ самымъ грязнымъ сластолюбіемъ.

Ужиналъ у Бемеровъ, видѣлъ тамъ гр. Нессельроде. Онъ мнѣ разсказывалъ о баронѣ де-Бретейлѣ, котораго Шуазель называетъ послѣднимъ христіанскимъ барономъ; ходятъ слухи о назначеніи его военнымъ министромъ. Нессельроде, впрочемъ, получилъ письмо изъ Парижа, въ которомъ говорится, что Бретейль уже назначенъ посланникомъ въ Вѣну. Маркизъ получилъ свѣдѣнія отъ своего брата *), который пишетъ, что паденіе Сенъ-Жермена неизбѣжно.

Послѣ ужина я имѣлъ маленькій споръ съ Альбертиной по поводу братьевъ Визетъ, которымъ она покровительствуетъ. Одинъ изъ нихъ не лишенъ образованія, но считаетъ себя очень умнымъ, въ чемъ ошибается. Другой, младшій, менѣе педантиченъ и обладаетъ болѣе красивой, хотя лишенной выраженія физіономіей, но онъ лѣнивъ какъ азіатъ, безцеремоненъ какъ султанъ и твердо убѣжденъ въ своемъ величіи. Вообще это два тупыхъ фата дурного тона, которыхъ я бы помѣстилъ: одного—въ храмъ Ѳемиды, а другого—въ какой-нибудь маленькій провинціальный сераль. Я дурно сдѣлалъ, высказавъ эти мои мнѣнія Альбертинѣ, но что дѣлать! Увлекся.

Пятница, 6.—Къ брату.

Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда отправился съ маркизомъ къ кн. Щербатовой по случаю ея именинъ. Была тамъ Спиридова и показалась мнѣ очень серьезной. Ужинать поѣхалъ къ женѣ Ивана Чернышова. Говорятъ, что гр. Захаръ назначенъ военнымъ министромъ и къ нему уже посланъ курьеръ; но этотъ слухъ требуетъ подтвержденія. Князя

*) Епископа въ Шалонѣ на-Марнѣ.

Репнина ждутъ со дня на день; его тоже прочатъ на мѣсто военнаго министра, но есть люди, которые думаютъ, что этому помѣшаетъ удаленіе гр. Алексѣя Орлова.

Воскресенье, 8.—Къ брату.

Ты знаешь, мой другъ, наши проекты устройства спектаклей у Щербатовыхъ, а потому, имѣя понятіе о русскихъ нравахъ, ты можешь себѣ представить, что дѣло не обойдется безъ непріятностей. Это во вкусѣ всѣхъ здѣшнихъ кружковъ. Вотъ уже четыре дня, какъ мы съ кн. Голицынымъ аккуратно являемся къ Щербатовымъ или къ Спиридовой для того, чтобы участвовать въ репетиціи, и всякій разъ даромъ, потому что другіе актеры не являются. Не дальше какъ вчера насъ постигла та же участь. Спиридова рѣшила ограничиться одной только комедіей; мы стали шутить по этому поводу, а она замѣтила, что въ труппѣ есть лица, играющія только изъ любезности, и что нельзя же этой любезностью злоупотреблять. Такія слова могли относиться только къ Голицыну и ко мнѣ, мы и отвѣчали на нихъ, какъ водится въ этихъ случаяхъ, то есть любезностями. Тѣмъ дѣло и кончилось. Сегодня мы опять были у Щербатовыхъ и говорили со Спиридовой, которая еще серьезнѣе, чѣмъ вчера. Она жалуется на то, что про нее распускаютъ слухи, будто бы она затѣяла играть комедіи для того, чтобъ быть окруженной молодежью, не возбуждая ревности мужа. Тутъ шутки уже были неумѣстны, особенно въ виду тона, которымъ говорила Спиридова, и тѣмъ болѣе съ моей стороны, такъ какъ я и безъ того слыву насмѣшникомъ. Мнѣ поэтому пришлось напустить на себя серьезность и спросить у Спиридовой имена распускавшихъ такіе слухи. Возбужденный и сердитый видъ, который я при этомъ принялъ, произвелъ впечатлѣніе; Спиридова стала увѣрять, что не вѣритъ этимъ слухамъ и проситъ меня успокоиться. Я тотчасъ же пересталъ настаивать, но сохранилъ задумчивую серьезность до самаго конца. Замѣтивъ это, Спиридова нѣсколько разъ заговаривала со мной о томъ же, и изъ этихъ краткихъ, отрывочныхъ разговоровъ я вывелъ заключеніе, что всему виною былъ пажъ, Спиридовъ. Я при немъ спросилъ кн. Ивана *), кто бы такіе могли быть низкіе распускатели такихъ слуховъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, а минуту спустя я видѣлъ, какъ Спиридова горячо о чемъ-то говорила пажу и въ концѣ сказала, что ничего не хочетъ объ этомъ слышать. А пажъ во весь вечеръ относился ко мнѣ очень холодно. Репетиція началась поздно; въ 8 часовъ шелъ еще только второй актъ, послѣ котораго Голицынъ, ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ ужинать въ фельдмаршалу. Спиридова, должно быть, особенно его обвиняетъ, потому что почти съ нимъ не говорила. Къ тому же онъ вновь провинился, сѣвъ въ одной сценѣ между мною и ею. Въ началѣ четвертаго акта уѣхалъ и я (ужинать къ Бемерамъ), но передъ отъѣздомъ успѣлъ поговорить со Спиридовой.

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

У насъ уже началась зима; по утрамъ морозъ доходитъ до 5—6 градусовъ, и вездѣ начали топить. Такова осень въ Россіи; во Франціи это называется зимою. Особенно непріятенъ быстрый переходъ отъ тепла къ холоду.

Вчера мнѣ сказали, что Нелединская нездорова. Мы съ кн. Голицынымъ собрались ее навѣстить. Въ полдень я за нимъ заѣхалъ и, припрягши его лошадей къ моимъ, мы, четверикомъ, отправились къ Головинымъ. Тамъ были гости, и между прочимъ жена оберъ-церемоніймейстера, Семена Нарышкина, которая, по виду и манерамъ, похожа на престарѣлую куртизанку, такъ какъ, въ 50 лѣтъ, одѣвается какъ молодая женщина, желающая жить. Да она таки и живетъ больше, чѣмъ многія другія, не нуждающіяся для этого въ нарядахъ. Нелединская лежала въ постели, страдая нервами, истериками и обмороками. Эта болѣзнь очень истощаетъ несчастную; она ничего не ѣстъ и чувствуетъ страшную слабость. Послѣ обѣда у нея опять былъ обморокъ. Мы всѣ вышли; но часъ спустя Брюль опять пригласилъ меня къ ней. Я нѣсколько времени просидѣлъ у ея постели, поддерживая подушки и почти не разговаривая, такъ какъ боялся упомянуть въ разговорѣ о чемъ-нибудь для

нея непріятномъ. Въ шесть часовъ пріѣхали Кошелевъ и Вахмейстеръ, а въ семь мы съ Голицинымъ уѣхали. Голицинъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ курицу, я согласился, и мы проболтали до полночи. Этотъ малый имѣетъ шансы и желаетъ ихъ увеличить; у него болѣе знаній солидныхъ, чѣмъ пріятныхъ, болѣе ума, чѣмъ остроумія. Ему не хватаетъ вкуса и такта, дающихъ ту любезность и деликатность, которыя женщины пріобрѣтаютъ раньше насъ и которыми обладаютъ въ большей степени.

Вторникъ, 10.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, въ Россіи большой праздникъ: св. Александра Невскаго. Будетъ процессія кавалеровъ ордена, въ которой, при хорошей погодѣ, участвуетъ сама Императрица. Не явившійся кавалеръ платитъ 30 р. штрафа въ пользу монастыря, потому что монахи изъ всего умѣютъ извлечь выгоду.

На этотъ разъ Императрица не присутствовала на церемоніи, что уменьшило мое любопытство, а потому и я тоже не былъ. Къ тому же мы сегодня отправляемъ курьера, есть кое-какія дѣла, и я обѣдалъ дома.

Среда, 11.—Къ брату.

Ужиналъ у маркиза; были гости, между прочимъ Щербатовы и Спиридовы. Послѣдняя была очаровательна; сестра ея тоже хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Передъ ужиномъ я имъ разсказывалъ сказки, но за столомъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга, что и помѣшало нашему веселью. Г-жа Налькенъ кажется полнымъ ничтожествомъ передъ Спиридовой, съ которою г-нъ Налькенъ считаетъ меня состоящимъ въ связи, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вотъ, мой другъ, какъ иногда составляются репутаціи. Прощай. Сегодня мы ждемъ принцессу Виртембергскую.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Собирался обѣдать у Нелединской, но попалъ, по обязанности, на обѣдъ къ маркизу. Видѣлъ тамъ молодого гр. Чернышова, мальчика 14 лѣтъ, не особенно развитаго, такъ какъ его послали путешествовать слишкомъ рано. Гувернеръ его кажется совсѣмъ глупымъ: сухъ и рѣзокъ, вотъ всѣ его достоинства. Въ четыре часа, мы съ графомъ Брюлемъ были у Нелединской, которую нашли еще очень слабой. Меня сначала ввели въ китайскій кабинетъ, гдѣ графиня Матюшкина пряталась отъ тетокъ Нелединской, пріѣхавшихъ ее навѣстить. Черезъ четверть часа я проводилъ графиню до кареты и пошелъ въ комнату Нелединской. Пріѣхалъ ея мужъ изъ Царскаго Села; онъ разсказывалъ, что принцесса Виртембергская пріѣхала вчера, тотчасъ же по пріѣздѣ была принята Императрицей, причемъ бросилась ей въ ноги, а что дальше происходило — неизвѣстно, такъ какъ дверь поспѣшили затворить. Но Ея Величество, кажется, осталась довольна своей будущей невѣсткой; она спрашивала у Нелединскаго, что онъ о ней думаетъ. Нелединскій отвѣчалъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣчать, а можетъ быть и какъ думалъ. Намъ онъ сказалъ, что принцесса высокаго роста, хорошо— хотя слишкомъ — сложена, красива лицомъ, цвѣтъ котораго не имѣетъ себѣ подобнаго, ручки и ножки ея прелестны. Великій Князь долженъ былъ ѣхать, ей навстрѣчу, въ Ямбургъ (Lambourg); но онъ, проѣхавъ Нарву, всталъ изъ экипажа и пошелъ впередъ пѣшкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поровнялся съ поѣздомъ принцессы, причемъ послѣдняя хотѣла тоже выскочить изъ кареты, но Румянцова ее удержала. Кареты остановились, принцесса вышла, поздоровалась съ женихомъ, и потомъ они вмѣстѣ сѣли въ его карету и такимъ образомъ пріѣхали въ Петербургъ. Я узналъ всѣ эти подробности отъ Нелединскаго, который провожалъ сюда принцессу.

Послѣ нѣсколькихъ визитовъ, я отправился ужинать къ фельдмаршалу; тамъ мнѣ сказали что свадьба назначена 18-го числа этого мѣсяца (по старому стилю). Видѣлъ Головину; они, въ субботу, ѣдутъ въ Москву, откуда вернутся только будущей весной.

Пятница, 13.—Къ брату.

Обѣдалъ сегодня у Нелединской. Ей лучше, но все еще слаба. Говорилъ ли я

тебѣ, что она теперь погрузилась въ философію, и что Гельвецій не сходитъ у нея со стола? И это у нея не претензія, а подлинная необходимость въ ея положеніи. Я замѣтилъ что люди, которые много любили, но перестали любить за неимѣніемъ объекта, всегда обращаются къ метафизикѣ. Вотъ въ такомъ положеніи находится и Нелединская. Отъѣздъ Разумовскаго погрузилъ ее въ меланхолію, и промежутокъ между двумя страстями она наполняетъ философіей, которая, въ свою очередь, будетъ изгнана новой любовью. Общество ея, которое мнѣ очень нравится, можетъ, однакожъ, быть опаснымъ для меня. Она относится ко мнѣ въ высшей степени дружески, и всѣ окружающіе ее увѣряютъ что у меня не можетъ быть лучшаго друга. Удивительно, между прочимъ, что она не вѣритъ въ мое дружеское къ ней отношеніе. Всякій разъ когда я, со свойственными мнѣ откровенностью и живостью, бросаюсь цѣловать ея руки или другимъ какимъ нибудь образомъ выказываю волнующія меня чувства, она восклицаетъ смѣясь: «Ахъ! шевалье, шевалье, какъ вы можете такъ притворяться!» Не дальше какъ вчера, и даже сегодня она сказала это, когда я ей читалъ то мѣсто изъ Гельвеція, въ которомъ идетъ рѣчь о страстяхъ. Я пропускаю эти слова мимо ушей, боясь, чтобы она въ самомъ дѣлѣ не подумала, что я ее обманываю. А все таки эта идея мнѣ нравится и я не стараюсь разувѣрить Нелединскую.

Печальная новость распространяется въ городѣ: говорятъ, что Разумовскій умеръ. Это могло случиться во время пребыванія его у отца, откуда, въ теченіи шести недѣль, не было о немъ никакихъ свѣдѣній Одни говорятъ, что его отравили, другіе—что онъ умеръ съ горя, даже не доѣхавъ до отца. А я думаю, что его просто схватили на дорогѣ и согнали въ Сибирь. Это меня очень безпокоитъ.

Свадьба Наслѣдника состоится, говорятъ, раньше чѣмъ думали, а именно 16-го числа этого мѣсяца (по ст, ст.).

Воскресенье,—Къ брату.

Много говорятъ о будущей великой княгинѣ; она очень любезна, предупредительна и добра. Гувернантка принцессы особенно расхваливаетъ ея характеръ. Она милостиво принимаетъ всѣхъ представляющихся и съ каждымъ разговариваетъ. Теперь она учится русскому языку и скоро будетъ говорить на немъ. Но вотъ внѣшность ея не особенно хвалятъ; говорятъ что она слишкомъ крупна и жирна, а кромѣ того зубы у нея черные. Я, впрочемъ, не видалъ ее до сихъ поръ и сужу по разсказамъ, изъ которыхъ нельзя вывезти опредѣленнаго сужденія, такъ какъ они крайне разнорѣчивы.

Сегодня у Щербатовыхъ была репетиція. Кн. Голицынъ заставилъ себя ждать часа два, а потомъ явился съ извиненіями, въ фатовскомъ тонѣ.

Меня въ немъ очень сердитъ этотъ тонъ, неподходящій ни къ внѣшности, ни къ внутреннему его содержанію. Мнѣ кажется, что Щербатовы его портятъ—онъ отъ нихъ заимствуетъ внѣшній лоскъ свободнаго мыслителя, который дѣлаетъ его смѣшнымъ.

Понедѣльникъ, 16.—Къ брату.

Мы съ Брюлемъ обѣдали у гр. Головина, отца Нелединской. И онъ и жена—прекраснѣйшіе люди; послѣдняя, впрочемъ немножко сплетница, какъ всѣ пожилыя маменьки. Говорили о намѣреніи Матюшкиныхъ ѣхать въ Москву. Графиня Головина думаетъ, что это фортель, который они съ успѣхомъ выкидываютъ отъ времени до времени, чтобы вытягивать у императрицы деньги. Послѣ обѣда принесли восьмимѣсячнаго ребенка, котораго графиня очень ласкала. Говорятъ, что это плодъ незаконной любви ея старшаго сына, который, тутъ же въ домѣ, открыто живетъ съ какой то крестьянкой. Не нравится мнѣ безцеремонность, проявляющаяся въ такомъ нарушеніи приличій, хотя оно, можетъ быть, и спасаетъ отъ горшихъ бѣдъ. Лучше бы было, мнѣ кажется, не дѣлать открыто нѣкоторыхъ вещей, достаточно и того, что ихъ терпятъ. Но таковы нравы въ этой странѣ, въ которой много азіатскаго.

Говорятъ, что домъ бывшаго фаворита Васильчикова купленъ императрицею

для фельдмаршала Румянцова [1]), а другіе говорятъ, что для Захара Чернышова, называемаго военнымъ министромъ. Князь Репнинъ пріѣхалъ. Это другой кандидатъ на то же министерство или на министерство иностранныхъ дѣлъ. Его, кажется, вообще боятся.

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Сегодня утромъ я видѣлъ живописца Ролэна. Онъ показалъ мнѣ портретъ принцессы Виртембергской, начатый имъ на этихъ дняхъ, въ Царскомъ Селѣ. Круглое, свѣжее лицо, но безъ всякаго выраженія. Ее ждали въ театръ до семи часовъ, а когда она пріѣхала съ Императрицей, то была встрѣчена пушечной пальбой въ адмиралтействѣ. Этотъ обычай,—встрѣчать монарховъ, при въѣздѣ и выѣздѣ ихъ изъ города, пушечными выстрѣлами—былъ установленъ при Елизаветѣ, а въ нынѣшнее царствованіе отмѣненъ. Екатерина возстановила его только для принцессы Виртембергской. Въ театрѣ собралось много народа, для того чтобы ее видѣть. Давали Нанину, по русски. Ни апплодисментовъ, ни даже ропота одобренія здѣсь не допускается; только одни французы, мой другъ, по свойственной имъ живости и прямодушію, выказываютъ свою любовь къ монархамъ веселымъ шумомъ.

Занавѣсъ поднялся въ семь часовъ, а я уѣхалъ въ семь съ четвертью, такъ какъ мнѣ нужно было поздравить кн. Щербатова съ именинами.

Завтра будетъ концертъ у принцессы Виртембергской; въ четвергъ—парадный балъ; въ пятницу—спектакль; въ субботу—эрмитажный вечеръ; въ воскресенье—куртагъ и маскарадъ. Не знаю, что будетъ дальше, но кажется, что мы повеселимся.

Въ Москвѣ, мой другъ, есть невѣста изъ купеческаго круга, молоденькая, хорошенькая, говорящая по-французски, и обладающая приданымъ въ семнадцать милліоновъ деньгами и въ двадцать пять тысячъ душъ (?). Недурная партія!

[1]) Александра Семеновича, который самъ про себя говорилъ, что онъ: „былъ только содержанкой. Со мной и обращались какъ таковою—никому меня не показывали и ни у кого бывать не позволяли; *просьбы мои не удовлетворяли, на вопросы мнѣ не отвѣчали*“. (*Валишевскій, Autour d'un trone*).

Среда, 18.—Къ брату.

Маркизъ сказалъ сегодня, что Захаръ Чернышевъ пріѣдетъ черезъ 15 дней. Одни говорятъ, что онъ будетъ президентомъ военной коллегіи, другіе прочатъ на это мѣсто кн. Репнина. Матюшкинъ говорилъ вчера, что Императрица предлагала Румянцеву быть президентомъ, съ жалованьемъ въ 60.000 р. и казеннымъ домомъ, но онъ отказался, потому что не можетъ жить въ Петербургѣ. Странный онъ человѣкъ, какъ говорятъ.

Обѣдалъ у Нелединской. Послѣ обѣда былъ у сестры Разумовскаго, которая передала письмо отъ него. Былъ также у Барятинскихъ и у Бемеровъ, гдѣ разсчитывалъ ужинать, но Шарлотта велѣла мнѣ лучше придти въ другой день, такъ какъ онѣ заняты приготовленіями къ завтрашнему торжеству — представленію Ея Высочеству, принцессѣ Виртембергской. Я вернулся ужинать къ Нелединской. Она меня прямо балуетъ и я не остаюсь къ этому равнодушнымъ. Была тамъ Зубова, которая разсказывала намъ исторію своей любви и несчастій: это настоящій романъ, въ которомъ она играетъ страдательную роль. Мужъ, котораго она очень любила и для котораго всѣмъ пожертвовала, бросилъ ее для любовницъ и живетъ теперь въ Москвѣ.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Сегодня состоялось представленіе Великой Княгинѣ. Всѣ мы, члены дипломатическаго корпуса также, какъ многіе изъ придворныхъ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Въ пять съ половиной часовъ къ намъ вышла принцесса Виртембергская, въ сопровожденіи Великаго Князя и жены фельдмаршала Румянцова, которая всѣхъ насъ ей представила. Каждый подходилъ къ Ея Высочеству и дѣлалъ поклонъ, не цѣлуя руки; Румянцова называла фамилію представлявшагося, принцесса кланялась и тѣмъ кончалось дѣло. Затѣмъ всѣ перешли въ галлерею, гдѣ танцовали. Маркизъ, не занятый на этотъ разъ карточной игрой съ Императрицей, стоялъ тутъ же. Какъ вдругъ приходятъ просить его танцовать съ Ея Высочествомъ, но такъ какъ эта честь была ему оказана уже послѣ гене-

ралъ-аншефовъ, то онъ отказался подъ предлогомъ старости и слабости. Императрица замѣтила его отказъ и говорила съ нимъ объ этомъ, но и ей онъ далъ тотъ же отвѣтъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ благоразумный.

Пятница, 30.—Къ брату.

Вчера я не хотѣлъ тебѣ сказать, мой другъ, моего мнѣнія о Великомъ Князѣ, котораго не видалъ четыре мѣсяца. Первыхъ впечатлѣній слѣдуетъ остерегаться, и высказывать ихъ только провѣривъ чужими мнѣніями.

Вообще, имъ кажется всѣ не особенно довольны. Поѣздка въ Берлинъ, если судить по внѣшности, придала ему больше самодовольства, чѣмъ онъ имѣлъ ранѣе. Аффектація, съ которою онъ появился, его натянутость, ненатуральность, смѣшныя попытки быть граціознымъ—все это заставляетъ меня признать въ немъ настоящаго провинціальнаго петиметра. Таковъ онъ былъ и прежде, но послѣ поѣздки въ Пруссію сталъ еще хуже. Выходъ его къ намъ наполнилъ мнѣ комедію Криспэтъ, соперникъ своего господина и сцену съ лакеемъ въ l'Homme à bonnes fortunes, гдѣ лакей, надѣвши платье своего господина, копируетъ его позы и мины. Принцесса и не красива, и не мила, но она проста и естественна. Несмотря на то, что ее и теперь уже упрекаютъ въ отсутствіи той тонкости и той характерности, которыя были свойственны ея предшественницѣ, я увѣренъ, что она сыграетъ свою второстепенную роль при такой свекрови, какова Императрица.

У насъ новый пріѣзжій — Г. Гриммъ *). Мнѣнія насчетъ его расходятся: одни считаютъ его очень умнымъ и еще болѣе хитрымъ человѣкомъ, а другіе говорятъ, что онъ простой болтунъ, что и похоже на правду.

Суббота, 21.—Къ брату.

Празднества, которыхъ мы ожидали по поводу свадьбы В. К., сведутся къ очень немногому. Великій Князь сказалъ, что она состоится 24-го, а переходъ принцессы въ православіе—15-го. Графиня Брюсъ говоритъ, что празднества будутъ происходить только три дня; это она слышала отъ Императрицы.

Я ѣздилъ смотрѣть представленіе осады Бендеръ, происходившее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Изъ раскрашенныхъ досокъ устроили декорацію крѣпости; понадѣлали вокругъ нея траншей, баттарей и проч.; взорвали двѣ маленькихъ мины, дѣйствіе которыхъ было почти незамѣтно. Вообще эффектъ получился ничтожный. Противъ крѣпости, въ деревянной ложи, поднятой на нѣсколько ступенекъ, находился начальникъ артиллеріи, кн. Орловъ со своей свитой. Мы, иностранцы, тоже оттуда смотрѣли на эту жалкую комедію. Ждали Императрицу, но ни она, ни Великій Князь, не пріѣхали.

При этомъ случаѣ, мой другъ, проявилась та національная особенность русскихъ, которую Петръ I и Екатерина II направили на преждевременное пріобрѣтеніе государственнаго величія и которая, подъ вліяніемъ невѣжества и скудоумія, выродилась въ романтическое ребячество и въ пустое тщеславіе. Вся свита Орлова восторгалась зрѣлищемъ и восклицала: «Ахъ какъ хорошо!» Этотъ глупый восторгъ зависитъ настолько же отъ необразованности, насколько отъ привычки льстить.

Мы, съ кн. Голицинымъ, поѣхали оттуда къ Щербатовымъ, гдѣ послѣ репетиціи ужинали. Голицинъ сообщилъ мнѣ, что кн. Хованскій, окончательно разорившійся благодаря своей безумной расточительности, живетъ теперь на счетъ кн. Голициной. Онъ уменъ, злорѣчивъ и забавенъ, а этого-то и нужно доброй княгинѣ, которая, какъ всѣ женщины ея лѣтъ, любитъ сплетни и пересуды.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Утромъ—выходъ при дворѣ, вечеромъ—балъ. Послѣ обѣда посѣтилъ меня гр. Нессельродэ, такъ какъ я никуда не выходилъ. Говорили мы о разныхъ вещахъ и между прочимъ объ отставкѣ кн. Лобковича, который весною уѣзжаетъ. Замѣ-

*) Фредериксъ-Мельхіоръ, корреспондентъ и фактотумъ Императрицы. Въ этотъ второй свой пріѣздъ въ Россію онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и ленту Св. Владиміра.

стителемъ его называютъ кн. Кауница *), человѣка очень умнаго и любезнаго.

Коснувшись дѣлъ гр. Брюля и расположенія къ нему кн. Орлова, я сообщилъ слухъ о поѣздкѣ послѣдняго въ Парижъ вмѣстѣ съ Зиновьевой. Нессельродэ сказалъ, что эта фрейлина совсѣмъ завладѣла княземъ и желаетъ, чтобы онъ на ней женился, а если онъ на это рѣшится, несмотря на гнѣвъ Императрицы, то они уѣдутъ вдругъ и неизвѣстно куда. Не это ли, мой другъ, заставляетъ Потемкина упорно оставаться при дворѣ, несмотря на то, что его старательно выпроваживаютъ? Если Орловъ уѣдетъ, то онъ можетъ надѣяться вновь попасть въ фаворъ. По внѣшности, онъ совершенно покоенъ и даже нахаленъ, что̀ въ этой странѣ почти всегда служитъ вѣрнымъ доказательствомъ успѣха. Вотъ тебѣ характерная черточка. Въ прошлую пятницу онъ посылаетъ чиновника военной коллегіи ко всѣмъ высшимъ генераламъ съ приглашеніемъ пожаловать къ нему въ полдень. Они пріѣзжаютъ, не застаютъ Потемкина дома, узнаютъ, что онъ обѣдаетъ и играетъ въ вистъ у графа Панина, но ждутъ. Отъ Панина Потемкинъ ѣдетъ во дворецъ, и оттуда присылаетъ ординарца, то есть простого солдата, сказать собравшимся, что теперь ужъ поздно представляться Ея Высочеству (что было цѣлью собранія) и что они могутъ разъѣзжаться.

Весь вечеръ я пробылъ у себя: Комбсъ вернулся съ бала въ 10 часовъ, и сообщилъ, что народу было не особенно много. Между тѣмъ роздано четыре или пять тысячъ билетовъ. Мы съ Комбсомъ, до полночи, разсуждали о моемъ политическомъ положеніи. Де-Бретейль, какъ ты знаешь, къ концу октября возвращается во Францію, и въ Вѣну больше не поѣдетъ. Если замѣна его можетъ доставить мнѣ мѣсто, то Комбсъ не знаетъ какъ бы ему отдѣлаться отъ маркиза, тѣмъ болѣе что подарокъ, недавно сдѣланный послѣднимъ, еще болѣе связываетъ ихъ другъ съ другомъ. Можетъ быть это и къ выгодѣ Комбса, если не къ его удовольствію. Но надо все-таки посмотрѣть, что будетъ со мною. Если въ Вѣнѣ будетъ вакансія, то на нее могутъ перевести Шуазеля, изъ Турина, а Жюинье послать въ Туринъ. Но тогда закричатъ г.г. де-Понсъ, де-Веракъ, де-Монморэнъ, де-Монтейнаръ, которые всѣ старше маркиза. Придется, стало быть, отозвать Цукмантеля изъ Венеціи и послать туда де-Верака, де-Понса—въ Петербургъ, де-Монморэна—въ Берлинъ, де-Монтейнара,—въ Копенгагенъ, а меня отправить въ Кобленцъ или Боннъ, если только въ намѣренія министра не входитъ оставить меня въ Петербургѣ, сначала повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потомъ посланникомъ. Это былъ бы путь къ повышенію очень скучный, но очень быстрый. Прощай; пора спать, тѣмъ болѣе что я уже на яву вижу пріятные сны!

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

Я вышелъ сегодня только послѣ четырехъ часовъ и не засталъ дома Нелединской, которая утромъ присылала справляться обо мнѣ. Былъ также у Зиновьевой, у которой сестра больна. Ея проекты сойтись съ кн. Барятинской отложены на январь. Леруа показалъ мнѣ часть своей работы надъ доходами Россіи, которая безконечно цѣннѣе тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ присылаютъ. Но такъ какъ эта работа написана исторически, то изъ нея возьму, для маркиза, только тѣ точныя цифры, въ которыхъ онъ нуждается, а все сочиненіе Леруа пошлю весной къ де-Верженну.

Не заставъ дома гр. Чернышевой, я очень рано попалъ къ Бемерамъ. Тамъ надо мной стали шутить по поводу вчерашняго моего нездоровья; Шарлотта приписываетъ его политикѣ съ моей стороны: она говоритъ, что я сказался больнымъ, чтобы не попасть въ затруднительное положеніе, очутившись среди всѣхъ тѣхъ женщинъ, за которыми ухаживаю. Шутки вообще были очень добродушны и кончились приглашеніемъ остаться на ужинъ. Несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось ужинать у Голицыныхъ, я все-таки остался. Было много гостей, между прочимъ, Визенъ, протежэ его — Марковъ *), человѣкъ умный, но фатъ, и новый секретарь саксонскаго посольства, Клеандеръ. Бемерамъ онъ не

*) Сына знаменитаго государственнаго человѣка.

*) Аркадій Ивановичъ.

понравился, а я нашелъ его добрымъ малымъ, можетъ быть, благодаря тому, что онъ привезъ мнѣ поклонъ отъ барона Лейснина, котораго я очень люблю. Въ сущности, Клеандеру нужно еще немножко пообтерѣться въ свѣтѣ; онъ слишкомъ фамильяренъ, и принимаетъ этотъ недостатокъ знанія приличій за простоту и вѣжливую развязность. Вечеръ прошелъ очень пріятно: мнѣ было весело, Шарлотта была очень хороша, о чемъ я ей тутъ же заявилъ.

Вторникъ, 24.—Къ брату.

Вчера я обѣщалъ Леруа навѣстить его и отправился пѣшкомъ, вмѣстѣ съ Комбсомъ; погода была превосходнѣйшая. Леруа прочелъ намъ свои замѣтки о доходахъ Россійской имперіи. Они доходятъ до 31.000.000 р. и дѣлятся на семнадцать отраслей. Леруа сдобрилъ голыя цифры своими историческими и критическими разсужденіями, отчего они потеряли свойственную имъ сухость. Я тебѣ, мой другъ, покажу его работу, когда увидимся.

Отъ Леруа я проѣхалъ къ Нелединской, которую нашелъ за туалетомъ. Она увѣряетъ, что Матюшкина собирается учиться пѣнію у Дюгэ. Я думаю, что мы изъ политики отъ спектаклей перейдемъ къ концертамъ, потому что жена фельдмаршала боится разсердить Дворъ.

Послѣ обѣда я сдѣлалъ много визитовъ, былъ у Бемеровъ, у Голициныхъ, а ужиналъ у гр. Головиной. Нелединская встрѣтилась со мной, по обыкновенію, дружески. Мы много говорили между прочимъ о кн. Репнинѣ, который недавно пріѣхалъ изъ Константинополя. Я нашелъ его очень самонадѣннымъ человѣкомъ. Говорятъ, онъ уменъ, но очень рѣзокъ; мнѣ кажется, что мужчины должны его любить меньше чѣмъ женщины. Нелединская увѣряетъ, что онъ способенъ тонко анализировать чувство, а такъ какъ я оспаривалъ нѣкоторые его принципы и согласился съ другими, то мы перешли къ разговору о наиболѣе выгодной, для любви, обстановкѣ. Я сказалъ, что такой обстановкой является уединеніе, что страсти чаще всего развиваются въ деревнѣ.

Среда, 25.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, принцесса Виртембергская отказалась отъ протестантизма и перешла въ греческую вѣру. Церемонія назначена была въ 10 ч. утра, и мы съ маркизомъ отправились ко Двору. Черезъ полчаса императрица прослѣдовала въ церковь, а за нею шелъ великій князь, подъ руку съ принцессой. Она была одѣта во все бѣлое, казалась печальной и очень блѣдной, такъ какъ не нарумянилась. Мы тоже, вмѣстѣ со всѣми, вошли въ церковь, но тамъ было такъ много народа, что я ничего не видалъ. Говорятъ, принцесса прочитала по-русски Символъ Вѣры, и хорошо прочитала. Церемонія присоединенія была для нея сокращена—изъ древней формулы выкинули все унизительное, въ родѣ отказа отъ своихъ родителей, вхожденья въ церковь съ потушенной свѣчкой, и проч. Императрица сама показала будущей невѣстѣ какъ слѣдуетъ прикладываться къ иконамъ. Она вѣдь прекрасная актриса, наша Екатерина. Она въ высшей степени богомольна, благочестива, нѣжна, величественна, деликатна, любезна... а въ сущности всегда остается сама собою, то есть человѣкомъ, думающимъ единственно и исключительно о своихъ интересахъ, и надѣвающимъ, ради нихъ, какую угодно маску. Вновь конфирмованная принцесса приняла имя Маріи Ѳеодоровны, вмѣсто своего прежняго, Софія-Доротея. Я уѣхалъ изъ дворца утомившись, соскучавшись и умирая съ голода, а обѣдать пришлось у маркиза, то есть весьма скучно, хотя и въ большомъ обществѣ. Между прочимъ тамъ былъ Гриммъ, о которомъ маркизъ говоритъ такъ много хорошаго, но который для меня не представляетъ никакого интереса: самый обыкновенный человѣкъ, да говорятъ еще болтунъ, а я бы къ этому прибавилъ—высокомѣрный.

Послѣ обѣда молодой кн. Голицынъ заѣхалъ за мной, чтобы отправиться вмѣстѣ къ Нелединской. Тамъ мы репетировали нѣсколько сценъ изъ комедіи, танцовали, хохотали. Былъ Кошелевъ. Голицынъ, не лишенный самомнѣнія, считаетъ себя стоящимъ гораздо выше его, но онъ не вполнѣ правъ.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Празднества наши продолжаются, мой другъ. Сегодня утромъ въ присутствіи императрицы, состоялось обрученіе великаго князя. На эту церемонію смотрятъ здѣсь какъ на самую важную; разъ кольца надѣты — бракъ состоялся *). Послѣ обрученія былъ обѣдъ для первыхъ четырехъ классовъ государства. Императрица сидѣла на тронѣ. Я не былъ на этой церемоніи, потому что не совсѣмъ здоровъ, да и не стоитъ ходить, такъ какъ изъ-за множества народа ничего не увидишь. Вечеромъ былъ парадный балъ, куда я отправился заѣхавъ сначала взглянуть на Нелединскую, которая была очень красива. Во дворцѣ мнѣ передали пакетъ, адресованный на имя Гарри и распечатанный; въ немъ оказалась кокарда, присланная Шарлоттой, и я ее надѣлъ. Протанцовавъ нѣсколько менуэтовъ и полонезовъ, отправился ужинать къ Бемерамъ; Шарлотта была очаровательна въ своемъ дезабилье, съ волосами не завитыми, не напудренными, просто подвязанными платочкомъ, по-русски.

Я узналъ новость, которая можетъ ускорить наше съ тобой свиданіе. Князь Лобковичъ говоритъ, что Сэнъ-При **) уѣхалъ изъ Константинополя во Францію на суднѣ, которое самъ нанялъ. Гр. Нессельроде, съ своей стороны, сказалъ мнѣ, что Монтейнаръ отозванъ изъ Кельна. Вотъ тебѣ и вакантныя мѣста, такъ что можетъ быть и моя очередь придетъ наконецъ.

Пятница, 27.—Къ брату.

Сегодня утромъ—новая церемонія при дворѣ. Мы ѣздили поздравлять великую принцессу—такъ теперь называется жена великаго князя (?), получившаго титулъ императорскаго высочества, хотя еще не считается великой княгиней. Пріемъ былъ весьма многочисленъ и блестящъ; были даже старая графиня Чернышова (жена Петра Григорьевича) и графиня Головина, три года уже не появлявшіяся при дворѣ. Обѣдалъ я у послѣдней, вмѣстѣ съ дочерью ея, Нелединской, дружба которой становится мнѣ все болѣе и болѣе дорога. Затѣмъ мы съ гр. Вановичемъ отправились къ Бонафини, которую застали за репетиціей оперы **Армида**, идущей сегодня. Эта итальянка очень мила; у нея прекрасные глаза, нѣжный, выразительный голосъ и красивая фигура.

Понедѣльникъ, 30.—Къ брату.

Наши проекты насчетъ спектаклей трудно осуществимы. Должны были играть сегодня, а отложили на среду. Обѣдалъ у Щербатовыхъ, гдѣ наканунѣ была репетиція. Послѣ обѣда провелъ часа полтора у Зиновьевой. Говорили о смѣшныхъ поступкахъ кн. Барятинской, которая навезла изъ Парижа модныхъ вещей, вызывающихъ и критику, и подражаніе. Императрица терпѣть не можетъ ничего французскаго, и ей, конечно, вторятъ. Кстати объ императрицѣ; ты помнишь, что я говорилъ объ ея характерѣ; она удивительно непостоянна, легкомысленна и обладаетъ рѣдкимъ даромъ притворства, во всей Имперіи нѣтъ лучшей комедіантки. Я сообщалъ тебѣ уже нѣсколько характерныхъ для нея черточекъ; сообщу еще одну, о которой узналъ лишь недавно. Въ тѣ времена, когда кн. Орлову приходилось ѣхать на конгрессъ въ Букарестъ, императрица ужасно горевала въ виду необходимости разлуки. Въ день его отъѣзда, или наканунѣ, она отправилась въ Царское Село и дорогою, въ каретѣ, въ присутствіи ѣхавшихъ съ нею дамъ — Румянцовой, Зиновьевой и Брюсъ — отчаянно плакала. На другой день Ея Величество заперлась въ своемъ кабинетѣ, куда допускала только графиню Брюсъ; на третій день у нея сдѣлались колики, на четвертый колики продолжались, на пятый она вышла въ добромъ здоровьѣ и въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, а на шестой день объ Орловѣ не было и рѣчи—Васильчиковъ занялъ его мѣсто. Такова, мой другъ, эта прославленная Государыня; увлекаемая впечатлѣніями минуты, она

---

*) Авторъ очевидно смѣшиваетъ обрученіе съ вѣнчаніемъ. *Прим. пер.*

**) Онъ былъ замѣненъ Шуазелемъ и посланъ въ Швецію, а впослѣдствіи сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Три его сына поступили на русскую службу.

кажется непослѣдовательной, хотя, въ сущности, всегда идетъ по пути, указываемому ея страстями. Менѣе фальшивая, чѣмъ непостоянная и вѣтреная, она настойчиво стремится только къ удовольствіямъ и къ удовлетворенію своего самолюбія.

Зиновьева настоятельно проситъ дать ей мой ярославскій дневникъ, который она видѣла у Ляссп. Она хочетъ показать его Барятинской. Я обѣщалъ прислать, присоединивъ къ нему мое посланіе къ гр. Андрею Разумовскому, который былъ любовникомъ Барятинской. Эти двѣ женщины, можетъ быть, самыя умныя, любезныя, образованныя и тактичныя въ Россіи, задумали основать кружокъ. Можешь быть увѣренъ, мой другъ, что и я войду въ его составъ!

Вторникъ, 1 октября.—Къ брату.

Сегодня опять торжество, и это еще не конецъ. Былъ выходъ по поводу дня рожденія великаго князя. Ожидаютъ новыхъ производствъ, которыя еще не состоялись, хотя многіе высокіе посты вакантны. Молодой Голицынъ надѣется получить ключъ.

Обѣдалъ у гр. Шереметева; было много гостей. Пюисегюръ вернулся. Я тебѣ говорилъ, кажется, что онъ пріѣхалъ два дня тому назадъ въ добромъ здоровьѣ и очень довольный своимъ путешествіемъ по Даніи и Швеціи. Нелединская нашла, что онъ похудѣлъ, и даже сказала ему это, чѣмъ онъ, по ея словамъ, остался недоволенъ. Думаю, что онъ останется здѣсь на зиму, хотя видимо скучаетъ и говорилъ Комбсу, что можетъ тотчасъ же уѣхать въ Парижъ. У него новый проектъ — хочетъ заняться торговлей (entrer dans les négociations). Эта идея меня не удивляетъ, мой другъ; я давно уже предполагалъ нѣчто подобное и думаю, что ему нѣтъ другого выхода, если только онъ по натурѣ окажется способнымъ къ такому дѣлу, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Пюисегюръ—добрый малый, но онъ не особенно уменъ, мало образованъ, безтактенъ и не годится для свѣта. Его плохо учили; этимъ я не хочу сказать, что онъ не знаетъ латинскаго языка (хотя онъ его на самомъ дѣлѣ плохо знаетъ), такъ какъ не въ томъ дѣло, но онъ не умѣетъ правильно писать и говорить по-французски, не умѣетъ хорошо выражаться. Ему недостаетъ также сдержанности, рѣшительности, твердости, которыя такъ важны въ данномъ ремеслѣ; недостаетъ способности разгадывать людей, безъ которой его постоянно будутъ обманывать.

Сегодня былъ парадный балъ. Я танцовалъ съ великимъ княземъ, который разговаривалъ со мною въ первый разъ со смерти своей жены.

Среда, 2.—Къ брату.

Наконецъ, сегодня мы играли нашу комедію Le Glorieux. Мой дебютъ въ роли Лизимона былъ такъ успѣшенъ, какъ только я могу желать. Спиридова играла очень хорошо, другіе—посредственно. У большей части изъ нихъ гасконскій акцентъ, что производитъ непріятное впечатлѣніе.

Пятница, 4.—Къ брату.

Не думай, мой другъ, что я здѣсь ограничиваюсь только изученіемъ общества и страны; я обогащаюсь и другими свѣдѣніями, болѣе существенными. Дѣло идетъ о превращеніи металловъ въ золото, и меня тотчасъ же посвятятъ въ тайны, ведущія къ этому драгоцѣнному знанію. Я тебѣ говорилъ о ложѣ генерала Мелиссино и о составляющихъ ее семи степеняхъ. Седьмая и послѣдняя изъ нихъ, которая называется Капитуломъ (Chapitre), знакомитъ и съ первичной матеріей, и съ процессами, которымъ она должна быть подвергнута для достиженія высшей цѣли. Правда, никто еще изъ членовъ Капитула не нашелъ того, чего всѣ ищутъ, но всѣ убѣждены въ существованіи искомаго, а это уже много значитъ. Я буду очень радъ сдѣлаться членомъ Капитула, какъ мнѣ это обѣщали, и тогда передо мною будутъ открыты всѣ данныя по этому вопросу.

Суббота, 5.—Къ брату.

Были у меня гр. Нессельроде съ Брюлемъ, но послѣдній скоро ушелъ, а съ первымъ мы вели обычные разговоры. Онъ спрашивалъ меня, кто будетъ посланъ въ Кельнъ, чего я не знаю. Затѣмъ мы произвели смотръ нѣкоторымъ

изъ нашихъ посланниковъ. Говоря объ О'Дюннѣ (O'Dunne)*), который теперь въ Мангеймѣ, Нессельроде сообщилъ мнѣ, что въ 1763 г., во время переговоровъ о мирѣ по поводу уступки Флориды, гр. Шуазейль, не получая отвѣта отъ испанскаго посланника, командировалъ О'Дюнна въ Мадридъ, и ловкій ирландецъ уже черезъ 12 дней привезъ отвѣтъ, подписанный испанскимъ королемъ. Этотъ отвѣтъ былъ представленъ совѣту помимо испанскаго посланника, хотя и въ его присутствіи.

Обѣдалъ у Нелединской; она нездорова. Что это за очаровательная женщина, мой другъ! Но если ты соберешь во едино всѣ мои отзывы о ней, то найдешь, можетъ быть, что она часто бываетъ сама на себя непохожа. Это и я нахожу, другъ мой! Характеръ ея оказывается болѣе основательнымъ только при ближайшемъ разсмотрѣніи. Она, напримѣръ, гораздо болѣе постоянна въ любви, чѣмъ я думалъ. Гр. Андрей до сихъ поръ близокъ ея сердцу, и я, хотя въ ущербъ своему самолюбію, но все-таки съ удовольствіемъ вижу, что ея дружба ко мнѣ возникла въ виду моей дружбы къ Андрею. Я въ этой дружбѣ вполнѣ увѣренъ, такъ какъ еще недавно, когда я говорилъ о привязанности ко мнѣ кн. Голицына, она замѣтила: «Но ужъ, конечно, онъ васъ далеко не такъ любитъ, какъ я». Маленькая Юрасова хорошѣетъ; я говорилъ тебѣ о ней, такъ же какъ и о Дугни. Эти двѣ дѣвицы очень милы и чувствуютъ ко мнѣ довѣріе; вообще, въ этомъ домѣ все мнѣ нравится.

Вернувшись, я зашелъ къ маркизу. Онъ больше, чѣмъ когда-либо, увѣренъ, что Захаръ Чернышовъ не будетъ военнымъ министромъ и скоро вернется назадъ. Продолжаютъ говорить, что кн. Репнинъ купилъ у Чернышова тотъ домъ, въ которомъ помѣщается наше посольство, и что черезъ полгода намъ придется переѣзжать, а пока онъ помѣстился у своего дяди, гр. Панина.

Воскресенье, 6.—Къ брату.

У маркиза былъ обычный обѣдъ, послѣ котораго мы съ Брюлемъ отправились съ визитами къ оберъ-мундшенку и къ адмиралу Грейгу, которыхъ не застали дома. Затѣмъ мы поѣхали къ женѣ Ивана Чернышова, гдѣ Тепловъ очень хорошо игралъ на гармони-флютѣ (clavecin organisé?). Потомъ мы были у Нелединской, гдѣ застали Матюшкину. Послѣдняя все еще печальнѣй обыкновеннаго, но это къ ней идетъ. Я наговорилъ имъ обѣимъ множество глупостей, отчего веселость моя не уменьшилась. Я думаю, что теперь моя душа наклоннѣй, чѣмъ когда-либо, къ живымъ и внезапнымъ впечатлѣніямъ. Затѣмъ мы посадили обѣихъ дамъ въ карету, причемъ я обѣщалъ Нелединской ужинать у ея родителей, а Матюшкиной—заѣхать къ ея теткѣ. Онѣ хотѣли было посадить меня съ собою, но я отказался, такъ какъ долженъ былъ ѣхать къ Бемерамъ. Шарлотта тотчасъ же замѣтила, что у меня рыльце въ пушку, и стала шутить надъ этимъ. Вѣдь этакая несчастная способность краснѣть! Всѣ видятъ, смѣются, а я еще больше краснѣю. Шарлотта требуетъ, чтобы я остался ужинать; я отвѣчаю, что обѣщалъ Головинымъ; мнѣ говорятъ, что я такъ часто у нихъ бываю, а въ концѣ концовъ приходится оставаться. Вернувшись, нашелъ у себя Комбса, который убѣжденъ, что меня въ Петербургѣ избалуютъ и что я погибну. А ты какъ думаешь?

По поводу празднествъ, которыя завтра начинаются, посылаю тебѣ ихъ программу, или по крайней мѣрѣ выписку изъ программы.

Во вторникъ, въ 10 ч.—поздравленіе ихъ высочествъ въ собственныхъ апартаментахъ; вечеромъ—балъ въ галлереѣ и ужинъ въ большой залѣ для особъ первыхъ четырехъ классовъ и дипломатическаго корпуса. Разсаживаются по порядку билетовъ.

Въ среду—отдыхъ.

Въ четвергъ, къ одиннадцати часамъ, собираются въ апартаментахъ ихъ высочествъ, а вечеромъ — куртагъ въ галлереѣ. Передъ обѣдомъ—народный праздникъ передъ дворцомъ.

Пятница—отдыхъ.

Суббота—тоже.

Воскресенье—итальянская опера.

Понедѣльникъ—отдыхъ.

Вторникъ—дворянскій маскарадъ.

*) Французскій посланникъ при Курфюрстѣ-Палатинѣ.

Среда—французскій спектакль.
Четвергъ—отдыхъ.
Пятница—русскій спектакль и маскарадъ для дворянства и купечества.
Суббота—отдыхъ.
Воскресенье—куртагъ вечеромъ.
Понедѣльникъ—отдыхъ.
Вторникъ—французскій спектакль.
Среда—народный балъ и ужинъ.

А въ заключеніе празднествъ будетъ пущенъ фейерверкъ, но такъ какъ для этого требуется хорошая погода, то день заранѣе назначить нельзя, а когда онъ наступитъ, то жители Петербурга будутъ увѣдомлены объ этомъ пятью пушечными выстрѣлами, въ полдень.

Вотъ, мой другъ, перечень нашихъ торжествъ, въ которыхъ, я полагаю, не будетъ ничего необыкновеннаго. Во дни отдыха, только кадеты да Бецкій станутъ развлекать насъ, что тоже, конечно, никакихъ чудесъ не обѣщаетъ.

Понедѣльникъ, 7.—Къ брату.

Когда мы съ маркизомъ пріѣхали во дворецъ, сигналъ изъ пяти пушечныхъ выстрѣловъ только что начался; мы пріѣхали первые. Затѣмъ начали съѣзжаться дамы, разодѣтыя и усыпанныя брилліантами. Надо побывать въ Петербургѣ, мой другъ, чтобы видѣть такое обиліе драгоцѣнностей. Черезъ часъ вышла Императрица съ ихъ высочествами; мы поспѣшили въ церковь, чтобы занять тамъ сколько-нибудь сносныя мѣста. Духовенство встрѣтило высочайшихъ особъ при входѣ, и когда они вышли изъ алтаря, Императрица взяла ихъ высочества за руки и... но тутъ я пересталъ что-либо видѣть, такъ какъ колоссальная фигура барона Юбенъ (Ueben) заслонила отъ меня весь міръ. Мнѣ стало жарко, душно и я ушелъ. Но я тебѣ разскажу въ чемъ состояла церемонія, со словъ живописца Ролэна, который все видѣлъ. Супруги приблизились къ алтарю и стали читать молитвы. Затѣмъ кн. Орловъ держалъ корону надъ головой великаго князя, а Бецкій держалъ другую надъ головой великой княгини. Князь часто перемѣнялъ руку, а Бецкій держалъ все время одною, хотя она у него сильно дрожала. Ну, а остальное не стоитъ описанія. Ты меня спросишь, можетъ быть, почему, въ параллель кн. Орлову, выбрали для этой церемоніи Бецкаго. Это потому, мой другъ, что здѣсь незаконныя дѣти пользуются особымъ счастьемъ. Ты вѣдь знаешь, я думаю, что Бецкій или Бецкой—незаконный сынъ Трубецкого. Незаконность происхожденія здѣсь не приноситъ безчестья, и незаконнымъ дѣтямъ даютъ обыкновенно часть своей фамиліи: Трубецкой — Бецкой, Голицынъ — Лицинъ и т. д. А короны, во время вѣнчанія, обязательно должны держать холостяки.

Обѣдали мы у кн. Лобковича; затѣмъ я, сдѣлавъ визиты графинѣ Салтыковой и женѣ Петра Чернышова, отправился ко двору, гдѣ былъ парадный балъ. Я танцовалъ три полонеза. Балъ кончился въ 7 часовъ, такъ какъ всѣ устали и нуждались въ отдыхѣ.

Забылъ тебѣ сказать, что въ галлереѣ состоялся большой обѣдъ.

Императрица и ихъ высочество сидѣли подъ балдахиномъ, императрица посрединѣ, а молодые супруги по бокамъ. Сзади ея величества стояли оберъ-шенкъ и оберъ-шталмейстеръ—двое Нарышкиныхъ. Ея величество пила за здоровье иностранныхъ пословъ, причемъ мы всѣ встали, такъ какъ нашъ столъ стоялъ отдѣльно отъ другихъ и какъ разъ противъ балдахина. Въ остальныхъ частяхъ галлереи были поставлены четыре стола для особъ первыхъ четырехъ классовъ, мужчинъ и женщинъ. Хоры были полны зрителями, и тамъ же стояли музыканты, которыхъ не было слышно. Среди общаго шума и звука трубъ, при тостахъ, знаменитый Нолли (Nolly) старался даромъ. Столы были узенькіе и стояли въ одну линію, подъ апельсинными деревьями, осѣнявшими гостей и придававшими галлереѣ удивительно красивый видъ.

Производствъ никакихъ не было. Ожидали назначенія четырехъ статсъ-дамъ, но не дождались. Назначены только лица, долженствующія сообщить о бракѣ великаго князя иностраннымъ дворомъ. Въ Вѣну ѣдетъ молодой гр. Румянцовъ; въ Стокгольмъ—камеръ-юнкеръ кн. Куракинъ; въ Берлинъ—камеръ-юнкеръ и директоръ академіи наукъ, Домашневъ (Domachenef); въ Штутгартъ—Рахмановъ (Rokmanof).

Заѣзжалъ къ Бемерамъ, приняли меня, повидимому, холодно и натянуто, поэтому я скоро уѣхалъ къ Нелединской, которая пригласила меня ужинать у ея отца. Вмѣстѣ съ нею мы поѣхали по городу смотрѣть иллюминацію. Наиболѣе богатая была у кн. Лобковича, а наиболѣе красивая у графини Брюсъ. Послѣдняя представляла собою архитектурный фронтонъ, состоящій изъ четырехъ колоннъ, съ карнизами и вращающимися вазами надъ нимъ. Все это было усѣяно зелеными, красными и синими лампочками, похожими на бокальчики съ налитою въ нихъ прозрачной жидкостью. Нелединская, которая бывала въ Константинополѣ, у кн. Репнина, говоритъ, что это по-турецки. Громадная толпа народа, множество экипажей, и весьма мало порядка—почти нельзя было двигаться. Особенно красива была набережная Невы. Крѣпость, находящаяся на той сторонѣ, была по архитектурнымъ линіямъ усѣяна лампочками, что производило особый эффектъ. Это, по моему, было лучше всего.

Ужиналъ у Головиныхъ, Нелединская разсказывала мнѣ о Трубецкой, которую не любятъ за ея фальшивость; жаль, что эта молодая особа портится. Говорили мы также о графинѣ Салтыковой-Чернышевой, которая, по словамъ Нелединской, зла какъ чертъ и жена въ превосходной степени. Супружеская вѣрность ея, однако же, не дорого стоитъ, потому что она безобразна. Маркизъ очень ее расхваливаетъ; едва ли онъ правъ, если вѣрить слухамъ. Должно быть судьба его такова, чтобы лица, носящія фамилію Чернышевыхъ, вводили его въ заблужденіе.

Вторникъ, 8.—Къ брату.

Сегодня ихъ высочество принимали поздравленія. Говорятъ, что великій князь успѣлъ уже трижды доказать женѣ свою высочайшую любовь. Я былъ не совсѣмъ здоровъ и потому ко двору не ѣздилъ, что очень досадно, такъ какъ было много народа и у великой княгини цѣловали руку. Вечеромъ состоялся парадный балъ, на которомъ я хотя и присутствовалъ, но не танцовалъ. Мы съ Мятлевымъ (Mételef) вели длинный разговоръ о капитулѣ, въ который меня хотятъ принять, такъ какъ за меня стоитъ даже Перфильевъ, самый строгій членъ капитула.

Послѣ бала, всѣ отправились смотрѣть апартаменты ихъ высочествъ; богато, красиво и со вкусомъ меблировано. Нѣкоторые думаютъ, что кн. Куракинъ, отправляющійся въ Стокгольмъ, останется тамъ посланникомъ, а другіе полагаютъ, что туда вернется Симолинъ (Simolin).

Говорилъ съ Ролэномъ, у кн. Лобковича, о Даніи. Золотой вѣкъ наукъ и искусствъ въ этой странѣ зависѣлъ всецѣло отъ покойнаго короля *), а не отъ Струэнзе и не отъ Брандта **). Всѣ заслуги этихъ двухъ господъ состоятъ въ ихъ физической бодрости, а знанія послѣдняго ограничиваются медициной, которую онъ практиковалъ.

Графъ Сольмсъ не особенно доволенъ выборомъ Домашнева для посылки въ Берлинъ; хоть онъ и камергеръ, а говорятъ—сынъ кучера.

Кн. Потемкинъ вчера претерпѣлъ великое униженіе отъ кн. Орлова, который взялъ его за плечо и отодвинулъ назадъ, для того, чтобы самому идти тотчасъ же за императрицей. Новопожалованный князь промолчалъ, но сталъ грызть ногти съ досады.

Императрица, мой другъ, очень любитъ держать много собакъ. У нея ихъ дюжина, и одна лучше другой. Когда она идетъ обѣдать, то беретъ съ собою одну изъ своихъ любимицъ. Въ столовой есть кресло, назначенное для императрицы, но она на него никогда не садится, а сажаетъ собаку. Къ собакѣ приставленъ пажъ, обязанный покрывать ее платкомъ отъ мухъ и вообще подчиняться ея фантазіямъ. Вчера, одно изъ этихъ привилегированныхъ животныхъ пропало, и всю ночь цѣлый городъ искалъ его. Счастливцемъ оказался лакей Кошелева, получившій за находку сто рублей.

Среда, 9.—Къ брату.

Утромъ былъ у генерала Мелиссино и гр. Брюля. Перваго не засталъ дома, а со вторымъ видѣлся. Мы толковали о его положеніи, о надеждахъ, которыя

*) Фридриха V.

**) Графъ Эвальдъ Брандтъ, другъ Струэнзе, дѣлившій съ нимъ фаворъ королевы.

ему здѣсь подаютъ, и о покровительствѣ, которое оказываетъ ему великій князь. Послѣдній, при случаѣ, даетъ понять, что у него теперь руки связаны, и что когда онъ будетъ царствовать, тогда найдетъ средства помочь своимъ протежэ. Между нами, мой другъ, я думаю, что онъ будетъ плохимъ государемъ. У него мало подъема въ душѣ, еще меньше философіи въ головѣ и мелочность во всемъ остальномъ. Вотъ тебѣ новое доказательство этого, которое ты можешь присоединить къ прочимъ.

Вчера, на куртагѣ, когда императрица удалилась къ себѣ, великій князь съ женой остались, и вокругъ нихъ образовался кружокъ. Маркизъ, проходя сзади великаго князя, когда тотъ разговаривалъ съ гр. Брюлемъ, нечаянно толкнулъ его, самъ этого не замѣтивъ. Великій князь ничего не сказалъ, но Брюль сдѣлалъ знакъ маркизу, и тотъ отступилъ. Но такъ какъ великій князь при разговорѣ рѣзко жестикулируетъ, а кружокъ, вокругъ него собравшійся, безпрестанно мѣнялся и передвигался, то маркизу пришлось вторично толкнуть его высочество и даже въ третій разъ. Тогда великій князь прервалъ разговоръ, и сказавъ гр. Брюлю, по-нѣмецки, «это ужъ слишкомъ!»—отступилъ шага на два назадъ, сильно толкнулъ локтемъ маркиза, а затѣмъ обернулся и сталъ извиняться. Приблизившись затѣмъ опять къ Брюлю, онъ сказалъ ему вполголоса, тоже по-нѣмецки: «вы замѣтили?» Брюль отвѣчалъ: «не думаете же вы, ваше высочество, что это было сдѣлано преднамѣренно».—«О! отвѣчалъ великій князь, три раза одно и тоже не дѣлается нечаянно. Но вы видѣли, что я сдѣлалъ?» вотъ, мой другъ, будущій замѣститель Екатерины II и Петра I!

Пообѣдавъ дома и сдѣлавъ нѣсколько визитовъ вмѣстѣ съ маркизомъ, я провелъ часа два у Голицина, съ которымъ много говорилъ о массонствѣ, о философіи и разныхъ другихъ вещахъ. Ужинать отправился къ Бемерамъ.

Четвергъ, 10.—Къ брату.

Сегодня утромъ былъ народный праздникъ, а вечеромъ куртагъ и третья иллюминація города. Собрались у Ихъ Высочествъ, куда пришла и императрица. Въ $11^{1}/_{2}$ часовъ начался народный праздникъ.

Вотъ въ чемъ онъ состоялъ.

Передъ дворцомъ лежитъ огромная площадь, на которой можетъ помѣститься 30,000 человѣкъ. Посрединѣ этой площади былъ устроенъ квадратный, деревянный помостъ, возвышавшійся на нѣсколько ступенекъ. На помостѣ лежалъ жареный быкъ, покрытый краснымъ сукномъ, изъ котораго торчали голова и рога животнаго. Кругомъ стоялъ народъ, сдерживаемый полицейскими, которые кнутами отгоняли особенно нетерпѣливыхъ, какъ у насъ это дѣлается съ охотничьими собаками, ожидающими раздѣла затравленнаго ими оленя. На той же площади, по бокамъ помоста, были устроены два фонтана, въ видѣ сосудовъ, изъ которыхъ лилось вино и кислые щи (kincli-chi?) По сигналу, данному выстрѣломъ изъ пушки, всѣ стали готовиться, а по такому же сигналу полиція отступила и народъ бросился къ быку. Въ эту минуту, грубый русскій народъ показался мнѣ еще болѣе варварскимъ и дикимъ чѣмъ обыкновенно. Но мотивомъ его, въ данномъ случаѣ, было не одно только обжорство: всѣ стремились захватить рогатую голову животнаго, потому что принесшій ее во дворецъ долженъ былъ получить сто рублей за свою силу и ловкость. Но сколько же было конкурентовъ на этотъ призъ! Сотни людей бросались, толкали, мяли, топтали другъ друга, чтобъ отбить добычу, и въ концѣ концовъ до трехсотъ этихъ несчастныхъ растащили быка по кусочку, и сто рублей были раздѣлены между ними. Не люблю я, мой другъ, такихъ дикихъ и варварскихъ зрѣлищъ, въ которыхъ ярче всего выступаетъ самая отталкивающая жадность. Если характеръ народа отражается на его развлеченіяхъ, то по этому развлеченію русскаго народа нельзя высказать хорошаго мнѣнія о его характерѣ. Въ русскихъ обычаяхъ нѣтъ и слѣда древняго благородства. Наши древніе обычаи получили свое начало или изъ религіознаго культа галловъ, или изъ доблести древняго Рима, или изъ насильническаго, но красиваго рыцарства нашихъ отцовъ. Я люблю, я уважаю даже эти странные обычаи, къ которымъ

просвѣщенныя страны все-таки чувствуютъ нѣкоторую привязанность. Кто-нибудь скажетъ, пожалуй, что это тоже остатки варварства, но эти остатки прикрываютъ собою великія, исчезнувшія добродѣтели и потому заслуживаютъ почитанія. Правда, что русскій народъ не имѣлъ счастья внѣдриться въ другой, болѣе цивилизованный, какъ мы, французы. Онъ росъ отъ всѣхъ въ сторонѣ, вполнѣ самобытно. Онъ не вышелъ, подобно намъ, изъ своихъ скалъ и лѣсовъ для того, чтобы сѣсть на готовую уже цивилизацію. Ростъ и побѣды его совершались только на счетъ ближайшихъ сосѣдей, такихъ же дикихъ, какъ онъ самъ, и только длиннымъ путемъ постепеннаго прогресса можетъ онъ дойти до желанной цѣли. Они, римляне, находясь въ такомъ же положеніи, то есть возростая самобытно, въ странѣ, до нихъ никѣмъ ни занимаемой, успѣли быстро цивилизоватся, и этой цивилизаціей они всецѣло обязаны своему энергичному и мудрому правительству. Они рано познали свободу и свои естественныя права, рано сдѣлались способными поддерживать то и другое.

Пробывъ нѣсколько минутъ при Дворѣ, я отправился къ Голицинымъ, гдѣ встрѣтилъ Матюшкину, которая мнѣ горько жаловалась на своего возлюбленнаго, оставляющаго ее, несмотря на то, что она теперь любитъ его больше чѣмъ прежде. Она настаиваетъ, чтобы я похлопоталъ за нее, такъ какъ не можетъ жить безъ Голицина съ тѣхъ поръ какъ онъ ее бросилъ. О женщины, женщины! Какъ непостоянно ваше сердце! Неужели нужно обманывать васъ, чтобы упрочить за собою вашу любовь?

Ужинать я отправился къ Головинымъ. Нелединская отвела меня къ сторонкѣ, чтобы поговорить о Матюшкиной, о Трубецкой, о гр. Андреѣ и о самой себѣ. Затѣмъ она стала плакать, чѣмъ поставила меня въ неловкое положеніе. Потомъ сказала, что хранитъ у себя въ шкатулкѣ доказательство измѣны гр. Андрея. Должно быть, какая-нибудь женщина прислала ей письмо послѣдняго. Такъ какъ Нелединская сказала, что никто объ этомъ не знаетъ, то и я не сталъ просить дальнѣйшихъ объясненій. По правдѣ сказать, мой другъ, эта женщина гораздо интереснѣе, чѣмъ думаютъ, и дружба ея мнѣ очень льститъ. Но прощай, прощай, мой добрый другъ!

Пятница, 11.—Къ брату.

Сегодня я былъ приглашенъ къ обѣду Спиридовыми. Было много народа, плохой обѣдъ и мало занимательнаго. Но Спиридовы хорошіе люди, и въ ихъ обществѣ всегда хорошо себя чувствуешь. Послѣ обѣда я хотѣлъ ѣхать съ визитами, но меня удержали для того, чтобы ѣхать смотрѣть китайскія тѣни. Я когда-то видалъ ихъ въ Парижѣ, и теперь онѣ мнѣ напомнили родину. Какъ бы ни были хороши путешествія, а все-таки мнѣ часто вспоминается стихъ Бэллуа:

«Чѣмъ болѣе смотрю на иностранцевъ,
Тѣмъ сильнѣе люблю родину».

Послѣ этого маленькаго спектакля, надо было вернуться къ Спиридовымъ, чтобы завезти мальчика, ихъ сына, ѣздившаго со мною. Это совсѣмъ ужъ разстроило мои предположенія. Заѣхавъ на полчаса къ консулу, я вернулся домой, гдѣ и ужиналъ у маркиза. Ужинъ этотъ былъ настолько веселъ, насколько могъ быть въ такомъ обществѣ. Занимались музыкой, что мнѣ не особенно понравилось, но за ужиномъ я сѣлъ рядомъ съ Брюлемъ и мы поговорили. Великій князь видимо къ нему милостивъ. Сегодня утромъ онъ говорилъ съ нимъ о дѣлахъ и приглашалъ къ себѣ на службу. Брюль не скрылъ отъ него двухъ неудобствъ, которыя онъ вполнѣ основательно видитъ въ этой службѣ. Во-первыхъ, законъ Петра Великаго, по которому, всякій иностранецъ, желающій служить въ Россіи, понижается на одну степень въ чинѣ; во-вторыхъ, громадныя разстоянія, которыя приходится проѣзжать во время командировокъ. Съ первымъ неудобствомъ великій князь согласился, а что касается второго, то сказалъ, что Брюлю ѣздить не придется, потому что онъ желаетъ оставить его при себѣ. Все это очень лестно, но можно ли довѣриться человѣку безхарактерному, сегодня отказывающемуся отъ того, что онъ говорилъ вчера? Горячая дружба великаго князя къ Разумовскому, такъ внезапно измѣнившаяся, должна служить урокомъ для

каждаго, вступающаго на тотъ же путь. Говорятъ, что Разумовскій обманулъ его, связавшись съ покойной великой княгиней, но правда ли это? Мнѣ, дѣйствительно, разсказывали, что въ Москвѣ, садясь на лошадь, великій князь сказалъ кн. Гагарину: «Побудьте съ великой княгиней и не оставляйте ее». Такое же приказаніе онъ отдалъ и бар. Николаи, а потомъ оба, придя къ великой княгинѣ, застали ее наединѣ съ Разумовскимъ. Она попробовала отъ нихъ отдѣлаться, но когда они заявили, что исполняютъ приказаніе его высочества, то она отошла съ Разумовскимъ къ окну, и тамъ разговаривала съ нимъ потихоньку. Гагаринъ и Николаи, изъ скромности, вышли въ другую комнату. Вскорѣ вернулся великій князь, и, найдя свою жену наединѣ съ Разумовскимъ, спросилъ у Гагарина, почему тотъ не исполнилъ его приказанія. А когда Гагаринъ разсказалъ, какъ было дѣло, то великій князь замѣтилъ: «Надо было оставаться, какъ я васъ просилъ; у меня есть на это свои причины». Но что же все это доказываетъ? Что великій князь подозрителенъ, но это у него въ характерѣ. Я положительно не знаю, было ли что-нибудь между великой княгиней и Разумовскимъ. Да, она обладала достаточнымъ вліяніемъ на мужа, чтобы заставить его подчиниться своей волѣ. Говорятъ, что она знала о намѣреніи мужа произвести революцію, и пользовалась этимъ какъ средствомъ держать его въ рукахъ. Она сама имѣла такое намѣреніе, и конечно была бы въ состояніи его выполнить, но только никакъ ужъ не въ пользу мужа, а въ свою собственную. Принцъ Вальдекъ говорилъ принцу Ангальту про великую княгиню: «Если ужъ эта не сдѣлаетъ революціи, то никто ее не сдѣлаетъ».

Суббота, 12.—Къ брату.

Можетъ быть я ошибаюсь, мой другъ, но я недоволенъ своими кистями. Я хочу рисовать людей, а подлинныя-то ихъ физіономіи отъ меня ускользаютъ. Вмѣсто того, чтобы схватить общее, а потомъ отдѣлывать подробности, я привязываюсь къ одной какой-нибудь чертѣ, особенно мнѣ понравившейся, а на остальныя не обращаю вниманія. Я бы долженъ былъ относиться къ моимъ замѣткамъ какъ политикъ и философъ, а отношусь какъ наблюдатель и чувствующій человѣкъ. Просматривая иногда написанную мною страничку, я упрекаю себя или за сухость газетчика, или за эпикуреизмъ эгоиста. Кромѣ того, я слишкомъ рѣдко себя провѣряю и слишкомъ мало трачу времени на такую провѣрку. Но какое мнѣ до этого дѣло? Буду продолжать какъ началъ, не стѣсняясь.

Провелъ часа два у Голицина. Толковали о разныхъ разностяхъ, между прочимъ, о Домашневѣ. Онъ сынъ писателя, а не кучера; кучеромъ-то былъ его дѣдъ. Но отъ кого бы онъ ни происходилъ, а все-таки, по словамъ Голицина, онъ человѣкъ умный и знающій, даже недурной поэтъ (на русскомъ языкѣ). Вечеръ кончилъ у Бемеровъ.

Воскресенье, 13.—Къ брату.

Ничего интереснаго, мой другъ. Утромъ, по обыкновенію, былъ куртагъ. Великая княгиня много говорила, но ничего достопримѣчательнаго не сказала. Я считаю ее ограниченной, но старающейся преуспѣть.

Понедѣльникъ, 14.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, Леруа доставилъ мнѣ свой трудъ о доходахъ Россійской Имперіи, которые достигаютъ 30.470,707 рублей. Я ему теперь поручилъ изучить расходы и такимъ образомъ мы пройдемъ черезъ все, что хотимъ знать.

Обѣдалъ у Щербатовыхъ и видѣлъ ихъ дочь, Спиридову, которая нездорова. Читали разныя пьесы. Мать ея ужинала у великаго князя и возвратясь говорила, что теперешняя великая княгина не похожа на прежнюю, да и вообще искренніе люди далеко не такъ ее хвалятъ.

Вторникъ, 15.—Къ брату.

Обѣдалъ по-англійски, у англиканскаго священника Таута (Taught), на Галерной (Galernhof). Это оказалось не особенно весело. Визитъ къ Вельдену былъ болѣе занимателенъ; Шамбрелина мила попрежнему. До самаго маскарада,

то есть до семи часовъ, просидѣлъ у Бемеровъ. На маскарадѣ цѣлыхъ два часа проходилъ и протанцовалъ съ Юрасовой, которая никакъ не хотѣла отъ меня отвязаться. Она, впрочемъ, была хорошо одѣта и казалась очень хорошенькой; всѣ у меня спрашивали, кто это такая. Въ концѣ бала встрѣтилъ Шарлотту и Шамбрелину, съ которыми и прохаживался. Это мнѣ помѣшало поговорить со многими людьми, что было очень досадно. Въ полночь уѣхалъ къ Бемерамъ пить чай, а потомъ вернулся домой и легъ спать.

Среда, 16.—Къ брату.

Ахъ, мой другъ, любовь, источникъ наслажденій, является также источникомъ горестей! Во всѣхъ возрастахъ нужно ее оберегаться. Комбсъ, какъ ты знаешь, влюбился здѣсь въ дочь актера Дюгэ. Этой двадцати или двадцатидвухлѣтней дѣвушкѣ онъ также понравился самымъ прочнымъ образомъ, такъ какъ она вполнѣ искренна и благоразумна. Началась переписка, все шло какъ слѣдуетъ, и вдругъ одна нескромная подруга открыла тайну любовниковъ отцу. Скандалъ! Отецъ рветъ и мечетъ, дѣвица признается, во всемъ обвиняя Комбса, такъ какъ онъ обѣщалъ жениться. Сегодня утромъ я велъ переговоры съ Дюгэ, который ничего не хочетъ слышать, и требуетъ отъ Комбса, чтобы онъ или не смѣлъ показываться или женился, доказавъ, что можетъ имѣть тысячу экю дохода. Боюсь, какъ бы не узнали къ какой религіи принадлежитъ Комбсъ, такъ какъ молодая дѣвушка вполнѣ раздѣляетъ взгляды отца. Какъ бы то ни было, нашъ Корнишовъ очень огорченъ этой катастрофой. Не знаю, что будетъ дальше, какъ повернется дѣло.

Видѣлъ княжну Трубецкую; разговаривали попрежнему, только я ввернулъ нѣсколько колкостей, весьма удачныхъ.

Англія прислала, говорятъ, Императрицѣ просьбу о помощи противъ Американскихъ колоній, но просьба эта принята неблагосклонно.

Четвергъ, 17.—Къ брату.

Утромъ, въ теченіе получаса, занимался англійскимъ языкомъ съ Перро, а затѣмъ говорилъ съ нимъ о Небри (Neubry). Онъ страшно влюбленъ въ эту дѣвицу, что очень жаль, такъ какъ она его обманываетъ и непремѣнно заставитъ сдѣлать какую-нибудь глупость. Она пользуется плохой репутаціей въ городѣ. Будучи учительницей у какого-то русскаго, она состояла съ нимъ въ связи. Домашневъ тоже пользовался ея благосклонностью — она ходила къ нему на свиданія по утрамъ. А Перро, вотъ уже годъ, какъ въ нее влюбленъ; разъ пять онъ собирался порвать съ нею, въ виду ея невозможнаго поведенія. Эта Небри очень странная дѣвушка; она обладаетъ живой душою, романической головой, тонкимъ умомъ и испорченнымъ сердцемъ. Порочныя наклонности и безпорядочное поведеніе заставляютъ ее искать себѣ ширмы, въ лицѣ мужа. Она хочетъ женить на себѣ Перро, но онъ старается избѣжать этой участи, и даже разъ, въ минуту ревности, сказалъ ей: «Вы будете днемъ — м-мъ Перро, а ночью — м-мъ Домашнева». Бардановичъ тоже чуть было на ней не женился, но, къ счастію, успѣлъ отдѣлаться. Я боюсь, что Перро этого не удастся. Говорятъ, что она рѣшилась отмстить за вышеприведенную фразу, осуществивъ ее. Перро это знаетъ, убѣжденъ, что она его не любитъ, и все-таки не въ состояніи уйти отъ нея. Каролина приходитъ отъ этого въ отчаяніе, но она не умѣетъ взяться за Перро; попробую помочь ей. Я ему говорилъ сегодня о дурномъ поведеніи Небри, онъ соглашается, но считаетъ возможнымъ передѣлать ее. Желаніе удостовѣриться въ ея продѣлкахъ побудило его захватить письма, которыя Небри запираетъ въ своемъ столѣ, но онъ въ нихъ ничего особеннаго не нашелъ. Что же это доказываетъ? Только то, что она очень ловка.

Пятница, 18.—Къ брату.

День маскарада, мой другъ, и многихъ происшествій. Обѣдалъ я у Нелединской, гдѣ назначилъ свиданіе Кошелеву. Юрасова сильно покраснѣла, когда я вошелъ, потому что передъ этимъ много шутила насчетъ ея отношеній ко мнѣ. За столомъ мы много смѣялись и шутили надъ Нелединской, по поводу ухаживаній за

нею кн. Репнина. Она защищалась, но очень слабо. Репнинъ, въ самомъ дѣлѣ, большой поклонникъ женщинъ, съ которыми обращается по-французски, то есть довольно легко, но къ этой легкости онъ прибавляетъ еще величавость вельможи. Это придаетъ его ухаживанью скорѣе оттѣнокъ небрежности богатаго человѣка, непривыкшаго къ отказамъ, чѣмъ оттѣнокъ искренняго чувства. А кромѣ того онъ еще, говорятъ, и смѣется надъ Нелединской, повсюду разсказывая, что она лишена здраваго смысла. Ко всему этому надо прибавить, что Репнину 42 года, а на видъ и всѣхъ 50, и что онъ отчаянный игрокъ. Разсказываютъ, что недавно, будучи у кн. Барятинской, за которой тоже ухаживаетъ, онъ горько жаловался на затруднительное положеніе. Эти жалобы произвели эффектъ — княгиня сдѣлалась нѣжнѣе, что ободрило ухаживателя и онъ сталъ настойчивѣе. Но въ концѣ концовъ Барятинской это надоѣло, что она и не замедлила показать Репнину. Тогда онъ вскочилъ и ушелъ, сказавъ на прощанье: «Вижу, что надо уходить; ничего не добьешься».

Я разсказалъ это Нелединской, которая отвѣчала, что все давно знаетъ.—И это васъ не пугаетъ? — спросилъ я.— Всѣ вы матеріалисты въ любви, — отвѣчала она, смѣясь и показывая мнѣ до самаго колѣна свою хорошенькую ножку, которую горничная обувала въ это время. — Согласитесь, однако-же, что безъ нѣкоторой дозы матеріализма нельзя обойтись,—сказалъ я, собираясь уходить. Но Нелединская задержала меня, чтобы показать письма гр. Андрея, уличающія его въ измѣнѣ. Оказывается, что они писаны къ Матюшкиной. Такое довѣріе очень мнѣ польстило, мой другъ, но я имъ злоупотреблять не буду и никакой выгоды изъ него не извлеку.

На балъ я пріѣхалъ въ половинѣ девятаго и, не намѣреваясь танцовать, сталъ прохаживаться по залѣ. Молоденькая Спиридова, о которой я тебѣ еще не говорилъ, просила меня танцовать съ ней контрдансъ; я съ полчаса отнѣкивался, но потомъ согласился.

Этой молодой особѣ всего четырнадцать лѣтъ, но она сложена какъ восемнадцатилѣтняя и притомъ очень граціозна. Очень похожа на покойную Великую Княгиню, только помолодѣвшую и съ болѣе нѣжными глазами. Съ нѣкотораго времени я за ней, въ шутку, ухаживаю, что заставляетъ ее подтягиваться и очень краситъ. Желаніе нравиться вообще придаетъ лоскъ женщинамъ! Не знаю ужъ воспоминаніе ли объ одномъ нашемъ коротенькомъ разговорѣ, въ домѣ ея родителей, или о той встрѣчѣ, при которой я поцѣловалъ ея руку, придало особое выраженіе моему взгляду и особый оттѣнокъ моимъ манерамъ, но только этотъ взглядъ и эти манеры были замѣчены. И кѣмъ же, какъ ты думаешь? Шарлоттой, которая, въ костюмѣ летучей мыши, все время за мной слѣдила! Я наконецъ узналъ ее, хотѣлъ догнать, но толпа помѣшала, а тѣмъ временемъ ко мнѣ пристала Юрасова. Эта сумасбродка все время называла меня душенькой, жизненькой (douchnica, gisninka) и заставила танцовать съ нею. Шарлотта все это видѣла и, при встрѣчѣ, бросила мнѣ нѣсколько презрительныхъ словъ. Отдѣлавшись отъ Юрасовой, я побѣжалъ къ Шарлоттѣ. Встрѣтили меня очень сурово и Каролина шепнула мнѣ, что очень сердятся. Тщетно предлагалъ я свою руку—ее не приняли; захотѣли тотчасъ же уѣхать, чтобы не мѣшать мнѣ. И вѣдь дѣйствительно уѣхали! А я остался, досадуя, что огорчилъ того, кого люблю, но наслаждаясь этимъ огорченіемъ, какъ доказательствомъ любви. Вотъ такимъ то образомъ, мой другъ, провелъ я время на балу; вернулся домой въ три часа и не могъ заснуть до четырехъ.

Суббота, 19.—Къ брату.

Вчера на балу, я обѣщалъ Спиридовымъ пріѣхать къ нимъ обѣдать, что и сдѣлалъ. Г-жа Спиридова шутила надъ моей задумчивостью; она полагаетъ, что я влюбленъ въ жену ея брата. Отъ Спиридовыхъ поѣхалъ къ Нелединской, у которой пробылъ съ часъ. Дугни сказала, что мнѣ должно быть очень нравятся маскарады, и что Юрасова чрезвычайно мила. Я отшучивался, такъ какъ всегда этимъ выигрываю и пріобрѣтаю друзей, которые мнѣ могутъ быть очень полезны даже въ сердечныхъ дѣлахъ.

Воскресенье, 20.—Къ брату.

Гатье, говорятъ, успѣлъ спасти отъ огня самыя цѣнныя вещи, а пожаръ дома послужилъ ему, пожалуй, на пользу. Дѣло въ томъ, что у него много долговъ, которые онъ не можетъ уплатить въ срокъ. Теперь уплата будетъ отложена, и можетъ быть и Великій Князь что-нибудь для него сдѣлаетъ.

Я справился о несчастномъ Паскье, который покушался на свою жизнь. Этотъ мягкій и простодушный человѣкъ съ нѣкотораго времени впалъ въ меланхолію, причинъ которой никто не знаетъ. Четыре дня передъ попыткой на самоубійство онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, хотя его къ этому принуждали и совѣтовали пустить себѣ кровь. Въ виду того, однакоже, что у него разлилась желчь, докторъ прописалъ ему лекарство. Молодая женщина, живущая у Балле, утромъ хотѣла дать ему это лѣкарство, но Паскье отказывался и наконецъ выбросилъ его, и женщина ушла. Черезъ нѣсколько времени, услыхали въ комнатѣ больного шумъ, который приняли за рвоту, но, войдя въ эту комнату, увидали Паскье около кровати, плавающимъ въ своей крови. Онъ два раза черкнулъ себя бритвой по горлу, причемъ въ первый разъ только оцарапался, а во второй нанесъ себѣ огромную рану, черезъ которую потерялъ много крови. Вскорѣ его перевязали, причемъ онъ пришелъ въ себя и очень раскаивался въ своемъ поступкѣ.

У маркиза былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ принцъ де-Шимэ*) (Chimay), только вчера прибывшій. Не знаю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, но останется здѣсь нѣсколько времени и будетъ жить у маркиза.

Понедѣльникъ, 21.—Къ брату.

Сегодня мы опять обѣдали въ нашемъ маленькомъ обществѣ съ принцемъ Шимэ. Это—высокій, сухой, серьезный человѣкъ, похожій на духовную особу. Да онъ и дѣйствительно былъ духовнымъ и довольно поздно вышелъ, чтобы поступить на военную службу. Потому-то онъ, въ 40 лѣтъ слишкомъ, только въ полковничьемъ чинѣ. Его длинная фигура украшена лентой ордена св. Гумберта, которая дается только принцамъ крови. Онъ принадлежитъ къ древней фландрской фамиліи Боссю. Объ умѣ его ничего тебѣ не могу сказать; онъ очень выбираетъ выраженія и потому кажется претенціознымъ, а я этого не люблю. Должно быть онъ получилъ такую отдѣлку въ домѣ м-мъ Жоффренъ, у которой, какъ говорятъ, часто бывалъ.

Несчастный Паскье умеръ сегодня въ 9 часовъ. Къ самоубійству его побудило разстройство дѣлъ. Говорятъ онъ былъ банкротомъ, причемъ погубилъ очень многихъ, вознаградить ихъ ничѣмъ не могъ, мученія совѣсти довели его до меланхоліи, а послѣдняя—до самоубійства.

Вторникъ, 22.—Къ брату.

Интрига кн. Репнина съ Нелединской надѣлала шума. Близость между ними установилась и всѣ удивляются выбору молодой женщины. Одни говорятъ, что ее ослѣпило высокое положеніе Репнина, а другіе—что она просто хотѣла отбить его у Барятинской, которая охотно бы сдѣлалась его любовницей. А я думаю, что это иллюзія со стороны Нелединской: необходимость любить, вмѣстѣ съ ухаживаніемъ князя, возбудили въ ней нѣкоторую склонность къ нему, которая долго не продержится. Я ей это говорилъ сегодня, пока она дѣлала свой туалетъ и получилъ отвѣтъ очень дружескій. Пріѣхалъ я къ ней, чтобы возвратить два письма гр. Андрея къ Матюшкиной. Въ этихъ письмахъ, съ которыхъ я снялъ копіи, выражается самая страстная любовь, что и огорчило Нелединскую до глубины души. Андрей даже не скрывалъ передъ нею своей любви къ Матюшкиной, но послѣдняя, должно быть, ему не отвѣчала, такъ какъ рѣшилась отдать его письма Нелединской. Этого я понять не могу. Или гр. Андрей былъ очень неловокъ, или онъ преднамѣренно желалъ огорчить женщину, которая его любила. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ заслуживаетъ осужденія.

*) Филиппъ-Габріэль - Морисъ - Жозефъ д'Эльзасъ,- Эненъ-Льетаръ, принцъ Шимэ, испанскій грандъ 1-го класса, зять герцога Фицъ-д'Жемса,

Опять начали говорить о женитьбѣ кн. Орлова на Зиновьевой, которая беременна. Такъ какъ она родня князю, и самъ Синодъ не можетъ разрѣшить брака между родственниками, то говорятъ будто бы князь представитъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что Зиновьева не дочь своего отца и своей матери. «Nihil mortalibus arduum est», какъ справедливо сказалъ Горацій.

Это внесетъ нѣкоторыя измѣненія въ склонности императрицы.

Ужиналъ у Головиныхъ, и мы съ Нелединской опять разговаривали о томъ же, о чемъ и утромъ. Я ей совѣтовалъ не очень афишировать свое сближеніе съ Репнинымъ, и она со мной вполнѣ согласилась. Она проситъ у меня совѣта по всѣмъ своимъ дѣламъ, а между тѣмъ это ее видимо огорчаетъ. Въ половинѣ перваго мы вмѣстѣ вышли отъ ея родителей, и я, въ ея каретѣ, проводилъ ее домой, причемъ, поднимаясь на лѣстницу, сказалъ: «вы печальны, матушка (matouchka), и я боюсь быть причиной вашей печали»—«А зачѣмъ же вы постоянно волнуете и огорчаете меня?»—отвѣчала она.—«Въ душѣ моей идетъ борьба: мысли путаются, смѣшиваются, и я никакъ не могу сказать вамъ всего, что думаю».

Среда, 23.—Къ брату.

Пообѣдавъ у Спиридовыхъ, я заѣхалъ на часокъ къ Нелединской и засталъ у нея Репнина, а я знаю, что онъ былъ и утромъ. Дѣла подвигаются быстро; Нелединская точно разочарована, представленія друзей на нее не дѣйствуютъ. А друзья ея находятъ эту интригу смѣшною, и всѣ вмѣстѣ возстали противъ князя, котораго въ домѣ никто терпѣть не можетъ. Молодой Нелединскій, который видѣлъ его въ Константинополѣ, говоритъ, что онъ высокомѣренъ и наглъ. Вообще никто его не любитъ.

Я узналъ, мой другъ, одну новость, которая очень меня удивила. Говорятъ, императрица косится на Брюля за его прежнюю близость къ Разумовскимъ, которой даже и не было. Они никогда не были друзьями, потому что гр. Андрей завидовалъ искусству Брюля играть на скрипкѣ и ревновалъ его къ великому князю, а Брюль вообще былъ недоволенъ Разумовскимъ. Говорятъ еще, что Бемеры очень жалѣютъ о гр. Андреѣ и хорошо относятся къ Брюлю именно во имя общей привязанности къ изгнаннику. Я не понимаю, кто могъ сочинить такую исторію! Разумовскій даже никогда не бывалъ у Бемеровъ, которые знали его только по моимъ, а можетъ-быть еще чьимъ-нибудь разсказамъ. А Брюль у Бемеровъ бываетъ очень рѣдко. Такъ что вся эта исторія неосновательна и невѣроятна. Къ несчастію, здѣсь много сочиняютъ такихъ исторій. Императрица Екатерина II, подобно покойному королю Людовику XV, очень любитъ слушать всякія сплетни и анекдоты. Она знаетъ обо всѣхъ любовныхъ интригахъ въ городѣ, для чего, говорятъ, на почтѣ ей дѣлаютъ выписки изъ частныхъ писемъ. Въ прошлую пятницу, во время спектакля, когда я разговаривалъ съ Трубецкою и Бемерами, я замѣтилъ, что императрица пристально на меня смотритъ. Шарлотта тоже это замѣтила.

Не знаю, упоминалъ ли я тебѣ объ одной исторіи, которую мнѣ передали нѣсколько дней тому назадъ, и которая окончилась только вчера. Вотъ въ чемъ дѣло:

Великій князь — шефъ кирасирскаго полка, которымъ командуетъ полковникъ Паткуль, ливонецъ, изъ рода тѣхъ Паткулей, о которыхъ говорится въ «Исторіи Карла XII». Въ числѣ подчиненныхъ этого жестокаго и несправедливаго, какъ говорятъ, полковника находился майоръ Готцъ или Котцъ (Hotz ou Cotz), швейцарецъ по происхожденію, храбрый молодой человѣкъ и хорошій офицеръ. Разными кривыми путями Паткуль ухитрился выжить его изъ полка, вслѣдствіе чего, майоръ, по праву всякаго порядочнаго человѣка и по законамъ чести, рѣшился отмстить за себя. Паткуль былъ при полку и долженъ былъ вернуться вчера; Котцъ его ждетъ, а въ ожиданіи весело и съ аппетитомъ обѣдаетъ, какъ прилично храброму человѣку. Ему доносятъ о прибытіи Паткуля; онъ летитъ на квартиру послѣдняго, а тамъ уже ждутъ его заранѣе подговоренные офицеры: баронъ Шинкенъ, подполковникъ того же полка, майоръ Перре, изъ кадетскаго корпуса. Вмѣстѣ съ ними вхо-

дитъ онъ къ Паткулю и говоритъ ему: «Я пришелъ не для того, чтобы поздравить васъ съ пріѣздомъ, а для того, чтобы просить удовлетворенія за тѣ недостойныя порядочнаго человѣка средства, при помощи которыхъ вы заставили меня выйти изъ полка». Прижатый къ стѣнѣ, Паткуль отвѣчаетъ, что никакого удовлетворенія давать не намѣренъ, и рекомендуетъ обратиться къ суду. Котцъ настаиваетъ; Паткуль отказывается. Тогда Котцъ говоритъ ему: «Такъ какъ вы отказываете мнѣ въ удовлетвореніи, то я заявляю, что вы негодяй, и всякій разъ, какъ васъ встрѣчу, буду говорить вамъ это, и бить васъ палкой!..» и проч. и проч. въ такомъ же родѣ. Паткуль, вмѣсто всякаго отвѣта, дѣлаетъ шагъ назадъ, схватываетъ пистолетъ и цѣлится въ Котца. Послѣдній, не отступая, вынимаетъ шпагу и бросается на Паткуля. Шинкенъ и Перре схватываютъ ихъ, обезоруживаютъ и совѣтуютъ Котцу уйти. Разъяренный Паткуль приказываетъ часовымъ стрѣлять, но Шинкенъ запрещаетъ имъ это и уводитъ Котца съ собою.

Оставшись наединѣ съ Паткулемъ, Перре совѣтуетъ ему принять вызовъ Котца; «это порядочный человѣкъ,—говоритъ онъ, — которому вы не можете отказать въ удовлетвореніи». Паткуль вновь отказывается и требуетъ, чтобы Перре былъ свидѣтелемъ, что Котцъ приходилъ его убить. «Нѣтъ, этого не было,—отвѣчаетъ Перре.—Я скажу то, что видѣлъ, и повторю тѣ слова, которыя слышалъ».—«Если я не дерусь съ майоромъ Котцемъ,—говоритъ Паткуль,—такъ покажу другимъ, что умѣю драться». Говорятъ, что эти слова относятся къ Шинкену. Котцъ вернулся отъ Паткуля во дворецъ, а я, выходя оттуда, услышалъ всю исторію отъ Перро, которому разсказалъ ее Перре. Кстати, фамилія Шинкенъ (Schinken) пишется Шанксъ (S h a n k s).

Четвергъ, 24.—Къ брату.

Все утро, дорогой братъ, я занимался своимъ дневникомъ, который беретъ у меня довольно много времени, хотя и пишется исподволь. Я жалѣлъ бы объ этомъ времени, если бы меня не утѣшала мысль, что въ будущемъ дневникъ мой доставитъ намъ обоимъ много удовольствія. Когда-нибудь я прочту его въ семейномъ кружкѣ, тебѣ и твоей женѣ. Вы узнаете всю мою жизнь, переживете со мною всѣ мои мысли и чувства.

Говорилъ со Щербатовымъ о кн. Репнинѣ, котораго, мнѣ кажется, никто не любитъ. Это человѣкъ возмутительно высокомѣрный, съ невозможными претензіями и безъ всякихъ талантовъ, которыми бы эти претензіи оправдывались. Обладая довольно живымъ, но поверхностнымъ умомъ, онъ нравится женщинамъ, но зато и подчиняется имъ всецѣло; удовольствіе есть единственный мотивъ всѣхъ его поступковъ. Работой его въ Польшѣ здѣсь всѣ недовольны, такъ какъ онъ только запуталъ дѣла къ невыгодѣ Россіи. Онъ былъ влюбленъ въ жену Адама Чарторыжскаго *), самаго страшнаго врага русскихъ. Подчинившись этой женщинѣ, онъ, говорятъ, заплатилъ ей за ночь покровительствомъ Барской конфедераціи, вопреки интересамъ своего двора. Эта крупная ошибка произвела здѣсь такое дурное впечатлѣніе, что возникалъ вопросъ, не отозвать ли Репнина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ сошелъ съ ума. Связи его въ высшемъ обществѣ обусловили, однако же, иное рѣшеніе этого вопроса. Репнинъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и поэтому долженъ былъ вернуться въ Петербургъ. Увѣряютъ, что Императрица его не любитъ. А между тѣмъ, мой другъ, послѣ всѣхъ его неловкостей и ошибокъ, послѣ невольной поѣздки за границу (въ Парижъ, при Чарторыжской), онъ ухитрился во время войны съ турками прибыть въ армію и сдѣлаться тамъ необходимымъ при заключеніи мира **), а потомъ былъ сдѣланъ посланникомъ въ Константинополѣ. Ты видишь, мой другъ, что и здѣсь, какъ повсюду, великіе таланты не пробиваютъ себѣ дороги, а ловкость, нахальство, интрига всегда добьются, чего хотятъ.

---

*) Изабеллу, урожденную Флеммингъ, которая потомъ была любовницей герцога Лозена.

*) Кучукъ-Кайнарджійскаго, договоръ котораго подписанъ Репнинымъ.

Пятница, 25.—Къ брату.

При дворѣ было торжество по поводу дня рожденія великой княгини.

Дѣло Котца принимаетъ неблагопріятный оборотъ. Противъ него вооружили великаго князя, и можно думать, что онъ будетъ наказанъ. Паткуль показалъ, что былъ въ халатѣ, когда Котцъ пришелъ требовать отъ него удовлетворенія, что онъ первый обнажилъ шпагу и что свидѣтельства Шанкса и Перре ничего не стоютъ, такъ какъ эти господа—друзья Котца и враги Паткуля.

Обѣдалъ у адмирала Спиридова. При дворѣ былъ балъ, на которомъ я много танцовалъ. Ужиналъ у Головиныхъ. Была тамъ княжна Трубецкая съ теткой своей Барятинской. Я говорилъ съ ней, стоя сзади ея стула, что теткѣ должно быть не понравилось, такъ какъ она сказала, что не видитъ меня изъ-за перьевъ на головѣ своей племянницы, и пересѣла на кресло, стоявшее рядомъ съ послѣднею. Затѣмъ я велъ Трубецкую къ ужину и хотѣлъ сѣсть слѣва отъ нея, но ее пересадили, подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ двери дуетъ. Особенно забавно то, что она дала мнѣ подержать свой вѣеръ, а сама взяла другой — вѣроятно у сосѣдки—и когда я послѣ ужина сказалъ ей, что ея вѣеръ у меня въ карманѣ, то она, смотря на тотъ, который былъ у нея въ рукѣ, сказала: «да, вѣдь, и этотъ очень милъ». Эти маленькія сценки очень забавны, мой другъ, и женское кокетство чрезвычайно пріятно, когда мы не бываемъ имъ обмануты! Но гдѣ же такіе мудрецы, которыхъ нельзя бы было поймать на эту удочку? Я такихъ не знаю.

Суббота, 26.—Къ брату.

Видѣли мы, наконецъ, знаменитый фейерверкъ, заканчивающій брачныя торжества. Онъ оказался далеко не такъ хорошъ, какъ я ожидалъ. Послѣдняя декорація была, впрочемъ, недурна; она представляла храмъ Гименея, горящій синими огнями, и продолжалась 6—7 минутъ. Весь фейерверкъ тянулся минутъ 25 и стоилъ 6000 р., т. е. около 30000 фр. Я сидѣлъ рядомъ съ Дерперомъ, секретаремъ Митавской ложи строгаго наблюденія, и мы о многомъ переговорили.

Воскресенье, 27.—Къ брату.

Сегодня состоялся обыкновенный куртагъ, на которомъ я не былъ. Теперь ихъ, кажется, нѣсколько недѣль не будетъ, такъ какъ Императрица ѣдетъ въ Царское Село, гдѣ, говорятъ, долженъ объявиться новый фаворитъ.

Пюисегюръ долженъ немедленно ѣхать. Онъ хотѣлъ сегодня же откланяться Императрицѣ, но Остерманъ съ кислой миной заявилъ, что это невозможно, такъ какъ Императрица не предупреждена. А настоящая-то причина состоитъ въ томъ, что вице-канцлеръ желалъ бы, чтобы ходатайство объ аудіенціи дошло до него черезъ маркиза. Это жалкая мелочность, другъ мой, но въ такой мелочной странѣ нельзя и ожидать ничего другого.

Былъ на Васильевскомъ островѣ у Зиновьевой, а ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ встрѣтилъ Котца. Дѣла его дѣйствительно плохи—великій князь покровительствуетъ Паткулю и подарилъ ему на дняхъ золотую табакерку.

Понедѣльникъ, 24.—Къ брату.

Говорятъ, будто всѣ науки, искусства и таланты соединились въ Петербургѣ, но говорятъ это только тѣ, которые видѣли Россію поверхностно, или судятъ о ней по словамъ Вальтера, да журналистовъ, состоящихъ на жалованьи у Екатерины II. Правда, что здѣсь много различныхъ учрежденій, еще больше громко высказываемыхъ предположеній на будущее, но вѣдь это только предположенія. Петербургъ—оглавленіе ненаписанной книги; онъ содержитъ въ себѣ заглавія несуществующихъ статей. Во Франціи вамъ говорятъ о петербургской Академіи Художествъ; но пріѣзжайте въ Петербургъ и посмотрите, что такое называется этимъ именемъ. Я былъ и видѣлъ нѣчто въ высшей степени жалкое. Понадѣлали академиковъ изъ людей, которые едва ли годились бы у насъ въ академію св. Луки. Но это еще не бѣда—надо же какъ-нибудь начать — а самое смѣшное это та накрахмаленная пышность, которою они обставляютъ свои пустяковыя начинанія. Секретарь академіи изъ силъ выбивался, чтобы произнести по-нѣмецки рѣчь, которая, одна-

кожъ, никакого впечатлѣнія не произвела; затѣмъ онъ прескверно прочелъ по-французски благодарственное письмо одной нашей провинціальной академіи, которой здѣшняя подарила коллекцію мѣстныхъ камней. Бецкій — великій человѣкъ на малыя дѣла—съ величественнымъ видомъ побѣдителя, раздающаго имперіи, роздалъ нѣсколько медалей. А въ заключеніе это ребяческое засѣданіе закончилось еще ребяческимъ балетомъ и комедіей, которыми насъ угостили. И какъ бы ты думалъ, мой другъ, кто игралъ въ комедіи и плясалъ въ балетѣ? Ученики, мой другъ, ученики! Не обладая талантами въ живописи, скульптурѣ и проч., они тратятъ время на изученіе танцевъ и ролей. Что же изъ этого выходитъ? Да то, что изъ нихъ не выходятъ ни художники, ни танцоры, ни актеры, а люди, ко всему одинаково мало пригодные.

Среда, 30. - Къ брату.

Здѣсь совершаются вещи, которыхъ во Франціи не увидишь или, по крайней мѣрѣ, которыя тамъ всѣхъ бы возмутили. И что всего непріятнѣе такъ это то, что отвѣтственность за нихъ падаетъ на нашу націю. Она такъ плохо здѣсь представлена! Сюда ѣдутъ только подонки нашего общества, а потому я и не удивляюсь результатамъ, къ которымъ это приводитъ. Еще надо отдать справедливость мягкости Екатерины II: законы здѣсь строги, и только доброта императрицы спасаетъ иностранцевъ.

Вчера, въ полночь, высланы отсюда за границу, въ кибиткѣ (kibick), м-мъ Шампаньало, ея мать и братъ. Вотъ ихъ исторія:

Шампаньало пріѣхала сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ кучеромъ гр. Петра Чернышова, возвращавшагося съ посольства. Этотъ кучеръ случайно утонулъ, сходя съ корабля, и вдова его, очень хорошенькая, вышла вторымъ бракомъ за нѣкоего Тульи. Вдовство ея было очень непродолжительно и не особенно тяжело. Говорятъ, она даже въ ту минуту, когда мужъ тонулъ, воскликнула: «ахъ бѣдный! Если бы можно было спасти хоть его часы!». Но ни часовъ, ни мужа не спасли. Черезъ нѣсколько лѣтъ, м-мъ Тульи опять овдовѣла, но вкуса къ замужней жизни не лишилась. Въ это время, нѣкій Шампаньало, бывшій ораторіанецъ (oratorien?), а тогда—офицеръ, котораго Комбсъ когда-то знавалъ за вздорнаго малаго, но потерялъ изъ виду, явился въ Россію и получилъ какое-то мѣсто у Захара Чернышова. Наскучивъ этимъ мѣстомъ, онъ пріѣзжаетъ въ Москву, женится на вдовѣ Тульи, и начинаетъ жить вольнымъ промысломъ—то ли прелестями своей жены, которыя она вынесла на рынокъ, то ли милостями жены совѣтника Банно, при которой онъ игралъ роль мужа. Въ прошломъ году, передъ нашимъ выѣздомъ изъ Москвы, этотъ господинъ, въ качествѣ француза, представился маркизу и мнѣ. Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ снялъ не то трактиръ, не то гостиницу. Весной онъ явился къ намъ за паспортомъ и черезъ нѣсколько недѣль по смерти великой княгини уѣхалъ. А надо замѣтить, что еще раньше, встрѣтивъ меня съ Комбсомъ у дверей своей квартиры, онъ попросилъ насъ зайти; пробыли мы у него съ четверть часа, но и въ это короткое время успѣли убѣдиться, что жена его—мошенница. По отъѣздѣ мужа, всякіе слухи объ этой четѣ замолкли. Но вотъ, въ одно изъ воскресеній, м-мъ Шампаньало является въ посольство къ обѣднѣ, и Сенъ-Поль приводитъ ее ко мнѣ; она разсыпается въ любезностяхъ и упрекахъ за то, что я у нея никогда не бываю. Я отвѣчаю обычными вѣжливостями, но дальше не иду. Въ августѣ вдругъ начинаютъ говорить о фальшивыхъ банковыхъ билетахъ, поддѣлываемыхъ въ Голландіи и ввозимыхъ сюда. Кн. Голицынъ, предупрежденный въ Гагѣ граверомъ, своевременно даетъ объ этомъ знать. Сначала это извѣстіе надѣлало большого шума, который потомъ заглохъ. Но вотъ, нѣсколько дней тому назадъ, капитанъ одного судна, пришедшаго изъ Любека, заявляетъ, что у него есть семь тюковъ, адресованныхъ въ Петербургъ, на имя м-мъ Шампаньало. Тюки эти вскрываютъ и находятъ въ нихъ, вмѣсто кружевъ, банковые билеты, въ родѣ тѣхъ, которые поддѣлывались въ Сибири нѣкимъ Пушкинымъ. Билеты изъ четырехъ тюковъ вынимаютъ, кладутъ туда старую газетную бумагу, и просятъ капитана доставить ихъ по адресу, что онъ

и дѣлаетъ. Въ квартирѣ Шампаньало онъ застаетъ нѣкоего негоціанта, Патингона, или что-то въ этомъ родѣ, который познакомившись съ нею у французскаго консула, наканунѣ обѣдалъ у нея вмѣстѣ съ послѣднимъ, захворалъ и остался ночевать. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Шампаньало заявляетъ капитану, что тюки принадлежатъ Патингону, и что онъ уплатитъ за ихъ провозъ по полученіи остальныхъ трехъ. А негоціанту она жалуется, что получила газетную бумагу вмѣсто кружевъ. Но путать ей пришлось не долго: въ тотъ же вечеръ она была арестована и приведена къ генералъ-прокурору Вяземскому, а черезъ день ей приказано собрать пожитки и выѣхать изъ Россіи, вмѣстѣ съ матерью и братомъ. Дамъ посадили въ карету, кавалера—въ кибитку, и отправили всѣхъ подъ конвоемъ въ Митаву. Многіе говорятъ, что имъ придется ѣхать подальше, но этому противорѣчитъ составъ конвоя: ихъ провожаютъ не линейные солдаты, а сенатскіе. Императрица простерла свою милость такъ далеко, что дала каждому изъ нихъ на дорогу по сто рублей.

Эта исторія надѣлала большого шума; говорятъ, что Шампаньало-мужъ тоже арестованъ въ Гамбургѣ или Варшавѣ. Къ несчастію, въ ея комнатѣ, во время ареста, былъ найденъ Сенъ-Поль, который съ ней спалъ. Подмѣчена также связь между ней и Пюисегюромъ. Все это даетъ поводъ зло острить надъ французами.

Заѣзжалъ на нѣсколько минутъ къ молодому Голицыну; говорили объ академіи художествъ, о пошлой комедіи, которую тамъ разыгрываютъ и о плохихъ успѣхахъ учениковъ. Нечему и удивляться, когда во главѣ ея стоитъ Бецкій, человѣкъ столь дюжинный! Великій князь тоже состоитъ тамъ членомъ, неукоснительно присутствуетъ на засѣданіяхъ, но скромно садится на стульчикъ, тогда какъ Бецкій возсѣдаетъ въ креслѣ.

Ужиналъ у Нелединской, вмѣстѣ съ Матюшкиной. Я ихъ засталъ лежащими на одной постели. Ужинъ прошелъ болѣе чѣмъ весело, въ самомъ дружескомъ тонѣ.

Четвергъ, 31.—Къ брату.

Сегодня былъ очень долгій и скучный обѣдъ у Нолькена; саксонскій посланникъ сообщилъ мнѣ, что О'Дюннъ ѣдетъ въ Константинополь, и что Порта думаетъ имѣть посольство въ Варшавѣ. Послѣ обѣда былъ у Панина и Спиридовой, которая беременна и плохо себя чувствуетъ. Она разсказывала объ обѣдѣ у великаго князя, на которомъ всѣ перепились. Я не удивлюсь, если будутъ говорить, что великій князь беретъ примѣръ съ Петра III. Нѣкоторые увѣряютъ, что у него очень весело, и Барятинская страшно сердится, что ее не приглашаютъ. Ты знаешь, мой другъ, что великій князь былъ въ нее сильно влюбленъ; поэтому-то ее и не приглашали при покойной великой княгинѣ. Должно быть и теперь не приглашаютъ по той же причинѣ.

Пятница, 1 ноября.—Къ брату.

Панинъ все хвораетъ; говорятъ, онъ скоро уѣдетъ въ свои имѣнія, въ Украйну или Смоленскую губернію, и будетъ замѣненъ кн. Репнинымъ. Г. Боскамъ (Boskam) уѣхалъ изъ Варшавы въ Константинополь, а турки пришлютъ посланника, то есть признаютъ короля польскаго. Правда ли, что О'Дюннъ уѣхалъ изъ Мангейма въ Константинополь?

Воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, 3, 4 и 5.—Къ брату.

Во вторникъ у маркиза былъ ужинъ съ четырьмя дамами: Барятинской, Трубецкой, Строгоновой и Нелединской. Говорятъ, было очень скучно; не могу судить, потому что самъ не былъ, по нездоровью.

Пюисегюръ нынче ночью уѣзжаетъ. Я его снабдилъ 23-мя письмами.

Среда, 6.—Къ брату.

Сегодня, въ 9 часовъ утра, меня разбудилъ Пюисегюръ, желавшій со мною проститься. Вообще я неособенно люблю эти нѣжности, тѣмъ болѣе, что онѣ всегда очень печальны. Съ Пюисегюромъ мы никогда не были близки, но въ данномъ случаѣ тонъ его меня тронулъ. Россія ему неособенно нравилась, но покидать ее все-таки тяжело для

него, и это очень естественно! Вѣдь онъ ее, можетъ быть, никогда больше не увидитъ. Такъ онъ, должно быть, и думалъ, а потому былъ печаленъ. Но, въ сущности, чего бы ему горевать? Онъ свободенъ, обладаетъ талантами и 24000 ливровъ дохода. Съ этимъ, кажется можно бы быть счастливымъ!.. Немножко побольше философіи въ головѣ и въ душѣ, я хочу сказать немножко побольше твердости, и ему ничего бы не оставалось больше желать. Но гдѣ же такой человѣкъ, который былъ бы доволенъ тѣмъ, что имѣетъ? Такимъ человѣкомъ можетъ быть только истинный философъ, а много ли такихъ на свѣтѣ?

Четвергъ, 7.—Къ брату.

У меня были гости. Принцъ де-Шимэ, который нѣсколько разъ уже пріѣзжалъ ко мнѣ, выигрываетъ при близкомъ знакомствѣ. Ему больше сорока лѣтъ; онъ свѣтскій философъ, живущій въ свѣтѣ по привычкѣ, и удаляющійся изъ него отъ пресыщенія. Философія его, впрочемъ, гнѣздится скорѣе въ умѣ, чѣмъ въ инстинктѣ. Думаю, что наше общество ему пріятно. Онъ умѣетъ поговорить, а это, по моему мнѣнію, есть драгоцѣнный и рѣдкій теперь талантъ. Я не знаю съ какой цѣлью онъ путешествуетъ. Во Франціи есть у него очень милая жена *), состоящая при королевѣ, а онъ ѣздитъ вотъ уже почти два года. Зиму онъ провелъ въ Мюнхенѣ и очень хвалитъ Фоляра, который былъ тогда посланникомъ въ Баваріи, а теперь состоитъ въ отставкѣ, получая 10000 фр. пенсіи и 2000 экю пожизненной аренды (première pension viagère), изъ коихъ, однако же, послѣ его смерти, по тысячѣ ливровъ получатъ его двѣ дочери, а остальное жена. Но Монморэномъ изъ Трира принцъ уже не такъ доволенъ, потому что этотъ Монморэнъ страшно высокомѣренъ и его никто не любитъ; а кромѣ того онъ, какъ школьникъ, влюбленъ тамъ въ одну даму **).

Де-Грэ и де-Бомбелль, равнымъ образомъ, не заслужили особаго уваженія въ Касселѣ и Регенсбургѣ. Первый своимъ тономъ и поступками, окончательно не нравится кассельскому двору. Онъ, напримѣръ, требовалъ себѣ преимуществъ передъ герцогомъ Виртембергскимъ, отцомъ великой княгини, на торжествахъ въ честь пріѣзда послѣдняго. Въ виду этого, баронъ Виртофъ (Wirtof) получилъ приказаніе объявить г. де-Грэ, что ему не совѣтуютъ являться ко двору, потому что его присутствіе всѣхъ бы стѣснило, и онъ, пожалуй, не получилъ бы обѣда.

А де-Бомбелль отличается въ Регенсбургѣ тѣмъ же самодовольствомъ, которое я замѣчалъ у него въ Версали и Парижѣ. Ослѣпленный своими маленькими талантами и своимъ маленькимъ постомъ, онъ аффишируетъ роскошь, превосходящую его средства, такъ какъ онъ бѣденъ. Кромѣ того онъ увѣренъ, что водитъ за носъ старыхъ нѣмецкихъ политиковъ, которые смѣются надъ нимъ. Да еще влюбился въ дочь прусскаго посланника Шварцуана (Schwartzuan), у которой ничего нѣтъ, и хочетъ на ней жениться. Вотъ каковъ, мой другъ, этотъ знаменитый ученикъ де-Бретейля! Маленькій, манерный, завистливый и рабъ этикета; однимъ словомъ человѣкъ, недостойный своего положенія.

Де-Шимэ, при своихъ поѣздкахъ по Германіи, остался очень недоволенъ лицами, которыхъ наше министерство употребляетъ въ качествѣ шпіоновъ: какимъ-то шевалье де-Нальякомъ, путешествующимъ по Европѣ на 10000 фр. жалованья, и посылающимъ министру кучи глупыхъ, смутныхъ и наскоро собранныхъ слуховъ; какимъ-то де-Рюльеромъ, который дѣлаетъ тоже самое за 2000 экю и проч.

Принцъ де-Шимэ, мнѣ кажется, хорошій наблюдатель, по крайней мѣрѣ, онъ любитъ наблюдать, а такіе люди пріобрѣтаютъ привычку не вѣрить первому впечатлѣнію и исправлять его впослѣдствіи. Теперь онъ немножко предубѣжденъ въ пользу Россіи, потому что его здѣсь хорошо приняли. Онъ воображаетъ, что обязанъ этимъ пріемомъ своей простотѣ въ обращеніи. Сама императрица сказала ему, что видитъ въ его лицѣ втораго француза, обладающаго такой простотою. А я думаю, что тутъ дѣло

*) Лаура-Августа Фицъ-Джемсъ, придворная дама королевы Маріи-Антуанеты.

**) Въ г-жу Меттернихъ.

не въ простотѣ: порядочность принца, красная лента Св. Гумберта, и комплименты, которые онъ наговорилъ императрицѣ рѣшили его участь. Дворъ далъ тонъ, а по его примѣру и весь городъ хорошо принимаетъ принца. Только ужъ никакъ не за простоту въ обращеніи, которой и нѣтъ въ сущности, потому что де-Шимэ принадлежитъ къ числу людей, претендующихъ на отсутствіе претензій и щеголяющихъ простотою.

Заходилъ нѣсколько разъ Перро. Каролина говоритъ, что я его одобряю. Онъ мнѣ разсказалъ исторію покушенія на жизнь португальскаго короля *). Всего удивительнѣе въ этой исторіи продолжительная безнаказанность заговорщиковъ, недостигшихъ своей цѣли. Перро былъ въ ихъ числѣ, и говоритъ, что они были арестованы, при выходѣ съ бала, только шесть недѣль или два мѣсяца спустя послѣ происшествія. Говорятъ, что кучеръ короля узналъ ихъ руководителя, герцога д'Авейро, при свѣтѣ вспышки пороха на полкѣ пистолета, который, однако-жъ, не выстрѣлилъ. Всѣ неуспѣвшіе бѣжать, потомъ были казнены, не исключая лакеевъ. Товарищъ Перро, Поликарпъ (Polycarpe)?, тоже бѣжалъ и неизвѣстно гдѣ находится.

Четвергъ, 14.—Къ брату.

Я еще боленъ и не выхожу, мой другъ, причемъ постоянно окруженъ избраннымъ обществомъ, такъ какъ ты знаешь, что я принимаю лишь тѣхъ лицъ, которыхъ люблю. Принцъ Шимэ, мой теперешній сосѣдъ, заходитъ очень часто, и мнѣ его общество нравится. Онъ оригиналъ, но порядочный человѣкъ, повидимому, довольно образованный и обладающій собственными идеями, что придаетъ разговору великосвѣтскій тонъ. Онъ замѣтилъ предпочтеніе, оказываемое нашимъ маркизомъ Чернышовымъ вообще и женѣ Ивана, въ которую онъ влюбленъ насколько можетъ; въ особенности поразилъ его также тонъ первенства надъ всѣми посланниками, принятый маркизомъ, и очень всѣхъ стѣсняющій. По примѣру гр. Лясси и кн. Лобковича, маркизъ всюду старается быть первымъ, а за это его во многіе дома и не пускаютъ. Онъ не получаетъ приглашеній въ Эрмитажъ, напримѣръ, и на другіе интимные вечера императрицы, на которыхъ она не допускаетъ этикета. Это очень неловко, и де-Шимэ это замѣтилъ.

Сегодня, въ монастырѣ былъ спектакль; принцъ туда не поѣхалъ въ виду легкаго нездоровья (насморкъ, боль въ горлѣ и проч.), поэтому мы все послѣ обѣда, до 7 часовъ, провели вмѣстѣ. Пришелъ Перро, и мы разговаривали объ очень интересныхъ вещахъ. Перро разсказывалъ объ Эйлерѣ, знаменитомъ геометрѣ, составляющемъ гороскопы. Составилъ онъ таковые, между прочимъ, для своихъ дѣтей, и отдалъ имъ запечатанными, совѣтуя не читать до поры до времени. Это доказываетъ, что и самъ онъ и его дѣти вѣрятъ въ гороскопы, что составляетъ хотя и терпимую, но все же слабость. Въ Берлинѣ онъ дѣйствительно славился своимъ талантомъ, которымъ однако же никогда не хотѣлъ наживать деньги, что легко могъ бы. Мы съ Перро рѣшили обратиться къ нему за гороскопами.

Пятница, 15.—Къ брату.

Послѣ обѣда былъ у меня кн. Щербатовъ-отецъ. Три четверти часа толковали объ американцахъ и о формѣ правленія. Князь допускаетъ только республиканскую форму, даже для большихъ государствъ. Ты скажешь что это довольно послѣдовательно для русскаго, но онъ вполнѣ искрененъ и принадлежитъ здѣсь къ числу самыхъ порядочныхъ людей.

Суббота, 16.—Къ брату.

Все утро я пробылъ или у себя, или у принца де-Шимэ. У него большое семейное горе, которое и заставило его путешествовать. Не знаю, чтобы это могло быть, но онъ мнѣ разсказывалъ, что въ молодости бѣжалъ изъ семинаріи, гдѣ

**) Іосифа I; заговорщики, недовольные имъ и его министромъ, Помбалемъ, 3 сент. 1758 г., покушались на его жизнь. Король былъ раненъ двумя пулями, но остался живъ. Слѣдствіемъ этого покушенія было изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи.

былъ иподьякономъ (sousdiacre de séminaire), а затѣмъ ѣздилъ въ Римъ просить разрѣшенія, но что этому препятствовали его родители и кардиналъ де-Ротшуаръ, тогдашній французскій посланникъ въ Римѣ. Вообще мнѣ кажется, что де-Шимэ—очень страстный человѣкъ.

Я ему разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Касселѣ, гдѣ онъ пробылъ бы подольше, если бы нашъ посланникъ, де-Грэ, былъ повѣжливѣе. Послѣдній отказался представить его ко двору, находившемуся тогда въ Веймарѣ, такъ что де-Шимэ пришлось самому просить Виртофа, который его и представилъ. Правда, де-Грэ былъ тогда въ ссорѣ съ дворомъ, но онъ могъ бы воспользоваться удобнымъ случаемъ помириться. Въ общемъ это было неловко, что меня и не удивляетъ, такъ какъ де-Грэ плохо велъ себя въ Касселѣ. Онъ жилъ тамъ, напримѣръ, съ одной танцовщицей, причемъ это совершалось съ согласія мужа. Такое поведеніе, вмѣстѣ съ его глупыми претензіями, какъ можешь себѣ представить не могло заслужить ему уваженія. Разсказавъ мнѣ объ этомъ, де-Шимэ прибавилъ: «желаю чтобы вы не измѣнились когда будете посланникомъ; этотъ постъ кружитъ голову молодымъ людямъ, которые на него попадаютъ». Мы обѣщали другъ другу встрѣтиться тогда, и вспомнить объ этомъ разговорѣ. Былъ у Нелединской, засталъ у нея Кошелева. Когда онъ уѣхалъ, мы перешли въ маленькій салонъ и долго разговаривали. Она просила меня никогда не смѣяться надъ ней при постороннихъ: «наединѣ, говорите мнѣ все, что хотите и что думаете». Вообще она отнеслась ко мнѣ дружески-нѣжно. Кн. Репнинъ недоволенъ, что она съ нимъ много говоритъ обо мнѣ а она отвѣчала, что находитъ удовольствіе въ разговорѣ со мною. Однако, вся эта болтовня, въ которую я вкладываю много веселости, и на которую смотрю какъ слѣдуетъ, становится для меня опасною. Нелединская положительно очаровательна. Она просила меня остаться ужинать, и я охотно бы это сдѣлалъ, если бы не далъ обѣщанія Шарлоттѣ.

Императрица пожаловала 1000 р. нѣмецкой комедіи, гдѣ ее ждали.

Съ 25 по конецъ мѣсяца.—Къ маркизѣ Бреанъ.

На зиму у насъ составляются проекты новыхъ удовольствій, хотя здѣсь эти проекты рѣдко исполняются и еще рѣже удовлетворяютъ кого-либо когда исполнились. Болѣе всего насъ занимаютъ проекты спектаклей и частныхъ вечеровъ. Эти проекты, еще очень далекіе отъ осуществленія, уже успѣли возбудить много непріятностей, въ которыя и я замѣшался. Но прежде всего надо вамъ сообщить о впечатлѣніи, произведенномъ здѣсь одной русской дамою, которую вы намъ вернули изъ Парижа.

Княгиня Барятинская, тридцатилѣтняя женщина, красивая, изящная и любезная, привезла съ собой всѣ моды, манеры и смѣшныя замашки, которыя вы въ Парижѣ имѣете даръ сдѣлать пріятными, и подражаніе которымъ никогда не удается, особенно внѣ свойственной имъ обстановки. Здѣсь Барятинская не особенно понравилась, потому что много говоритъ о Парижѣ, а мы не любимъ непріятныхъ сравненій. Императрица нашла всѣ ея моды смѣшными, а потому и дворъ, и весь городъ принялись критиковать ихъ. Выплыли на свѣтъ Божій любовныя похожденія Барятинской; будучи замужемъ за дурнымъ человѣкомъ—однимъ изъ сподвижниковъ Петра III—она взяла себѣ въ любовники гр. Андрея Разумовскаго и уѣхала въ Парижъ беременной отъ него. Въ Парижѣ она родила, прикрывъ свое приключеніе припадкомъ водяной болѣзни. Мужъ, однако же, подозрѣвалъ ее и узнавъ всю правду отъ одной изъ горничныхъ, поставилъ вопросъ ребромъ. Слезы смыли однако же слѣды проступка и заставили позабыть его, но въ Польшѣ начались новыя похожденія, вновь поссорившія супруговъ. Дано было обѣщаніе прекратить всякія интриги; но перехваченное мужемъ письмо доказало, что обѣщаніе это не только не исполняется, а что надъ нимъ еще смѣются. Это сдѣлалось поводомъ къ полному разрыву.

Есть здѣсь нѣкая Зубова, женщина низкаго происхожденія, злая, нахальная интриганка, втиравшаяся въ лучшіе дома для того чтобы поддерживать въ нихъ

темныя дѣлишки и пользоваться денежными выгодами, продавая семейныя тайны. Во всемъ, что касается ея ремесла, она очень не глупа. Разойдясь съ мужемъ, за котораго вышла будто бы по любви, и которому по слабости приставила рога на другой день послѣ свадьбы, она сдѣлалась присяжной покровительницей влюбленныхъ дѣвицъ и женщинъ легкаго поведенія, довѣріе которыхъ дало ей большую силу въ многочисленныхъ кружкахъ лицъ, интересующихся такими дѣлами. Зубову презираютъ, но ею пользуются, а разъ попользовались, то начинаютъ и бояться. Барятинская скоро попала въ лапы этой женщины, и теперь ужъ изъ нихъ не вырвется. Именно Зубова поссорила ее со всѣмъ обществомъ, передавая въ преувеличенномъ видѣ разныя сплетни, ходившія на ея счетъ въ городѣ. Между тѣмъ у Барятинской есть пріятельница, нѣкая Зиновьева, урожденная Меньшикова (Menzikof), очаровательная женщина, мужъ которой состоитъ посланникомъ, въ Испаніи. Эта Зиновьева благодаря разнымъ несчастіямъ и превратностямъ жизни, должна была отдалиться отъ двора и отъ свѣта, а потому вмѣстѣ съ Барятинской рѣшилась основать свое маленькое общество друзей, среди которыхъ и я долженъ былъ получить мѣсто. Этотъ проектъ осуществился, общество собралось впервые у Барятинской и въ весьма претенціозной обстановкѣ. Я тогда былъ боленъ, и на открытіи этого общества, названнаго литературнымъ, не присутствовалъ. Лекторомъ и главнымъ столпомъ его вызвался быть молодой кн. Голицинъ, желающій слыть умнымъ человѣкомъ. Въ свѣтѣ надъ обществомъ стали смѣяться, прозвали его «клубомъ любви», «академіей», и проч. Узнавъ объ этихъ насмѣшкахъ, я также смѣялся, и это теперь поставлено мнѣ на счетъ кн. Барятинской, которой Зубова представила меня какъ человѣка хитраго и опаснаго. Потребовали, чтобъ я оправдался; я отвѣчалъ, что не вижу въ томъ надобности; меня за это исключили изъ числа членовъ новаго отеля Рамбулье. Но съ княгиней мы продолжаемъ встрѣчаться. Въ сущности, главная моя вина состоитъ въ томъ, что я другъ Нелединской, соперницы Барятинской, которую я нахожу болѣе любезной и которою никогда не пожертвую въ пользу княгини, уже хотя бы потому только, что она самая старая моя знакомая.

Спектакли также повели къ ссорамъ. У жены фельдмаршала, кн. Голициной, играютъ le Roi et fermier, причемъ у меня отняли роль Люрьеля и дали роль Рюсто. Эта мелочность показала мнѣ, что не слѣдуетъ быть любезнымъ съ людьми, необладающими деликатностью. Я это высказалъ открыто и хотя сыгралъ роль Рюсто, которая мнѣ не по голосу, но далъ себѣ слово впередъ брать только тѣ роли, которыя мнѣ подходятъ, или совсѣмъ не играть. Подозрѣваю, что душою этихъ мелочныхъ интригъ является молодой Голицинъ, который желаетъ не допускать меня въ кружокъ Барятинской, гдѣ самъ хочетъ преобладать. Думаю, однако-жъ, что участіе его въ этомъ кружкѣ повредитъ ему въ глазахъ многихъ, а между прочимъ и въ глазахъ двора, отъ котораго онъ ждетъ назначенія на должность камеръ-юнкера. Все это доказываетъ, что Голицинъ не обладаетъ ни умомъ, ни деликатностью, ни тактомъ, а съ однимъ здравымъ смысломъ да честностью, которые я за нимъ признаю, онъ блестящей карьеры не сдѣлаетъ, и навсегда останется ниже своего положенія въ обществѣ.

Воскресенье, 1 декабря.—Къ брату.

Съ нѣкотораго времени, мой другъ, манія самоубійствъ вошла въ моду. Со смерти несчастнаго Паскье, перерѣзавшаго себѣ горло, одинъ поваръ, французъ, послѣдовалъ его примѣру; одинъ англичанинъ, котораго хотѣли арестовать за долги, размозжилъ себѣ черепъ выстрѣломъ изъ пистолета; наконецъ, 20-го ноября, одинъ берлинскій негоціантъ, по имени Бахманъ, отравился. Этотъ послѣдній, человѣкъ лѣтъ сорока отъ роду, учредилъ фабрику зеркалъ на деньги короля Прусскаго, но дѣла пошли плохо, король прислалъ нѣкоего Гергарда обревизовать ихъ, и Бахманъ, боясь попасть въ Шпандау, написалъ пять писемъ разнымъ лицамъ и отравился мышьякомъ.

Понедѣльникъ, 2.—Къ брату.

Новая трагическая исторія, мой другъ, заставившая забыть Бахмана и взбудо-

ражившая весь городъ. Проѣздивши весь день, пообѣдавъ, между прочимъ, у голландскаго резидента, Зюарти, который сообщилъ мнѣ, что гр. Нессельроде—шпіонъ Прусскаго короля, что выяснилось изъ дѣла Бахмана, я отправился ужинать къ Бемерамъ. Тамъ находились гр. Вахмейстеръ и Хюттель (Huttel), секретарь прусскаго посольства, большой сплетникъ, какъ мнѣ говорили. Если ты когда-нибудь встрѣтишься съ этими двумя господами, то остерегайся ихъ. Нессельроде не глупый человѣкъ, очень ѣдкій и остроумный разсказчикъ, но онъ очень искусно выспрашиваетъ у людей то, что желаетъ знать. Хоттель — холоденъ и медлителенъ; онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ, а потомъ передаетъ все подслушанное гр. Сольмсу, къ числу сторонниковъ котораго, однако-жъ, не принадлежитъ *).

Послѣ ужина, мы заговорили о Биландѣ (Byland), голландцѣ, состоявшемъ въ русской морской службѣ, изъ которой онъ теперь вышелъ. Это — порядочный шалопай, не пользующійся уваженіемъ. Пока мы смѣялись надъ различными его выходками, Хюттель толкнулъ меня и показалъ записочку, въ которой ему сообщали, что несчастный Биландъ дрался на дуэли за Екатерингофомъ и кажется убитъ. Это извѣстіе насъ огорчило, но не удивило, такъ какъ Биландъ пользовался репутаціей бреттера. Между прочимъ, мы старались отгадать, кто бы могъ быть его противникомъ, причемъ, конечно, о русскихъ и не думали, такъ какъ они не любятъ такихъ крайностей; почти единогласно остановились мы на одномъ итальянцѣ, гр. Робазоми, кавалерѣ ордена св. Георгія, недавно вышедшемъ въ отставку. Гр. Биландъ, задолжавшій всему міру, по словамъ Хюттеля, былъ долженъ 800 р. и Робазоми. Вернувшись домой, я хотѣлъ пройти къ маркизу, чтобы сообщить ему эту новость, но уже на лѣстницѣ встрѣтилъ лакея, котораго маркизъ послалъ за мною. Съ перваго же слова послѣдній сообщилъ мнѣ, что сегодня вечеромъ Робазоми отыскалъ его у Ивана Чернышова и просилъ позволенія скрыться во французскомъ посольствѣ, потому что дрался съ Биландомъ и подлежитъ отвѣтственности. Маркизъ отвѣчалъ, что не можетъ помѣстить его у себя, и совѣтуетъ обратиться ко мнѣ. — Онъ, вѣроятно, ждетъ уже васъ,—прибавилъ маркизъ,—что же вы думаете дѣлать?—Оставить его ночевать у себя,—сказалъ я,—онъ военный человѣкъ, мы, стало быть, товарищи, и не могу же я выгнать отъ себя его ночью.—Какъ хотите; но завтра мы его попросимъ уйти. Придя въ свою квартиру, я дѣйствительно нашелъ тамъ Робазоми. Онъ очень печаленъ, но покоенъ, и разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности своего дѣла:

«Вчера я узналъ, отъ одного изъ друзей, что гр. Биландъ готовится потихоньку уѣхать, а такъ какъ онъ долженъ мнѣ 800 р., то я долженъ былъ принять свои предосторожности. Сегодня утромъ я послалъ ему съ лакеемъ записочку, которой Биландъ не взялъ, приказавъ мнѣ сказать, что онъ никого не принимаетъ. Я послалъ лакея въ другой разъ; Биланда не оказалось дома, онъ пошелъ обѣдать въ одинъ трактиръ на Милліонной. Тогда я одѣлся и поѣхалъ въ этотъ трактиръ самъ. Какъ только Биландъ меня увидѣлъ, такъ сказалъ своей компаніи: «Господа, гр. Робазоми пришелъ ко мнѣ». Я отвѣчалъ, что дѣйствительно пришелъ поговорить съ нимъ. Тогда всѣ присутствовавшіе ушли и оставили насъ однихъ, я показалъ Биланду мою записку, прибавивъ: «Вы можете ее прочесть, въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго». Биландъ отвѣчалъ мнѣ то же, что и лакею, то есть, что онъ записки не приметъ, да и вообще не желаетъ имѣть со мной никакихъ сношеній, причемъ наговорилъ столько дерзостей, что мнѣ пришлось его вызвать. Онъ принялъ вызовъ и заявилъ, что желаетъ драться около дома Перро, потому что хорошо знаетъ эту мѣстность. Вышли мы вмѣстѣ, разсѣлись по своимъ экипажамъ, и оставивъ ихъ около саксонскаго посольства, пошли пѣшкомъ, подъ деревьями, влѣво, къ дому Визена. «Здѣсь есть тропинка, сказалъ Биландъ, поищемъ ее». Найдя

*) Позднѣе Корберонъ, въ письмѣ къ Герцу, прусскому послу въ Петербургѣ, очень хвалитъ Хюттеля, какъ честнаго, талантливаго и образованнаго человѣка, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и которому многимъ обязанъ. Корберовъ говоритъ, что сначала они другъ друга не поняли, но потомъ сошлись.

тропинку, Биландъ сталъ утаптывать снѣгъ на разстояніи двухъ или трехъ туазовъ, причемъ сказалъ мнѣ:—Если я васъ убью, то легко спасусь по этой дорожкѣ; а если вы меня убьете, то доставите мнѣ большое удовольствіе и окажете услугу, такъ какъ тогда мнѣ не придется платить долги.—Не желалъ бы оказывать вамъ такой услуги,—отвѣчалъ я,—но разъ вы сами этого хотите, то пусть будетъ по вашему, судьба рѣшитъ за насъ. Затѣмъ, мы стали драться, и такъ какъ я нѣсколько разъ отступалъ слишкомъ далеко, то онъ спросилъ, не боюсь ли я. Наконецъ, онъ высоко поднялъ руку, чтобы нанести мнѣ ударъ въ лицо, и при этомъ открылся; отпарировавъ этотъ ударъ, я проткнулъ Биланду грудь. «Это ничего», сказалъ онъ, зажимая рану рукою, но въ то же время сталъ харкать кровью и зашатался отъ слабости. Я бросился его поддерживать и сталъ звать его лакея съ извозчикомъ, но они уѣхали. Тогда я сѣлъ въ свой экипажъ и поѣхалъ въ городъ искать хирурга, но не нашелъ. Поэтому я написалъ къ Сакену, что около его дома лежитъ раненый, нуждающійся въ помощи. Племянникъ Сакена прочелъ записку, но отослалъ ее назадъ, говоря, что не можетъ будить дядю для этого. Между тѣмъ дѣло происходило часовъ въ шесть вечера, такъ какъ мы дрались между четырьмя и пятью. Второе письмо къ Сакену также осталось безъ результата. Тогда я поѣхалъ къ Румянцову, который меня успокоилъ, обѣщалъ свое покровительство и посовѣтовалъ обратиться къ маркизу де-Жюинье, что я и сдѣлалъ, а остальное вы знаете».

Разсказъ этотъ очень меня заинтересовалъ, хотя непріятно было думать, что молодой, сильный и ловкій Робазоми рѣшился драться на шпагахъ съ Биландомъ, такимъ слабымъ и изношеннымъ. Пистолеты, въ данномъ случаѣ, были бы болѣе умѣстны. Выслушавъ Робазоми, я сказалъ ему: «Погода прекрасная, и если можете удовольствоваться кресломъ у камина да туфлями, то я съ удовольствіемъ окажу услугу порядочному человѣку. Ваше дѣло очень простое, хотя и непріятное. Вамъ слѣдуетъ поскорѣе уѣхать, такъ какъ немедленной опасности, по словамъ Румянцова, вы ожидать не можете, а маркизъ де-Жюинье не имѣетъ права дозволить вамъ оставаться въ посольствѣ надолго». Пожелавъ ему, затѣмъ, доброй ночи, я легъ спать. Гарри потомъ сказалъ мнѣ, что часовъ въ 10 вечера, желая помочь несчастному Биланду, онъ взялъ мою карету и поѣхалъ, вмѣстѣ съ де-Кюсси, на мѣсто поединка. Биланда они нашли распростертымъ на снѣгу, уже похолодѣвшимъ, безъ шпаги, безъ шляпы, безъ парика,—совершенно обокраденнымъ; только портфеля воры не посмѣли взять, потому что онъ лежалъ подъ тѣломъ, которое надо было для этого перевернуть. Гарри и де-Кюсси попробовали вдвоемъ перенести Биланда въ карету, но онъ окостенѣлъ, и когда стали класть, то испустилъ вздохъ, вѣроятно, послѣдній. Они испугались, поняли, что все кончено, и, оставивъ его на снѣгу, вернулись. Мужики, которые были съ ними, такъ же какъ и какой-то офицеръ, тряслись отъ страха.

Вторникъ, 3.—Къ брату.

Утромъ мнѣ сказали, что приходилъ полицейскій и справлялся у Комбса, тутъ ли гр. Робазоми. Комбсъ отвѣчалъ что не знаетъ и что вообще полиціи незачѣмъ являться во Французское Посольствѣ. Ему очень вѣжливо отвѣчали, что пришли только справиться. Когда полицейскій уходилъ, Робазоми имѣлъ неосторожность съ нимъ встрѣтиться, причемъ тотъ сказалъ, что бояться ему нечего. Я тотчасъ же спряталъ Робазоми и Комбса, а самъ пошелъ къ маркизу. Маркизъ потребовалъ, чтобы Робазоми былъ немедленно удаленъ изъ посольства, но я замѣтилъ, что это лучше сдѣлать ночью, тѣмъ болѣе что Робазоми ждетъ отвѣта отъ кн. Орлова, къ которому послалъ нарочнаго. Черезъ часъ маркизъ опять прислалъ за мною, потому что къ нему явился секретарь гр. Панина спросить, отъ имени Императрицы и этого министра, дѣйствительно ли Робазоми находится въ посольствѣ. Маркизъ, при мнѣ, отвѣчалъ, что въ его помѣщеніи Робазоми нѣтъ, «а вотъ спросите шевалье де-Корберона». Я отвѣчалъ, что не скрываю, что Робазоми ночевалъ у меня, такъ какъ я не рѣшился выгнать, въ полночь, на улицу, военнаго офицера,

но что въ настоящую минуту у меня его нѣтъ, въ чемъ даю слово. «Но, милостивый Государь,—сказалъ секретарь—мнѣ нуженъ положительный отвѣтъ: находится ли гр. Робазоми въ этомъ домѣ или нѣтъ?—«Ни маркизъ, ни я не можемъ сказать чего не знаемъ; домъ великъ, и мы во всѣ его уголки не заглядывали»,—отвѣчалъ я.—«Обѣщаю сегодня же узнать доподлинно—сказалъ маркизъ—вотъ и г. Корберонъ объ этомъ позаботится. Въ одномъ могу васъ увѣрить, что не намѣренъ скрывать незнакомаго мнѣ человѣка противъ воли Ея Величества». Затѣмъ я отправился къ себѣ, но секретарь догналъ меня и сказалъ: «А вотъ полицейскій видѣлъ здѣсь гр. Робазоми». Я вспылилъ и отвѣтилъ довольно рѣзко: «Развѣ вы не изволили слышать, что маркизъ и я имѣли честь сказать вамъ?»—«Но вѣдь и маркизъ говоритъ то же».—«Совсѣмъ нѣтъ; будьте добры не перетолковывать слова маркиза и понимать меня буквально. Я вамъ повторяю, что гр. Робазоми ночевалъ въ моей квартирѣ, но что его теперь тамъ нѣтъ; я не знаю, находится ли онъ въ этомъ домѣ, но обѣщаю узнать объ этомъ. Не угодно ли вамъ будетъ войти ко мнѣ»? Секретарь сталъ шолковымъ и сказалъ: «Въ мои обязанности не входитъ производить у васъ обыскъ».—«Я это знаю такъ же какъ и вы, но не угодно ли вамъ погрѣться, а я пока прикажу навести справки о томъ, что вы хотите знать».

Мы съ нимъ вошли въ мой кабинетъ, причемъ я сказалъ: «Вы видите, что г. Робазоми здѣсь нѣтъ, и что если я что нибудь говорю, то это правда». Затѣмъ я позвалъ Гарри и сказалъ ему, въ присутствіи этого господина, который оказался секретаремъ вице-канцлера Остермана Алопеусомъ: *) «Ступайте къ Комбсу и попросите его справиться, здѣсь ли г. Робазоми». А надо замѣтить, что я еще раньше заходилъ къ Комбсу, чтобы посовѣтовать Робазоми тотчасъ же уйти, потому что въ политикѣ, мой другъ, ремеслѣ часто очень трудномъ, слѣдуетъ всегда прибѣгать къ ловкости, а отнюдь не ко лжи. Черезъ четверть часа Гарри явился донести, что Комбсъ не думаетъ, чтобы г. Робазоми находился въ Посольствѣ. Понявъ изъ этого отвѣта, что онъ еще не ушелъ, я сказалъ Алопеусу, собравшемуся уходить: «Подождите немножко, я сейчасъ постараюсь вамъ дать болѣе положительный отвѣтъ», но Алопеусъ сказалъ, что этого достаточно и что онъ хотѣлъ бы поговорить со мной наединѣ—съ нами былъ де Кюсси. Когда мы вышли въ другую комнату, Алопеусъ сказалъ: «Надѣюсь, вы повѣрите, что мнѣ непріятно исполнять такое порученіе, но это мой долгъ. Прошу васъ, скажите мнѣ положительно, тутъ ли г. Робазоми или нѣтъ?»—«Да вѣдь я же вамъ сказалъ, что домъ великъ и я не знаю, не спрятался ли Робазоми въ какомъ-нибудь уголкѣ»—«Но это отвѣтъ формальный, а я обязанъ сказать гр. Панину да или нѣтъ».—«Ну такъ скажите нѣтъ, если хотите; но только замѣтьте, что я не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что вы отъ меня уже слышали, то есть что г. Робазоми ночевалъ у меня, что теперь его въ моей квартирѣ нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ въ домѣ посольства, но что я вамъ обѣщаю, согласно намѣреніямъ м. де Жюинье, не укрывать его въ этомъ домѣ, если онъ въ немъ еще находится. Кромѣ того, милостивый государь, я очень сожалѣю, что не сдержалъ своего раздраженія при обсужденіи этого вопроса, но такъ какъ я всегда откровененъ и всегда говорю правду, то былъ очень удивленъ, что вы усомнились въ моихъ словахъ». Послѣ этого Алопеусъ, наговоривъ мнѣ множество комплиментовъ и любезностей, уѣхалъ и мы стали ждать ночи, чтобы выпроводить Робазоми. Между тѣмъ черезъ нѣсколько минутъ по отъѣздѣ Алопеуса, мнѣ доложили объ италіанцѣ, по имени Амати, который явился справиться о судьбѣ Робазоми. Я ему сказалъ, что не знаю, гдѣ теперь Робазоми находится. «А я пришелъ его увѣдомить—сказалъ Амати,—что кн. Орловъ здѣсь, а не въ Царскомъ Селѣ, и что надо ему адресовать письмо въ Петербургъ. Я на это ничего не хотѣлъ сказать человѣку, котораго не знаю, такъ что онъ тотчасъ же ушелъ а я велѣлъ сказать Робазоми, чтобы онъ немедленно писалъ другое письмо къ князю. Затѣмъ, чтобы не выказать слишкомъ большого интереса къ этому дѣлу

---

*) *Максимиліанъ* Алопеусъ впослѣдствіи былъ *русскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ*.

и послушать что объ немъ говорятъ въ свѣтѣ, я отправился съ визитами.

Обѣдалъ у Нелединской, потомъ былъ на спектаклѣ и кончилъ день у Бемеровъ. По возвращеніи, узналъ отъ маркиза, что гр. Панинъ очень недоволенъ и что всѣ обвиняютъ въ этомъ дѣлѣ меня, хотя не могутъ правильно построить своихъ обвиненій. А я думаю, мой другъ, что если бы маркизъ выказалъ побольше твердости, то у другихъ было бы ее поменьше. Они, и главнымъ образомъ полицмейстеръ, сердятся на себя за то, что оказались очень неловкими въ этомъ дѣлѣ. Полицмейстеръ сдѣлалъ Императрицѣ фальшивый докладъ, чтобы выгородить себя и свалить все на насъ.

P. S. Забылъ тебѣ сказать, что маркизъ, вернувшись въ половинѣ шестого отъ Панина, велѣлъ удалить Робазоми, если онъ еще тутъ, и запереть всѣ двери. Двери были заперты раньше удаленія Робазоми, но Гарри нашелъ средство вывести его изъ дома. Онъ дѣйствовалъ прямо, твердо и гуманно—три качества, которыя я считаю главными въ человѣкѣ. Сначала онъ вышелъ на набережную, и убѣдившись, что она пуста, вывелъ туда Робазоми. Затѣмъ онъ отнесъ письмо послѣдняго къ Рабасу, который, будучи, соотечественникомъ и другомъ Робазоми, отправился хлопотать за него передъ кн. Орловымъ. Орловъ далъ записку къ Робазоми, но такъ какъ этотъ послѣдній отъ насъ ушелъ, то я не знаю что было въ этой запискѣ и куда она дѣвалась. Въ общемъ, все идетъ хорошо; всѣ вели себя какъ слѣдуетъ и я вполнѣ покоенъ.

Среда, 4.—Къ брату.

Сегодня у Вице-Канцлера былъ обѣдъ, по поводу имянинъ Императрицы. Меня тоже пригласили и гр. Остерманъ былъ даже очень любезенъ со мною, но изъ этого ничего не слѣдуетъ, такъ какъ здѣсь все фальшиво. Я заслышалъ, что родственникъ Остермана, кн. Щербатовъ, отнесся ко мнѣ очень холодно. Послѣ обѣда былъ у гр. Петра и у кн. Лобковича, такъ какъ желалъ знать его мнѣніе о дѣлѣ Робазоми, но у него были гости и потолковать намъ не удалось. Разговоръ шелъ насчетъ обѣда у Вице-Канцлера, всѣ нашли его очень хорошимъ и роскошнымъ Не знаю сколько онъ получаетъ отъ двора на званые обѣды, но, будучи посланникомъ въ Швеціи, онъ, говорятъ, получалъ на это по 500 р. въ мѣсяцъ.

Дѣло Робазоми надѣлало шума въ городѣ. Объ немъ разсказываютъ на сто разныхъ манеръ и очень обвиняютъ Робазоми. Признаюсь что этотъ человѣкъ, котораго я прежде не зналъ, сдѣлался теперь для меня очень интереснымъ, потому что несчастіе и преслѣдованія располагаютъ къ себѣ нашу душу!.. Робазоми обвиняютъ въ томъ, что онъ, будто бы, убилъ Биланда безъ дуэли; маркиза и меня упрекаютъ за то, что мы его укрыли да еще и признались въ этомъ. Хюттель, секретарь прусскаго посольства, тоже порицаетъ меня, и говоритъ, что еслибы дѣло шло о Бенонѣ, исторію котораго ты знаешь, такъ съ нимъ поступили бы не такъ легко. Всѣ эти толки нисколько меня не безпокоятъ.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Робазоми, говорятъ, по совѣту кн. Орлова, явился къ Панину. Министръ его не принялъ, а выслалъ секретаря сказать, чтобы онъ отправился къ полиціймейстеру, что Робазоми и сдѣлалъ. Полиціймейстеръ велѣлъ его арестовать при полиціи, гдѣ съ нимъ хорошо обращаются. Не думаю, чтобы его наказали. Правда, мѣстные законы не признаютъ дуэлей, за это назначается тюрьма или Сибирь. А между тѣмъ, въ Москвѣ, дрался на дуэли одинъ Голицинъ и его даже не привлекли къ отвѣтственности.

Пятница, 6.—Къ брату.

Буря, собравшаяся надъ моей головою, отчасти разразилась. Я являюсь, въ нѣкоторомъ родѣ, маленькимъ Меньшиковымъ, то есть не достигнувъ такой высоты какъ онъ, я и упалъ не такъ низко. Тѣмъ не менѣе однакожъ гр. Панинъ сказалъ маркизу, что Императрица не желаетъ меня видѣть при дворѣ! Маркизъ отвѣчалъ, что это его удивляетъ и огорчаетъ; что Императрица получила, вѣроятно ложныя донесенія на мой счетъ; что я ничего не сдѣлалъ такого,

чего бы и онъ самъ, маркизъ, не могъ сдѣлать; что онъ настоятельно проситъ Панина убѣдить Ея Величество въ ложности полученныхъ ею донесеній. Панинъ обѣщалъ, но все же настаивалъ на томъ, чтобы я, пока, не показывался при дворѣ. Незнаю что изъ этого выйдетъ, но если дворъ выкажетъ упрямство, то дѣло можетъ стать серьезнымъ. политическимъ. Надѣюсь, что насъ не принудятъ къ этому. Маркизъ очень огорченъ, и я это глубоко чувствую, такъ какъ его огорченіе доказываетъ прочную и сердечную привязанность его ко мнѣ. Что касается сущности дѣла, то она меня не безпокоитъ. Я ничего дурного не сдѣлалъ, на меня разсердились потому, что сами были въ плохомъ расположеніи духа, а такой мотивъ слишкомъ легковѣсенъ, чтобы вызвать серьезныя послѣдствія.

Суббота, 7.—Къ брату.

Извѣстіе, сообщенное мнѣ вчера маркизомъ относительно неудовольствія Императрицы, разсердило меня, но не встревожило; спалъ я покойно. Сегодня день Св. Георгія Побѣдоносца и при дворѣ празднество. За невозможностью присутствовать на немъ, я рѣшилъ, что съ моей стороны будетъ лучше и совсѣмъ въ свѣтѣ не показываться; поэтому я не пойду и на балъ къ Теплову, на который получилъ приглашеніе. Думаю провести вечеръ у Бемеровъ и написалъ по этому поводу записку къ Шарлоттѣ, увѣдомляя ее, что ни ко двору, ни на балъ не пойду.

Обѣдалъ дома, и въ пять часовъ говорилъ съ маркизомъ, передъ его вторичнымъ отправленіемъ во дворецъ. Онъ говоритъ, что утромъ Императрица видимо была въ дурномъ расположеніи духа и не разговаривала ни съ нимъ, ни съ другими послами.

У маркиза обѣдалъ Гриммъ. Ты знаешь, мой другъ, въ какой онъ милости у Ея Величества. Она съ нимъ часто разговариваетъ и принимаетъ въ своемъ интимномъ кружкѣ. Видя, что онъ ничего не знаетъ о моемъ дѣлѣ, маркизъ рѣшилъ его предупредить и сказалъ между прочимъ: «Я не прошу васъ разговаривать объ этомъ, но если разговоръ самъ собою возникнетъ, то вы можете сказать Императрицѣ, что ей неправильно доложили о поведеніи де-Корберона. Не скройте отъ нея также, что и меня это очень огорчаетъ». Я поблагодарилъ маркиза, да и въ самомъ дѣлѣ очень тронутъ его ко мнѣ участіемъ.

Маркизъ просилъ меня зайти къ нему по возвращеніи отъ Бемеровъ. Новаго при дворѣ, однакожь, ничего не оказалось. Панинъ сказалъ только, что не забудетъ поговорить обо мнѣ съ Императрицей.

Воскресенье, 8.—Къ брату.

Дѣло мое все еще не кончилось и причина тому—нездоровье Панина. Онъ не выходитъ, и поручилъ вице-Канцлеру Остерману поговорить обо мнѣ съ Императрицей, а Остерманъ не торопится или плохо старается, что и не удивительно, такъ какъ онъ терпѣть не можетъ французовъ! Сегодня вечеромъ Панинъ сказалъ маркизу, что не знаетъ еще намѣреній Императрицы на мой счетъ. Маркизъ представилъ ему, что мое положеніе становится затруднительнымъ, особенно въ виду необходимости участвовать въ спектаклѣ у жены фельдмаршала, гдѣ будетъ Великій Князь, но что я не желалъ бы, чтобъ мои оправданія были выслушаны только по этой причинѣ, такъ какъ они и сами по себѣ достойны вниманія. Панинъ отвѣчалъ, что мнѣ бы слѣдовало, изъ уваженія къ Императрицѣ, отказаться отъ участія въ спектаклѣ, что я и сдѣлаю, сославшись на боль въ горлѣ. Маркизъ видѣлъ кн. Голицину, которая справлялась обо мнѣ. Онъ отвѣтилъ, что я не совсѣмъ здоровъ. «Дѣйствительно, я вчера не видала его при дворѣ», замѣтила Голицина. Кажется она въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, почему я тамъ не былъ, если бы знала, то спросила бы, могу ли я играть въ субботу. А она, напротивъ того, просила напомнить мнѣ о томъ, что во вторникъ будетъ репетиція.

Шарлотта и Альбертина ѣздили сегодня къ Визену, чтобы узнать новости. Визенъ сказалъ имъ, что слышалъ разговоръ обо мнѣ между маркизомъ и Панинымъ, но онъ, повидимому, не знаетъ о мѣрахъ, принятыхъ противъ меня Императрицею. Это всеобщее незнаніе я

объясняю въ свою пользу. Говорятъ, у Императрицы новый любовникъ — генералъ Румянцовъ *), очень глупый, но хорошо откормленный человѣкъ. Говорятъ также о первомъ актерѣ нѣмецкой труппы. Это было бы неудивительно, но я пока не вѣрю.

P. S. Узналъ, что кн. Барятинскій, русскій посолъ во Франціи, получаетъ всего 8000 р. Въ Стокгольмѣ Остерманъ получалъ не больше, но ему давали еще 6000 р. на столъ и экстраординарные расходы. Онъ и здѣсь получаетъ ту же сумму для той же цѣли и даетъ три-четыре обѣда въ годъ.

Гувернантка (?) фрейлинъ получаетъ 1000 р. въ годъ. Теперь эту должность исполняетъ баронесса Мальтицъ (Maltitz), очень достойная женщина, сынъ которой, красивый малый, тоже, говорятъ, будто бы былъ намѣченъ въ фавориты Императрицы, но не понравился, потому что блондинъ. Мнѣ это разсказывалъ гувернеръ пажей, Ростэнъ (Rostaing), которому она сама говорила (?).

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

Послѣ нашего вчерашняго разговора съ маркизомъ я написалъ графинѣ Матюшкиной, чтобы предупредить ее о моемъ нездоровьи и невозможности играть въ субботу. Въ это письмо надо было вложить веселость человѣка, не придающаго значенія опалѣ, твердость мужчины, ничего дурного не сдѣлавшаго и не намѣревающагося дѣлать.

Маркизъ видѣлъ сегодня Остермана, который сказалъ, что Императрица ничего не имѣетъ противъ него, но сердита на меня. Неужели ея неудовольствіе можетъ мнѣ повредить? Альбертина увѣряетъ, что меня боятся и говоритъ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла. Надѣюсь, что скоро все распутается. Вице-канцлеръ обѣщалъ повидаться съ Панинымъ и сговориться съ нимъ насчетъ меня.

Вторникъ, 10.—Къ брату.

Опять ничего новаго, мой другъ! Принцъ де-Шимэ былъ вчера на балу у великаго князя, который сказалъ, что очень радъ, что принцъ не замѣшанъ въ дѣло Рабазоми. «Говорятъ, во всемъ виноватъ г. де-Корберонъ; а что такое г. де-Корберонъ? Вы его знаете?» На такой вопросъ самъ великій князь могъ бы отвѣчать лучше, чѣмъ де-Шимэ, такъ какъ зналъ меня черезъ графа Андрея. Поэтому принцъ не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, а великій князь прибавилъ: «Де-Корберонъ напрасно вмѣшался въ это дѣло; онъ слишкомъ молодъ. А впрочемъ, ему уже 26—27 лѣтъ, хотя этого и не кажется».

Австрійскій и прусскій посланники пошло поступили по отношенію ко мнѣ. На этихъ дняхъ они давали обѣды и меня не пригласили. Удивляться нечему: политическій вихрь всегда приводитъ къ низости и подлому страху, потому что производится малѣйшими дуновеніями со стороны двора, а не собственной своей силою; дипломатами правитъ страхъ или надежда на милости. Саксонскій посланникъ Сакенъ также говорилъ колкости насчетъ моего поведенія. Такъ и должно было быть; я этому очень радъ, по крайней мѣрѣ, выучусь познавать людей.

Среда, 11.—Къ брату.

Сегодня большой праздникъ при дворѣ. Опала съ меня еще не снята, и я сижу дома.

Заѣзжали ко мнѣ князья Иванъ Щербатовъ и Голицынъ. Послѣдній увѣряетъ, что въ обществѣ мнѣ отдаютъ справедливость и что мое дѣло, когда выяснится, послужитъ только къ моему возвышенію въ глазахъ свѣта и самой Императрицы, которая дастъ мнѣ это почувствовать. Я ничему не вѣрю, мой другъ, такъ какъ подозрѣваю, что Императрица сердится на меня еще за мою близость къ Андрею Разумовскому. Остерманъ показывалъ Маркизу рапортъ, поданный Императрицѣ по дѣлу Робазоми. Обо мнѣ тамъ нѣтъ ни слова. Маркизъ спросилъ, говорилъ ли Остерманъ съ Императрицей, а тотъ отвѣтилъ, что проситъ избавить его отъ такого порученія, такъ какъ онъ не знаетъ, какими мотивами руководствовалась Императрица, да и вообще лучше поручить это дѣло Панину, черезъ котораго было передано касающееся меня распоряженіе. Маркизъ просилъ у Панина

*) Сынъ фельдмаршала съ красной лентой.

аудіенціи на завтра. До меня дошли слухи, что въ обществѣ теперь обвиняютъ больше Маркиза, чѣмъ меня. Его обвиняютъ въ слабости, податливости; но я очень доволенъ образомъ его дѣйствій по отношенію ко мнѣ. Немножко больше или немножко меньше твердости ничего не мѣняютъ въ положеніи дѣла, особенно когда противъ меня существуетъ предубѣжденіе. Я только жалѣю, что самъ не могу повидаться съ Панинымъ и поговорить съ нимъ о моемъ дѣлѣ, но Маркизъ этого не желаетъ. Если предубѣжденіе Императрицы противъ меня очень сильно, то почему же она меня не вышлетъ? Почему она публично не воспретила мнѣ появляться ко двору? Въ свѣтѣ никто, вѣдь, этого не знаетъ, такъ какъ Панинъ сказалъ только прусскому посланнику Сольму, который самъ въ опалѣ по поводу самоубійства бѣднаго Бахмана.

Сегодня вечеромъ видѣлъ Хюттеля, который ничего мнѣ не сказалъ. Между тѣмъ я знаю, что онъ сообщилъ Бемерамъ о томъ, что мнѣ запрещено бывать при дворѣ, и совѣтовалъ имъ поосторожнѣе выбирать знакомства, давая понять, что моя опала можетъ отразиться и на нихъ. Они такъ плохо приняли эту инсинуацію, всѣ три барышни такъ напустились на Хюттеля, что онъ вскочилъ и ушелъ, даже забывъ свою табакерку.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Вернувшись, видѣлъ де-Шимэ, который, желая оказать мнѣ услугу, видѣлся съ Панинымъ и говорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Панинъ не оправдываетъ Маркиза, а меня обвиняетъ только въ опрометчивости, свойственной туристу. Но это потому, что онъ судитъ по первому впечатлѣнію, которое не вѣрно. Де-Шимэ, такъ же какъ и всѣ мои друзья, негодуетъ, что мнѣ самому не удается поговорить съ министромъ. Панинъ сказалъ де-Шимэ, что онъ не желаетъ, чтобы я показывался на глаза Императрицѣ.

Это очень странно, и заставляетъ меня подозрѣвать, что онъ самъ выдумалъ запретъ появляться ко двору, а Императрица объ немъ ничего не знаетъ. Тайна, которую дѣлаютъ изъ этого запрета, подтверждаетъ мои подозрѣнія, такъ же какъ и совѣтъ Остермана обратиться за разъясненіемъ дѣла къ Панину. Надо это распутать, мой другъ.

Маркизъ былъ у Панина. Послѣдній сказалъ ему что не забываетъ о моемъ дѣлѣ, но что нужно дать Императрицѣ время успокоиться, такъ какъ она женщина и очень вспыльчивая. Къ этому онъ прибавилъ: «Я уже поручилъ коекому сдѣлать нѣкоторые намеки, да и Остерманъ, несмотря на свой отказъ, долженъ будетъ поговорить». Все это только подтверждаетъ мои подозрѣнія, а Маркизъ вполнѣ всему вѣрить. Онъ думаетъ что Панинъ поручилъ дѣйствовать кн. Рѣпнину, и спрашивалъ меня, нахожу ли я выгоднымъ и приличнымъ обратиться къ послѣднему съ просьбой о содѣйствіи, я отвѣчалъ что лучше подождать. Мнѣ очень хотѣлось бы выяснить вопросъ о томъ, кто собственно наложилъ на меня запретъ. Комбъ навелъ меня на одну мысль по поводу Рѣпнина. Ты знаешь, мой другъ, мои отношенія къ Нелединской; она мнѣ говорила что эти отношенія не безпокоятъ Рѣпнина, ея новаго любовника, а между тѣмъ теперь она не присылаетъ узнать о моемъ здоровьѣ. Надо подождать, да посмотрѣть что будетъ дальше. Можно воспользоваться услугами де-Шимэ; онъ окажетъ ихъ мнѣ отчасти по сочувствію, а отчасти изъ самолюбія, такъ какъ недоволенъ небрежностью Маркиза, не сообщившаго ему подробностей моего дѣла, тогда какъ онъ то именно и могъ бы помочь.

Понедѣльникъ, вторникъ и Среда, 16, 17 и 18.—Къ брату.

Мое дѣло все въ томъ же положеніи; можно сказать даже что оно усложняется, такъ какъ Императрица имѣетъ очень дурное обо мнѣ мнѣніе. Но публика, малопо-малу узнающая въ чемъ дѣло, отдаетъ мнѣ полную справедливость. Говорятъ, что это дѣло послужило лишь предлогомъ чтобы высказать мнѣ неудовольствіе. Предубѣжденіе Императрицы противъ меня вызвано, по видимости, моимъ легкомысліемъ, чисто французскими манерами, свѣтской жизнью, и проч. Къ этому прибавляютъ, что она считаетъ меня опаснымъ, потому что я вхожу въ

сношенія со всѣми недовольными ея правительствомъ, и дѣлаю что я хочу изъ Маркиза. Но дѣйствительной причиной этого предубѣжденія является моя близость съ гр. Андреемъ Разумовскимъ, а также сношенія съ Пиктэ и Леруа, которые помогли мнѣ во многомъ здѣсь разобраться. Императрица дѣлаетъ мнѣ много чести, считая опаснымъ человѣкомъ.

Панинъ интересуется моимъ дѣломъ; онъ отдаетъ мнѣ справедливость и порицаетъ Маркиза, который кончилъ тѣмъ, что пожертвовалъ мною, хоть я на него за это и не въ претензіи. Панинъ порицаетъ также Императрицу: «Она не разъ уже попала бы въ просакъ—сказалъ онъ—если бы я не устраивалъ дѣло». Онъ вполнѣ стоитъ за меня, но встрѣчаетъ противодѣйствіе, а такъ какъ онъ боленъ и не выходитъ, то дѣло и двигается очень медленно. Отчаяваться, впрочемъ, нельзя. Маркизъ говоритъ, что Барятинскому передавали мое дѣло въ очень мрачномъ свѣтѣ, а Визенъ говорилъ Альбертинѣ, что въ послѣднихъ трехъ депешахъ не было ни слова обо мнѣ. Надо подождать; можетъ быть я попробую повидаться съ кн. Орловымъ. Потомъ дамъ тебѣ отчетъ, мой другъ, о результатѣ моихъ хлопотъ. Это дѣло можетъ ускорить мое повышеніе и наше съ тобой свиданье; но какъ бы послѣднее ни было мнѣ пріятно, а покинуть Шарлотту будетъ очень тяжело.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Дѣло мое принимаетъ плохой оборотъ. Маркизъ, вмѣсто того чтобы признать его своимъ, воспользовался случаемъ отретироваться и свалить все на меня, говоря что онъ не зналъ что я дѣлаю, тогда какъ я исполнилъ только его распоряженія. Но я его не обвиняю; онъ такъ поступаетъ не съ дурными намѣреніями, а просто по слабости. Желаю чтобы онъ вышелъ сухъ изъ воды, но не надѣюсь на это. Онъ во всякомъ случаѣ испытаетъ то непріятное чувство, которымъ сопровождается недостатокъ твердости и которое онъ долженъ испытывать уже не въ первый разъ, такъ какъ всегда былъ слабъ и лишенъ увѣренности въ себѣ; здѣсь это знаютъ всѣ и французы и русскіе, которые называютъ его простакомъ. Что касается меня, котораго они упрекаютъ въ недостаткахъ совершенно противуположныхъ, то мнѣ это все равно, я уже рѣшился. Я уѣду отсюда уже нѣсколько познакомившись со страною. Смѣю думать что это знакомство можетъ быть полезнымъ для обоихъ Дворовъ. Эти люди думаютъ противное; но я ихъ жалѣю, а мнѣнія ихъ презираю. Какъ бы ни хотѣлось быть объ нихъ лучшаго мнѣнія, а поневолѣ приходится возвратиться къ печальной истинѣ: это настоящіе дикари, не обладающіе даже качествами, свойственными народамъ еще не цивилизованнымъ; они только грубы. Въ нихъ совмѣщается рабское одичаніе съ испорченностью, которую несетъ съ собою слишкомъ скороспѣлая цивилизація. Наклонные ко всѣмъ порокамъ, обусловливаемымъ роскошью, испорченные не успѣвши созрѣть, они напоминаютъ собою тѣ плоды, которые сняты въ незрѣломъ видѣ, не обладаютъ ни запахомъ ни вкусомъ, и никогда не будутъ обладать ими. И не почва въ этомъ виновата—Россійская Имперія богата всякими сокровищами; не виноватъ и садовникъ—Екатерина II, хотя и не представляетъ собою того, чѣмъ хочетъ казаться, а все же не плохая правительница. Она только женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, женщина, не имѣющая никакого понятія о философіи; дѣйствующая исключительно надъ вліяніемъ самолюбія; желающая скорѣе пользоваться эфемерной репутаціей въ Европѣ, чѣмъ благими дѣлами завоевать себѣ прочную въ своей странѣ.

Вообще, есть, пожалуй, одно только идеальное средство помочь этой странѣ достигнуть величія, зародышъ котораго она въ себѣ хранитъ, это—совершенно отдѣлить будущія поколѣнія отъ существующаго, для того чтобы избавить ихъ отъ гангрены, которая разъѣдаетъ послѣднее. Когда эта оздоровительная операція будетъ произведена, и нація вернется къ своей первобытной простотѣ, къ своимъ естественнымъ началамъ, тогда два-три послѣдовательно царствую-

шихъ монарха—философа могутъ постепенно, безъ кризисовъ и потрясеній, довести ее до возможнаго совершенства. Нужно, однакожъ, чтобъ эти монархи были русскіе по происхожденію, и имѣли неоспоримое право на престолъ, ими занимаемый, а не пріобрѣли его убійствомъ или другими злодѣяніями; нужно, чтобы ихъ власть, основывающаяся на справедливости, была любима и уважаема народами, которыми они управляютъ *).

Пятница и суббота, 20 и 21.—Къ брату.

Дѣла мои не двигаются. Маркизъ полагаетъ что онъ отдѣлался, а я этого не думаю. Всѣ упрекаютъ его въ томъ, что онъ мною пожертвовалъ. Онъ увѣряетъ, что Барятинскому писали изъ Парижа, требуя отмѣны запрета, а я увѣренъ что не писали, потому что Визенъ, видѣвшій послѣднія депеши, не нашелъ въ нихъ упоминанія о моемъ дѣлѣ. Маркизъ старается, повидимому, увѣрить себя, что кончено, такъ какъ теперь его меньше теребятъ; но сами коллеги его находятъ позорнымъ, что онъ оставилъ меня сидѣть въ ямѣ. А въ глазахъ публики, отдающей мнѣ справедливость, я сталъ даже интересной жертвой. Сегодня я не не выходилъ, такъ какъ мигрень, заставляющая меня сильно страдать, все еще продолжается.

Днемъ я узналъ, что нашъ домъ подвергнутъ полицейскому надзору и продается. Говорятъ даже что аббатъ состоитъ шпіономъ Чичерина. Я давно уже подозрѣваю его и Антона; говорилъ объ этомъ Маркизу.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Въ полдень былъ у Зиновьевой. Она приняла меня дружески и много говорила о моемъ дѣлѣ, и о томъ, что она сказала вчера де-Шимэ, убѣждая его похлопотать за меня у кн. Орлова. Онъ отвѣчалъ, что Маркизъ ничего ему объ этомъ не говорилъ, что онъ изъ всего дѣлаетъ тайны и пр. Ты видишь, мой другъ, что и онъ не особенно одобряетъ моего патрона, котораго я больше жалѣю чѣмъ порицаю.

Обѣдалъ у Шербатовыхъ; княгиня мать тоже удивлялась, что Маркизъ не старается меня вызволить. Она мнѣ посовѣтовала отправиться къ Остерману, что я тотчасъ же и сдѣлалъ. Этотъ министръ принялъ меня превосходно и сказалъ: «Мнѣ очень досадно, что все это отозвалось на васъ, тогда какъ мы бы должны имѣть дѣло съ французскимъ посланникомъ, а не съ вами; онъ свалилъ все на ваши плечи, вы и отдѣлываетесь». Я отвѣчалъ: «Разъ Маркизъ де-Жюанье донесъ куда слѣдуетъ, такъ ужъ мнѣ теперь дѣлать нечего; я подчнюсь волѣ Императрицы, но желалъ бы имѣть право разсчитывать на ваше заступничество, и надѣюсь, что вы отдадите мнѣ справедливость и повѣрите, что я велъ себя согласно своему долгу». Онъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, и далъ понять, что недоволенъ поведеніемъ Маркиза нетолько въ дѣлѣ Рабазоми, но и въ другихъ прочихъ. Затѣмъ разговоръ нашъ сталъ болѣе интимнымъ; Остерманъ разсказалъ мнѣ объ одномъ своемъ столкновеніи съ Маркизомъ и спросилъ, что я объ этомъ думаю. Я отвѣчалъ, что не мнѣ быть судьею между ними, тѣмъ болѣе, что я не знаю подробностей дѣла, но что все, имъ сказанное, кажется мнѣ весьма простымъ и справедливымъ.

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

У Маркиза были гости, а между прочимъ прусскій полковникъ Коцей (Сосеу), пріѣхавшій поздравить ихъ Высочества съ законнымъ бракомъ. Голландскій резидентъ много болталъ о моемъ дѣлѣ, говорилъ, что оно скоро кончится, что Императрица вчера улыбалась Маркизу, и что на нее подѣйствовали разговоры о запрещеніи мнѣ пріѣзда ко двору. Не знаю желалъ ли онъ что-нибудь изъ меня вытянуть, но во всякомъ случаѣ недостигъ цѣли—я ему ничего не сказалъ. Онъ былъ сегодня у меня, вмѣстѣ съ Комбсомъ.

Что касается дѣла, то я думаю, что если оно благополучно не кончится, то Маркизу не сдобровать. Сегодня уже, при дворѣ, говорили объ его отъѣздѣ и назначали ему преемника. Положительно

*) Курсив наш. (Прим. пер.).

не знаю, чѣмъ это кончится. Ужиналъ у фельдмаршала Голицына, гдѣ меня прекрасно приняли. Нужно терпѣніе, мой другъ.

Вторникъ, 24.—Къ брату.

При дворѣ былъ спектакль, я, конечно, не показывался. Ничего новаго, мой другъ. Сдѣлалъ много визитовъ, ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ были гости, и между прочимъ Марковъ, очаровательный членъ изъ Константинопольскаго посольства. Ему предлагаютъ сопровождать Остервальда на Мальту, но онъ говорилъ, что мой примѣръ открылъ ему глаза, доказавъ что не слѣдуетъ быть вторымъ лицомъ при человѣкѣ малаго ума и необладающимъ твердостью. Таковъ Остервальдъ да и многіе на него похожи!

Среда, 25.—Къ брату.

Не знаю, мой другъ, какимъ образомъ можетъ кончиться моя ссора съ дворомъ. Увѣряютъ, что Панинъ далеко не на моей сторонѣ, но говорятъ также, что онъ не въ ладахъ съ Императрицей, которая недавно намекнула ему письмомъ объ отставкѣ. Она, дѣйствительно, не любитъ его. Изъ трехъ отставныхъ фаворитовъ, Орлова, Потемкина и Завадовскаго, Потемкинъ теперь въ большемъ фаворѣ чѣмъ когда-либо, и недѣли черезъ три должны произойти, событія, доказывающія насколько этотъ фаворъ великъ. Маркизъ безпокоится о моемъ дѣлѣ, послѣдствія котораго отзовутся скорѣе на немъ чѣмъ на мнѣ.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Мы съ Комбсомъ обѣдали у Бильо. Она, по обыкновенію, много говорила о Маркизѣ, о томъ, что въ публикѣ смотрятъ на мою ссору съ дворомъ благопріятно для меня, и что мнѣ не слѣдуетъ выказывать особеннаго желанія поскорѣе примириться. Я и безъ совѣтовъ Бильо, которой нельзя вѣрить, держусь того же мнѣнія, и думаю, что мнѣ, ни въ чемъ не провинившемуся, слѣдуетъ держаться твердо и индифферентно по отношенію къ русскому двору, до котораго мнѣ нѣтъ дѣла. Кромѣ того съ удовольствіемъ узналъ, что Фонсколомбъ (Fonscolombe), нашъ посланникъ въ Генуѣ, выходитъ въ отставку. Ахъ если-бъ мнѣ дали это мѣсто! Вотъ было бы хорошо! Какъ пріятно было бы жить при этомъ маленькомъ дворѣ и какое наслажденіе покинуть Россію при такихъ условіяхъ.

Воскресенье, 29.—Къ брату.

Повѣришь ли ты, чтобы въ 45 лѣтъ, не обладая ни красотой, ни умомъ, ни богатствомъ, ни именемъ, ни талантами, доставляющими иногда счастье, можно было сводить съ ума всѣхъ молоденькихъ женщинъ города? Повѣришь ли ты, чтобы смерть такого человѣка, отличавшагося только простотою и добродушіемъ, могла произвести цѣлую революцію въ кружкѣ молодыхъ женщинъ? Этого многіе не смогутъ себѣ представить, а я это видѣлъ въ Петербургѣ!

Трагическій случай, происшедшій здѣсь нѣсколько дней тому назадъ, повергъ въ отчаяніе большую часть нашихъ здѣшнихъ красавицъ. Въ ночь съ четверга на пятницу умеръ Небушъ (Nébouch), бѣдный Небушъ, о которомъ я тебѣ такъ часто говорилъ. Онъ былъ очень полнокровенъ, и потому страдалъ удушьемъ и вообще плохо себя чувствовалъ. Какой-то шарлатанъ увѣрилъ его, что это зависитъ отъ полипа, и далъ рвотнаго. Хирургъ, съ которымъ онъ потомъ совѣтовался, предложилъ тотчасъ же пустить ему кровь, угрожая въ противномъ случаѣ дурными послѣдствіями. Небушъ отложилъ кровопусканіе на завтра, а ночью задохся отъ кровавой рвоты. Всѣ наши хорошенькія женщины захворали по этому поводу. Этотъ Небушъ, нѣмецъ по происхожденію, но родившійся въ Россіи, былъ бѣденъ, занималъ въ обществѣ довольно низкое положеніе и не блисталъ ни умомъ, ни талантами. Но онъ былъ честенъ, простъ и добръ. Мужчины обвиняли его въ безхарактерности, но я находилъ его слишкомъ хорошимъ для этой страны, такъ какъ онъ отличался прямотою, говорилъ правду и фаворитамъ и самой Императрицѣ. Эта прямота казалась мнѣ драгоцѣнной и достойной почтенія чертою характера. Я съ удовольствіемъ ухаживалъ за г-жей Зиновьевой,

которая дѣйствительно заболѣла отъ горя по поводу смерти Небуша. Эта Зиновьева, какъ я уже тебѣ говорилъ, одна изъ самыхъ милыхъ и естественныхъ женщинъ въ Петербургѣ. Она выказала мнѣ горячее участіе въ дѣлѣ Рабазоми.

Понедѣльникъ, 30.—Къ брату.

Не хочешь ли немножко политики, мой другъ, давно ужъ я съ тобой объ ней не говорилъ. Ты долженъ знать прежде всего, что уже съ мѣсяцъ какъ на всѣхъ трехъ фаворитовъ дуются: на Орлова—за то, что онъ влюбленъ въ Зиновьеву и хочетъ на ней жениться; на Завадовскаго—за участіе, которое онъ принималъ въ отставкѣ Пикте, такъ какъ въ ней уже раскаяваются съ тѣхъ поръ какъ послѣдній получилъ мѣсто во Франціи. Говорятъ даже, что и Воронцовъ не получилъ ленты за то же самое. На Потемкина тоже дулись за что-то, но теперь онъ вынырнулъ, въ большой чести, и ждетъ какихъ-то необыкновенныхъ милостей въ скоромъ времени; этотъ человѣкъ обладаетъ большимъ умомъ—тѣмъ тонкимъ умомъ, который даетъ успѣхъ при дворѣ. Ты знаешь, что онъ родился въ бѣдности и самъ предсказалъ свою судьбу прямо, объявивъ Императрицѣ, что если захочетъ быть любимымъ ею то достигнетъ своей цѣли; онъ не ошибся, какъ видимъ. Эти слова мнѣ передавала Зиновьева, слышавшая ихъ отъ самого Потемкина, еще ранѣе его фавора, въ кружкѣ Строгонова, Барятинскихъ, Загряжскихъ и проч., къ которому онъ тогда принадлежалъ и изъ котораго былъ даже исключенъ за злость и сварливость.

Дѣла Брюля повидимому налаживаются. Великій князь, отъ имени Императрицы, предложилъ ему жениться на Левшиной (Lofchin), или Алымовой (Alimof), съ правомъ отказаться, что онъ и сдѣлалъ по отношенію къ первой, въ чемъ я его вполнѣ оправдываю. Левшина не умна, безхарактерна и, должно быть, надоѣла Императрицѣ, которая желаетъ отъ нея отдѣлаться, что, въ сущности, дѣлаетъ отказъ отъ нея затруднительнымъ. Алымова—нѣчто совсѣмъ иное; да она и нравится Брюлю. Великій князь и великая княгиня, при которой она состоитъ, съ большимъ интерессомъ относятся къ ея замужеству. Переходя на русскую службу, Брюль сохраняетъ чинъ генералъ-лейтенанта, а потому можетъ сдѣлаться гофмаршаломъ великокняжескаго двора, что ему уже обѣщано когда уйдетъ Салтыковъ, получающій мѣсто генералъ-губернатора. Все это говорилъ мнѣ самъ Брюль, и я ему этого желаю.

Прекрасно провелъ вечеръ у Зиновьевой, гдѣ были Бемеры и фрейлина, графиня Ефимовская, много говорившая со мною о непостоянствѣ французовъ и о моихъ личныхъ привязанностяхъ.

Вторникъ, 31.—Къ брату.

Вотъ уже годъ какъ я въ Петербургѣ, мой другъ, и мы съ тобой больше года уже не видались. Не думалъ я, что мое отсутствіе такъ долго протянется и не знаю, когда наступитъ ему конецъ. Пожалуй что и скоро, въ виду моего здѣсь положенія, но я этого боюсь, такъ какъ ты знаешь, что меня связываетъ съ Петербургомъ.

Ѣздилъ къ Остерману поговорить о моемъ дѣлѣ; принялъ онъ меня хорошо, но изъ-за множества гостей говорить мнѣ не удалось. Затѣмъ я написалъ кн. Орлову и вернулся ужинать въ посольство. Тутъ тоже оказалось много гостей. Гр. Брюль говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ; они идутъ не совсѣмъ такъ, какъ ему хочется: Великій Князь желаетъ кончить ихъ поскорѣе, а Алымова не приняла предложенія. Эта дѣвица видитъ въ замужествѣ только желаніе отдалить ее отъ Ихъ Высочества. Она плачетъ при всякомъ упоминаніи о свободѣ; Великій Князь весьма милостиво сообщилъ объ этомъ Брюлю, хотя самъ очень сердится. Брюль просилъ содѣйствія г-жъ Ляфонъ—онѣ обѣщали постараться.

Годъ 1777.

Пятница, 3 Янв.—Къ брату.

Вчера у насъ было торжественное собраніе массоновъ, въ память несчастнаго Бахмана, который принадлежалъ къ числу членовъ. Ложа была затянута чернымъ сукномъ, какъ полагается по смерти маестра. Подъ звуки печальной музыки, гробъ съ куклой, изображающей покой-

наго, былъ перенесенъ въ другую комнату и поставленъ въ разукрашенную могилу. Церемонія довольно красивая, но зачѣмъ она? Я бы предпочелъ что-нибудь иное, но со сборомъ денегъ въ пользу сиротъ покойнаго, которые находятся въ крайней бѣдности. Но здѣсь форма всегда преобладаетъ надъ сущностью, здѣсь любятъ казаться, а не думаютъ о существенномъ.

Суббота, 4.—Къ брату.

Сегодня канунъ Рождества по старому стилю: въ русскихъ семьяхъ этотъ день празднуется играми. Я явился къ Спиридовымъ съ коротенькимъ визитомъ, но они задержали меня ради этихъ игръ, такъ что я у нихъ и ужиналъ. Несмотря на опалу, адмиралъ и его жена, добрые люди стариннаго покроя, приняли меня очень хорошо, что мнѣ доставило большое удовольствіе.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Празднество, о которомъ я тебѣ говорилъ, мой другъ, совершается собственно сегодня. По-русски оно называется праздникомъ цвѣтовъ *). Проѣздивъ цѣлый день съ визитами (здѣсь это обязательно, такъ же какъ въ Новый Годъ и на Пасхѣ), я ужиналъ у Щербатовыхъ, гдѣ собрались и Спиридовы съ семьею. Играли въ разныя русскія игры. Сначала собралась вся женская прислуга дома, и самая старая изъ женщинъ обошла всѣхъ присутствующихъ съ блюдомъ, на которое мы клали какой-нибудь предметъ, въ видѣ фанта; затѣмъ всѣ женщины выстроились у стѣны въ рядъ и запѣли по-русски длинную пѣсню, а во время этого пѣнія самое почетное лицо изъ присутствующихъ брало фанты съ блюда, покрытаго салфеткой. При каждомъ фантѣ, старшая пѣвица переставала пѣть и предсказывала судьбу владѣльца этого фанта, согласно смыслу того куплета пѣсни, который только что былъ пропѣтъ. Предсказано было много свадебъ, а мнѣ—большое счастье въ этомъ году. Женщины здѣсь вообще очень любятъ гадать, и на Рождествѣ многія крестьянки ходятъ по домамъ и гадаютъ на картахъ за деньги.

Поигравъ въ разныя игры, въ поѣздку въ Кіевъ, въ guéte à la romaine (?) и проч. мы сѣли ужинать, причемъ стали загадывать загадки. Щербатовъ спросилъ меня: что такое, будучи прибавлено къ тяжелому грузу, дѣлаетъ его легче?.. Оказалось — колеса кареты, которыя облегчаютъ ея движеніе. Мнѣ такъ понравилась эта загадка, что я обѣщалъ изложить ее въ стихахъ. Разошлись мы въ полночь, и я былъ очень доволенъ днемъ.

Понедѣльникъ, 6.—Къ брату.

Обѣдалъ у Голицыныхъ, а послѣ обѣда былъ у Бильо. Она много говорила о моемъ дѣлѣ. Талызинъ (Talésin) разсказывалъ ей, что по уходѣ моемъ отъ гр. Панина, послѣдній сказалъ: «Маркизъ Жюнье ведетъ себя какъ дуракъ; онъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей. Если онъ на военной службѣ не велъ себя лучше чѣмъ теперь, въ качествѣ дипломата, то значитъ совсѣмъ ужъ никуда не годится». Очень печально, мой другъ, что въ публикѣ уваженіе къ моему патрону видимо падаетъ. Говорятъ, что онъ уходитъ, переводится въ Швецію, но онъ самъ меня увѣрилъ, что это не правда. Задержка съ наймомъ другого дома для посольства подкрѣпляетъ эти подозрѣнія и слухи.

Есть слухи и еще болѣе непріяные—говорятъ о его связи съ женой Ивана Чернышова. Ты знаешь, что онъ у нихъ чуть не живетъ; я бы тоже считалъ его влюбленнымъ, если бы не зналъ, что онъ неспособенъ къ горячей привязанности. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нѣкій грекъ Ласкарисъ, состоявшій при Чернышовѣ, и привезшій знаменитый камень для пьедестала статуи Фальконэ, уѣхалъ во Францію. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе. Мѣстная хроника говоритъ, что жена Ивана Чернышова, надѣлавшая долговъ при своемъ отъѣздѣ изъ Парижа, поручила Ласкарису расплатиться съ ними. А Ласкарисъ, будто-бы, ссылается на то,

*) Надо думать, что авторъ перемѣшалъ слова: «Святки» и «цвѣтки». (Прим. пер.).

что всѣ счета, инструкціи и деньги потонули при крушеніи. Между тѣмъ всѣхъ долговъ было на 16000 р.; теперь говорятъ, что ихъ уплатилъ Маркизъ. Ты понимаешь, мой другъ, какой эффектъ произведетъ это извѣстіе, если распространится. При всѣмъ извѣстной скупости Маркиза, онъ могъ уплатить эти деньги только изъ суммъ министерства, ссылаясь на то, что сношенія съ графиней Чернышовой полезны для службы. Но вѣдь я писалъ уже тебѣ, что эта женщина совсѣмъ глупа и вполнѣ подчиняется своему мужу, безсовѣстному плуту, который могъ пользоваться ослѣпленіемъ Маркиза не только для того чтобы вытягивать изъ него деньги, но и для того чтобы снабжать его, черезъ свою жену, фальшивыми извѣстіями. А Маркизъ, недостаточно тонкій чтобы провести мужа, и недостаточно любезный чтобы подчинить жену, могъ сдѣлаться игрушкой ихъ обоихъ. Дай Богъ, чтобы мои предположенія не оправдались!

Вторникъ, 7.—Къ брату.

Маркизъ поручилъ мнѣ сегодня депешу въ Копенгагенъ, и дозволилъ прибавить нѣсколько словъ отъ меня лично къ маркизу де-Вераху, чѣмъ я и воспользовался, написавъ ихъ въ самомъ дружескомъ тонѣ. Я описалъ ему мою здѣшнюю жизнь, удовольствія, которыми пользуюсь, семьи, съ которыми знакомъ праздкества, и проч. и проч. Между прочимъ, я воспользовался случаемъ похвалить Императрицу и ея любезность въ частной жизни, разсказавъ, какъ эта Государыня проводитъ время въ тѣсномъ кружкѣ, играя въ тѣ же игры, въ которыя играютъ и всѣ ея подданныя. Въ этомъ году, впрочемъ, при Дворѣ игръ не было, а вмѣсто того танцовали. Причина, по которой я писалъ все это де-Вераку, состоитъ въ томъ, что здѣсь вѣдь всѣ письма распечатываются и экстрактъ изъ нихъ—особенно все то, что говорится объ Императрицѣ—ежедневно посылается Ея Величеству. Мнѣ совѣтовали даже нарочно описать мою исторію, въ письмѣ въ Парижъ. Я это и сдѣлалъ, но только не послалъ письма, думая что въ то время никого нельзя было этимъ обмануть. А вотъ теперь я воспользовался подходящимъ случаемъ. Посмотримъ что выйдетъ. Я, признаться, не люблю такихъ кривыхъ путей: если руль когда-нибудь окажется въ моихъ рукахъ, то я, столько же по гордости сколько и по свойственной мнѣ прямотѣ, никогда не буду пользоваться такими мизерными средствами, которыя доказываютъ только слабость и недостатокъ изобрѣтательности. Не правда ли—и ты такъ же думаешь?

Продолжаютъ говорить о будущемъ возвышеніи Потемкина, которое скоро должно объявиться. Орловы падаютъ. Гр. Алексѣй уѣхалъ въ Москву, и уѣхалъ недовольный. Нѣкоторые говорятъ, что свадьба кн. Григорія съ его двоюродной сестрой, Зиновьевой, скоро состоится и что молодые тотчасъ же потихоньку уѣдутъ. Подозрѣваютъ, что Императрица смотритъ на эту свадьбу сквозь пальцы, для того, чтобы сдѣлать Орлова ненавистнымъ народу, такъ какъ женитьба на двоюродныхъ здѣсь не въ обычаѣ и считается преступленіемъ. Она давно уже ищетъ случая отмстить Григорію Орлову за дурное съ ней обращеніе. Онъ часто бивалъ ее, и Пиктэ, бывшій свидѣтелемъ ихъ интимной жизни, говоритъ, что Екатерина жаловалась ему на Орлова и плакала. Мнѣ говорили, что имущество семьи Орловыхъ принадлежитъ, собственно говоря, коронѣ, и что монархъ можетъ отнять у нихъ это имущество.

Новый годъ долженъ принести много новыхъ назначеній, между прочимъ, посланниковъ въ Неаполь, Туринъ, Португалію и проч. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ стоитъ здѣсь отъ семисотъ до семисотъ пятидесяти тысячъ рублей, помимо секретныхъ расходовъ.

Бреланъ-де-ля Бреландьерь, этотъ кропатель плохихъ стиховъ, сосланъ въ Сибирь, такъ какъ участвовалъ въ подделкѣ банковыхъ билетовъ.

Среда, 8.—Къ брату.

Видѣлъ Фальконэ-сына, только что пріѣхавшаго изъ Франціи. Это закоренѣлый англоманъ, что меня предрасположило въ его пользу, а для него это нелишнее, такъ какъ, по внѣшности, его можно принять за слабоумнаго. Многіе такъ къ нему и относятся, но я не вѣ-

рю. Онъ привезъ изъ Парижа новую пьесу, надѣлавшую тамъ шума: Le Bureau d'esprit. Это комедія въ пяти актахъ и въ прозѣ, представляющая собой сатиру на m-me Жоффрэнъ и энциклопедистовъ. Приписываютъ ее многимъ, но настоящій авторъ кажется неизвѣстенъ. Единственный ея экземпляръ находится у великаго князя. Прочту когда достану.

Четвергъ, 9.—Къ брату.

О моемъ дѣлѣ—никакихъ слуховъ, милый другъ! Маркизъ въ него уже больше не вмѣшивается, что и не удивительно, такъ какъ у него своихъ хлопотъ много.

Провелъ вечеръ и ужиналъ у Спиридовыхъ, гдѣ было много гостей, играли во всевозможныя игры и танцовали, но я отъ танцевъ отказался, изъ приличія.

Молодая Спиридова, которой я сказалъ, что по той же причинѣ не буду завтра въ маскарадѣ, замѣтила, по поводу моей исторіи: «И по дѣломъ вамъ! Но я васъ хоть и браню, а все-таки жалѣю». Мнѣ ужасно нравится наивность этой молодой особы. Ей пятнадцать лѣтъ; глаза у нея черные и нѣжные, видъ простодушный и свѣжесть здоровой юности. Была тамъ и моя Шарлотта за ужиномъ, я хотѣлъ сѣсть рядомъ съ нею, но Спиридова насъ разлучила, посадивъ около себя. По глазамъ было видно, что Шарлоттѣ это не понравилось. Ужинъ прошелъ довольно весело, но меня опечалило извѣстіе, что молодая княжна Щербатова, кузина Спиридовой, страдаетъ падучей болѣзнью. Ужасно будетъ, если она не вылѣчится, ей всего восемнадцать лѣтъ, и притомъ она считается одною изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ въ Петербургѣ.

Пятница, 10.—Къ брату.

Я не говорилъ тебѣ о вчерашнемъ засѣданіи Академіи Наукъ, по поводу полувѣкового юбилея ея существованія. Король Прусскій состоитъ въ числѣ ея членовъ и отъ него было получено привѣтствіе, въ которомъ сказано, что выборъ его оправдывается глубокимъ его почтеніемъ къ Академіи. Празднованіе юбилея было отложено въ виду отсутствія директора, Домашнева, который былъ посланъ въ Берлинъ для сообщенія о женитьбѣ великаго князя. Онъ вернулся лишь недавно и, говорятъ, самъ хлопоталъ о томъ, чтобы празднованіе было отложено, для того, чтобы самому на немъ предсѣдательствовать. Это по-русски, мой другъ. Выбрали нѣсколько французскихъ ученыхъ, какъ напримѣръ: Бюффона, Добантона, Вольмонъ-де-Бамара, Сто-де-Ляфона и проч.

Ты помнишь, мой другъ, барона д'Юбена, шведа, пріѣхавшаго сюда съ поздравленіемъ по поводу свадьбы. Говорятъ, онъ—внукъ лакея, но теперь—кавалеръ Польскаго ордена Станислава и обладаетъ претензіями, свойственными не особенно умному человѣку. Впрочемъ, добрый малый, танцоръ, пѣвецъ и волокита. Смѣшныя стороны его характера очень потѣшаютъ здѣшнихъ насмѣшниковъ, не упускающихъ случая покуражиться надъ иностранцами, которыхъ ненавидятъ и которымъ завидуютъ. Недавно, праздность, завела нашего ухаживателя къ одной русской актрисѣ, притомъ—безъ приглашенія: она ему понравилась, онъ и рѣшился дѣйствовать наскокомъ. Но это не удалось, нимфа надѣлала шума, сосѣдъ прибѣжалъ къ ней на помощь. Тогда баронъ попробовалъ ее умилостивить предложивъ свои часы, красавица бросила ему ихъ въ лицо, и бѣдный рыцарь принужденъ былъ ретироваться съ расцарапанной физіономіей. Исторія быстро разошлась по городу, надъ барономъ смѣются, а онъ считаетъ долгомъ, изъ политики, разсказывать ее всѣмъ женщинамъ, отрицая, однако, свое въ ней участіе. Отъ этого онъ, конечно, становится еще смѣшнѣе, но не унываетъ—поетъ и танцуетъ всюду, гдѣ бы ни появился. Говорятъ, онъ скоро ѣдетъ.

Говорятъ о новыхъ назначеніяхъ въ посольства. Какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобы Разумовскій попалъ куда-нибудь!

Суббота, 14.—Къ брату.

Сегодня—послѣдній день русскаго года, мой другъ; вечеромъ родственники дѣлаютъ другъ другу подарки. Я ѣздилъ по лавкамъ и дѣлалъ закупки, потому

что, какъ ты можешь себѣ представить, желаю чтобы у Бемеровъ на меня смотрѣли какъ на родного. Я у нихъ ужиналъ, въ полночь мы всѣ перецѣловались и я роздалъ свои приношенія.

Вообще я больше влюбленъ и больше счастливъ чѣмъ когда-либо и страшно боюсь какъ бы обстоятельства не измѣнили моего положенія. Маркизъ ведетъ себя такъ мягко со всѣми и такъ дурно по отношенію ко мнѣ, что я могу сдѣлаться несчастной жертвой, хотя и оплакиваемой даже русскими, сочувствіе которыхъ не мало меня утѣшаетъ. Вотъ что значитъ, мой другъ, имѣть дѣло съ дюжиннымъ и нерѣшительнымъ человѣкомъ.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Вотъ и Новый Годъ прошелъ, а меня ко двору не пригласили, что очень обидно; я ожидалъ что къ этому дню запретъ будетъ снятъ.

Узналъ новость, доставившую мнѣ большое удовольствіе: гр. Андрей Разумовскій назначенъ русскимъ посланникомъ въ Неаполь. Онъ давно желалъ перейти на дипломатическую карьеру, а опала только усилила его желаніе путешествовать. Еще хорошо, что опала не помѣшала ему получить такое назначеніе. Императрица выказала много такта и милосердія избирая такого подходящаго къ дѣлу человѣка, потому что немногіе обладаютъ достоинствами Разумовскаго. Вообще, эта женщина совмѣщаетъ въ себѣ тактичность способнаго монарха съ тактичностью, свойственной ея полу. Между прочимъ, говорятъ, что Потемкинъ много содѣйствовалъ этому назначенію,

Принцъ де-Шимэ, который всѣмъ здѣсь нравится, не исключая Императрицы и Великаго Князя, сталъ предметомъ зависти для иностранныхъ посланниковъ. Говорятъ, что онъ будетъ назначенъ на мѣсто Маркиза, котораго отзовутъ; но въ этихъ слухахъ нѣтъ ничего правдоподобнаго. Говорятъ, что онъ самъ этого добивается косвенными путями, но я повторяю, что де-Шимэ вполнѣ честный человѣкъ и не способенъ на такую низость.

Понедѣльникъ, 13.—Къ брату.

При дворѣ былъ маскарадъ, и я на немъ не присутствовалъ въ силу запрета. Просилъ Маркиза донести де-Верженну, что, несмотря на опалу двора, я прекрасно принятъ во всѣхъ русскихъ домахъ; дѣйствительно, ко мнѣ всѣ относятся съ дружбой и довѣріемъ, за что я, конечно, очень благодаренъ.

Передавали мнѣ одну черту характера Императрицы, которою я остался очень доволенъ. Принимала она депутацію изъ Новгорода, въ которомъ вводится новая форма администраціи, и пригласила депутатовъ къ интимному обѣду. Новгородскій губернаторъ, графъ Сиверсъ *), котораго она очень любитъ, узнавъ объ этомъ сказалъ: «Но вѣдь эти господа—не особенно богатые люди».—«Извините, г. губернаторъ, отвѣчала Императрица, они очень богаты усердіемъ». Этотъ прекрасный отвѣтъ вызвалъ слезы на глаза депутатовъ и порадовалъ ихъ больше чѣмъ денежные подарки. Вотъ какъ дѣйствуютъ, мой другъ, способные правители, къ числу которыхъ принадлежитъ Екатерина II.

Вторникъ, 14.—Къ брату.

Собирался ужинать у Голицыныхъ, но Сперидовы меня задержали, хотя это мнѣ и было неудобно, такъ какъ я намѣревался, при помощи Матюшкиной, покончить свою ссору съ Нелединской. Отложу это на другое время. Спиридова показала намъ опытъ: намочивъ нитку въ кислыхъ щахъ (kislichl) съ солью, она сдѣлала ее нервущейся даже послѣ сгоранія,—кольцо, привязанное къ этой ниткѣ, не упало, несмотря на то, что нитка была сожжена.

Маркизъ послалъ депешу по моему дѣлу, но она такъ безцвѣтно и неловко составлена, что я сомнѣваюсь въ успѣхѣ; должно быть онъ хочетъ избавиться отъ

---

*) Яковъ Ефимовичъ, голштинецъ на русской службѣ. По словамъ Валишевскаго (Autour d'un trone), Екатерина употребляла его „на такія худыя дѣла, подробности которыхъ не желала знать, и на которыя не могла найти ни одного русскаго». Въ 1792 г. онъ былъ посланъ въ Польшу насиліемъ способствовать второму раздѣлу королевства.

меня, но я желаю этого еще больше чѣмъ онъ.

Нѣтъ никакой выгоды, мой другъ, состоять при людяхъ очень ограниченныхъ, особенно когда они не довольствуются ролью добраго человѣка. Къ счастію, де-Шимэ можетъ быть свидѣтелемъ всего, что тутъ происходило. Онъ говоритъ, что у Маркиза есть проекты, которыхъ онъ намъ не сообщаетъ. По правдѣ сказать—меня это безпокоитъ, но не пугаетъ.

У датскаго посланника, Асфельда, былъ сегодня обѣдъ; меня онъ не пригласилъ. Асфельдъ подражаетъ другимъ своимъ коллегамъ. Маркизъ не оправдываетъ такой политики по отношенію ко мнѣ, но я думаю, что онъ зналъ это заранѣе, что его предупреждали, такъ какъ иначе это было бы невѣжливо по отношенію къ нему. Впрочемъ мой патронъ не отличается дальновидностью, да и не претендуетъ на нее.

Среда, 15.—Къ брату.

Вотъ уже двѣ недѣли, мой другъ, какъ я въ ссорѣ съ Нелединской по поводу самыхъ невинныхъ шутокъ моихъ надъ нею и ея пасынкомъ, который особенно снабжалъ пищей мое остроуміе. Нелединская заговорила со мной такимъ тономъ, котораго я не потерплю даже отъ женщины. Я тотчасъ же ушелъ, но на другой день написалъ ей письмо, въ которомъ сказалъ, что если мои отношенія ко двору заставляютъ ее не желать меня видѣть, то я подчиняюсь ея рѣшенію, не признавая, однакожъ, за собою никакихъ провинностей по отношенію къ ней лично. Къ этому я добавилъ, что не осмѣлюсь явиться иначе какъ по особому приглашенію. Отвѣта не послѣдовало и я у Нелединской не былъ. Сегодня мы встрѣтились за ужиномъ, у Головиныхъ, и отнеслись другъ къ другу вѣжливо, но холодно.

Четвергъ, 16.—Къ брату.

Продолжаю безпокоиться по поводу моего дѣла, особенно въ виду отношенія къ нему Маркиза. Несмотря на то, что всѣ непріятности обрушились на меня только потому, что я слѣдовалъ его инструкціямъ, онъ не считаетъ этого дѣла своимъ, а всегда называетъ его дѣломъ шевалье де-Корберона. Это просто возмутительно! Ты знаешь, мой другъ, до какой степени сердце этого человѣка неспособно къ нѣжнымъ чувствованіямъ: справедливо говорится, что у скупыхъ душа бываетъ сухая и черствая. А у него нѣтъ даже любви къ порядку и справедливости, такъ какъ иначе онъ высказалъ-бы истину въ моемъ дѣлѣ и тѣмъ оправдалъ меня. Это нечто иное какъ слабый, глупый, нерѣшительный, человѣкъ, который навсегда останется дюжиннымъ. Еще разъ повторяю — тяжело подчиняться такимъ машинамъ. Де-Верженнъ — думалъ сдѣлать мнѣ добро, прикомандировывая къ Маркизу, а между тѣмъ изъ этого выйдетъ, пожалуй, худо, то есть по отношенію къ карьерѣ, такъ какъ философія даетъ мнѣ возможность жить внутренней жизнью совершенно самостоятельно, и я даже не хотѣлъ-бы, подобно Маркизу, сознавать себя прежде всего королевскимъ посланникомъ, а потомъ уже—человѣкомъ. Я, мой другъ, дорожу болѣе послѣднимъ званіемъ, и это предпочтеніе внесетъ, можетъ быть, въ мою жизнь крупицу счастья, несмотря на множество непріятностей, которыми мнѣ угрожаетъ излишняя впечатлительность.

Пятница, 17.—Къ брату.

Я говорилъ уже тебѣ, мой другъ, о церемоніи благословенія Невы *), поэтому теперь повторять не стану. Надо только замѣтить, что за послѣдніе 18 лѣтъ въ этотъ день ни разу не было такъ тепло какъ теперь. Вообще большихъ морозовъ въ эту зиму не было.

Обѣдалъ у Щербатова; былъ очень грустенъ, что всѣ замѣтили и приписали моему дѣду. Говорили объ этомъ по-русски, но я знаю что въ сочувственномъ ко мнѣ тонѣ. Маркизъ — единственный человѣкъ въ Петербургѣ, мнѣніе котораго на этотъ счетъ меня не утѣшаетъ. Кн. Щербатовъ вчера говорилъ о моемъ дѣлѣ съ вице-консуломъ, который отвѣ-

*) Крещенскій парадъ. (Прим. пер.)

чалъ, что сдѣлалъ все, что могъ. Передавая мнѣ этотъ отвѣтъ, Щербатовъ прибавилъ: «Не можетъ-ли вамъ помочь гр. Иванъ Чернышевъ»? — «Если-бы и могъ, такъ я бы къ нему не обратился»! отвѣчалъ я шопотомъ.—«Вы его знаете»: сказалъ Щербатовъ пожимая мнѣ руку. Онъ его тоже знаетъ, мой другъ, и презираетъ, какъ большая часть порядочныхъ русскихъ. Я разсказалъ объ этомъ де-Шимэ и хотѣлъ разсказать Маркизу, но принцъ меня отговорилъ. «Не слѣдуетъ, сказалъ онъ, безполезно обострять свои отношенія съ такими людьми. Онъ не избавится отъ своего ослѣпленія, а вамъ это можетъ повредить».

Ты видишь, мой другъ, до чего меня довели; но за меня разумъ, здравый смыслъ, принцъ де-Шимэ, мои друзья, и даже русскіе. Чего-же мнѣ больше?

Воскресенье, 19.—Къ брату.

Сегодня одинъ человѣкъ принесъ мнѣ добрую вѣсточку о моемъ дѣлѣ. Это—баронъ Мейеръ (Mayer), состоящій на службѣ и большой музыкантъ. Онъ далъ мнѣ понять, что, по отъѣздѣ Робазоми, я получу позволеніе являться ко двору. Не знаю откуда онъ получилъ такія свѣдѣнія, хотя онъ часто бываетъ у кн. Потемкина.

Вечеръ провелъ у Голицыныхъ. Новаго ничего не узналъ, такъ какъ мы занимались только осужденіемъ новой пьесы: Bureau d'esprit. Собственно говоря, эта пьеса есть критика на общество кн. Барятинской. Подозрѣваю, что авторомъ ея былъ Катюльянъ (Catuellan).

Вторникъ, 28.—Къ брату.

Мои отношенія къ двору не измѣнились. Зиновьевой кто-то говорилъ, что отсюда писали Барятинскому, чтобы онъ потребовалъ отъ французскаго двора моего удаленія, выбравъ такой моментъ когда шансы де-Верженна будутъ падать. Между тѣмъ бар. Майеръ продолжаетъ увѣрять, что дѣло мое кончится благополучно, и скорѣй чѣмъ я думаю. Кн. Потемкинъ будетъ говорить объ этомъ съ императрицею; онъ это обѣщалъ де-Шимэ, о чемъ передавалъ Майеру, который переходитъ въ русскую службу чтобы состоять при Потемкинѣ.

Молодой господинъ провелъ у меня вечеръ. Мы говорили объ исторіи, и я показалъ мою записку о вторженіи варваровъ въ Европу. Думаю, что онъ хочетъ изложить тоже самое по русски, покрайней мѣрѣ онъ выразилъ такое намѣреніе прочитавъ мою записку, которая очень ему понравилась. Его ожиданія такъ же не исполнились какъ и мои—камеръ-юнкеромъ онъ не назначенъ.

Мнѣ сказали, что сибирскому Нарышкину отрубили голову въ крѣпости (?), но это не правда—онъ въ Москвѣ, куда, по его дѣлу ѣдетъ фельдмаршалъ Голицинъ. Нарышкина, говорятъ, признали сумасшедшимъ и засадили въ монастырь. Разсказываютъ, что Тобольскій губернаторъ Чичеринъ (Sitfcherin) совершаетъ такія ужасныя вещи, что его бы слѣдовало казнить, но Императрица не рѣшается на это, сколько по гуманности, столько же изъ за страха. Этотъ страхъ, мой другъ, всегда живетъ въ сердцахъ деспотовъ.

Въ воскресенье, оберъ-гофмаршалу Голицину дана отставка, съ пенсіей въ 4000 р. Генералъ Сиверсъ, Новогородскій губернаторъ, получилъ въ подарокъ 20000 р. Это очень хорошій человѣкъ, который, будучи ливонцемъ, заслужилъ уваженіе русскихъ; это большая похвала.

При дворѣ составляется кадрилъ изъ 16 человѣкъ, въ томъ числѣ Барятинская, Нелединская, Трубецкая, Матюшкина и гг. Понятовскій, [1]) Голицинъ, д'Юбенъ и проч. Но Великій Князь, который не выноситъ Понятовскаго ни Барятинской, старается помѣшать составленію кадрили. Онъ сказалъ де-Шимэ: «Я очень радъ, что васъ тамъ не будетъ; между нами говоря, все это шуты гороховые» (polissons). Со стороны Великаго Князя, мнѣ кажется, глупо и неприлично было говорить такія вещи иностранцу, котораго онъ знаетъ всего два мѣсяца. Кадрильныя дамы въ бѣшенствѣ, но онѣ не смѣютъ ничего сказать.

---

[1]) Станиславъ, племянникъ короля Польскаго Станислава - Августа.

Въ понедѣльникъ я былъ на репетиціи италіанской оперы, на сюжетъ Метастазіо (Nitelli), сочиненной новымъ капельмейстеромъ, два мѣсяца тому назадъ пріѣхавшимъ изъ Неаполя—г-нъ Паэзіэлло [1]). Музыка мнѣ понравилась. Я отправился на репетицію, потому что на придворный спектакль не попаду, но и отсюда долженъ былъ скоро уѣхать, такъ какъ въ театръ, неожиданно, прибылъ Великій Князь. Но онъ все-таки знаетъ, что я былъ тамъ; де-Шимэ боится, какъ бы это не произвело дурного впечатлѣнія. А я нисколько не боюсь, и, на ужинѣ у Щербатовой, при Остерманѣ, прямо заявилъ, что былъ на репетиціи и уѣхалъ съ нея по причинѣ прибытія Великаго Князя.

Среда, 29.—Къ брату.

Я еще тебѣ ничего не говорилъ, мой другъ, о Датскомъ посланникѣ, Асфельдѣ, и о слухахъ, которые здѣсь про него ходятъ. Репутація его не лучше чѣмъ другихъ, прочихъ; надъ нимъ всѣ смѣются. Говорятъ онъ такъ скупъ, что сидитъ съ женой и компаньонкой, при одной сальной свѣчкѣ. Послѣ обѣда, онъ самъ осматриваетъ сколько вина осталось въ бутылкахъ, затыкаетъ ихъ мякишемъ бѣлаго хлѣба и запираетъ у себя въ кабинетѣ. Самъ ходитъ на рынокъ за мясомъ; нигдѣ не бываетъ и жену никуда не пускаетъ, изъ скупости. А между тѣмъ этотъ человѣкъ получаетъ 25000 р. въ годъ. Можешь судить насколько его мозгъ способенъ производить великія идеи.

Императрица сдѣлала прекрасные подарки артистамъ итальянской оперы: мужчины получили золотыя табакерки, а Бонафини—бриллiантовую брошку. Въ тотъ же день, Гриммъ получилъ табакерку съ портретомъ Императрицы, а Домашневъ—5000 р., 1000 р. прибавки къ жалованью, и табакерку въ 2500 рублей.

Ты знаешь, мой другъ, что де-Шимэ, благодаря Лобковичу, не пустили въ театральную ложу, предназначенную для лицъ дипломатическаго корпуса, а между тѣмъ Понятовскаго приняли. Это не очень пріятно для де-Шимэ, хотя надо замѣтить что Понятовскій играетъ здѣсь роль польского посланника, такъ какъ прислалъ благодарить Императрицу за границы. Онъ не представилъ, однакоже, вѣрительныхъ грамотъ, а потому его слѣдовало бы разсматривать только какъ племянника Польскаго Короля. Кромѣ того онъ не въ большихъ ладахъ съ дворомъ, особенно Великокняжескимъ.

Де-Шимэ имѣлъ сегодня большой разговоръ обо мнѣ съ гр. Панинымъ, который совершенно откровенно высказался насчетъ Маркиза. Онъ прекрасно знаетъ, такъ же, какъ Императрица, что именно Маркизъ послалъ Рабазоми въ посольскій домъ прежде чѣмъ я узналъ объ этомъ; что вернувшись домой въ полночь, я уже засталъ его въ своей комнатѣ, и оставилъ ночевать только по приказанію Маркиза. Панинъ прибавилъ также что къ нему, отъ имени Маркиза, приходилъ аббатъ Дефоржъ, который далъ честное слово, что Рабазоми въ посольствѣ нѣтъ, тогда какъ послѣдній былъ тамъ. Вотъ это то честное слово, сказалъ Панинъ, и было причиною того, что де-Корберона наказали вмѣсто его патрона. «Не люблю я этого аббата, замѣтилъ Панинъ, и манеры его, и рѣчи мнѣ нравятся». Но противъ меня существуютъ другія обвиненія. Этимъ лѣтомъ, въ Петербургѣ, какіе то путешествующіе французы надѣлали грязныхъ шалостей; Остерманъ получилъ отъ Императрицы приказаніе просить Маркиза принять противъ нихъ строгія мѣры. Вотъ и меня замѣшали въ эту исторію, хотя ты, мой другъ, видѣлъ изъ моего дневника что я въ это время хворалъ лихорадкой, и никакихъ сношеній съ безобразниками имѣть не могъ.

Четвергъ, 30.—Къ брату.

Боже мой, какъ растутъ сплетни! Какъ онѣ распространяются, усиливаются, видоизмѣняются!

Нормандецъ разсказывалъ сегодня у Бемеровъ, что Императрица читала вчера нешифрованную депешу де-Верженна къ маркизу, въ которой онъ будто бы потѣшается надъ дѣломъ Рабазоми, и проч.

[1]) Джіованни Паэзіелло восемь лѣтъ прожилъ въ Россіи, гдѣ, между прочимъ, сочинилъ свою знаменитую оперу Севильскій цирюльникъ.

А де-Верженнъ, напротивъ того, въ своей депешѣ, дѣйствительно нешифрованной, одобряетъ благоразумное поведеніе маркиза въ этомъ дѣлѣ и выражаетъ убѣжденіе, что оно не можетъ повредить ему въ глазахъ такой мудрой и просвѣщенной монархини, какова Императрица.

Я всегда думалъ, что дѣло Рабазоми не было настоящей причиной моего удаленія отъ двора, а теперь, узнавъ въ какомъ видѣ оно было представлено Императрицѣ, я въ этомъ окончательно убѣдился, и полагаю, что узналъ настоящіе мотивы моей опалы. Я тебѣ говорилъ о Никтэ, прожившемъ здѣсь около тринадцати лѣтъ. У меня были съ нимъ сношенія, и когда Императрица его выслала, то я не могъ отказать ему въ рекомендательномъ письмѣ къ де-Верженну. Онъ, въ свою очередь, тоже имѣлъ неблагоразуміе письменно поблагодарить меня за пріемъ, оказанный ему министромъ, да и самъ министръ написалъ мнѣ по этому поводу нешифрованное письмо. Все это было прочтено и поставлено мнѣ на счетъ. Ну, конечно, мой другъ, они могли меня упрекать за такую переписку, но если бы я былъ здѣсь посланникомъ, то и тогда старался бы пользоваться своими знакомствами на благо обѣихъ странъ. Таковъ, по моему, главный принципъ политики: посланникъ не долженъ пользоваться своимъ знаніемъ страны, въ которую посланъ, къ ея невыгодѣ, иначе онъ будетъ содѣйствовать не сближенію странъ, а къ усиленію вражды между ними.

Мнѣ приписываютъ еще другіе проступки, въ которыхъ я уже рѣшительно невиновенъ; таковы, напримѣръ, сношенія Сенъ-Поля и Пюисегюра съ Шампаньоло, у которой я, всего одинъ разъ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, провелъ четверть часа, да и то противъ воли. Готовъ въ этомъ поклясться чѣмъ угодно. Между тѣмъ, изъ намековъ Нессельроде видно, что именно сношенія съ Шампаньоло являются главнымъ противъ меня обвиненіемъ. Этимъ я, должно быть, обязанъ фальшивому доносу Ивана Чернышова, который, будучи низкимъ, лживымъ и злымъ человѣкомъ, способенъ на все, а меня терпѣть не можетъ.

Пятница, 31.—Къ брату.

Шарлотта говоритъ, что Императрица дуется на генерала Бауэра*), за то, что онъ намѣревался перейти на французскую службу, какъ это выяснилось изъ нешифрованнаго отвѣта де-Верженна маркизу. Посылать такое письмо нешифрованнымъ было, разумѣется, весьма неблагоразумнымъ поступкомъ со стороны версальскихъ канцелярій. Дочь Бауэра, фрейлина, тоже заслужила неблаговоленіе Императрицы тѣмъ, что привезя изъ Дармштадта письма къ покойной великой княгинѣ и не заставъ уже ея въ живыхъ, отправила эти письма обратно, вмѣсто того, чтобъ передать ихъ Императрицѣ.

Ты видишь, другъ мой, какъ здѣсь относятся къ свободѣ и чужимъ секретамъ. При такой формѣ правленія это и не удивительно. Бауэры не хотятъ здѣсь оставаться и въ текущемъ году уѣдутъ.

Суббота, 1 февраля.—Къ брату.

Сегодня я обѣдалъ по-русски, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это былъ чисто военный обѣдъ у полковника Вяземскаго. Говорили о военномъ сословіи и согласились, что въ Россіи оно не пользуется такимъ уваженіемъ какъ во Франціи. Здѣшніе офицеры не обладаютъ корпоративнымъ духомъ, потому что свободно могутъ переходить изъ одного полка въ другой, что и мѣшаетъ развитію прочныхъ связей.

Молодой Нелединскій, немножко подвыпившій, принялся горячо толковать о политикѣ и морализировать. Жаль, что этотъ молодой человѣкъ начинаетъ кутить. Онъ много читалъ, и голова у него хорошая, но онъ можетъ погибнуть для родины и общества, если будетъ предаваться кутежамъ, даже и въ нихъ внося резонерство.

Дѣло мое не двигается. Спиридова говоритъ, что де-Шимэ значительно его подвинулъ; не знаю. Кстати о де-Шимэ; графъ Панинъ, разговаривая съ нимъ

*) Дармштадтецъ на русской службѣ; говорятъ, онъ много содѣйствовалъ побѣдамъ Румянцова.

о Ляссн и о вліяніи послѣдняго на маркиза, сказалъ: «Если бы кто-нибудь собрался разрушить Имперію, то не могъ бы лучше приняться за это дѣло». А между тѣмъ не только Ляссн былъ оракуломъ для нашего маркиза, но и Нормандецъ—тяжелый Нормандецъ—наслѣдовалъ ему въ этой роли *). Они по два, по три часа нѣсколько разъ въ недѣлю просиживаютъ вмѣстѣ; одинъ только Богъ знаетъ, какую они тамъ политику дѣлаютъ.

Воскресенье и понедѣльникъ, 2 и 3.—Къ брату.

Толки о моемъ дѣлѣ продолжаются, но какіе толки? Кн. Щербатовъ, напримѣръ, разсказываетъ что я танцовалъ, на придворномъ балу, въ военной формѣ. Да хоть бы и такъ! Что-жъ тутъ необыкновеннаго въ странѣ, гдѣ нетолько всѣ военные танцуютъ въ мундирахъ, но и большинство иностранныхъ посланниковъ не носятъ другого костюма.

Затѣмъ де-Верженнъ отвѣтилъ на вторую депешу по поводу моихъ отношеній ко двору. Онъ ясно и категорически меня оправдываетъ, что даетъ мнѣ возможность не бояться гнѣва моего правительства. Но Комбсъ говоритъ, что для Маркиза такой отвѣтъ не можетъ считаться благопріятнымъ. И онъ правъ: Маркизу отвѣтили на рапортъ, написанный съ цѣлью самооправданія, обвиняющій Императрицу и ея министровъ въ предубѣжденіи. Будетъ ли здѣшній дворъ доволенъ такой постановкой вопроса? не захочетъ ли онъ оправдать свое поведеніе? Что касается меня, то мнѣ обѣщаютъ скорое окончаніе дѣла въ мою пользу; говорятъ, Императрица обѣщала вернуть меня ко двору когда уѣдетъ Робизоми. По правдѣ сказать—не ожидалъ чтобы мною такъ много занимались. Комбсу писали изъ Риги, что я уѣзжаю.

Вторникъ, 4.—Къ брату.

Наше положеніе здѣсь, мой другъ, съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе, потому что Маркизъ подаетъ поводы къ толкамъ, весьма для него неблагопріятнымъ, а это падаетъ на всю націю. Его вѣчныя, таинственныя совѣщанія съ бѣднымъ Нормандецомъ, возвеличивающія этого ничтожнаго повѣреннаго въ дѣлахъ (чѣмъ онъ уже хвастается), никого, конечно, не пугаютъ, но они даютъ поводъ смѣяться надъ нами. Маркизъ дѣйствуетъ непослѣдовательно и неловко, является игрушкой въ рукахъ Ивана Чернышева и Лобковича, наконецъ стѣсняетъ рѣшительно всѣхъ. А въ домашнихъ дѣлахъ имъ руководитъ аббатъ Дефоржъ, пользующійся здѣсь дурной славою. Все идетъ къ черту, а Маркизъ только радуется. Де-Шимэ видитъ, что дѣло идетъ плохо, и сердится, но это ничему не помогаетъ.

Принцъ де-Шимэ оригинальный человѣкъ. Если я до сихъ поръ не очертилъ тебѣ его характера, такъ только потому, что это не легко. Не получивъ хорошаго образованія, и не обладая отъ природы, стойкимъ и цѣльнымъ характеромъ, онъ, вѣроятно, вырабатывалъ различныя убѣжденія, противуположныя наслѣдственнымъ предразсудкамъ и неподходящія къ его положенію, а кончилъ тѣмъ, что ничего стойкаго и послѣдовательнаго не выработалъ—въ его-то годы, когда люди уже перестаютъ мѣняться. Съ одной стороны, онъ очень высоко ставитъ свое происхожденіе, а съ другой, по привычкѣ къ придворной жизни, способенъ унижаться; рѣзкій, въ тѣхъ случаяхъ когда не встрѣчаетъ препятствій своимъ мнѣніямъ, онъ становится мягкимъ, когда не чувствуетъ за собою силы поддержать ихъ, или когда надѣется выиграть промѣнявъ ихъ на чужія. Не обладая большимъ самолюбіемъ и не имѣя опредѣленныхъ цѣлей, онъ постоянно колеблется между крайностями, смотря по вліянію окружающихъ обстоятельствъ. Многообразіе формъ, въ которыхъ онъ, такимъ образомъ, является, заставляетъ предполагать отсутствіе у него и характера и ума; между тѣмъ онъ не глупъ и не фальшивъ, а просто крайній эгоистъ, притомъ слѣпой. Непослѣдовательность и неопредѣленность его поведенія заставляетъ иногда предполагать въ немъ отсутствіе сердца и даже честности, а между тѣмъ онъ не жестокъ и не безчестенъ.

*) Нормандецъ, въ это время, завѣдывалъ испанскимъ посольствомъ, за отсутствіемъ Ляссн, получившаго отпускъ.

Исключительный эгоизмъ, заставляющій его все относить къ самому себѣ, доводитъ его иногда до ребячества, дѣлаетъ мелочнымъ и смѣшнымъ. Прибавьте къ этому отсутствію душевной твердости, слабость физическую, и вы не удивитесь, что принцъ де-Шимэ то является слишкомъ высокомѣрнымъ, то черезчуръ скромнымъ; то очень довѣрчивымъ, то очень замкнутымъ; то подозрительнымъ, то слѣпымъ—веселымъ, печальнымъ, философомъ, мизантропомъ, беззаботнымъ, скупымъ, ищущимъ удовольствій—однимъ словомъ самымъ непослѣдовательнымъ, самымъ неуравновѣшеннымъ, а потому, безъ сомнѣнія, и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Вторникъ, 25.—Къ брату.

Я тебѣ часто говорилъ, мой другъ, что любовь и дружба утѣшаютъ меня въ несчастіи. Во главѣ моихъ здѣшнихъ друзей стоятъ Бемеры, а за ними слѣдуютъ Щербатовы, Головины и Нелединская. Я только и живу въ ихъ обществѣ, пріятно удивленный постоянствомъ русскихъ въ дружбѣ, и съ своей стороны культивируя это постоянство.

Въ четвергъ 6-го я ѣздилъ, со Спиридовыми кататься на саняхъ. Доѣхали мы до фарфороваго завода, который я уже знаю. Нѣтъ тамъ ничего особенно хорошаго и замѣчательнаго. Фаянсовый заводъ лучше: тамъ есть рисовальная школа, очень хорошо поставленная. Она учреждена для мужицкихъ дѣтей (petits moujiks), которые живутъ въ очень чистенькихъ дортуарахъ, гдѣ у каждаго своя постель(?). Рядомъ съ дортуарами находится большой залъ, въ которомъ они ѣдятъ, работаютъ и разыгрываютъ пьесы—благодаря лишенному смысла Бецкому, театральная манія проникла всюду.

Въ воскресенье я обѣдалъ у тѣхъ же Спиридовыхъ, а затѣмъ мы смотрѣли бѣга на саняхъ, устраиваемые на Невѣ, въ Галерной (Galernhof) *). На этихъ бѣгахъ всегда бываетъ много народа и онѣ довольно красивы.

Въ среду, 12-го (по здѣшнему 1-го), захворалъ Гарри. На другой день болѣзнь его усилилась. Я ужиналъ въ этотъ день у Головиныхъ и старая графиня гадала мнѣ на картахъ, причемъ предсказала перемѣну къ лучшему въ моемъ положеніи. Кромѣ того она объявила что особа, которую я люблю, въ свою очередь нѣжно меня любитъ; что проектамъ нашимъ, на счетъ брака, не суждено сбыться въ близкомъ будущемъ; что я, тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи буду счастливъ; что скоро я узнаю новость, которая меня очень обрадуетъ и удовлетворитъ; что этой радостью я буду обязанъ человѣку, котораго я мало знаю, но который мною очень интересуется и что, по окончаніи моего дѣла, этотъ человѣкъ уѣдетъ въ Москву.

Въ воскресенье, 16-го, я ухаживалъ за Гарри, слабость котораго меня очень безпокоила. Зубной врачъ, Дюбрейль, его другъ, видимо началъ отчаяваться, а Комбсъ, по своему обыкновенію, ничего не говорилъ. Вошелъ Маркизъ съ саксонскимъ посланникомъ, барономъ Сакеномъ. Я ихъ встрѣтилъ довольно холодно, особенно послѣдняго, потому что не до нихъ было. Погрѣвшись немножко, Маркизъ сказалъ: «Вы можете поблагодарить барона. Благодаря его дружескимъ стараніямъ, ваше дѣло благополучно кончилось—можете вернуться ко двору». Признаюсь, мой другъ, я не былъ ни удивленъ, ни обрадованъ этой новостью; даже не нашелъ подходящихъ выраженій чтобы поблагодарить Сакена и обѣщалъ сдѣлать это послѣ. Сообщивъ мнѣ, что опала снята черезъ кн. Орлова, посѣтители удалились. А какъ только они вышли, то невозможность сообщить принесенную ими новость бѣдному Гарри, его тяжелое состояніе, ожиданіе дурного исхода, до такой степени потрясли меня, что я разразился слезами. Комбсъ сталъ меня уговаривать; актеръ Дюгэ, бывшій тутъ же, подумалъ, что мнѣ приказано вернуться во Францію, и всѣ мы повѣсили носы, вмѣсто того чтобы радоваться. Долженъ отдать справедливость Маркизу—въ этомъ случаѣ онъ оказалъ мнѣ услугу не ради блеска, а изъ дружбы.

*) Какъ видно будетъ ниже, слово Galernhof обозначаетъ именно Галерную улицу, или лучше сказать Англійскую набережную, а не Галерную гавань. *(Прим. перев.)*.

На другое утро Гарри стало лучше и у насъ родилась надежда спасти его отъ страшной болѣзни, потому что у него была холера (cholera morbus).

Въ среду я долженъ былъ ужинать у Спиридовыхъ, такъ какъ мать и двѣ дочери собирались, на другой день, ѣхать въ Москву. Въ десять часовъ вечера я вернулся посмотрѣть Гарри, обѣщавъ Спиридовымъ пріѣхать завтра обѣдать и проститься съ ними. Новость о моей реабилитаціи при дворѣ уже распространилась по городу; Спиридовы поздравили меня съ такой простотой и наивностью, которая сохранилась только въ провинціи. Я былъ отъ нея въ восторгѣ. Особенно старшая Спиридова, которой, всего 16 лѣтъ, свѣжая какъ роза, наговорила мнѣ любезностей и даже пропѣла въ полголоса: «Какое счастье! Онъ прощенъ! Значитъ всѣ мы прощены!.. И въ особенности—я», добавила она шопотомъ. Ты понимаешь, мой другъ, какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова, сказанныя молоденькой и хорошенькой дѣвушкой потихоньку, на такого шалопая какъ твой братъ! Я былъ тогда шалопаемъ въ душѣ, мой другъ, и сталъ-бы имъ на дѣлѣ, при случаѣ... но... надо же быть нравственнымъ.

Моей реабилитаціи недоставало однакожъ офиціальнаго признанія. Вечеромъ я его получилъ, или, лучше сказать, получилъ Маркизъ, въ формѣ письма отъ Панина, увѣдомлявшаго, что императрица дозволяетъ мнѣ, попрежнему, бывать при дворѣ.

На утро я отправился благодарить Орлова, Панина, Остермана и проч. Благодарность была необходима, но я постарался сократить мою благодарность, потому что, въ сущности, мнѣ только отдали должное. Бемеры дали мнѣ знать, что кн. Орловъ говорилъ обо мнѣ съ генераломъ Бауэромъ, и очень меня хвалилъ за благоразуміе и деликатность. Бауэръ, именно, и посовѣтовалъ ѣхать благодарить его.

Воскресенье, 23, было для меня великимъ днемъ—я вновь появился при дворѣ, хотя ты понимаешь, мой другъ, что это не особенно великая милость. Я туда пріѣхалъ вмѣстѣ съ Маркизомъ, получилъ множество поклоновъ — это единственные комплименты, которые я допускалъ, такъ какъ всякій разъ когда собирались меня поздравлять, я переставалъ слушать. Вышла императрица, я поцѣловалъ ея руку какъ обыкновенно, безъ всякой аффектаціи. Она видимо избѣгала моихъ взглядовъ, для того-ли чтобы меня не сконфузить или для того чтобы самой не сконфузиться. Я потомъ узналъ отъ Сакена, которому много обязанъ въ этомъ дѣлѣ, что въ первый разъ, когда Орловъ заговорилъ обо мнѣ съ императрицей, она молча отвернулась и заговорила съ кѣмъ-то другимъ. Всякій другой, на мѣстѣ Орлова, не сталъ-бы настаивать и даже измѣнилъ-бы, можетъ быть, свое собственное мнѣніе, но князь, напротивъ того, сталъ смотрѣть на нее съ холоднымъ вниманіемъ, и съ той настойчивостью, которую разумъ имѣетъ право употреблять противъ слабости.

Такая твердость заставила императрицу вновь къ нему обратиться, причемъ онъ вернулся къ прежнему разговору и заставилъ ее сказать наконецъ: «Ну, пусть онъ вернется ко двору; теперь все забыто». А между тѣмъ она писала къ Панину, спрашивая, не компрометируетъ-ли ее такая снисходительность. Министръ отвѣчалъ, что напротивъ, эта снисходительность сдѣлаетъ ей честь. Такимъ образомъ, дѣло мое благополучно кончилось *)

Эту черту, въ характерѣ кн. Орлова, тебѣ полезно знать, мой другъ. Онъ откровененъ, прямодушенъ, честенъ и обладаетъ твердой волей. Если-бы онъ обладалъ государственными знаніями, да постоянствомъ, которое необходимо для общественнаго дѣятеля, такъ это былъ-бы великій государственный человѣкъ, онъ спасъ-бы Россію.

Вчера утромъ, мой другъ, въ 9 часовъ, я отправился къ кн. Орлову. Онъ живетъ въ огромномъ домѣ, на Мойкѣ (Моска), гдѣ и я живу. Кабинетъ князя былъ полонъ людьми, ожидающими его выхода. Это былъ настоящій дворъ, о которомъ у насъ, въ европейскихъ странахъ, не имѣютъ понятія. Наши министры и даже принцы крови прини-

*) По этому поводу Нормандецъ сообщалъ испанскому королю, что Маркизъ де-Жюнье получилъ выговоръ отъ своего правительства за дѣло Корберона, и долженъ былъ довольно униженно оправдываться.

маютъ вполнѣ одѣтые, и относятся къ публикѣ съ уваженіемъ. А здѣсь азіатскіе нравы оставили еще за собою деспотическую небрежность, вслѣдствіе которой высокопоставленные люди обращаются съ публикой довольно нахально. Князь вышелъ къ намъ изъ своей комнаты въ халатѣ, съ растрепанными волосами и съ длинной трубкой во рту. Всѣ стали подходить и раскланиваться. Когда пришла моя очередь, то я сказалъ, что нѣсколько разъ уже заѣзжалъ къ нему, но не заставалъ. Князь не далъ мнѣ договорить, взялъ за руку и сказалъ, что очень радъ былъ исполнить мое желаніе и впередъ проситъ пользоваться его услугами. Затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, велѣлъ парикмахеру дѣлать папильотки, а самъ продолжалъ курить и разговаривать. Со мной онъ, однакожъ, говорилъ не долго. Спросивъ о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, онъ приказалъ показать мнѣ свою картинную галлерею. Когда я проходилъ черезъ толпу, всѣ меня привѣтствовали—такую власть надъ людьми имѣетъ фаворъ сильнаго человѣка! Осмотрѣвъ картины, среди которыхъ есть хорошія, преимущественно фламандской школы, я вернулся опять къ князю, простился съ нимъ, и ушелъ очень довольный своимъ визитомъ. Орловъ, въ тотъ же вечеръ, уѣхалъ въ Москву. Говорятъ, что онъ уже женатъ на своей кузинѣ, Зиновьевой, и ѣдетъ мириться съ ея родителями.

Ужиналъ у Голицыныхъ, гдѣ Матюшкина разсказала мнѣ въ чемъ состоятъ оскорбленія, нанесенныя Андреемъ Разумовскимъ Нелединской. Ты знаешь, что несмотря на свою связь съ нею, онъ ухаживалъ за всѣми женщинами, даже въ ея присутствіи. Въ день отъѣзда изъ Петербурга, онъ, вмѣстѣ съ Матюшкиной, ужиналъ у Нелединской. За ужиномъ послѣдняя плакала, а онъ ѣлъ за троихъ и требовалъ, чтобы Матюшкина ѣхала провожать его до Екатерингофа, а когда та стала отговариваться, то онъ заявилъ, что поѣдетъ одинъ, что онъ ни въ комъ не нуждается. Бѣдная Нелединская уже сама стала упрашивать Матюшкину ѣхать, чтобы и самой какъ-нибудь за ними увязаться. Наконецъ, выѣхали; Андрей не захотѣлъ въ каретѣ сѣсть рядомъ съ Нелединской, а сѣлъ противъ Матюшкиной, которая попросила только довезти ее до дому. Передъ тѣмъ какъ ей выходить, Разумовскій залился слезами, сталъ цѣловать ея руки и говорить, что только съ нею ему жаль разстаться, только она привязываетъ его къ Петербургу, и проч. Можешь себѣ представить положеніе бѣдной Нелединской! Она его проводила, однако, до Екатерингофа. Признаюсь, я никогда не могъ понять поведенія Андрея въ качествѣ любовника и волокиты: въ первой роли ему не хватаетъ порядочности, а во второй — ловкости. Но его ослѣпляетъ тщеславіе, которое, я полагаю, служитъ главнымъ двигателемъ его поступковъ. Надо надѣяться, что годы, а также хорошее сердце, въ которое я не перестаю вѣрить, исправятъ его современемъ и возвратятъ къ естественности.

Пятница, 28.—Къ брату.

Обѣдалъ у Лобковича. Говорили о его замѣстителѣ, Кауницѣ. «Это — фатъ», сказалъ мнѣ, на ухо, сидѣвшій рядомъ со мной Нессельроде; «онъ будетъ дѣлать всѣ глупости, какія ему прикажутъ». Потомъ я былъ у Бемеровъ, у Остермана, и наконецъ на придворномъ маскарадѣ, гдѣ очень скучалъ.

Понедѣльникъ, 3 марта.—Къ брату.

Давно не видалъ ни Щербатовыхъ, ни Спиридовыхъ, а сегодня обѣдалъ у послѣднихъ. Молодая Спиридова показывала мнѣ свои рисунки, которые очень недурны, если только дѣйствительно она ихъ сама рисовала. Опять мнѣ говорили объ исторіи Брюля и Дугни, объ ихъ проектированной и несостоявшейся свадьбѣ. Спиридова видѣла дядю молодой дѣвушки, который говоритъ, что Брюль приходилъ къ нему и плакался на невозможность въ данную минуту жениться на его племянницѣ, причемъ заявилъ, что готовъ сдѣлать для нея все, чего можно ждать отъ него. Не понимаю я этой исторіи.

Вторникъ, 4.—Къ брату.

Сегодня обѣдалъ у Щербатова, съ Архаровымъ, московскимъ полиціймей-

стеромъ. Его пріѣздъ сюда вызываетъ толки. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ будетъ любовникомъ Императрицы.

Баронъ Строгоновъ, котораго вы намъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, прислали изъ Парижа, расшибъ себѣ голову, при паденіи, и умеръ. Это былъ человѣкъ, по меньшей мѣрѣ, безполезный.

Пятница, 7.—Къ брату.

Сегодня писалъ къ де-Верженну, мой другъ, въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ говоритъ о моихъ сношеніяхъ съ Рабазоми. Я отвѣчалъ, что таковыхъ никогда не было.

Былъ на придворномъ маскарадѣ. Масса народу собралась, чтобы посмотрѣть испанскую кадриль изъ двѣнадцати паръ, съ великимъ княземъ и его женой во главѣ. Всѣ были одѣты въ бѣлое и голубое. Ничего особеннаго однакожъ; мнѣ этотъ маскарадъ не понравился: стѣсненіе и манерность, царствующія при Дворѣ, отняли у него всю прелесть. Съ полчаса пробыли мы у фрейлины Бауэръ, помѣщеніе которой, по меблировкѣ, напоминаетъ квартиру уличной дѣвицы—главнымъ образомъ диваны и альковы. Въ половинѣ перваго я уѣхалъ.

Суббота, 12 апрѣля.—Къ брату.

Пишу тебѣ два слова, мой другъ, только для того, чтобъ увѣдомить о нашемъ переѣздѣ въ другой домъ. Завтра мы уже будемъ ночевать на Галерной, гдѣ у меня прекрасная квартира, которую я тебѣ потомъ опишу. Точно также скажу тебѣ тогда, почему молчалъ съ 7 марта, а пока—прощай.

Воскресенье, 13.—Къ брату.

Я тебѣ обѣщалъ сказать, почему не писалъ цѣлыхъ пять недѣль. Сначала помѣшала карнавальная суета, а потомъ—нездоровье. Я простудился, а здѣсь вѣдь всѣ болѣзни происходятъ отъ простуды.

Дѣло въ томъ, что на первой недѣлѣ я катался съ ледяныхъ горъ (partie de glisser) въ Галерной гавани (Galler haven). Это—маленькій городокъ въ 3 верстахъ отъ Петербурга. Мы были на дачѣ Ивана Чернышова, на дворѣ которой устроены прекрасныя горы (glissoire?). Совершенно новое ощущеніе! Сначала быстрота движенія пугаетъ, а потомъ начинаетъ нравиться. Стоялъ большой морозъ; я былъ въ шубѣ, да еще согрѣлся отъ движенія, а потомъ должно быть и простудился. Дня черезъ два начались боли во всемъ тѣлѣ, съ лихорадкою, а потомъ страшный кашель, который и теперь продолжается. Прощай, мой другъ, ложусь спать впервые на новой квартирѣ.

Понедѣльникъ, 14.—Къ брату.

Прекрасно выспался, но проснувшись подумалъ, что нахожусь въ Англіи. Для того, чтобы ты могъ понять какъ это случилось, опишу тебѣ мою келью. Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ, изъ коихъ самую большую, въ три окна, я отдалъ Гарри; рядомъ съ нею находится моя спальня, въ одно окно, выходящее на дворъ; передъ спальней—небольшая пріемная, изъ которой, черезъ коридорчикъ, заставленный шкафами, я прохожу въ свой кабинетъ, имѣющій два окна на Неву—нашъ домъ стоитъ на Галерной набережной. Такъ вотъ, изъ оконъ кабинета, я вижу почти однихъ только англичанъ, такъ какъ въ нашемъ кварталѣ живутъ преимущественно англійскіе купцы.

Пятница, 18.—Къ брату.

На этихъ дняхъ здѣсь окончился оригинальный процессъ: умеръ нѣкій графъ Ефимовскій, вдовецъ, имѣющій двухъ дочерей, изъ коихъ одна замужемъ за гр. Минихомъ, а другая—фрейлина. Все его состояніе перешло, по наслѣдству, къ этимъ дочерямъ. Между тѣмъ, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ его смерти, одна бывшая его любовница, крестьянка освобожденная дочерьми, начала противъ нихъ процессъ, доказывая что была замужемъ за покойнымъ и имѣетъ отъ него законнаго сына. Она выиграла этотъ процессъ и завладѣла состояніемъ Ефимовскаго. Императрица которой дѣлали представленія по этому поводу, ничего не хочетъ слышать.

Суббота, 19.—Къ брату.

Поѣздка Гарри рѣшена, мой другъ, и я думаю, что она скоро состоится. Я ска-

залъ Маркизу что хочу послать де-Верженну подробную записку о положеніи Россіи, и что я ему эту записку покажу. «Вы можете мнѣ ее и не показывать, но хорошо сдѣлаете если напишите», отвѣчалъ онъ. Я хочу дать общій очеркъ нравственныхъ и матеріальныхъ рессурсовъ Россійской Имперіи. Недостаточно обладать богатствами да солдатами, нужно еще имѣть государственныхъ людей, нужна національная связь для того чтобы науки, искусства и добродѣтели процвѣтали въ странѣ. Прежде чѣмъ пустить въ ходъ машину, нужно подумать о принципахъ, которые бы ею двигали. Въ центрѣ Имперіи, мой другъ, я вижу Монархиню, женщину, стоящую выше своего пола, но ниже своей репутаціи; а вокругъ нея толпятся слабые, низкопоклонные и лишенные геніальности министры, да рабскій народъ, не обладающій ни энергіей, ни характеромъ. Въ результатѣ—великіе проекты и плохіе планы для ихъ выполненія. Заглядывая въ будущее, я вижу Наслѣдника престола, человѣка слабаго, безхарактернаго, лишеннаго той высоты душевной и того жара, которые обусловливаютъ сильную страсть и крупные таланты. Поверхностный умъ при сильно развитомъ самолюбіи заставитъ его въ качествѣ монарха плохо выбирать людей, точно также какъ и теперь онъ плохо выбираетъ лицъ, облекаемыхъ его довѣріемъ. да изъ кого же ему и выбрать способныхъ, просвѣщенныхъ министровъ? Лѣнивая, необразованная, тщеславная молодежь не обѣщаетъ дать ему современемъ толковыхъ и надежныхъ подданныхъ. Нѣсколько яркихъ проблесковъ ума, нѣкоторыя поверхностныя знанія въ современномъ русскомъ обществѣ могутъ броситься въ глаза иностранцу, при первомъ взглядѣ на это общество, но при внимательномъ наблюденіи въ немъ нельзя увидѣть ни силы, ни геніальности, ни энергичныхъ и опредѣленныхъ вкусовъ, никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, даже ничего постояннаго и послѣдовательнаго. Это—люди, которые, по словамъ Песельроде, носятъ прекрасныя манжеты, но не имѣютъ рубашекъ. Если вы будете искать въ наукахъ и художествѣ тѣхъ чертъ, которыхъ недостаетъ имъ въ политической и общественной жизни, то и тамъ ничего не найдете. Есть у нихъ академіи, но нѣтъ ученыхъ, есть фабрики, но нѣтъ выдающихся фабрикантовъ. Вотъ что представляетъ собою, мой другъ, эта блестящая, по газетнымъ отзывамъ, нація, если заглянуть въ ея сущность. Она бѣдна цивилизаціей, но богата—конечно богата!—рессурсами: народонаселеніемъ, качествомъ почвы, рудами и проч. Если бы она не старалась казаться старше чѣмъ она есть, если бы не допускала необузданной роскоши, которая погубитъ ее тѣмъ вѣрнѣе что предметовъ этой роскоши она сама не производитъ, то богатство послужило бы ей на пользу; а продолжая какъ начала она неминуемо должна сдѣлаться данницей иностранныхъ государствъ.

Вотъ объ этомъ я и хочу написать де-Верженну, чтобы доказать ему, что не ограничиваюсь наблюденіемъ только тѣхъ лицъ, которыя меня окружаютъ, а начинаю глубоко понимать страну, съ которой мнѣ придется имѣть дѣло, если обстоятельства поставятъ меня во главѣ посольства.

Понедѣльникъ, 28.—Къ брату.

Сегодня мы были на большомъ торжествѣ во Дворцѣ. Въ ночь съ субботы на Пасхальное воскресенье, въ дворцовой церкви, совершается богослуженіе, а потому въ это Воскресенье выхода не бываетъ. Но за то сегодня мы цѣловали руку Императрицы и Великой Княгини. Эта продолжительная церемонія не исцѣлила моей простуды, такъ что я вернулся домой съ сильной голодной болью. Новыхъ назначеній не было, но ихъ ждутъ въ будущую пятницу, въ день рожденія Ея Величества.

Разскажу тебѣ геніальную мысль Бецкаго. Кто-то сожалѣлъ о томъ, что у великой княгини до сихъ поръ нѣтъ дѣтей, и приписывалъ это слишкомъ горячему ея темпераменту, такъ какъ вообще пылкія женщины начинаютъ родить лишь тогда, когда охолодѣютъ немножко. Великій Бецкій, самымъ серьезнымъ образомъ, тотчасъ же предложилъ непогрѣшимое средство противъ временнаго безплодія великокняжеской четы: облить ихъ холодной водою въ самую горячую минуту. Ты примешь это за глупую шутку стараго развратника, но

если бы ты зналъ этого человѣка какъ я его знаю, то увидалъ бы, что это одна изъ чертъ его геніальности. И вотъ такой-то человѣкъ стоитъ во главѣ воспитательныхъ учрежденій Россіи, завѣдуетъ образованіемъ юношества обоихъ половъ, проводитъ ежедневно два часа въ самомъ близкомъ общеніи съ Императрицей, такъ какъ состоитъ при ней чтецомъ!

Съ часу на часъ ждемъ вскрытія Невы. Запозданіе его причиняетъ большія бѣдствія жителямъ столицы, потому что, несмотря на страшную опасность перехода по льду въ это время, безпрестанно находятся люди, готовые пренебречь этой опасностью во имя вѣры въ Николая Чудотворца, во имя котораго и тонутъ безпрестанно. Я спросилъ: почему же не разставятъ сторожей по берегамъ рѣки, мнѣ отвѣтили, что это средство уже испробовано, но оно только увеличило число несчастій, такъ какъ простой народъ, стараясь обмануть сторожей, переходитъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Меня это не убѣдило; я думаю, что хорошей охраной и штрафами можно спасти очень многихъ отъ гибели. Да наконецъ нельзя ли завести какія-нибудь сѣти для спасенія погибающихъ? Должно быть всѣ эти средства слишкомъ просты и принесутъ только невинную пользу, а мы хотимъ блеска, шума, славы: надо помнить, что мы живемъ въ Россіи и нами правитъ женщина!

Вторникъ, 29.—Къ брату.

Весна вноситъ нѣкоторыя измѣненія въ составъ нашего общества: уѣзжаетъ кн. Лобковичъ, который будетъ замѣненъ Кауницемъ; уѣзжаетъ Сольмсъ, но только въ отпускъ. Ласси вернется только черезъ три недѣли; намъ его очень недостаетъ для ремонта дипломатическаго корпуса. Ты, должно быть, видѣлъ его въ Парижѣ, говорятъ, онъ тамъ былъ хорошо принятъ. Не знаю, говорилъ ли онъ обо мнѣ съ де-Верженномъ, но надѣюсь на это, такъ какъ они были знакомы еще въ Швеціи. *) Думаю, что могу узнать отъ него что-нибудь относительно настроенія министра на мой счетъ.

Говорятъ, Нолькенъ будетъ отозванъ въ іюнѣ; отъѣздъ его не произведетъ особаго впечатлѣнія, такъ какъ ни онъ, ни жена его никакой роли въ обществѣ не играли, хотя м-мъ Нолькенъ и молода, и очень хороша. Одинъ русскій, на ужинѣ у Голицыныхъ, сравнилъ ее со статуей Пигмаліона, до оживленія.

При Дворѣ новаго ничего нѣтъ. На будущей недѣлѣ Императрица ѣдетъ въ Царское Село, и не будетъ показываться въ публикѣ до іюня, то есть до переѣзда въ Петергофъ. Слухи о войнѣ продолжаются; артиллерію перевозятъ отсюда въ Кіевъ, а изъ Кіева не знаю куда то на берега Чернаго Моря. Думаютъ, что въ концѣ концовъ произойдетъ открытый разрывъ съ турками, чего очень желаетъ Австрійскій Императоръ, но о немъ вамъ лучше знать, такъ какъ онъ теперь въ Парижѣ. *)

Среда, 30.—Къ брату.

Наконецъ, Нева вчера въ 3 часа дня, разошлась. Комендантъ крѣпости, стоящій на томъ берегу, тотчасъ спустилъ шлюпку и отправился донести объ этомъ Императрицѣ. Во все время его переѣзда съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, а комендантъ получилъ, говорятъ, тысячу рублей.

Обѣдалъ я, съ принцемъ де-Шимэ, у себя въ кабинетѣ, чтобы любоваться рѣкою. Несчастный принцъ постоянно хвораетъ и вотъ уже пятьдесятъ девять дней какъ не выходитъ на воздухъ. Ему уже надоѣло лѣчиться; собирается ѣхать въ Карлсбадъ, куда его посылаютъ врачи, а оттуда тоже на воды, въ окрестности Неаполя.

Ты знаешь, мой другъ, что я рекомендовалъ ему секретаря, нѣкоего Кюсси де-Маратрэ, но онъ имъ недоволенъ и съ собою не возьметъ. Маркизъ желалъ бы навязать ему Сенъ-Поля, отъ котораго старается почему то отдѣлаться. Онъ говоритъ мнѣ по поводу разговоровъ относительно связи Сенъ-Поля съ

*) Гдѣ де-Верженнъ былъ посломъ при Людовикѣ XV.

*) Въ 1777 г. Іосифъ II, подъ именемъ гр. Фалькенштейна, шесть недѣль прожилъ въ Парижѣ.

Шампаньало, но мнѣ кажется, что разговоры эти уже прекратились. Я думаю, что маркизъ просто не любилъ Сенъ-Поля за его лѣнь, неаккуратность и чрезчуръ свободныя манеры. Надѣюсь, что онъ не возьметъ себѣ другого секретаря, если прогонитъ Сенъ-Поля—скупость тому помѣшаетъ.

Воскресенье, 1 іюня.—Къ брату.

Вотъ уже мѣсяцъ какъ я тебѣ ничего не писалъ, мой другъ, и ты можешь упрекать меня въ лѣности; но если бы ты зналъ, сколько, за этотъ мѣсяцъ, совершилось интересныхъ происшествій, какъ мало у меня оставалось времени на размышленіе, и въ какомъ возбужденномъ состояніи я находился, то ты бы меня извинилъ. Я тебѣ разскажу все по порядку, и тогда ты увидишь насколько я виноватъ.

Въ пятницу, 2-го мая по нашему стилю, или 21 апр. по старому, при Дворѣ было празднество по поводу рожденія Императрицы. Ей исполнилось 48 лѣтъ. Приложившись къ ея рукѣ, мы, согласно этикету, отправились поздравлять великаго князя. Я ушелъ изъ Дворца однимъ изъ первыхъ, и поѣхалъ къ Бемерамъ. Мы съ моей милой Шарлоттой покойно разговаривали, когда вошла старшая ея сестра, Каролина, и съ испуганнымъ видомъ сообщила, что согласно письму, которое она держала въ рукахъ, старикъ Бемеръ захворалъ во Дворцѣ. Это меня удивило, такъ какъ я самъ видѣлъ какъ онъ тамъ читалъ газету, сидя у камина, въ ожиданіи выхода Императрицы. Вся семья, конечно, перепугалась. Но испугъ и горе несчастныхъ женщинъ еще болѣе усилились, когда отца семьи привезли въ каретѣ, поддерживаемаго солдатами. Сначала всѣ сочли его мертвымъ, но я, выбѣжавъ на дворъ, тотчасъ же убѣдился, что онъ живъ, а только пораженъ апоплексическимъ ударомъ, заставившимъ его упасть въ одной изъ залъ Дворца Мы перенесли несчастнаго старика въ его спальню. Онъ вообще былъ очень тяжелъ, толстъ и апоплексическій ударъ угрожалъ ему уже давно. Но моментъ его перенесенія былъ прямо ужасенъ; я никогда не видывалъ такой тяжелой, трогательной сцены: четыре женщины, въ страшномъ горѣ, съ плачемъ и рыданіями бѣгали по комнатамъ до тѣхъ поръ пока больной не былъ уложенъ на кровать, когда всѣ столпились вокругъ него, стараясь такъ или иначе уменьшить его страданія.

Бѣда, однакожъ, оказалась далеко не такъ велика: старикъ могъ говорить и сохранилъ свои умственныя способности. Пріѣхалъ Хюттель, а я, будучи приглашенъ на торжественный обѣдъ къ вице-канцлеру, долженъ былъ уѣхать, такъ какъ уже пробило два часа. Въ четыре я опять вернулся къ моимъ друзьямъ; старику пустили кровь, онъ чувствовалъ себя лучше и сидѣлъ въ креслахъ, только правая рука оказалась поралязованной, но онъ уже нѣсколько времени передъ тѣмъ чувствовалъ въ ней тяжесть.

На другой день, у бѣднаго Бемера, ударъ повторился, и даже съ эпилептическими явленіями. Съ этого дня положеніе его стало серьезнымъ; надежда на полное поправленіе исчезла, и все заставляло опасаться смерти или чего-нибудь еще хуже. Періоды кажущагося улучшенія дѣлали положеніе бѣдныхъ женщинъ еще болѣе печальнымъ, возбуждая въ нихъ безплодную надежду. Вечеромъ, въ понедѣльникъ, однакоже, онѣ убѣдились, что дѣло непоправимо. Я просидѣлъ съ ними до часу ночи. Всѣ четыре были въ страшномъ горѣ. Предполагая, что больной не переживетъ ночи, и боясь тяжелаго вліянія послѣднихъ его минутъ на семью, я пошелъ къ Хюттелю и пробылъ у него до трехъ часовъ, безпрестанно посылая къ Бемерамъ справляться о положеніи больного. Такъ какъ все пока обстояло сравнительно благополучно, то въ 3 часа я уѣхалъ домой, гдѣ до 6 часовъ писалъ, а потомъ заснулъ на софѣ. Проснувшись черезъ полчаса, я опять отправился къ Бемерамъ и засталъ ихъ въ надеждѣ на улучшеніе. Несмотря на страшную усталость, онѣ не хотѣли прилечь. Только въ среду, въ 7 часовъ вечера, эта трагедія кончилась, какъ я и ожидалъ, смертью старика Бемера. Я сдѣлалъ, что могъ, чтобы помѣшать имъ быть свидѣтельницами этой смерти, такъ какъ для больного это было не нужно—онъ задолго до того потерялъ сознаніе.

Похоронили Бемера въ субботу, и я присутствовалъ при отпѣваніи въ протестантской церкви на Невскомъ проспектѣ. Покойному было 54 года; вся семья жила его трудомъ—Бемеры не богаты. Онъ получалъ въ Берлинѣ 6000 германскихъ экю за свой трудъ, испытанную честность и рѣдкое знаніе дѣла. Императрица пригласила его работать надъ своимъ кодексомъ, и онъ пріѣхалъ въ Россію только послѣ вопіющей несправедливости, испытанной въ Берлинѣ. Здѣсь онъ былъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи и получалъ двѣ съ чѣмъ-то тысячи рублей. Смерть его лишила семью всякаго дохода, да еще остались кое-какіе долги. Я, вмѣстѣ съ другими друзьями, помогъ имъ устроить дѣла: составилъ просьбу къ Императрицѣ и проч. Ея Величество приняла просьбу очень милостиво, но до сихъ поръ ничего еще для семьи Бемеровъ не сдѣлала, такъ что я начинаю за нихъ бояться. Здѣсь вѣдь немного дѣлаютъ изъ чистой гуманности по требованію сердца, а все больше изъ-за тщеславія.

Связь Нелединской съ Репнинымъ кончилась. Нелединская промѣняла князя на Льва Разумовскаго, брата Андрея, и хорошо сдѣлала, такъ какъ первому сорокъ съ чѣмъ-то лѣтъ, а послѣднему—двадцать. Никакихъ колебаній быть не могло.

Отъѣздъ Гарри задержался изъ-за противнаго вѣтра. Онъ уѣхалъ отсюда въ Кронштадтъ еще 22 мая. Принцъ де-Шимэ—самый необыкновенный человѣкъ—сначала влюбился въ моего лакея и хотѣлъ завести такого же, а при отъѣздѣ Гарри горько жаловался на то, что онъ избаловалъ всю прислугу. Этотъ бѣдный принцъ совсѣмъ не имѣетъ характера, всѣми недоволенъ и претендуетъ на какую то особенную философію, которою не обладаетъ. Онъ очень любитъ роль опекуна молоденькихъ актрисъ, которую игралъ въ Парижѣ и хотѣлъ играть здѣсь, но безъ успѣха. Есть у насъ одна актриса, нѣкая Мишлэ, съ которою Левъ Разумовскій былъ въ связи. Какъ только узналъ объ этомъ де-Шимэ, такъ написалъ ей письмо, предлагая свои услуги и прося это письмо сжечь; а она отослала его къ Разумовскому. Затѣмъ де-Шимэ отправился къ Мишлэ самъ, но не съ тѣмъ, чтобы ее видѣть, а, чтобы только поговорить съ горничной, которую засыпалъ вопросами. Вообще онъ даетъ много пищи сплетнямъ въ этомъ городѣ, гдѣ иностранцевъ не щадятъ; уѣдетъ онъ отсюда пробывъ слишкомъ долго для того, чтобы оставить по себѣ хорошія воспоминанія. Я узналъ, что онъ долго выпрашивалъ себѣ Мангеймскую ленту, которую носитъ, и даже поссорился изъ-за этого съ женой, упрекавшей его за мелкое тщеславіе. А между тѣмъ онъ дѣлаетъ видъ, что не придаетъ ордену никакого значенія, и принялъ его лишь потому, что не могъ отказаться.

Графъ Ляссн уже пятнадцать дней какъ пріѣхалъ, но онъ не привезъ мнѣ ни одного письма отъ моей семьи, хотя отецъ и обѣщалъ прислать съ нимъ многое.

На этихъ дняхъ мнѣ показывали портреты, писанные однимъ русскимъ, Мятлевымъ (Miatelef). Недурно для русскаго. Этотъ Мятлевъ не глупый молодой человѣкъ. Мнѣ говорили, что онъ фальшивъ, и этому можно повѣрить судя по его поступку съ ген. Мелиссино, котораго Мятлевъ старался поссорить съ Кошелевымъ, лучшимъ его другомъ, потому только, что приревновалъ, такъ сказать, Мелиссино къ послѣднему. Кошелевъ, между прочимъ, очень хорошо себя велъ въ этой исторіи и выказалъ прямоту характера, которая внушила мнѣ уваженіе къ нему.

Князь Потемкинъ собирается учредить въ Петербургѣ и другихъ городахъ школы для солдатскихъ дѣтей (corps des cadets), подготовляющія образованныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ такъ не достаетъ русской арміи. Это очень хорошая мысль, такъ какъ русскіе солдаты не умѣютъ ни читать, ни писать. Осуществить ее поручено генералу Мелиссино и я постараюсь добыть у него письменное ея изложеніе. Точно тоже хотѣлъ устроить и для казаковъ. Я хочу собрать всѣ постановленія Екатерины II.

Въ іюнѣ сюда прідетъ, на четырнадцать дней, Шведскій король, и будетъ называться графомъ Готландскимъ.

Съ недѣлю тому назадъ къ намъ прибылъ нѣкій шевалье де-Тейссоньеръ, человѣкъ очень достойный, рекомендован-

ный Г. Г. де-Кастри, *) де-Бретейлемъ и другими, которые объ немъ хорошо отзываются. Этотъ человѣкъ, капитанъ въ отставкѣ, въ 1774 г. путешествуетъ пѣшкомъ. Онъ прошелъ всю Германію, намѣревается обойдти сѣверъ, а затѣмъ вернется во Францію и вновь поступитъ на службу. **) Былъ онъ и въ Америкѣ. Онъ не глупъ и хорошій наблюдатель, какъ кажется. Мнѣ очень нравится отвѣтъ, который былъ имъ данъ одному прусскому офицеру. Присутствуя на парадѣ прусскихъ войскъ, онъ на всѣ вопросы объ ихъ эволюціяхъ отвѣчалъ: «Очень хорошо»! Одинъ офицеръ, подъѣхавъ къ нему верхомъ (Тейссоньеръ стоялъ въ толпѣ), насмѣшливо спросилъ: «Такъ вы, сударь, находите, что наши полки маршируютъ хорошо»?—«Да, очень хорошо»—«не такъ, какъ вы маршировали при Россбахѣ?»—«Да, не такъ, потому, что мы тогда маршировали такъ же, какъ вы, при Франкфуртѣ-на-Одерѣ.» Этимъ отвѣтомъ разговоръ покончился.

Кн. Лобковичъ уѣхалъ. Ждемъ гр. Кауница, который долженъ его замѣстить. Гаррисъ (Harris) *) тоже долженъ скоро пріѣхать; говорятъ, онъ очень милый человѣкъ.

У маркиза опять началась лихорадка. Въ Петербургѣ вообще много больныхъ и особенно скарлатиной.

Въ среду, 28-го, 'я очень боялся за Гарри, такъ какъ въ 10 часовъ вечера разразилась сильная буря, съ громомъ и молніей. Не знаю, въ какомъ мѣстѣ моря находится теперь мой камердинеръ; незнаю даже въ какой день онъ выѣхалъ изъ Кронштадта. Впрочемъ, одинъ пріѣзжій изъ этого города сообщилъ мнѣ вчера, что тамъ урагана не было.

*) Губернаторъ Фландріи, впослѣдствіи маршалъ.

**) Онъ остался въ Россіи, при Потемкинѣ и оказалъ большія услуги Франціи.

*) Джемсъ впослѣдствіи графъ Мальмсбери. Былъ посломъ въ Россіи пять лѣтъ. Страшный интриганъ, не разбиравшій средствъ, чтобы достигнуть цѣли—заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Екатериной II, въ чемъ не успѣлъ. Корберонъ былъ самымъ ярымъ его противникомъ. Впослѣдствіи оба они упрекали другъ друга въ неразборчивости по отношенію къ средствамъ борьбы, узости взглядовъ и проч. Въ сороковыхъ годахъ XIX ст. вышелъ въ свѣтъ его «Дневникъ».

Понедѣльникъ, 2.—Къ брату.

Предстоящее прибытіе Шведскаго короля производитъ впечатлѣніе. Говорятъ, къ нему назначили двухъ камергеровъ, и проч. А между тѣмъ онъ путешествуетъ инкогнито. Императрица не очень довольна его визитомъ, такъ какъ это влечетъ за собою расходы, а наша старушка становится скуповата.

Вчера пришелъ въ Петербургъ голландскій, трехмачтовый корабль. Такъ какъ онъ является сюда впервые, то салютовалъ Адмиралтейству четырьмя выстрѣлами; ему отвѣчали тремя, а онъ потомъ отблагодарилъ еще однимъ.

Говорятъ о свадьбѣ княжны Трубецкой съ молодымъ ливонцемъ, графомъ Менгденомъ (Mingden).

Ужиналъ у Щербатовыхъ, говорили о морскихъ приготовленіяхъ въ Кронштадтѣ. Одни думаютъ что это дѣлается въ честь пріѣзда Шведскаго короля, а другіе—что флотъ будетъ отправленъ въ Архипелагъ.

Вторникъ, 3—Къ брату.

Ѣздили гулять на Каменный островъ—очаровательное мѣстечко, принадлежащее великому князю. Онъ тамъ выстроилъ, въ лѣсу, большой танцовальный залъ съ нѣсколькими другими комнатами. Залъ этотъ съ большимъ вкусомъ убранъ пальмовыми деревьями, разставленными вдоль стѣнъ въ разныхъ кадкахъ. По концамъ зала—четыре маленькихъ камина, съ зеркалами. Вообще все очень красиво. Проведя тамъ время очень пріятно, мы вернулись, вечеромъ, на шлюпкѣ такъ же какъ и пріѣхали.

Среда, 4.—Къ брату.

Я говорилъ тебѣ о семи военныхъ корабляхъ, приготовляемыхъ къ плаванію; ихъ будетъ всего шестнадцать, да четыре фрегата, да гильотъ съ бомбами. Но это все ничего не значитъ—дѣло идетъ о простыхъ эволюціяхъ, какъ въ прошломъ году.

Спектакли наши отложены, не знаю, что изъ нихъ выйдетъ. Нелединская нездорова, я ее вчера видѣлъ. Она меня

упрекаетъ за то, что я постоянно бываю у Бемеровъ, но вѣдь это мнѣ не мѣшаетъ посѣщать и моихъ русскихъ друзей. Обѣдалъ у Спиридовыхъ, они завтра выѣзжаютъ на дачу.

Бѣдная Протасова, фрейлина императрицы *), сошла съ ума. Во всякомъ случаѣ она страдаетъ меланхоліей. Нѣкоторые думаютъ, что это отъ любви къ Орлову и ревности къ Зиновьевой, на которой онъ женился.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Обѣдалъ сегодня вдвоемъ съ маркизомъ. Здоровье его плохо и силы не возвращаются. Послѣ обѣда былъ у Панина, у Ивана Чернышева и у баронессы Нолькенъ, которая, недавно, во второй разъ выкинула. Затѣмъ я ѣздилъ гулять въ Екатерингофъ и ужиналъ у Голицыныхъ. Матюшкина была очень мила и красива; я сидѣлъ рядомъ съ нею и мы много говорили. Она дала мнѣ понять, что можетъ быть выйдетъ замужъ, но продолжаетъ любить Мальтица и другого любовника себѣ не возьметъ. Они уже давно любятъ другъ друга; Матюшкина отказала многимъ женихамъ по этому поводу и думала даже оставаться въ дѣвицахъ до тѣхъ поръ пока ее не отдадутъ за Мальтица. Родители, однакожъ, запретили ей и думать о немъ; поэтому она хочетъ выйти замужъ, для того чтобы потомъ жить съ Мальтицемъ.

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

Маркизъ серьезно боленъ. Не успѣвъ избавиться отъ лихорадки, онъ вышелъ слишкомъ рано, схватилъ колики, ему пустили кровь, но лихорадка вернулась и если она продолжится, то можетъ выйти плохо. Къ счастію, его лѣчитъ превосходный докторъ, англичанинъ Роджерсонъ, врачъ императрицы. Въ городѣ говорятъ что у маркиза гангрена въ желудкѣ; это одна изъ сплетень, которыми такъ богатъ Петербургъ.

Вернувшись, отъ Бемеровъ домой я засталъ у себя Комбса. Онъ мнѣ разсказалъ очень забавную исторію, которая можетъ показаться невозможной для тѣхъ, кто не знаетъ этой страны. Я не говорилъ тебѣ что въ тотъ день, когда мы ѣздили на Каменный островъ, императрица обѣдала на Невскихъ островахъ (îles de Neroski), у Потемкина, въ палаткѣ, устроенной по казачьи. Этотъ фаворитъ, который теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо и играетъ роль, подобную той, которую играла Помпадуръ въ концѣ своей жизни, представилъ Ея Величеству нѣкоего Зорича (Zoritz), гусарскаго майора, котораго сдѣлали подполковникомъ и инспекторомъ легкой кавалеріи. Этотъ новый фаворитъ обѣдалъ тутъ-же. Говорятъ, онъ получитъ 1800 душъ крестьянъ за свой первый опытъ! Послѣ обѣда Потемкинъ, стоя на колѣняхъ, пилъ за здоровье императрицы. Послѣ обѣда она, въ болѣе веселомъ расположеніи духа (говорятъ, что старушка подвыпила) отправилась на Фарфоровый заводъ. А тамъ, въ это время, въ одной изъ мастерскихъ былъ новоприбывшій французъ, который не успѣлъ еще представить императрицѣ своихъ рабочихъ и потому спрятался отъ нея въ какую-то комнату, изъ которой, сквозь раскрывшую дверь, видѣлъ Ея Величество и слышалъ слѣдующій разговоръ. Какой-то князь, судя по описанію—Репнинъ, взялъ неуспѣвшій еще затвердѣть сосудъ, сплющилъ его въ рукахъ, чтобы сдѣлать отверстіе овальнымъ, поднесъ къ императрицѣ, въ присутствіи фрейлинъ и спросилъ: «на что это похоже»? Императрица сейчасъ-же отвѣтила: «на три вещи: на ночной горшокъ, на колпакъ и на 24.99.330.30.50.11.60.30 *). Затѣмъ повернувшись она прибавила потише но все же довольно внятно: 76.60.300.81.68.66.95.99». Французскій рабочій, отдѣлывавшій сосудъ, взялъ его обратно и спросилъ какъ съ нимъ поступить. «Какъ прикажете, Ваше Величество?» спросилъ тотъ-же князь. «Ну—отвѣчала императрица—разъ онъ сдѣлалъ 300.30.5.11.60.30, то остается только сдѣлать 300.30.18.64.81». Всѣ расхохотались, но, конечно, не привели этого въ исполненіе. Французъ, слышав-

*) Первая камеристка и довѣренное лицо Екатерины II. Ей былъ порученъ надзоръ за дѣвицей Алексѣевой, дочерью императрицы и Григорія Орлова.

*) Издатель «Дневника» приводитъ слова императрицы въ цифрахъ, какъ написалъ ихъ и Корберонъ (прим. перев.).

шій разговоръ, передалъ его Кембсу, а Комбсъ—мнѣ. Не знаю посовѣтовалъ-ли ему Комбсъ держать языкъ за зубами, но желаю чтобы такъ было, а то вѣдь немудрено и въ Сибирь прогуляться. Я тебѣ разсказываю эту исторію по секрету, въ своемъ дневникѣ, который ты прочтешь только вмѣстѣ со мною.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Сегодня былъ у меня баронъ Гейкингъ. Онъ поступилъ на русскую службу, майоромъ 1 Кирасирскаго полка. Этимъ путемъ онъ думаетъ вознаградить себя за лишеніе старосты въ Курляндіи. Онъ хочетъ, между прочимъ, заняться торговлей и удовлетворить свою любознательность путешествіями. Если это не удастся, то онъ выпроситъ себѣ назначеніе каноникомъ въ Германіи, гдѣ и будетъ жить на покоѣ, развиваясь и работая для своего образованія. Проектъ очень похвальный; я его одобрилъ. Затѣмъ я прочелъ Гейкингу нѣкоторыя мѣста изъ моего дневника, которыя такъ ему понравились, что онъ самъ теперь хочетъ писать дневникъ. Уѣзжая въ свой полкъ, онъ обѣщалъ сообщить мнѣ замѣтки о Польшѣ. Гейкингъ не глупъ, многое знаетъ и я очень буду радъ вступить съ нимъ въ сношенія.

Шведскаго короля ждутъ сегодня или завтра.

Пятница, 13.—Къ брату.

Маркизъ продолжаетъ хворать. По вечерамъ у него лихорадка, хотя и не очень сильная, но все-таки изнурительная. Онъ худѣетъ и блѣднѣетъ.

Шведскій король прислалъ курьера увѣдомить, что противный вѣтеръ задерживаетъ его прибытіе.

Обѣдалъ у Бемеровъ и встрѣтилъ тамъ итальянца, маркиза Кавалькадо, который былъ русскимъ повѣреннымъ на Мальтѣ. Этотъ сорокалѣтній человѣкъ кажется очень порядочнымъ и разумнымъ. Какъ и у всѣхъ итальянцевъ, у него страсть къ картинамъ; онъ даже сюда привезъ одну, не съ собою, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ее риску морского путешествія, а сухимъ путемъ. Одинъ купецъ давалъ ему за нее тысячу дукатовъ, а король прусскій—даже 2.000 германскихъ пистолей, то есть 40.000 франковъ, а Кавалькадо все-таки не продалъ. Ни климата, ни общества, ни женщинъ Мальты онъ не хвалитъ.

Суббота, 14.—Къ брату.

Утро прошло у меня съ пользой, мой другъ, такъ какъ мнѣ выпалъ случай оказать услугу хорошему человѣку и я, можетъ быть, успѣю въ этомъ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Парижѣ, меня осаждали просьбами лица, имѣющія какія нибудь дѣла въ Россіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я поручилъ работу объ этихъ дѣлахъ нашему консулу, Лессепсу. Консулъ, весьма глупый человѣкъ, ничего по нимъ не сдѣлалъ, и я, послѣ многихъ безплодныхъ хлопотъ, въ виду плохой репутаціи французовъ, долженъ былъ оставить эти дѣла безъ всякаго движенія. Случай привелъ ко мнѣ одного актера, нѣкоего Добекура. У этого Добекура есть старый процессъ съ Демарэ, котораго я знаю за негодяя; онъ даже бѣжалъ отсюда, будучи подозрѣваемъ въ поддѣлкѣ таможенной печати. Между тѣмъ Добекуръ—другъ Перро, и принесъ мнѣ письмо отъ него. Я выслушалъ его дѣло, вполнѣ справедливое, и обѣщалъ помочь.

Между прочимъ, Добекуръ разсказалъ мнѣ о жестокостяхъ и гадостяхъ, совершаемыхъ директоромъ театра, Елагинымъ, который, съ прирожденной глупостью и злостью, соединяетъ слѣпое отвращеніе къ французамъ, проявляющееся всякаго рода несправедливостями, что и служитъ помѣхой къ улучшенію здѣшней, никуда негодной, французской труппы. Этотъ Елагинъ не имѣетъ никакого понятія о дѣлѣ, а между тѣмъ во все вмѣшивается. Императрица ясно видитъ его неспособность и хотѣла дать ему другое мѣсто, но онъ упросилъ Ея Величество оставить его директоромъ театра, такъ какъ очень любитъ это дѣло. Удивительно, мой другъ, до какой степени Императрица подчиняется капризамъ этого человѣка! Былъ здѣсь французскій актеръ, Дельпи, прекрасно игравшій лакеевъ и очень понравившійся Государынѣ. Елагинъ, не испросивъ ея разрѣшенія, прогоняетъ этого

актера; мѣсяца два спустя, Императрица справляется объ немъ и остается очень недовольна самоуправствомъ Елагина, а все-таки не рѣшается смѣнить его, да и никогда не рѣшится. Я подозрѣваю, что довѣріе къ нему опирается на 14. 24. 11. 200. 300. 66. 68. 66. 38. 24. 80. 66.

Обѣдалъ у Бильо, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ, но должно быть придется побывать у нее еще разъ по тому же дѣлу. Состоитъ оно вотъ въ чемъ: есть здѣсь французъ Готье, очень хорошій человѣкъ, перенесшій много бѣдствій, и между прочимъ пожаръ трактира, который онъ держалъ на Каменномъ Островѣ. Этотъ Готье собирался вернуться во Францію, чтобы занять мѣсто метрдотеля при аббатѣ де-Бурбонэ, но Бильо помѣшала, обѣщавъ устроить его здѣсь. И дѣйствительно, она успѣла собрать въ его пользу, между русскими, пятьсотъ рублей. Теперь она поручила мнѣ вытянуть сколько-нибудь у Маркиза; но ты знаешь, мой другъ, что это дѣло не легкое. Я попробовалъ взяться за де-Шимэ, съ которымъ все можно сдѣлать подстрекая его тщеславіе. Онъ просилъ сказать ему когда придетъ Готье; изъ этого я заключаю, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ.

Г-жа Рибасъ больна, вслѣдствіе трудныхъ родовъ. А иные говорятъ, что у нея была жестокая сцена съ братомъ, по поводу ихъ матери. Эту исторію приходится начать издалека.

Происхожденіе г-жи Рибасъ всѣмъ здѣсь извѣстно, хотя одни думаютъ, что она дочь Бецкаго, другіе—что она его любовница, и это послѣднее вѣроятнѣе. Хотя легко можетъ быть, что она имѣетъ право на оба эти почетные титула: въ Россіи все возможно, и Бецкій не лучше другихъ. Фактъ тотъ, что отцомъ г-жи Рибасъ слыветъ казакъ, женившійся на бѣдной француженкѣ, дочерью которой и является Анастасія, которая сама уже теперь не молода. Два года спустя послѣ свадьбы чета ея родителей поступила на службу къ Бецкому, отецъ—конюхомъ, а мать—служанкой. Анастасія родилась и воспитывалась въ его домѣ. Воспитаніе ей было дано не соотвѣтствующее положенію. Закончилось оно въ Парижѣ, подъ руководствомъ м-ель Клэронъ, причемъ воспитанница набралась рѣзкаго, рѣшительнаго, даже рыночнаго тона, который многими считается доказательствомъ ума, а мнѣ всегда казался очень дурнымъ. По возвращеніи въ Россію Бецкій помѣстилъ ее камеристкой къ Ея Величеству, гдѣ она пользовалась такимъ довѣріемъ, какое только можетъ быть оказано горничной. Бецкій, замѣнившій ей отца, и которому она, по словамъ многихъ, замѣняла нѣчто другое чѣмъ дочь, очень за нею ухаживалъ уже въ виду того, что черезъ нее можно было влiять на Императрицу. Сама Настя предпочитала слыть незаконной дочерью незаконнаго сына, и отказывалась отъ родства съ бѣднымъ конюхомъ и его женой, служанкой. Рибасъ, смѣсь итальянца, испанца и ирландца, хитрый, фальшивый, самолюбивый, безпринципный и ничѣмъ не стѣсняющійся, сталъ низкопоклонничать передъ Бецкимъ, доставившимъ ему мѣсто въ Кадетскомъ корпусѣ (гдѣ онъ завелъ карточную игру, шпіонство и содомію), и началъ ухаживать за Настей, думая что за ней будетъ много приданаго. Будучи молодъ и довольно красивъ, онъ безъ особаго труда покорилъ сердце горничной Императрицы, тѣмъ болѣе что они сходились по наклонностямъ, характеру и стремленію обобрать Бецкаго. По ихъ тщеславіе возмущалось тѣмъ, что мать одной и теща другого состояла на положеніи служанки въ томъ самомъ домѣ, гдѣ они являлись хозяевами. Такъ какъ мужъ матери г-жи Рибасъ давно умеръ, то рѣшено было удалить эту мать изъ дома, давъ ей небольшую сумму денегъ, не какъ матери, а какъ прислугѣ, прогоняемой за ненадобностью. Купили ей маленькій деревянный домикъ, и дали триста рублей, запретивъ показываться на глаза. Послѣ этого, г-жа Рибасъ стала уже открыто говорить, что она—дочь Бецкаго. Выселеніе бѣдной старушки доставило послѣдней много горя, тѣмъ болѣе что ей угрожала нищета, такъ какъ трехсотъ рублей ей не выплатили. Надо замѣтить, что кромѣ Насти у нея было еще два сына, изъ коихъ одинъ служилъ въ таможнѣ и не нуждался, но другой—лакей великаго князя, уволенный по смерти первой его жены—находился въ это время безъ мѣста и жилъ, съ большой семьей, на счетъ матери и брата-таможеннаго. Од-

нажды, когда послѣдній былъ въ гостяхъ у матери, она сообщила ему, что Рибасы не отдаютъ условленныхъ трехсотъ рублей, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ денегъ. Тогда взбѣшенный братъ бѣжитъ къ Рибасамъ и дѣлаетъ сестрѣ страшную сцену. Вотъ эта-то сцена, вмѣстѣ съ опасеніями упустить Бецкаго, въ виду его страсти къ Алымовой, и была причиною болѣзни г-жи Рибасъ. Я даже думаю, мой другъ, что вторая причина была главною, такъ какъ грязныя души болѣе страдаютъ отъ нарушенія ихъ матерьяльныхъ разсчетовъ чѣмъ отъ сердечныхъ ранъ.

Ты знаешь, мой другъ, что Бильо вообще много болтаетъ; но я этимъ пользуюсь, такъ какъ она хорошо знаетъ здѣшнее общество: отъ нея всегда можно узнать какіе нибудь секреты и меня это забавляетъ. Сегодня утромъ она была у Ивана Чернышова, по дѣлу Готье; князь готовъ хлопотать за него. Но на это есть тайная причина, которую я тебѣ сейчасъ объясню.

Готье пользовался покровительствомъ Великаго Князя, который его, собственно говоря, и водворилъ здѣсь, заставивъ предпочесть содержаніе трактира на Каменномъ Островѣ мѣсту у аббата де-Бурбонъ. Графъ Панинъ понялъ, что отъѣздъ Готье въ Парижъ можетъ повредить репутаціи Великаго Князя, который могъ бы допустить этотъ отъѣздъ благодаря вліянію нѣкоего Бюфура, врага Готье. Рѣшено, поэтому, задержать Готье, для чего Панинъ уговорилъ Репнина предложить ему мѣсто, но Готье отказался. Тогда Иванъ Чернышовъ взялся устроить его судьбу, и на этотъ разъ дѣло будетъ сдѣлано.

Кстати, по поводу Чернышовыхъ. Бильо мнѣ разсказала слѣдующую легенду, всѣмъ здѣсь извѣстную: Когда умирала ихъ мать, любимица Императрицы Елизаветы, то она позвала всѣхъ трехъ своихъ сыновей, Петра, Ивана и Захара, разорвала на три части фланелевую кофту, которую долго носила, раздѣлила имъ клочки и сказала: вотъ вамъ самое дорогое отъ меня наслѣдство; я носила эту кофту все то время, когда была въ милости; сохраните ея кусочки. Они принесутъ вамъ счастье. Два переднихъ куска достались, при этомъ, Ивану и Захару, а задній—Петру. Первые двое дѣйствительно были очень счастливы, а Петръ умеръ отъ пьянства.

Воскресенье, 15.—Къ брату.

Сегодня былъ въ Куртоѣ въ лѣтнемъ саду, или лучше сказать въ лѣтнемъ дворцѣ. Императрица пріѣхала изъ Царскаго Села на праздникъ Измайловскаго полка. Въ этотъ день она носитъ мундиръ полка, обѣдаетъ вмѣстѣ съ офицерами и сама наливаетъ имъ вино.

Послѣ церемоніи цѣлованія руки, и послѣ того, какъ Императрицѣ представили молодого графа Потоцкаго *) и какого то англичанина, имя котораго я позабылъ, она дала отдѣльную аудіэнцію новому австрійскому послу, гр. Кауницу, смѣнившему Лобковича. Этотъ нашъ новый коллега молодъ, подвиженъ, малъ ростомъ, но, говорятъ, очень богатъ и любитъ пожить. Отецъ его, канцлеръ въ Вѣнѣ, далъ ему тридцать тысячъ рублей на обзаведеніе. Говорятъ, онъ очень уменъ.

Изъ дворца я вернулся съ гр. Нессельроде, который обѣдалъ у маркиза. Онъ увѣряетъ, что кн. Бѣлозерскій отзывается изъ Дрездена и больше туда не поѣдетъ, потому что очень задолжалъ и вообще имѣетъ тамъ какія-то грязныя, денежныя дѣла. Нессельроде узналъ это отъ какого-то бригадира.

Маркизъ при Дворѣ не былъ въ виду своей болѣзни. Онъ спрашивалъ у Комбса, цѣловалъ ли я руку у Императрицы и справлялась ли она о его здоровьѣ. На первый вопросъ Комбсъ отвѣчалъ утвердительно, а на второй отозвался незнаніемъ, что очень огорчило Маркиза.

Послѣ обѣда было обычное катанье въ Екатерингофъ, черезъ который, возвращаясь въ Царское Село, проѣхала и Императрица. Народу было множество.

Король Шведскій, иначе—гр. Готландъ, пріѣхалъ сегодня въ 10 часовъ утра. Галера его стоитъ противъ нашихъ оконъ; въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Самъ Король сошелъ съ нея въ Ораніен-

---

*) Станислава, впослѣдствіи Министра Народнаго Просвѣщенія и Президента Сената въ Польшѣ.

баумѣ и пріѣхалъ оттуда, съ Польkeномъ, въ каретѣ. Вечеромъ онъ отправился въ Царское Село.

Былъ у гр. Брюля, который, вотъ уже два дня, хвораетъ, но теперь ему лучше. Я у него справлялся зачѣмъ сюда пріѣхалъ малодой Потоцкій: оказалось — просить староства въ Польшѣ. Этотъ малодой человѣкъ довольно красивъ по внѣшности, но, говорятъ, большой фатъ. Да и очень онъ еще молодъ. Проживетъ онъ здѣсь недѣль шесть — не знаетъ, очевидно, что въ такое короткое время здѣсь ничего нельзя добиться. Но отецъ выдалъ ему 1600 дукатовъ на эту поѣздку.

Часа два провелъ въ Екатерингофѣ, у бар. Гейкинга. Онъ скоро ѣдетъ въ Варшаву и вернется только зимой. По его словамъ, Дэболи *) происходитъ изъ очень хорошей польской фамиліи и вообще человѣкъ весьма порядочный. Обо мнѣ онъ говорилъ, что плохо меня знаетъ, что я, по слухамъ, очень общителенъ, но что по личному опыту онъ этого сказать не можетъ, такъ какъ въ обществѣ товарищей по дипломатическому корпусу я бываю рѣдко. Я понялъ, что это значитъ и побываю у Деболи, который, по словамъ Гейкинга, посвященъ во всѣ здѣшнія интриги. Очень можетъ быть; но ты знаешь какую цѣну я придаю подпольной политикѣ. Я не изъ-за этого къ нему поѣду; я хочу побывать у Деболи, чтобы онъ не думалъ, что я его избѣгаю появляясь въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ не бываетъ, и которымъ я самъ не придаю особаго значенія.

Ужиналъ у Голицыныхъ; было много народа. Я хотѣлъ предложить руку княжнѣ Трубецкой и сѣсть за столъ рядомъ съ нею, но гр. Сергѣй Румянцовъ отбилъ у меня ее. Думаю, что его послала тетка княжны, Барятинская, которая не любитъ, чтобы я говорилъ съ ея племянницей.

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Ужиналъ у Щербатовыхъ и узналъ тамъ новую исторію про нашего аббата Дефоржа.

*) Польскій резидентъ при Петербургскомъ Дворѣ, впослѣдствіи женившійся на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Голицыной.

У Щербатовыхъ уже десять или двѣнадцать лѣтъ живетъ аббатъ де-Л'Иль (de l'Isle), очень хорошій человѣкъ, весьма знающій, прекрасно воспитавшій ихъ дѣтей и служившій капелланомъ (aumonier) у князя Лобковича, пока тотъ былъ здѣсь. Этотъ аббатъ заболѣваетъ; нашъ Дефоржъ, очень любящій исповѣдывать, идетъ къ нему, предлагаетъ свои услуги, ухаживаетъ и проч., а потомъ говоритъ одному изъ друзей де-Л'Иля, что послѣдній очень плохъ, что ему бы надо было привести въ порядокъ свои дѣла, исповѣдоваться, пріобщиться, но что едва ли въ Петербургѣ найдется священникъ, которому можно бы было поручить все это, а потому онъ предлагаетъ себя. Другъ де-Л'Иля ничего не отвѣтилъ, но передалъ слова Дефоржа самому больному. На другой день этотъ послѣдній заявляетъ Дефоржу, что самъ знаетъ, къ кому обратиться, что не любитъ людей, которые набрасываютъ тѣнь на лицъ, имъ мало извѣстныхъ, и что проситъ Дефоржа впредь его не посѣщать. Несмотря на эту горькую пилюлю, Дефоржъ черезъ день опять является. Тогда больной ему говоритъ: «Должно быть, у васъ очень мало самолюбія, если вы рѣшаетесь приходить туда, откуда васъ только-что попросили удалиться!» А подкладка всей этой исторіи та, что Дефоржу хотѣлось получить наслѣдство отъ де-Л'Иля.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Обѣдалъ у маркиза и рано ушелъ, чтобы сдѣлать визитъ г. Франку (Franc), первому секретарю шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, который вчера росписался у меня. Былъ также у Панина, котораго засталъ за интимнымъ разговоромъ съ гр. Шуваловымъ, уѣзжающимъ на этихъ дняхъ за границу. Говорятъ, что шведскій король принялъ его въ Царскомъ Селѣ очень хорошо, несмотря на его поведеніе въ Швеціи.

Узналъ, что Завадовскій, бывшій второстепеннымъ фаворитомъ Екатерины II, получилъ отъ Ея Величества 50.000 р. единовременно, 5.000 р. пенсіи и 4.000 душъ на Украйнѣ. Согласись, мой другъ, что ремесло фаворита здѣсь небезвыгод-

но *). Недавно онъ получилъ ленту, и далъ при этомъ понять, что состоянiе его слишкомъ недостаточно, чтобы съ честью поддерживать свое положенiе. Намекъ этотъ былъ понятъ. Не понимаю, мой другъ, какимъ образомъ шкатулка Императрицы выдерживаетъ такiе расходы. Еще недавно Ея Величество дала 30.000 р. новгородскому губернатору Сиверсу на уплату долговъ, да говорятъ, что онъ еще получитъ столько же.

Вчера въ Царскомъ Селѣ, въ присутствiи шведскаго короля, состоялась свадьба княжны Бѣлозерской съ Салтыковымъ. Завтра или послѣзавтра Алымова выходитъ замужъ за президента Медицинской Коллегiи Рѣжновскаго (Rejnoski?).

Шведскiй король всѣмъ здѣсь нравится, такъ какъ очень любезенъ. Инкогнито дозволяетъ ему замѣнить королевское величiе привѣтливостью частнаго человѣка. Два дня тому назадъ онъ былъ у Ивана Чернышова вмѣстѣ съ Нолькеномъ, который очень близорукъ. Не разслышавъ какой-то фразы, сказанной княгинею, Нолькенъ попросилъ ее повторить; тогда графъ Готландъ сказалъ шутя: «Король шведскiй прислалъ къ вамъ посла, сударыня, который, какъ кажется, и глухъ, и слѣпъ». Шутка монарха всѣмъ очень понравилась и надъ ней много смѣялись. Очень желаю узнать его покороче, мой другъ, потому что людямъ въ его положенiи рѣдко и съ большимъ трудомъ удается быть добрыми. Думаю, что завтра буду ему представленъ.

Пятница, 20.—Къ брату.

Намъ слѣдовало сегодня представляться шведскому королю; онъ вернулся изъ Царскаго Села послѣ обѣда, и пока мы ждали извѣстiй, когда ему будетъ угодно насъ принять, онъ самъ, вмѣстѣ съ Нолькеномъ, прiѣхалъ къ маркизу и пробылъ съ четверть часа. Маркизъ говоритъ, что король былъ очень любезенъ, заявилъ, что въ качествѣ графа Готланда считалъ долгомъ сдѣлать первый визитъ, а когда ему замѣтили, что это долгъ фиктивный, то онъ отвѣтилъ: «Разъ планъ составленъ, то надо его выполнить, тѣмъ болѣе, что передо мною великiй примѣръ, которому я долженъ слѣдовать». Подъ этимъ великимъ примѣромъ онъ подразумѣвалъ, вѣроятно, императора австрiйскаго, путешествующаго съ величайшей простотою.

Въ нашемъ домашнемъ обиходѣ безпрестанныя перемѣны. Благодаря скупости маркиза и интригамъ аббата, многiе уже отъ насъ ушли. Послѣднiй больше чѣмъ когда-либо оправдываетъ мои подозрѣнiя: это лжецъ и грязный интриганъ. Теперь его жертвою сдѣлался Сенъ-Поль. Это двадцати-двухъ-лѣтнiй молодой человѣкъ, вполнѣ порядочный, не лишенный ни ума, ни образованiя, ни сердца. Ему можно сдѣлать упрекъ только въ лѣни и недостаткѣ характера—порокахъ очень важныхъ, конечно, для его будущей карьеры, но вполнѣ исцѣлимыхъ въ его возрастѣ. Я убѣжденъ даже, что Сенъ-Поль, при своемъ умѣ, порядочности и тѣхъ наклонностяхъ, которыя я въ немъ замѣтилъ, современемъ совсѣмъ исправится и будетъ прекраснымъ человѣкомъ. А теперь онъ отъ насъ уходитъ благодаря интригамъ аббата, который никогда его не любилъ. Маркизъ самъ не знаетъ, за что гонитъ его, а въ сущности только за то, что такъ угодно Дефоржу, забравшему маркиза въ руки. Я боюсь, мой другъ, за послѣдствiя такой слабости маркиза; какъ бы ему не пришлось каяться въ томъ, что онъ позволилъ управлять собой Тартюфу, влiянiе котораго опирается на лесть и низкiя услуги, оказываемыя чисто изъ выгоды, а не изъ преданности маркизу. Въ разговорахъ съ посторонними лицами аббатъ не щадитъ послѣдняго.

*) Многiе (Кастери, Гаррисъ, Ильбичъ и пр.) высчитывали, сколько стоятъ Россiи фавориты Императрицы Екатерины, и насчитали около 100.000.000 р. Завадовскiй за 18 мѣсяцевъ получилъ 6.000 душъ на Украйнѣ, 2.000—въ Польшѣ, 1.800 въ Россiи, на 80.000 р. драгоцѣнностей, 150.000 р. деньгами, на 30.000 р. посуды и 10.000 пенсiи; Зоричъ получилъ землю въ Польшѣ, стоющую 50.000 р., землю въ Лифляндiи, стоющую 100.000 р., 500.000 деньгами, на 200.000 р. драгоцѣнностей и командорство въ Польшѣ, дающее 12.000 р. дохода. Все это—въ одинъ годъ. Но что значатъ эти суммы по сравненiю съ тѣмъ, что получили Орловы (17.000.000 р.), Потемкинъ (50.000.009 р.), Ланской (7.200.000 р.) и Зубовы (3.500.000 р.). Въ депешѣ своей отъ 14 iюля 1778 г. Корберонъ исчисляетъ всѣ суммы, издержанныя до того времени на фаворитовъ, въ 48.000.000 р. (Архивъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, AE, Россiя, т. 101, л. 244).

Король шведскій ужиналъ сегодня у Ивана Чернышева; присутствовало десять женщинъ и двадцать мужчинъ. А я ужиналъ у Бемеровъ, вмѣстѣ съ майоромъ Перрэ. Онъ вышелъ изъ Кадетскаго Корпуса благодаря интригамъ, которыхъ здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо. Я тебѣ разскажу, въ краткихъ словахъ, его исторію.

Въ концѣ 1775 года, Перрэ, вернувшись изъ Крыма, гдѣ онъ съ честью дрался въ рядахъ русскихъ войскъ, былъ представленъ Рибасомъ Бецкому и получилъ мѣсто майора въ Кадетскомъ Корпусѣ. Спустя годъ, Рибасъ, будучи негодяемъ и боясь Перрэ, какъ честнаго человѣка, задумалъ отъ него избавиться и успѣлъ склонить къ тому Бецкаго. Затрудненіе состояло только въ томъ, чтобы найти благовидный предлогъ. Предложить Перрэ выйдти въ отставку добровольно, причемъ Бецкій обѣщалъ ему чинъ полковника или значительное вознагражденіе. Перрэ принялъ эти условія и ждалъ ихъ выполненія, но ему дали понять, что прежде слѣдуетъ подать въ отставку; онъ не согласился, и тогда, несмотря на его качества, на безпорочное поведеніе, былъ, безъ всякой церемоніи, выгнанъ. Ты понимаешь, мой другъ, что помириться съ этимъ онъ не могъ. Онъ подалъ Военному Министру, кн. Потемкину, мемуаръ, въ которомъ, требуя справедливости, разсказываетъ обо всѣхъ темныхъ дѣлахъ Рибаса и прилагаетъ письмо послѣдняго, написанное передъ выпускомъ кадетъ перваго класса. Въ этомъ письмѣ Рибасъ открыто признался, что училъ кадетъ «пускать пыль въ глаза». Письмо это должно произвести неблагопріятное для Рибаса впечатлѣніе, да такъ слѣдуетъ, потому что, за уходомъ Перрэ, этотъ низкій, грязный, фальшивый игрокъ, развратникъ и мерзавецъ остался единственнымъ майоромъ кадетъ, единственнымъ распорядителемъ ихъ воспитанія. Ты можешь судить, мой другъ, до какой степени это несправедливо. Безобразія, производимыя Рибасомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, извѣстны всѣмъ, и я знаю многихъ лицъ изъ учительскаго персонала, которые не захотѣли тамъ оставаться въ виду этихъ безобразій.

Доброй ночи, мой другъ. Ты удивишься, вѣроятно, прочитавъ то, что мною написано. Большая разница судить на основаніи слуховъ и быть очевидцемъ. Если вѣрить газетчикамъ, состоящимъ на жалованьи, то можно придти въ восторгъ, а присмотрись поближе и придешь, пожалуй, въ отчаяніе.

Суббота, 21.—Къ брату.

Наше представленіе Шведскому Королю отложено на завтра. Сегодня онъ обѣдаетъ на дачѣ у оберъ-шталмейстера Нарышкина, вмѣстѣ съ Императрицей, Великимъ Княземъ и Великой Княгиней. Ея Величество прекрасно къ нему относится. Недавно она спросила долго ли онъ у нея прогоститъ; «сколько можно дольше и все-таки не такъ долго какъ бы хотѣлъ», отвѣчалъ король. Затѣмъ, послѣ разныхъ любезностей, онъ сказалъ, что останется на три недѣли. «А я думала что вы мнѣ подарите два мѣсяца», сказала Императрица.—«Это невозможно, сказалъ король, и вы сами не похвалили бы меня еслибъ я остался дольше». Въ лицо Императрица всегда называетъ его Вашимъ Величествомъ, но за глаза—графомъ Готландомъ. Король очень мило и весело выдерживаетъ свою роль. Нѣсколько дней тому назадъ, садясь играть въ вистъ съ Императрицей, онъ вынулъ короля. «Вашему Величеству выбирать мѣсто», сказала Императрица «Моему трефовому величеству», отвѣчалъ король смѣясь и показывая свою карту. Эти маленькія шуточки, мой другъ, устраняютъ невыносимую натянутость, водворяющуюся тамъ, гдѣ сходятся два величества вмѣстѣ. Русскихъ король очаровываетъ своей вѣжливостью, многіе думаютъ, что онъ пріѣхалъ сюда не даромъ. Мнѣ расказывали что недавно, за однимъ интимномъ ужиномъ, когда рѣчь зашла о Шведскомъ Королѣ, то многіе говорили: «Онъ пріѣхалъ сюда посмотрѣть, нельзя ли чего-нибудь отнять у насъ. Да и хорошо бы было—мы не были бы въ претензіи, потому что этотъ Государь лучше нашей Императрицы». Правда, эти слова, были ли они сказаны или нѣтъ, принадлежатъ скорѣй ливонцамъ чѣмъ русскимъ, но я передаю тебѣ что слышалъ, и ты самъ знаешь въ какой мѣрѣ можно вѣрить слухамъ. Но тѣмъ не менѣе увѣряютъ, что король пріѣхалъ

сюда не безъ цѣли. Маркизъ, подъ большимъ секретомъ, сказалъ мнѣ, что король желаетъ сгладить нѣкоторыя недоразумѣнія возникшія между нимъ и Императрицею, но я не вѣрю, чтобъ изъ-за такой ничтожной причины можно было предпринимать цѣлыя путешествія. Политическій опытъ маркиза не великъ, мой другъ, а соображенія у него еще меньше; потому то я на его сужденія не особенно и полагаюсь.

Говорятъ, что кн. Орловъ дѣйствительно женатъ. Свадьба состоялась, будто бы, въ прошлый понедѣльникъ, въ деревнѣ. Князь задалъ праздникъ крестьянамъ, угостилъ ихъ, далъ каждому по рублю и сказалъ: «Веселитесь, ребята, сколько можете и все-таки не будете такъ счастливы какъ я: у меня теперь есть княгиня». Способъ, которымъ онъ сообщилъ Императрицѣ о своей женитьбѣ, весьма оригиналенъ и вполнѣ въ его характерѣ. Говорятъ онъ вполнѣ развязно вошелъ въ ея кабинетъ, съ прехорошенькой маленькой собачкой. «Чья такая собачка»? спросила Императрица.—«Моей жены», покойно отвѣчалъ Орловъ. Эта странная манера сообщить Государынѣ о своей женитьбѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру князя, вся жизнь котораго выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Нѣкоторые русскіе осуждаютъ его, но рано или поздно будутъ хвалить, потому что этотъ народъ не имѣетъ твердыхъ и прочныхъ убѣжденій. Дѣлаютъ видъ, что вся нація оскорблена поступкомъ Орлова, и что въ Москву онъ не осмѣлится показаться. Но я этого не думаю. Кромѣ того шведскій король, говорятъ, будетъ просить у Императрицы прощенія супругамъ, она проститъ, а за нею проститъ Синодъ, и новоявленная княгиня Орлова будетъ сдѣлана статсъ-дамой и получитъ ленту ордена Св. Екатерины.

Я говорилъ тебѣ мой другъ, объ отставкѣ Завадовскаго, получившаго 5000 р. единовременно, 5000 р. пенсіи, 4000 душъ, серебряную посуду и 4000 р. на уплату долговъ, а между тѣмъ этотъ идіотъ, говоритъ, рветъ на себѣ волосы съ досады—недоволенъ!

Съ другимъ бывшимъ фаворитомъ, Васильчиковымъ, также хорошо обошлись. Три недѣли тому назадъ, собирались ѣхать за границу, онъ откланялся Императрицѣ, которая тотчасъ же написала Панину, чтобы онъ повидался съ Васильчиковымъ и спросилъ, что тотъ желаетъ получить отъ нея въ знакъ дружбы, чинъ или орденъ? Васильчиковъ отвѣчалъ Панину, что поговоритъ съ Императрицей лично, а она, при новомъ свиданіи, дала ему анненскую ленту и повысила на два чина сразу. Можно ли дѣлать добро другимъ въ болѣе деликатной формѣ? Женщины вообще отличаются такимъ талантомъ, а Екатерина II—въ особенности.

Сомнѣваюсь, чтобы ея сынъ и невѣстка унаслѣдовали отъ нея этотъ рѣдкій талантъ. Говорятъ, великій князь ужасно конфузился передъ шведскимъ королемъ, а жена его, не будучи особенно умной женщиной, постоянно вертится около высокаго гостя и говоритъ ему пошлыя фразы, въ родѣ: какъ вы себя здѣсь чувствуете, графъ? Не вредитъ ли вамъ здѣшній климатъ? и т. п.

Говорилъ ли я тебѣ, что у Императрицы пять новыхъ адъютантовъ: Заричъ, Левашовъ [1]), Уваровъ, кн. Меньшиковъ [2]) и Энгельгардъ? [3]). Производить въ адъютанта стоитъ не такъ дорого, какъ давать отставку фаворитамъ. Эти отставки, должно быть, не очень нравятся великому князю, который, говорятъ, всегда нуждается въ деньгахъ, такъ какъ мать даетъ ему очень мало.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Наконецъ, сегодня въ четыре часа, графъ Готландъ приметъ насъ навѣрно. Это разстраиваетъ мои планы: я собирался обѣдать и ужинать на дачѣ, у Голициной, вмѣстѣ со Львомъ Разумовскимъ и Нессельроде. Обѣщалъ постараться. Гр. Левъ поссорился съ де-Шимэ и съ Нелединской. Она навѣрное беременна, благодаря Репнину. Жаль мнѣ эту бѣдную женщину, которая состоитъ на положеніи дѣвицы, такъ какъ мужъ ея... плохъ. Что касается ея здоровья, то послѣ родовъ она окончательно поправится или погибнетъ.

Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда прочелъ де-Шимэ печатное посланіе Лэнге (Lin-

[1]) Василій Васильевичъ.

[2]) Сергѣй Александровичъ, внукъ сподвижника Петра I.

[3]) Левъ, племянникъ Потемкина.

guet) къ де-Верженну, очень зло написанное. Де-Шимэ скоро ѣдетъ. Передъ отъѣздомъ онъ обѣщалъ поговорить съ Дефоржемъ о Сенъ-Полѣ. Но слабость маркиза меня положительно возмущаетъ! Разскажу тебѣ еще одну скверную исторію про него.

Въ числѣ нашей прислуги былъ нѣкій Фенэнъ (Fénin), французъ, служившій прежде садовникомъ у Захара Чернышова. Принявъ его тоже на должность садовника, маркизъ требовалъ, чтобы онъ, въ торжественные дни, наряду съ другими служителями, надѣвалъ парадную ливрею. Сначала и вся его служба только въ томъ состояла, но впослѣдствіи, когда мы прогнали одного лакея, онъ исполнялъ обязанности послѣдняго. Когда маркизъ рѣшилъ уволить и его, то Фенэнъ отказался возвратить ливрею, ссылаясь на то, что ему не уплачено за манжеты, букли и шелковые чулки, которые онъ завелъ, не имѣя въ томъ надобности, такъ какъ былъ приглашенъ на должность садовника, а не лакея. Ливрею эту онъ даже передалъ полиціи, какъ залогъ за неуплаченныя ему деньги. А когда маркизъ сталъ настойчиво ее требовать, то этотъ Фенэнъ явился къ нему и представилъ письмо, наполненное самой оскорбительной бранью, упреками въ скупости, мелочности и проч. Маркизъ, конечно, разорвалъ это письмо и бросилъ его въ лицо нахалу, приказавъ немедленно убираться вонъ. Фенэнъ прехладнокровно собралъ кусочки письма, положилъ ихъ въ карманъ и пошелъ показывать всѣмъ желающимъ, такъ что я узналъ эту исторію отъ постороннихъ. Ливрею пришлось выкупить отъ полиціи, заплативъ 50 рублей. Такимъ образомъ, за свое скряжничество и мелочность маркизъ заплатилъ, въ данномъ случаѣ, не только деньгами, но и грязной сценой, которая, къ несчастію, стала всѣмъ извѣстна. Вотъ что значитъ плохо поставить свой домъ, нанимая, изъ-за дешевизны, плохихъ людей, которые только шпіонятъ за хозяиномъ и никакой привязанности къ нему имѣть не могутъ. Я не могу упрекать себя въ индифферентизмѣ, такъ какъ часто доказывалъ маркизу необходимость относиться къ прислугѣ иначе. А къ чему это послужило?

Ровно въ четыре часа мы съ маркизомъ были въ Лѣтнемъ дворцѣ, у графа Готланда, вмѣстѣ со многими другими, представлявшимися его величеству. Онъ отличается благородной и величественной внѣшностью. Послѣ представленія мы осматривали дворецъ и прилегающіе къ нему цвѣтники, которые нашли очаровательными, а затѣмъ вышли въ Лѣтній садъ, въ которомъ набралась большая толпа народа. Графъ Вахмейстеръ, состоящій, въ качествѣ камергера, при особѣ короля, сказалъ мнѣ, что послѣдній спрашивалъ у него вчера, въ какомъ родствѣ я нахожусь съ де-Верженномъ. А маркизъ, по своему обыкновенію, опять меня не представилъ. Увы! Онъ неисправимъ. Но я не могу обижаться его неловкостями по отношенію ко мнѣ, такъ какъ онъ неловокъ и во всемъ, что касается его самого.

Представленіе королю измѣнило мои планы на этотъ день. Вернувшись домой въ $7^1/_4$ часовъ, я успѣлъ только переодѣться и поѣхалъ къ Спиридовымъ, за 12 верстъ. У нихъ тамъ прехорошенькій деревянный домикъ, съ садикомъ и огородомъ, но къ этой усадьбѣ принадлежитъ большое пространство земли, съ которой они получаютъ около 1.000 р. дохода, тогда какъ, при покупкѣ, вся она стоила 4.000.

Спиридова говоритъ, что Орловъ несомнѣнно женатъ. Двѣ дочери, которыхъ онъ имѣетъ отъ Зиновьевой, теперь узаконены. Надъ Зиновьевой вѣнецъ держалъ ея братъ, а надъ Орловымъ—ординарецъ, простой солдатъ. Разсказъ о собачкѣ не вѣренъ. Спиридова, которая была въ этотъ день дежурною, говоритъ, что Императрица давно знала, что эта собачка принадлежитъ Зиновьевой, а потому ничего объ ней и не спрашивала. Она только разсказала Орлову свой сонъ и спросила его, что онъ видѣлъ во снѣ, а Орловъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, что я женился». Императрица сказала, что не ожидала такого отвѣта. Но вѣрно ли все это, мой другъ? Не могу ручаться, хотя и слышалъ отъ людей, близкихъ къ Императрицѣ.

Говорятъ, что Олсуфьева бѣжала, два дня тому назадъ, со своимъ возлюбленнымъ, камеръ-юнкеромъ, кн. Голицынымъ, взявшимъ заграничный отпускъ. Они двоюродные между собою и потому

не могутъ обвѣнчаться, но Голицинъ говоритъ, что женится, во что бы то ни стало, а это можно сдѣлать только за границей.

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

Трудно маркизу поправиться; его мучатъ послѣдствія лихорадки: боли въ желудкѣ и общее недомоганіе, которое мѣшаетъ выздоровленію. Здоровье де-Шимэ тоже не вполнѣ возстановилось, но онъ все-таки рѣшилъ уѣхать.

Былъ у графа Лясси, который принялъ меня очень хорошо. Говорили о де-Верженнѣ, кредитъ котораго, по словамъ графа, ростетъ. Затѣмъ перешли къ пяти новымъ адъютантамъ императрицы. Говорятъ, что ихъ выбиралъ Потемкинъ, чтобы доставить удовольствіе ея величеству. Вотъ трогательная заботливость!

Заѣзжалъ съ визитомъ къ Зиновьевой, братъ которой тоже адъютантъ, но не засталъ ихъ дома, а встрѣтился съ Леруа, который далъ мнѣ мемуаръ о финансахъ Россіи, написанный кажется Бахманомъ, для графа Герца (Goertz) *).

Вторникъ, 24.—Къ брату.

Дѣла становятся интересными, мой другъ: гр. Панинъ выходитъ въ отставку, и говоря съ кѣмъ-то о своихъ безплодныхъ попыткахъ, сказалъ: «Подождите, дѣла не могутъ оставаться въ такомъ положеніи». И дѣйствительно, при дворѣ всѣ недовольны. Великій князь, у котораго нѣтъ денегъ, со злобою смотритъ на безумную щедрость матери къ ея фаворитамъ. Его полкъ готовъ произвести государственный переворотъ, но для того, чтобы задумать и выполнить этотъ переворотъ нуженъ человѣкъ, обладающій хорошей головою. Одинъ только кн. Репнинъ годился-бы на это дѣло—онъ тоже очень недоволенъ. Мы будемъ смотрѣть на происходящіе безъ особеннаго интереса, потому что я недостаточно политикъ, чтобы желать совершенія большихъ преступленій изъ-за малыхъ выгодъ.

*) Впослѣдствіи замѣнившій Сольмса въ Петербургѣ.

Среда, 25.—Къ брату.

Мы были правы, мой другъ, опасаясь аббата Дефоржа и его происковъ: онъ уже успѣлъ добиться изгнанія Сенъ-Поля. Впрочемъ, это большое счастье для послѣдняго, такъ какъ онъ только терялъ здѣсь время, и ничего-бы не получилъ черезъ маркиза, подозрительность котораго охлаждаетъ и умъ и душу. Сенъ-Поль надѣется найдти мѣсто у де-Ля-Хузя (de-la-Houze) *), въ Гамбургѣ, а это постъ очень интересный въ торговомъ отношеніи.

Принцъ де-Шимэ собирается ѣхать на воды, въ Карлсбадъ. Мнѣ кажется, что онъ недоволенъ маркизомъ, такъ какъ говоритъ, что ничего не понимаетъ въ его политикѣ; да это и не удивительно. Поведеніе аббата и довѣріе къ нему маркиза сердитъ де-Шимэ, и не одного его конечно.

Увѣряютъ, что шведскій король, въ сопровожденіи Бецкаго, былъ съ визитомъ у г-жи Рибасъ. Съ трудомъ вѣрю такой странной выходкѣ, но считаю ее возможною. Рибасъ все болѣе и болѣе купается въ грязи. Съ тѣхъ поръ какъ Перре вышелъ изъ кадетскаго корпуса, его всѣми мѣрами стараются очернить. Распространился слухъ, что одинъ изъ учителей видѣлъ его ночью, въ саду Корпуса; но этотъ самый учитель, на совѣсть, публично отрекся отъ такого показанія, и подалъ въ отставку. Нѣкій Греа (Great), правая рука Рибаса, предлагалъ даже этому учителю 600 р. за свидѣтельство противъ Перрэ. Скажи, мой другъ, въ какой еще странѣ можно видѣть подобные ужасы? И этому Рибасу ввѣряется воспитаніе молодыхъ дворянъ Россіи! Хорошія надежды на будущее! Если-бы всѣ подвиги этого поганаго итальянца стали извѣстны императрицѣ, вотъ была-бы буря! Но у низкихъ, грязныхъ негодяевъ есть своя звѣзда.

Вечеромъ, я былъ въ одномъ городскомъ саду, который почему-то называется итальянскимъ (?), хотя въ немъ нѣтъ ни зданій, ни станцій, вообще ничего итальянскаго. Просто

*) Французскій посланникъ въ Саксоніи.

нѣсколько аллеекъ, расходящихся лучами, небольшая оранжерейка и цвѣтнички, а на самомъ концѣ—маленькій домикъ, въ которомъ продаются стеклянныя вещи, очень плохенькія.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Сегодня праздникъ, мой другъ, и аббатъ Дефоржъ, по обыкновенію, захотѣлъ служить обѣдню. Назначена она была къ 10½ часовъ, а начали въ 11. Де-Шимэ, раздосадованный опозданіемъ и продолжительностью богослуженія, ушелъ недождавшись конца, а за обѣдомъ сдѣлалъ довольно рѣзкую сцену аббату. Послѣдній промолчалъ, но онъ это припомнитъ и отмститъ за себя маркизу, который продолжаетъ хворать, что меня во многихъ отношеніяхъ безпокоитъ. Если онъ не поправится, то долженъ будетъ просить отпуска или выйдти въ отставку; тогда я остаюсь повѣреннымъ въ дѣлахъ. Но въ такомъ случаѣ я боюсь, что останется и аббатъ, такой любитель писать доносы, сплетничать и интриговать. Кромѣ того принцъ де-Шимэ тоже не хочетъ уѣзжать до выздоровленія маркиза и я думаю, что онъ мѣтитъ на мѣсто посланника. Вотъ будетъ забавный посланникъ!

Графъ Панинъ завтра положительно уѣзжаетъ и не вернется раньше конца осени. Думаю, что онъ неособенно покоенъ. Графу Брюлю, который, не получая никакого назначенія, собирался уѣхать, онъ сказалъ: «Подождите, подождите, дѣла должны измѣниться, они не могутъ такъ идти». Изъ пяти новыхъ адъютантовъ одинъ подаетъ большія надежды; это—Левашовъ, онъ очень уменъ.

Князь Орловъ недавно возилъ свою жену ко двору, но они въ тотъ-же вечеръ вернулись, изъ чего можно заключить, что приняты были плохо.

Въ Петергофъ, ради праздника, было вызвано нѣсколько придворныхъ дамъ: Голицина, Матюшкина, Чернышова, Репнина и проч. Баронесса также получила приглашеніе. Великая княгиня беременна на четвертомъ мѣсяцѣ.

Послѣ обѣда, мы съ Бемерами ѣздили кататься по Царскосельской дорогѣ, въ новоустроенный загородный домъ Императрицы, въ 6 верстахъ отъ Петербурга. Онъ построенъ въ древнемъ вкусѣ, съ башнями. Комнаты довольно велики, но замѣчательнаго ничего не представляютъ. Сада еще нѣтъ, а церковь будетъ построена рядомъ; модель ея мы видѣли въ домѣ. Тамъ же висятъ портреты всѣхъ монарховъ Европы, но очень плохіе.

P. S: графъ Готландъ ужиналъ у Ляссп, который пригласилъ также и маркиза. Завтра король долженъ бы обѣдать у насъ, но болѣзнь маркиза этому помѣшаетъ. Я немножко удивленъ что Ляссп не пригласилъ меня. Должно быть тутъ есть какая нибудь политическая причина, которой я не знаю.

Пятница, 27.—Къ брату.

Ужиналъ у Бемеровъ, вмѣстѣ съ Нессельроде. Онъ увѣряетъ, что изъ займа въ два милліона экю, сдѣланнаго Швеціей у Голландіи, только 800000 разошлись по странѣ, а остальное забралъ король, на свои надобности.

На довольно веселомъ ужинѣ у гр. Ляссп было 35 человѣкъ. Графъ Готландъ сидѣлъ рядомъ съ женой Ивана Чернышова, а Барятинская—между испанскимъ и австрійскимъ послами. Говорятъ, что первый за нею ухаживаетъ, а я думаю, что это было дѣломъ политическаго разсчета съ его стороны.

Суббота, 28.—Къ брату.

Болѣзнь маркиза начинаетъ меня безпокоить. Онъ ужасно ослабъ и похудѣлъ. Роджерсонъ недоволенъ имъ, повидимому, тѣмъ болѣе что къ болѣзни примѣшивается меланхолія; боюсь, чтобы съ нимъ не было то же, что съ Ляссп.

Вечеръ я провелъ съ маркизомъ, чтобы его развлечь, какъ совѣтуетъ докторъ. Говорятъ, что Ляссп уже успѣлъ похудѣть и съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ. Здѣшній климатъ ему вреденъ—меланхолію наводитъ. Маркизъ боится какъ бы не пришлось ему подавать въ отставку.

Что касается меня, то я не знаю даже что желать: оставаться ли здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ или искать другого мѣста. Но какъ бы то ни было, мнѣ нужно имѣть 30000 ливровъ жалованья.

Простой секретарь прусскаго посольства, находящійся здѣсь далеко не въ такомъ положеніи какъ я, и вообще очень плохо оплачиваемый, получаетъ до 500 р. въ годъ (?); а когда онъ становится повѣреннымъ въ дѣлахъ, то ему даютъ 100 рублей въ мѣсяцъ отъ двора, да столько же отъ министерства, что, все вмѣстѣ, составляетъ около 3000 р. въ годъ, да еще безъ всякихъ расходовъ на представительство. Сабатье, *) жившій здѣсь хотя и хорошо но очень скромно, получалъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей. Правда, онъ, въ то же время былъ посланникомъ короля въ Люттихѣ, такъ что занималъ два мѣста.

Хюттель, съ которымъ мы говорили о его положеніи и жалованьи, будучи секретаремъ посольства, не имѣетъ, однакоже, форменныхъ патентовъ, а назначенъ простымъ письмомъ на имя посланника. Онъ говоритъ, что Прусскій король почти всегда самъ пишетъ депеши, и его посланники при иностранныхъ дворахъ сносятся съ нимъ лично. Нерѣдко, приказавъ шифровать свою депешу, онъ собственноручно дѣлаетъ къ ней открытую приписку, которая важнѣе самой депеши. Посланниковъ онъ выбираетъ слѣдующимъ образомъ: приказавъ представить себѣ трехъ кандидатовъ на вакантное мѣсто, онъ дѣлаетъ имъ устный экзаменъ и, выбравъ одного, оставляетъ его жить въ дворцѣ въ продолженіе двухъ недѣль, чтобы хорошенько узнать характеръ избраннаго и его общеніе. Посламъ, возвращающимся съ своихъ постовъ, онъ также дѣлаетъ строгій экзаменъ — распрашиваетъ ихъ о малѣйшихъ подробностяхъ, касающихся политики, причемъ надо держать ухо остро отвѣчать опредѣленно, безъ излишней сухости и не размазывая, потому что король не любитъ ни болтуновъ, ни тупыхъ людей. Мнѣ очень нравится эта манера; согласись, мой другъ, что гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ монархомъ чѣмъ съ его министрами.

Воскресенье, 29.—Къ брату.

Сегодня я былъ въ Петергофѣ, гдѣ живетъ дворъ. Дорогой останавливался обѣдать у Спиридовыхъ, въ 12 верстахъ отъ города. Спрашивали почему рѣдко бываю; сослался на болѣзнь маркиза. Въ 4 часа выѣхалъ далѣе, такъ какъ до Петергофа оставалось 18 верстъ. На Куртасѣ было много народа и царствовала скука, хотя танцовали. Шведскій король игралъ въ карты съ Императрицей; на ней была лента ордена Серафимовъ, а на немъ—Андрея Первозваннаго. Графъ Шеферъ (Cheffer) здѣсь преуспѣваетъ, его находятъ очень умнымъ человѣкомъ. Императрица его хвалитъ и говоритъ, что онъ далеко не такъ печаленъ какъ ожидали. Онъ дѣйствительно очень веселъ и любезенъ въ разговорѣ. Показали ему толстую г-жу Талызину, которая была любовницей Панина и осталась его другомъ «Это дѣлаетъ честь старику, сказалъ Шеферъ, у меня, пожалуй, не хватило бы добродѣтели».

Я не хотѣлъ танцовать, потому что былъ въ мундирѣ. Послѣ Куртаса, вмѣстѣ съ однимъ пажомъ и съ морякомъ, вернулся къ Спиридовымъ. Они думаютъ, что въ день отъѣзда Шведскаго короля будетъ устроено морское празднество. Спиридовъ пригласилъ меня, на будущей недѣлѣ, на свой корабль, стоящій въ Кронштадтѣ; тамъ есть интересный пожарный насосъ, стоющій 70000 рублей и всякій разъ, при дѣйствіи, пожирающій на три тысячи угля (?).

Великій князь очень занятъ своимъ полкомъ, который теперь въ Царскомъ Селѣ и хорошо выполняетъ маневры. Онъ ѣздитъ туда всякую недѣлю и выѣзжаетъ изъ Петергофа въ 3 часа утра. Обыкновенно онъ встаетъ въ пять, и ложится въ девять. Онъ при мнѣ это расказывалъ гр. Ляссп, который, вопреки увѣреніямъ де-Шимэ, очень хорошо принятъ при дворѣ. Правда, Ляссп—свѣтскій человѣкъ и прекрасно говоритъ.

Ужиналъ у Спиридовыхъ и вернулся домой очень поздно [1]).

Понедѣльникъ, 21 іюля.—Къ брату.

Пребываніе шведскаго короля произвело здѣсь большую сенсацію. Деликат-

*) Сабатье-де-Кабръ, французскій повѣренный въ

[1]) Въ этомъ мѣстѣ, рукопись „Дневника“ прерывается множествомъ чистыхъ листочковъ, на которыхъ Корберовъ хотѣлъ, вѣроятно, записать происшествія съ 30 іюня по 20 іюля.

ность и вѣжливость пріобрѣли ему сторонниковъ въ той странѣ, которая обращаетъ вниманіе только на внѣшность. Я думаю, что онъ, въ сущности, далеко не является такимъ совершенствомъ, какимъ его здѣсь считаютъ. Мнѣ кажется что въ немъ мало той глубины и твердости духа, которая такъ необходима монархамъ, да и какъ человѣкъ онъ мнѣ не особенно нравится. Всѣ здѣшніе вельможи наперерывъ за нимъ ухаживали давая обѣды. Изъ иностранныхъ пословъ удостоились принять его только Лясси да маркизъ. Лясси живалъ въ Швеціи, гдѣ былъ хорошо принятъ; онъ даже, вмѣстѣ съ де Верженномъ, былъ посвященъ въ тайны революціи. [1])

Императрица сдѣлала крупные подарки королю шведскому. Между прочимъ, трость, съ набалдашникомъ, осыпаннымъ бриллiантами и лента, вышитая крупнымъ жемчугомъ, оцѣниваются въ 65.000 р. Кромѣ того Императрица поднесла королю орденскіе знаки, которые сама носила, и шубу въ 15000 р. А онъ, въ свою очередь, выписалъ для нея изъ Швеціи наилучшіе во всей Европѣ рубины, цѣны которыхъ я не знаю.

Маркизъ далъ ужинъ королю шведскому одинъ разъ, а Лясси—два раза. Во второй разъ, когда изъ секретарей всѣхъ посольствъ былъ приглашенъ только одинъ я, послѣ ужина была дана сцена изъ П и г м а л і о н а Руссо, въ которой играли Лямери и м-мъ Понлявиллъ, самая красивая изъ нашихъ актрисъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, я прощался съ королемъ, уѣзжавшимъ изъ Петербурга въ 11 часовъ. Въ Среду, 16-го, послѣ ужина, онъ исчезъ изъ Петергофа, не простившись съ Императрицею, сѣлъ на свою галеру въ Ораніенбаумѣ, и оттуда написалъ Ея Величеству письмо. Она послала къ нему своего теперешняго фаворита, Зорича, пожелать добраго пути. Король украсилъ посланца орденомъ Меча. Онъ раздалъ много подарковъ. Домашневъ, президентъ Академіи, получилъ орденъ Вазы, но не первой степени, что дало поводъ смѣяться надъ новымъ кавалеромъ. Нолькенъ получилъ ленту Полярной Звѣзды, а Ингельманъ, секретарь посольства, сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, съ 3000 р. жалованья, а кромѣ того получилъ золотую табакерку съ пятью стами дукатами. Оригинально, что это было скрыто отъ Нолькена, такъ что онъ даже не вѣрилъ, когда узналъ.

Я ничего тебѣ не говорилъ о праздновaніи дня Св. Петра въ Петергофѣ. Былъ маскарадъ и иллюминація сада. Это празднованіе стоитъ посмотрѣть. Я былъ вмѣстѣ съ Хюттелемъ, секретаремъ Прусскаго Посольства. Мы говорили объ алхиміи, и оба страстно желаемъ работать надъ нею. Должно быть правда, что хладнокровные люди любятъ чудесное.

За нѣсколько дней раньше мы говорили о томъ же съ Левецаномъ (Levetzan), идя къ Вельденамъ. Левецанъ—датскій офицеръ, 28-ми лѣтъ и очень высокаго роста. Съ перваго взгляда онъ мнѣ не понравился, такъ какъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ тѣмъ болѣе любишь чѣмъ короче знаешь, въ чемъ я убѣдился личнымъ опытомъ. Это—очень порядочный человѣкъ, и мы съ нимъ сошлись. Онъ мнѣ говорилъ о химіи, и о бумагахъ, которыя передалъ ему отецъ за семь лѣтъ до твоей смерти, и которыя самъ получилъ будучи 25-ми лѣтъ отъ роду.

Четвергъ, 24.—Къ брату.

Мы съ Левецаномъ осматривали въ Кронштадтѣ прекрасное сооруженіе, начатое Петромъ I: каналъ, выложенный камнемъ, и ведущій изъ порта въ громадный бассейнъ. Въ немъ устроено четыре шлюза, для задержанія воды. Благодаря этому каналу, можно вводить въ бассейнъ военные корабли и тамъ, выпустивъ воду, оставлять ихъ на сухомъ мѣстѣ, для починки и окраски. Вода удаляется при помощи насоса, сдѣланнаго въ Англіи и стоющаго 72000 рублей. Очень сильный насосъ—вытягиваетъ въ день милліонъ восемьдесятъ тысячъ бочекъ (m u i d s) воды.

Пятница и суббота, 25 и 26.—Къ брату.

Прочелъ ли ты В е р т е р а, мой другъ? Это—очаровательный по чувству и интим-

[1]) При помощи которой Густавъ III завладѣлъ диктатурой. Де-Верженнъ помогалъ ему въ видѣ реванша Франціи за раздѣлъ Польши, такъ какъ Россіи выгодно было бы ослаблять Швецію безпорядками.

ности романъ Гетэ, а въ сущности подлинная исторія нѣкоего Жерюзалема, сына одного ученаго аббата въ Лейпцигѣ. Этотъ молодой человѣкъ, очень пылкій, влюбился въ нѣкую Шарлотту, невѣсту другого, и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Къ сожалѣнію, прекрасный романъ достойный Ричардсона(!), плохо переведенъ на французскій языкъ, хотя, по моему, онъ отъ этого выигралъ, такъ какъ полонъ германизмами, передающими оригинальную красоту подлинника.

У маркиза, мой другъ, опять появилась лихорадка. Онъ уже пятнадцать дней думалъ, что отдѣлался отъ нея, хотя все это время по ночамъ у него бывали маленькіе ознобы. Ужъ лучше бы болѣзнь опять приняла трехдневный типъ, тогда бы она, пожалуй, кончилась прочнѣе. Похудѣлъ онъ отчаянно, и я боюсь, что съ нимъ будетъ то же, что съ гр. Ляссп. Какъ бы то ни было, я еще подожду писать къ графу Эгмонту. Не хочу я, мой другъ, чтобы меня считали заботящимся только о своей выгодѣ, хотя долженъ признаться, что охотно бы остался здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ, за отсутствіемъ маркиза.

Воскресенье и Понедѣльникъ, 27 и 28.—
Къ брату.

Императрица вчера вернулась изъ Петергофа ради пріема Крымскихъ татаръ. Публичная аудіэнція была имъ дана въ той залѣ, которая налѣво отъ обычной аудіэнцъ-залы. Ея Величество сидѣла на тронѣ, а сзади нея стояли оберъ-шталмейстеръ и оберъ-шенкъ. Румянцовъ тоже стоялъ около нея.

Вечеромъ мы у маркиза подписывали брачный контрактъ Фальконэ-сына съ м-ель Колло. Признаюсь, мой другъ, я это дѣлалъ не охотно, но разъ подписалъ маркизъ, то и я не могъ отказаться. Дѣло въ томъ, что Фальконэ былъ женатъ въ Англіи; бракъ его расторгнутъ, но мнѣ этого мало. Ужъ если онъ женился добровольно, то зачѣмъ же отказываться отъ обязательства, которое должно оставаться священнымъ на всю жизнь? Для честнаго и простодушнаго человѣка, разница религій ничего не значитъ: разъ дано слово—дѣло кончено. Если я когда-нибудь попаду въ такое положеніе, что семья моя захочетъ расторгнуть мой бракъ, то обѣщаю тебѣ, что это ей не удастся. Маркизъ, которому я сообщилъ свои сомнѣнія, старался ихъ разсѣять. Я подписалъ контрактъ, но все-таки не оправдываю того, чему не могъ помѣшать. Подозрѣваю, что тутъ замѣшанъ аббатъ Дефоржъ, устроившій этотъ корыстный бракъ— они женятся чисто изъ-за денегъ— только для того, чтобы имѣть удовольствіе ихъ обвѣнчать. За Колло, говорятъ, дано 40,000 р. приданаго. Не знаю сдѣлано ли было оглашеніе въ католической церкви; постараюсь справиться и вообще узнать подробности дѣла, которое кажется мнѣ не совсѣмъ чистымъ, что бы ни говорилъ маркизъ.

Вѣнчаніе Фальконэ происходило въ нашей капеллѣ. Присутствовали дѣвицы Кронцъ (Cronz), изъ нихъ старшая, отъ перваго брака, по фамиліи Ломанъ, недурна и любезна. Послѣ вѣнца, обѣдали, и затѣмъ, въ 4 часа, вся компанія уѣхала.

Генералъ Мелиссино, присутствовавшій на обѣдѣ, говорилъ мнѣ о желаніи аббата попасть въ его ложу. Ужъ не хочетъ ли онъ посвятить его въ седьмую степень, такъ какъ предложилъ, чтобы церемонія посвященія происходила у меня? А впрочемъ—какое мнѣ дѣло. Этотъ аббатъ становится все болѣе и болѣе мнѣ противенъ: дрянной человѣкъ.

Вторникъ и среда, 29 и 30.—Къ брату.

Свадьба Фальконэ, мой другъ, состоялась не вчера, а сегодня, во вторникъ. Я скоро узнаю все, что касается перваго его брака и если Фальконэ окажется не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ, то я не дамъ своей подписи подъ другимъ актомъ.

Обѣдалъ у Каунице, гдѣ видѣлъ шведскаго офицера, привезшаго Зоричу орденъ Меча. Онъ получилъ отъ Императрицы табакерку и часы съ прекраснымъ камнемъ. Цѣпочка къ этимъ часамъ сдѣлана изъ крупныхъ сердоликовъ, на каждомъ вырѣзанъ амуръ — очень красиво и оригинально.

Въ среду обѣдалъ у барона Асфельда. И онъ и жена производятъ тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ послѣдняя постоянно больна. Она просила меня дать ей *Эмиля* Руссо; дамъ, но съ неудоволь-

ствіемъ. Есть люди, которыхъ нельзя снабжать книгами, если не желаешь проститься съ ними.

Воскресенье, 21 сентября.—Къ брату.

Этакая лѣнь! Этакая ужасная лѣнь, скажешь ты, мой другъ! И ты будешь правъ. Вотъ уже два слишкомъ мѣсяца какъ я не написалъ къ тебѣ ни строчки, ни почтой, ни въ дневникѣ. Удовольствія и дѣла помѣшали; но они не вытравили изъ моего сердца воспоминанія о тѣхъ, кого люблю.

За время моего молчанія произошло много интереснаго. Лихорадка у маркиза продолжается и онъ рѣшился взять отпускъ. Если отпускъ этотъ будетъ данъ, то бразды правленія посольствомъ перейдутъ въ мои руки, причемъ, какъ ты можешь себѣ представить, я буду радъ скорѣе работѣ, которая выпадетъ на мою долю, чѣмъ новому титулу, которымъ буду украшенъ. Мнѣ уже 29 лѣтъ, мой другъ, и я болѣе цѣню существенную подкладку славы чѣмъ ея блестящую внѣшность. Строя всѣ эти проекты, я боюсь, однакоже, чтобы интрига не помѣшала ихъ осуществленію и не увѣренъ, чтобы этой интриги не было. Аббатъ Дефоржъ и консулъ подъ меня подкапываются. Первый вообще меня не любитъ а послѣднему самому хотѣлось бы быть повѣреннымъ въ дѣлахъ, что можетъ случиться лишь тогда, когда меня отзовутъ или назначатъ посланникомъ при какомъ-нибудь дворѣ. Я уже рѣшилъ: если меня отзовутъ, обѣщая въ скорости дать мѣсто, то я буду ждать этого мѣста или здѣсь или въ Даніи у Левецана; а если мнѣ мѣста не дадутъ, то я сейчасъ-же уѣду. Черезъ двѣ недѣли все будетъ извѣстно.

Гарри вернулся въ воскресенье, 15, но, къ несчастію, корабль на которомъ онъ ѣхалъ находится въ морѣ. Боюсь, какъ бы съ нимъ не произошло какого-нибудь несчастья въ виду сегодняшней погоды.

Я вчера легъ спать въ 11 часовъ. Вѣтеръ, за которымъ я наблюдаю съ тѣхъ поръ какъ Гарри выѣхалъ въ обратный путь, былъ свѣжій и попутный. Поэтому я заснулъ съ надеждой на скорое прибытіе желаннаго судна. Но въ четыре часа утра меня разбудилъ страшный шумъ урагана и крики матросовъ; почти тотчасъ-же ко мнѣ вбѣжалъ Комбсъ, въ одной рубашкѣ и страшно испуганный. «Вставай скорѣе!— кричалъ онъ—Боже мой, какое несчастіе»! Я, хоть и не сразу повѣрилъ въ какое то особенное несчастіе, но сейчасъ же всталъ и, подойдя къ окну, убѣдился, что на нашемъ дворѣ люди по поясъ въ водѣ. Бѣгу въ кабинетъ, выходящій окнами на набережную Невы и вижу передъ собою разъяренное море. Волны бѣшено бьютъ въ стѣны дома, какъ бы вздрагивающаго отъ ихъ ударовъ и отъ сильнаго вѣтра. Множество судовъ, сорвавшихся съ якорей, сталкиваются другъ съ другомъ и со страшнымъ трескомъ разбиваются. Юго-западный вѣтеръ, дующій съ небывалой силою, поднялъ воды залива и рѣки на двѣнадцать футовъ выше обыкновеннаго уровня. Этому наводненію предшествовало необычайное паденіе барометра до 29°. Въ настоящее время вода какъ бы кипитъ. На дворѣ одного негоціанта, на Васильевскомъ островѣ, она вдругъ забила фонтаномъ.

Когда вода начала сбывать, то бѣдствія, ею причиненныя, стали еще ощутительнѣе. Наша набережная совершенно испорчена и завалена разбитыми судами; мосты всѣ сломаны; погибло много скота; многія лица и въ томъ числѣ генералъ Бауэръ, принуждены были ввести своихъ лошадей въ комнаты. По улицамъ плаваютъ на лодкахъ. Одинъ французскій парикмахеръ-гасконецъ, вѣроятно— выловилъ на Милліонной щуку. Бѣдный Гарри очень безпокоился о своемъ корабдѣ, капитаномъ котораго состоитъ нѣкій Боссъ изъ Гавра. Если корабль потерпитъ крушеніе, то Гарри потеряетъ 12—15 тысячъ ливровъ а я—всѣ свои костюмы, книги и проч., которые выписалъ изъ Парижа. У Гарри есть и еще причина безпокоиться: четыреста ливровъ табаку, сложенные имъ въ погребахъ Бемера, могутъ быть залиты водою.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Сегодня мы съ Комбсомъ объѣхали городъ. Смотрѣть тяжело. Вся наша

Галерная набережная завалена обломками. Изъ разбитыхъ деревянныхъ судовъ образовались громадныя кучи бревенъ и досокъ, которыя растаскиваются и продаются русскими, по натурѣ склонными къ воровству. Даже вельможи занимаются этимъ дѣломъ столько же къ выгодѣ своихъ людей сколько и ради своей собственной. Сегодня дрова продавались по семидесяти копѣекъ за сажень, обыкновенно стоющую полтора рубля. Миллiонная набережная во многихъ мѣстахъ разбита и опрокинута. На ней стоятъ большiя парусныя суда, перекинутыя водою черезъ парапетъ. Передъ дворцомъ набережная завалена такими судами. Императрица, говорятъ, не спала всю ночь, наблюдая изъ оконъ дворца за ужасами наводненiями. Благодаря ея заботливости, часовые, повсюду, были во время сняты, а то бы они потонули. Говорятъ, что въ крѣпости и въ погребахъ разныхъ тюремъ залито водою до 2000 преступниковъ. Даже стѣны самой крѣпости пострадали.

Въ окрестностяхъ Петербурга наводненiе тоже надѣлало большихъ бѣдъ. Снесены водою загородные дома Нарышкиныхъ, полицiймейстера Чичерина, Головиныхъ (на Каменномъ островѣ) и проч. Красная яхта герцогини Кингстонъ *) поставлена на мель. Но ужаснѣе всего положенiе Калинкинскаго предмѣстья (faubourg de Kalinka—Коломна?), гдѣ всѣ дома разрушены и повсюду лежатъ трупы мужчинъ, женщинъ, дѣтей!..

Ужасное бѣдствiе! Посреди печальныхъ его подробностей встрѣчаются и забавныя. Такъ, посреди одной улицы въ подгородной деревушкѣ, Коломнѣ, стоитъ, говорятъ, большое, трехмачтовое судно. Другое судно, въ тотъ же день прибывшее изъ Любека, было невредимо перенесено водою черезъ какой-то лѣсъ. Когда вода сбыла, то пассажиры сошли съ него, какъ въ оперѣ, прямо на травку.

*) Знаменитой авантюристки, въ дѣвичествѣ Елисаветы Чудлей (Chudleigh) Будучи фрейлиной принцессы Уэльской, она вышла замужъ за капитана Герцея, и на другой день свадьбы уѣхала отъ него, съ любовникомъ, въ Германiю, гдѣ при живомъ мужѣ, вышла еще разъ замужъ за герцога Кингстона, скоро умершаго и оставившаго ей большое состоянiе. Въ Петербургѣ она жила очень широко и давала балы на своей яхтѣ, которая, послѣ крушенiя, была исправлена на счетъ Императрицы.

Надо думать, что въ газетахъ появится множество разсказовъ о еще болѣе странныхъ подробностяхъ наводненiя. Часть ихъ будетъ, конечно, придумана, хотя и вѣрныхъ свѣдѣнiй было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать газеты интересными.

Вторникъ и среда, 23 и 24.—Къ брату.

По приказанiю Императрицы, спектакли запрещены, что и слѣдовало сдѣлать въ виду общественнаго бѣдствiя. Ея величество приказала также, чтобы всякiй, потерпѣвшiй какiе нибудь убытки отъ наводненiя, заявлялъ о томъ полицiи. Намѣреваются, должно быть, выдавать вознагражденiе за убытки, но я думаю, что этимъ вознагражденiемъ воспользуются только богатые люди, а бѣднымъ ничего не достанется. Общiя потери еще не опредѣлены, но людей погибло 1444, да еще половину, говорятъ, скрываютъ.

Де-Шимэ наконецъ уѣхалъ, и мы всѣ очень рады. Причины этой радости я легко могъ бы тебѣ сообщить если-бы не избѣгалъ злословiя. Скажу только, что жалѣю этого человѣка и смотрю на него какъ на больного. Объ немъ и такъ говорятъ много дурного, потому что онъ со всѣми перессорился.

Я ближе чѣмъ когда либо сошелся съ принцемъ Ангальтомъ; это очаровательный человѣкъ, обладающiй благороднымъ и впечатлительнымъ характеромъ. Онъ просилъ у меня мое Путешествiе въ Ярославль, для того чтобы прочесть своей невѣстѣ, принцессѣ Сольмсъ, на которой скоро женится. Мы обѣщали писать другъ другу, и онъ далъ мнѣ свой адресъ.

Консулъ нашъ продолжаетъ дѣлать глупости. Маркизъ его поддерживаетъ, потому что онъ, видите-ли, добрый человѣкъ. Но французы страдаютъ отъ его доброты, а русскiе надъ ней смѣются, и торговыя дѣла падаютъ.

Пятница, 26.—Къ брату.

Сегодня обѣдалъ у Кауница, по особому приглашенiю. Ничего интереснаго, впрочемъ, не было. Разсказывали объ одномъ англiйскомъ суднѣ, которое, еще

до наводненія, сѣло на мель недалеко отъ берега; матросы стали было его разгружать, но видя что вода поднимается, вновь наскоро нагрузили и онъ, въ цѣлости и сохранности, вошелъ въ портъ.

Ужиналъ у Голицыныхъ. Говорили объ отъѣздѣ де-Шимэ и о посылкѣ имъ акушерки къ княгинѣ Грузинской, сестрѣ Зиновьевой. Былъ также разговоръ о любви маркиза къ женѣ Ивана Чернышова. Я думаю, что всѣ эти сплетни распускаетъ Нессельроде.

Чичерину становится лучше. Апоплексическій ударъ сдѣлался у него, говорятъ, послѣ выговора, полученнаго отъ Императрицы за наводненіе. Эти люди до такой степени дорожатъ властью, что одинъ взглядъ Императрицы можетъ ихъ убить или вознести до небесъ.

Вернувшись домой, узналъ о приходѣ какого то французскаго корабля. Желалъ бы, чтобы это былъ тотъ, на которомъ пріѣхалъ Гарри; я съ нетерпѣніемъ жду своихъ книгъ.

Суббота, 29.—Къ брату.

Сегодня утромъ получилъ приглашеніе отъ генерала Мелиссино, желаетъ передать мнѣ очень многое. Я отправился къ нему въ половинѣ второго, разсчитывая тамъ пообѣдать, но вмѣсто обѣда мнѣ дали только чашку шоколада. А передать онъ мнѣ хотѣлъ только свою просьбу о написаніи для него трехъ рекомендательныхъ писемъ: къ Потемкину, къ Панину и къ Зоричу. Онъ хлопочетъ о мѣстѣ въ Митавѣ, оставшемся вакантнымъ за смертью Симолина. Я обѣщалъ написать эти письма къ завтрашнему дню, но не знаю добьемся ли мы желаемаго, такъ какъ братъ покойнаго, который теперь въ Стокгольмѣ, тоже мѣтитъ на это мѣсто, тогда какъ кн. Белозерскій хочетъ ѣхать въ Швецію. Онъ вѣдь отозванъ изъ Дрездена и больше туда не вернется. Онъ очень беззаботенъ насчетъ денегъ, что служитъ признакомъ человѣка очень ординарнаго.

Воскресенье, 28.—Къ брату.

Не знаю откуда маркизъ взялъ, что я никогда не бываю у Петра и Ивана Чернышовыхъ. Просилъ заглядывать къ нимъ отъ времени до времени, чтобы встрѣчаться съ министрами, которые у нихъ бываютъ. Не желаетъ ли онъ просто помѣшать мнѣ бывать у Бемеровъ? Можетъ быть, но я этого не думаю.

Былъ сегодня на куртагѣ; великій князь какъ-то особенно со мной раскланялся. Я не обратилъ бы никакого вниманія на эту мелочь, еслибъ не находился въ критическомъ положеніи, въ виду предстоящаго отъѣзда маркиза. Надѣюсь, что я здѣсь не на плохомъ счету, со мною всѣ любезны. Посмотримъ.

Много говорятъ о поведеніи капитана яхты герцогини Кингстонъ. Графъ Иванъ, англоманъ до мозга костей, увѣряетъ, что онъ сдѣлалъ во время шторма непростительную ошибку, срубивъ бизань, благодаря чему корма поднялась кверху и руль сдѣлался безполезнымъ. Онъ сдѣлалъ еще и другую, бросивъ якорь на мелкомъ мѣстѣ, такъ что, когда вода сошла, корабль сѣлъ на мель и стащить его оттуда будетъ стоить большого труда. Помощникъ капитана, англичанинъ, тоже ни о чемъ не подумалъ. Но все это разсказываютъ Чернышовы, а имъ нельзя вѣрить.

Ужиналъ, вмѣстѣ съ маркизомъ, у Щербатовыхъ; много говорили о моей женитьбѣ на Шарлоттѣ. Я отдѣлывался шуточками, что въ такихъ случаяхъ самое подходящее.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

По просьбѣ маркиза, я сегодня три часа проскучалъ у Чернышовыхъ и уѣхалъ къ Мелиссино вмѣстѣ со Львомъ Разумовскимъ уже передъ самымъ обѣдомъ. Представь себѣ, мой другъ, компанію изъ семи или восьми дамъ, холодныхъ, натянутыхъ, молчаливыхъ, которыя только и дѣлаютъ, что играютъ въ карты: вотъ тотъ кружокъ, въ которомъ маркизъ совѣтуетъ мнѣ бывать почаще. Не могу я быть сообщительнымъ и веселымъ тамъ, гдѣ и то и другое качества являются неумѣстными.

Вообще весь этотъ день прошелъ у меня утомительно скучно. Разсердила меня еще Барятинская, которую я встрѣтилъ у Загряжской. Говоря о Нессельроде и о его продолжительномъ визитѣ, она прибавила: «Онъ на мнѣ женится». Такой тонъ мнѣ положительно противенъ.

Среда, 1 октября.—Къ брату.

Слухъ объ отъѣздѣ маркиза распространяется здѣсь кѣмъ бы ты думалъ? Нашей прислугой. Вотъ уже два года, какъ ей сшиты ливреи, и эти ливреи стало теперь уже стыдно носить, до того онѣ истрепались. Въ запасѣ есть другія, но маркизъ не даетъ ихъ въ виду своего отъѣзда. Эту тайну открылъ нашъ портной. Впрочемъ, и самъ маркизъ открыто приготовляется къ отъѣзду: запретилъ дѣлать запасы, укладываетъ гардеробъ, разсказываетъ всѣмъ, что ждетъ писемъ, и проч. Будучи очень скрытнымъ по натурѣ, не принимаетъ теперь никакихъ предосторожностей противъ лакеевъ, которые хвастаются, что могутъ читать его письма, пока онъ съ ними разговариваетъ. Данетуанъ хвастался въ кухнѣ даже тѣмъ, что онъ знаетъ наши шифры. Придется мнѣ съ нимъ поговорить, когда будетъ рѣшено мое дѣло и бразды правленія попадутъ въ мои руки.

Былъ парадный куртагъ по поводу дня рожденія великаго князя. Я много танцовалъ, а ужинать отправился къ Головинымъ. Они потерпѣли большіе убытки отъ наводненія. Такъ какъ Каменноостровская дача великаго князя очень недалеко отъ нихъ, то съ Каменнаго острова приходили къ нимъ, отъ имени его высочества, какіе-то люди требовать лѣсныхъ матеріаловъ, унесенныхъ будто бы водою. Между тѣмъ великій князь предупредилъ Головина, что если такія требованія появятся, такъ чтобы онъ никому ничего не давалъ, для избѣжанія мошенничества. Это очень хорошо съ его стороны, такъ какъ частные люди, даже вельможи, нисколько не стѣсняются присваивать себѣ чужія вещи, унесенныя водою.

Мы много разговаривали съ Головиными, которыхъ я очень люблю; они милые люди. Старшій, графъ Степанъ, съ перваго взгляда не внушаетъ симпатіи, но выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ. Онъ недостаточно внимателенъ къ своей внѣшности—недостатокъ, свойственный людямъ небрежнымъ и лишеннымъ такта. Слѣдуетъ замѣтить, мой другъ, что такіе люди всегда, съ перваго взгляда, кажутся несимпатичными деликатному человѣку, котораго непріятно поражаютъ маленькіе ихъ недостатки, за которыми, однакожъ, скрываются крупныя достоинства. Можно быть прекраснымъ человѣкомъ и не обладая деликатностью; но деликатность дѣлаетъ людей любезными и составляетъ главную прелесть общенія, особенно въ женщинахъ.

Четвергъ, 2.—Къ брату.

Я обѣщалъ Потемкину, племяннику князя, дать прочитать *Вертера*; любопытно знать, къ какому заключенію онъ придетъ. Потемкинъ претендуетъ на большой умъ; сегодня я послалъ ему книгу при своемъ письмѣ. Посмотримъ, каковъ будетъ отвѣтъ.

Часть вечера провелъ у Щербатова, съ которымъ велъ очень курьезный разговоръ. Русскіе обладаютъ особенностью безгранично хулить свою родину.

Ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ узналъ о прибытіи корабля капитана Босса; Гарри самъ прибѣжалъ сообщить мнѣ это извѣстіе.

Пятница, 3.—Къ брату.

Сегодня при дворѣ большое торжество, мой другъ. Празднуется годовщина коронаціи Екатерины II, а стало быть и годовщина смерти Петра III. Все, значитъ, зависитъ отъ положенія, занимаемаго актеромъ на міровой сценѣ. Воровство, измѣна, убійство могутъ считаться и преступленіями и великими государственными подвигами, смотря по обстоятельствамъ. Простой убійца становится великимъ человѣкомъ, если убійство надѣло корону на его голову; въ первомъ случаѣ его проклинаютъ, а во второмъ—ему поклоняются. Порокъ и добродѣтель очень часто являются понятіями относительными.

Состоялось нѣсколько новыхъ назначеній. Фаворитъ Зоричъ сдѣланъ поручикомъ кавалергардовъ, что даетъ ему чинъ генералъ-майора арміи. Младшіе Щербатовы назначены сенаторами; Зиновьевъ и молодой Голицинъ—камеръ-юнкерами. Послѣдній обязанъ этимъ пріѣзду своего дяди, Шувалова. Но что произвело большое впечатлѣніе, такъ это дарованіе ленты ордена Св. Екатерины

княгинѣ Орловой. Статсъ-дамы, изъ коихъ она младшая, очень этимъ огорчены, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду мелочности, зависти и жадности, царствующихъ при дворѣ.

Суббота, 4.—Къ брату.

Вчера я былъ приглашенъ на политическій обѣдъ къ гр. Остерману. Были только посланники, повѣренные въ дѣлахъ и простые иностранцы; секретарей не пригласили, за исключеніемъ меня, вѣроятно въ качествѣ простого иностранца. Я явился немножко поздно, вмѣстѣ съ гр. Брюлемъ и молодымъ Потоцкимъ, которые пріѣхали одновременно. Насъ уже ждали, и Остерманъ справлялся у маркиза пріѣду ли я, получилъ ли я приглашеніе, почему не прислалъ отказа и проч. Сольмсъ замѣтилъ, что это невѣжество, что я все-таки долженъ бы былъ хоть поблагодарить за приглашеніе, и проч., вообще онъ нападалъ на меня съ замѣтной аффектаціей. Маркизъ послѣ сообщилъ мнѣ все это и прибавилъ, что напрасно я явился вмѣстѣ съ Потоцкимъ, очень легкомысленнымъ человѣкомъ; а между тѣмъ мы съ нимъ только случайно съѣхались. Вотъ какъ легко и охотно на меня набрасываются. Я смѣюсь надъ этимъ, конечно, но боюсь, какъ бы такое непріязненное ко мнѣ отношеніе не повредило мнѣ, когда останусь здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Сегодня мнѣ пришлось быть у гр. Панина, гдѣ мы встрѣтились съ Остерманомъ и я воспользовался случаемъ объясниться относительно вчерашняго обѣда. Оба сановника выслушали мои объясненія весьма благосклонно. Подозрѣваю, что шумъ по этому поводу былъ поднятъ мелкими людишками, которые завидуютъ моему здѣсь положенію, такъ какъ я здѣсь принятъ иначе чѣмъ они—танцую, напримѣръ, на придворныхъ балахъ, куда не только секретари посольствъ но и повѣренные въ дѣлахъ не приглашаются почему-то. Я потому такъ думаю, мой другъ, что Хюттель, по секрету, просилъ Шарлотту передать мнѣ, чтобы я не танцовалъ при дворѣ, что русскіе смѣются надо мною по этому поводу, и проч. Признаюсь—я не вѣрю Хюттелю, не потому, чтобы русскіе не были способны на это, а потому что они смѣются только надъ двумя крайностями: надъ хорошимъ—изъ зависти, и надъ дурнымъ—по злобѣ, а я стою между тѣмъ и другимъ. Всѣ эти мелкія сплетни нисколько мнѣ не страшны и я дѣлаю слишкомъ много имъ чести, обращая на нихъ вниманіе. Въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ ими стѣсняться.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Сегодня опять былъ на куртагѣ, мой другъ, а оттуда поѣхалъ обѣдать къ Лясси, гдѣ сидѣлъ между Львомъ Разумовскимъ и шведскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Ингельманомъ; мы много смѣялись.

Отъѣздъ маркиза сталъ извѣстенъ всему городу. Кауницъ спрашивалъ меня объ этомъ, а я принужденъ былъ отвѣчать уклончиво, чего терпѣть не могу.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Маркизъ очень заинтересованъ отвѣтомъ, который долженъ получить отъ нашего двора по вопросу объ отпускѣ. Ты можешь себѣ представить что и я не мало заинтересованъ этимъ отвѣтомъ, такъ какъ не обращаю вниманія на интриги и другія сцены. Между тѣмъ я узналъ, что жена Ивана Чернышева разсказала мужу объ участіи, которое я принималъ въ интригѣ ея съ Порталисомъ. Эта недотрога (bégueule) не замѣтила услуги оказанной ей мною въ данномъ случаѣ, и возстановила противъ меня графа Чернышева, чѣмъ объясняется холодность, съ которою меня тамъ принимаютъ. Пользуясь этой холодностью, маркизъ всегда покровительствовавшій Пюисегюру—вѣроятно вслѣдствіе одинаковой ограниченности разума—склонилъ Чернышова хлопотать о назначеніи своего протеже повѣреннымъ въ дѣлахъ, на время своего отсутствія. Этотъ проектъ, о которомъ я ничего не зналъ, былъ разрушенъ отъѣздомъ Пюисегюра, сильно здѣсь соскучившагося. Съ тѣхъ поръ благоволеніе Чернышевыхъ къ Пюисегюру исчезло, благодаря гадости или по меньшей мѣрѣ неловкости, которую онъ сдѣлалъ. При отъѣздѣ, графиня поручила ему передать нѣкоей м-ль Мартэнъ, модисткѣ, которой она задолжала 3.000,

различные мѣха, тысячи на полторы рублей; а Пюисегюръ захватилъ въ свою пользу больше чѣмъ три четверти этихъ мѣховъ, на что м-ель Мартэнъ жаловалась графинѣ, и что очень повредило Пюисегюру во мнѣніи Чернышевыхъ вообще.

Изъ того же источника я узналъ, что маркизъ отправилъ отсюда Порталиса и Ласкариса на свой счетъ; что онъ это тщательно отъ меня скрывалъ; и что онъ, наконецъ, повредилъ мнѣ во мнѣніи Чернышевыхъ, сообщивъ имъ, что перересталъ принимать Ласкариса, тогда какъ принималъ его до самаго отъѣзда. Между тѣмъ я то гораздо раньше заперъ передъ послѣднимъ свою дверь, и не изъ-за Чернышовыхъ, а потому что увидалъ насколько фальшиво онъ поступаетъ. Мое поведеніе всегда было прямодушнымъ и безупречнымъ; но къ сожалѣнію, мнѣ приходилось имѣть дѣло съ дюжинными, глупыми и безхарактерными людьми, которые хитрили изъ страха и нерѣшительности. Уѣзжая, я говорилъ тебѣ, мой другъ, что маркизъ мнѣ не нравится, и, что можетъ быть, я изъ-за него сломаю себѣ шею; но если онъ меня погубитъ, то ужъ обмануть-то меня ему не удастся *). Это меня утѣшаетъ. Да и Чернышовы ужъ перемѣнили свое мнѣніе обо мнѣ и теперь принимаютъ хорошо.

До насъ дошли слухи, что Пюисегюръ живетъ въ Парижѣ, съ Шампаньоло, въ меблированныхъ комнатахъ; что она поссорила его съ родителями и быстро ведетъ къ раззоренію. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ бывшій его лакей, вернувшійся сюда съ Шуваловымъ, **) бывшимъ фаворитомъ Елисаветы, который теперь опять въ большой силѣ при Дворѣ. Ты понимаешь, что этотъ слухъ разойдется по городу и не прибавитъ доброй славы любимцу маркиза, связавшемуся съ женщиной, хорошо здѣсь извѣстной, изъ-за которой маркизъ прогналъ даже Сэнъ-Поля.

*) Черезъ нѣсколько времени Корберонъ измѣнилъ свое мнѣніе о маркизѣ, такъ какъ въ депешѣ отъ 28 ноября того же года пишетъ де Верженну слѣдующее: „Маркиза здѣсь всѣ жалѣютъ. Его прямота и мягкость заслужили ему всеобщую любовь".

**) Иванъ Ивановичъ.

У Императрицы, въ Эрмитажѣ, играли на дняхъ старую пьесу: Le Medecin par occasion. Тамъ идетъ дѣло о влюбленныхъ женщинахъ и, въ одномъ мѣстѣ, авторъ говоритъ: «Если женщина, въ тридцать лѣтъ, влюбится—это еще ничего, но въ шестьдесятъ!.. непростительно!» Императрица тотчасъ же встала и ушла, сказавъ: «Какая скучная пьеса!» Брошаръ—актеръ, произнесшій вышеприведенную фразу, попалъ въ глупое положеніе, такъ какъ занавѣсь, тотчасъ же по уходѣ Императрицы, опустили. Изъ этого ты видишь, мой другъ, насколько эта великая монархиня сдѣлалась рабою своихъ вкусовъ, такъ какъ нельзя же назвать страстями теперешніе ея капризы. *)

1779 годъ.

Суббота, 2 января.—Къ М-ель Каролинѣ Бемеръ. **)

Съ тѣхъ поръ какъ сестра ваша, дорогая Каролина, живетъ въ домѣ старика Эйлера, она не перестаетъ доказывать доброту и стойкость своего характера. Находясь среди скучныхъ людей, она сохранила свою веселость, свою мягкость, и не испытываетъ, повидимому, никакой скуки. Работа и чтеніе наполняютъ ея время. Хозяева любятъ ее, какъ родную дочь, а прислуга любитъ больше, чѣмъ хозяевъ.

Сегодня мы съ нею катались въ саняхъ. Остановка была назначена въ томъ самомъ крестьянскомъ домикѣ, на Аптекарскомъ островѣ, въ которомъ мы, прошлымъ лѣтомъ, ужинали вмѣстѣ съ вами. Выѣхали мы въ полдень: Шарлотта, со мной и маленькой Эйлеръ, въ моихъ саняхъ; Хюттель съ добрымъ

*) «Дневникъ» Корберона, въ этомъ мѣстѣ, прерывается на цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ. Вѣроятно продолженію его помѣшали занятія, дипломатическія и свѣтскія, оффиціальныя и неоффиціальныя. Маркизъ де-Жюинье дѣйствительно уѣхалъ изъ Петербурга 23 ноября 1777 г., оставивъ Корберона повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ качествѣ каковаго онъ и представилъ его Императрицѣ 10 ноября, когда получилъ прощальную аудіэнцію.

**) Г-жа Бемеръ, съ двумя дочерьми, уѣхали, въ это время по дѣламъ въ Берлинъ, а Шарлотта Биперъ оставалась въ Петербургѣ, у своихъ соотечественниковъ, Эйлеровъ.

Аземой, съ которымъ вы, я надѣюсь, скоро познакомитесь, и съ маленькимъ Жоржемъ,—въ другихъ; старикъ Эйлеръ съ двумя дочерьми—въ третьихъ. На Аптекарскомъ островѣ мы прекрасно пообѣдали по способу Гарри, а потомъ гуляли по снѣгу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ была такая великолѣпная трава. Въ пять часовъ мы поѣхали обратно, и дорогой видѣли знаменитый крѣпостной рынокъ, на которомъ собрано все мороженое мясо, привозимое въ Петербургъ изъ провинціи. Цѣлая армія свиныхъ и бараньихъ тушъ, разной птицы, и проч. производитъ большое впечатлѣніе, но можетъ вылѣчить отъ любви хорошо покушать.

Ужинать мы вернулись къ Эйлерамъ и я весь вечеръ провелъ съ вашей милой сестрою.

Воскресенье 3.— Къ брату.

Давно я тебѣ не писалъ, мой милый, и съ удовольствіемъ возвращаюсь къ разговору съ испытаннымъ другомъ.

Въ моемъ теперешнемъ положеніи, мнѣ часто приходится скучать съ моими знаменитыми сотоварищами. Сегодня, напримѣръ, утромъ я былъ при Дворѣ; обѣдалъ у австрійскаго посла (Кауница), гдѣ выслушивалъ разныя пошлости, такъ какъ на этихъ обѣдахъ рѣдко собираются люди мыслящіе; затѣмъ присутствовалъ на плохомъ концертѣ у голландскаго резидента (Сюарта), и наконецъ, разочаровавшись въ собственной жизни и въ жизни моихъ ближнихъ, поспѣшилъ спастись въ свою квартиру, гдѣ надѣлъ халатъ и сѣлъ поближе къ камину! Вотъ тебѣ картина моей обыденной жизни. Правда, что я живу такимъ образомъ, насколько могу меньше, что стараюсь жить по своему, не обращая вниманія на моду, этикетъ и обычаи, находя такую жизнь болѣе пріятной. Таково мое правило; я знаю, что не всѣ его признаютъ, но это то и служитъ ему похвалою, такъ какъ лучшее въ этомъ мірѣ не всѣмъ доступно.

Понедѣльникъ, 4.—Къ брату.

Въ виду правила, о которомъ я говорилъ тебѣ вчера, я хорошо себя чувствую только дома, или у друзей, которыхъ у меня здѣсь очень мало. Но я, тѣмъ не менѣе, выполняю и тѣ мелочныя обязанности, которыя, будучи сами по себѣ ребяческими, входятъ въ составъ моего дѣла и помогаютъ мнѣ достигать цѣлей.

По этой-то причинѣ, я отправился сегодня обѣдать къ Панину, но не засталъ его дома, что меня нисколько не огорчило. Отъ Панина я поѣхалъ къ французскому негоціанту, Кронцу (Cronz), человѣку очень умному, знающему свое дѣло и, по временамъ, старающемуся вмѣшиваться въ мое, что меня очень забавляетъ. Я черпаю отъ него свѣдѣнія относительно торговли, и смѣюсь надъ его политическими идеями. Моя политическая система далеко не всѣми раздѣляется, обязываетъ меня видаться съ людьми, которые мнѣ нравятся, если бы даже мои къ нимъ отношенія и скандализировали кого бы то ни было. Отъ этого я вижу пользу даже для политики. Къ числу лицъ, которыя мнѣ нравятся и у которыхъ я бываю, принадлежитъ, между прочимъ, секретарь прусскаго посольства, Хюттель.Наши съ нимъ сношенія всѣхъ удивили, а я не обратилъ на это никакого вниманія; мнѣ стали намекать на ихъ неприличіе, а я продолжалъ поступать неприлично, и теперь ужъ мнѣ никто ничего не говоритъ, и моя настойчивость оказалась лучшей критикой мнѣній моихъ критиковъ, такъ какъ служитъ мнѣ на пользу. Благодаря ей, я заслужилъ довѣріе тѣхъ, которые мнѣ недовѣряли, уваженіе постороннихъ зрителей, увидавшихъ что я не придаю значенія формальностямъ, и наконецъ—успѣлъ отдалить отъ себя дураковъ. Ахъ, мой другъ! Свѣтъ—преинтересная книга, чѣмъ больше ее читаешь тѣмъ больше читать хочется, и тѣмъ большему научаешься.

Вторникъ, 5.—Къ брату.

Сегодня Рождество, по старому стилю, и здѣсь всѣ другъ друга поздравляютъ, какъ въ Новый годъ. Я былъ при дворѣ, гдѣ встрѣтилъ Кауница, и, на его поздравленіе съ праздникомъ, отвѣчалъ: «вы мнѣ дѣлаете много чести, графъ, принимая меня за русскаго вельможу; я вамъ такого комплимента не сдѣлаю». Эти слова

были услышаны многими русскими, на что я и разсчитывалъ. Здѣсь вѣдь только тѣхъ и любятъ, которые ни на кого не обращаютъ вниманія; здѣсь уважаютъ только тѣхъ, кого боятся.

Обѣдалъ у голландскаго резидента, Сюарта. Это большой сплетникъ, немножко ограниченный, немножко нелюдимъ, немножко пристрастный, грубоватый, довольно честный, но такой, которымъ, благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, пренебрегать нельзя. Кромѣ того, въ немъ есть оригинальность, которая мнѣ нравится, и онъ поитъ меня хорошимъ виномъ, что я очень люблю. Вообще, я хожу къ нему какъ въ ресторанъ, и это очень удобно.

Вотъ секретарь у него, такъ тотъ—человѣкъ умный, знающій и любознательный. Отъ роду ему лѣтъ тридцать; онъ довольно красивъ и состоитъ въ чинѣ капитана голландской службы. При всѣхъ этихъ качествахъ, у него есть и порокъ, который иностранцы заимствовали у насъ: это—женская философія, заставляющая отрицать то, чего не знаешь; то есть, въ нѣкоторомъ родѣ дѣтство разума. Мы съ нимъ много говорили и я убѣдился, что онъ—человѣкъ дѣйствительно свѣдущій, но могущій расширить свои знанія только путемъ большаго сомнѣнія въ томъ, что знаетъ, и меньшаго въ томъ, чего не знаетъ.

Среда, 6.—Къ Шарлоттѣ.

Обѣдалъ сегодня у Панина; было много народа. Послѣ обѣда, Нессельроде сообщилъ мнѣ, что король прусскій *) далъ понять французскому двору, что онъ не желалъ бы назначенія де-Бретейля **) медіаторомъ по германскому ***) дѣлу, и что причиной этого нежеланія служатъ отношенія его къ женѣ Штатгальтера, прусской принцессѣ *).

*) Фридрихъ II.

**) Тогдашняго посла въ Вѣнѣ, отправленнаго для заключенія Тешенскаго мира.

***) Скорѣе по Баварскому, такъ какъ дѣло шло о конфликтѣ между Австріей и Пруссіей по поводу баварскаго наслѣдства. Война уже началась, когда дворы Россіи и Франціи предложили свое посредничество. Миръ былъ подписанъ въ Тешенѣ, 13 мая 1779 г., причемъ медіаторамъ со стороны Россіи былъ Репнинъ, а со стороны Франціи де-Бретейль.

****) Голландскій Штатгальтеръ Вильгельмъ V былъ женатъ на Фредерикѣ Софіи, принцессѣ прусской.

Имѣлъ совѣщаніе съ Панинымъ, который сообщилъ мнѣ, что Репнинъ уже ведетъ предварительные переговоры съ прусскимъ королемъ, но что ничего еще не рѣшено. Я было заговорилъ объ Англіи, и о судахъ, которые она забрала у Россіи и Даніи *), но онъ уклонился, и я отложилъ разговоръ до другого раза. Относительно Константинополя **), я тоже отвѣта не добился.

Вернувшись домой, получилъ изъ Вѣны, депеши доставившія мнѣ большое удовольствіе. Дѣла идутъ-таки, какъ видишь, моя милая.

Четвергъ, 7.—Къ брату.

Прибытіе курьера, изъ Вѣны, съ очень важными депешами, прибавило мнѣ занятій. Посылая его, де-Бретейль рекомендовалъ какъ де-Верженну такъ и мнѣ представить здѣсь, отъ имени короля, планъ соглашенія между германскими державами. Ты можешь себѣ представить, насколько мнѣ пріятно такое порученіе. Курьеръ привезъ также изъ Бреславля пакеты отъ кн. Репнина къ гр. Панину, которыя тотчасъ же по его прибытіи я отослалъ. Этотъ курьеръ — одинъ изъ охотниковъ барона—прискакалъ довольно быстро для даннаго времени года. Изъ Вѣны онъ выѣхалъ 23 декабря, 26 былъ уже въ Бреславлѣ и выѣхавъ оттуда 27, прибылъ сюда 6-го, то есть вчера.

Посылая пакеты Панину, я ему написалъ письмо; но ни министра и никого изъ его секретарей не оказалось дома. Пришлось послать еще разъ, часовъ въ 12 ночи; тогда пакеты были приняты, а мнѣ приказано сказать, что ждутъ меня сегодня, въ одиннадцать часовъ утра. Я, конечно, поспѣшилъ явиться въ назначенный часъ и засталъ стараго папашу еще въ халатѣ, но былъ принятъ имъ

*) Корберонъ успѣлъ воспользоваться этими насиліями Англіи, во время войны ея съ Америкой, для того чтобы косвеннымъ образомъ подготовить знаменитый вооруженный нейтралитетъ.

**) Со времени Кучукъ Кайнарджирскаго мира, объявившаго крымскихъ татаръ независимыми, Крымъ сдѣлался ареной борьбы, между Россіей и Турціей, за право инвеституры хановъ. Въ данное время дипломаты обѣихъ странъ собрались на конференцію для улаженія конфликта, угрожавшаго войною. Франція явилась примирительницей въ этомъ дѣлѣ.

весьма любезно. Документы находились у меня въ карманѣ, но я сначала сталъ зондировать почву, освѣдомить ли о содержаніи депешъ Репнина. Панинъ отвѣчалъ, что рекомендовалъ Репнину обратиться ко мнѣ лично, а что самъ онъ получилъ карту, на которой показаны границы *). Тогда я ему прочелъ депешу де-Верженна и планъ примиренія. Благородство и деликатность, съ которыми ведется дѣло, доставили ему большое удовольствіе повидимому. Мы вмѣстѣ разсмотрѣли карту и Панинъ сообщилъ мнѣ, что королю прусскому хотѣлось бы предвинуть границу къ сѣверу, но что разъ Франція стоитъ за теперешнее ея направленіе, то и надо этого держаться. Затѣмъ Панинъ просилъ дать ему депешу де-Верженна, обѣщая не читать ее никому кромѣ Императрицѣ. Хотя обычай повелѣваетъ намъ давать въ такихъ случаяхъ только копію, но такъ какъ графъ уже одѣвался чтобы ѣхать во дворецъ, то я безпрекословно далъ ему подлинникъ. Надѣюсь, что такое довѣріе будетъ мнѣ зачтено въ заслугу. Между прочимъ я сообщилъ Панину, что мнѣ предписано дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Кауницемъ, на что я ограничу, насколько возможно, это согласіе, чтобы избѣжать нескромности. На этомъ наше совѣщаніе кончилось. Отъ Панина я поѣхалъ къ Кауницу, котораго тоже засталъ за туалетомъ. Мы съ нимъ имѣли конфиденціальный разговоръ, въ которомъ выяснилось, что онъ очень доволенъ оборотомъ дѣлъ, хотя они идутъ и не по системѣ его отца.

Вечеромъ былъ балъ при дворѣ. Тамъ я узналъ что Императрица одобрила предложенный планъ, такъ что все идетъ хорошо.

Понедѣльникъ, 11.—Къ брату.

Вотъ что значитъ быть всѣмъ полезнымъ, мой другъ,—всѣ за тобой ухаживаютъ, всѣ тебя ласкаютъ, и это какъ въ свѣтской жизни, такъ и въ дѣловыхъ сферахъ. Вліяніе Франціи на германскія дѣла отозвалось на мнѣ: въ субботу сдѣлалъ мнѣ визитъ гр. Сольмсъ, а сегодня былъ Кауницъ. Я еще ничего тебѣ не говорилъ о немъ, а потому попробую нарисовать его портретъ.

Можно сказать, что гр. Кауницъ—молодой, богатый, сынъ перваго министра Австріи,—не забываетъ о своемъ положеніи. Австрійская спѣсь, не идущая къ его молодымъ годамъ, маленькому росту и враждебной живости, проявляется у него въ иной формѣ. Онъ желалъ бы быть любезнымъ вельможей, но не обладаетъ ни достаточной для этого непринужденностью, ни достаточной представительностью. Хорошо поставленное хозяйство, щедрость, вѣжливость Кауница ослѣпляютъ здѣсь людей, которыхъ легко поймать на внѣшній блескъ. Сначала ему удалось ослѣпить всѣхъ, но впослѣдствіи любезная непринужденность у него не вытанцовалась. Государственные люди нашли его слишкомъ легкомысленнымъ, а дамы—недостаточно галантнымъ и потому насмѣшники оказались не на его сторонѣ. Въ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ которыя Кауницъ внесъ рѣзкость, мелочность и высокомѣріе своего отца, ему повезло еще хуже. Недостатки его—непослѣдовательность и отсутствіе того холоднаго достоинства, которое приличествуетъ посланнику—скоро всѣми были замѣчены. Вотъ, мой другъ, тотъ человѣкъ, съ которымъ мнѣ теперь приходится имѣть дѣло. Окружаютъ его люди самые посредственные, въ числѣ коихъ есть нѣкій Карти—шутъ итальянскаго происхожденія, спеціалистъ по части сочиненія грязныхъ стиховъ. Для того чтобы взять верхъ надъ этимъ человѣкомъ—Кауницемъ—нужно обладать тою любезной непринужденностью, которой ему недостаетъ; онъ тогда самъ пойдетъ къ намѣченной другими цѣли.

Вторникъ, 12.—Къ брату.

Новый годъ и здѣсь проходитъ такъ же безтолково, какъ повсюду. Визиты да визиты—разсовыванье карточекъ во всѣ стороны.

Былъ куртагъ, какъ ты можешь себѣ представить, очень многолюдный, но только всего. Я видѣлъ подносъ, на которомъ подавали Императрицѣ дессертъ: развалины Пальмиры изъ фарфора. Очень хорошо выполнено. Вечеромъ состоялось

*) Областей, прирѣзаемыхъ къ Австріи, на Дунаѣ, Иннѣ и Зальцѣ.

производство по военному и морскому вѣдомствамъ; вновь произведенные цѣловали руку Императрицы стоя на колѣнахъ—восточный обычай, который мнѣ всегда неправился,

Вернувшись домой къ обѣду, я засталъ у себя Банафона, *), съ которымъ и дѣлалъ потомъ визиты. Этотъ Банафонъ—бѣдный и честный французъ, сдѣлавшійся, благодаря обстоятельствамъ, несчастнымъ мизантропомъ. Смѣсь большихъ внутреннихъ достоинствъ съ внѣшними недостатками, въ родѣ подозрительности и рѣзкости, вообще создаетъ себѣ больше враговъ чѣмъ друзей, хотя я принадлежу къ числу послѣднихъ. Дѣлая визиты, мы много разговаривали. Онъ сообщилъ мнѣ одну особенность великаго князя, которая меня почему-то очень удивила. Ты знаешь, мой другъ, что я думаю объ этомъ слабомъ и безхарактерномъ принцѣ. Вдабавокъ къ другимъ своимъ недостаткамъ онъ, говорятъ, любитъ еще самымъ пошлымъ образомъ играть словами. Недавно онъ спросилъ у Банафона, который служитъ суфлеромъ въ театрѣ, зачѣмъ онъ поступилъ на такое мѣсто; «для того чтобы суфлировать», отвѣчалъ Банафонъ. «А! для того чтобы давать пощечины **)», воскликнулъ великій князь... Вотъ каковъ, мой другъ, наслѣдникъ престола русскихъ цезарей! А супруга его, высокая и красивая (я не говорю — хорошенькая), пользуется прерогативою всѣхъ такихъ женщинъ—она глупа. А кромѣ того, говоритъ, еще и скряга: найдя старые башмаки своей предшественницы, она велѣла ихъ починить и носитъ! Такой пошлости даже вѣрить трудно,

Суббота, 20 марта.—Къ брату.

Девятнадцаго февраля, мой другъ, я—единственный изъ повѣренныхъ въ дѣлахъ—былъ приглашенъ кн. Потемкинымъ на праздникъ данный имъ въ оранжереѣ своего дома на Невскомъ, который весь былъ превращенъ въ превосходный садъ. Передъ самой всходной дверью былъ устроенъ маленькій храмъ башни Дружбы, державшей бюстъ Императрицы. Внутреннія комнаты дома не велики, но очаровательны; одна, напримѣръ, вся отдѣлана японскимъ лакомъ, другая, въ которой ужинала Императрица, меблирована какъ палатка, сдѣланная изъ превосходной росписной тафты. По стѣнамъ ея стояли маленькіе диваны на пять или шесть человѣкъ. Въ ней же я видѣлъ превосходную хрустальную люстру, сдѣланную на собственной фабрикѣ Потемкина. Одинъ маленькій кабинетъ отдѣланъ богатой матеріей, вышитой самой Императрицею.

Праздникъ былъ настолько хорошъ, насколько это возможно при господствѣ этикета. Изъ пословъ съ Императрицей ужиналъ только одинъ Кауницъ, да и то потому, что очень разсердился, когда его не пригласили—пришлось, среди ужина, нарочно посылать за нимъ оберъ-шталмейстера. Такое ребячество показалось мнѣ тѣмъ болѣе смѣшнымъ, что Кауницъ не можетъ претендовать на то, чего не получили всѣ другіе. Но что меня особенно позабавило, такъ это поведеніе прусскаго посла, гр. Сольмса. Увидавъ, что Кауница ведутъ ужинать съ Императрицей, онъ не остался въ большой залѣ, а вышелъ въ сосѣднюю, гдѣ ужинали придворные и дамы. Сочтя такую выходку очень политичной, я послѣдовалъ его примѣру и ужиналъ отдѣльно какъ это иногда дѣлается въ подобнаго рода случаяхъ.

Очень печально, что въ политикѣ часто приходится встрѣчаться съ оскорбительными пустяками, которымъ нельзя не придавать значенія, но которые, благодаря этому, ставятъ васъ въ смѣшное положеніе. Въ этотъ день, напримѣръ, по странной небрежности, забыли пригласить графа Гильденстольпе шведскаго генерала, пріѣхавшаго сюда съ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ бремени шведской королевы. Баронъ Нолькенъ, шведскій посланникъ, боясь или не желая въ свою очередь отказаться отъ приглашенія, письменно напомнилъ Потемкину о Гильденстольпе, которому тогда послали простой билетъ, но онъ обидѣлся и не пріѣхалъ, такъ что Нолькенъ представлялъ собою очень печальную фигуру за ужиномъ. Я, на его мѣстѣ, не сталъ бы напоминать, но и самъ бы не пріѣхалъ.

*) Сначала былъ суфлеромъ а потомъ—инспекторомъ въ Смольномъ Монастырѣ.

**) Souffler—souffleter.

Это уже не въ первый разъ я замѣчаю что Нолькенъ недостаточно рѣшителенъ: пошлое высокомѣріе, соединенное со слабостью, характерно какъ для него, такъ и для его государя. Ты вѣроятно слышалъ о томъ, какъ жена австрійскаго посланника отказалась поцѣловать руку шведской королевы, ссылаясь на то, что она имперская графиня, и какъ великій Густавъ, разсерженный этимъ отказомъ, велѣлъ ее вывести съ одного платнаго, публичнаго бала. Въ Вѣнѣ эта пошлость очень не понравилась, посланникъ подалъ въ отставку, и хорошо сдѣлалъ.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Какъ бы я ни высказывался противъ этой страны, мой другъ, какъ бы она ни была мнѣ непріятна, но все же я стараюсь въ ней ужиться, потому что это мнѣ во многихъ отношеніяхъ полезно. Я нашелъ здѣсь друзей въ средѣ иностранцевъ, нашелъ нѣжную и милую подругу жизни и пользуюсь не малымъ вліяніемъ. Вниманіе, съ которымъ я отношусь къ дѣламъ, мнѣ порученнымъ, составило мнѣ хорошую репутацію и пребываніе мое здѣсь не останется безплоднымъ.

Я не стану тебѣ повторять того, что говорилъ уже двадцать разъ, а изложу только результаты моихъ наблюденій и ты увидишь насколько я былъ правъ.

Въ началѣ моего здѣсь пребыванія, я старался проникнуть во всѣ кружки здѣшняго общества и не имѣлъ поводовъ на него жаловаться. Французскіе манеры, всегда заключающія въ себѣ немножко кокетства, направленнаго къ тому чтобы всѣмъ понравиться, доставили мнѣ успѣхъ и репутацію любезнаго человѣка, которая меня однакоже не вполнѣ удовлетворяла. Тогда я перемѣнилъ систему и не переставая вращаться въ большомъ свѣтѣ, сталъ исключительно придерживаться только нѣсколькихъ кружковъ, причемъ выказалъ много прямодушія, твердости и послѣдовательности, заваевавшихъ мнѣ вообще уваженіе. Меня перестали считать слабымъ и начали даже преувеличивать мою твердость. Безъ шарлатанства вѣдь не обойдешься въ этомъ мірѣ, но оно должно быть наиболѣе простымъ и послѣдовательнымъ. Эта система примирила меня съ самыми интересными изъ здѣшнихъ лицъ: Панинымъ, Потемкинымъ, Иваномъ Чернышевымъ и двумя посланниками—Сольмсомъ и Гаррисомъ. Всѣ они относятся ко мнѣ дружески и съ уваженіемъ; сама императрица одобряетъ мое поведеніе. Многіе думаютъ, что я останусь здѣсь посланникомъ и гр. Чернышовъ, у котораго я сегодня обѣдалъ, говоритъ, что желалъ-бы видѣть меня на мѣстѣ маркиза де-Жюинье. Чѣмъ кончатся всѣ эти благія пожеланія? Посмотримъ.

Англійскій посланникъ, по письменной просьбѣ короля, получилъ изъ рукъ императрицы орденъ Бани. Это здѣсь въ обычаѣ и Ея Величество подарила новому кавалеру шпагу, осыпанную бриліантами, цѣною въ 1500 р.

Сегодня я обѣдалъ у Ивана Чернышова, который принялъ меня прекрасно. Я спросилъ его на счетъ слуховъ, ходящихъ по городу, о дозволеніи англичанамъ строить, въ Архангельскѣ, военные корабли изъ знаменитаго дерева, называемаго лиственницей (listwinno). Онъ увѣряетъ, что это не правда, что позволеніе дано лишь нѣсколько частнымъ лицамъ на постройку мортирныхъ судовъ (batiments de pierres?), и что впредь оно не будетъ даваемо никому, въ чемъ далъ мнѣ даже честное слово, котораго я не требовалъ. Мы, дипломаты, не особенно вѣримъ въ слова и потому никогда ихъ не требуемъ.

Маркизъ де-ля-Валь сегодня откланялся императрицѣ. Этотъ молодой человѣкъ, состоящій на пьемонтской службѣ, былъ мнѣ рекомендованъ де-Бретейлемъ. Прибылъ онъ сюда недавно, да и вообще ничѣмъ особенно не замѣчателенъ.

Вотъ есть тутъ одинъ несчастный и всѣми порицаемый человѣкъ, который рѣшительно не заслуживаетъ ни мнѣнія, объ немъ сложившагося, ни печальной судьбы, его постигшей. Это нѣкій Куранъ (Courant) изъ Невшателя. Обстоятельства привели его въ Россію для того чтобы искать здѣсь примѣненія своимъ способностямъ къ рисованію и другимъ талантамъ, которыхъ онъ не успѣлъ проявить благодаря недостатку терпѣнія и пронырливости. Въ 1776 г. онъ познакомился съ нѣкимъ Шампаньало, предложившимъ ему войти въ одно пред-

пріятіе, которое должно было принести 40000 р. и честь подполковника польской службы (?), но требовавшимъ чтобы онъ не спрашивалъ о цѣли предпріятія и не сходился съ лицами, держащими сторону Польши Пруссіи (?). Такое предложеніе очень удивило Курана и заставило его конфиденціально изложить свои сомнѣнія Хюттелю, своему соотечественнику. Хюттель разсказалъ объ этомъ Сольмсу, а Сольмсъ—Панину, который самъ захотѣлъ поговорить съ Кураномъ и посовѣтовалъ ему принять предложеніе Шампаньало, съ цѣлью открыть настоящія намѣренія послѣдняго. Шампаньало попался въ разставленную ловушку: онъ сообщилъ Курану, что дѣло идетъ о проектѣ великаго Гетмана (grand-general) польскаго свергнуть съ престола короля и въ тоже время повредить насколько можно Россіи. Для послѣдней цѣли рѣшено было сжечь Кронштадтъ и надѣлать фальшивыхъ бумажекъ. Все это Куранъ узналъ на военномъ суднѣ, на которомъ онъ, вмѣстѣ съ Шампаньало, ѣхалъ въ Кронштадтъ. Письменно сообщивъ гр. Панину планъ заговорщиковъ, онъ получилъ приказаніе требовать немедленнаго выполненія этого плана, за что ему обѣщали вознагражденіе, превышающее то, которое было обѣщано заговорщиками. Куранъ, поэтому, тотчасъ же составилъ рисунки, сдѣлалъ машину для поддержки банковыхъ билетовъ и, напечатавъ ихъ на 250.000, представилъ Г. Грау (Graw), русскому резиденту въ Гамбургѣ (вмѣсто того чтобы переслать женѣ Шампаньало, въ Петербургѣ). Кромѣ того онъ же завлекъ Шампаньало въ Варшаву, гдѣ послѣдній былъ арестованъ Штакельбергомъ, а затѣмъ перевезенъ въ Петербургъ, посаженъ въ крѣпость и, по всей вѣроятности, казненъ, хотя говорили, что онъ самъ, съ отчаянія, зарѣзался.

Вернувшись сюда, Куранъ не получилъ, однакоже, обѣщаннаго вознагражденія; ему выдали только 1000 дукатовъ и, повелѣнію Императрицы, приказали выѣхать изъ Россіи. Бѣднякъ уѣхалъ на родину, но въ минувшемъ октябрѣ вернулся чтобы хлопатать о выдачѣ такъ хорошо заслуженнаго вознагражденія. Хлопоты его, однакожъ, успѣха не имѣли; вотъ и служи, послѣ этого, монархамъ!

Прежде чѣмъ кончить это письмо, сообщу тебѣ, что ѣздилъ смотрѣть оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ (Tusterber-Sisterbeck?) въ 27 верстахъ отъ Петербурга. Во главѣ завода стоитъ одинъ изъ Эйлеровъ; работаютъ тамъ довольно плохо, благодаря дурному веденію дѣла.

P. S. Великій Гетманъ Польскій, о которомъ я говорю въ этомъ письмѣ, есть гр. Броницкій, упрямый человѣкъ, лишенный ума и таланта.

Понедѣльникъ, 9 апр.—Къ брату.

Получилъ хорошія извѣстія изъ Константинополя: мирный договоръ съ Россіей подписанъ *) и ты можешь понять мой другъ, какъ это всѣхъ здѣсь радуетъ. Я очень счастливъ что маркизъ не спѣшитъ возвращаться—для меня это прекрасный случай показать свои способности къ веденію дѣлъ. Сенъ - При **) съ честью выпутался изъ затрудненій, хотя ему много мѣшалъ русскій посолъ при Портѣ, Стахѣевъ, человѣкъ подозрительный и неуживчивый, вообразившій что Сенъ-При подъ него подкапывается. Правда, что послѣдній не особенно хорошо отозвался о Стахѣевѣ, въ своей нотѣ, попавшей въ руки Репнина. По настоящему, это маленькое недоразумѣніе не должно бы мѣшать дѣламъ, но оно до такой степени мѣшало, что Сенъ-При просилъ меня даже похлопотать объ отозваніи Стахѣева.

Сдѣлаю что могу, но надо быть очень осторожнымъ и, главное, не высказывать большого интереса къ этому дѣлу. Завтра повидаюсь съ Панинымъ и напишу тебѣ чѣмъ кончатся наши переговоры.

Вторникъ, 20 апр.—Къ брату.

Въ политикѣ, недостаточно предвидѣть, а нужно еще дѣйствовать ловко и благоразумно, между тѣмъ каллеги мои далеко не всѣ обладаютъ этими качествами, довольно таки рѣдкими. Сегодня утромъ былъ у меня Нормандецъ, которому я вчера переслалъ письмо Неаполитанскаго

*) Али Кавказская конвенція, служившая дополненіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

**) Французскій посолъ въ Константинополѣ.

посланника въ Константинополѣ; не знаю какъ зовутъ этого господина, но, судя по слогу, онъ далеко не орелъ. Нормандецъ, также къ числу орловъ не принадлежащій, прочелъ мнѣ это письмо, въ которомъ авторъ—родственникъ Сенъ-При—жалуется на Стахѣева. Нормандецъ собирался поговорить объ этомъ съ Панинымъ, но я предложилъ ему подождать, такъ какъ самъ разсчитывалъ сдѣлать это сегодня же. И дѣйствительно, сегодня я обѣдалъ у Панина, который наговорилъ мнѣ много хорошаго о Сенъ-При и нашемъ министерствѣ; пользуясь этимъ, я слегка намекнулъ ему о недостаткахъ Стахѣева и, отнюдь не жалуясь на послѣдняго, все таки сказалъ достаточно, чтобы быть понятымъ. Старикъ согласился, что Стахѣевъ дѣйствительно неловокъ, а на дальнѣйшемъ я не настаивалъ: это останется на другой разъ. Въ политикѣ вообще не слѣдуетъ ярко высказывать свои желанія, такая метода мнѣ всегда удавалась.

Отъ Панина я поѣхалъ къ Сольмсу, которому и разсказалъ все, что не было договорено у Панина. Они—друзья, и Сольмсъ конечно передастъ ему мои слова, такъ какъ самъ былъ очень возмущенъ поведеніемъ Стахѣева и предлагалъ мнѣ дѣйствовать настоятельнѣе. Хорошо я сдѣлалъ, что былъ очень остороженъ съ Панинымъ, это принесетъ свои плоды... Покончивъ съ дѣлами, я провелъ вечеръ у моей Шарлотты, которая посовѣтовала мнѣ повидаться съ Визеномъ, а Хюттель, съ своей стороны, настроитъ Алопеуса поговорить съ Остерманамъ, и я, такимъ образомъ, достигну цѣли.

Четвергъ, 22.—Къ брату.

Рано утромъ я отправился къ Визену и засталъ его еще въ халатѣ, такъ какъ вошелъ безъ доклада. Мы долго говорили, и я, подъ секретомъ (что очень ему польстило) пересказалъ своему собесѣднику всѣ жалобы Сенъ-При на Стахѣева, а въ концѣ концовъ заставилъ его признаться, что въ Константинополѣ нужно имѣть человѣка мягкаго и сговорчиваго, а Стахѣева слѣдуетъ отозвать. Визенъ спросилъ, желаю ли я чтобы онъ сказалъ объ этомъ Панину, а я отвѣчалъ, что это было бы очень хорошо, такъ какъ самъ я жаловаться не умѣю, да мнѣ, собственно говоря, и нѣтъ никакого дѣла до Стахѣева, я говорю лишь въ интересахъ русскаго правительства. Визенъ остался очень доволенъ моимъ объясненіемъ, спросилъ о здоровьѣ маркиза и увѣрилъ меня, что послѣдній больше не вернется въ Россію. «Вы должны остаться у насъ посланникомъ—прибавилъ онъ—и на вашемъ мѣстѣ я поговорилъ бы объ этомъ съ гр. Панинымъ, который васъ особенно уважаетъ и будетъ очень доволенъ если вы останетесь». Я отвѣчалъ, что мнѣ это было бы очень пріятно, но что я, изъ деликатности, говорить съ Панинымъ не стану, такъ какъ не знаю намѣреній маркиза.

Буду держаться твердо, мой другъ; надо оставаться честнымъ человѣкомъ. Какъ бы маркизъ ни былъ виноватъ передо мною, я передъ нимъ виноватымъ быть не хочу.

Затѣмъ я былъ у Нормандеца. Оказалось, что я не ошибся въ его способностяхъ къ политикѣ: онъ надѣлалъ глупостей и признался мнѣ въ этомъ. Движимый желаніемъ вмѣшаться не въ свое дѣло, онъ поговорилъ таки съ Панинымъ и былъ принятъ очень плохо. Вотъ какъ онъ передавалъ мнѣ свой разговоръ:

«Поздравляю ваше превосходительство съ полученіемъ хорошихъ извѣстій изъ Константинополя».—«А вы ужъ узнали объ этомъ?»—«Да, ваше превосходительство, мнѣ писали».—«Мы дѣйствительно надѣемся, что дѣла будутъ улажены, благодаря стараніямъ г. де-Сенъ-При».—«Знаю, ваше превосходительство, что г. де-Сенъ-При много поработалъ и даже, кажется, безъ содѣйствія г. Стахѣева, который, напротивъ того...» Но тутъ Панинъ повернулся къ нему спиной и заговорилъ съ кѣмъ-то другимъ.

Вотъ, мой другъ, насколько вредна въ дѣлахъ всякая неловкость. Недостаточно умѣть шифровать депеши, нужно еще смотрѣть въ оба, да умѣть помолчать во время и внушать другимъ то, объ чемъ прямо просить не хочется. Выходка Нормандеца очень меня обезпокоила; я испугался какъ бы она не разсердила Панина. Надо было тотчасъ же принять мѣры, поэтому я, прямо отъ Нормандеца, отправился къ Алопеусу, который заходилъ ко мнѣ утромъ и ве-

лѣлъ сказать, что въ пять часовъ будетъ дома. Тутъ я вновь разсказалъ всю исторію и съ большимъ успѣхомъ: Алопеусъ обѣщалъ разъяснить дѣло Панину. Но для того, чтобы заручиться и со стороны Остермана, я просилъ Алопеуса представить послѣднему, что я вовсе не жалуюсь, а просто излагаю дѣло какъ оно есть, въ разсчетѣ на его справедливость и ради общей пользы. Такимъ маноромъ я всѣхъ ихъ очаровалъ и теперь вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ.

Пятница, 23.—Къ брату.

Семь разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь—говоритъ пословица. Я пріѣхалъ къ Панину для того, чтобы подробно изложить ему то, о чемъ предварительно долженъ былъ поговорить Визенъ, какъ вдругъ встрѣчаю самого Визена, который, какъ оказалось, не могъ говорить съ Панинымъ о Стахѣевѣ, да и мнѣ совѣтуетъ помолчать пока. Меня это удивило, и, заподозривъ какіе-нибудь корни, я отвѣчалъ Визену, что по его же прежнему совѣту я намѣренъ ко всемъ открыться Панину. Онъ, однакожь, сталъ настаивать и я, чтобы не выказать упрямства, обѣщалъ помолчать о Стахѣевѣ. Панинъ самъ заговорилъ со мной о Константинополѣ, но я не нарушилъ своего обѣщанія, чѣмъ послѣ и похвастался Визену. Отъ Панина я, тѣмъ не менѣе, отправился къ Сольмсу, которому сказалъ, что не рѣшился говорить съ Панинымъ о Стахѣевѣ, боясь разсердить его, тѣмъ болѣе, что это и не мое вовсе дѣло. Сольмсъ вновь сталъ убѣждать меня воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ для откровеннаго разговора, и я надѣюсь самъ создать такой случай, вопреки желанію Визена, который, говорятъ, очень друженъ съ Стахѣевымъ.

Суббота, 24.—Къ брату.

Я, мой другъ, весьма удачно нашелъ средство заинтересовать въ моемъ дѣлѣ весьма многихъ, такъ что они теперь принимаютъ его за свое собственное. Сегодня былъ у меня Хюттель, и сказалъ, что Алопеусъ недоволенъ тѣмъ, что я еще не поговорилъ съ Панинымъ, что Остерманъ уже предупрежденъ и вчера былъ у Панина по моему дѣлу, и что мнѣ слѣдовало бы поговорить хоть съ Остерманомъ. Я, поэтому, отправился обѣдать къ послѣднему и, за кофе, имѣлъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ передалъ все, что знаю о Стахѣевѣ, изложивъ и причины той деликатности, какую считалъ долгомъ соблюдать по отношенію къ нему. Вице-канцлеръ спросилъ, можетъ ли онъ говорить отъ моего имени, а я предоставилъ ему это право. Такимъ образомъ разговоръ нашъ кончился вполнѣ удовлетворительно. Вотъ послѣ этого-то я и написалъ къ Алопеусу то письмо, о которомъ говорилъ выше. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы показать полное мое безпристрастіе и личную незаинтересованность въ этомъ дѣлѣ. Надо замѣтить, что Остерманъ сказалъ мнѣ, что отозваніе Стахѣева надо отложить до подписанія трактата съ турками, а я ему отвѣчалъ на это, что ни я, ни Сенъ-При вовсе не желали бы сдѣлать что-либо непріятное Стахѣеву, но заботимся только о томъ, чтобы предупредить всякіе поводы къ раздраженію Порты.

Среда, 28.—Къ брату

Сегодня я былъ очень удивленъ визитомъ Кауница, такъ какъ, надо тебѣ сказать, что онъ немножко сердитъ на меня за участіе въ заключеніи мира съ турками, чего Вѣнскій дворъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, совсѣмъ не ожидалъ *). Эти самыя обстоятельства заставили и меня быть сдержаннѣе съ Кауницомъ, а чтобы онъ не обидѣлся, я употребилъ всѣ усилія быть съ нимъ любезнымъ во всемъ, что не касается политики. Поэтому-то онъ и пріѣхалъ. Мы было съ нимъ разговорились о дѣлахъ Германіи, когда мнѣ доложили о прибытіи Страхова, секретаря Панина. Кауницъ поспѣшилъ раскланяться, а Страховъ заявилъ мнѣ, отъ имени министра, что изъ конгресса **) получены добрыя вѣсти и что надо ожидать немедленнаго подписанія мирнаго договора. Страховъ сказалъ мнѣ также, что Императрица пожаловала Сенъ-При орденъ

*) Въ Вѣнѣ думали, что затрудненія съ Турціей помѣшають Россіи заниматься германскими дѣлами.

**) Тешенскаго, открытаго 10 марта.

Андрея Первозваннаго съ брилліантами, а женѣ его—перстень, въ 10 — 12 тысячъ рублей. Я хоть и ожидалъ этого, а все-таки порадовался, тѣмъ болѣе, что и самъ нѣсколько содѣйствовалъ назначенію такой награды. Кн. Потемкинъ справлялся у меня о происхожденіи Сенъ-При, его общественномъ положеніи, чинѣ и проч., на что я отвѣчалъ, что онъ изъ хорошей фамиліи, маршалъ, можетъ быть министромъ и получитъ голубую ленту (Св. Духа). Надо тебѣ знать, мой другъ, что здѣсь надо быть генералъ-лейтенантомъ, чтобы получить Св. Андрея; здѣсь все по чинамъ. Такимъ образомъ мой отзывъ много содѣйствовалъ назначенію такой высокой награды.

Былъ сегодня у Панина, который разъяснилъ мнѣ подробности относительно конгресса, а также вновь говорилъ, что Императрица очень довольна заключеніемъ мира и желала бы оказать намъ ту же услугу, какую получила отъ насъ, такъ что если ея посредничество *) будетъ пріятно королю, то она готова взять его на себя, сохраняя необходимую тайну и соблюдая полное безпристрастіе.

Думаю, мой другъ, послать Гарри курьеромъ въ Версаль и уже просилъ порученій отъ кн. Потемкина. Онъ передалъ, черезъ шевалье де-ля-Тейссоньера, что съ удовольствіемъ принимаетъ мое предложеніе и проситъ меня пріѣхать къ нему въ Царское Село. Мы съ Гарри тотчасъ же туда и выѣхали. Прибыли часовъ въ десять вечера, такъ что де-ля-Тейссоньеръ уже легъ, но это не помѣшало намъ разговаривать. Князь посылаетъ его въ Константиноль. Если-бъ мы пріѣхали пораньше, то ужинали бы съ княземъ, а теперь пришлось провести ночь на диванѣ, въ плохой гостинцѣ.

Четвергъ, 29. — Къ брату.

Я всталъ въ 9 часовъ и, прогулявшись по прекрасному англійскому парку, отправился къ Потемкину. Онъ принялъ меня одного и мы проговорили около трехъ четвертей часа. Спачала князь расхваливалъ Францію, а потомъ разговоръ коснулся Россіи и тутъ ужъ я принялся ее расхваливать, причемъ, конечно, сдѣлалъ что могъ. Я особенно напиралъ на то, что Россія выигрываетъ при ближайшемъ съ нею знакомствѣ, и это очень понравилось моему собесѣднику. Я воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы выпросить у него очень рѣдкую и неизданную карту новооткрытыхъ островов, лежащихъ между Россіей и Америкой, составленную нѣкимъ Очерединымъ (Otshérêdin), которую желалъ бы послать королю. Князь обѣщался испросить у Императрицы дозволеніе на выдачу мнѣ этой карты. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, я собрался откланяться, но князь сталъ меня удерживать. Не желая, однако же, надоѣсть ему, я все-таки простился и ушелъ, провожаемый имъ до дверей и очень довольный. Письма и порученія въ Версаль князь обѣщалъ мнѣ прислать. Прощай, мой другъ. Поѣздка моя надѣлаетъ шума, конечно, но чтожъ изъ этого? Игрокъ долженъ пользоваться благопріятными шансами.

Суббота, 1 мая. — Къ брату.

Сегодня работалъ цѣлое утро, что мнѣ и помѣшало писать къ тебѣ. Съ удовольствіемъ возвращаюсь къ разсказу о своихъ дѣлахъ. Фаворъ здѣсь подверженъ большимъ превратностямъ. Четырнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ на французовъ смотрѣли здѣсь косо, а константинопольскій миръ поставилъ насъ въ лучшее положеніе. Двадцать восемь мѣсяцевъ тому назадъ меня не пускали ко двору, а теперь, говорятъ, получу Анненскую ленту и Государыня такъ хорошо обо мнѣ отозвалась *), что я, благодаря этому отзыву, буду гдѣ-нибудь посланникомъ. Сегодня мы отправляемъ курьера въ Константинополь, а въ понедѣльникъ—въ Парижъ.

Воскресенье, 2. — Къ брату.

Сегодня у Остермана большой обѣдъ по случаю рожденія Императрицы. Впервые мы обѣдали въ его галлереѣ, очень

*) Въ войнѣ Франціи, Испаніи и Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей.

*) Въ письмѣ Панина къ Барятинскому, русскому послу въ Парижѣ.

красивой, хотя и черезчуръ переполненной скульптурными украшеніями. Кауницъ говорилъ мнѣ о мѣстѣ посланника, на которое я будто бы назначенъ (чего, однакожъ, не знаю) и которымъ не могу быть доволенъ въ виду здѣшней моей работы. Для меня, мой другъ, подходили бы только два мѣста—или въ Петербургѣ или въ Берлинѣ. Но нужно еще знать какъ поступитъ маркизъ де-Жюинье. Не вѣрю въ его возвращеніе, и во Франціи такъ же думаютъ. Впрочемъ, ручаться ни за что нельзя.

Алопеусъ говорилъ мнѣ за обѣдомъ, что Стахѣевъ навѣрно будетъ отозванъ.

Сегодня получилъ письмо, но отъ маркиза ни слова. Вотъ уже скоро три мѣсяца какъ онъ мнѣ не пишетъ.

Среда, 5.—Къ брату.

Сегодня, въ $3^1/_2$ часа, уѣхалъ Гарри. Онъ везетъ съ собою интересную депешу, успѣхъ которой я буду ждать съ нетерпѣніемъ. Гарри уѣхалъ бы дня два тому назадъ, если-бъ не пришлось ждать писемъ отъ Потемкина, который очень лѣнивъ писать. Я велѣлъ Гарри спѣшить, но боюсь, что онъ не обгонитъ русскаго курьера, выѣхавшаго въ понедѣльникъ. Два часа спустя послѣ его отъѣзда, я замѣтилъ, что онъ забылъ свой паспортъ, послалъ Сенъ-Жана, верхомъ, въ догонку. Сенъ-Жанъ догналъ его за 40 верстъ отъ Петербурга, и вернулся назадъ, на той же лошади, къ 10 часамъ вечера. Какой англійскій курьеръ сдѣлаетъ тоже? Гарри велѣлъ передать мнѣ, что надѣется перегнать русскаго курьера: очень бы было хорошо.

Четвергъ, 6.—Къ брату.

Покончивъ съ письмами, отправился обѣдать къ Панину. Первый чиновникъ особыхъ порученій (commis?), Обри, сообщилъ мнѣ, что маркизъ Жюинье ни въ какомъ случаѣ не вернется сюда, и что въ Парижѣ ходитъ слухъ о назначеніи на его мѣсто г. д'Антрэга изъ Дрездена. Это меня огорчило, потому что разстраиваетъ мои планы. Панинъ относится ко мнѣ хорошо, но этого мало: нужно дѣйствовать, а я знаю, какъ онъ лѣнивъ. Онъ хочетъ, чтобы я самъ просилъ нашъ дворъ объ оставленіи меня въ Петербургѣ, а это невозможно. Между тѣмъ у меня есть доказательства довѣрія и уваженія, съ которыми относится ко мнѣ Панинъ. Вотъ суди самъ.

Мѣсяца два тому назадъ русскій дворъ сдѣлалъ представленія дворамъ шведскому и датскому относительно корсаровъ, которые могутъ плавать по сѣвернымъ морямъ; я во время получилъ копію съ этого представленія, потребовалъ себѣ аудіэнціи у министра и говорилъ съ нимъ весьма твердо. Многіе думали, что мы изъ-за этого поссоримся, а онъ сталъ только больше уважать меня. По этому дѣлу я добился большаго, чѣмъ всѣ остальные посланники, и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Правдивость и твердость, мой другъ, никогда не повредятъ. Это еще не все: я послалъ копію съ представленія нашему двору; тамъ очень удивились, но увидали, что я былъ правъ и одобрили мои дѣйствія. Меня удивило, что и Сольмсъ объ этомъ знаетъ. Король прусскій, по приглашенію нашего двора, приказалъ ему сдѣлать серьозныя представленія по этому поводу, а онъ спросилъ у меня, имѣю ли я основанія бояться какихъ-нибудь новыхъ осложненій дѣла. На основаніи слова, даннаго Панинымъ, я ему положительно сказалъ, что не имѣю и просилъ его даже сказать Панину, что не заподозрѣваю чистоты его намѣреній.

Возвращаюсь, мой другъ, къ назначенію д'Антрэга. Переговоривъ съ Комбсомъ, мы рѣшили, что онъ отправится завтра въ Царское Село и попроситъ де-ля-Тейссоньера позондировать на этотъ счетъ князя Потемкина. Я уже говорилъ тебѣ, что мнѣ совѣтовали написать къ нашему двору предварительно заручившись согласіемъ Панина, но деликатность помѣшала мнѣ сдѣлать это не узнавъ объ участи маркиза. Теперь участь его рѣшена и я долженъ дѣйствовать.

Перейду теперь къ другому вопросу. Ты знаешь что слишкомъ умѣренное приданое, полученное отъ маркиза Комбсомъ по поводу свадьбы, заставило его искать здѣсь мѣста, которое могло бы обезпечить покойную и счастливую жизнь. По протекціи Раджерсона, Рибасъ обѣщалъ Комбсу мѣсто инспектора въ кадетскомъ

корпусѣ, съ девятью стами рублей жалованья, квартирой и содержаніемъ, а кромѣ того женѣ его 400 р. въ годъ, что въ общемъ составило бы 1.300 р. на всемъ готовомъ. Комбсу оставалось только принять это предложеніе, но по свойственной ему нерѣшительности, или лучше сказать беззаботности и лѣности, заставляющихъ его отступать передъ необходимостью вставать зимою въ пять часовъ утра, онъ отложилъ свое поступленіе на службу до весны, а тѣмъ временемъ предупредилъ маркиза о своемъ уходѣ, надѣясь, что тотъ его удержитъ, предложивъ условія столь же выгодныя. Жена Комбса принуждена была, однако же, принять мѣсто немедленно. Маркизъ промолчалъ и къ 1-му апрѣля пришлось давать рѣшительный отвѣтъ, причемъ произошло именно то, что я раньше предсказывалъ. Я говорилъ Комбсу, чтобы онъ спѣшилъ занять мѣсто съ цѣлью связать Рибаса, которому, по всей вѣроятности, хотѣлось только завладѣть его женою, такъ что въ случаѣ если послѣдняя не сойдется съ Рибасомъ то и ей самой будетъ отказано, а ужъ не то что ея мужу. Точно такъ и вышло. Въ апрѣлѣ Рибасъ объявилъ Комбсу, что генералъ Пурпръ желаетъ имѣть въ корпусѣ двухъ инспекторовъ и что если Комбсъ хочетъ занять одно изъ этихъ мѣстъ, то долженъ удовольствоваться половиннымъ жалованьемъ, то есть 450-ю рублями вмѣсто 900. Ты понимаешь, что Комбсъ не могъ на это согласиться, особенно въ виду безобразій, совершающихся въ корпусѣ. Оказалось что объ единственномъ инспекторѣ съ жалованьемъ въ 900 р. генералъ Пурпръ никогда и не думалъ, а Рибасу просто хотѣлось завладѣть женою Комбса. Въ концѣ концовъ послѣдній долженъ былъ отказаться отъ мѣста, а жена его получила отставку. Таковы-то дѣла!

Пятница, 7.—Къ брату.

Комбсъ былъ сегодня въ Царскомъ Селѣ, мой другъ, и видѣлся съ де-ля-Тейссоньеромъ, который не вѣритъ назначенію д'Антрэга, чиновника ограниченнаго и лѣниваго. Онъ обѣщалъ поговорить обо мнѣ съ княземъ и скоро сообщить результаты этихъ переговоровъ.

Комбсъ узналъ, что князь любитъ живопись и самъ рисуетъ. Я воспользуюсь этимъ новымъ средствомъ услужить ему, такъ же, какъ и секретомъ Шарпантье (новый способъ уговариванія), который я купилъ. При первой возможности поговорю объ этомъ съ княземъ, чтобы поближе сойтись съ нимъ.

Суббота, 8.—Къ брату.

Великая княгиня ведетъ себя лучше, чѣмъ наша королева *): сегодня, въ 9 часовъ утра, она родила сына, котораго назвали Константиномъ. Вотъ имя, возбуждающее толки въ средѣ политиковъ; думаютъ, что Императрица предназначила своего второго внука къ тому, чтобы возстановить печальной памяти Византійскую имперію, рухнувшую въ 1453 г. при Константинѣ Палеологѣ. Романтическія идеи здѣсь въ большомъ ходу. Роды великой княгини были вполнѣ благополучны. Въ полночь она почувствовала боли, которыя къ утру прошли; такъ что дали ей время написать письмо къ Панину и позавтракать. Въ восемь часовъ онѣ возобновились, а въ девять великая княгиня уже родила.

Воскресенье, 9.—Къ брату.

Сегодня былъ во дворцѣ пріемъ—поздравляли Императрицу и великаго князя. Я тоже ѣздилъ, а такъ какъ еще утромъ получилъ записку отъ де-ля-Тейссоньера, въ которой онъ сообщаетъ, что говорилъ обо мнѣ съ княземъ, и что мнѣ бы слѣдовало поговорить съ нимъ самому, то я и рѣшилъ остаться въ Царскомъ Селѣ.

Провелъ ночь въ трактирѣ, на диванѣ, и не могъ сомкнуть глазъ, потому что въ сосѣдней комнатѣ, съ 9 ч. вечера до 10 утра, шла игра на билліардѣ.

Понедѣльникъ, 10.—Къ брату.

Въ одиннадцать часовъ утра отправился къ князю Потемкину, который принялъ меня наединѣ и спросилъ, чѣмъ

*) Марія-Антуанета, выйдя замужъ въ маѣ 1770 г., родила перваго ребенка только въ 1778 г., да и то дѣвочку. Первый сынъ у нея родился въ 1781 г.

можетъ служить. Я отвѣчалъ, что являюсь поздравить его съ рожденіемъ великаго князя Константина, затѣмъ поблагодарилъ за хорошій отзывъ на мой счетъ, съ де-ля-Тейссоньеромъ. На это онъ тотчасъ же отвѣчалъ: «Императрица была бы довольна, если бы вы остались здѣсь, но есть маленькое препятствіе — говорятъ, что къ намъ назначатъ д'Антрэга». Я отвѣчалъ, что не думаю этого, и что если Императрица захочетъ, то все устроится. «Она-то этого хочетъ», сказалъ князь, и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ. «Поговорите съ Панинымъ и пусть онъ мнѣ доложитъ.—Прикажете сказать ему это отъ вашего имени?—Нѣтъ, такъ не годится, пусть онъ доложитъ по вашей просьбѣ, только не теряйте времени.

Отъ князя я прямо отправился къ Панину и, поздравивъ его съ разрѣшеніемъ великой княгини, сказалъ: — Вы всегда были такъ добры ко мнѣ, графъ, что я рѣшаюсь быть съ вами вполнѣ откровеннымъ. Совмѣстная съ вашимъ сіятельствомъ работа, которую я веду съ нѣкоторыхъ поръ, до такой степени мнѣ пріятна, что я желалъ бы продолжить такимъ образомъ и далѣе. Если правда, что маркизъ де-Жюинье рѣшилъ остаться во Франціи, то я съ большимъ бы удовольствіемъ занялъ его мѣсто. До настоящаго времени я не смѣлъ выразить этого желанія изъ деликатности по отношенію къ маркизу, такъ какъ не зналъ его намѣреній, но разъ они выяснились, и если Императрицѣ будетъ угодно... Графъ прервалъ меня, сказавъ, что маркизъ положительно не вернется.—Здоровье его плохо, да вѣдь онъ ужъ и старъ?—Ему пятьдесятъ три года,—отвѣчалъ я. — Ну, пожалуй и за шестьдесятъ,—сказалъ графъ улыбаясь.—Едва ли; въ 1775 г. ему было сорокъ девять...—Повѣрьте, за шестьдесятъ; онъ не любитъ поминать о своихъ годахъ, но мнѣ сообщилъ это Ляси *). Буду очень радъ, если ваше назначеніе состоится и поговорю объ этомъ съ Императрицей, которая васъ очень уважаетъ. Вообще ваша манера вести дѣла дѣлаетъ вамъ честь и Ея Величество намѣрена особеннымъ образомъ выразить вамъ свое удовольствіе.—Я отвѣчалъ, что счастливъ работать при такихъ условіяхъ, и прибавилъ:—говорятъ однакоже, что сюда назначается д'Антрэгъ.—Это только предположеніе, — отвѣчалъ графъ, — будьте увѣрены, что мы желали бы имѣть дѣло съ вами, такъ какъ знаемъ васъ и привыкли къ вашей манерѣ работать.

*) Панинъ ошибается, маркизу дѣйствительно было тогда 52 года.

Затѣмъ я ушелъ отъ Панина, заручившись самыми любезными обѣщаніями *).

Опять надо было отправляться къ Князю. Подождавъ его довольно долго, я узналъ что онъ садится обѣдать и хотѣлъ было уйти, какъ вдругъ онъ велѣлъ меня позвать. «Ну что, были вы у Панина?» спросилъ онъ.—Былъ, ваша свѣтлость, онъ меня принялъ очень хорошо и обѣщалъ доложить Императрицѣ.—Ну, значитъ дѣло сдѣлано, если только Панинъ напишетъ во Францію, вы знаете какъ онъ лѣнивъ.—Если вамъ, князь, будетъ угодно, и если Императрица прикажетъ...—Императрица ничего лучшаго не желаетъ; дѣло кончено, прибавилъ князь, будете покойны». Я поблагодарилъ и затѣмъ мы стали говорить о гравюрахъ и рисункахъ.

Шевалье де-Корберонъ продолжалъ вести свой дневникъ до 15 мая 1779 г. но послѣдніе его листки, какъ не представляющіе интереса для публики вообще, не помѣщены и во французскомъ изданіи, въ которомъ дневникъ возобновился только съ іюля 1780 г. Мы же, съ своей стороны, беремъ изъ этого продолженія лишь нѣкоторыя письма, такъ какъ остальныя, будучи посвящены чисто личнымъ дѣламъ де-Корберона и отношеніямъ другъ къ другу членовъ французскаго посольства, не представляютъ интереса для публики русской.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что ожиданія де-Корберона не сбылись: французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ назначенъ не онъ, а старый его знакомый, по Касселю, маркизъ де-Веракъ пріѣхавшій сюда 4-го іюля 1780 г. Въ

*) Которыхъ онъ, по своей безпечности, не исполнилъ. Онъ не написалъ во Францію о желаніи Императрицы оставить де-Корберона въ Петербургѣ и потому прислали моркиза де-Веракъ.

октябрѣ 1880 г. шевалье де-Корберонъ, назначенный посланникомъ въ Цвейбрикенѣ, вернулся во Францію.

Пятница, 11.—Къ брату.

Сегодня я нарочно остался въ городѣ чтобы осмотрѣть Манежный дворъ и Мраморный Дворецъ, построенный княземъ Орловымъ, которому, кажется, не привелось въ немъ жить. Этотъ дворецъ снаружи очень красивъ. Фасадомъ онъ выходитъ на маленькій дворикъ съ садикомъ, сжатый между двумя неровными крыльями зданія и, по своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ, неподходящій къ такому большому строенію. Одно изъ крыльевъ дворца теряется вдоль берега Невы и прорѣзано множествомъ оконъ, между которыми помѣщены мраморные пилястры. Внутреннее расположеніе комнатъ удивительно неудачно. Главная лѣстница не дурна, но кажется очень тяжелою благодаря узости ступеней и тѣсной клѣткѣ. Въ стѣнахъ послѣдней сдѣланы ниши, въ которыхъ размѣщены весьма плохія мраморныя статуи, работы француза Фаландэ (Phalandès), ученика Фальконэ, и нѣмца Фукса. Первыя нѣсколько получше. Рамы въ окнахъ мѣдныя, вѣсомъ по девяносто пудовъ, а каждое стекло стоитъ 28 рублей.

Затѣмъ я переѣхалъ, на лодкѣ, на противуположную сторону рѣки, гдѣ осмотрѣлъ крѣпость, стоявшую на островѣ. Она занимаетъ очень большое пространство, среди котораго стоитъ церковь, вмѣщающая гробницы Петра I, Екатерины I, Елизаветы. Гробницы эти каменныя и очень простыя. Сама церковь недурна; надъ нею возвышается шпицъ съ шаромъ на вершинѣ, на которомъ поставленъ ангелъ и все сплошь вызолочено. Трудно понять какимъ образомъ можно было установить тамъ фигуру. Говорятъ, что тотъ, кто догадался какъ это сдѣлать и смѣло выполнилъ свой планъ, былъ вознагражденъ четырьмя стами рублей.

Изъ церкви я прошелъ на монетный дворъ, которымъ завѣдуетъ одинъ нѣмецъ. Замѣчательно, что императрица не довѣряетъ русскимъ денежныхъ дѣлъ и она вполнѣ права. Я видѣлъ, какъ выбиваютъ монету. Каждый рубль, при обработкѣ, проходитъ черезъ тридцать двѣ различныхъ операціи.

Суббота, 19.—Къ брату.

При дворѣ очень озабочены устройствомъ новыхъ губерній, что очень не легко, такъ какъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ буржуазіи, не откуда взять персонала для множества новыхъ должностей. Императрицу это очень сердитъ; она хотѣла блага, хотѣла чтобы объ ней говорили, а дѣло можетъ кончиться смѣхомъ: задумать-задумала, а выполнить не сумѣла.

Кромѣ того и въ деревняхъ неспокойно: помѣщики, недовольные новшествами, въ которыхъ видятъ стремленіе къ освобожденію народа, возбуждаютъ этотъ народъ противъ нововведеній и дѣйствительно неумѣстныхъ, такъ какъ русскіе столь же пригодны пользоваться свободою, сколько ребенокъ спиртными напитками. Съ другой стороны, въ городѣ накопилось множество безпаспортныхъ людей, которые, оставаясь безъ работы, грабятъ проходящихъ. Такихъ безработныхъ теперь отъ восьми до десяти тысячъ и вмѣсто того, чтобы послать войска, да захватить зачинщиковъ, пробуютъ обойтись одними указами. Въ результатѣ — число негодяевъ растетъ. Я не удивлюсь, если положеніе станетъ серьезнымъ. Говорятъ даже, императрица боится одна гулять по саду; она уволила Волкова отъ должности директора полиціи, за плохую его распорядительность.

Пятница, 25—Къ брату,

Я уже говорилъ тебѣ, мой другъ, о неудовольствіи императрицы по поводу безчинствъ, совершаемыхъ въ городѣ и его окрестностяхъ бродягами, которыхъ здѣсь зовутъ tawlinski (?). Это разные безпаспортные, безработные и бѣглые люди, соединившіеся вмѣстѣ ради грабежа. Правительство сначала не обращало на нихъ никакого вниманія и даже пользовалось ими для разныхъ работъ, причемъ платило весьма щедро. Благодаря такому отношенію, многіе крестьяне, недовольные помѣщиками, бѣжали въ Петербургъ, на что правительство смот-

рѣло сквозь пальцы. Весь этотъ народъ, оставшись теперь безъ работы и боясь разойтись по домамъ, вернуться къ помѣщикамъ, образовалъ шайку. По словамъ однихъ, эта шайка состоитъ изъ четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ, а по словамъ другихъ—изъ тринадцати тысячъ. Дѣло можетъ стать серьезнымъ.

Есть и еще одно непріятное обстоятельство: верстахъ въ шестидесяти отъ города, крестьяне четырехъ селеній, раздраженные жестокостями своихъ помѣщиковъ, полковника Альбрехта, бригадира Жердева (Gerdoff) и Беркмана, пришли жаловаться петербургскому губернатору, Волкову, который сказалъ имъ, что они теперь, по новымъ законамъ, свободны. Это вызвало такія буйства со стороны крестьянъ, что пришлось послать противъ нихъ войска!

Сегодня вечеромъ, возвращаясь въ городъ послѣ ужина у Бемеровъ, я подвергся нападенію четырехъ или пяти разбойниковъ, причемъ моему лакею едва не перешибли руку дубиною. Спаслись мы только тѣмъ, что кучеръ погналъ лошадей. По бѣлой масти послѣднихъ, меня приняли, должно быть, за Толстого, на котораго разбойники злы за то, что онъ изъялъ изъ ихъ компаніи своего бѣглаго двороваго человѣка, добровольно рѣшившагося вернуться къ барину, обѣщавшему простить его.

Воскресенье, 27.—Къ брату.

Еще вчера, съ вечера, начался въ городѣ пожаръ и до сихъ поръ не потушенный. По разсказу моего лакея, смотрѣвшаго съ набережной, загорѣлись около биржи, деревянные амбары и суда, изъ коихъ многія совершенно сгорѣли, а другія поспѣшили уйти изъ порта.

Утромъ, мы съ Ариберомъ пошли смотрѣть пожарище. Сначала были на биржѣ, потомъ переѣхали, по водѣ, къ лѣснымъ складамъ. На рѣкѣ пахло табакомъ какъ въ казармахъ—горѣлъ амбаръ со складами табака. За ночь выгорѣло пространство въ сорокъ или пятьдесятъ шуазовъ. Видъ пожарища ужасенъ; повсюду валяются люди, уставшіе отъ ночной работы. Но рѣзкихъ проявленій горя не видать: здѣшній народъ одинаково инертенъ какъ въ горѣ такъ и въ радости. Это—рабы, отягощенные цѣпями.

Проходя далѣе, мы видѣли другой пожаръ: горѣли склады пеньки, притомъ такъ сильно, что помочь ничѣмъ было нельзя. Да и нечѣмъ было заливать: изъ трехъ трубъ работала только одна...

До настоящаго времени потери оцѣнены въ четыре милліона рублей. Пожаръ начался, говорятъ, съ барки, нагруженной пенькою, отъ свѣчки, поставленной передъ образомъ. Многіе подозрѣваютъ, однакоже, поджогъ со стороны англичанъ, тѣмъ больше что нѣкоторые изъ послѣднихъ очень довольны пожаромъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ впрочемъ, что англичане сами много потеряли на этомъ пожарѣ.

По поводу подозрѣній противъ англичанъ (притомъ такихъ сильныхъ, что многіе русскіе говорятъ, что они, на мѣстѣ Императрицы, заковали бы Гарриса въ кандалы), мнѣ передавали случай, доказывающій, какъ англичане ненавидятъ всякаго торговца, не принадлежащаго къ ихъ національности. Нѣкій Смитъ, американецъ, явился сюда для того чтобы завязать торговыя сношенія Россіи съ Америкой. Въ компаніи съ однимъ русскимъ онъ сталъ строить корабль на мѣстѣ, арендованномъ у одного пивовара, около Галернаго моста. Во время постройки корабля, къ пивовару является одинъ англичанинъ, имя котораго я скоро узнаю, и предлагаетъ ему нарушить арендный контрактъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, раззорить его, предъявивъ ко взысканію какіе то векселя. Пивоваръ обѣщаетъ сдѣлать что возможно и упрашиваетъ компаньоновъ добровольно отказаться отъ контракта, тѣ, конечно, не соглашаются, и въ результатѣ, нѣсколько дней спустя, какъ строящійся корабль такъ и самая пивоварня, сгораютъ несмотря на нарочно поставленныхъ сторожей.

Вотъ, мой другъ, одинъ за другимъ цѣлыхъ три пожара, если считать еще и неудавшійся поджогъ военнаго флота, который сгорѣлъ бы, если-бъ огонь не былъ во время замѣченъ. Назначена была коммиссія для изслѣдованія причинъ это-

го послѣдняго случая, но она скоро разошлась ничего не открывши. На судахъ допрашивали всѣхъ матросовъ, даже били ихъ, но ничего не узнали. При обыскахъ, ни у кого не было найдено денегъ, подкрѣпляющихъ подозрѣніе о подкупѣ. Въ день пожара у Грейга обѣдали многіе англичане, да и портъ въ эти дни не былъ закрытъ.

Вообще слѣдствіе было произведено поверхностное, только экипажи судовъ безполезно пострадали, а начинать надо было не съ нихъ. Въ Кронштадтѣ, мой другъ, царствуетъ такой безпорядокъ, какого ты себѣ и представить не можешь; лѣсъ воруютъ безбожно. Одинъ здѣшній офицеръ говорилъ мнѣ, что каждый годъ въ Кронштадтъ привозятъ столько лѣса, что его хватило бы на постройку сотни судовъ, а строятъ много два или три. Лѣсъ идетъ на выдѣлку мебели, экипажей и проч.

Ходилъ смотрѣть Сенатъ, помѣщающійся въ большомъ зданіи, около памятника Петру I. Съ одной стороны оно выходитъ на набережную, а съ другой — Канцелярскую улицу (R. de la Cor[illegible] въ которомъ собираются [illegible] очень великъ; посре[illegible] ный столъ покрыт[illegible] его концѣ [illegible] на [illegible]стіе). Залъ, [illegible] цы, а [illegible] номъ [illegible] сенаторы, не [illegible] На ст[illegible] одинъ его стоитъ длин[illegible] того [illegible]тый сукномъ; на одномъ [illegible] не [illegible]ходится кресло Императри[illegible] же[illegible]нимъ, на стѣнѣ, подъ балдахи[illegible] в[illegible]ольшой ея портретъ во весь ростъ, [illegible]олѣ стоятъ указы Петра I насчетъ [illegible] какъ себя должны вести сенаторы: браниться и проч. — совершенно так[illegible] какъ въ нашихъ бильярдныхъ залахъ, [illegible]ъ Парижѣ. Петръ Великій былъ геніальный человѣкъ, управляющій варварами, и долженъ былъ, конечно, учить приличіямъ мужиковъ, изъ которыхъ хотѣлъ сдѣлать государственныхъ людей. Ему приходилось даже бить ихъ иногда, что онъ и выполнялъ лично. Еслибы Императрица послѣдовала его примѣру, то добилась бы лучшихъ результатовъ, чѣмъ отъ своей романтичной деликатности, которая здѣсь не ко двору. Ты не можешь себѣ преставить, мой другъ, какая здѣсь у всѣхъ блестящая внѣшность: шитые золотомъ костюмы, великолѣпные экипажи, но все это великолѣпіе прикрываетъ варваровъ.

Видѣлъ я, въ сенатѣ, экземпляръ законовъ, отчасти написанныхъ собственной рукой Императрицы, отчасти съ поправками на поляхъ. Этотъ экземпляръ состоитъ изъ четырехъ томовъ in quarto, переплетенныхъ въ красный бархатъ и хранящихся въ очень красивомъ серебряномъ шкапчикѣ, представляющемъ собою храмъ, изъ котораго выходитъ Императрица и съ своей обычной улыбкой благоволенія подаетъ кадексъ Россіи, колѣнопреклоненной на ступеняхъ храма. Этотъ шкапчикъ устроенъ на средства членовъ сената.

Кромѣ большого стола, въ залѣ есть еще маленькій, за которымъ помѣщается генералъ-прокуроръ.

Помимо портрета Императрицы, въ залѣ находятся еще портреты Петра I, Екатерины I, Елисаветы и Анны.

Въ общемъ, обстановка довольно жалкая, не подходящая къ храму правосудія, ареопагу Имперіи. Зданіе сената было бы прекраснымъ жилищемъ для частнаго человѣка, Миниха или Бестужева, од[illegible]ому изъ которыхъ оно прежде принадлежало, но оно нисколько не походитъ на мрачные и величественные дворцы Парижа. Здѣсь все носитъ на себѣ отпечатокъ суетности и легкомыслія, такъ что несмотря на гиганскіе шаги, сдѣланные Россіей, ея государственныя учрежденія кажутся совсѣмъ новенькими, заставляя вспоминать, что Имперія существуетъ всего сто лѣтъ.

Я забылъ тебѣ сказать, что указы Петра I вдѣланы въ трехгранную металлическую пирамиду, стоящую на ножкѣ.

Понедѣльникъ, 28. — Къ брату.

У Бемеровъ одинъ господинъ разсказывалъ, что видѣлъ, какъ на вчерашнемъ пожарѣ нѣсколько барокъ вводили въ огонь вмѣсто того чтобы отводить отъ него подальше. Это былъ русскій, и говоритъ, что самъ видѣлъ; странно!

Не думаю, чтобы это понравилось барынѣ, которая и безъ того разсержена. Разбойники очень ее тревожатъ и она изъ за нихъ даже поссорилась съ Потемкинымъ. Онъ, вполнѣ разумно, предлагалъ двинуть на нихъ войска, а Императрица не хочетъ принимать такихъ строгихъ мѣръ. Другіе говорятъ, впрочемъ, что Потемкинъ и особенно Толстой противились посылкѣ гвардейскихъ по-

ковъ, потому что послѣдніе недовольны монополіей Толстого, присвоивающаго себѣ деньги и товары, предназначенные для солдатъ. Боялись, какъ бы гвардія не пристала къ разбойникамъ вмѣсто того чтобы драться съ ними.

Вторникъ, 29.—Къ брату.

Продолжаютъ толковать о пожарѣ, тѣмъ болѣе что онъ еще не потушенъ. Одни говорятъ что сгорѣло товаровъ на 5 милліоновъ, другіе—на 10, а есть и такіе, которые доводятъ цифру потерь до 20 милліоновъ, но я знаю отъ Бильо, что эта послѣдняя не превышаетъ двухъ милліоновъ, что тоже не мало. Вотъ подробности, которыя мнѣ сообщилъ Бильо: сгорѣло 700 тысячъ пудовъ пенки, двѣсти тысячъ пудовъ льна, и девяносто тысячъ пудовъ табаку, на двѣсти тысячъ рублей пшеницы и проч.

Бильо говорилъ мнѣ, что Рэмберъ потерялъ, отъ пожара, всего 15 или 20 тысячъ рублей, но де-Веракъ, онъ сообщилъ о пожарѣ 50-ти тысячъ, и маркизъ писалъ уже объ этомъ и де-Верженну и Морена. А Перронъ, позавчера, горько жаловался на то, что у Рэмбера сгорѣло товаровъ на 200.000. Вотъ если-бы они, вмѣсто того чтобы такъ безстыдно жаловаться на небывалыя потери, поступали бы такъ же энергично какъ молодой Бильо, такъ ничего бы не потеряли.

Бильо, еще наканунѣ пожара, перевелъ свое судно за мостъ и оно осталось цѣло. А корабль Рэмбера, ставшій на его мѣсто, сгорѣлъ. Между тѣмъ племянники Рэмбера, видя какъ горитъ его судно, чуть не радовались, думая что это горитъ Бильо. По этому образчику ты можешь судить, какъ сердечно относятся здѣсь другъ къ другу французскіе негоціанты.

Обѣдалъ у де-Верака, гдѣ опять говорили о пожарѣ. Всѣ рѣшительно обвиняютъ англичанъ, да и въ самомъ дѣлѣ огонь сразу показался въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что скорѣе всего надо предположить поджогъ. Голландскій резидентъ увѣряетъ, что видѣли, какъ, во время пожара, изъ амбаровъ выбѣжалъ сенатскій курьеръ съ обожженными волосами и съ видомъ человѣка, только что совершившаго дурное дѣло. Курьера этого тотчасъ же арестовали и отвели въ крѣпость, гдѣ вчера въ первый разъ допрашивали.

Среда, 30.—Къ брату.

Часа въ два ночи меня разбудилъ стукъ трещотокъ, которымъ, въ Петербургѣ, вмѣсто набата, возвѣщаютъ о пожарѣ. Признаюсь, я испугался, всталъ, открылъ окно, но ничего не увидалъ, хотя на улицахъ было много народа и слышались очень подозрительные разговоры. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился лечь спать до утра.

Часовъ въ восемь отправился смотрѣть новый пожаръ, но сначала зашелъ къ графу Герцу, который разсказалъ мнѣ, что курьеръ, о которомъ вчера говорили, былъ взятъ, на одной изъ барокъ близъ амбаровъ, пьянымъ. Но странно, что его ждала кибитка, запряженная парой, во весь опоръ ускакавшая, когда курьера арестовали. Герцъ такъ же, какъ и Панинъ, подозрѣваютъ англичанъ.

Сегодняшній пожаръ, къ счастью, былъ скоро потушенъ. Горѣли амбары съ лѣвой стороны моста — послѣдній запасъ пеньки. Говорятъ, что загорѣлось въ купальнѣ, стоявш[illegible] поблизости, но не знаю, правда ли это.

Четвергъ, 31.—Къ брату.

Меня особенно удивляетъ здѣшняя манера работать. Графъ Панинъ — первый [illegible] и при[illegible] министръ—живетъ какъ вельможа [illegible] дворный, интересующійся только [illegible] ромъ. Онъ встаетъ очень поздно, за[illegible] вляется разсмотрѣніемъ эстамповъ и н[illegible] выхъ книгъ, затѣмъ одѣвается, прин[illegible] маетъ просителей, обѣдаетъ, послѣ обѣда или спитъ или играетъ, а вечеромъ у него гости и опять игра до глубокой ночи. Поэтому онъ совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ, и когда я ему сказалъ о пожарѣ на кораблѣ Сейра, то онъ даже не повѣрилъ. Главные его помощники тоже ничего не дѣлаютъ и проводятъ время въ игрѣ, причемъ проигрываютъ много денегъ, иногда до 600 р. въ вечеръ. Такъ было съ Визинымъ, Марковымъ, Бакунинымъ и другими. Одинъ Алопеусъ работаетъ и живетъ по средствамъ. А между тѣмъ, дѣло двигается понемножку, благодаря неслыханной снисходительности Императрицы.

Конецъ.

Дни императора Павла.

Записки курляндскаго дворянина.

(съ нѣмецкаго).

Изданіе Ө. И. Булгакова.

СПБ.
Типо-литографія К. К. Стефанскаго. Гороховая, 12/23.
1907 г.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ 1886 г. въ Лейпцигѣ появилась книга, изданная безъ обозначенія имени автора и носившая заглавіе: „Aus den Tagen Kaiser Pauls“. Близкимъ знакомствомъ съ дворомъ, живымъ изложеніемъ, наконецъ, обиліемъ мелкихъ подробностей, иногда дающихъ событіямъ кратковременнаго царствованія Павла совершенно новое освѣщеніе, книга эта привлекла къ себѣ вниманіе историковъ-спеціалистовъ. Но для обыкновеннаго читателя она была до послѣдняго времени совершенно недоступна. Содержа разсказъ о послѣднихъ часахъ императора Павла, она, конечно, подверглась запрещенію въ Россіи. Перевести ее до 17 октября прошлаго года было немыслимо, а ссылаться на нее можно было глухо, безыменно.

Теперь мы имѣемъ возможность предложить вниманію читателя любопытныя записки съ незначительными сокращеніями, касающимися нѣкоторыхъ мелкихъ и неинтересныхъ подробностей. Можемъ и снять таинственную завѣсу съ ихъ автора и назовемъ его настоящимъ именемъ. Это —баронъ Карлъ Генрихъ Гейкингъ.

Курляндскій дворянинъ по рожденію, баронъ Карлъ Генрихъ Гейкингъ воспитывался въ Варшавѣ. Здѣсь же поступилъ онъ и въ военную службу въ качествѣ офицера польской арміи. Въ Варшавѣ положеніе его было довольно трудное. Съ одной стороны запутанныя дѣла его отца сильно стѣсняли его въ матеріальномъ смыслѣ, а съ другой и потому, что Россія, получившая уже значительное вліяніе на польскія и курляндскія дѣла, нашла нужнымъ удалить изъ Курляндіи герцога Карла (сына польскаго короля Августа III), которому Гейкингъ былъ безгранично преданъ. Нашъ авторъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и послѣдовалъ за Карломъ въ Саксонію. Въ Тешенѣ онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ тайной польской конфедераціи въ качествѣ негласнаго депутата герцога Карла. Затѣмъ мы застаемъ Гейкинга на службѣ у брата Карла, герцога Трирскаго, но тутъ онъ оставался недолго. Послѣ пятилѣтняго отсутствія онъ снова вернулся въ Варшаву и поступилъ въ военную службу. Въ 1777 г. онъ перевелся въ русскую армію, но вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу. Дальнѣйшую карьеру его читатель узнаетъ изъ предлагаемаго перевода.

Въ 1897 г. въ Берлинѣ вышло еще одно извлеченіе изъ мемуаровъ Гейкинга, занимающихъ въ подлинникѣ, написанномъ на французскомъ языкѣ, четыре рукописныхъ тома, подъ заглавіемъ „Изъ послѣднихъ дней Польши и Курляндіи“. Сокращенный переводъ этой книги былъ напечатанъ А. Гирсомъ въ „Русской Старинѣ“ за 1897 г.

ГЛАВА I.

На высотѣ фавора.

Извѣстіе о неожиданной кончинѣ императрицы Екатерины II пришло прежде всего къ генералъ-губернатору Палену, когда мы сидѣли у него за столомъ. Онъ измѣнился въ лицѣ, прервалъ разговоръ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Скоро однако онъ возвратился, занялъ свое мѣсто и пытался казаться спокойнымъ. Но, не смотря на всѣ его усилія, видно было, что онъ взволнованъ и встревоженъ.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же удалился къ себѣ. Вечеромъ его уже не видно было въ кружкѣ его жены. Только на третій день событіе это нѣсколько подтвердилось: къ эстляндскому, лифляндскому и литовскому генералъ-губернатору князю Репнину прибылъ курьеръ. Паленъ отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ эту величайшую новость подъ секретомъ, такъ какъ прямыхъ извѣстій ни отъ императора, ни отъ сената онъ еще не получалъ.

Смерть императрицы, которая должна была вызвать во всей имперіи огромныя перемѣны, сильно взволновала меня и хотя у меня и были основанія ожидать для себя милостей, которыя императоръ оказывалъ мнѣ еще въ бытность великимъ княземъ, но, откровенно говоря, смерть великой государыни меня огорчила. Это удивило Палена.

— Вы должны быть отъ этого въ восторгѣ,—сказалъ онъ,—я знаю, какъ васъ любилъ великій князь, и увѣренъ, что, ставъ императоромъ, онъ вамъ это докажетъ".

— Государь, правда, въ теченіе двухъ лѣтъ отличалъ меня самымъ лестнымъ образомъ, но, теперь осажденный со всѣхъ сторонъ дѣлами, онъ и не вспомнитъ обо мнѣ. У меня нѣтъ на его вниманіе ни права, ни охоты..

Наконецъ изъ Риги пришла эстафета съ циркуляромъ, въ которомъ извѣщалось о восшествіи на престолъ Павла I и приказывалось приносить обычную присягу на вѣрность.

Дня черезъ два вечеромъ, только что мы собрались у генерала Палена на партію въ бостонъ, какъ мнѣ принесли съ почты письмо за императорской печатью и вызвали меня лично. Я попросилъ позволенія прервать на минутку бостонъ, чтобы прочесть письмо. Оно было отъ моей тещи Де-Лафонъ (начальницы петербургскаго Смольнаго института) и гласило: „Нашъ несравнимый Императоръ назначилъ свою супругу шефомъ нашего института и Ея Величество прибыла къ намъ сама, чтобы сообщить объ этомъ приказѣ. По этому случаю я назначена dame d'honneur и получила отъ обожаемой государыни ея портретъ. Я слишкомъ еще взволнована, чтобы писать вамъ болѣе, мои дорогія дѣти. Императрица завершила свою милость тѣмъ, что соизволила сама позаботиться, чтобы вы какъ можно скорѣе получили это письмо".

Прочитавъ это письмо, моя жена сказала генеральшѣ Паленъ: „Зная участіе, которое вы въ насъ принимаете, позволю себѣ удовольствіе сообщить вамъ, что намъ пишетъ моя мать". Всѣ подвинулись ближе, чтобы получше слышать, и можно было уловить различныя впечатлѣнія, которыя волновали присутствующихъ.

Хотя милости, оказанныя моей матери, и сами по себѣ возбуждали низ-

кую зависть, но какъ разгорѣлась она, когда генералъ-губернаторъ получилъ указъ, который освобождалъ меня отъ арендной платы за Брандесбургъ и призналъ за моей женой право собственности на это имѣніе!

Такіе знаки благоволенія государя обязывали насъ къ всеподданнѣйшему выраженію благодарности. Но мое положеніе предсѣдателя суда связывало меня. Поэтому моя жена взялась отправиться въ Петербургъ и тамъ повергнуть къ подножію нашего высокаго благодѣтеля нашу глубочайшую благодарность. За это время я намѣревался перемѣнить квартиру, разсчитывая приготовить моей женѣ сюрпризъ. Я уже сталъ приготовляться къ переѣзду, какъ вдругъ генералъ Паленъ вызвалъ меня къ себѣ съ мѣста моей службы, чтобы сообщить мнѣ нѣчто очень важное.

— Видите ли,—воскликнулъ онъ,— обнимая меня, случилось то, что я вамъ и предсказывалъ. Императоръ приказалъ вамъ прибыть въ Петербургъ. Вотъ указъ, изготовленный генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ.

Указъ гласилъ: „Вы должны сообщить статскому совѣтнику и председателю суда барону повелѣніе Е. И. В. безотлагательно прибыть въ Петербургъ“.

Лестная перспектива скорѣе потрясла, чѣмъ оживила меня.

Я вернулся назадъ въ судъ, чтобы объявить тамъ объ указѣ императора и приказалъ секретарю изготовить списокъ оконченныхъ и еще находящихся въ производствѣ дѣлъ, съ указаніемъ причинъ, по которымъ задерживался приговоръ. Къ счастію, я пользовался уваженіемъ всѣхъ чиновъ суда. Они откровенно сожалѣли, что мнѣ приходится уѣзжать, и увѣряли меня, что я получу мѣсто въ Петербургѣ...

16 Декабря я тронулся въ путь и 20 былъ уже на мѣстѣ. Между Дерптомъ и Ригой встрѣтились мы съ нѣсколькими поляками, которымъ императоръ возвратилъ свободу. Между ними былъ и знаменитый сапожникъ Килинскій.

Было уже около 7 часовъ вечера, когда я явился съ докладомъ къ Е. В. Я нашелъ во дворцѣ большія перемѣны *); не останавливаясь я прошелъ во внутренніе покои, гдѣ находились дежурные камергеры. Здѣсь съ изумленнымъ лицомъ меня начали спрашивать, что мнѣ угодно. „Е. В. изволилъ вытребовать меня въ Петербургъ, и я явился для доклада“.

Пройдя нѣсколько разъ туда и сюда, явился наконецъ генералъ-адъютантъ графъ Растопчинъ, спросилъ мое имя, чинъ и освѣдомился о цѣли моего прибытія. На двѣ первые вопросы я отвѣчалъ отчетливо, но затѣмъ прибавилъ: Что касается причинъ, то онѣ мнѣ неизвѣстны, ибо государь не поставилъ меня въ нихъ въ извѣстность. Вотъ мой паспортъ. Вы изволите здѣсь усмотрѣть приказаніе Его Величества“.

Онъ отправился къ императору и вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ: „Его Величество уполномочилъ меня передать вамъ, баронъ, что онъ очень радъ вашему прибытію. Государь черезъ генералъ-прокурора назначилъ вамъ часъ, въ который завтра утромъ вы можете его видѣть“.

Я поспѣшилъ въ Смольный къ своей женѣ, гдѣ нашелъ около нея всѣхъ ея подругъ. Мы уже позавтракали, когда изъ дворца прибыла фрейлина Нелидова. Она самымъ любезнымъ образомъ выразила свою радость, видя меня у нашей „bonne maman“.

Это было прозвище, которымъ всѣ питомки института продолжали именовать мою тещу и по своемъ выходѣ изъ института. Она поцѣловала „мамѣ“ руку и сказала:

— Ихъ Величества поручили мнѣ поздравить васъ съ радостнымъ для васъ пріѣздомъ барона. Императоръ приметъ его завтра утромъ. Будетъ не худо, прибавила она, обращаясь ко мнѣ, если вы пораньше зайдете къ

*) Прибывъ во дворецъ, я увидѣлъ, что первые его комнаты покрыты чернымъ. Кромѣ гр. Зубова, который не могъ скрыть своего горя, всѣ придворные, казалось, настолько успѣли забыть о государынѣ, какъ будто съ ея смерти прошло лѣтъ двадцать. Между ними были и такіе, которые были осыпаны милостями императрицы Екатерины. Эта низкая неблагодарность просто возмущала меня.

генералъ-прокурору—только до 8 часовъ, добавила она съ улыбкой.

— Да, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ, въ Петербургѣ все перемѣнилось. Теперь встаютъ рано и въ 11 часовъ всѣ расходятся по домамъ.

До 8 часовъ я былъ уже у князя. Его пріемная была уже полна. Я приказалъ доложить о себѣ и черезъ нѣсколько минутъ входилъ уже въ кабинетъ.

Князь Алексѣй Куракинъ—красивый мужчина. Живые глаза, большія черныя красиво расположенныя брови придавали бы ему суровый видъ, если-бы это впечатлѣніе не смягчалось подкупающими манерами и вѣжливостью.

Придя въ кабинетъ, я передалъ ему рекомендательное письмо отъ Палена.

— Вамъ баронъ это письмо совершенно не нужно. Императоръ много говорилъ о васъ самъ. Онъ приказалъ мнѣ сегодня вечеромъ доставить васъ ко двору и представить Ихъ Величествамъ. Это даетъ вамъ право присутствовать на малыхъ выходахъ и кушать вмѣстѣ съ императоромъ. Къ этой милости государь присоединяетъ и другую: онъ предоставляетъ вамъ право свободнаго выбора болѣе крупнаго поста, чѣмъ тотъ, который вы теперь занимаете.

— Я слишкомъ глубоко тронутъ милостями Е. В., чтобы выразить вамъ, князь, всю мою признательность. Моя жизнь и дѣятельность принадлежатъ моему государю. Пусть онъ рѣшитъ мою судьбу.

— Но вѣдь императоръ приказалъ вамъ сдѣлать выборъ. Я не смѣю дать ему неопредѣленный отвѣтъ. Онъ этого не любитъ.

— Если ужъ можно мнѣ объясниться, возразилъ я, немного подумавъ, то не стану скрывать отъ васъ, князь, что дипломатическое поприще я предпочитаю всякому другому. Если не ошибаюсь, мѣсто въ Неаполѣ свободно.

— Кажется, на него кто-то уже назначенъ. Полагаю, что императоръ намѣренъ удержать васъ при себѣ въ столицѣ.

— Какъ ни лестно такое намѣреніе, но при дворѣ я не могъ бы занять ни одной должности. У меня нѣтъ ни средствъ, ни здоровья, чтобы держатся тамъ съ подобающимъ блескомъ. Я занимался общественнымъ и гражданскимъ правомъ и только въ одной должности такого рода могъ бы оправдать ожиданія нашего возвышеннаго государя.

Тутъ я неожиданно вспомнилъ о назначеніи фонъ-деръ-Ходвена сенаторомъ, остановился на этой идеѣ и далъ понять генералъ—прокурору, что это было бы единственное, чѣмъ я могъ бы соблазниться, въ случаѣ, если придется остаться въ Петербургѣ.

Не пускаясь въ разговоръ, князь отвѣчалъ: „Благоволите сегодня въ $7^1/_2$ часовъ вечера прибыть ко двору. Я васъ представлю Е. В., если вы не предпочтете, чтобы я васъ сопровождалъ“.

Я принялъ предложеніе, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, стараясь разобраться въ этомъ мірѣ, гдѣ въ пять недѣль перемѣнилось все.

Вечеромъ во внутреннихъ покояхъ я встрѣтилъ очень мало лицъ и мое появленіе замѣтно произвело сенсацію. Понять не могли, какимъ образомъ провинціалъ получилъ право присутствовать на малыхъ выходахъ, не будучи зачисленъ въ третій классъ или прямо въ придворное званіе.

Князь Репнинъ передъ этимъ смотрѣлъ на меня сверху внизъ. Теперь онъ, погоривъ сначала съ генералъ-прокуроромъ, направился прямо ко мнѣ и наговорилъ всяческихъ любезностей. Я отвѣчалъ вѣжливо, но довольно сухо. Онъ становился все любезнѣе и послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ спросилъ дружескимъ тономъ:—Позвольте баронъ, узнать, почему императоръ призвалъ васъ?

— Не знаю, право, князь, черезъ полчаса это, вѣроятно, будетъ извѣстно.

Графъ Николай Румянцевъ, всегда отмѣчавшій меня, приближался дружески ко мнѣ, какъ появился мой старинный знакомый графъ Вельегорскій, котораго я не засталъ дома, чтобы въ качествѣ гофмаршала доложить императору списокъ тѣхъ, кто желаетъ остаться на обѣдъ. Наша встрѣча вышла самой сердечной. Почти вслѣдъ

за этимъ изъ кабинета вышелъ князь Куракинъ. „Пойдемте къ Ихъ Величествамъ“, сказалъ онъ мнѣ. Вы должны преклонить колѣна и поцѣловать руку сначала у императора, затѣмъ у императрицы“.

Въ глубочайшемъ молчанiи и болѣе чѣмъ съ почтительнымъ выраженiемъ лица вступили мы въ залъ, гдѣ была вся вкупѣ императорская семья. Императоръ находился недалеко отъ двери, черезъ которую мы вошли. Каждый дѣлалъ глубокiй поклонъ и отходилъ влѣво, чтобы дать мѣсто слѣдующему. Войдя со мною, князь Куракинъ отвѣсилъ низкiй поклонъ и назвалъ меня. Я опустился на колѣни, чтобы поцѣловать руку императора, но онъ быстро поднялъ меня, обнялъ какъ обыкновенно, и только что я хотѣлъ поблагодарить его, сказалъ: „За что вамъ меня благодарить? Я еще ничего для васъ не сдѣлалъ, прибавилъ онъ, взявъ меня за руку. Теперь я васъ удержу и вы отъ меня не ускользнете“.

Эти громко произнесенныя слова возвѣстили всему двору о чувствахъ ко мнѣ императора. Я подошелъ къ императрицѣ. Когда я поцѣловалъ ей руку, она сказала привѣтливо: „Не находите ли вы, что наша добрая мамаша Де ла-Фонъ помолодѣла?

„Вашему Величеству чудеснымъ образомъ преопредѣлено оживлять людей и возвращать имъ молодость“.

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжала императрица, ей было очень плохо“.

„Во всѣхъ отношенiяхъ“, добавилъ я вполголоса.

Императрица улыбнулась и довольно подробно стала говорить объ институтѣ. Между тѣмъ императоръ обмѣнивался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ. Императрица сѣла за бостонъ съ княземъ Репнинымъ, вицеканцлеромъ Куракинымъ и графомъ Николаемъ Румянцевымъ. Она сидѣла на софѣ, по правую руку отъ нея находился императоръ, рядомъ съ нимъ на креслѣ сидѣлъ великiй князь Александръ, немного далѣе наслѣдникъ Константинъ, а затѣмъ всѣ остальные по рангу. Взрослыя княжны были по другую сторону матери, съ г-жей фонъ-Ливенъ вокругъ круглаго стола, занимаясь разнымъ рукодѣлiемъ.

Императоръ одинъ велъ бесѣды: ему отвѣчали просто или сообщали подробности того, о чемъ онъ спрашивалъ. Но разговоръ вращался на довольно безразличныхъ вещахъ.

Изъ иностранцевъ на этотъ вечеръ получили доступъ лишь гр. Дитрихштейнъ и Брюло, командированные Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами для принесенiя поздравленiй, шведскiй генералъ Клингспортенъ и нѣкiй графъ Штольбергъ. Ни одинъ иностранный посолъ не имѣлъ доступа къ этому маленькому кружку.

Усѣвшись на мѣста, всѣ старались не двигаться, и это натянутое состоянiе было прервано лишь возгласомъ, что обѣдъ готовъ. Столъ былъ накрытъ приборовъ на двадцать: 8—9 членовъ императорской семьи и дежурныхъ придворныхъ, 2—3 иностранца и 5—6 лицъ, имѣвшихъ право присутствовать на малыхъ выходахъ.

Послѣ стола всѣ вышли въ сосѣднюю комнату, гдѣ императоръ еще разъ сказалъ съ каждымъ нѣсколько словъ. Затѣмъ онъ приблизился ко мнѣ съ тѣмъ обаятельнымъ выраженiемъ лица, которое такъ противорѣчило всей его внѣшности, когда онъ бывалъ въ раздраженiи, и очень любезно заговорилъ со мною. Я остался совершенно очарованнымъ имъ. Каждый старался оказать мнѣ какую-нибудь любезность. Вы, которые хорошо знали Павла за два первые годы его царствованiя, скажите, развѣ не было у него чувствительнаго сердца, благожелательства, просвѣщенной души? Если онъ бывалъ несправедливъ, то развѣ это не вытекало изъ его слишкомъ сильной любви къ правосудiю, и развѣ всегда, когда у него слагалось убѣжденiе, что онъ ошибся, не выказывалъ онъ мужества, исправить эту ошибку? Но низкiе льстецы, люди, которые живутъ на счетъ правды, испортили эти добрые задатки и мало-по-малу заглушили зерно его добродѣтелей, потворствуя ему во всѣхъ порокахъ.

Въ воскресенье 26 декабря только что я хотѣлъ отправиться къ гене-

ралъ-прокурору, какъ получилъ отъ него письмо: „Князь Куракинъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія барона, что государь императоръ только что подписалъ указъ, которымъ онъ производился въ тайные совѣтники и назначается сенаторомъ. Князь совѣтуетъ явиться сегодня утромъ ко двору поблагодарить Его Величество, что нужно сдѣлать по указаніямъ дежурныхъ камергеровъ".

Можно представить себѣ радость мою и моей жены, которая теперь на всегда была неразлучна съ своей обожаемой матерью. Мы поспѣшили къ ней, чтобы подѣлиться съ нею этой новостью. Та заплакала отъ радости при мысли, что теперь она можетъ умереть въ кругу своихъ дѣтей. Весь институтъ принялъ участіе въ этой царской милости, которая произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что явилась внезапно, и при повышеніи я долженъ былъ перескочить черезъ одинъ чинъ.

Прежде чѣмъ явиться ко двору, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе князю. Сознаюсь, что я почувствовалъ къ нему искреннюю симпатію, независимо отъ его высокаго служебнаго положенія. Онъ показалъ мнѣ указъ. Увидѣвъ, что я назначенъ въ 1 Департаментъ, тогда какъ Курляндскія дѣла находились въ вѣдѣніи 3 Департамента, я сказалъ объ этомъ князю, но тотъ далъ мнѣ почувствовать неудобство измѣнять высочайшій указъ. Побѣжденный моими доводами, онъ посовѣтовалъ мнѣ безотлагательно написать ему оффиціальное письмо. Я такъ сдѣлалъ, и на слѣдующій день Е. В. перевелъ меня въ 3 Департаментъ. Я принесъ государю благодарность передъ всѣмъ дворомъ. Когда мы шли, генералъ-прокуроръ посовѣтовалъ мнѣ явиться къ высочайшему столу, такъ какъ весьма возможно, что императоръ захочетъ о чемъ-нибудь со мною побесѣдовать.

Я принялъ этотъ совѣтъ. Когда мы вошли, императоръ приблизился ко мнѣ, и оставивъ все общество, сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. „Скажите откровенно, спросилъ онъ, какъ идутъ дѣла въ Курляндіи?" „Смѣю увѣрить, В. В., что въ Россіи не много найдется губерній, гдѣ былъ бы такой порядокъ и быстрота въ разрѣшеніи дѣлъ!"

— А какъ Паленъ? Имъ довольны?, продолжалъ государь, пристально глядя на меня.

— Да, В. В., имъ всѣ довольны.

— Говорите по чистой совѣсти, я ожидаю отъ васъ только правды.

— Я никогда не скрывалъ бы ее отъ моего государя, если-бы даже глубочайшая признательность не вмѣняла мнѣ это въ обязанность. Осмѣлюсь повторить, В. В., что значительное большинство жителей довольны.

Чрезвычайно подвижныя черты императора выдавали, что онъ не совсѣмъ удовлетворенъ моимъ отвѣтомъ.

— У васъ тамъ есть одинъ полякъ Гурко, продолжалъ государь. Что это за человѣкъ.

— Вице-губернаторъ Гурко очень усерденъ къ службѣ и не безъ способностей.

— Онъ пригодится добрѣйшему графу Ламсдорфу (губернатору). Я его знаю, онъ человѣкъ почтенный.

Черезъ день послѣ этого, когда я сидѣлъ за обѣдомъ у своей тещи, мнѣ подали слѣдующее письмо генералъ-прокурора: „Баронъ! Е. В. приказалъ учредить при сенатѣ коммиссію и издалъ указъ, назначающій ваше превосходительство ея членомъ. Засѣданіе назначено сегодня въ 5 часовъ пополудни въ 1 Департаментѣ сената. Я буду имѣть честь доложить собранію дѣло, которое сегодня должно слушаться" и т. д.

Новый знакъ монаршаго довѣрія сильно тронулъ меня. Въ 5 часовъ я отправился въ сенатъ, гдѣ нашелъ только старика Соймонова, дядю сенатора 3 Департамента и Завадовскаго, которые чрезвычайно удивились, видя меня въ коммиссіи величайшей важности, когда еще даже не былъ опубликованъ указъ о моемъ назначеніи въ сенатъ. День былъ праздничный и потому очереднаго засѣданія сената не было.

Наконецъ собрались всѣ члены. Въ нѣкоторомъ отдаленіи были поставле-

ны сторожа, чтобы ни чиновники, ни другія лица не могли слышать докладъ о дѣлахъ, порученныхъ секретной коммиссіи. Генералъ-прокуроръ самъ прочелъ указъ, которымъ учреждалась наша коммиссія и прибавилъ: „Такъ какъ его превосходительство сенаторъ баронъ Гейкингъ уже принесъ присягу, какъ статскій совѣтникъ и предсѣдатель суда, то Е. В. нашелъ, что онъ имѣетъ право принять участіе въ засѣданіи, не возобновляя присяги, которая отъ него требуется только какъ отъ тайнаго совѣтника, а не какъ отъ судьи“.

Затѣмъ онъ очень толково изложилъ коммиссіи доносъ маіора И. на вице-адмирала Мордвинова [1]). Пригласили статскаго совѣтника Макарова и г. Фукса, секретаря секретной коммиссіи. Первый доложилъ о словесныхъ показаніяхъ, сдѣланныхъ маіоромъ И., и предъявилъ всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги. Второй прочелъ документы. Коммиссія распорядилась ввести подавшаго доносъ, который повторилъ почти тоже самое, что было подробно изложено имъ письменно.

Членами коммиссіи были: сенаторъ гр. Сиверсъ, прежній посланникъ въ Польшѣ, честность котораго пользовалась большой извѣстностью, графъ Завадовскій, старикъ Соймоновъ, Васильевъ, Тарбѣевъ, генералъ-губернаторъ Архаровъ, генералъ-прокуроръ и я.

Этотъ Архаровъ, котораго императрица не задолго до своей смерти перевела изъ Москвы, гдѣ онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, пользовался репутаціей знатока по дѣламъ высшей полиціи. Энергичный, вкрадчивый, съ открытой физіономіей, съ поддѣльной откровенностью, онъ вышелъ изъ среды придворныхъ лакеевъ и пользовался покровительствомъ множества глупцовъ и шутовъ, которые во всѣхъ классахъ общества составляютъ большинство и превозносятъ всякаго, кто бываетъ въ силѣ. Таковъ былъ петербургскій генералъ-губернаторъ, входившій по своей должности въ прямое соприкосновеніе съ государемъ, которому онъ искусно могъ внушать безпокойство при помощи имѣвшихся въ его распоряженіи полицейскихъ средствъ, затѣмъ уничтожать его сообразно своимъ видамъ и такимъ образомъ сдѣлаться важной особой.

Засѣданіе продолжалось до 11 часовъ ночи. На другой день я вступилъ въ сенатъ, принялъ присягу и занялъ мѣсто рядомъ съ фонъ-деръ-Ховеномъ, назначеніе котораго сперва было для меня загадкой, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что императоръ еще въ бытность великимъ княземъ, составилъ себѣ о немъ очень дурное мнѣніе. Наконецъ ключъ къ этой загадкѣ былъ найденъ. Среди бумагъ императрицы нашелся списокъ лицъ, которые должны были получить къ новому году повышеніе. Императоръ счелъ своимъ долгомъ исполнить волю матери и вотъ фонъ-деръ-Ховенъ попалъ въ сенатъ. Но императоръ никогда не вступалъ съ нимъ въ разговоръ и вообще не показывалъ ему знаковъ личнаго вниманія.

Старшимъ въ 3 Департаментѣ былъ гр. Строгановъ, извѣстный своей любезностью и за границей, человѣкъ проницательный и благороднаго образа мыслей, страстный любитель искусства, обладавшій значительнымъ состояніемъ. Но при всѣхъ этихъ качествахъ ему недоставало силы и энергіи. Его приговоръ всегда былъ не рѣшительный, хотя въ погонѣ за удовольствіями, развлеченіями и вслѣдствіе лежавшихъ на немъ придворныхъ обязанностей ему не оставалось времени думать и углубляться.

Благодаря этому недостатку, который онъ, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, въ 3 Департаментѣ пріобрѣлъ вліяніе младшій Соймоновъ, ставшій здѣсь своего рода диктаторомъ. Дряхлый Стрекаловъ, безпечный Пастуховъ и добрѣйшій гр. Минихъ были въ полномъ смыслѣ нулями и не имѣли своего мнѣнія. Шталмейстеръ Ребиндеръ

---

[1]) Доносъ этотъ былъ, повидимому, результатомъ интригъ противъ Мордвинова, извѣстнаго основателя Одессы Де-Рибаса. Мордвиновъ обвинялся въ злоупотребленіяхъ по службѣ въ Николаевѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота и порта.

См. Иконниковъ. Гр. Н. С. Мордвиновъ.

Прим. переводчика.

попалъ въ сенатъ неизвѣстно зачѣмъ. Хотя ему недоставало образованія, но, по крайней мѣрѣ, у него былъ здравый природный умъ и характеръ, благодаря чему онъ умѣлъ заставить себя уважать. Графъ Потоцкій, не смотря на чувства человѣка высокаго положенія, страдалъ отсутствіемъ связи въ своихъ мысляхъ. Удивительно было еще то, что Голохвастовъ, повышенный изъ оберъ-прокуроровъ въ сенаторы, былъ совершенно лишенъ логики. Когда ему по выслушаніи дѣла предстояло дать заключеніе, онъ путался, терялъ исходную точку, цѣплялся за какое-нибудь формальное упущеніе и не могъ вернуться къ поставленному вопросу, чтобы формулировать рѣшеніе. О ф.-д. Ховенѣ я не говорю: его умъ и знаніе извѣстны изъ исторіи Курляндіи.

Въ возмѣщеніе всего этого, нашъ первый прокуроръ Козодавлевъ былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Онъ учился въ Лейпцигѣ, зналъ языки французскій и нѣмецкій, понималъ немного по латыни и превосходно владѣлъ своимъ роднымъ языкомъ. При всемъ этомъ онъ былъ вѣжливъ, выслушивалъ всѣ мнѣнія безъ предубѣжденія и старался привести всѣхъ къ соглашенію, анализируя безъ оскорбленія чьего-либо самолюбія всѣ точки зрѣнія. Къ довершенію всего, онъ былъ тонкимъ придворнымъ.

Въ 12 часовъ всѣ департаменты собирались въ большомъ залѣ, гдѣ происходили открытыя засѣданія. Здѣсь у верхняго конца стола стояло подъ роскошной сѣнью кресло государя, который считался предсѣдателемъ сената. По обѣ стороны стола стояли кресла малиноваго бархата съ золотой бахромой, на которыхъ сидѣли сенаторы по старшинству въ чинѣ тайнаго совѣтника. Обивка залы была такая же. Генералъ-прокуроръ сидѣлъ за небольшимъ отдѣльнымъ столомъ, а для прокуроровъ ставились четыре стула, на случай, если онъ ихъ позоветъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ фактѣ, въ которомъ обнаруживается желаніе императора ускорить ходъ правосудія въ интересахъ его подданныхъ. Услыхавъ, къ своему удивленію и неудовольствію, что въ сенатѣ скопилось около 10 тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ, онъ назначилъ временной сенатъ для окончанія старыхъ процессовъ и такимъ образомъ облегчилъ разсмотрѣніе новыхъ дѣлъ. Для этого онъ пожертвовалъ болѣе 100 тысячъ рублей. Хотя это и было важно для счастья его народа, но никто не призналъ этого акта доброты и справедливости [1]).

Гофмаршалъ гр. Вельегорскій предложилъ мнѣ обѣдать за высочайшимъ столомъ два раза въ недѣлю. Въ среду по окончаніи засѣданія тайной комиссіи, которое продолжалось только полтора часа, я былъ во дворцѣ. Въ залѣ уже было нѣсколько лицъ. Съ удовольствіемъ замѣтилъ я гр. Штакельберга, бывшаго прежде посломъ въ Польшѣ. Я выразилъ ему свою радость, но онъ показался мнѣ печальнымъ и угнетеннымъ. Я освѣдомился, что могло его до такой степени разстроить, и узналъ, что императоръ съ нимъ холоденъ, что онъ не предоставилъ ему даже право присутствовать на малыхъ выходахъ, которое у него было при императрицѣ. Эта немилость мучила меня. Я опять подошелъ къ нему, чтобы удвоить свою внимательность къ нему, и онъ пригласилъ меня къ себѣ поболтать часокъ-другой. Въ это время дали знакъ входить.

Какъ только государь меня увидѣлъ, онъ сейчасъ же отвелъ меня въ уголъ.

— Что вы думаете по поводу доноса маіора И.?

— Государь, мы успѣли выслушать пока одного обвинителя. Но такъ, по первому впечатлѣнію, кажется, что доносъ ложный.

— Почему?

— Въ датахъ оказываются противорѣчія, разсказы страдаютъ преувеличеніями. И если мнѣ будетъ позволено заранѣе высказать мое мнѣніе, я могу увѣренно сказать, что вице-адмиралъ невиновенъ.

---

[1]) Даже Сиверсъ упоминаетъ объ этомъ: «Въ царствованіе Екатерины дѣла на засѣданіяхъ докладывалъ Вяземскій, не обращая вниманія на текущій ихъ номеръ. Оттого ко времени восшествія на престолъ Павла надо было перевозить черезъ Неву около 11 тысячъ номеровъ.—(Ein russischer Staatmann).

— Вы съ нимъ, конечно, не знакомы?

— Простите, В. В., я его никогда не видалъ.

— Между тѣмъ... сказалъ императоръ и перешелъ къ нѣкоторымъ подробностямъ доноса.

Я рѣшился опровергнуть ихъ простыми соображеніями и отвѣчалъ: „Можетъ быть, обвиняемый еще укажетъ на тѣ или другія побудительныя причины. Необходимо выслушать его самого“.

Я былъ пораженъ, какъ справедливо и человѣчно судилъ объ этомъ дѣлѣ императоръ. „Видите ли, сказалъ онъ между прочимъ, такое же хорошее мнѣніе составилось и у генералъ-прокурора. Но я не хочу, чтобы онъ одинъ рѣшалъ дѣло, которое касается жизни или чести одного изъ моихъ подданныхъ. Я тщательно подобралъ членовъ коммиссіи и, прибавилъ онъ, повышая голосъ, я спокоенъ, видя васъ среди нихъ“.

Я никогда не осмѣлился бы повторить эту фразу, въ которой было столько преувеличенія, если бы гр. Шуазель-Гуффріе, гр. Николай Румянцевъ и кн. Александръ Куракинъ не сознались потомъ, что они ее слышали. Первый по этому случаю сдѣлалъ мнѣ самый любезный комплиментъ. Впослѣдствіи, когда, неизвѣстно почему, мы очутились въ ссылкѣ, эта фраза неоднократно приходила намъ на память.

Послѣ стола государь спросилъ меня: —Будутъ ли ваши земляки рады возстановленію ихъ прежнихъ учрежденій?

— Они съ восторгомъ примутъ эту милость, В. В. Ихъ сердце лежитъ къ прежнимъ учрежденіямъ, если даже разумомъ они и будутъ осуждать нѣкоторыя злоупотребленія въ нихъ.

— Чтобы удовлетворить сердечную склонность курляндцевъ, вы можете оповѣстить ихъ, что я возвращаю имъ прежнія судебныя установленія. Возвратить имъ самое Курляндію я теперь уже не могу, сказалъ государь съ улыбкой. Я ни у кого ничего не возьму, но хочу знать, что есть у меня самого.

Легко угадать мой отвѣтъ. Я имѣлъ счастье дать ему такой оборотъ, что по лицу императора я прочелъ его лестное дѣйствіе.

Удивительно, что этотъ государь, передъ которымъ всѣ трепетали, никогда не внушалъ мнѣ страха. Потому ли, что его обращеніе со мной съ самаго начала устраняло всякое чувство стѣсненія, или потому, что откровенно выраженная мною любовь къ нему внушила мнѣ нѣкоторую увѣренность въ себѣ—все равно, я могу удостовѣрить, что всякій мой отвѣтъ шелъ отъ сердца и можетъ быть поэтому вызывалъ согласіе со мною монарха.

Когда государь объявилъ мнѣ о возстановленіи нашихъ старыхъ судебныхъ учрежденій, мнѣ стало ясно, что необходимо уничтожить монополію, восьми курляндскихъ адвокатовъ, которой они пользовались вопреки законамъ и во вредъ публикѣ. На другой день я написалъ генералъ-прокурору оффиціальное и подробно мотивированное письмо, которое онъ доложилъ Е. В. 10 января я былъ чрезвычайно удивленъ, прочитавъ въ сенатѣ именной указъ, отмѣнявшій ограниченіе числа адвокатовъ (8) и разрѣшавшій такъ называемымъ помощникамъ адвокатовъ вести дѣла во всѣхъ учрежденіяхъ края. Сенаторъ Ховенъ, ревностный защитникъ адвокатовъ, былъ изумленъ, что въ указѣ говорится объ адвокатахъ и Курляндіи, не зная, въ чемъ собственно было дѣло.

— Что тамъ такое, спросилъ онъ меня.

— Выслушаемъ, и тогда я вамъ скажу, въ чемъ дѣло, и сдѣлалъ видъ, что прислушиваюсь къ чтенію, какъ будто дѣло шло о совершенно неизвѣстномъ мнѣ дѣлѣ. „Принесемъ черезъ генералъ-прокурора благодарность Е. В. за этотъ патріотическій указъ, уничтожающій въ Курляндіи монополію на отправленіе правосудія.“ Онъ весь поблѣднѣлъ, но тѣмъ не менѣе подошелъ къ князю и сказалъ: „Всякій знакъ вниманія государя къ намъ преисполняетъ васъ признательностью!“ „Особенно этотъ“, подхватилъ я, ибо онъ наноситъ смертельный ударъ гидрѣ кляузничества.“

Е. В. приказалъ мнѣ работать вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ надъ ре-

организаціей прежнихъ учрежденій въ Курляндіи. Я просилъ князя привлечь къ этому дѣлу Ховена, чтобы всѣ, у кого былъ поводъ плакаться на это, не обрушились на одного меня. И дѣйствительно Ховенъ былъ привлеченъ къ работѣ, а Тихоміровъ, которому я доставилъ мѣсто въ канцеляріи генералъ-губернатора, былъ сдѣланъ дѣлопроизводителемъ.

Посѣтилъ бывшаго посла гр. Штакельберга. Онъ жаловался на отношеніе двора, которое онъ испытываетъ послѣ 25-тилѣтней службы. „Государь гнѣвается на меня за то, что я былъ въ сношеніяхъ съ Зубовымъ. Но вѣдь князь пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ императрицы, а развѣ можно было вести дѣла, не сблизившись съ тѣмъ, у кого была ея душа? Я хотѣлъ бы разсѣять несправедливое обо мнѣ мнѣніе, и это могла бы сдѣлать только одна Нелидова. Сдѣлайте милость поговорите объ этомъ съ этимъ ангеломъ кротости и доброты.“

Я не сталъ скрывать отъ графа трудностей склонить Нелидову вмѣшаться въ дѣло, которое совершенно ея не касалось. Но всё-таки я обѣщалъ исполнить его желаніе и сдержалъ свое слово. Нелидова наотрѣзъ отказалась отъ такого порученія, а генералъ Б., съ которымъ я говорилъ по этому поводу, далъ мнѣ понять, что государь не можетъ простить Штакельбергу пресмыкательства, съ которымъ тотъ ухаживалъ за фаворитомъ. „Не будь этого, добавилъ онъ, гр. Штакельбергъ былъ бы назначенъ вице-канцлеромъ.“

Тотъ былъ въ отчаяніи отъ отказа Нелидовой, какъ ни старался я его утѣшить, и сообщилъ мнѣ по секрету о другой попыткѣ, которую онъ хочетъ сдѣлать у государя. Я заранѣе видѣлъ ея безплодность и она вызвала только quasi—совѣтъ графу „ѣхать въ свое имѣніе отдохнуть отъ усталости, которую онъ нажилъ себѣ въ передней кн. Зубова.“. Бѣднаго експосланника едва не хватилъ ударъ, и онъ серьезно заболѣлъ. Я отправился утѣшить его, ибо его болѣзнь была просто отчаяніемъ придворнаго, который принужденъ сойти со сцены, на которую не вступилъ бы человѣкъ честный и съ болѣе твердымъ характеромъ.

— Съ какимъ удовольствіемъ я помѣнялся бы съ вами мѣстами, графъ! сказалъ я.

— Вы, конечно, шутите.

— Нѣтъ, честное слово. Только отъ васъ зависитъ воздвигнуть себѣ болѣе прочный памятникъ, чѣмъ эта незначительная слава, которой вы могли бы добиться при дворѣ. Ваша репутація, какъ дипломата, извѣстна всей Европѣ. Будьте русскимъ Тацитомъ и пишите у себя въ имѣніи ваши мемуары о безсмертной Екатеринѣ.

Изъ скромности ли, или изъ боязни, а, можетъ быть, и по лѣни графъ не принялъ моего совѣта [1]).

Черезъ день я былъ при дворѣ. Послѣ стола государь отвелъ меня въ сторону, взглянулъ на меня пристальнымъ, свойственнымъ ему въ нѣкоторые моменты, взглядомъ и сказалъ:

— Вы, конечно, знакомы съ гр. Потоцкимъ (Игнатіемъ)?

— Да, В. В., я его знаю болѣе десяти лѣтъ. Онъ человѣкъ умный, знающій и любезный въ обществѣ. (Я особенно подчеркнулъ послѣднее обстоятельство, зная, какъ много значенія государь придаетъ любезности).

— Но, говорятъ, онъ опасенъ?

— При просвѣщенномъ, твердомъ, благодѣтельномъ и справедливомъ правленіи никто, В. В., не опасенъ.

— Надѣюсь, продолжалъ государь довольнымъ тономъ, что господа поляки довольны мною. A propos! Прибылъ вице-адмиралъ Мордвиновъ. Посмотримъ, какъ онъ будетъ защищать себя.

— Это очень легко, В. В.

— Я тоже этого желаю, но, прибавилъ онъ съ строгимъ выраженіемъ лица, надѣюсь, что все дѣло будетъ разобрано до малѣйшихъ подробностей.

Я отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

---

[1]) Графъ состоялъ при дворѣ съ самаго вступленія Екатерины на престолъ. Какъ умный человѣкъ, онъ слѣдилъ за всѣми мѣропріятіями императрицы и такъ же хорошо зналъ тайные планы правительства, какъ и придворные анекдоты.

Внезапныя перемѣны, во введенныхъ Екатериною генералъ-губернаторствахъ, произведенныя государемъ по всей имперіи, вызвали бы повсюду путаницу, если бы чрезвычайная поспѣшность, съ которою дни и ночи работалъ генералъ-прокуроръ, не устраняла вредныхъ послѣдствій этой дезорганизаціи.

Генералъ Паленъ потерялъ мѣсто курляндскаго генералъ-губернатора и долженъ былъ довольствоваться командованіемъ кирасирскимъ полкомъ въ Ригѣ. Замѣшательство, которое всегда бываетъ при такихъ перемѣнахъ, выпало на долю губернатора гр. Ламсдорфа.

Императоръ приказанъ генералъ-прокурору спрашивать моего письменнаго совѣта при всѣхъ необходимыхъ распоряженіяхъ.

Пока я долженъ былъ отвѣчать на вопросы государя, коммиссія по поводу вице-адмирала Мордвинова продолжала свои занятія. Маіоръ И. пытался запутать дѣло и довольно грубо потребовалъ допроса новаго свидѣтеля, чтобы выиграть время. Я позондировалъ судей, и только Архаровъ показался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ. Онъ пытался добиться признанія адмирала виновнымъ въ небрежности и легкомысленномъ злоупотребленіи въ служебныхъ дѣлахъ.

Наконецъ прибылъ и обвиняемый. Но нежеланіе быть обвиненнымъ по доносу такого субъекта, какъ И.—было въ немъ такъ сильно, что въ его объясненіяхъ не было откровенности и ясности, которыя были необходимы, чтобы побѣдоносно опровергнуть злыя и искусно придуманныя обвиненія. Его тонъ всѣмъ почти не понравился и, когда онъ удалился, всѣ стали его бранить. Я взялъ смѣлость его защищать, чувствуя, что я и самъ впалъ бы въ ту же ошибку, еслибъ меня принудили состязаться съ такимъ презрѣннымъ существомъ, какъ маіоръ И. Было постановлено, чтобы вице-адмиралъ далъ письменный отвѣтъ по пунктамъ и дали ему на это восемь дней сроку. Его отвѣты были неопредѣленны, запутаны и требовали личной ставки съ маіоромъ. Я чувствовалъ, что дѣло все болѣе и болѣе запутывается, и рѣшилъ свести главныя обвиненія къ восьми пунктамъ, на которые Мордвиновъ долженъ быть отвѣчать просто, и такимъ образомъ положить конецъ процессу, который, въ случаѣ новыхъ осложненій, запуталъ бы множество ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Я работалъ до поздней ночи и, такъ какъ процессъ велся секретно, мнѣ пришлось самому переписать составленный мною актъ, который я тотчасъ же и послалъ, сказавъ генералъ-прокурору, что вслѣдствіе сильнаго утомленія не могу быть на засѣданіи.

Коммиссія приняла восемь обвинительныхъ пунктовъ, переслала ихъ для возраженій вице-адмиралу и дня черезъ два получила ихъ обратно. Я присутствовалъ на рѣшающемъ засѣданіи. Маіоръ И. былъ изобличенъ въ ложномъ доносѣ. Онъ все ссылался на показанія свидѣтелей и кончилъ сознаніемъ, что онъ все это выдумалъ, чтобы отомстить вице-адмиралу за то, что тотъ уволилъ его отъ должности за растрату нѣсколькихъ сотъ рублей изъ ввѣренной ему кассы. Я былъ счастливъ, что невиновность Мордвинова была доказана, съ одной стороны потому, что онъ казался мнѣ человѣкомъ честнымъ, а съ другой и потому, что съ самаго начала я усвоилъ себѣ такую точку зрѣнія на это дѣло. Архаровъ сталъ настаивать на необходимости вставить во всеподданнѣйшій докладъ замѣчаніе, что вице-адмиралъ заслуживаетъ порицанія за злоупотребленія по службѣ и за нарушеніе формальностей, а маіоръ И. за свое сознаніе заслуживаетъ смягченія законной кары.

Я горячо выступилъ противъ выраженія „заслуживаетъ порицанія“ и настаивалъ на смертной казни за ложный доносъ.

— Всякая снисходительность, говорилъ я, будетъ въ этомъ случаѣ преступленіемъ, если имѣть въ виду хладнокровно обдуманную кляузу, имѣвшую цѣлью опозорить и подвести подъ жестокое наказаніе честнаго человѣка, посѣять около трона подозрительность и встревожить сердце монарха. И кто изъ насъ можетъ считать себя въ без-

опасности отъ такого же гнуснаго и опаснаго доноса?

Я закончилъ рѣчь указаніемъ на статьи закона о ложныхъ доносчикахъ и далъ понять, какъ несправедливо выраженіе „заслуживаетъ порицанія“ относительно заслуженнаго человѣка, который по своему поведенію болѣе чѣмъ невиноватъ.

Архаровъ и еще двое настаивали на помѣщеніи этихъ словъ, остальные примкнули къ моему мнѣнію. Васильевъ и гр. Завадовскій поддерживали меня открыто. Въ концѣ концовъ я рѣшился формулировать въ двухъ строкахъ все, на чемъ вертѣлся вопросъ, и испросилъ разрѣшеніе прочесть ихъ. Всѣ согласились и дѣло было навсегда покончено.

Въ ближайшій день я видѣлъ государя, который бесѣдовалъ со мною съ безграничной добротой и наговорилъ мнѣ много лестнаго о томъ, что съ первыхъ же шаговъ я сумѣлъ такъ правильно разрѣшить дѣло. Вице-адмиралу была дана отдѣльная аудіенція. Государь обнялъ его, поручилъ ему управленіе Одессой и подарилъ ему бриллiантовую табакерку съ своимъ портретомъ. Такъ поступалъ Павелъ въ началѣ своего царствованія съ тѣми, кому приходилось пострадать невинно[1]).

При возстановленіи прежнихъ судебныхъ учрежденій въ Лифляндіи и Курляндіи предстояло возвратить въ учрежденную Петромъ I юстицъ-коллегію часть дѣлъ, которыя въ аппеляціонномъ порядкѣ дошли до сената. Вслѣдствіе установленнаго Екатериной порядка инстанцій за этой коллегіей осталось рѣшеніе дѣлъ по расторженію браковъ лютеранъ, калвинистовъ и католиковъ. Она была въ такомъ пренебреженіи, что 15 лѣтъ оставалась безъ предсѣдателя, ибо Симоничъ, получившій постъ министра-резидента сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, не показывалъ въ нее и носа[1]), а вице-президентовъ избирали изъ юристовъ, которые были совершенно неизвѣстны двору. Недовольный такимъ пренебреженіемъ, Павелъ пожелалъ поставить эту коллегію на одинъ уровень съ другими коллегіями имперіи, куда предсѣдателями назначались сенаторы [2]). Вслѣдствіе этого кн. Ку-

[1]) Иначе разсказываетъ дѣло со словъ отца дочь адмирала Мордвинова гр. Н. Н. Мордвинова: «Отецъ мой по приказанію государя отправился изъ Николаева къ нему въ Петербургъ и ожидалъ себѣ лестнаго пріема. Не доѣзжая заставы, когда было уже довольно темно, онъ въ каретѣ задремалъ. Вдругъ слышитъ около своего экипажа топотъ лошадей. Вообразилъ себѣ, что это былъ знакъ почетной встрѣчи. При самомъ въѣздѣ его въ городъ, офицеръ подъѣхалъ къ окну кареты и почтительно спросилъ, куда онъ прикажетъ его везти. Тогда мой отецъ удивился и спросилъ, что это значитъ, и получилъ въ отвѣтъ, что по волѣ государя онъ арестованъ.

«На другой день явился къ нему посланный съ объявленіемъ, что назначена коммиссія его судить, куда и просятъ его явиться.

«Когда отецъ мой явился въ коммиссію, на столѣ лежала кипа бумагъ, по которой ему дѣлали такіе странные и неясные вопросы, что онъ ничего не могъ понять, въ чемъ его обвиняли и просилъ довѣрить ему бумаги разсмотрѣть у себя, на что и согласились.

«Пріѣхавъ домой, отецъ мой раскрылъ пакетъ, и маленькая записка, которая, вѣроятно, по нечаянности была тутъ, разъяснила ему все дѣло. Едва онъ успѣлъ прочесть ее, какъ прискакалъ посланный изъ коммиссіи, требуя отъ него бумаги поспѣшно обратно. Онъ закрылъ пакетъ, вручилъ его посланному и сказалъ: «Возьмите, мнѣ больше ничего не нужно: я все понялъ».

«На другой день явился къ нему кн. Куракинъ и, проливая слезы, уговаривалъ его просить прощенія у государя. Отецъ мой отвѣчалъ ему: «Никогда я этого не сдѣлаю, потому что ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ; но знайте, князь, что если я даже буду сосланъ въ Сибирь, и оттуда бойтесь меня».

«Отецъ мой, не бывъ виновнымъ, оправдался, и враги его не достигли своей цѣли. Но зная неустрашимую откровенность его и любовь Павла Петровича къ нему съ дѣтства, уговорили государя не призывать его къ себѣ, будто бы по той причинѣ, что онъ можетъ по горячности своей сказать что-нибудь непріятное и тѣмъ подвергнуться немилости. Государь согласился не видать его, подарилъ ему при этомъ тысячу душъ, предоставивъ выборъ имѣнія, гдѣ онъ пожелаетъ, и уволилъ его отъ службы». (Воспоминаніе о гр. Н. С. Мордвиновѣ. Спб. 1873).

[1]) Его хотѣли вытѣснить изъ департамента внѣшнихъ сношеній и потому назначили президентомъ этой коллегіи. Но онъ написалъ императрицѣ, что онъ никогда не занимался юриспруденціей и не можетъ принять этого поста. Вслѣдствіе этого онъ получилъ лишь званіе предсѣдателя, но обязанностей его не исполнялъ.

[2]) Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ предсѣдателемъ въ это время былъ великій канцлеръ и сенаторъ гр. Остерманъ; въ военной коллегіи—фельдмаршалъ и сенаторъ гр. Николай Салтыковъ; въ адмиралтейской коллегіи—гр. Чернышевъ, въ коммерцъ-коллегіи—сенаторъ Соймоновъ.

ракинъ спросилъ меня однажды въ сенатѣ, не пожелаю ли я взять на себя обязанности предсѣдателя Лифляндской и Эстляндской юстицъ-коллегіи. „Императоръ, прибавилъ онъ, желаетъ вернуть этому высшему судебному учрежденію подобающее ему достоинство и считалъ бы вашу добровольно усиленную работу за новое доказательство вашего усердія“.

— Воля государя для меня законъ, и если я могу разсчитывать на вашу, князь, поддержку въ необходимыхъ перемѣнахъ, то я съ удовольствіемъ возьму на себя эти обязанности. Генералъ-прокуроръ сталъ горячо меня увѣрять, что всѣ мои желанія будутъ исполнены, насколько это будетъ отъ него зависѣть. Черезъ день въ сенатѣ былъ прочитанъ указъ о моемъ назначеніи. Онъ больше всѣхъ изумилъ сенаторовъ Ховена, Миниха и Ребиндера, которые всѣ были старше меня по службѣ.

Въ тотъ же вечеръ я благодарилъ государя. Когда я преклонилъ колѣна, Е. В. сказалъ громко: „Я бы долженъ васъ благодарить, что вы берете на себя еще работу. Даю вамъ самыя большія полномочія относительно вашихъ пасторовъ. Вы будете смотрѣть во всѣ глаза и доносить мнѣ. Я знаю, что многіе изъ лютеранскихъ пасторовъ заражены духомъ новшествъ и обнаруживаютъ взгляды, которые сложились подъ вліяніемъ новаго французскаго ученія. Я всегда буду защищать въ моей имперіи законно существующія религіи и ихъ служителей, но пусть они не отступаютъ отъ должнаго повиновенія, иначе я накажу примѣрно, такъ какъ они будутъ виновны вдвойнѣ“.

Около четверти часа говорилъ со мною императоръ и говорилъ умно, со знаніемъ жизни и справедливо. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ потребуется мое личное рѣшеніе, вы можете обратиться прямо ко мнѣ“.

Растроганный столькими знаками милости и уваженія, я, чтобы оправдать ихъ, черезъ день отправился въ коллегію, хотя была суббота—неприсутственный въ судахъ день. Она помѣщалась въ обширномъ зданіи на Васильевскомъ островѣ, построенномъ Петромъ I для двѣнадцати коллегій. На доскѣ, висѣвшей въ воротахъ, былъ обозначенъ по русски и по нѣмецки входъ въ каждую коллегію. Грязная спускающаяся внизъ лѣстница вела въ довольно большую переднюю, гдѣ была кухня старыхъ солдатъ, которая отравляла входъ въ святилище правосудія ѣдкимъ чадомъ.

Оттуда попадаешь въ канцелярію и въ залъ засѣданій. Все носило на себѣ печать обветшанія, разрушенія, запустѣнія. Кресло президента, изъѣденное молью, повидимому, было когда-то крыто краснымъ сукномъ. Я пробѣжалъ нѣкоторые протоколы и бумаги, валявшіяся на столѣ секретаря: во всемъ сказывался безпорядокъ и небрежность.

Это открытіе огорчило меня. Передо мной открылась какъ будто берлога кляузничества, а не храмъ правосудія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я, придя домой, набросалъ для генералъ-прокурора вѣрную картину видѣннаго мною и умолялъ его убѣдиться самому въ печальномъ положеніи коллегіи. Онъ потомъ устно просилъ меня изслѣдовать это положеніе во всѣхъ мелочахъ и представить ему оффиціальный отчетъ для доклада государю.

Занявъ въ слѣдующій понедѣльникъ свое президентское мѣсто, я сталъ наблюдать лицъ, изъ которыхъ состоялъ этотъ трибуналъ.

Вице-президентъ Акимовъ былъ 70-ти лѣтній старикъ, разбитый параличемъ. Кромѣ нѣкоторыхъ элементарныхъ вещей, которымъ онъ научился, будучи прокуроромъ, онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія объ основныхъ началахъ права. Старѣйшій членъ, отставной пѣхотный маіоръ, не зналъ сносно ни одного языка. Впрочемъ онъ былъ честнымъ человѣкомъ и отличался здравымъ умомъ. Въ этомъ же родѣ были и другіе. Секретаря нельзя было упрекнуть въ невѣжествѣ и въ отсутствіи рутины, но за деньги онъ былъ на все способенъ.

Представлялись мнѣ и чиновники. Между ними я замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, которые были одѣты получше. Одинъ изъ нихъ былъ племян-

никъ перваго члена, второй—сынъ умершаго вице-президента. Я спросилъ ихъ, гдѣ они учились. „Въ Петербургѣ у родителей“. Имѣя чинъ титулярнаго совѣтника, они занимались перепиской бумагъ и хотя не могли написать двухъ строкъ безъ ошибки, тѣмъ не менѣе получали тройной окладъ, какъ будто они были отличными работниками. Непотизмъ царилъ здѣсь не хуже, чѣмъ въ Римѣ. Но не смотря на отсутствіе у меня протекціи и различныхъ покровителей, я завелъ здѣсь надлежащій порядокъ.

Прокуроръ Брискорнъ показался мнѣ интеллигентнѣе другихъ. Такъ какъ князь отзывался мнѣ о немъ хорошо, то я пригласилъ его къ себѣ на слѣдующій день въ 7 часовъ утра и сталъ распрашивать его о канцеляріи и злоупотребленіяхъ, которыя ему приходилось замѣчать. Онъ отвѣчалъ обстоятельно и посвятилъ меня во множество подробностей. Чтобы не судить по заявленіямъ одного лица, я на слѣдующій день распросилъ секретаря и устроилъ опросъ и другихъ, чтобы такимъ путемъ добиться отъ служащихъ коллегіи вѣрныхъ указаній. Что ни говори, но всегда есть вѣрное общественное мнѣніе, и я въ скоромъ времени зналъ уже, чего мнѣ держаться, особенно относительно секретаря.

Едва принялся я за водвореніе въ коллегіи порядка, какъ государь сказалъ мнѣ: „Я со всѣхъ сторонъ получаю жалобы какъ на епископовъ, такъ и на старшихъ духовныхъ лицъ. Это заставляетъ меня прибавить къ коллегіи еще второй департаментъ, спеціально для католиковъ. Такимъ образомъ вамъ предстоитъ еще трудъ. Среди польскаго и литовскаго духовенства есть горячія головы, которыя твердо держатся прежняго духа неповиновенія и безначалія. За этими господами нужно слѣдить внимательно“.

— Но, В. В., едва ли католики пожелаютъ имѣть во главѣ этого учрежденія не католика и притомъ лицо не духовное.

— Тѣмъ хуже для нихъ. Я тоже не имѣю чести быть духовнымъ и надѣляю васъ полномочіями, полагая, что и здѣсь господинъ. Впрочемъ, вы можете для образованія департамента взять католиковъ, но вы лично должны мнѣ поручиться за этихъ господъ.

— Разрѣшите мнѣ, В. В., представить ихъ вамъ, безъ этого я не могу взять на себя ручательства.

— Конечно. Уладьте это дѣло съ генералъ-прокуроромъ.

26 Января государь подписалъ указъ, 27 онъ былъ уже прочтенъ въ сенатѣ и я оказался съ огромной тяжестью на шеѣ, при огромной отвѣтственности, но безъ увеличенія моего содержанія и даже безъ столовыхъ денегъ, которые выдавались въ другихъ департаментахъ. Я бы ихъ получилъ, если бы принялся хлопотать объ этомъ, но за этотъ шагъ меня не пощадили бы.

Указъ объ учрежденіи Департамента по дѣламъ католиковъ былъ разосланъ по всѣмъ губерніямъ, а я сообщилъ циркуляромъ съ приложеніемъ копій именнаго указа архіепископу Могилевскому, начальнику всѣхъ уніатскихъ и другихъ епископовъ въ Россіи, объ оффиціальномъ открытіи Департамента.

Всѣ епископы приняли это распоряженіе съ должнымъ монарху повиновеніемъ, кромѣ архіепископа Могилевскаго. Хотя мы почти не были знакомы, онъ прислалъ мнѣ длинное частное письмо, написанное по нѣмецки, для того ли, чтобы пріобрѣсти этимъ мое расположеніе, или для того, чтобы показать, что письмо не имѣетъ оффиціальнаго характера.

Я былъ въ большомъ затрудненіи, ибо было ясно, что цѣль архіепископа состоитъ въ томъ, чтобы изъять себя отъ дѣйствія указа. Павелъ очень ревниво оберегалъ свою власть и не могъ равнодушно смотрѣть на такое принципіальное объясненіе духовнаго главы католической Россіи. Я опасался, какъ бы не подвести архіепископа подъ его гнѣвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не надѣлать вреда всему духовенству, если я оффиціально доложу о посланіи архіепископа. Съ другой стороны я не рѣшался допустить исключительное положеніе, занятое архіепископомъ. Наконецъ я довѣрительно сообщилъ о полученномъ по-

сланіи кн. Куракину и спросилъ его совѣта. Обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой поведеніе архіепископа, генералъ-прокуроръ доложилъ императору о положеніи вещей, и Е. В. приказалъ мнѣ объявить архіепископу формальный выговоръ съ предупрежденіемъ, что онъ будетъ наказанъ со всею строгостью законовъ, если не будетъ повиноваться императорскому указу и повелѣніямъ, которыя будутъ приходить къ нему изъ юстицъ-коллегіи.

Тѣ, кому извѣстна гордыня этихъ прелатовъ, могутъ себѣ представить всю силу его ярости. Тотчасъ же сталъ онъ хлопотать разрѣшеніе явиться въ Петербургъ, но это разрѣшеніе получилъ не такъ-то скоро. Явившись наконецъ, онъ прежде всего старался скрыть свою ненависть подъ маской покорности и льстивости. Но мало-по-малу она стала обнаруживаться и противъ меня, послѣ того, какъ онъ тысячу разъ увѣрялъ меня въ своемъ расположеніи ко мнѣ.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ со своей очаровательной женой лейтенантъ русской службы Лобарчевскій. Онъ умолялъ меня, во что бы то ни стало опредѣлить его на гражданскую службу. Я предложилъ ему первое послѣ вице-президента мѣсто въ департаментѣ. Маіору Дюгамелю, служившему въ гренадерскомъ полку, который также просилъ меня объ этомъ, я предложилъ второе мѣсто. Оба согласились. Е. В. утвердилъ назначеніе ихъ и департаментъ получилъ хорошій составъ. Государь зналъ Лобарчевскаго, который въ Польшѣ исполнялъ обязанности коммиссара, судьи и посланника. Такимъ образомъ у него былъ навыкъ въ гражданскихъ дѣлахъ и въ обращеніи съ закономъ. Дюгамель получилъ очень хорошее образованіе въ Варшавѣ; онъ владѣлъ нѣсколькими языками и состоялъ при генералѣ Кассаловскомъ и при князѣ Репнинѣ для внѣшней переписки по русски и по польски. Кромѣ того, я зналъ его за человѣка высокой честности и рѣдкой нѣжности. Поэтому мнѣ было важно привлечь его въ департаментъ, которому была существенно необходима репутація безпартійности и безпристрастія.

Въ это время (въ февралѣ 1797 г.) проѣзжалъ черезъ Ригу кн. Зубовъ, получившій разрѣшеніе выѣхать за границу. Генералъ Паленъ, а также лифляндскій губернаторъ Кампенгаузенъ посѣтили его. Полицейскій шпіонъ, который слѣдилъ за Зубовымъ по распоряженію петербургскаго генералъ-губернатора Архарова, сдѣлалъ ложный доносъ о необыкновенномъ пріемѣ, сдѣланномъ въ Ригѣ Зубову. Между прочимъ онъ сообщилъ, что Паленъ сопровождалъ Зубова до Митавы, за предѣлы своей губерніи, чего не могъ дѣлать полковой камандиръ. Императоръ, котораго хотѣли возстановить противъ Зубова, впалъ въ страшный гнѣвъ, услышавъ объ этой почетной встрѣчѣ, устроенной его подданному. Не давая себѣ труда провѣрить доносъ, онъ исключилъ Палена изъ военной службы. Паленъ пытался оправдаться письмомъ, которое государь, какъ говорятъ, бросилъ, не прочитавъ. Кампенгаузенъ, вслѣдствіе этого ложнаго доноса, также потерялъ мѣсто. Но ихъ очевидная невиновность заставила князя Репнина и генерала Бенкендорфа съ такою горячностью приняться за ихъ защиту, что государь наконецъ простилъ ихъ обоихъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву государь еще разъ приказалъ мнѣ строго слѣдить за правосудіемъ въ дѣлахъ протестантскихъ, а кн. Куракинъ обѣщалъ мнѣ, что дѣла, ввѣренныя моему производству, будутъ рѣшаться самымъ скорымъ образомъ.

Едва прошло дней восемь, какъ прокуроръ юстицъ-коллегіи Брискорнъ обратилъ мое вниманіе на однаго шведскаго пастора, который уѣхалъ въ Швецію, избѣгая нашихъ пограничныхъ постовъ. Поручителемъ за вѣрность сообщенія былъ пасторъ Шк.

Дѣло было слишкомъ щекотливо, чтобы доводить объясненія до свѣдѣнія генералъ-прокурора только на основаніи словеснаго заявленія. Поэтому я потребовалъ отъ Брискорна письменнаго заявленія и посовѣтовалъ при этомъ, прежде чѣмъ начи-

нать дѣло, хорошенько обдумать этотъ шагъ. Тотъ отвѣчалъ мнѣ, что если я буду чинить ему препятствія, то онъ свой доносъ подастъ прямо генералъ-прокурору. Послѣ этого объясненія, я только настаивалъ, чтобы заявленіе было сдѣлано письменно за подписью его и пастора Шк. Получивъ этотъ документъ, я пригласилъ къ себѣ послѣдняго и убѣдившись, что въ его заявленіи нѣтъ ни противорѣчій, ни слѣдовъ личной ненависти, подалъ оффиціальный докладъ, причемъ просилъ генералъ-прокурора пощадить пастора Цигнеуса отъ непріятной огласки и уполномочить меня произвести разслѣдованіе этого дѣла на мѣстахъ, черезъ которыя проѣдетъ Цигнеусъ на возвратномъ пути изъ Финляндіи.

Генералъ-прокуроръ однако возложилъ на меня исполненіе высочайшаго повелѣнія арестовать на почтѣ всѣ письма, адресованныя пастору Цигнеусу, и прислать ихъ въ сопровожденіи полицейскаго офицера въ Москву, а также и сдѣлавшаго доносъ пастора Шк.

Такъ какъ было чрезвычайно опасно не исполнить тотчасъ же повелѣніе, непосредственно полученное отъ государя, то я рѣшился послать одного Цигнеуса, такъ какъ иначе многочисленныя финскія и шведскія церковныя общины въ Петербургѣ остались бы безъ пастора, тѣмъ болѣе, что наступала Пасха, когда всякій желаетъ причаститься.

Генералъ Буксгевденъ, на котораго было возложено управленіе Петербурга на время отсутствія Архарова, разрѣшилъ Цигнеусу воспользоваться хорошимъ экипажемъ и далъ ему въ провожатые одного кроткаго и образованнаго полицейскаго изъ нѣмцевъ. Я далъ ему для устройства его дѣлъ 24 часа сроку и доложилъ генералъ-прокурору о причинахъ, заставившихъ меня отложить отправку пастора Шк., который къ тому же не могъ ничего прибавить къ своему доносу и своимъ отъѣздомъ только лишилъ бы финскую колонію возможности исполнять духовныя требы, что вызвало бы скандалъ и ненужную огласку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ государя отнестись милостиво къ пастору Цигнеусу, который, по всему вѣроятію, сдѣлалъ важный шагъ скорѣе по разсѣянности, чѣмъ по злому умыслу.

Генералъ-прокуроръ, человѣкъ гуманный и добрый, всецѣло присоединился къ содержанію моего письма. Пастору Цигнеусу удалось оправдаться относительно чистоты своихъ намѣреній. Императоръ отпустилъ его обратно и 2 апрѣля 1797 года изъявилъ мнѣ свое особенное благоволеніе за веденіе этого дѣла.

Коронованіе совершилось наконецъ 2 апрѣля. Дарованныя по сему случаю государемъ награды были безпримѣрны и безграничны. Графъ Безбородко былъ сдѣланъ княземъ и получилъ 30 тысячъ крестьянъ. Оба брата Куракины получили по 12 тысячъ и богатѣйшія въ имперіи рыбные промыслы. Никто не былъ обойденъ помѣстьями и орденами. Камердинеръ Кутаисовъ, бывшій уже статскимъ совѣтникомъ, вздумалъ просить у государя орденъ св. Анны 2 степени. Павелъ пришелъ въ гнѣвъ, обошелся съ нимъ грубо и поспѣшилъ къ императрицѣ, у которой нашелъ Нелидову. Онъ сказалъ, что онъ сейчасъ прогналъ Кутаисова за его нахальство. Напрасно старалась императрица успокоить его; его кровь бурлила и только послѣ обѣда Нелидовой посчастливилось выпросить прощенія Кутаисову, который въ знакъ благодарности бросился ей въ ноги. Впослѣдствіи его благодарность обѣимъ своимъ защитницамъ подверглась испытанію.

Черезъ нѣсколько дней императоръ отличилъ на балу дѣвицу Лопухину. Онъ говорилъ о ней вечеромъ съ Кутаисовымъ и этотъ разговоръ безъ всякой задней мысли сдѣлался основаніемъ широко задуманнаго плана. Но планъ этотъ осуществлялся медленно.

ГЛАВА II.

Затруднительное положеніе.

Желая на обратномъ пути изъ Москвы осмотрѣть и другую половину

своей имперіи, государь направился черезъ Литву, Курляндію и Лифляндію. Генералъ-губернаторъ Архаровъ прибылъ прямо въ Петербургъ и, разсчитывая приготовить государю пріятный сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы выкрасить всѣ ворота и заборы въ черный, оранжевый и бѣлый цвѣтъ. Это смѣхотворное распоряженіе, стоившее большихъ денегъ, было немедленно исполнено: пользуясь случаемъ маляры запрашивали за работу, сколько хотѣли.

Со всѣхъ сторонъ неслись громкіе крики недовольства, такъ что императрица, прибывшая ранѣе своего супруга, была чрезвычайно смущена этимъ приказомъ. Она ли обратила на это вниманіе императора, или онъ самъ былъ изумленъ смѣхотворнымъ смѣшеніемъ въ одну кучу частныхъ и казенныхъ зданій, но при въѣздѣ онъ спросилъ, что значитъ эта нелѣпая затѣя. Отвѣтъ былъ, что полиція принуждала обывателей безотлагательно исполнить волю государя. „Нужно быть дуракомъ, воскликнулъ Павелъ въ гнѣвѣ, чтобы издать такой приказъ". Этотъ случай, самъ по себѣ незначительный, повлекъ за собою паденіе Архарова. Его смѣнилъ гр. Буксгевденъ. Узнавъ, съ какой мягкостью и тактомъ Буксгевденъ исполнялъ обязанности генералъ-губернатора, пока дворъ былъ въ Москвѣ, Павелъ пожаловалъ его осыпанной бриллiантами табакеркой съ своимъ портретомъ, а его супруга получила орденъ св. Екатерины второй степени.

Эта перемѣна для меня была вдвойнѣ пріятна, такъ какъ съ одной стороны я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Буксгевденомъ, жена котораго воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, а съ другой и потому, что по своему положенію я долженъ былъ постоянно входить въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ.

Я сообщаю объ этомъ для того, чтобы характеризовать стремленіе государя къ справедливости. Какъ только такой осыпанный милостями человѣкъ, какъ Архаровъ, проявилъ жестокость, двойственность и несправедливость, онъ наказалъ его сейчасъ же. Говоря вообще, ни одинъ смертный не проявлялъ въ себѣ такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ Павелъ. Его умъ и страсти, воспріимчивость и жестокость, добродѣтели и пороки, энтузіазмъ въ дружбѣ, переходившій потомъ въ ненависть, его признательность за все, что, по его мнѣнію, дѣлалось для него отъ всего сердца, и его ярость при малѣйшей оплошности, которую онъ замѣчалъ относительно себя, все это проявлялось въ немъ въ высшей степени. И это нагроможденіе въ немъ противоположныхъ и враждебныхъ одно другому качествъ должно было привести къ гибели.

Его добротой и справедливостью злоупотребляли, портили его хорошія качества и испытывали на немъ вѣрность поговорки: corruptio optimi pessima (самая худшая порча самого лучшаго).

Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, государь далъ очень вѣское доказательство хорошаго обо мнѣ мнѣнія и указомъ 31 мая назначилъ меня членомъ коммиссіи по составленію государственныхъ законовъ.

У Екатерины II было намѣреніе, достойное ея духа, опубликовать новое гражданское и уголовное уложеніе. Впослѣдствіе она написала депутатамъ свой „Наказъ". Когда труды депутатовъ по разнымъ причинамъ были прерваны, императрица спустя нѣсколько лѣтъ снова вернулась къ своему любимому проекту и назначила другую коммиссію, которая работала довольно долго, пока смерть Екатерины не лишила счастья ея народа.

Жаждя славы законодателя, Павелъ поручилъ тремъ сенаторамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, разсмотрѣть эту работу, какъ только она будетъ окончена, вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ, внести въ нее нужныя поправки и привести въ исполненіе.

Это увеличеніе работы поглощало почти всѣ мои силы. Обремененный обязанностями сенатора и президента въ двухъ департаментахъ юстицъ-коллегіи, я, желая какъ можно ближе освоиться съ порученной мнѣ задачей, былъ вынужденъ погрузиться въ матеріалы и работать на дому.

На первомъ же засѣданіи я поднялъ вопросъ объ общемъ планѣ уложенія. Мнѣ отвѣчали, что его нѣтъ. Тогда я написалъ генералъ-прокурору, чтобы имѣть возможность, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ конспектомъ отдѣльныхъ частей, его и получилъ этотъ конспектъ съ большимъ трудомъ. Съ этого момента мои сочлены были возстановлены противъ меня.

Прежде всего дѣло шло о процессуальной сторонѣ суда. Я составилъ двадцать существенныхъ пунктовъ и направилъ ихъ къ кн. Куракину съ просьбою поддержать мои указанія о мѣрахъ къ сокращенію процесса. Этими указаніями судьямъ ставилось въ обязанность стараться примирить тяжущихся, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до разбирательства. Это правило, примѣнявшееся уже въ Пруссіи, Швеціи и Даніи, встрѣтило полное сочувствіе генералъ-прокурора. Но введеніе его въ Россіи представляло нѣкоторыя трудности. Послѣ того какъ я заявилъ, что лично обращусь къ государю по этому поводу, предложенный мною пунктъ былъ принятъ. Но все это не способствовало тому, чтобы члены комиссіи стали по мнѣ благосклоннѣе.

Всегда готовый загладить несправедливость, какъ скоро онъ пойметъ ее, Павелъ принялъ Палена обратно въ армію съ зачетомъ времени, проведеннаго имъ въ отставкѣ, а Кампенгаузена назначилъ сенаторомъ въ 3 департаментъ. Новый сенаторъ понравился мнѣ и я былъ въ восторгѣ, что нашъ департаментъ усилился лифляндскимъ дворяниномъ, соединявшимъ въ себѣ познанія съ прямотою и честностью. Онъ слылъ знатокомъ дѣла и это обстоятельство увеличивало довѣріе публики къ 3 департаменту, которому новопріобрѣтенныя провинціи отдавали явное и можетъ быть небезосновательное предпочтеніе. Хочу прибавить здѣсь двѣ-три черточки, чтобы обрисовать духъ партійной розни, царившій тогда и продолжающійся еще и теперь между старинными русскими и новопріобрѣтенными провинціями.

Однажды Соймоновъ вздумалъ взять диктаторскій тонъ, чтобы поставить на своемъ по одному лифляндскому дѣлу, которое намъ, конечно, было извѣстно лучше, чѣмъ ему. Онъ заручился предварительно содѣйствіемъ Стрекалова, Пастухова и Голохвастова и склонилъ ихъ на свою сторону. Обмѣнъ мнѣній былъ самый оживленный. Минихъ не могъ подать своего голоса, такъ какъ дѣло касалось его родственниковъ. Гр. Строгановъ былъ нездоровъ. Такимъ образомъ большинство составилось изъ Ребиндера, Потоцкаго, Ильинскаго, фонъ-деръ-Ховена, Кампенгаузена и меня. Но такъ какъ для рѣшенія дѣлъ требовалось единогласіе, иначе дѣло должно идти въ общее собраніе, то оберъ-прокуроръ дѣлалъ всѣ возможныя попытки, чтобы склонить насъ къ соглашенію. Но Соймоновъ упорно стоялъ на своемъ, мы также упорствовали. Наконецъ онъ сказалъ: „Вы, господа, придерживаетесь своей нѣмецкой юриспруденціи“. „Конечно, возразилъ ему фонъ-деръ-Ховенъ, ибо она держится на принципахъ права и здѣсь дѣло идетъ о провинціи, пользующейся привилегіей и имѣющей свои собственные законы“. „Вѣчно вы съ вашими привилегіями!“ продолжалъ Соймоновъ. „Онѣ такъ же священны, какъ и всякій законъ“.

Увидѣвъ, что всѣ начинаютъ горячиться, я сталъ говорить: „Господа, мы уклоняемся отъ дѣла. Вернемся къ нему и резюмируемъ, что въ немъ сказано за и противъ“. Далѣе я изложилъ самую суть дѣла, прочелъ законъ ясный и понятный и снова повторилъ свое мнѣніе. „Въ такомъ положеніи, сказалъ я оберъ-прокурору, находится дѣло. Я становлюсь на сторону большинства и не отступлюсь ни отъ одного слова моего заявленія, которое опирается на долгій опытъ“.

Оберъ-прокуроръ отвелъ Соймонова въ сторону и тотъ счелъ за лучшее уступить. Такимъ образомъ все устроилось благополучно.

Черезъ нѣсколько дней у меня снова разыгралась сцена съ прежнимъ диктаторомъ, по поводу одного курляндскаго дѣла. Онъ пытался противопоставить авторитету закона софизмъ. Въ раздраженіи, которое было вызвано его мудрствованіями, я сказалъ: „Я полагаю, что курляндскія дѣла на-

столько не знакомы для васъ, что вы даже не знаете, на какомъ языкѣ онѣ писаны". „Ну это я знаю отлично, отвѣтилъ онъ въ гнѣвѣ, они конечно, ведутся на вашемъ миломъ нѣмецкомъ языкѣ".

— Ваше превосходительство ошибаетесь: они ведутся на латинскомъ языкѣ и у насъ не всегда даже бываетъ провѣренный переводъ.

Чтобы подтвердить свои слова, я всталъ, взялъ сводъ курляндскихъ законовъ и торжественно показалъ ему заглавіе, напечатанное на латинскомъ языкѣ безъ всякаго подстрочнаго перевода: Formula Regiminis et Statuta. Но Соймоновъ, нисколько не смутившись, отвѣчалъ: „Мы въ сенатѣ принимаемъ только русскіе документы и мнѣ дѣла нѣтъ, сдѣланъ ли русскій переводъ съ латинскаго или съ нѣмецкаго, а вы, в. пр., не имѣете никакого преимущества, не смотря на ваше латинское образованіе". „Я имѣю уже то преимущество, отвѣчалъ я, что переводчикъ не можетъ меня обмануть".

Пререканія кончились, и дѣло было рѣшено такъ, какъ должно было.

Департаментъ католическихъ дѣлъ не давалъ мнѣ покоя. Въ это время случилась еще въ юстицъ-коллегіи непріятная исторія, печальное послѣдствіе которой я чувствую и до сихъ поръ.

Какъ-то въ праздникъ, когда я разсчитывалъ отдохнуть, по крайней мѣрѣ до того часа, когда нужно было являться во дворецъ, мнѣ доложили о коллежскомъ совѣтникѣ Эйлери и пасторѣ Коллинеѣ. Я не зналъ ни того, ни другого и принялъ ихъ съ тою любезностью, съ которою обыкновенно принимаютъ людей, попадающихъ не во-время. Первый изъ нихъ сказалъ: „Мы являемся депутатами отъ нѣмецкой реформатской общины и приносимъ вамъ жалобу на старшинъ французской общины, которые безъ нашего вѣдома сдали въ наймы домъ, который находится въ нашемъ общемъ владѣніи".

— Я удивленъ, господа, что для принесенія жалобы вы избрали праздничный день.

— Я не могу принять отъ васъ словесную жалобу, да еще у себя въ домѣ. Составьте обычную докладную записку и подайте мнѣ ее на общемъ пріемѣ.

— Мы желали-бы избѣгнуть огласки и пришли васъ просить уладить это дѣло какимъ-нибудь соглашеніемъ.

— Съ удовольствіемъ, господа. Но кто эти старшины французской общины?

— Графъ Петръ Головкинъ, швейцарскій купецъ Фюрсъ и маклеръ Бузанке.

— Я сегодня-же переговорю съ гр. Головкинымъ и льщу себя надеждой, что мнѣ удастся уладить это дѣло. Но въ чемъ же суть дѣла?

Посѣтители предъявили мнѣ засвидѣтельствованную копію съ указа 1778 г., подлинникъ котораго хранился въ юстицъ-коллегіи за подписью императрицы Екатерины и съ приложеніемъ государственной печати. Статья I гласила, что реформатская церковь въ С.-Петербургѣ должна разсматриваться какъ общая обѣимъ народностямъ, а ст.—4, что всѣ дѣла должны идти не иначе какъ съ согласія церковнаго совѣта изъ обѣихъ народностей. Посѣтители изложили мнѣ всѣ подробности.

Дѣло мнѣ показалось совершенно яснымъ и справедливымъ и я предложилъ имъ свои услуги.

Прибывъ ко двору, я поспѣшилъ отыскать гр. Головкина. Но едва я произнесъ слова два, какъ онъ прервалъ меня: „Эти нѣмецкіе мошенники обманули васъ. Указъ 1778 г., который они выманили у императрицы, уничтоженъ теперешнимъ государемъ и такъ какъ церковь основала французская община, то мы отберемъ наше захваченное имущество". Братъ его церемоніймейстеръ подошелъ къ намъ и также прибавилъ съ рѣшительнымъ видомъ: „Нужно образумить этихъ нѣмцевъ. Такъ какъ наша семья стоитъ во главѣ французской общины, то мы надѣемся, баронъ, что вы какъ можно скорѣе приведете къ концу это дѣло".

Нашъ разговоръ былъ прерванъ выходомъ двора, который прошелъ мимо насъ къ обѣднѣ. На другой день я потребовалъ отъ архиваріуса юстицъ-коллегіи весь относящійся къ этому

дѣлу матеріалъ, въ особенности подлинные указы Екатерины и повелѣніе нынѣшняго государя. Велико было мое изумленіе, когда въ указахъ Павла не нашлось никакихъ перемѣнъ, кромѣ перемѣнъ часовъ богослуженія, ни одного слова, которое затрогивало бы указъ Екатерины. Вслѣдствіе этого я письменно просилъ камергера гр. Головкина пріѣхать ко мнѣ, но письмо было мнѣ возвращено обратно, такъ какъ Головкинъ былъ въ это время въ Гатчинѣ.

Между тѣмъ старшины нѣмецкой общины успѣли побывать у пастора французской общины Мансбенделя, который обошелся съ ними свысока и заявилъ, что никакое соглашеніе не мыслимо. Когда они подали оффиціальную жалобу въ коллегію, которая по принятому порядку сообщила ее старшинамъ французской общины съ обязательствомъ дать свое объясненіе въ теченіе восьми дней. Тѣ потребовали еще десять дней отсрочки, которая имъ и была дана въ видѣ крайняго срока. Когда этотъ срокъ истекъ и нужно было разсмотрѣть жалобу, они прислали наконецъ свой отвѣтъ въ канцелярію. Онъ былъ занумерованъ, подшитъ къ дѣлу и на другой день секретарь доложилъ мнѣ объ немъ вмѣстѣ съ другими входящими бумагами.

Я приказалъ доложить его коллегіи. Чтеніе его было встрѣчено единодушнымъ выраженіемъ неудовольствія. Это былъ скорѣе пасквиль на истцовъ, юстицъ-коллегію и саму императрицу Екатерину, чѣмъ возраженіе по существу жалобы. Я хотѣлъ возвратить этотъ дерзкій документъ, какъ неприличный памфлетъ. Но такъ какъ онъ былъ уже занумерованъ, то это оказалось возможнымъ, развѣ въ томъ случаѣ, если-бы на немъ была резолюція съ мотивами, по которымъ онъ возвращается подателямъ. Но этому воспротивился прокуроръ. Нельзя было, по его мнѣнію, мотивировать обратную отсылку, не коснувшись нападокъ на указъ 1778 г. и оскорбленій по адресу цѣлой коллегіи.

Смыслъ податной докладной записки клонился къ слѣдующему: Реформатскую церковь построили французы и сначала они одни владѣли ею. Затѣмъ они позволили нѣмцамъ собираться въ этой церкви, не предоставляя имъ однако правъ сочленовъ. Поэтому совершенно несправедливо дѣлили съ ними средства и доходы, а теперь они снова вступаютъ во владѣніе тѣмъ, что имъ принадлежитъ".

Нѣмцы же возражали: „Французская община дѣйствительно является основательницей первой изъ реформатскихъ церквей въ Россіи. Но, когда эта деревянная церковь была повреждена пожаромъ, французы и нѣмцы устроили совмѣстный сборъ, который и былъ предназначенъ для постройки церкви, которая съ этого момента сдѣлалась общею. Когда въ 1772 г. по этому вопросу возникъ споръ и объ этомъ узнала императрица, она повелѣла прекратить этотъ споръ при помощи самаго тщательнаго судебнаго разслѣдованія и собственноручно подписала указъ съ приложеніемъ къ нему государственной печати. Такимъ образомъ вопросъ этотъ есть res judicata и теперь уже нельзя по этому поводу возбуждать споръ, не навлекая на себя обвиненія въ оскорбленіи высочайше утвержденныхъ законовъ.

Вся коллегія была того же мнѣнія. Мнѣ, какъ президенту, оставалось только отложить на другой срокъ это дѣло подъ предлогомъ, что другія болѣе старыя дѣла ждутъ своей очереди. Я поспѣшилъ поставить въ извѣстность генералъ-прокурора о неумѣстномъ тонѣ въ отвѣтѣ старшинъ французской общины. Такъ какъ онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ гр. Головкинымъ, то я просилъ его хорошенько его проучить и предложить взять этотъ документъ обратно, подчистить въ немъ всѣ мѣста, оскорбительныя для Е. В. и для законодательной власти и непочтительныя по отношенію къ цѣлому учрежденію.

Князь Куракинъ въ тотъ же день долженъ былъ ѣхать въ Гатчину и обѣщалъ исполнить мою просьбу. Но, возвратившись обратно, онъ сказалъ мнѣ: Я говорилъ съ обоими братьями, они утверждаютъ, что документъ вполнѣ корректенъ и въ немъ незачѣмъ мѣ-

нять ни одного слова. Такимъ образомъ идите своимъ законнымъ путемъ".

Такъ какъ я ничего не могъ сдѣлать въ дѣлѣ, которое могло печально кончиться какъ для графа Головкина, такъ въ особенности для пастора Мансбенделя, который велъ все дѣло и редактировалъ этотъ документъ, то я пригласилъ къ себѣ прокурора Брискорна и мы вновь нѣсколько разъ прочитывали его, находя на каждой страницѣ рискованныя утвержденія, неприличныя нападки и грубыя оскорбленія. Князь Куракинъ не достаточно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, чтобы понять всѣ эти выходки. Поэтому я приказалъ перевести заявленіе французовъ на русскій языкъ и поручилъ Брискорну оффиціально представить этотъ переводъ съ краткимъ изложеніемъ всего дѣла по начальству. Но потому ли, что генералъ-прокуроръ былъ необычайно заваленъ работой, или потому, что онъ былъ убѣжденъ, что дѣло кончится наказаніемъ одного пастора, словомъ, онъ, не долго думая, пустилъ дѣло обычнымъ порядкомъ.

Начался формальный процессъ и такъ какъ съ одной стороны нужно было отдѣлить истцовъ отъ отвѣтчиковъ, а съ другой тѣхъ, которые по своему положенію не могли незнать, что дѣлаютъ, то слѣдовательно, прежде всего за редакцію докладной записки приходилось отвѣчать пастору Мансбенделю. Очевидно, ее писалъ не графъ Головкинъ. Писалъ ее нѣмецъ и составленіе ея могло быть приписано только купцу Фюрсу или пастору Мансбенделю. Бузанке на первомъ же засѣданіи по этому дѣлу заявилъ, что онъ подписалъ записку, не прочитавъ ее, повѣривъ на слово пастору, увѣрявшему, что она составлена согласно закону. Бузанке прибавилъ, что онъ не принималъ участія ни въ составленіи записи, ни въ возбужденіи самого иска, такъ какъ дѣла этого онъ совсѣмъ не зналъ.

Какъ пасторъ, Мансбендель находился въ непосредственномъ подчиненіи у коллегіи. Онъ былъ вызванъ въ нее и когда онъ явился, отвѣты на вопросы, на которые ему нужно было отвѣчать, были у него готовы. Вообразите себѣ наше изумленіе, когда онъ явился, словно шутъ, во фракѣ, тогда какъ обычай и законъ предписывали пасторамъ въ такихъ случаяхъ являться въ установленномъ для ихъ сана одѣяніи.

— Кто вы такой?—спросилъ я.

— Но, баронъ, полагаю, что имѣю честь быть съ вами знакомымъ.

— Здѣсь нѣтъ барона. Здѣсь отъ лица нашего государя засѣдаетъ президентъ и онъ-то и спрашиваетъ васъ о вашемъ имени и званіи.

— Мое имя Мансбендель. Я состою пасторомъ французской реформатской церкви.

— Вы пасторъ. Какое же вы имѣете право являться въ такомъ нарядѣ въ присутственное мѣсто, которое для васъ является высшимъ судебнымъ учрежденіемъ?

— Но... я полагалъ, что мой костюмъ самъ по себѣ приличенъ.

— Вы совершенно напрасно такъ думали. Извольте отправляться и дожидайтесь, пока васъ вызовутъ снова.

Затѣмъ я спросилъ членовъ коллегіи, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть этого нахала? Дѣло въ томъ, что государь строго запретилъ носить фракъ, и кромѣ того, пасторъ въ силу своего сана долженъ былъ явиться въ установленномъ для него одѣяніи.

Всѣ члены соглашались, что нужно поступить съ нимъ по всей строгости законовъ и отправить его въ полицію. Но я успокоилъ ихъ и удовольствовался штрафомъ въ пользу больницы для бѣдныхъ въ размѣрѣ 5 рублей. Его снова привели и объявили ему это рѣшеніе. Онъ закусилъ губы и, казалось, потерялъ самообладаніе.

Затѣмъ секретарь передалъ ему докладную записку и спросилъ, извѣстенъ ли ему этотъ документъ, присланный въ коллегію отъ французской общины? Онъ долго его разсматривалъ и вмѣсто отвѣта прибѣгъ къ разнымъ уловкамъ. „Вы удаляетесь отъ вопроса", сказалъ я. „Отвѣчайте прямо: да или нѣтъ". „Ну хорошо, я зналъ о немъ". „Секретарь, запишите, что онъ зналъ о документѣ. А если вы о немъ знали, то почему оставили вы въ немъ невѣжество и грубость его состави-

теля?". „Грубость! Это сильно сказано. Но я работалъ надъ запискою не одинъ: ее подписалъ графъ Головкинъ". „Слѣдовательно, вы сознаетесь, что вы составляли записку. Запишите объ этомъ, г. секретарь". „Т. е. я хотѣлъ сказать, что мы составляли ее вмѣстѣ". „Одобряете ли вы ея основныя положенія?". „Основныя положенія? Да, я считаю ихъ закономѣрными и разумными". „Вы изучали право, стало быть? Но знаете ли вы, что ни одинъ подданный не имѣетъ права объявлять ничтожнымъ высочайшее повелѣніе, уже обнародованное въ должномъ порядкѣ? И если императрица, соизволивъ по рѣдкой добротѣ своей разобрать дѣло, въ первыхъ строкахъ указа прибавила: по зрѣломъ обсужденіи дѣла признали мы за благо, для пользы обѣихъ общинъ и устраненія между ними прежнихъ пререканій, покончить этотъ споръ и т. д., то какъ же осмѣливаетесь вы опровергать намѣренія этой великой государыни, самому становиться судьей и отвергать указъ, хранящійся въ юстицъ-коллегіи для сообразованія съ нимъ? Подумайте хорошенько. Вы, должно быть, введены въ заблужденіе. Вотъ подлинный указъ за подписаніемъ императрицы и съ приложеніемъ государственной печати". „Все это я знаю, но теперешній государь отмѣнилъ этотъ указъ". „Это невѣрно. Вотъ его указъ, онъ касается только времени богослуженія. Если отмѣняется только одинъ пунктъ закона, а о прочихъ не говорится, то значитъ ли это, что отмѣняется законъ цѣликомъ? Гдѣ вы учились логикѣ?" „Очевидно тамъ же, гдѣ и графъ Головкинъ, и она у меня не хуже, чѣмъ у другихъ". „Не забывайте, что вы подчинены сему присутственному мѣсту, что вы давали обѣтъ послушанія правиламъ церкви и что вы можете понести наказаніе, если будете упорствовать въ своихъ мысляхъ". „Я не боюсь наказанія, и знаю, что сама коллегія подчинена сенату." „Итакъ вы настаиваете на всѣхъ выраженіяхъ, которыя содержатся въ докладной запискѣ?" „Да, настаиваю". „И признаете всѣ оскорбленія по адресу юстицъ-коллегіи?" „Въ запискѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго". „Кто ее составлялъ?". „Не знаю". „Можете показать это подъ присягой?" „Т. е. я не могу точно сказать, кто ее составлялъ, такъ какъ надъ нею работали многіе?". „Но кто именно ее редактировалъ?" „Всѣ понемногу". „Но по слогу видно, что ее писалъ кто-нибудь одинъ. Гдѣ черновикъ?" „Вѣроятно, у Фюрса". „Такъ какъ вы были однимъ изъ редакторовъ записки и присоединяетесь ко всѣмъ высказаннымъ въ ней положеніямъ, то почему вы ее не подписали? Понимаете ли вы послѣдствія такого шага?" „Я не подписалъ ее потому, что мнѣ объ этомъ ничего не говорили". „Но вы согласились бы подписаться подъ такимъ документомъ?" „Я полагаю, что онъ составленъ законнымъ образомъ и подписать все, что подписано гр. Головкинымъ, я считалъ бы за честь для себя". „Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ подписаться?" „Съ большимъ удовольствіемъ". Онъ взялъ перо и подписался.

Мы просто оцѣпенѣли отъ удивленія при видѣ такой наглости. Когда онъ подписался, я приказалъ секретарю прочесть протоколъ засѣданія и спросилъ Мансбенделя, не имѣетъ ли онъ прибавить чего-нибудь? „Нѣтъ", отвѣчалъ тотъ. „Въ такомъ случаѣ подпишитесь". „Развѣ мнѣ нужно подписываться?" „Судъ приказываетъ вамъ, ибо этого требуетъ законъ".

Онъ подписался, и я отпустилъ его. Согласно церковнымъ законамъ, онъ единогласно былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности. Но это рѣшеніе я задержалъ на три дня.

Между тѣмъ прокуроръ Брискорнъ настаивалъ на необходимости обнаружить составителя записки на томъ основаніи, что онъ гораздо виновнѣе, чѣмъ тѣ, которые по неразумѣнію попали въ это дѣло. Была сдѣлана очная ставка Фюрса и Бузанке. Первый сознался, что черновикъ записки находится у него. Онъ хотѣлъ его принести, но такъ какъ жилъ далеко, то за нимъ послали одного изъ канцелярскихъ служителей. Порывшись въ своей комнатѣ, Фюрсъ сказалъ ему:" Я и забылъ, что отдалъ подлинникъ гр.

Головкину. Пойдите къ нему. Онъ вамъ дастъ". Писецъ, которому было поручено только отправиться съ Фюрсомъ, былъ такъ глупъ и пошелъ къ Головкину, который, подумавъ съ минуту, сказалъ: „Я изорвалъ черновикъ и не могу вамъ дать его".

Я былъ уже въ сенатѣ, когда писецъ вернулся съ командировки. Я узналъ обо всемъ лишь на другой день и сдѣлалъ ему выговоръ за превышеніе своихъ полномочій. Для дѣла это было впрочемъ безразлично, и во всякомъ случаѣ поступокъ писца не былъ противнымъ закону. Тѣмъ не менѣе, пустили въ ходъ невидимыя пружины, чтобы надѣлать непріятностей: писца превратили въ полицейскаго офицера, а простую просьбу показать документъ, съ которой обращались черезъ Фюрса, въ инквизиціонный обыскъ въ бумагахъ графа Головкина.

Я предвидѣлъ такой оборотъ дѣла и написалъ объ этомъ генералъ-прокурору, который призвалъ меня къ себѣ. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ обратить вниманіе только на то обстоятельство, которое вытекаетъ изъ самого характера преступленія или проступка, т. е. что виновникомъ всего слѣдуетъ признать пастора, а старѣйшинъ, въ виду ихъ незнанія законовъ, объявить неспособными въ дальнѣйшемъ исполненіи ими своихъ обязанностей.

Мансбенделю удалось однако увѣрить гр. Головкина, что тутъ задѣта его честь, и убѣдить его подать апелляціонную жалобу въ сенатъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, и скоро при дворѣ и въ городѣ только и говорили, что объ этомъ. Оба Головкина по всѣмъ переднимъ кричали о юстицъ-коллегіи и въ особенности о ея предсѣдателѣ. Ложь и клевета разростались все болѣе и болѣе, переходя изъ устъ въ уста, такъ что, не знай я именъ дѣйствующихъ лицъ, я не понялъ бы, о комъ именно идетъ рѣчь.

Въ концѣ концовъ эта исторія дошла до государя и Е. В однажды вечеромъ спросилъ меня съ улыбкой:

— Какъ ведутъ себя ваши пасторы?

— Отлично, В. В.

— Всѣ?

— Всѣ.

— Это невозможно. Нѣтъ ли между ними и такихъ, которые нуждаются въ исправленіи?

— Они уже исправляются.

— Кстати, кому это недавно дали урокъ?

— Одному здѣшнему реформатскому пастору.

— Какъ его зовутъ?

— Мансбендель.

— Какъ же его наставили на путь истины?

— Устранивъ его отъ должности. Но такъ какъ законъ разрѣшаетъ ему подать апелляціонную жалобу въ сенатъ, то онъ воспользовался своимъ правомъ.

— Какъ онъ осмѣлился апеллировать на юстицъ-коллегію?

— В. В., онъ имѣлъ право, и коллегія очень рада этому.

— Я приказывалъ вамъ непосредственно докладывать мнѣ о происках этихъ господъ. Отлично. Я буду апеллировать къ самому себѣ. Отправляйтесь сейчасъ же къ генералъ-прокурору и скажите ему, чтобы онъ посадилъ господина Мансбенделя въ тюрьму, ибо онъ обнаружилъ непочтительность, позоря учрежденіе, которому онъ, какъ пасторъ, подчиненъ.

Я былъ въ отчаяніи отъ такого приказанія, но государь уже повернулся къ кому-то другому. Я былъ обязанъ исполнить его, какъ можно скорѣе. Генералъ-прокуроръ сообразилъ, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ. Я долженъ былъ задержать дѣло въ 3 Департаментѣ, гдѣ Соймоновъ открыто сталъ на сторону Мансбенделя, такъ какъ гувернантка его дочери состояла съ пасторомъ въ родствѣ или въ дружбѣ.

Гросмейстеръ Мальтійскаго ордена прислалъ съ кавалеромъ ордена Рачинскимъ крестъ Ла-Валетта [1]). Посланникомъ назначенъ былъ гр. Литта и шутовское торжество его прибытія прошло съ большой серьезностью 27 ноября 1797 ч., 29-го числа была торжественная аудіенція. Я присутствовалъ на ней въ качествѣ сенатора, а

[1]) Крестъ этого знаменитаго гросмейстера сохранялся въ сокровищницѣ Мальтійскаго ордена, какъ драгоцѣнный памятникъ.

не въ качествѣ кавалера ордена. Сенатъ въ полномъ составѣ занималъ мѣсто по правую сторону трона, на которомъ Павелъ возсѣдалъ въ полномъ торжественномъ одѣяніи, окруженный великимъ канцлеромъ кн. Безбородко, вицеканцлеромъ кн. Александромъ Куракинымъ и другими. Литта въ широкой чернаго бархата мантіи, въ сопровожденіи императорскаго коммиссара и оберъ-церемоніймейстера и секретаря своего посольства, приближался, предшествуемый тремя рыцарями, которые несли на расшитыхъ золотомъ подушкахъ присланное императору одѣяніе и древній крестъ Ла-Валетта, и еще нѣсколько крестовъ для членовъ царской семьи.

Литта сказалъ рѣчь по французски съ гасконскимъ акцентомъ очень явственно и подобающимъ случаю голосомъ, затѣмъ онъ передалъ свои вѣрительные грамоты государю, который отдалъ ихъ кн. Безбородко, и этотъ послѣдній по русски произнесъ: „Государь Императоръ съ удовольствіемъ принимаетъ званіе защитника ордена и крестъ Ла-Валетта". Послѣ этого Литта передалъ государю крестъ и сказалъ: „Это дань храбрости отъ добродѣтели". Когда посланникъ приблизился къ Павлу, чтобы надѣть на него одѣяніе, Кутайсовъ завязалъ на немъ банты. Хитрый итальянецъ нарочно далъ этому камердинеру, который въ это время былъ уже гардеробъ-мейстеромъ, возможность выдвинуться, хотя было бы естественнѣе, чтобы это дѣло при императорѣ было поручено камергеру.

Я умолчу о церемоніяхъ, имѣвшихъ мѣсто у императрицы, о посвященіи великаго князя и принца Конде, который получилъ большой крестъ и былъ сдѣланъ великимъ пріоромъ для Россіи.

Въ тотъ же день послѣ обѣда императоръ пожаловалъ большимъ крестомъ кн. Безбородко и кн. Куракина и многихъ возвелъ въ рыцарское достоинство. Такъ какъ согласно уставу ордена потомки евреевъ и магометанъ не могли получать мальтійскаго креста, то Кутайсовъ былъ возведенъ въ рыцари нѣсколько позднѣе.

Потомъ онъ получилъ большой крестъ и сдѣлался сановникомъ ордена къ стыду всѣхъ тѣхъ, кто дорожилъ благородными принципами этого установленія. Скоро орденъ совсѣмъ упалъ вслѣдствіе низости однихъ и непослѣдовательности другихъ. Я держался въ сторонѣ, я тоже могъ бы получить званіе, но для этого нужно было бы входить въ сношенія съ Литтой и его креатурами, а я былъ настолько гордъ, что не принялъ бы отъ него и тѣни одолженія.

Если вспомнить событія во Франціи, разыгравшіяся къ концу 1797 г., то не покажется удивительнымъ овладѣвшее Павломъ безпокойство, какъ бы не получили широкаго распространенія печальные принципы, которые повсюду пріобрѣтали себѣ безчисленныхъ сторонниковъ. Тщательно освѣдомленный въ этомъ направленіи своими посланниками и многочисленными коммиссарами, онъ съ особеннымъ подозрѣніемъ относился къ иностранцамъ, которые, подъ предлогомъ просвѣщенія юношества, только развращали его и вселяли въ немъ презрѣніе ко всему, что требовало послушанія, долга и выдержки. Разрушить старыя идеи и перестроить все по новому — вотъ что внушали не только учителя изъ нѣмцевъ и французовъ, но и нѣкоторые пасторы.

— Имѣете ли вы свѣжія извѣстія о переполохѣ и духѣ новшествъ вашихъ пастырей въ Лифляндіи? — спросилъ меня однажды государь.

— Нѣтъ, В. В.

— Ну такъ я долженъ сообщить вамъ, что нѣкоторые изъ этихъ господъ измѣнили даже молитву при крещеніи и стараются ввести въ церковный обиходъ много новшествъ.

— Затѣмъ онъ указалъ мнѣ не одинъ случай въ лифляндскомъ семействѣ, гдѣ пасторъ, управляющій и учитель стали говорить всѣмъ ты по принципу равенства, и приказалъ мнѣ принять этотъ случай къ свѣдѣнію.—Я буду охранять лютеранскую церковь, продолжалъ онъ съ жаромъ, но если каждому пастору придетъ въ голову вводить новшества

по своему вкусу, то придется водворить порядокъ. Понимаете?

— Вполнѣ, В. В. Но ни случайно, ни по своему служебному положенію я не получалъ подобныхъ свѣдѣній изъ этихъ провинцій. Я могу судить о дурныхъ вещахъ, которыя тамъ совершаются, только по жалобамъ, которыя въ законномъ порядкѣ подаются въ юстицъ-коллегію. Единственной мѣрой, къ которой я могъ бы прибѣгнуть, это разослать циркуляръ всѣмъ лютеранскимъ пасторамъ и строго запретить имъ всякія новшества, которыя не согласуются съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ и высочайше утвержденными каноническими правилами.

Государь одобрилъ мое предложеніе. Невозможно себѣ и представить, какой поднялся противъ меня вопль отъ Петербурга до самаго Архангельска. Приведу здѣсь два случая.

Пасторъ Вольфъ, обѣдая какъ-то съ сенаторомъ Ребиндеромъ и Кампенгаузеномъ, воскликнулъ подъ конецъ обѣда: „Великій Боже! Неужели президентъ юстицъ-коллегіи, какъ онъ ни упрямъ, чтобы не сказать хуже, можетъ разсылать намъ свои деспотическія приказанія, словно якобинцамъ, съ цѣлью насъ унизить и связать насъ старыми, отжившими формами, которыя Лютеръ только принужденъ былъ терпѣть. Но мы въ просвѣщенный вѣкъ не можемъ уже ихъ поддерживать, не дѣлаясь смѣшными въ глазахъ простыхъ рабочихъ".

Добрѣйшій Ребиндеръ, взиравшій на пастора, какъ на оракула, восиылалъ противъ меня священнымъ гнѣвомъ, а Кампенгаузенъ хладнокровно освѣдомился:

— Но развѣ циркуляръ такъ ужъ нелѣпъ?

— Мы говоримъ здѣсь между нами, возразилъ пасторъ, по формѣ и содержанію онъ привосходитъ всякое вѣроятіе.

— Президентъ, продолжалъ Кампенгаузенъ, вчера далъ мнѣ одинъ экземпляръ. Онъ со мной. Я его еще не читалъ и потому, съ вашего позволенія, я его сейчасъ вамъ прочту.

— Онъ довольно длиненъ. Прочтемъ его лучше послѣ обѣда.

Но Кампенгаузенъ вынулъ уже циркуляръ и принялся читать. Собесѣдники—ихъ было человѣкъ 7—8, были чрезвычайно удивлены, не найдя въ немъ ни проявленій деспотизма, ни абсурда. Но пасторъ разбиралъ документъ съ горечью человѣка, котораго обидили.

Я страдалъ душою и тѣломъ за эти вздорныя выходки, которыя для простоватыхъ любителей новшества могли кончиться очень печально. Они не понимали, что, выражаясь суровымъ языкомъ, я хотѣлъ подавить въ нихъ развивающуюся дерзость, но что съ другой стороны я напрягалъ всѣ силы, чтобы скрыть ихъ мятежный духъ отъ Павла, который наказалъ бы ихъ съ крайней жестокостью.

Можно представить, какъ онъ говорилъ о нихъ, давъ мнѣ однажды совершенно неожиданно приказаніе, не принимать болѣе пасторовъ изъ иностранцевъ, особенно изъ шведовъ.

— Я не хотѣлъ бы, сказалъ однажды государь, чтобы посвящались въ духовное званіе лица, которые возвращаются къ намъ изъ нѣмецкихъ университетовъ.

— Но, В. В., откуда же взять проповѣдниковъ, богословски образованныхъ. У насъ нѣтъ такихъ университетовъ.

— Можно открыть семинаріи.

— На это нужно время.

— При усердіи можно ускорить все. Я разсчитываю на васъ и поручаю вамъ выработать соотвѣтственный проектъ.

— У католиковъ, В. В., есть университеты и семинаріи въ Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, есть и средства. Но у лютеранъ и кальвинистовъ ихъ нѣтъ. Правда, безъ особенныхъ расходовъ можно было бы завести въ Митавѣ профессора богословія и расширить ревельскую гимназію.

— Дѣлайте, какъ знаете.

— Благоволите разрѣшить мнѣ затребовать отъ епископовъ и губернаторовъ прибалтійскихъ губерній нужныя свѣдѣнія отъ имени Вашего В—ва.

— Хорошо. Позволяю вамъ это и

совѣтую немножко понажать на этихъ господъ.

Вслѣдствіе этого я написалъ оффиціальное и настоятельное письмо митавскому генералъ-губернатору кн. Репнину, губернаторамъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи и разослалъ черезъ юстицъ-коллегію католическимъ епископамъ высочайшее повелѣніе.

Я потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они ясно и подробно доложили мнѣ о состояніи семинаріи при нихъ, а также свѣдѣнія относительно свѣтскаго духовенства, многіе члены котораго связаны съ воспитаніемъ юношества. Я намекнулъ, что у меня имѣются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ фондахъ, которые были назначены на семинаріи, но затѣмъ получили другое назначеніе, что государь желаетъ знать о ихъ размѣрѣ и о томъ, на что они расходуются.

Затронуть эти струны значило оскорбить святилище. Въ одинъ мѣсяцъ все прежде враждовавшее духовенство соединилось. Архіепископъ могилевскій добился разрѣшенія пріѣхать на нѣсколько недѣль въ Петербургъ подъ предлогомъ необходимости посѣтить столичныя церкви и совершить нѣкоторыя архипасторскія требы. Онъ сейчасъ же посѣтилъ меня, на другой день я отдалъ ему визитъ. Мы имѣли продолжительный разговоръ, во время котораго онъ все увиливалъ. Онъ говорилъ умѣренно и осторожно и ни разу не выдалъ своей гордыни, скрытой подъ маской смиренія. Онъ попенялъ мнѣ за высочайшій выговоръ, подъ который я его подвелъ. Но я добродушно разсказалъ ему объ этомъ фактѣ. Тотъ только поднялъ глаза къ небу: „Повиноваться безропотно государю—первый долгъ христіанина. Онъ всегда будетъ для меня священнымъ“.

Потомъ мы стали говорить о департаментѣ католическихъ дѣлъ, и архіепископъ чрезвычайно былъ удивленъ моимъ знаніемъ мелкихъ подробностей духовной дисциплины католической церкви. Самъ онъ началъ свою карьеру гусарскимъ офицеромъ и лютераниномъ. Перемѣнивъ религію и состояніе, онъ могъ набраться знаній въ этой области только самымъ поверхностнымъ образомъ, а я, воспитывавшись въ Польшѣ, пріобрѣлъ особенную склонность къ исторіи церкви и даже занимался изслѣдованіями по исторіи Тампліеровъ, Меченосцевъ и Іоаннитовъ. Кромѣ того, не мало свѣдѣній о католическомъ духовенствѣ и католическомъ правѣ римской церкви вынесъ я изъ бесѣдъ съ епископомъ лифляндскимъ.

Черезъ нѣсколько дней архіепископъ прислалъ мнѣ оффиціальную докладную записку о семинаріи, которую я передалъ въ юстицъ-коллегію, и частное письмо, въ которомъ излагалъ свои соображенія по поводу основанія семинаріи.

Съ этого времени начинается тайная интрига противъ меня, которая заставила меня удалиться изъ юстицъ-коллегіи и такимъ образомъ съ одной стороны лишила меня возможности всесторонне выяснить употребленіе назначенныхъ на семинаріи средствъ, съ другой стороны воспрепятствовала мнѣ разобраться въ разныхъ поборахъ, которые шли въ пользу монашескихъ орденовъ и епископовъ.

Здѣсь я разскажу объ одномъ случаѣ, оставившемъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе.

На Ревельскій магистратъ была подана жалоба, обвинявшая его въ растратѣ городскихъ доходовъ. Павелъ, по первому впечатлѣнію, приказалъ 3 департаменту сената поступить съ виновными членами магистрата по всей строгости законовъ.

Многіе сенаторы взглянули на этотъ указъ, какъ на уже высочайше утвержденное рѣшеніе дѣла, такъ что намъ оставалось лишь исполнить необходимыя формальности. Я былъ сильно противъ такого взгляда и утверждалъ, что государь ввѣрилъ производство этого дѣла намъ и приказалъ поступить противъ членовъ магистрата со всей строгостью въ томъ случаѣ, если они окажутся виновными. Послѣ долгихъ споровъ къ моему мнѣнію присоединился и гр. Строгановъ, это воплощеніе человѣколюбія и честности.

Того же мнѣнія оказались ф.-д. Ховенъ и Кампенгаузенъ. Послѣ долгой борьбы съ Соймоновымъ и другими мы

наконецъ взяли верхъ. Докладъ былъ составленъ такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать не только на милосердіе государя, но и на чувство справедливости. При случаѣ, когда Павелъ говорилъ со мною по поводу текущихъ дѣлъ въ сенатѣ, я рѣшился сказать ему прямо: „Завтра 3 департаментъ будетъ взывать къ милосердію и справедливости В. В.

— За кого?

— За несчастныхъ членовъ Ревельскаго магистрата, которые виноваты скорѣе по формальнымъ причинамъ, чѣмъ по существу.

— Магистратъ долженъ соблюдать формальности.

— Просимъ милосердія В. В.

Я былъ взволнованъ. Государь смотрѣлъ на меня пристально.

— Итакъ вы не признаете здѣсь злой воли?

— Нѣтъ, В. В.

— Хорошо, продолжалъ онъ удаляясь, посмотримъ.

На другой день всѣ получили прощеніе.

Не извѣстно, по какимъ причинамъ Павелъ разгнѣвался на гвардейскій конный полкъ. Командовавшій имъ гр. Паленъ исполнялъ все, что государю было угодно, но Павелъ все-таки былъ недоволенъ. Съ каждаго парада онъ посылалъ подъ арестъ нѣсколькихъ офицеровъ и наконецъ такъ разгнѣвался на самого командира, что на другой день всѣ ожидали его отставки. Но мало-по-малу буря улеглась и Паленъ самъ мнѣ говорилъ: „Я въ родѣ тѣхъ маленькихъ фигурокъ, которыя ставятъ на голову и опрокидываютъ и которыя тѣмъ не мѣнѣе становятся на ноги". Легко понять секретъ, при помощи котораго онъ держался. Онъ никогда и никого не порицалъ, но и не защищалъ тѣхъ, на кого падала клевета, храня умное, но осуждающее молчаніе, или ронялъ какую-нибудь остроту, которая казалась только забавной, а на самомъ дѣлѣ была очень опасной, такъ какъ при дворѣ насмѣшливость и напыщенность прощались труднѣе, чѣмъ настоящій порокъ, который прикрывался соблазнительной оболочкой. Такимъ образомъ онъ привязалъ къ себѣ всѣхъ, сталъ любимцемъ придворной камарильи, честнымъ людямъ казался не опаснымъ и двигался потихоньку по дорогѣ, которая должна была привести его къ высшему неограниченному довѣрію.

Однажды императоръ совершенно незаслуженно отправилъ на гауптъвахту сына Палена. Онъ надѣялся, что отецъ будетъ просить за него или выкажетъ по этому поводу раздраженіе. Но ничуть не бывало. Паленъ рапортовалъ спокойно и весело.

— Я сердитъ на вашего сына,— сказалъ ему Павелъ.—Онъ виноватъ.

—Наказавъ его, В. В. совершили актъ справедливости, который научилъ молодого человѣка быть осмотрительнѣе.

Павелъ при его страшномъ стремленіи къ справедливости былъ въ восторгѣ отъ такого отвѣта. Онъ уже думалъ, что поступилъ съ молодымъ человѣкомъ несправедливо.

Какъ сильно было въ государѣ желаніе поступать съ каждымъ по справедливости, показываетъ слѣдующій случай. Однажды утромъ—это было, кажется, 10 ноября, меня будятъ въ 6 часовъ и передаютъ собственноручное письмо государя. Я вообразилъ, что дѣло очень важное, поспѣшно распечаталъ, посмотрѣлъ на подпись: „Павелъ". Вотъ что гласило письмо: „Господинъ тайный совѣтникъ. Посылаю вамъ нѣсколько бумагъ по жалобѣ бригадира Подлацкаго на маіора Гермейера и объясненіе послѣдняго. Поручаю вамъ разобрать ихъ взаимныя обвиненія и постановить рѣшеніе по закону. Благосклонный къ вамъ Павелъ."

Дѣло оказалось не важнымъ, но запутаннымъ. Я скоро разрѣшилъ его и когда доложилъ о немъ непосредственно государю, онъ казался очень довольнымъ. Не могу понять, почему Е. В. заинтересовался этими двумя никому неизвѣстными лицами. Но этотъ случай доказываетъ, съ какимъ усердіемъ Павелъ старался водворить законность.

Во время разговора по поводу рѣшенія этого дѣла, государь замѣтилъ, что я пристально посмотрѣлъ на

крестъ Ла-Валетта который онъ носилъ на груди на золотой цѣпи. „Что это вы разсматриваете такъ внимательно?“ „Знаменитый крестъ Ла-Валетта.

Зная, что я близорукъ, государь милостиво далъ крестъ мнѣ въ руки, чтобы я могъ хорошенько его разсмотрѣть. Вѣроятно, онъ бросилъ при этомъ взглядъ на мой орденъ Станислава. Затѣмъ онъ удостоилъ меня разговоромъ еще нѣсколько минутъ, а потомъ обратился къ другому.

Когда я на другой день явился въ коллегію, генералъ-прокуроръ прислалъ за мной секретаря капитула ордена св. Анны, говоря, что имѣетъ мнѣ кое-что сообщить по порученію государя. Я отправился въ сенатъ, тамъ сенаторъ ф. д. Ховенъ сказалъ мнѣ, что генералъ-прокуроръ просилъ явиться и его. Это приглашеніе насъ обоихъ, переданное черезъ секретаря капитула орденовъ, не оставляло въ насъ сомнѣніе, что государь желаетъ перемѣнить наши польскіе ордена на русскіе.

Это подтвердилъ и генералъ-прокуроръ, когда мы явились къ нему.

— Е. В. повелѣлъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы сегодня ровно въ 5 часовъ были въ императорскихъ покояхъ, гдѣ государь намѣренъ пожаловать вамъ Аннинскую ленту.

— Позвольте князь, начать нашу благодарность съ васъ.

— Вы ничѣмъ не обязаны мнѣ. Я даже не говорилъ объ этомъ съ государемъ. Е. В. изволилъ сегодня утромъ спрашивать меня, какъ это могло случиться, что у васъ нѣтъ русскаго ордена, и прибавилъ: „Я ихъ сегодня же пожалую“. Такъ какъ баронъ ф.-д. Ховенъ находится въ томъ же положеніи, то я воспользовался этимъ случаемъ, и государь пожалуетъ васъ обоихъ.

Въ 5 часовъ мы были уже на мѣстѣ. Здѣсь мы нашли церемоніймейстера гр. Валуева и еще нѣсколько лицъ. Императоръ вышелъ сейчасъ же и подошелъ прямо къ намъ. Не говоря ни слова, онъ надѣлъ свою шляпу и обнажилъ шпагу. Оберцеремоніймейстеръ, державшій на золотомъ подносѣ два ордена, громко крикнулъ ф.-д. Ховену, который какъ старшій стоялъ отъ меня по правую руку: „на колѣни“. Императоръ трижды ударилъ его по плечу и возложилъ на него ленту, говоря: „Примите знаки этого ордена какъ доказательство моего благоволенія“. Затѣмъ онъ поднялъ его и обнялъ. Преклонилъ колѣна и я. „Это старый долгъ, сказалъ императоръ, который я уплачиваю съ удовольствіемъ. Примите знаки моего благоволенія и моего удовольствія, которыя внушила мнѣ ваша усердная служба“.

Мы принесли государю благодарность, который удаляясь добавилъ: „Надѣюсь встрѣтить васъ вечеромъ на балѣ“.

Мы, конечно, не преминули явиться вечеромъ во дворецъ. Зависть и тщеславіе довольно ясно давали себя знать, не смотря на холодныя поздравленія, которыя намъ дѣлались по необходимости. У многихъ сенаторовъ этихъ орденовъ еще не было. Поднялся ропотъ, но потихоньку, чтобы какъ-нибудь не услышалъ Павелъ, который заставилъ бы замолчать недовольныхъ. Тѣмъ не менѣе ненависть была. Скоро нашелся для нея и поводъ обнаружиться.

Процессъ старѣйшинъ реформатской церкви разбирался въ 3 департаментѣ сената. Почти единогласно было рѣшено на основаніи словъ указа 1778 г. утвердить рѣшеніе юстицъ-коллегіи, чтобы спасти Головкина, Мансбенделя и Фюрса отъ строгаго наказанія. Только Соймоновъ и Стрекаловъ поддерживали мнѣніе, что слѣдуетъ оправдать старѣйшинъ и пастора Мансбенделя по обвиненію въ оскорбленіи коллегіи и кассировать все дѣло въ виду формальныхъ нарушеній, допущенныхъ при производствѣ процесса. Несправедливость и партійность такого мнѣнія слишкомъ били въ глаза и другіе сенаторы не могли присоединится къ нему. Они полагали, что юстицъ-коллегія, задѣтая такимъ рѣшеніемъ, должна апеллировать къ общему собранію сената, что я долженъ жаловаться непосредственно императору и обратить его вниманіе на

докладную записку и содержащіяся въ ней нападки на законную власть и что члены 3 департамента, которые открыто поддерживаютъ ихъ, должны быть устранены отъ должности.

Я, конечно, не присутствовалъ на засѣданіяхъ департамента, когда разбиралось это дѣло. Но я зналъ о всѣхъ подробностяхъ, о которыхъ былъ освѣдомленъ и государь.

— Я знаю, сказалъ онъ однажды, что въ 3 департаментѣ идутъ горячіе дебаты. Но о чемъ?

— В. В., вопросы обсуждаются самымъ тщательнымъ образомъ прежде, чѣмъ рѣшаются.

— По какому дѣлу возгорѣлись эти пренія?

— По дѣлу старѣйшинъ реформатской церкви.

— Я, кажется, имѣю честь быть съ ними знакомымъ? Какъ ихъ зовутъ?

— Графъ Головкинъ и купецъ Фюрсъ.

Я нарочно назвалъ графа Головкина тихо и поднялъ голосъ на словахъ: купецъ Фюрсъ. Императоръ заставилъ меня повторить и воскликнулъ: „А, графъ Головкинъ. Онъ хочетъ играть роль главы реформатской церкви“.

— В. В., позвольте мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе, онъ какъ старѣйшина этой церкви полагалъ, что защищаетъ ея права. Но юстицъ-коллегія уже отказала ему, онъ уже поплатился за свое заблужденіе. По всей вѣроятности и сенатъ утвердитъ это рѣшеніе.

— Но вы рискуете навлечь на себя неудовольствіе польскаго короля, который съ ними очень друженъ.

— В. В., я вовсе не забочусь о неудовольствіи противъ меня польскаго короля.

— Какъ такъ?

— Такъ какъ я никогда не пойду больше къ его польскому величеству.

— Хорошо сдѣлаете. Тамъ образовался кружокъ ничего не дѣлающихъ тунеядцевъ, которые забавляются тѣмъ, что все критикуютъ и анализируютъ. Я не хочу, чтобы польскій король забывалъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ.

Эти слова императоръ произнесъ очень громко, такъ что они были слышны не только Нарышкину, слышавшему весь разговоръ, но и многимъ другимъ. Я молчалъ.

— Графъ Головкинъ, продолжалъ императоръ, тамъ тоже ораторствуетъ. Я знаю все и хотѣлъ бы, чтобы и король польскій зналъ объ этомъ.

Черты его лица оживились. Я старался сохранять спокойное выраженіе. Но, чувствуя приближеніе бури, я страдалъ невыносимо.

Государь сказалъ еще нѣсколько словъ о королѣ польскомъ и уходя промолвилъ, какъ бы въ раздумьи: „А, гр. Головкинъ“!

Послѣ ужина Нарышкинъ замѣтилъ мнѣ мимоходомъ: „Я видѣлъ, какъ вы страдали при сегодняшнемъ объясненіи. Мужество, съ которымъ вы старались выгородить человѣка дѣлаетъ вамъ честь“.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, что государь ошибается и говоритъ о церемоніймейстерѣ гр. Головкинѣ, тогда какъ дѣло идетъ о братѣ его Петрѣ.

На слѣдующій день въ субботу я вышелъ изъ дому, чтобы присутствовать на засѣданіи законодательной комиссіи. Когда же я въ воскресенье явился ко двору, генералъ-губернаторъ гр. Буксгевденъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ:

—Знаете ли вы, что случилось съ Головкинымъ?

— Нѣтъ.

— Императоръ сослалъ его въ его помѣстье за то, что онъ пошелъ противъ юстицъ-коллегіи, которой онъ подчиненъ въ качествѣ старѣйшины реформатской церкви.

Буксгевденъ замѣтилъ мое горестное изумленіе.

— Досадно, что государь мотивировалъ свое рѣшеніе, и теперь при дворѣ говорятъ, что этого удовлетворенія потребовали вы, чтобы отомстить Головкину за его пренебреженіе къ вашей коллегіи.

Я былъ въ большомъ горѣ и, разсказавъ графу, какъ было дѣло, и обязавъ его словомъ распространять мои слова далѣе, я тотчасъ же уѣхалъ изъ дому. Съ такою же просьбой об-

ращался и къ графу Вельегорскому.

Цѣлую недѣлю я не являлся ко двору, разсчитывая, что императрицѣ и великимъ князьямъ удастся добиться прощенія Головкина. Но скоро стало извѣстно, что императоръ отказывалъ наотрѣзъ всѣмъ, кто съ нимъ объ этомъ говорилъ. Я разсказалъ всѣ подробности фрейленѣ Нелидовой и представилъ ей краткую памятную записку по поводу этого дѣла. Но онъ сказала.

— Я не сомнѣваюсь, что вы и ваша коллегія въ сущности правы. Но при дворѣ судятъ по внѣшности, и эта исторія подняла противъ васъ большой шумъ.

Нѣсколько позднѣе, до меня дошло, что императрица говорила объ этомъ дѣлѣ, какъ о несправедливости со стороны коллегіи. Я приказалъ изготовить для нея копію докладной записки на нѣмецкомъ языкѣ, подписанной графомъ Головкинымъ. Не знаю, хватило ли у нея терпѣнія прочитать ее, но меня увѣряли, будто она нашла, что Головкинъ не уменъ, а я слишкомъ строгъ. Но почему же только я одинъ, а не все судебное мѣсто, въ которомъ я имѣю только одинъ голосъ.

Выходка императора быстро заставила Соймонова и Стрекалова перемѣнить ихъ мнѣніе, и приговоръ коллегіи былъ единогласно утвержденъ въ сенатѣ.

Наконецъ я рѣшился снова появиться при дворѣ Но государь уже не разговаривалъ со мною объ этомъ дѣлѣ и это помѣшало мнѣ просить прощенія для Головкина. Такъ какъ не позволялось говорить съ государемъ о чемъ-нибудь, пока онъ самъ объ этомъ не заговоритъ, то я и лишился удовлетворенія, которое такъ сладко было бы для моего сердца и поразило бы моихъ клеветниковъ.

Какъ я потомъ узналъ, государь еще утромъ, послѣ моего разговора съ генералъ-губернаторомъ, потребовалъ отъ него объясненія. Не смотря на все желаніе смягчить дѣло, Буксгевденъ не рѣшился просить государя за Головкина. Въ указѣ значилось, что государь наложилъ на него наказаніе по докладѣ дѣла генералъ-прокуроромъ. Въ разговорѣ со мною Е. В. постоянно имѣлъ въ виду другого Головкина церемоніймейстера. Чтобы выяснить себѣ, о комъ идетъ дѣло, онъ, конечно, долженъ былъ говорить съ генералъ-прокуроромъ, которому и былъ посланъ указъ о ссылки Головкина.

Генералъ-губернаторъ остзейскихъ губерній прислалъ мнѣ нужныя свѣдѣнія о гимназіяхъ и школахъ, и проектъ семинаріи для лютеранъ былъ почти готовъ. Неисправными оказались только епископы Каменецкій и Виленскій, а князь Репнинъ писалъ мнѣ, прося его извинить. Пришлось отвѣчать князю, который въ свою очередь писалъ мнѣ, что онъ намѣренъ пріѣхать самъ въ Петербургъ.

Какъ только князь прибылъ, сейчасъ прицѣпился къ нему архіепископъ могилевскій, имѣвшій въ виду устранить меня изъ департамента католическихъ дѣлъ и самому сѣсть туда. Государю старались внушить, что его планъ основанія лютеранской семинаріи очень далекъ отъ исполненія, такъ какъ департаментъ ничего не смыслитъ въ этомъ дѣлѣ и исполненіе его должно быть поручено духовенству. Эти нашептыванія стали понемногу оказывать свое дѣйствіе, и государь однажды спросилъ меня.

— Готовъ уже проектъ семинаріи?

— Готовъ, В. В., въ той части, которая касается лютеранъ и членовъ реформатской церкви, и даже переписанъ начисто. Но католическіе епископы еще не прислали мнѣ нужныхъ подробныхъ свѣдѣній.

— Все идетъ черезъ-чуръ медленно.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня и больше со мной въ этотъ вечеръ не говорилъ.

На другой день подошелъ ко мнѣ въ сенатѣ генералъ-прокуроръ и сказалъ: „Государь хочетъ освободить васъ отъ непріятной обязанности“.

— Отъ юстицъ-коллегіи?—спросилъ я съ радостью.

— Не отъ всей коллегіи, но отъ департамента католическихъ дѣлъ.

— Я чрезвычайно радъ, князь... Столкновенія безъ конца, постоянные доносы и все это ни къ чему, ибо ни пользы, ни чести я не получаю. Мое положеніе сенатора выше, чѣмъ поло-

женіе предсѣдателя коллегіи, а я не пользуюсь ни добавочнымъ содержаніемъ, ни столовыми деньгами, какъ другіе предсѣдатели.

Въ указѣ о моемъ увольненіи было сказано: Католическій департаментъ будетъ находиться подъ управленіемъ архіепископа могилевскаго, а юстицъ-коллегія остается на прежнихъ основаніяхъ. Такъ какъ подобная перемѣна была, очевидно, слѣдствіемъ интриги, то я сильно опасался, что все это плохо отзовется на лицахъ, которыхъ я опредѣлилъ въ католическій департаментъ. Съ этого времени составъ его сталъ смѣшаннымъ. Съ одной стороны архіепископъ и трое духовныхъ, съ другой—вице-президентъ и трое свѣтскихъ членовъ. Съ перваго же засѣданія обнаружился расколъ между обѣими партіями.

Внезапно скончался отъ удара король польскій и императоръ приказалъ похоронить его со всѣми почестями, подобающими коронованному лицу. Страстно любя всякія церемоніи, онъ приказалъ архіепископу служить со всею пышностью, которая допускается по обрядамъ католическаго вѣроисповѣданія. Систченцевичъ, хотя втайнѣ и былъ враждебенъ апостолическому нунцію Литтѣ, тѣмъ не менѣе, вступилъ съ нимъ въ соглашеніе съ цѣлью устроить погребеніе, какъ можно величественнѣе. Тѣло Станислава-Августа восемь дней покоилось на катафалкѣ въ Мраморномъ дворцѣ подъ балдахиномъ. Кругомъ были расположены знаки его королевскаго достоинства. Лица пяти первыхъ классовъ должны были дежурить при гробѣ и смѣнять другъ друга. Я чувствовалъ себя нехорошо и былъ освобожденъ отъ этой тяжелой обязанности. Въ день погребенія архіепископъ облачился въ дорогія ризы и надѣлъ митру, на которой красовался шифръ Павла I. Эта лесть произвела большое дѣйствіе, и съ этого момента императоръ не зналъ, чѣмъ только выразить ему свое удовольствіе. Онъ пожаловалъ ему андреевскую звѣзду и самымъ явнымъ образомъ отличалъ его при дворѣ.

Вскорѣ умеръ и отецъ императрицы герцогъ Виртембергскій. Императоръ, конечно, не преминулъ устроить и ему торжественныя похороны. Архіепископу вторично представился случай блеснуть, и съ этихъ похоронъ чувства государя стала раздѣлять и императрица.

Не смотря на лицемѣріе, заносчивость архіепископа сильно давала себя знать свѣтскимъ членамъ департамента. Но относительно меня онъ соблюдалъ величайшую осторожность.

Освобожденный отъ обязанностей по католическому департаменту, я тѣмъ усерднѣе принялся за исполненіе другихъ своихъ обязанностей, въ особенности же за составленіе свода гражданскихъ законовъ. Первая часть, въ которой вводился одинаковый процессъ для всей Имперіи, была уже готова. Но государь, замѣтивъ неудовлетворительность русскихъ уголовныхъ законовъ, приказалъ комиссіи безотлагательно заняться уголовнымъ правомъ. Такое распоряженіе было вызвано слѣдующимъ случаемъ.

Нѣсколько поляковъ были отправлены въ крѣпость по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Императоръ приказалъ разобрать это дѣло до самыхъ мелкихъ подробностей въ полномъ собраніи сената. Я не зналъ именъ обвиняемыхъ и у меня замирало отъ страха сердце, какъ бы не встрѣтить среди нихъ кого-нибудь изъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Въ Польшѣ революціонная суматоха свирѣпствовала не меньше, чѣмъ въ Парижѣ.

Однимъ изъ обвиняемыхъ былъ ксендзъ Домбровскій, братъ генерала Домбровскаго, командовавшаго во Франціи польскимъ легіономъ. Я зналъ его еще маіоромъ саксонской службы. Но съ братомъ его, ксендзомъ, я не былъ знакомъ. Такъ какъ я не могъ освободиться отъ суда по причинѣ моего знакомства съ однимъ изъ обвиняемыхъ, то я рѣшился держаться во время этого процесса подальше отъ сената. Но такъ какъ этого не было, то я надѣялся оказать имъ всѣ услуги, которыя совмѣстимы съ присягой и моей должностью.

Въ сессіи участвовало семьдесятъ сенаторовъ и почти всѣ склонялись къ тому, что поляки не виновны. Но ихъ письмо къ французскому правительству Директоріи, отъ котораго они не отрекались, и клятва ввести съ помощью Франціи республиканское устройство въ Польшѣ, въ которой они сознались, дѣлали ихъ спасеніе почти невозможнымъ. Письмо это составлялъ Домбровскій, который былъ

главою этого тайнаго общества. Центральнымъ мѣстомъ, отъ котораго шли нити съ одной стороны въ Литву, а съ другой черезъ Варшаву во Францію, былъ Львовъ. Правительства Австріи, Россіи и Пруссіи были вполнѣ освѣдомлены о всемъ, что творилось. Но они пока не вмѣшивались, имѣя въ виду раскрыть весь этотъ планъ и запастись сильными для закона доказательствами заговора. Имѣлось даже письмо Барса *), который былъ въ Парижѣ агентомъ польской республиканской партіи. Доказательствъ было даже слишкомъ много. Всѣ обвиняемые лично присягали императору. По буквѣ закона всѣ они были приговорены къ лишенію дворянства, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь.

Между тѣмъ сенатъ представилъ государю докладъ въ 24 листа, гдѣ было указано на старость одного, молодость другого, ограниченность третьяго и т. п. Всѣ указанія должны были возбудить милосердіе монарха, такъ какъ служителя закона, покорные его буквѣ, были призваны только къ тому, чтобы установить преступный фактъ и приложить къ нему законъ.

Приговоръ былъ поднесенъ государю утромъ, а вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я очень недоволенъ вами и другими сенаторами.

— Чѣмъ заслужили мы это несчастіе, Ваше Величество?

— Какъ же вы не соразмѣрили наказаніе и постановили одинаковый для всѣхъ приговоръ!

— Позволяю себѣ доложить Вашему Величеству, что это вина русскихъ законовъ, а не судей, которые, видя жестокость и недостаточность этихъ законовъ, могутъ только вздыхать. Но въ силу своей присяги они обязаны только прилагать ихъ къ преступнику. Иначе судьи сдѣлались бы законодателями. Ваше Величество изволили уже замѣтить, что государственные законы нуждаются въ болѣе точной редакціи и повелѣли намъ заняться этимъ дѣломъ.

— Какъ же идетъ ваша работа?

— Первая часть законовъ гражданскихъ уже готова.

— Займитесь тогда и уголовнымъ правомъ и установите градацію, соразмѣрную съ преступленіемъ и карой.

Такова была жалостливость Павла, если его не раздражали и не сердили. Онъ измѣнилъ строгій приговоръ сената. Старика онъ сослалъ на родину въ Литву безъ всякаго наказанія. Другіе же отдѣлались только страхомъ. Ихъ ввели на эшафотъ и здѣсь объявили помилованіе, т. е. они были избавлены отъ наказанія кнутомъ, а ихъ ссылка длилась очень короткое время, благодаря смерти Павла и милости Александра, который всѣхъ ихъ вернулъ въ ихъ отечество.

ГЛАВА III.

Въ ожиданіи паденія.

Точность въ отношеніи годовъ я предоставляю хронологическимъ таблицамъ. Я далекъ отъ этой точности и буду говорить о вторичной поѣздкѣ Павла въ Москву, какъ объ эпохѣ, когда управленіе получило совершенно другой отпечатокъ. Эта именно эпоха и была источникомъ всякій нездоровыхъ событій, среди которыхъ вращался этотъ несчастный государь.

Со времени его возвращенія изъ Москвы, его перемѣнчивое и капризное настроеніе давало себя чувствовать все больше и больше. Имъ овладѣло постоянное безпокойство и замѣтно было, что онъ борется съ самимъ собою. Его религіозныя убѣжденія стали, мало-по-малу, не такъ крѣпки, его приверженность къ императрицѣ превратилась въ отчужденіе отъ нея, его симпатія къ фрейлинѣ Нелидовой смѣнилась сперва равнодушіемъ, а позднѣе и открытой враждебностью. Довѣріе его къ Куракину и Буксгевдену внезапно исчезло и уступило мѣсто подозрительности и преслѣдованіямъ. Графъ Воронцовъ, графъ Вельегорскій, я и нѣкоторые другіе, которые представлялись ему партіей императрицы, мы всѣ, одинъ за другимъ, были уволены и даже сосланы. Императоръ, всецѣло попавшій подъ власть своихъ страстей, не чувствуя никакой узды, которая могла бы помѣшать или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ

*) Этотъ Барсъ былъ адвокатомъ въ Варшавѣ по курляндскимъ дѣламъ. Онъ былъ человѣкъ умный, но честолюбіе вскружило ему голову и онъ сталъ играть нѣкоторую роль въ политикѣ со времени рѣзни нашихъ войскъ въ Варшавѣ, въ апрѣлѣ 1794 г.

взрывы, предался излишествамъ, до сихъ поръ не слыханнымъ.

Такъ какъ всѣ эти факты явились результатомъ внезапной и рѣзкой перемѣны идей и привычекъ императора, то будетъ совершенно естественно попробовать доискаться загадочныхъ причинъ этой перемѣны. Я думаю, что я могу это сдѣлать благодаря тому положенію, которое я занималъ, и связямъ, о которыхъ я говорилъ въ предшествующей главѣ.

При всякомъ дворѣ водится классъ людей, безнравственность которыхъ столь же велика, какъ и опасна. Такіе низкіе люди питаютъ непреодолимую ненависть ко всякому, кто думаетъ иначе, чѣмъ они. Представленіе о добродѣтели имъ совершенно чуждо, такъ какъ оно, между прочимъ, связано съ уваженіемъ къ законамъ, то всѣ они соединяются въ одну шайку противъ всякаго честнаго и истинно просвѣщеннаго человѣка, который нерѣдко ограничивается тѣмъ, что презираетъ ихъ, забывая, что иногда онъ долженъ и бояться ихъ.

Стремясь къ богатству, эти злые люди пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства, чтобы добиться его. При этомъ высокое положеніе даетъ имъ больше средствъ для этого, обезпечивая имъ безнаказанность. Къ должностямъ они стремятся исключительно ради выгодъ, о чемъ люди порядочные, конечно, не думаютъ. Сильные своей злобой, они принимаютъ свою хитрость за умъ, безумную смѣлость преступника за храбрость, а презрѣніе ко всему за знакъ своего духовнаго превосходства. Опираясь на такія мнимыя достоинства, они, не смотря на свое ничтожество, стремятся со своимъ мѣднымъ лбомъ къ почестямъ, которыя должны бы выпадать на долю только лицъ, дѣйствительно оказавшихъ услуги отечеству.

И въ Петербургѣ оказалось нѣсколько лицъ такого закала. Не уважая другъ друга, они тѣмъ не менѣе сблизились между собою, и принялись работать надъ удаленіемъ тѣхъ, кѣмъ они тяготились.

Орудіемъ ихъ интригъ всегда бывали глупцы, которыми интриганы пользовались ловко и успѣшно. Чтобы привлечь ихъ на свою сторону, они превыше мѣры стали возносить ихъ честность и въ то время, какъ дѣйствительно честные люди гнушались ихъ общества, глупцы чувствовали себя польщенными ими.

Такимъ образомъ Кутайсовъ вдругъ превратился въ образецъ преданности. Приводились примѣры его безкорыстія; ему приписывалась необыкновенная тонкость ума. Выражали притворное удивленіе, что императоръ не сдѣлаетъ такого человѣка своимъ любимцемъ. Мало-помалу и самъ Кутайсовъ увѣровалъ, что его друзья правы, а затѣмъ далъ имъ понять, что его недолюбливаютъ и противятся его возвышенію императрица и фрейлина Нелидова. Этого только и нужно было. Его стали подзадоривать еще болѣе и дали ему понять, что отъ него самого зависитъ забрать императора въ руки, пріискавъ ему какую-нибудь особенно эффектную любовницу, которой онъ могъ бы предварительно поставить свои условія. Вспомнили о дѣвицѣ Лопухиной и описали Кутайсову бывшій въ Москвѣ случай. Тотъ обѣщалъ сдѣлать все. Когда же ему нашептали, что и князь Безбородко также хотѣлъ бы освободить государя отъ опеки, которую наложили на него императрица, фрейлина Нелидова и братья Куракины, онъ принялъ окончательное рѣшеніе и примкнулъ къ заговору, не предвидя, конечно, его результата.

Москва принимала государя съ воодушевленіемъ. Такъ какъ сердце его отъ природы отличалось мягкостью, то проявленіе преданности и любви тронули его сильно.

Въ радостномъ волненіи государь какъ-то сказалъ вечеромъ Кутайсову:

— Какъ раскрылось сегодня мое сердце! Народъ въ Москвѣ любитъ меня гораздо больше, чѣмъ петербуржцы. Мнѣ кажется, что въ Петербургѣ меня больше боятся, чѣмъ любятъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго.

— Какъ такъ?

— Не смѣю высказаться яснѣе.

— Приказываю.

— Обѣщайте мнѣ, Ваше Величество, не передавать этого ни императрицѣ, ни фрейлинѣ Нелидовой.

— Обѣщаю.

Ваше Величество, это зависитъ отъ того, что здѣсь васъ видятъ въ настоящемъ свѣтѣ, добрымъ, великодушнымъ,

чувствительнымъ. А въ Петербургѣ при каждой вашей милости говорятъ: «это сдѣлала императрица», или «это Нелидова», или Куракины. Когда дѣлается добро, то дѣлаютъ его они, а когда нужно наказать, то это вы.

— Но... ты, пожалуй, правъ... Говорятъ, кажется, что обѣ эти женщины держатъ меня въ рукахъ?

— Да, Ваше Величество.

— Ага, тогда я вамъ покажу, можно ли меня держать въ рукахъ.

Съ этими словами онъ въ гнѣвѣ приближается къ столу и хочетъ что-то писать. Кутайсовъ бросается передъ нимъ на колѣни и заставляетъ его употребить съ обѣими женщинами притворство.

На слѣдующій день государь былъ на балу, гдѣ за нимъ неотступно слѣдовала Лопухина. Она не спускала съ него глазъ. Императоръ обращался ко всѣмъ, кто находился около него какъ будто случайно. Но на самомъ же дѣлѣ окружившіе государя всѣ принадлежали къ той же кликѣ. «Ваше Величество, твердили со всѣхъ сторонъ, она потеряла отъ васъ голову». Государь замѣтилъ, что она совсѣмъ еще ребенокъ. «Скоро ей будетъ шестнадцать лѣтъ», — поторопились доложить ему.

Вдругъ Павелъ приближается къ ней и вступаетъ съ нею въ разговоръ. Онъ находитъ ее забавной и наивной. Потомъ онъ говоритъ о ней съ Кутайсовымъ, а этотъ устраиваетъ все дѣло съ мачехой Лопухиной. Они условились держать все дѣло въ глубочайшей тайнѣ и скрывали они отъ ея отца всѣ условія этого тайнаго договора, который можно было привести въ исполненіе только въ Петербургѣ. Нужно было вызвать туда отца и всю семью Лопухиныхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Павелъ, хотя и скрывалъ свои тайные планы и даже осыпалъ подарками завѣдомыхъ креатуръ императрицы, тѣмъ не менѣе нѣсколько сорвавшихся у него словъ обнаружили, что противъ Куракиныхъ и императрицы существуетъ цѣлый заговоръ. Люди злые часто бываютъ нескромны и это, можетъ быть, благодѣяніе природы, которая надѣлила звонками самыхъ опасныхъ змѣй.

Скоро интрига съ Лопухиной вышла наружу, но всѣ притворялись, что ничего не знаютъ. Меня поразило обращеніе государя съ супругой и фрейлиной Нелидовой, котораго онъ не скрывалъ. Я освѣдомился объ этомъ у одного лица, близко знающаго придворную жизнь, и получилъ отвѣтъ: «Это легкія облачка; дуются, но это скоро пройдетъ».

Больше всего меня поразило, что креатуры Безбородко стали подымать голосъ, стали постоянно получать отличія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генералъ-прокурора. Его касса для дворянъ, дѣйствительно, была задумана неловко. Я рѣшился указать ему на недостатки ея организаціи, еще въ то время, когда все говорили о ней съ воодушевленіемъ. А теперь я рѣшился защищать его, такъ какъ злые языки приприписывали ему низкіе разсчеты личной выгоды.

Подземные кроты чувствовали, что ихъ коалиція только тогда можетъ привести ихъ къ достиженію конечной цѣли, когда имъ удастся овладѣть постомъ генералъ-прокурора и с.-петербургскаго генералъ-губернатора. Поэтому они повели подкопъ прежде всего подъ князя Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсовъ привлекъ къ заговору еще Палена и, зная всѣхъ тайныхъ шпіоновъ императора, умѣлъ ловко пользоваться ихъ услугами, чтобы повидимому совершенно естественнымъ образомъ при случаѣ расхваливать того человѣка, котораго нужно было помѣстить куда слѣдуетъ.

— Странно,— сказалъ однажды въ тѣсномъ кружкѣ Павелъ,—ни о комъ и никогда не слыхалъ я столько хорошаго, какъ о Паленѣ. Я былъ о немъ плохого мнѣнія, а теперь долженъ загладить эту несправедливость.

Подъ вліяніемъ такой мысли Павелъ сталъ обращаться съ Паленомъ все лучше и лучше. Мало-по-малу льстивый, но какъ будто прямодушный языкъ Палена настолько очаровалъ Павла, что онъ сталъ считать его единственнымъ человѣкомъ, пригоднымъ на должности, гдѣ требовался вѣрный глазъ, живое усердіе и безусловное послушаніе.

Какъ ни старались заговорщики скрыть свой планъ перемѣнить всѣхъ окружающихъ императора лицъ, но при множествѣ заинтересованныхъ въ немъ лицъ утаить его не было возможности, осо-

бенно отъ самого Лопухина, который былъ въ Москвѣ сенаторомъ. Внезапно получилъ онъ приказаніе прибыть въ Петербургъ, и это обстоятельство указывало на близкое развитіе событій огромной важности.

Однажды государь обошелся съ вице-канцлеромъ кн. Куракинымъ такъ дурно, что тотъ даже заболѣлъ. Императрица хотѣла было замолвить за него словечко, но Павелъ внезапно обрушился на нее. Гроза прошла, но неловкость императрицы ускорила развязку. Когда до ея свѣдѣнія дошло о прибытіи Лопухиной и ея мачехи, она крайне неосмотрительно написала имъ угрожающее письмо, разсчитывая тѣмъ помѣшать осуществленію ихъ замысловъ.

Письмо это было доставлено однимъ изъ заговорщиковъ императору, который впалъ въ гнѣвъ, котораго и описать нельзя. Онъ наговорилъ императрицѣ невѣроятныхъ вещей. Съ фрейлиной Нелидовой, которая пыталась ее защитить, онъ обошелся безъ всякаго сожалѣнія.

22 іюля дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ это былъ день тезоименитства императрицы, то мнѣ пришлось отправиться съ поздравленіемъ. Императоръ явно сердился на свою супругу и давалъ каждому почувствовать свое дурное расположеніе духа. Со мною онъ держалъ себя холодно и не промолвилъ ни одного слова. Фрейлина Нелидова казалась въ глубокомъ горѣ, которое она напрасно старалась скрыть. Балъ походилъ на похороны, и каждый предсказывалъ новую вспышку.

На слѣдующій день Павелъ уѣхалъ въ Гатчину и былъ тамъ до 24-го, когда вдругъ стали доноситься изъ Петербурга выстрѣлы изъ пушекъ. Такъ какъ войскамъ было запрещено производить ученіе послѣ обѣда, то государь спросилъ великаго князя Александра: «Что значитъ эта канонада?»

— Это, вѣроятно, какой-нибудь корабль, который салютуетъ крѣпости.

Скоро выстрѣлы стали явственнѣе.

Внѣ себя императоръ посылаетъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы узнать отъ гр. Буксгевдена о причинахъ непонятной канонады. Едва адъютантъ отправился въ путь, какъ Павелъ отправилъ второго съ приказаніемъ Буксгевдену безотлагательно явиться въ Гатчину.

Было 7 часовъ вечера. Только ночью добрался первый посланникъ до Петербурга. Буксгевденъ отвѣчалъ, что это артиллерійскій генералъ пробовалъ съ его разрѣшенія нѣкоторыя орудія. Онъ не могъ отказать въ своемъ разрѣшеніи, такъ какъ въ прошломъ году государь самъ сдѣлалъ исключеніе для артиллеріи и это разрѣшеніе продолжаетъ оставаться неотмѣненнымъ.

Этотъ отвѣтъ былъ доложенъ Павлу въ 5 часовъ утра, такъ какъ онъ приказалъ, чтобы ему сообщили его немедленно, въ которомъ бы часу то ни было. Хотя онъ скоро забылъ о причинахъ своей тревоги, тѣмъ не менѣе дурное настроеніе продолжалось.

На слѣдующее утро въ числѣ другихъ генераловъ явился съ докладомъ и Паленъ. Императоръ велѣлъ позвать къ себѣ Буксгевдена и лишь только тотъ вошелъ, какъ Павелъ осыпалъ его упреками за то, что онъ дозволилъ то, что имъ было запрещено. Буксгевденъ сослался на неотмѣненный прошлогодній приказъ.

— Все это отговорки для того, чтобы прикрыть вашу нерадивость, я теперь это хорошо вижу,—сказалъ на это Павелъ.—Вы больше не с.-петербургскій генералъ-губернаторъ. Можете идти.

Сейчасъ же былъ приглашенъ Паленъ.

— Я ввѣряю вамъ постъ генералъ-губернатора. Садитесь сейчасъ же въ экипажъ и отправляйтесь къ Буксгевдену, чтобы принять отъ него дѣла.

Паленъ нашелъ вѣдомство въ полномъ порядкѣ и, какъ говорятъ, докладывая Павлу, онъ счелъ необходимымъ воздать Буксгевдену должное. Буксгевденъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Я предвидѣлъ этотъ ударъ недѣли три тому назадъ и каждую минуту ждалъ его. Исторія съ канонадой была только предлогомъ.

Такимъ образомъ важнѣйшая послѣ генералъ-прокурора должность была теперь въ рукахъ заговорщиковъ и съ этого момента начинаются одна за другой внезапныя перемѣны.

Наконецъ, явился Лопухинъ, но одинъ. Императоръ сначала хотѣлъ назначить его генералъ-прокуроромъ, но тотъ настойчиво просилъ уволить его отъ этого. Тог-

да Павелъ предложилъ этотъ постъ барону Васильеву, но тотъ наотрѣзъ отказался, такъ какъ, занимая весьма отвѣтственное мѣсто по государственному казначейству, не хотѣлъ увеличивать свою отвѣтственность.

Постоянно раздражаемый противъ князя Алексѣя Куракина, Павелъ въ концѣ концовъ приказалъ Лопухину занять его мѣсто безъ отговорокъ, пока здоровье будетъ ему позволять. Князь Куракинъ былъ переведенъ въ первый департаментъ сената. Вице-канцлеръ, встрѣчая дурное къ себѣ отношеніе, также подалъ въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ передать ему, что онъ самъ знаетъ, когда его уволить.

Съ этого времени каждый день только и говорили, что объ увольненіяхъ. Но прежде чѣмъ вести свое повѣствованіе дальше, я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Литты къ мальтійскому ордену.

Какъ извѣстно островъ Мальта 18 іюня былъ сданъ французамъ не столько по трусости ордена, сколько вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ якобинцевъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга, Литта быстро сообразилъ, какую выгоду лично для себя можно извлечь изъ этого позорнаго для ордена событія. Англійскій дворъ, въ высшей степени оскорбленный такимъ захватомъ французовъ, приказалъ своему послу лорду Витворту вести дѣло вмѣстѣ съ Литтой, чтобы заставить Павла рѣшиться на что-нибудь необыкновенное. Гомпета старались представить автоматомъ и трусомъ, который измѣнилъ ордену, сдавъ врагу безъ единаго выстрѣла неприступную крѣпость. Павелъ возмущался позорной сдачей резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что себя объявилъ, и согласился на смѣщеніе несчастнаго гросмейстера Гомпета.

Съ этою цѣлью Литта заготовилъ протестъ и манифестъ, въ которомъ обращался ко всѣмъ рыцарямъ ордена Іоаннитовъ даже прусскимъ, которые были въ это время въ Петербургѣ. Прочитавъ письма, за подлинность которыхъ онъ же и ручался, онъ сообщилъ собранію объ новости, и получилъ полное одобреніе. Графъ Вельегорскій, которому дали знать объ этихъ двухъ актахъ уже нѣсколько дней тому назадъ, увѣдомилъ въ свою очередь и меня, какъ рыцаря ордена. Я обратилъ его вниманіе на то, что такой поступокъ нарушаетъ всѣ законныя, обычныя даже при судѣ надъ преступникомъ формы.

— Какъ,—воскликнулъ онъ,—хотятъ переломить шпагу надъ гросмейстеромъ, даже не выслушавъ его?

— Я уже сдѣлалъ Литтѣ такое возраженіе, но мнѣ отвѣтили, что тамъ, гдѣ говорятъ факты, нѣтъ надобности въ показаніяхъ.

Все поведеніе Литты на этомъ засѣданіи и всѣ его ожесточенныя выходки противъ злосчастнаго гросмейстера обнаруживали его эгоистическія, честолюбивыя стремленія. Правосудіе спокойно, оно изрекаетъ приговоры безъ гнѣва и поспѣшности.

Князь Безбородко, кн. Алексѣй Куракинъ, австрійскій посланникъ гр. Кобенцель, гр. Вельегорскій, гр. Буксгевденъ, прусскій рыцарь ордена Іоаннитовъ, два французскихъ дворянина, о которыхъ шелъ слухъ, что они сложили съ себя обѣты ордена, два духовныхъ лица изъ русскихъ католиковъ и я—вотъ изъ кого составился верховный трибуналъ для суда надъ гросмейстеромъ.

Недѣйствительность всей этой процедуры и насиліе надъ всѣми установленными судебными формальностями хотѣли прикрыть тѣмъ, что съ обвиненіемъ и съ декретомъ объ отрѣшеніи гросмейстера сильно спѣшили. А потому все дѣло потребовало не болѣе получаса.

Чтобы провести членовъ ордена, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ и вынудить ихъ на одобреніе столь беззаконнаго поступка, добыли отъ государя особое объявленіе, въ которомъ онъ обѣщалъ охранять орденъ вообще и каждаго рыцаря въ особенности. Сдѣлавъ такой шагъ, Павелъ уже не могъ идти назадъ и быстрыми шагами двинулся впередъ и пустилъ въ ходъ всю свою власть, чтобы помочь исполненію замысловъ Литты и лондонскаго двора.

Такъ какъ окружившимъ императора флибустьерамъ было извѣстно, какъ нужно пользоваться его первымъ пыломъ, то они и постарались склонить истратить всѣ сокровища Россіи на орденъ, духъ и организація котораго не имѣли ника-

кого отношенія къ политическому устройству Имперіи. Для чего намъ орденъ Іоаннитовъ, когда для военныхъ у насъ есть орденъ св. Георгія, а для гражданскихъ чиновъ св. Владиміра? Для чего тратить три милліона на бенефиціи ордена? Для чего было покупать дорогое роскошное зданіе, чтобы поселить тамъ нѣсколькихъ французовъ и итальянцевъ? Всѣ эти прекрасные замки падаютъ на второй же годъ его царствованія, т. е. какъ разъ на время его вторичнаго путешествія въ Москву.

Кутайсову было тайно обѣщано, что онъ получитъ отъ ордена большой крестъ, тогда какъ онъ могъ быть тамъ только «служителемъ».

Императоръ не удовольствовался тѣмъ, что онъ сталъ гросмейстеромъ суверен наго ордена Іоаннитовъ, но объявилъ себя самодержавнымъ сюзереномъ ордена. Съ этого момента всего можно было ждать и скоро все пошло вверхъ дномъ. Сдѣлавшись замѣстителемъ гросмейстера, Литта открылъ торговлю почестями, отказался въ концѣ концовъ отъ орденскихъ обѣтовъ, чтобы имѣть возможность жениться на вдовѣ графинѣ Скавронской, мужъ которой умеръ въ Италіи.

Настроеніе государя замѣтно становилось все хуже и хуже. Наблюдателей приводило въ изумленіе, какъ онъ, не смотря на постоянныя свои вспышки, умѣлъ притворяться и хитрить.

На послѣднемъ докладѣ князя Куракина онъ обнялъ его, хвалилъ его усердіе, а на другой день уволилъ его отъ должности. Безпричинное недовѣріе заставляло его спѣшить съ исполненіемъ его плановъ и отправлять въ ссылку всѣхъ, кого онъ удалялъ отъ себя безъ всякихъ основаній. Единственное хорошее качество, которое еще осталось въ немъ, была благотворительность.

Уволивъ Буксгевдена, императоръ прогналъ и честнаго адмирала Плещеева съ безпримѣрной жестокостью. Онъ сослалъ его въ деревню и приказалъ ему отправляться безотлагательно, хотя его жена только что родила. Вслѣдствіе этого онъ написалъ Павлу смѣлое письмо, и ему было позволено отложить свой отъѣздъ до выздоровленія жены. Воспитанный вмѣстѣ съ императоромъ, Плещеевъ сохранилъ въ себѣ мужество говорить ему при случаѣ правду. Конечно, такой человѣкъ показался опаснымъ. Его нужно было удалить какъ можно скорѣе, даже попирая законы человѣчности.

Всѣ эти событія отбили во мнѣ охоту къ службѣ и я охотно подалъ бы въ отставку, но примѣръ вице-канцлера удерживалъ меня. Оставалось дожидаться взрыва бомбы.

Буксгевденъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора, сказался больнымъ и не выходилъ изъ дому, твердо рѣшивъ дождаться сентября и тогда просить полной отставки отъ службы. Въ это время онъ еще числился командиромъ полка. Въ одно прекрасное воскресенье я встрѣтилъ у графини Буксгевденъ, кромѣ офицеровъ полка, нѣсколько незнакомыхъ лицъ и еще одну личность, образъ мыслей которой мнѣ былъ извѣстенъ. Рядомъ со многими хорошими качествами въ графинѣ было не мало и дурныхъ, между прочимъ она выбалтывала все, что думала. Такъ она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ замѣчаній по поводу новыхъ порядковъ. Такъ какъ она обращалась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что я не имѣю еще опредѣленнаго мнѣнія по этому поводу, что я умѣю только повиноваться... «И молчать», прибавила она. «Урокъ очень хорошъ и достоинъ вполнѣ вашей политики, господинъ сенаторъ, но я женщина и говорю, что думаю». Я пристально посмотрѣлъ на нее и показалъ ей глазами на упомянутое лицо. Она угадала меня и продолжала довольно громко: «Я не хочу принуждать себя, такъ какъ я въ кругу своихъ друзей. Неправда ли?» спросила она обращаясь къ Ц. «Конечно, разумѣется», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ исчезъ. Я послѣдовалъ за нимъ и, вернувшись домой, разсказалъ объ этомъ случаѣ женѣ.

Дня черезъ два графиня пріѣхала къ намъ. Моя жена, которой нужно было выйти, не могла принять ее, но на слѣдующій день поѣхала къ ней. Въ передней она замѣтила приготовленія къ отъѣзду и увидала фрейлину Нелидову всю въ слезахъ и саму графиню въ страшномъ возбужденіи.

— Какъ, графиня, вы уѣзжаете?—спросила жена.

— Стало быть вы не знаете, что насъ взгоняютъ изъ Петербурга?

— Но за что же?

— Это неизвѣстно. Къ счастью мое имѣніе находится всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Мнѣ остается всего 24 часа, чтобы выѣхать изъ столицы.

Остальное можно, конечно, угадать: дамы, воспитывавшіяся въ Смольномъ и связанныя узами дружбы, пустились плакать и жаловаться.

— Я послѣдую за моей подругой, — сказала Нелидова и удалюсь отъ двора!..

Рыданія не дали ей договорить.

Явившись домой, я узналъ подробности. На слѣдующій день мы посѣтили Нелидову, которая показала намъ письмо, только что написанное ею императору, въ которомъ она просила разрѣшенія послѣдовать за опальной подругой. Письмо было написано превосходно. На другой день императоръ прислалъ весьма любезный отвѣтъ, въ которомъ, однако, о разрѣшеніи и не упоминалось. Тогда Нелидова написала вторичное письмо слѣдующаго содержанія: «Считая молчаніе Вашего Величества касательно моей просьбы за знакъ согласія, я хотѣла бы воспользоватся имъ и уѣхать завтра». Вмѣстѣ съ симъ просила графа Палена дать ей подорожную. Тотъ прислалъ подорожную съ просьбою воспользоваться ею не раньше завтрашняго дня, а самъ послалъ курьера въ Гатчину, гдѣ находился императоръ. Разсказываютъ, что получивъ извѣстіе о ея твердомъ рѣшеніи, Павелъ въ ярости воскликнулъ: «Пусть ѣдетъ! Но за это она поплатится!»

Пребываніе государя на дачѣ освобождало меня отъ необходимости быть около него такъ же часто, какъ и во время пребыванія его въ городѣ. Это обстоятельство для меня было просто счастьемъ. Подъ предлогомъ нездоровья я пропустилъ два праздника, и мнѣ дали понять, что Павелъ замѣчаетъ тѣхъ, которые уклоняются отъ посѣщеній, хотя и дѣлаетъ видъ, что онъ ихъ не видитъ, когда они присутствуютъ. Все, казалось, надоѣло ему и тяготило его. Привыкнувъ съ двадцати лѣтъ дѣлиться своими мыслями и чувствами съ Нелидовой, онъ оказался лишеннымъ удовольствія быть въ ея обществѣ и живо чувствовалъ эту потерю. Вмѣсто прелести безграничнаго довѣрія зіяла страшная пустота и Павелъ, жаждавшій всегда общенія, теперь долженъ былъ уйти въ себя. Онъ былъ одинешенекъ, такъ какъ у него было довольно души, чтобы искать ее еще у тѣхъ, которые его окружали. Императрица, при всѣхъ ея добрыхъ качествахъ, не обладала веселостью и любезностью, которую Павелъ нашелъ въ Нелидовой. Его положеніе было несносно и онъ винилъ въ этомъ всѣхъ, кто попадался ему на глаза. Его гнѣвъ обратился на одного изъ родственниковъ Нелидовой. Генералъ Нелидовъ, бывшій адъютантомъ у Павла, неожиданно получилъ отставку точно такъ же, какъ его двоюродный братъ Барятинскій.

Императрица аккуратно писала Нелидовой и отправляла письма по почтѣ. Сначала эти письма вскрывали, но потомъ перестали, такъ какъ въ нихъ не было ничего интереснаго. Тѣмъ не менѣе Павелъ былъ глубоко оскорбленъ постоянствомъ привязанности императрицы, которая прежде, когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, преслѣдовала ее, предполагая между ними связь. Его уязвленное самолюбіе обратилось противъ императрицы. Достаточно было поговорить съ ней раза два, три, чтобы подвергнуться удаленію и опалѣ. Гофмаршалъ графъ Вельегорскій, которому по должности приходилось часто быть около нея съ разными служебными мелочами, однажды заговорилъ съ ней о чемъ-то подобномъ. Замѣтивъ этотъ разговоръ, Павелъ наморщилъ лобъ и сказалъ великому князю Александру: «Опять началъ перемывать все». Великій князь бросилъ Вельегорскому взглядъ, желая дать ему понять, что ему нужно удалиться. Вельегорскій отошелъ отъ императрицы и приблизился къ столу, за которомъ играли въ бостонъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора.

— Посмотрите, — сказалъ Павелъ, — какъ онъ опять старается приблизиться на такое разстояніе, чтобы подслушивать за нами.

Великій князь опять сдѣлалъ графу знакъ, чтобы тотъ отошелъ дальше. Но тотъ стоялъ около игроковъ и не подозрѣвалъ, что его подозрѣваютъ въ жела-

нiи подслушивать за государемъ. Поэтому онъ продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ, ведя непрестанно разговоръ съ игроками съ цѣлью показать, что его вниманiе всецѣло сосредоточено на карточномъ столѣ. Тѣмъ не менѣе Павелъ въ своемъ ложномъ представленiи дошелъ до того, что, ухватившись за этотъ смѣшной предлогъ, онъ на другой же день вмѣсто Вельегорскаго назначилъ Нарышкина.

Можно себѣ представить, какъ я былъ огорченъ подобнымъ обращенiемъ съ человѣкомъ, который былъ украшенiемъ двора и котораго я искренно любилъ. Онъ разсказалъ мнѣ о томъ, что съ нимъ случилось, и прибавилъ: «Я рѣшился жить на покоѣ. Дѣти и библiотека доставятъ мнѣ гораздо больше удовольствiе, чѣмъ всякiя мелочи гофмаршальской службы».

Не прошло и трехъ недѣль, какъ Павелъ приказалъ графу отправиться въ Вильну и не выѣзжать оттуда безъ его позволенiя.

Предвидя, что очередь дойдетъ и до меня, я велъ дѣла юстицъ-коллегiи съ такою тщательностью, чтобы генералъ-прокуроръ могъ каждую минуту произвести имъ ревизiю. Между тѣмъ какъ въ католическомъ департаментѣ архiепископъ, гордый своей протекцiей, допускалъ множество неправильностей.

Такъ гр. Феликсъ Потоцкiй заплатилъ тамъ 12 тысячъ рублей за разводъ съ женою, отъ которой имѣлъ десять человѣкъ дѣтей. Процессъ этотъ начался еще въ то время, когда я былъ президентомъ, но я не давалъ своего согласiя на разводъ. Но архiепископъ, изъ любви къ деньгамъ, рискнулъ на все. Бѣдная графиня не могла пережить этой непрiятности и вскорѣ умерла. Хотя она была dame d'honneur императрицы и имѣла орденъ св. Екатерины, но на ея погребенiи едва набралось четыре кареты. А между тѣмъ она оказала услуги очень многимъ: сердце у нея было предоброе, но умъ ея отличался наклонностью къ сатирѣ. Изъ любви къ красному словцу, она иногда раздражала противъ себя людей, которые ей потомъ этого не могли простить. Графиня Паленъ, жена адмирала Кутузова и госпожа Рибасъ—вотъ и всѣ, кто сопровождалъ ея тѣло до католической церкви.

Около этого же времени императоръ вернулъ изъ ссылки гр. Петра Головкина. Явившись ко двору, онъ напустилъ на себя такую торжественность, что опять прогнѣвилъ Павла, и тотъ черезъ нѣкоторое время отправилъ его въ Кронштадтъ въ качествѣ флотскаго капитана. Здѣсь онъ выкинулъ такую глупую штуку, что по морскому уставу его слѣдовало бы разжаловать, но при помощи денегъ онъ успѣлъ выпутаться изъ бѣды. Отъ его неудачныхъ маневровъ пострадалъ другой капитанъ, и Головкину пришлось откупиться и заплатить за поврежденiе. Оба судна такъ плохо маневрировали въ открытомъ морѣ, что произошло столкновенiе.

Замѣтивъ, что Павелъ скучаетъ, дѣльцы почувствовали необходимость его развлечь. Хотѣли дать ему въ любовницы французскую актрису Шевалье, а когда это не удалось, сочли необходимымъ держать около него человѣка, который могъ бы развлекать его своими выходками. Нужно было выбрать человѣка безъ строгихъ принциповъ и притомъ такого, чтобы его завѣдомая злость тайно вооружала бы противъ него и дворъ и столицу.

Такимъ человѣкомъ оказался генералъ Растопчинъ, недавно удаленный Павломъ отъ двора. Получившiй заграничное воспитанiе, онъ блестяще нахватался поверхностныхъ знанiй во всѣхъ наукахъ. Онъ умѣлъ хорошо говорить, превосходно подмѣчалъ слабыя стороны другихъ и ловко ихъ передразнивалъ. Въ составленiи любовныхъ писемъ не было ему равнаго. Онъ могъ даже умно написать и дѣловое письмо, если при этомъ не требовалось ни подробнаго изложенiя, ни глубины мысли.

Павелъ зналъ его. Когда онъ былъ еще великимъ княземъ, онъ однажды выгналъ его изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ въ качествѣ дежурнаго камергера. При восшествiи своемъ на престолъ онъ призвалъ его обратно, хотя и не чувствовалъ къ нему прiязни. Впослѣдствiи онъ много разъ показывалъ ему свое нерасположенiе, но такъ какъ онъ умѣлъ смѣшить его своими штуками, а императоръ умиралъ отъ скуки, то Растопчинъ по-

стоянно возвращался на прежнее свое мѣсто. Сверхъ всего Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой—еще причина, почему ему покровительствовали.

Его вліяніе быстро росло. Онъ зналъ слабыя стороны императора, умѣлъ ловко льстить ему и осыпалъ своихъ противниковъ сатирическими насмѣшками, выставляя ихъ ничтожность и невѣжество.

— И прекрасно,—сказалъ однажды Павелъ,—это машины, которыя умѣютъ только повиноваться.

Но и Павелъ и Растопчинъ ошибались. Тотъ, кто не умѣлъ написать и двухъ строчекъ безъ ошибокъ, оказался хитрѣе ихъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Спокойный, кроткій и полный достоинства характеръ новаго генералъ-прокурора Лопухина былъ не совсѣмъ по вкусу Павлу, который сталъ чувствовать потребность разрушить то, что самъ же онъ возвелъ. Перемѣнить всѣхъ чиновниковъ придворнаго вѣдомства и департамента иностранныхъ дѣлъ, расшатать всю армію путемъ постояннаго увольненія генераловъ и другихъ высшихъ чиновъ—все это стало казаться ему проявленіемъ силы, которое должно было убѣдить всю Европу, что для него важны только строгіе принципы порядка, справедливости и аккуратности.

Императоръ внезапно объявилъ себя противникомъ Франціи и послалъ войска на помощь Австріи, ввѣривъ начальство надъ ними нѣкоему генералу Розенбергу, человѣку храброму, но совершенно не обладавшему военными дарованіями. На этотъ постъ мѣтилъ Репнинъ и поэтому безпрестанно унижалъ Суворова, котораго Павелъ не долюбливалъ и удалилъ отъ себя за то, что тотъ утверждалъ, будто можно выигрывать сраженія и безъ солдатъ, при помощи однихъ гамашей, толстой косички и напудренныхъ волосъ.

Назначеніе Розенберга всѣхъ изумило и привело русскихъ въ отчаяніе. Къ счастью Австрія или точнѣе эрцгерцогъ Карлъ сумѣли вымолить для себя Суворова. Павелъ не рѣшился отказать имъ и Репнинъ пустился на такія низости противъ Суворова, о которыхъ я здѣсь не хотѣлъ бы и говорить. Разскажу лучше объ одномъ характерномъ случаѣ, который дѣлаетъ честь и человѣку, имѣвшему мужество такъ говорить, и государю, который выслушалъ безъ гнѣва.

Императоръ назначилъ генерала гр. Ферзена въ кадетскій корпусъ и подчинилъ его великому князю Константину. Тотъ не могъ долго выдерживать остроумныхъ шутокъ молодого великаго князя и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Павелъ спросилъ о причинѣ, заставившей его просить объ этомъ.

— Я слишкомъ обидчивъ, Ваше Величество,—отвѣчалъ храбрый солдатъ. Ваше Велчиество желаетъ знать правду. Простите, государь, но когда состаришься подъ богомъ войны, очень тяжело имѣть и подъ собою и надъ собою дѣтей.

Если бы около трона было побольше людей такого закала, то онъ стоялъ бы прочнѣе и государю меньше бы приходилось опасаться измѣны.

Усердно занимаясь ввѣренными мнѣ дѣлами, я съ грустью видѣлъ, что составленіе уголовнаго кодекса не подвигается впередъ. Спорили о словахъ, я жаловался на такое положеніе, какъ вдругъ сорвавшееся у сенатора Колокольцева замѣчаніе освѣтило для меня все дѣло. Императоръ приказалъ ввести смертную казнь. Составъ окружавшихъ государя лицъ, а также и то, что день ото дня онъ самъ становился все болѣе недовѣрчивымъ и раздражительнымъ, дѣлали введеніе смертной казни въ высшей степени опаснымъ. Мои коллеги, безъ сомнѣнія, боялись этого еще сильнѣе, чѣмъ я.

— Можетъ быть намъ удастся,—сказалъ Колокольцевъ,—закончить нашу работу очень скоро.

Я понялъ его и отвѣчалъ:

— Вы правы. Будемъ спѣшить тихо, чтобы не заслужить упрека въ томъ, что мы вслѣдствіе поспѣшности плохо справились съ своей работой.

Между тѣмъ доносы и аресты участились. Лопухинъ имѣлъ мужество не только защищать на судѣ тѣхъ, которые оказывались невинными, но давалъ удовлетвореніе и возмѣщеніе убытковъ тѣмъ, которые пострадали. Всѣ сгибались передъ нимъ съ неизмѣнной услужливостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ генералъ-прокуроромъ и къ нему собиралась пріѣхать его дочь. А князь Алексѣй Куракинъ, звѣзда котораго закатилась, былъ

покинутъ всѣми и испыталъ лишь одну неблагодарность. Многіе, которые теперь его избѣгали или нападали на него съ яростью, были обязаны своимъ быстрымъ возвышеніемъ именно ему. Это возмутительное отношеніе сердило меня и хотя я ничѣмъ не былъ ему обязанъ, но продолжалъ бывать и у него и у гр. Буксгевдена. Однажды Паленъ сказалъ мнѣ:

— Я видѣлъ вашу карету въ какой-то улицѣ.

— Я былъ у Буксгевдена,—отвѣчалъ я громко.—Пока онъ въ городѣ, я буду его навѣщать. И чтобы не воображали, будто я скрываю это, я буду оставлять свою карету съ моимъ гербомъ и выѣзднымъ лакемъ передъ домомъ.

— Это не совсѣмъ мудро.

— Дружба старше, чѣмъ мудрость. Онъ вѣдь не преступникъ. Надѣюсь, что и мои друзья не перестанутъ посѣщать меня, когда я не буду больше сенаторомъ.

Съ Лопухинымъ я былъ насторожѣ. Вице-президентъ Корфъ просилъ меня представить его генералъ-прокурору, и я съ удовольствіемъ исполнилъ его просьбу. Онъ принялъ меня изысканно. Видя, что онъ заваленъ работой, я сказалъ ему:

— Я слишкомъ цѣню трудъ вашего превосходительства, чтобы безпокоить васъ на будущее время визитами. Я позволю себѣ являться къ вамъ только по дѣламъ службы. Минуты, которыя у васъ отнимаютъ, можетъ быть заставляютъ вздыхать какого-нибудь несчастнаго, который ждетъ рѣшенія своей участи. Извините меня, если и мнѣ когда придется поступить противъ этого заявленія.

Онъ очень удивился такому языку и, казалось, былъ гораздо болѣе радъ такому сердечному тону, чѣмъ низкой лести, которой его осыпали и которою его думали поддѣть.

Я сказалъ выше, что расположеніе духа у Павла становилось все мрачнѣе. Чтобы дать объ этомъ наглядное представленіе, я разскажу одинъ случай относительно графа Строганова, одного изъ самыхъ осторожныхъ людей, которые были при дворѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ сенатъ чрезвычайно грустный. Я отнесся къ нему съ живымъ участіемъ и просилъ открыть мнѣ причину его горя.

— Я изгнанъ изъ Павловска за то, что сказалъ государю, что скоро будетъ дождь. Вотъ какъ было дѣло. Императрица нѣсколько дней больна лихорадкой и сырая погода для нея вредна. Три дня тому назадъ императоръ задумалъ прогулку. Императрица, смотря въ окно, сказала: «Боюсь, что будетъ дождь». «Какъ вы думаете?»—обратился ко мнѣ императоръ.—«Небо покрыто облаками, такъ что по всей вѣроятности дождь будетъ и довольно скоро». «Ага,—закричалъ Павелъ на этотъ разъ,—вы всѣ сговорились противорѣчить мнѣ. Мнѣ надоѣло переносить это. Въ особенности я замѣчаю, что мы не сходимся съ вами, графъ. Вы никогда меня не понимаете, къ тому же у васъ есть обязанности въ Петербургѣ и я вамъ совѣтую отправиться туда». Я сдѣлалъ низкій поклонъ,—продолжалъ Строгановъ,—удалился и приготовился къ отъѣзду на другой день, но мнѣ шепнули, что будетъ не худо, если я уѣду сейчасъ, ибо императоръ сказалъ будто бы: «Надѣюсь, графъ Строгановъ понялъ меня».

Тяжело было старику. Онъ принадлежалъ къ кружку Екатерины и пребываніе при дворѣ обратилось у него въ потребность. Онъ былъ придворнымъ не по честолюбію или корысти, но вслѣдствіе тѣхъ машинныхъ привычекъ, которыя образуютъ вторую природу, вслѣдствіе чего придворный можетъ умереть отъ тоски, если у него отнять право скучать при дворѣ.

За нѣсколько дней до этого императоръ отправилъ въ ссылку статсъ-секретаря Нелединскаго, который былъ замѣненъ Неплюевымъ.

Нашъ оберъ-прокуроръ Козодавлевъ изъ третьяго департамента былъ переведенъ въ первый. Его мѣсто было занято нѣкіимъ Дмитріевымъ. Превосходный человѣкъ этотъ Дмитріевъ. Когда онъ былъ еще гвардейскимъ офицеромъ, то его и его двухъ товарищей обвинили анонимнымъ письмомъ въ томъ, что они злоумышляли на жизнь государя. Генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ былъ тогда еще Архаровъ. Онъ представилъ письмо Павлу, который приказалъ арестовать всѣхъ троихъ. Черезъ недѣлю обнаружилось, что всю эту исторію устроилъ уволенный лакей.

Убѣдившись въ ихъ невиновности, Павелъ приказалъ вернуть имъ шпаги во время парада. Обыкновенно при этомъ преклоняли въ знакъ благодарности передъ императоромъ колѣни, а онъ обнималъ колѣнопреклоненнаго и поднималъ его. Дмитріевъ, однако, ограничился тѣмъ, что подошелъ къ императору и сказалъ: «Съ позволенія Вашего Величества, я не буду оскорблять васъ своей благодарностью, ибо я невиноватъ, а потому со стороны Вашего Величества нѣтъ и никакой милости ко мнѣ. Но такъ какъ ваша гвардія должна стоять выше всякихъ подозрѣній, то мнѣ невозможно дольше здѣсь оставаться. Прошу Ваше Величество принять мою отставку».

Императоръ былъ пораженъ достойнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнымъ тономъ, которыми были сказаны эти слова. Онъ обнялъ Дмитріева и сказалъ:

— Я никогда не сомнѣвался въ вашей вѣрности, это была только формальность. Мнѣ было бы пріятно, если бъ вы остались.

— Убѣдительно прошу Ваше Величество соизволить на увольненіе меня. Я не вполнѣ здоровъ, чтобы оставаться солдатомъ.

— Если вы непремѣнно этого хотите, я увольняю васъ. Скажите генералъ-прокурору о мѣстѣ, которое вы желали бы занять въ гражданской службѣ.

Такимъ-то образомъ онъ и сталъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ. На этомъ посту онъ проявилъ большую доброту, безкорыстіе и тонкость чувства, которыя рѣдко встрѣчались у оберъ-прокуроровъ.

Дмитріевъ извѣстенъ въ Россіи и какъ ученый. Онъ любилъ ясность и точность и ненавидѣлъ запутанныя фразы, полныя кляузъ и неискренности. Я чувствовалъ къ нему большое влеченіе и такъ какъ онъ былъ немножко меланхоликъ, то мы сердцемъ поняли другъ друга и черезъ двѣ недѣли бесѣдовали между собою съ такою откровенностью, которая была бы опасна съ чужимъ человѣкомъ, если-бы внутреннее чутье не давало намъ взаимнаго ручательства и не дѣлало излишнимъ дальнѣйшее испытаніе другъ друга.

Онъ былъ единственный изъ русскихъ въ сенатѣ, который соглашался со мною по поводу царившихъ въ немъ злоупотребленій. Всѣ другіе старались всегда оправдать ихъ по предразсудку ли, или по другимъ низменнымъ причинамъ.

Однажды, когда мы обсуждали одно довольно запутанное дѣло, Дмитріевъ хотѣлъ нѣсколько смягчить С., который заявлялъ свое мнѣніе болѣе съ упрямствомъ, чѣмъ съ умомъ. Когда же ему это не удалось, онъ сознался мнѣ, что его положеніе какъ оберъ-прокурора для него несносно и что онъ хочетъ его сложить, не смотря на скромное состояніе, которымъ онъ располагалъ. Онъ откровенно объяснилъ мнѣ свое положеніе, я безъ всякаго стѣсненія высказалъ свое мнѣніе. Драгоцѣнныя воспоминанія! Я никогда ихъ не забуду.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ мой двоюродный братъ, который управлялъ дѣлами Палена въ Курляндіи. Онъ нашелъ, что нашъ домъ убранъ довольно хорошо.

— Жаль,—сказалъ я,—что на это ушло много денегъ.

— Почему же жаль?

— Да потому, что скоро намъ придется его оставить.

— Вы шутите, конечно. Паленъ мнѣ сказалъ по секрету, что разъ вы выдержали первый напоръ, то теперь ужъ васъ оставятъ въ покоѣ.

— Ну, не вѣрьте этому. Дойдетъ и до меня очередь и я ужъ къ этому подготавливаюсь. Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятнѣе вернуться на родину, чѣмъ видѣть все то, что здѣсь творится.

На другой день послѣ этого разговора былъ уволенъ вице-канцлеръ, князь Александръ Куракинъ; съ нимъ обошлись впрочемъ довольно вѣжливо. Ростопчинъ бросалъ свои взоры на это мѣсто. Онъ уже перешелъ съ военной на гражданскую службу и былъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но на этотъ разъ его ожиданіе не оправдалось. Князь Безбородко, хотя и былъ очень боленъ, тѣмъ не менѣе, добился назначенія на это мѣсто своего племянника Кочубея. Уходъ князя Александра Куракина не былъ потерей для департамента, ибо у него не было ни способностей, ни усердія. Тщеславный, вѣчно занятый своимъ туалетомъ и бриліантами, онъ зналъ толкъ только въ музыкѣ и женщинахъ. Холодный эгоистъ, онъ не дѣлалъ никому

ни добра, ни зла. Онъ прекрасно говорилъ по-русски *), по-нѣмецки, по-французски, обладалъ хорошими манерами, видной фигурой, но лицо его и тупая улыбка выдавали размѣръ его ума.

Преемникъ его былъ способнѣе. Но должность вице-канцлера въ такой огромной Имперіи, какъ Россія, была не по плечу и ему. Сначала онъ былъ камергеромъ, потомъ его посылали въ Константинополь, гдѣ онъ успѣлъ прочесть нѣсколько книжекъ по вопросамъ политики и нѣсколько подучился формальной дипломатической рутинѣ. Въ связи съ легкостью, съ которою онъ могъ писать офиціальныя письма, это показалось достаточнымъ для занятія такой должности, которая прежде была наградой за долгую и блестящую дипломатическую службу.

Послѣ того, какъ стало извѣстно объ отставкѣ кн. Куракина, я замѣтилъ, что раздраженіе противъ Нелидовой снова овладѣло императоромъ и притомъ въ такой степени, что онъ хотѣлъ нанести оскорбленіе ей путемъ несправедливаго отношенія къ ея друзьямъ. Я знаю, что скоро придетъ очередь и до меня, въ виду нѣжной дружбы между нею и моей женой.

И въ самомъ дѣлѣ, 6 сентября, когда я только-что всталъ изъ-за стола, курьеръ принесъ мнѣ слѣдующую записку, писанную по-нѣмецки рукою Палена: «Только-что получилъ приказаніе, о которомъ долженъ вамъ сообщить. Но дѣла не позволяютъ мнѣ выѣзжать изъ дому, поэтому прошу пожаловать ко мнѣ, чтобы вы могли принять свои мѣры. Преданный вамъ Паленъ».

На всѣхъ лицахъ появилось безпокойство, а жена стала спрашивать въ страхѣ, что это значитъ. Я отвѣчалъ ей спокойно: «Паленъ хочетъ сообщить мнѣ что-то о юстицъ-коллегіи». Приказавъ заложить карету, я отвелъ въ сторону генерала Фромандьера, который обѣдалъ у насъ, и сказалъ ему: «Подготовьте мою жену къ извѣстію о моемъ увольненіи и къ отъѣзду изъ Петербурга. Записка довольно ясна».

*) Нужно помнить, что въ тѣ времена нерѣдко попадались вельможи, не умѣвшіе сказать на родномъ языкѣ и нѣсколькихъ фразъ. *Прим. пер.*

Когда Паленъ увидѣлъ меня, онъ высказалъ мнѣ много доброжелательства, пригласилъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Не знаю, что могло такъ настроить императора. Онъ требуетъ, что вы подали прошеніе объ отставкѣ.

Вотъ указъ Палену, собственноручно написанный Павломъ.

«Вы скажите тайному совѣтнику и сенатору барону Гейкингу, чтобы онъ просилъ о своемъ увольненіи, такъ какъ онъ всегда жаловался на свою болѣзненность. Одновременно онъ скажетъ генералъ-прокурору названіе своего имѣнія».

— Я въ отчаяніи отъ этой непріятности,—продолжалъ Паленъ.—Вамъ приходится переносить и совершенно безъ всякой вины, ибо я знаю, что вы всегда служили государю усердно и безкорыстно... Но, что прикажете дѣлать? Я также приготовился получить въ одинъ прекрасный день такой же комплиментъ. Можетъ быть, меня прогонятъ безъ всякихъ церемоній.

— Я не жалуюсь на этотъ приказъ императора. Я смотрю на него, какъ на милость, ибо для меня невозможно служить далѣе. Позвольте мнѣ здѣсь же написать прошеніе, котораго требуетъ императоръ. По крайней мѣрѣ, ему будетъ оказано повиновеніе; а по спокойствію, съ которымъ письмо будетъ написано, вы можете заключить, какъ я жажду вернуться въ родную среду.

Онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто, и довольно скверным перомъ я написалъ прошеніе объ отставкѣ. Зная, что императоръ любитъ мгновенное послушаніе, я моментально запечаталъ письмо и просилъ гр. Палена безотлагательно отправить его въ Гатчину. Я замѣтилъ, какъ блеснуло удовлетвореніе въ его глазахъ.

Прежде чѣмъ вернуться домой, я отправился къ генералъ-прокурору, чтобы объяснить ему, почему я не могу назвать ему своего имѣнія (его у меня не было), и чтобы просить его похлопотать о сохраненіи мнѣ прежней, полученной еще отъ герцога курляндскаго пенсіи или, по крайней мѣрѣ, о полученіи пенсіи сенаторской.

Генералъ-прокурора не было дома, и онъ долженъ былъ вернуться для того, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Гатчину. Поэтому я написалъ ему все, о чемъ не могъ сказать лично, и въ отвѣтъ получилъ

отъ него такое письмо: «Баронъ! Письмо, которое касается вашей отставки, я только-что получилъ, и спѣшу вамъ отвѣтить, что я, намѣреваясь ѣхать въ Гатчину, согласно вашему желанію представлю дѣло Его Величеству и употреблю всѣ усилія, чтобы по возможности исполнить ваши желанія. Имѣю честь быть Петръ Лопухинъ».

Такъ какъ мои разъѣзды продолжались нѣсколько часовъ, то я вернулся домой уже къ вечеру и засталъ всѣхъ моихъ друзей въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

— Успокойтесь,—сказалъ я съ улыбкой,—императоръ соизволилъ на то, чего я такъ давно желалъ; я счастливъ, имѣя теперь возможность вернуться въ отечество и освободиться отъ моей каторжной службы.

Послѣ этого я разсказалъ о всѣхъ вышеописанныхъ обстоятельствахъ. Видно было, что на разныхъ, окружающихъ насъ лицъ мой разсказъ произвелъ вполнѣ различное впечатлѣніе.

На другой день я послалъ сказать вице-президенту Корфу, что я не здоровъ, и черезъ одного изъ моихъ коллегъ просилъ въ сенатѣ извиненія за свое отсутствіе.

На третій день генералъ-губернаторъ далъ мнѣ знать, что императоръ соизволилъ разрѣшить мнѣ ѣхать въ Митаву, но отказалъ въ назначеніи пенсіи. Этотъ отказъ заставлялъ опасаться, что отставка была дана въ непріятныхъ выраженіяхъ, такъ какъ императоръ ввелъ три формы объявленія объ увольненіи.

1) «По болѣзни увольняемъ мы его отъ всѣхъ должностей». Это давало понять, что послѣ возможнаго выздоровленія можно опять получить мѣсто.

2) «По его просьбѣ соизволили мы на увольненіе».

3) «Такой-то увольняется».

13 сентября изъ сената былъ мнѣ доставленъ запечатанный конвертъ съ бумагой слѣдующаго содержанія:

«По высочайшему повелѣнію его императорскаго величества государя императора правительствующій сенатъ сообщаетъ тайному совѣтнику сенатору барону Гейкингу именной указъ за собственноручнымъ подписаніемъ государя императора, данный сенату 8 сентября въ слѣдующихъ словахъ:

«По прошенію тайнаго совѣтники и сенатора барона Гейкинга освобождаемъ мы его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Павелъ».

«Вслѣдствіе сего сенатъ распорядился о настоящемъ, официальномъ извѣщеніи. 13 сентября 1798 г.».

Изъ этого видно, что императоръ не терялъ ни минуты, чтобы меня уволить. Мое письмо, написанное 6 сентября, могло быть ему вручено 7-го, а указъ помѣченъ 8-го.

Вслѣдствіе моей отставки, я въ тотъ же день отправился къ Палену, чтобы получить отъ него паспортъ. Онъ приказалъ изготовить его безотлагательно и сказалъ: «Я сейчасъ же вечеромъ передамъ объ этомъ государю».

Жена моя осталась въ Петербургѣ, чтобы продать домъ, мебель и часть гардероба, который въ провинціи мнѣ былъ ненуженъ.

Лишь у немногихъ лицъ оставилъ я свои визитныя карточки и поѣхалъ одинъ. Впрочемъ, со мною былъ Ж. Ж. Руссо, любимый авторъ моей юности и постоянный другъ всей моей жизни. Вслѣдствіе юридической дѣятельности я было забросилъ его, но теперь опять съ наслажденіемъ возвратился къ нему.

Сознаюсь, Петербургъ оставлялъ я съ болью въ сердцѣ, хотя я здѣсь постоянно недомогалъ. Но у меня были причины думать, что больше я уже никогда его не увижу. Погода была такая же пасмурная, какъ и мое настроеніе, и мысль, что весь день я принужденъ провести въ бездѣйствіи, сильно меня угнетала.

Едва я завидѣлъ Митавскій замокъ, какъ почувствовалъ въ себѣ печаль или, правильнѣе сказать, ложный стыдъ. «Итакъ, говорилъ я себѣ, я возвращаюсь домой, заклеймленный немилостью, которую, пожалуй, будутъ считать заслуженной. Прежде я изъ третьяго департамента посылалъ курляндскому губернатору и вице-губернатору указы, а теперь я въ качествѣ простого обывателя буду получать ихъ отъ нихъ. Теперешній губернаторъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей, онъ знаетъ дворъ, ежедневно имѣетъ случай видѣть его произвольныя рѣшенія, которыя онъ противъ воли долженъ приводить въ исполненіе. Надѣюсь, что онъ пойметъ меня. Остаются еще мои враги—адвокаты и ихъ клевреты. Но я смѣло встрѣчусь съ ними и постараюсь избѣжать и уны-

лаго вида и смѣшливой веселости». Чтобы узнать, какое впечатлѣніе произведетъ въ городѣ мое появленіе, я рѣшилъ провести, подъ предлогомъ нездоровья, нѣсколько дней дома и вести себя возможно осторожнѣе и сообразоваться съ данными, которые будутъ получены доступными мнѣ средствами.

ГЛАВА IV.

Во время ссылки.

Въ Митаву я пріѣхалъ въ 8 часовъ утра и остановился въ домѣ моего друга Дершау, такъ какъ мой былъ еще занятъ барономъ Корфомъ, хотя срокъ найма уже истекалъ.

Прежде всего я написалъ письмо губернатору Ламсдорфу, чтобы поставить его въ извѣстность о своемъ пріѣздѣ и извиниться, что по болѣзни не могу сдѣлать ему визита. Онъ велѣлъ передать мнѣ устно, что моя невзгода его очень огорчаетъ и что онъ скоро сдѣлаетъ мнѣ визитъ. И дѣйствительно онъ пріѣхалъ ко мнѣ, завязался длинный разговоръ, во время котораго мы обнаружили и взаимное довѣріе, и одинаковое взаимное уваженіе. Я показалъ ему подлинный документъ о моей отставкѣ и онъ удостовѣрился, что императоръ вовсе не заклеймилъ меня своею немилостью и что я принадлежу, слѣдовательно, къ числу тѣхъ, которые могутъ спокойно проживать въ губерніи. Этотъ визитъ былъ мнѣ очень полезенъ и мало-по-малу за нимъ перебывалъ у меня весь городъ.

Пробывъ нѣсколько дней у себя въ кругу родственниковъ и знакомыхъ, я рѣшился наконецъ выйти. Прежде всего я посѣтилъ губернатора и спросилъ его, не считаетъ ли онъ нужнымъ, чтобы я представился королю Людовику XVIII, къ которому императоръ относился въ то время, какъ нельзя лучше. Онъ заставилъ его сложить съ себя имя графа Де Лилль, принять королевскій титулъ, окружить себя своей гвардіей и принимать королевскія почести. Ламсдорфъ былъ того же мнѣнія, какъ и я. Рѣшено было, что онъ представитъ меня на слѣдующій день.

Въ воскресенье я отправился въ замокъ, гдѣ я впервые увидѣлъ несчастнаго Людовика XVIII. Пройдя черезъ послѣднюю пріемную я встрѣтилъ двухъ старыхъ рыцарей св. Людовика со шпагами въ рукахъ, стоящихъ на часахъ. Когда мы вступили во внутренніе покои, губернаторъ представилъ меня камергеру герцогу Де Вилькіеръ. Его ростъ—немного болѣе высокій, чѣмъ у карлика соотвѣтствовалъ размѣрамъ его ума. Впрочемъ онъ былъ учтивъ и прямодушенъ. Черезъ минуту появился Людовикъ XVIII и я долженъ сознаться, что этотъ государь внушалъ мнѣ живѣйшій интересъ. Онъ хорошо говоритъ, обладаетъ хорошими познаніями въ римской, французской, итальянской и англійской литературахъ. Память у него удивительная. Географію онъ знаетъ, какъ никто. Менѣе понравился мнѣ герцогъ Ангулемскій, который имѣлъ смущенный видъ и не умѣлъ сказать самой простой вещи, хотя, повидимому, у него и не было недостатка въ веселости. Герцогъ Де Берри отличался военной осанкой и держалъ себя безъ принужденія и безъ чопорности. Мнѣ показалось, что король предпочитаетъ его своему старшему сыну.

Самымъ лучшимъ при этомъ бѣдномъ дворѣ показался мнѣ сначала гр. Аварэ. Онъ спасъ Людовика XVIII и любилъ его страстно.

Графъ Сенъ-При вмѣстѣ съ холоднымъ высокомѣріемъ сохранилъ прежнія манеры и претензіи министра изъ Версаля и потому въ Митавѣ былъ совсѣмъ не ко двору. Всѣ окружавшіе Людовика XVIII ненавидѣли его и открыто высказывали ему свое презрѣніе. Да и самъ король, какъ кажется, больше боялся, чѣмъ любилъ его.

Герцогъ Граммонъ показался мнѣ прекраснымъ человѣкомъ съ военной выправкой, герцогъ же Де-Флери мнѣ не понравился своей легкомысленной манерой держаться. Несчастія его родины и его семьи, казалось, такъ мало занимаютъ его, что подобное легкомысліе возстановило меня противъ него. Впослѣдствіи я никогда не могъ отдѣлаться отъ этого перваго впечатлѣнія.

Меня пригласили къ столу и посадили рядомъ съ герцогомъ Ангулемскимъ, который отдѣлялъ меня отъ короля. Про-

тивъ меня сидѣлъ старый кардиналъ Монморанси, который приводилъ меня въ изумленіе своей звучной фамиліей и крѣпостью своего желудка: онъ не ѣлъ, а жралъ. Такъ какъ онъ былъ очень глухъ, то я не обращался къ нему.

Лицо виконта д'Агу сразу же свидѣтельствовало о благородной и чувствительной душѣ. И это дѣйствительно такъ и было, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться позднѣе.

Бесѣда короля касалась разнообразныхъ предметовъ и текла безпрерывна. Послѣ обѣда онъ говорилъ о несчастной судьбѣ своего брата Людовика XVI. Онъ, видимо, растрогался и вынулъ изъ кармана послѣднюю записку, которую ему написала изъ Темпля королева.

— Изъ «Journal de Cléry» вы можете узнать печальные подробности, баронъ,— прибавилъ онъ.

— Прошу извиненія Вашего Величества, я не знаю такого журнала.

Обратившись къ какому-то высокому аббату, король поручилъ ему дать мнѣ «Journal de Cléry».

— Не премину, Ваше Величество, отвѣчалъ аббатъ Мари (ибо такъ его называлъ король) и прибавилъ: «Это былъ учитель герцога Ангулемскаго».

Людовикъ XVIII показывалъ мнѣ также печать Франціи, которую постоянно носилъ съ собою его несчастный братъ и въ волненіи сказалъ: «Въ мои руки она попала чудомъ и я придаю ей огромное значеніе».

Разсказъ короля глубоко тронулъ меня. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ: «Я раздираю ваше чувствительное сердце: сообразите теперь, что долженъ былъ вынести я».

Его глаза наполнились слезами, онъ отвернулся и отошелъ къ окну.

Какая философская поучительность для меня! «Какъ, думалъ я про себя, удаляясь изъ замка, могъ я позволить себѣ сегодня утромъ роптать на мою судьбу, въ то время какъ этотъ несчастный король изгнанъ изъ отечества, гдѣ его предки царствовали со славою почти тысячу лѣтъ, и теперь пользуется благодѣяніемъ государя, который такъ обидчивъ, непостояненъ и неустойчивъ»!

Герцогиня Гише пригласила меня къ себѣ на чай въ 8 часовъ вечера. Сильно перемѣнившись съ 1785 г., когда я встрѣчался съ нею въ Версали, она имѣла однако здоровый видъ и была еще привлекательна. Ея миленькая 14-тилѣтняя дочь не дѣлала ее старше: мнѣ даже казалось, что мать выигрываетъ при сравненіи между ними. Чай подавали въ фаянсовой посудѣ, самоваръ былъ мѣдный, словомъ все указывало на недостатокъ средствъ, только граціи не испугались нищеты и еще болѣе усиливали привлекательность.

Черезъ минуту появился и герцогъ Ангулемскій съ своимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Вечеръ провели очень пріятно. Герцогиня спѣла одну итальянскую арію, которая, впрочемъ, не повеселила меня. Послѣ этого она превосходно исполнила нѣсколько французскихъ романсовъ. Французское общество всегда притягивало меня къ себѣ: можно себѣ представить мое счастье, когда я встрѣтилъ въ Митавѣ такое количество во многихъ отношеніяхъ интересныхъ лицъ.

Если въ глазахъ благородныхъ людей несчастье даетъ право на почетное мѣсто, то тѣмъ, кто самъ только что претерпѣлъ несправедливость, несчастье другаго придаетъ только особую силу. При такомъ настроеніи каждый французъ былъ для меня существомъ священнымъ и мнѣ казалось, что настроеніе ихъ вполнѣ согласуется съ моимъ собственнымъ.

Большинство этихъ господъ очень скоро отдали мнѣ визитъ и прислали мнѣ свои визитныя карточки, за исключеніемъ аббата Мари, который принесъ мнѣ «Journal de Cléry». Я былъ въ восторгѣ отъ этого аббата. Мы проболтали съ нимъ около часу и когда разстались, то намъ показалось, что мы давнымъ давно знали другъ друга.

Аббатъ Мари въ разговорѣ проявлялъ и образованность, и пылкость. Онъ любилъ Бурбоновъ до обожанія и со всей присущей ему силой воображенія всей душой ушелъ въ политическіе замыслы, имѣвшіе цѣлью возвести на тронъ Людовика XVIII. Нашъ петербургскій дворъ онъ зналъ превосходно: всѣ анекдоты были ему извѣстны, извѣстна ему оказалась и моя исторія со всѣми подробностями постигшей меня невзгоды.

На другой день я отдалъ ему визитъ и мы провели вмѣстѣ около двухъ часовъ. Взаимное довѣріе росло и я только удивлялся, какъ хорошо онъ зналъ о Паленѣ, Безбородко и о другихъ вліятельныхъ лицахъ. Такъ какъ онъ былъ довѣреннымъ лицомъ Людовика XVIII, то я не сомнѣвался, что король прекрасно освѣдомленъ о всемъ. Въ слѣдующій вторникъ по нѣсколько случайно брошеннымъ королемъ словамъ я догадался, что онъ знаетъ о нашемъ разговорѣ. Это обстоятельство установило идейную связь между мною и королемъ, которую понималъ только аббатъ Мари.

Намѣреваясь какъ можно пріятнѣе провести свое уединеніе въ Курляндіи, я принялся устраивать свой домъ, въ которомъ думалъ пользоваться дружескимъ обществомъ моихъ милыхъ французовъ. Въ октябрѣ стали давать себя знать морозы и я позаботился объ отопленіи дома. Я уже мечталъ о томъ, какъ радостно свижусь я съ моей женой, которая должна была скоро пріѣхать, и сидѣлъ однажды за чтеніемъ моего дорогого Жанъ-Жака, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ губернатора Ламсдорфа.

Онъ былъ блѣденъ и смущенъ. Я думалъ, что онъ боленъ и выказалъ по отношенію къ нему, свою заботливость, попенявъ ему, что при своемъ слабомъ здоровьи онъ въ такой морозъ выходитъ изъ дома.

— Не въ томъ дѣло,—заговорилъ онъ со смущеннымъ и дѣланнымъ выраженіемъ лица,—мое здоровье не такъ плохо. Но я очень растроенъ. Моя должность становится для меня невыносимой. Ужасно непріятно, когда приходится исполнять только одни непріятныя порученія.

Эти слова бросили для меня лучъ свѣта и, вообразивъ самое худшее, я спросилъ:

— Меня ждетъ фельдъ-егерь въ кибитки? Куда онъ долженъ меня отвести?

— Дѣло не такъ плохо, но императоръ приказалъ вамъ немедленно выѣхать изъ Митавы и до новаго распоряженія остановиться въ вашемъ имѣніи.

Я прочелъ предъявленную мнѣ бумагу, въ которой было сказано только то, что Ламсдорфъ передалъ мнѣ на словахъ.

— Что же я такое сдѣлалъ,—воскликнулъ я,—за что меня можно наказать ссылкой?

— Не знаю. Можетъ быть, вы что-нибудь написали?

— Можете ли вы думать нѣчто подобное о человѣкѣ, который долго служилъ въ Петербургѣ?

— Въ такомъ случаѣ нужно предполагать, что на васъ взведена какая-нибудь клевета отсюда. Если разсчитать время отправки фельдъ-егеря изъ Петербурга, то окажется, что онъ былъ посланъ спустя часъ или два послѣ прибытія почты изъ Митавы.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ по поводу этого непонятнаго наказанія, губернаторъ поднялся и сказалъ:

— Вы знаете, что приказы императора должны исполняться въ 24 часа. Не скрою отъ васъ, что фельдъ-егерю приказано возвращаться обратно только тогда, когда онъ убѣдиться, что вы покинули уже Митаву.

Я вынулъ часы.

— Теперь четыре. Даю вамъ слово, что завтра раньше четырехъ часовъ я остановлюсь передъ вашимъ подъѣздомъ въ моемъ нагруженномъ чемоданами экипажѣ, чтобы попрощаться съ вами. Вы можете приказать фельдъ-егерю сопровождать меня, пока я не выѣду за предѣлы города.

Достойный Ламсдорфъ былъ глубоко тронутъ. Онъ сильно боялся впечатлѣнія, которое можетъ ссылка произвести на мою жену. Каждый невинный человѣкъ пойметъ мое положеніе. Легко сказать: невинность даетъ покой. Конечно это вѣрно въ смыслѣ сознанія своей правоты, но это не предохраняетъ отъ ударовъ, которые невозможно предвидѣть.

Вся кровь бушевала во мнѣ противъ низкаго клеветника. Большими шагами ходилъ я по своей милой залѣ, которую предстояло покинуть, чтобы, можетъ быть, умереть въ изгнаніи, которое каждую минуту становилось все тягостнѣе и суровѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если меня могли безъ всякой причины выслать изъ города, то могли меня и арестовать въ моемъ имѣніи и даже перевести отсюда въ крѣпость.

Я попросилъ зайти ко мнѣ одного изъ моихъ друзей, чтобы сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ моему отъѣзду и че-

резъ него устроиться съ моей корреспонденціей. Къ счастью мое имѣніе находилось всего въ полутора верстахъ отъ Митавы, вслѣдствіе чего я могъ обезпечить за собою надежные и мало замѣтные способы для доставки мнѣ корреспонденціи.

Часть ночи я провелъ въ приготовленіяхъ къ новому переселенію и рано утромъ сообщилъ моимъ сестрамъ о происшедшей въ моей судьбѣ перемѣнѣ. Онѣ вызвались провести со мною недѣли двѣ въ мѣстѣ моей ссылки. Старшая со мною пожелала отправиться вмѣстѣ со мною.

Мнѣ было очень жаль, что моя жена еще не пріѣхала. Мнѣ посовѣтовали послать ей кого-нибудь навстрѣчу, чтобы подготовить ее. Но такъ какъ это средство казалось мнѣ не особенно удобнымъ, то я рѣшился ждать ее до 3 часовъ.

Къ счастью она пріѣхала между 2 и 3 часами и чрезвычайно удивилась, видя, что мой экипажъ нагруженъ чемоданами и, видимо, приготовился къ отправленію въ дальній путь.

— Я уѣзжаю въ Бранденбургъ,—сказалъ я ей,—чтобы снова приняться за это имѣніе. Управляя сами, мы можемъ получить большой доходъ и, кромѣ того,—прибавилъ я, принудивъ себя улыбнуться, каждую минуту насъ можетъ постичь ссылка, какъ это уже и случилось со многими другими.

— Мы, значитъ, сосланы,—воскликнула она, блѣднѣя.

— А если бы даже и такъ, то какая разница будетъ для насъ жить въ 12 верстахъ отъ города.

— Такъ вотъ что мнѣ старался дать понять генералъ Бенкендорфъ!

Она разсказала мнѣ о загадочномъ разговорѣ, который происходилъ между нею и генеральшей фонъ-Ховенъ и смысла котораго она не могла уловить. Они, очевидно, подготавливали ее къ плохимъ вѣстямъ.

— Оставайся здѣсь,- сказалъ я,- ссылка тебя вѣдь не касается. Успокойся и приведи въ порядокъ наши дѣла, чтобы можно было провести зиму въ имѣніи. Время уходитъ и я долженъ ѣхать.

Я усѣлся въ экипажъ и вышелъ у дома губернатора, гдѣ мой фельдъ-егерь съ важной миной смотрѣлъ на часы, зрѣлище, которое заставило меня содрогнуться.

Я поручилъ Ламсдорфу свою жену и онъ обѣщалъ мнѣ навѣстить ее, какъ только я отъѣду на нѣкоторое разстояніе отъ города, и служить ей всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Я просилъ его передать мой нижайшій поклонъ Людовику XVIII и выразить сожалѣніе по поводу разлуки съ тѣми господами, съ которыми я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Прошло еще часа полтора — и я увидѣлъ себя сосланнымъ на вѣки въ имѣніе, которое отдано было въ аренду и въ которомъ я былъ всѣмъ чужой. Мое присутствіе здѣсь терпѣлось лишь въ силу высочайшаго повелѣнія.

Деревенская жизнь никогда не представлялась для меня привлекательной. Легко поэтому представить себѣ мое раздраженіе, которое меня ожидало здѣсь, куда я явился противъ моей воли и притомъ еще въ то время, когда поля и лѣса, лишенные своего убора, представляли печальную картину умиранія. Даже счастливый человѣкъ, если онъ только не имѣетъ привычки, едва ли долго выдержитъ при видѣ этой лишенной красокъ печальной картины. Каково же она должна была дѣйствовать на мою душу, удрученную горемъ, и на тѣло, ослабленное столькими потрясеніями. Черезъ нѣсколько дней моя жена пріѣхала ко мнѣ со свояченицей и, такимъ образомъ, насъ стало человѣкъ 5 — 6. Непріятное положеніе, когда у себя же не бываешь хозяиномъ, было для меня невыносимо. Поэтому я написалъ арендатору Кеттлеру и просилъ его уничтожить арендный договоръ, чему онъ былъ очень радъ, ибо обкрадываемый своимъ управляющимъ онъ почти не имѣлъ никакого дохода отъ этой аренды.

Губернаторъ рекомендовалъ моей женѣ держаться какъ можно замкнутѣе. Онъ предполагалъ, что императоръ истолкуетъ во зло необыкновенное участіе, которое мнѣ было выказано при моемъ возвращеніи. Въ самомъ дѣлѣ все дворянство оказало мнѣ огромную предупредительность и нашъ домъ никогда не былъ пустъ. Поэтому мы просили нашихъ друзей не подвергать насъ опасности и не дѣлать намъ визитовъ, которыхъ

нельзя было скрыть. Большую часть времени мы, сами того не замѣчая, проводили въ напрасныхъ попыткахъ разгадать загадку, которая измѣнила мою судьбу.

Наконецъ, я получилъ давно жданный отвѣтъ на посланное мною надежнымъ образомъ письмо къ одному изъ моихъ друзей.

«Императоръ впалъ въ неудовольствіе, узнавъ изъ письменнаго сообщенія изъ Митавы, будто вы посѣщаете балы и общественныя собранія и громко заявляете, что вскорѣ вы вернетесь ко двору еще съ большимъ блескомъ. «Онъ смѣетъ мнѣ перечить», воскликнулъ императоръ. Хорошо, я зашлю его туда, гдѣ ему не передъ кѣмъ будетъ хвастаться».

«Паленъ, который былъ при этомъ, не сказалъ ни одного слова въ вашу пользу, между тѣмъ какъ Лопухинъ горячо держалъ вашу сторону и говорилъ такъ разумно, что совершенно смягчилъ гнѣвъ императора и тотъ сказалъ: «Напишите курляндскому губернатору, чтобы онъ отослалъ барона въ его имѣніе до новаго распоряженія. Паленъ разсказывалъ обо всемъ одному изъ своихъ друзей, который васъ не долюбливаетъ, и былъ чрезвычайно удивленъ участіемъ, которое принялъ въ васъ генералъ-прокуроръ. Будьте покойны, въ скоромъ времени все можетъ перемѣниться».

Это письмо успокоило меня на нѣкоторое время; но мнѣ хотѣлось обнаружить автора письма изъ Митавы и я старался косвеннымъ образомъ опровергнуть клевету, жертвою которой я сталъ.

Моимъ друзьямъ долго не представлялось случая писать мнѣ съ безопасностью. Наконецъ, въ ноябрѣ 1798 г. получилъ я одно письмо. Вотъ одно мѣсто изъ него: «Ваша болѣзнь огорчаетъ меня больше, чѣмъ ваша ссылка, ибо въ столицѣ мы гораздо несчастнѣе васъ. Мы только и видимъ перевороты и ужасъ насъ охватываетъ насъ всѣхъ. Бѣдный генералъ фонъ-Ховенъ уволенъ потому, что его жена воспитывалась вмѣстѣ съ фрейлиной Нелидовой и всегда была съ нею въ дружбѣ. Растопчинъ перешелъ на гражданскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Паленъ получилъ Андреевскую ленту, а его другъ Кутайсовъ орденъ св. Анны 1 степени съ бриліантами. Увѣряютъ, что онъ будетъ украшенъ еще мальтійскимъ крестомъ, ибо императоръ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался гросмейстеромъ, чувствуетъ себя абсолютнымъ властителемъ ордена. 17 октября происходила комедія объявленія Павла гросмейстеромъ Іоаннитовъ. Онъ считался уже ихъ покровителемъ, но этотъ титулъ болѣе подходилъ къ его императорскому достоинству. Всѣ гросмейстеры до сего времени выбирались изъ числа подданныхъ другихъ государей. Но Литта надѣется, что ему, въ качествѣ намѣстника, придется исполнять обязанности гросмейстера и онъ такимъ образомъ можетъ извлечь кое-какую пользу для себя.

«Между тѣмъ императоръ своимъ торжественнымъ указомъ отъ 23 ноября 1798 г. далъ намъ новаго святого. Это монахъ Ѳеодосій Толмскій, тѣло котораго было погребено въ 1558 г. и обрѣтено нетлѣннымъ въ 1796 г. Населяя небо святыми, а улицы Петербурга рыцарями, онъ воображаетъ, что усиливаетъ свою власть съ помощью неба и надѣется современемъ быть самому на небѣ. Шайка продолжаетъ выдерживать его въ своихъ идеяхъ и постоянно возрастающая плѣнительность ихъ можетъ надѣлать не мало вреда. Дризенъ только что назначенъ курляндскимъ губернаторомъ, онъ уѣзжаетъ немедленно. Онъ можетъ замѣнить Ламсдорфа, но не въ состояніи заставить его забыть. Какая разница между тѣмъ и другимъ!»

Это письмо крайне огорчило меня. Я очень уважалъ Ламсдорфа и хотя зналъ и Дризена за хорошаго человѣка, неспособнаго сознательно приносить вредъ; однако мнѣ было извѣстно, что онъ во время проживанія въ Курляндіи, безпрестанно просилъ то пособія, то подарковъ и что на свой постъ онъ не несетъ съ собою репутацію отзывчиваго, великодушнаго и безкорыстнаго правителя.

Лишь только онъ прибылъ въ Митаву, я поручилъ одному изъ моихъ друзей позондировать его насчетъ его намѣреній относительно меня. Мнѣ было извѣстно, что секретнымъ распоряженіемъ императоръ поставилъ всѣхъ удаленныхъ подъ надзоръ губернаторовъ. Дризенъ отвѣчалъ

моимъ друзьямъ съ таинственнымъ видомъ: «Могу вамъ только сказать, что будетъ хорошо, если его перестанутъ навѣщать въ его имѣніи. Этотъ совѣтъ я даю не какъ губернаторъ, а какъ другъ».

Этотъ совѣтъ убѣдилъ меня, что Ламсдорфа удалили только для того, чтобы имѣть въ Курляндіи креатуру Кутайсова, которая дѣйствовала бы подъ руководствомъ шайки, и что я, очевидно, значусь въ таинственномъ спискѣ лицъ, которые должны быть «подъ присмотромъ».

Однажды вечеромъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, я вдругъ почувствовалъ слабость и упалъ на ближайшій стулъ. Моя жена, испуганная моимъ обморокомъ, послала въ Митаву за нашимъ врачемъ, но бѣдный старикъ былъ самъ нездоровъ. Онъ явился только на другой день, и не смотря на его успокоительныя улыбочки, я понялъ, что мое положеніе опасно. На слѣдующую ночь со мной сдѣлались судороги, но, пролечившись дней восемь, я сталъ чувствовать себя лучше. Между тѣмъ нашъ докторъ объявилъ, что по своей старости и по множеству у него паціентовъ онъ не можетъ меня навѣщать такъ часто, какъ бы онъ хотѣлъ. Тогда я рѣшился написать генералъ-прокурору Лопухину выхлопотать у императора милость—позволить мнѣ лѣчиться въ Митавѣ. На это письмо я получилъ очень вѣжливый отвѣтъ съ копіей указа, даннаго Дризену. 28 января я получилъ оффиціальное увѣдомленіе отъ губернатора и 2 марта опять былъ въ Митавѣ, гдѣ моя жена уже заранѣе все приспособила.

Въ качествѣ больного я былъ избавленъ отъ всякихъ визитовъ. Дризенъ получилъ орденъ св. Анны первой степени и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему подарокъ. У меня была массивная звѣзда этого ордена отличной берлинской работы. Ее то я и послалъ къ нему вмѣстѣ съ лентой. Это вызвало его визитъ ко мнѣ и увѣренія въ почтеніи и преданности. Онъ повторилъ мнѣ совѣтъ видаться по возможности съ немногими лицами, «ибо, прибавилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, мы окружены шпіонами, и вы лучше всякаго другого знаете, какъ дѣйствуетъ императоръ, если онъ на кого-нибудь *сердитъ*».

Поэтому я просилъ своихъ друзей не являться ко мнѣ одновременно, но посѣщать меня по одиночкѣ, чтобы было не такъ замѣтно.

Аббатъ Мари и другіе французы явились ко мнѣ съ визитомъ утромъ, герцогиня Де-Гише и другія дамы вечеромъ. Онѣ посѣтили и мою жену, которая не была ни въ ссылкѣ, ни въ немилости.

Общество въ такой же мѣрѣ содѣйствовало моему выздоровленію, какъ и врачи. Но судороги у меня продолжались, я ослабъ и сталъ нервнымъ. Докторъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Карлсбадъ и при случаѣ я рѣшилъ переговорить объ этомъ съ Дризеномъ, тотъ обиняками далъ понять, что это будетъ стоить около тысячи рублей. Я нашелъ, что это немножко дорого и такъ какъ многіе изъ моихъ знакомыхъ съ успѣхомъ лѣчились въ мѣстномъ курортѣ Балдонѣ, то я снова обратился къ Лопухину за разрѣшеніемъ отправиться на этотъ курортъ. Разрѣшеніе это могъ бы мнѣ дать и Дризенъ, такъ какъ курортъ находился въ предѣлахъ его губерніи. Но съ нимъ трудно было имѣть дѣло, такъ какъ онъ настаивалъ на буквальномъ смыслѣ указа «разрѣшить лѣчиться въ Митавѣ».

Лопухинъ немедленно отвѣтилъ, что императоръ даетъ мнѣ разрѣшеніе и что онъ самъ лично желаетъ, чтобы мое здоровье поправилось.

Это было много для человѣка, впавшаго въ опалу. Бумага произвела сенсацію и уже думали, что она знаменуетъ возвращеніе милости государя. Но такое мнѣніе было ошибочно: шайка слишкомъ ненавидѣла меня и старалась держать меня какъ можно дальше.

Новости изъ Петербурга гласили: Лопухинъ, которому стало въ тягость его положеніе, настойчиво требовалъ отставки. Напрасно его и его дочь осыпали титулами и богатствомъ: его душа возмущалась противъ несправедливостей, которыя совершались вслѣдствіе неуравновѣшанности Павла и злобности тѣхъ, кто его окружалъ. Благоволеніе къ Палену увеличивалось съ каждымъ днемъ. Онъ былъ сдѣланъ графомъ, точно также, какъ его другъ Кутайсовъ, которому дали званіе оберъ-егеймейстера съ оставленіемъ въ должности гардеробмейстера, чтобы прикрыть его прежнюю обязан-

ность парикмахера, которая, однако, продолжала лежать на немъ.

Г. М. проѣздомъ черезъ Митаву увѣрялъ меня, что у Палена множество враговъ. Особенно опасны для него генералъ Архаровъ, который тоже получилъ графскій титулъ, и генералъ Кологривовъ, которые и не скрываютъ своей ненависти къ нему.

Первый вышелъ изъ Гатчины и былъ превосходнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, неутомимо-дѣятельнымъ. Императоръ любилъ его, какъ собственное созданіе, но онъ отличался желчностью, былъ плохо образованъ и въ военныхъ кругахъ навлекъ на себя всеобщую ненависть. Второй былъ наѣздникомъ, превосходно сидѣлъ на лошади и отличался красивой наружностью. Павелъ, считая его храбрецомъ, такъ какъ онъ безсовѣстно хвасталъ, быстро повышалъ его, чтобы назначить его командиромъ гвардейскаго гусарскаго полка. Боясь быть убитымъ, онъ приказывалъ ему спать съ нимъ въ одной комнатѣ, и это обстоятельство сдѣлало Кологривова настолько же наглымъ, насколько онъ былъ невѣжествененъ.

Этотъ Кологривовъ имѣлъ глупость сказать однажды грубость Палену. Не смущаясь мнимой отвагой своего противника или въ полной увѣренности, что онъ не будетъ имѣть при дворѣ никакого успѣха, Паленъ обошелся съ нимъ крайне оскорбительно и осыпалъ его бранью. Такой энергичный языкъ заставилъ нахала замолчать, но съ этого времени они симпатизировали другъ другу еще менѣе, чѣмъ прежде.

Открытая вражда этихъ двухъ лицъ пошла только въ пользу Палена въ тѣхъ кругахъ, которые ненавидѣли Архарова и Кологривова.

Что меня больше всего удивило, такъ это внезапная отставка Литты. Благоволеніе, которымъ онъ пользовался, казалось, гарантируетъ его отъ всякихъ нападокъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на его итальянскую хитрость и пронырливость, противъ него нашли средство и показали императору письма его брата нунція, который, не смотря на свое званіе папскаго посла, былъ высланъ за границу.

Мѣсяца за три до этого, на одномъ изъ парадовъ, императоръ внезапно объявилъ во всеобщее свѣдѣніе: «Фельдмаршалъ князь Репнинъ увольняется въ отставку съ мундиромъ». При всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ князь Репнинъ обладалъ душой настоящаго придворнаго— этимъ сказано все. Онъ былъ внѣ себя отъ этой отставки и писалъ всѣмъ, кто былъ въ милости, но ни у кого не оказалось ни мужества, ни желанія ему помочь.

Не могу умолчать о поведеніи Репнина по отношенію къ Суворову, когда тотъ получилъ отставку. Павелъ приказалъ объявить въ дневномъ приказѣ, что «фельдмаршалъ Суворовъ, который увѣряетъ, что въ мирное время онъ безполезенъ, увольняется въ отставку». Такъ какъ императоръ не упомянулъ о разрѣшеніи ему носить мундиръ, то старый фельдмаршалъ, получивъ приказъ, велѣлъ выкопать у себя въ саду яму въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ оконъ и поставить туда открытый ящикъ. Когда все было готово, онъ явился въ полной парадной формѣ, со всѣми орденами. Сбѣжались его слуги и окрестные крестьяне, среди которыхъ только-что пронеслась вѣсть о его увольненіи. Приблизившись къ краю ямы, Суворовъ началъ снимать съ себя ордена и, поцѣловавъ ихъ, бросилъ въ ящикъ. Вслѣдъ за орденами послѣдовала шпага, шляпа и мундиръ. Затѣмъ онъ заперъ ящикъ, облачился въ крестьянскую одежду, которую держалъ наготовѣ слуга, и громко сказалъ: «Фельдмаршала Суворова больше не существуетъ; бросимъ въ землю отличія, полученныя имъ за свою службу, и похоронимъ ихъ».

Когда церемонія окончилась, онъ началъ опять: «Фельдмаршала Суворова больше нѣтъ, но живъ еще Суворовъ, вѣрноподданный Его Императорскаго Величества, чтобы молиться за своего государя». При этихъ словахъ онъ бросается на колѣни и начинаетъ молиться за государя и отечество. Поднявшись, онъ обнялъ офицера, принялъ отъ него указъ объ отставкѣ, поцѣловалъ двухъ стариковъ изъ крестьянъ и сказалъ имъ: «Вы платите мнѣ нѣсколько тысячъ рублей. Теперь мнѣ эти деньги не нужны и вы будете мнѣ давать рублей 500 въ годъ на жизнь, этого для меня хватитъ». Съ этими словами онъ пустился въ плясъ и, прыгая, вернулся домой.

Выше я говорилъ, что общество французовъ оказало благотворное вліяніе на мое настроеніе, а, стало быть, и на здоровье. Поэтому мнѣ слѣдовало бы разсказать о прибытіи въ городъ супруги Людовика XVIII и madame Royale (сестры Людовика), которое обѣщало сообщить нашему городу особый блескъ. Но день прибытія королевы ознаменовался непріятнымъ скандаломъ, который имѣлъ очень грустныя послѣдствія для Людовика.

Въ то время, какъ экипажъ королевы приближался въ ряду другихъ къ замку, всѣ съ изумленіемъ увидали, что изъ вереницы ихъ одинъ отдѣлился и направился прямо къ дому губернатора. Въ этомъ экипажѣ сидѣла камерфрау королевы. Ей предложили сойти и показали приказъ Людовика XVIII, въ силу котораго она должна быть отправлена обратно за границу съ запрещеніемъ когда-либо приближаться къ королевѣ.

Эта камерфрау подняла громкіе вопли о вѣроломствѣ, какъ она выражалась, и разсказывала передъ собравшейся толпою ужасныя вещи про Людовика. Въ то время, какъ она обращалась къ королю съ цѣлымъ потокомъ словъ, королева замѣтила, что нѣтъ ея дорогой Курвилльонъ и съ нетерпѣніемъ спрашивала о ней. Тогда ей доложили, что ея августѣйшій супругъ считаетъ эту женщину подстрекательницей и причиной возникшихъ между ними недоразумѣній и потому счелъ за лучшее отослать ее обратно. При такомъ извѣстіи королева потеряла свою сдержанность, вышла изъ себя, рѣшила сейчасъ же ѣхать обратно, жаловалась на вѣроломство и показывала подлинное письмо короля, гдѣ стояло: «Вы можете взять съ собою Курвилльонъ, если вы считаете ее для себя необходимой».

Эта исторія сдѣлалась злобою дня. Митавскіе якобинцы были отъ нея въ восторгѣ и забавлялись этимъ происшествіемъ. Это меня возмущало. Я говорилъ съ однимъ господиномъ, который мнѣ сознался, что король поступилъ неправильно, послѣдовавъ совѣту С. Приста, который склонилъ его къ такому некорректному шагу, который во всякомъ случаѣ слѣдовало бы смягчить. Между тѣмъ Курвилльонъ была отослана въ Вильну и тамъ поселилась въ одномъ изъ монастырей съ обязательствомъ оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока король не рѣшитъ окончательно ея судьбу. Оттуда она нашла случай написать императору, который приказалъ ей явиться въ Петербургъ, гдѣ она яростно нападала на короля. Пока, впрочемъ, мы оставимъ ее въ монастырѣ.

Едва прибыла madame Royale, какъ Людовикъ XVIII получилъ согласіе императора на обрученіе ея съ герцогомъ Ангулемскимъ. Павелъ написалъ невѣстѣ любезное письмо и прислалъ ей въ подарокъ брилліантовое колье.

На торжество были приглашены всѣ именитые люди Митавы. Я не рѣшился туда отправиться, но моя жена была на этой церемоніи. Насколько madame внушала всѣмъ симпатію къ себѣ, настолько же капризное поведеніе королевы не нравилось никому. Она держала себя безъ достоинства и всегда была въ дурномъ расположеніи духа. Въ день представленія она не сказала ни съ кѣмъ ни слова, такъ что никто изъ дамъ не хотѣлъ являться къ ней во второй разъ. Между тѣмъ въ ея свитѣ было нѣсколько очень привлекательныхъ дамъ: герцогиня де Серранъ съ двумя дочерьми, графиня Нарбонская, госпожа Дамасъ, которая скрашивала наше уединеніе и о которой я долженъ вспомнить съ благодарностью.

Когда начался сезонъ, мы отправились въ Бальдонъ, но недѣли черезъ три бѣжали оттуда отъ скуки. Только что вернулись мы въ городъ, какъ меня разбудили въ 4 часа утра и подали письмо отъ моей племянницы, госпожи Тормасовой, слѣдующаго содержанія:

«Я въ страшномъ отчаяніи. Императоръ только что уволилъ моего мужа отъ службы и сослалъ въ крѣпость Динабургъ. Мой мужъ сегодня ночью проѣзжаетъ черезъ Митаву, а я пріѣду сюда нѣсколькими часами раньше. Я не оставлю его и, надѣюсь, не совершатъ варварства и не откажутъ мнѣ въ разрѣшеніи раздѣлить его участь, ибо онъ боленъ и его едва не разбилъ параличъ».

Это неожиданное событіе сильно подѣйствовало на мои нервы, ибо я очень любилъ Тормасовыхъ. Комендантъ крѣпости генералъ Шиллингъ, рискуя лишиться своего мѣста, всячески старался

облегчить положеніе ссыльнаго. Онъ позволилъ госпожѣ Тормасовой остаться при мужѣ, а такъ какъ мѣстный генералъ-губернаторъ Бенкендорфъ былъ въ близкой дружбѣ съ Тормасовымъ, то комендантъ смотрѣлъ сквозь пальцы на все, что могло скрасить дни опальнаго.

Невольно является вопросъ, какое же преступленіе совершилъ Тормасовъ, если его подвергли столь суровому наказанію? Императоръ поручилъ командованіе литовскимъ дивизіономъ одному генералу, который былъ моложе Тормасова. Послѣдній въ порывѣ раздраженія написалъ государю, что онъ готовъ исполнять приказы Его Величества, но не можетъ служить подъ начальствомъ младшаго сослуживца и потому проситъ уволить его въ отставку. Конечно, съ формальной точки зрѣнія онъ не правъ. Но при всей его винѣ онъ не заслуживаетъ однако тройного наказанія: 1) у него отняли полкъ и генеральское достоинство, 2) отняли у него мундиръ и 3) заключили его въ крѣпость.

Черезъ нѣкоторое время Тормасова выпустили на свободу, но приказали ему жить у себя въ деревнѣ. Такъ какъ у его жены было имѣніе въ Курляндіи, то ему пришлось отправиться туда и проводить время недалеко отъ Митавы не безъ удовольствія.

Лопухинъ получилъ, наконецъ, отставку и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Беклешовъ, бывшій сначала рижскимъ губернаторомъ а затѣмъ генералъ-губернаторомъ въ Орлѣ и Курскѣ. Должность эта такова, что сила ея чувствуется во всей Имперіи и одинакова страшна какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Генералъ-прокуроръ есть око государево, а прокуроры по всей Имперіи его помощники, которые обязаны не только смотрѣть за исполненіемъ закона, но и тайно доносить своему начальнику о всемъ, что можетъ касаться безопасности государя или управленія государствомъ.

Выборъ новаго генералъ-прокурора встрѣтилъ повсемѣстно одобреніе. Беклешовъ, будучи Лифляндскимъ губернаторомъ, стяжалъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которую и сохранилъ за собою на всѣхъ должностяхъ. Онъ свободно говорилъ по-нѣмецки и хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, такъ что всѣ были довольны, что съ нимъ можно объясняться безъ переводчика.

Я зналъ Беклешова въ Петербургѣ, но знакомство наше было поверхностное. Тѣмъ не менѣе я былъ очень радъ этому назначенію, будучи увѣренъ, что онъ пойдетъ по прямому пути. Паленъ, отлично знавшій его по Ригѣ, хотѣлъ сдѣлать видъ, будто онъ способствовалъ этому назначенію, но я изъ вѣрныхъ источниковъ знаю, что императоръ самъ возымѣлъ эту мысль.

Фаворъ Палена и Растопчина увеличивался со дня на день. Послѣдній получилъ въ управленіе почту и пожалованъ Андреевской звѣздой. Черезъ нѣсколько дней Кутайсовъ получилъ орденъ Александра-Невскаго.

Пока эти господа незаслуженно пользовались милостями государя и Суворовъ достигъ высшихъ почестей. 8 августа императоръ пожаловалъ его титуломъ графа Италійскаго, а 26 издалъ приказъ воздавать ему воинскія почести, какія полагаются императору, хотя бы послѣдній и былъ самъ въ столицѣ. Великій князь Константинъ, который находился при побѣдоносной арміи, получилъ титулъ цесаревича.

Растопчинъ уже давно мѣтилъ на должность государственнаго канцлера и исполнялъ его обязанности съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Кочубей былъ уволенъ, а вице-канцлеромъ назначенъ гр. Панинъ. Мы скоро увидимъ тайную побудительную къ этому причину и убѣдимся, что всѣ эти насильственныя перемѣны, которыя ставятся насчетъ Павлу, являются только слѣдствіемъ глубокозадуманной комбинаціи и такой искусной паутины, что для этого нужна была дьявольская ловкость.

Какъ бы сами собой пошли толки противъ Беклешова и такъ какъ онъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія, то его опала была рѣшена. Ему готовились тысячи непріятностей. Такъ какъ онъ имѣлъ смѣлость противорѣчить государю, когда тотъ пускался въ юридическіе вопросы и хотѣлъ рѣшать ихъ безъ всякаго разбирательства, то ему стали ставить въ упрекъ его наставительный тонъ и медленное веденіе дѣлъ.

Павелъ замѣнилъ его генераломъ Обольяниновымъ, справедливость котораго Паленъ провозносилъ до небесъ и о которомъ онъ говорилъ съ уваженіемъ, когда, уже послѣ смерти Павла, я пріѣхалъ въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе жалѣли и Беклешова, не смотря на рѣзкія манеры. Незадолго до своей отставки онъ былъ назначенъ курляндскимъ вице-губернаторомъ на мѣсто уволеннаго въ отставку Гурко Арсеньева.

Фрейлина Нелидова заболѣла въ имѣніи Буксгевденовъ. Такъ какъ ей грозила опасность ослѣпнуть, то она просила у государя позволенія вернуться въ ея любимый Смольный институтъ, чтобы лѣчиться тамъ у своего прежняго врача и вмѣстѣ съ тѣмъ просила за Буксгевдена, который хотѣлъ ѣхать съ семьею за границу.

Императоръ не только разрѣшилъ ей все это, но даже прислалъ за нею придворные экипажи. Возвращеніе Нелидовой сильно встревожило заговорщиковъ: они боялись возможныхъ послѣдствій встрѣчи Павла и Нелидовой.

Тогда пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы отклонить императора отъ его намѣренія посѣтить его прежнюю больную пріятельницу. Онъ уже началъ совершать прогулки по направленію къ Смольному, но Кутайсовъ, который въ своей новой должности оберъ-шталмейстера всюду его сопровождалъ, сумѣлъ возбудить самолюбіе Павла и такимъ образомъ помѣшалъ ему сдѣлать первый шагъ къ сближенію.

Съ другой стороны императрица замѣтила, что Павелъ колеблется и, очевидно, желаетъ повидаться съ Нелидовой, поспѣшила дать этому примиренію напрасную торжественность. Она устроила блестящій вечеръ, на которомъ обѣщалъ быть и императоръ. Шайка уже считала себя погибшей, и графиня Лопухина и Кутайсовъ старались вызвать у императора непріятное чувство, что онъ опять попадаетъ въ сѣти императрицы и Нелидовой.

Павелъ долго колебался и въ 7 часовъ вечера послалъ сказать, что онъ не будетъ. Онъ сдѣлалъ больше: онъ торжественно обѣщалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ живетъ Нелидова.

Какія многообразныя послѣдствія, какія счастливыя перемѣны могъ бы принести одинъ часъ разговора, при которомъ заговорило-бы долго сдерживаемое желаніе задушевности и дружбы, которой была нанесена такая рана. Необыкновенная впечатлительность Павла ожила бы отъ воспоминаній стараго, которое всегда дѣйствуетъ такъ сильно и та цѣль дѣятельности, которую ему указала бы безкорыстная дружба, вывела бы его на правильный путь, съ котораго его постарались совратить.

Спустя нѣкоторое время я былъ пріятно изумленъ визитомъ гр. Вельегорскаго, который проѣзжалъ черезъ Митаву. Онъ сообщилъ мнѣ, что опала съ него снята и что онъ даже надѣется опять поступить на службу. Эта новость доставила мнѣ тѣмъ большее удовлетвореніе, что я видѣлъ здѣсь счастливое предзнаменованіе для самого себя.

Моя жена написала Нелидовой письмо, въ которомъ освѣдомлялась о ея здоровьи. Въ отвѣтъ послѣдняя, между прочимъ, писала: «Я поставила себѣ закономъ не видаться ни съ кѣмъ, кромѣ подругъ по институту и отъ этого твердаго рѣшенія отступать не хочу». Въ самомъ дѣлѣ она ни разу не пріѣзжала въ городъ и проводила жизнь въ большомъ уединеніи.

Едва уѣхалъ Вельегорскій, какъ явился ко мнѣ старшій сынъ Шуазеля съ извѣстіемъ, что его отецъ и генералъ Ламбертъ высланы. Онъ между прочимъ сообщилъ, что его отецъ собирается насъ посѣтить. Моя жена была очень испугана этимъ посѣщеніемъ, опасаясь, что онъ надѣлаетъ намъ бѣдъ. Она просила его передать отцу наше извиненіе въ томъ, что мы не рѣшаемся принять его у себя, такъ какъ мы сами значимся въ списки лицъ, подвергшихся высылкѣ.

Поведеніе императора относительно Шуазеля и Ламберта встревожило меня за участь Людовика XVIII. Я говорилъ объ этомъ съ аббатомъ Мари. Но всѣ эти господа до того были увѣрены въ благосклонности Павла, что я не настаивалъ на своихъ предостереженіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ императоръ предложилъ королю скрѣпить узы связавшей ихъ дружбы и братства и принялъ орденъ св. Духа и св. Лазаря, приславъ съ своей стороны королю орденъ св.

Андрея Первозваннаго и крестъ ордена Іоаннитовъ. Король воспользовался случаемъ и пожаловалъ орденъ св. Лазаря Палену, Растопчину и Панину. Съ разрѣшенія императора тотъ же орденъ былъ пожалованъ митавскому губернатору и генералу барону Ферзену. Везти въ Петербургъ орденъ св. Духа было поручено аббату де Фирмонъ, а орденъ св. Лазаря г. Коссе. Оба они были осыпаны знаками милости. Де Фирмонъ говорилъ, что невозможно быть любезнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ былъ Павелъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

Легко понять, что со стороны Людовика XVIII и окружавшихъ его это было проявленіе новой угодливости, которая должна была увлечь Павла. Всѣ питали твердую увѣренность, которой я, однако, не раздѣлялъ, о чемъ я со своей обычной прямотой и сказалъ аббату Мари. Но со свойственной французамъ учтивостью мнѣ замѣтили, что вслѣдствіе своей личной неудачи вещи представляются мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ и что можно вполнѣ полагаться на лояльность Павла и на поддержку Растопчина.

Между тѣмъ наступилъ купальный сезонъ. Мы отправились въ Бальдонъ и встрѣтили тамъ бывшаго генералъ-прокурора Беклешова, бывшаго президента академіи художествъ и бывшаго посланника гр. Шуазель-Гуффріе, бывшаго генерала Экеля и многихъ другихъ бывшихъ, которые всѣ искали хотя нѣкотораго облегченія своихъ физическихъ немощей, и въ этомъ находили единственное развлеченіе отъ своихъ нравственныхъ страданій.

Несчастіе сближаетъ людей въ особенности, если они испытали одинаковую несправедливость. Деревенскій храмъ Наядъ служилъ для насъ сборнымъ пунктомъ. Въ началѣ разговоры шли о болѣзни и тщательно избѣгали взаимнаго сближенія изъ опасенія шпіоновъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней мы замѣтили двѣ три подозрительныя фигуры. Но было не трудно держаться отъ нихъ подальше или направить ихъ на ложный слѣдъ.

Я былъ очень радъ, что познакомился съ Беклешовымъ поближе. Его открытое лицо, его простое, хотя нѣсколько рѣзкое обращеніе понравились мнѣ. Не говоря про императора ни дурного, ни хорошаго, мы толковали о разныхъ мѣропріятіяхъ и я не слыхалъ отъ него ни одного несправедливаго приговора, хотя и не всегда былъ согласенъ съ нимъ относительно нѣкоторыхъ лицъ, насчетъ которыхъ у него были свои предразсудки. Однажды разговоръ зашелъ о моемъ печальномъ положеніи и онъ сказалъ мнѣ:

— Вы напрасно считаете его хуже, чѣмъ оно есть. У меня былъ списокъ лицъ, которыя должны находиться подъ надзоромъ. Могу васъ увѣрить, что вы тамъ не значились. И если дѣлаютъ видъ, будто имѣютъ относительно васъ спеціальныя распоряженія, то это просто уловки, которыя позволяютъ въ провинціи, чтобы предать себѣ больше вѣсу.

Съ этого момента онъ поразсказалъ мнѣ много интереснаго и я почувствовалъ къ нему чувство истиннаго уваженія, которое во мнѣ не такъ-то легко возбудить. Онъ ни слова не говорилъ о Паленѣ, но такое молчаніе объясняло все. Избѣгалъ онъ говорить и о Кутайсовѣ, но когда произносилось это имя, презрѣніе выражалось на его лицѣ.

Съ графомъ Шуазель я видѣлся довольно часто. Мы вмѣстѣ присутствовали, бывало, при дворѣ на малыхъ выходахъ, вмѣстѣ, бывало, тамъ ужинали. Такъ какъ судьба наша была одинакова, то мы и бесѣдовали между собою съ полной откровенностью. Въ общемъ бесѣдовать съ нимъ было пріятно, но въ концѣ концовъ становилось ясно, что онъ очень образованъ, но не глубокъ. Онъ отлично усвоилъ нѣсколько идей, бывшихъ тогда въ модѣ, но мало думалъ и мало размышлялъ. Его поверхностность сообщала ему свѣтскій лоскъ. Природа сдѣлала для него все, но лѣнь и удовольствіе похитили у него слишкомъ много времени и не дали ему возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ свои таланты.

По возвращеніи изъ Бальдона я получилъ письмо изъ столицы, помѣченное 15 сентября 1800 г. Велико было мое изумленіе, когда я прочелъ: «Паленъ только что потерялъ мѣсто генералъ-губернатора, его сынъ, полковникъ коннаго полка, удаленъ изъ столицы и въ тотъ моментъ, когда я пишу, его экипажи стоятъ на готовѣ. Онъ ожидаетъ приказа присоединиться къ своей ди-

визіи, ибо у насъ готовится война съ Англіей, вслѣдствіе чего начинается передвиженіе войскъ. Около Гатчины будутъ большія маневры».

Черезъ нѣсколько дней мнѣ снова писали: «Положеніе Палена лучше, чѣмъ когда-либо. На маневрахъ онъ командуетъ одной арміей, а Кутузовъ другой. Императоръ внѣ себя отъ радости, что у него въ арміи два такихъ тактика. Онъ сдѣлалъ имъ подарки и наградилъ офицеровъ и генераловъ, какъ будто была одержана большая побѣда.

Тѣ, кто знаетъ подкладку комедіи, говорятъ, что войдетъ въ силу Дибичъ [1]). Онъ подкупилъ императора тѣмъ, что скрывалъ отъ него его малѣйшіе промахи. Пройдоха-пруссакъ каждую минуту выкрикивалъ по-нѣмецки: «О, великій Фридрихъ! Еслибъ ты только видѣлъ армію Павла! Она выше твоей!» Этотъ льстивый энтузіазмъ совершенно покорилъ сердце императора. Умѣли очень ловко возбудить его воображеніе и направить его на какую-нибудь яко-бы справедливость, которую нужно было воздать нашимъ войскамъ, которые де всѣ движенія исполняютъ съ величайшей пунктуальностью.

Ко всѣмъ своимъ должностямъ Паленъ присоединилъ еще должность Эстляндскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, его власть распространялась теперь на важнѣйшія вслѣдствіе своихъ гаваней провинціи.

Дризенъ вдругъ потерялъ свое мѣсто губернатора, на которое былъ назначенъ вице-губернаторъ Арсеньевъ. А его замѣстилъ прокуроръ Брискорнъ, переведенный сюда изъ Казани.

Англія снова отняла у французовъ островъ Мальту. Павелъ потребовалъ, чтобы этотъ пунктъ пребыванія ордена, котораго онъ былъ гросмейстеромъ, былъ возвращенъ, но ему отвѣтили, что такъ какъ императоръ всероссійскій выступилъ изъ коалиціи еще до завоеванія этого острова, то вопросъ о его возвращеніи будетъ предметомъ сужденія при выработкѣ будущихъ условій мира и что до того времени Англія не можетъ дать какого-либо положительнаго отвѣта.

Не смотря на мягкую форму, въ которую Сентъ-Джемскій кабинетъ облекъ свой отказъ, Павелъ впалъ въ страшный гнѣвъ. Онъ сейчасъ-же распорядился (14 октября 1800 г.) конфисковать всѣ англійскія суда, бывшія въ нашихъ гаваняхъ, а затѣмъ (18 октября) распронилъ это распоряженіе на всякія имущества и товары, принадлежавшіе англичанамъ.

Насильственныя мѣры вызвали необыкновенное возбужденіе въ Петербургѣ и въ Ригѣ, гдѣ были гавани съ милліоннымъ оборотомъ. Узнавъ объ этомъ, я сказалъ своимъ друзьямъ: императоръ затѣялъ большую игру. Французскіе якобинцы, съ которыми онъ обращается по заслугамъ, безъ сомнѣнія, питаютъ къ нему особенную ненависть. И если теперь наши гавани закрываются для англичанъ, а ихъ имущество подвергается секвестру, то нужно опасаться, что среди людей, которые ввергнуты этимъ въ нищету, найдется человѣкъ, способный на все.

Между тѣмъ окружающіе Павла, казалось, съ одобреніемъ приняли подобную выходку. Геній Бонапарта замѣтилъ этотъ моментъ раздраженія противъ Лондонскаго двора. Онъ сдѣлалъ Павлу лестныя предложенія сначала черезъ Берлинъ, а затѣмъ и непосредственно отъ себя. Бумага была составлена такъ ловко и исполнена такой тонкой лести, что Павелъ забылъ свою ненависть къ Франціи и сталъ сближаться съ правленіемъ, которое онъ только что гналъ огнемъ и мечомъ.

Паленъ сдѣлался главной пружиной во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предложилъ императору одну изъ самыхъ рискованныхъ мѣръ, которая была какъ разъ по вкусу Павлу.

— Вашему Величеству угодно было наказать исключеніемъ изъ арміи весьма значительное количество офицеровъ. Въ этомъ числѣ, безъ сомнѣнія, есть и такіе, которые исправились и могли бы усердно нести службу, если бы имъ выпало счастье снова вернуться въ армію.

— Вы правы,—отвѣчалъ императоръ,—я ихъ всѣхъ прощаю и разрѣшаю принять ихъ немедленно.

Вотъ примѣръ того, какъ охотно дѣ-

[1]) Этотъ Дибичъ былъ адъютантомъ Фридриха II. Такъ какъ онъ зналъ малѣйшіе подробности жизни великаго короля, то Павелъ рѣшился подражать ему въ самыхъ смѣшныхъ мелочахъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ обо всемъ судить съ точки зрѣнія Фридриха.

лалъ онъ добро и какъ можно было направить къ добру его черезчуръ большую впечатлительность.

1-го ноября былъ изданъ манифестъ, въ силу котораго всѣ отрѣшенные и исключенные изъ службы могли вернуться обратно, если только они не подверглись формальному судебному осужденію. Но въ манифестѣ была прибавка, которая поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Всѣмъ отрѣшеннымъ и уволеннымъ по всей огромной имперіи отъ Иркутска до Прусской границы было приказано явиться лично въ Петербургъ.

Эта прибавка повергла въ отчаяніе тѣхъ, кому, при недостаткѣ средствъ, предстояло совершить путешествіе въ 3—4000 верстъ, а затѣмъ, пожалуй, и еще столько же и притомъ только для того, чтобы вернуться къ своимъ прежнимъ полкамъ. Было бы гораздо проще, если-бы тѣ офицеры, которые пожелали бы снова вступить въ службу, являлись бы къ военному губернатору своей губерніи, а тотъ посылалъ бы ихъ прошенія ко двору и сообщалъ бы имъ, куда имъ слѣдовало отправляться. Прибавка уничтожало все это добро, которое хотѣлъ сдѣлать императоръ.

И вотъ можно было видѣть, какъ офицеры генеральнаго штаба, многіе съ Георгіевскими крестами или съ орденомъ св. Владиміра, пѣшкомъ или верхомъ на тощей лошади или въ кибиткахъ, тащились въ Петербургъ. Многіе должны были просить милостыню, чтобы добраться сюда.

Павелъ, конечно, могъ устранить всѣ эти затрудненія, стоило ему только вдуматься въ дѣло. Но это страшно изумило бы тѣхъ, кто посовѣтовалъ ему совершить этотъ актъ благодѣянія и безъ сомнѣнія, лучше его зналъ о положеніи офицеровъ!

Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ былъ сзывать въ столицу сразу огромное число недовольныхъ? Развѣ не было заранѣе извѣстно, что обратно примутъ не всѣхъ? Развѣ не слѣдовало опасаться, что люди, ожесточенные нищетой и голодомъ, видя, что ихъ вторично выбрасываютъ со службы, могутъ придаться всякимъ проявленіямъ отчаянія?

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что такимъ путемъ надѣялись вызвать взрывъ—замыселъ, достойный позднѣйшаго злодѣянія.

Между тѣмъ похвалы Палену переходили изъ устъ въ уста. Чтобы обезпечить всходъ сдѣланному имъ посѣву, онъ разослалъ нѣсколькимъ генераламъ, которые, по его мнѣнію, были оскорблены болѣе другихъ, частное приглашеніе воспользоваться милостью императора.

Генералъ Тормасовъ все еще находился въ ссылкѣ и не попалъ подъ общую амнистію. Онъ получилъ отъ Палена дружескій совѣтъ обратиться непосредственно къ императору и дѣйствительно такъ и сдѣлалъ. Когда ему было разрѣшено прибыть въ Петербургъ, онъ представился Павлу, который почти не зналъ его въ лицо и былъ пріятно изумленъ его манерой говорить и держать себя. Онъ назначилъ его инспекторомъ кавалеріи въ Курляндіи и Лифляндіи и велѣлъ прикомандировать его къ королю шведскому, который тогда ожидался въ Петербургѣ. Императоръ слишкомъ отличилъ Тормасова и тѣмъ самымъ охладилъ съ этого времени отношенія къ нему Палена. Впослѣдствіи онъ перевелъ его на весьма опасное мѣсто командира коннаго полка, шефомъ котораго былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Не буду разсказывать здѣсь, какъ Павелъ поссорился съ юнымъ шведскимъ королемъ, который высказалъ большое хладнокровіе и достоинство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Павелъ забылъ, какъ онъ долженъ обходиться съ государемъ, котораго самъ такъ долго приглашалъ въ Петербургъ.

Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ добился отъ императора, чтобы оказанная милость была распространена и на военныхъ. Многіе изъ уволенныхъ снова вступили на службу, въ числѣ ихъ и гр. Вельегорскій. Онъ убѣждалъ меня также просить объ обратномъ пріемѣ на службу или, по крайней мѣрѣ, выразить желаніе снова вернуться на службу, и выставить единственнымъ препятствіемъ мою болѣзнь. Я послѣдовалъ его совѣту и просилъ разрѣшеніе отправиться въ прусскій курортъ Фрейенвальдъ. Проситься въ Карлсбадъ или Теплицъ было невозможно вслѣдствіе раздраженія Павла противъ Вѣнскаго двора. 10 Декабря 1800 г. я получилъ въ отвѣтъ, что время для отъѣзда выбрано неудачно.

Зубовъ, Волконскій, Куракинъ, Долго-

рукій и множество другихъ просили объ обратномъ пріемѣ и дѣйствительно всѣ были приняты на службу. Но съ нѣкоторыми бѣдными офицерами обошлись очень сурово и императоръ на смотру отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ. Не объясняя причинъ, онъ, взглянувъ на просителя, ограничивался только тѣмъ, что говорилъ своему адъютанту: «принять», или «отказать». И въ томъ и въ другомъ предстояло выѣхать изъ столицы въ теченіе трехъ сутокъ. Этого срока было бы достаточно для какого-нибудь отчаяннаго человѣка, который въ порывѣ гнѣва могъ потерять власть надъ собою. Но провидѣнію было угодно устроить все иначе и недовольные оставались вѣрными своему долгу.

Между тѣмъ вся политическая система Павла вдругъ подверглась перемѣнѣ. Онъ сблизился съ Бонапартомъ, который предлагалъ ему Мальту и возвращеніе русскихъ плѣнныхъ. Панинъ попалъ въ немилость. Графъ Карамонъ, присланный въ Петербургъ Людовикомъ XVIII въ качествѣ его посла, былъ высланъ. Король подумалъ, что его посолъ впалъ въ личную немилость у Павла и счелъ за лучшее спросить у него, чѣмъ графъ могъ навлечь на себя такое несчастье. Это письмо было очень ловко представлено Павлу какъ разъ въ такой моментъ, когда онъ былъ въ очень дурномъ настроеніи. Не зная намѣренія Людовика, Павелъ въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Онъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Надѣюсь, что онъ здѣсь еще не хозяинъ».

Только что онъ успокоился отъ возбужденія, какъ его снова раздражили, и страшный результатъ этого раздраженія обнаружился 3—15 января (1801 г.). Генералъ Ферзенъ получилъ отъ Палена бумагу, слѣдующаго содержанія:

«Вы передадите Людовику XVIII, что императоръ совѣтуетъ ему снова сойтись съ его супругой въ Килѣ».

Несчастный Людовикъ, какъ громомъ пораженный, написалъ Павлу трогательное письмо, которое заканчивалось такими словами: «не смотря на скорбь, которую онъ испытываетъ при такой немилости, онъ повинуется и ожидаетъ только необходимыхъ паспортовъ». Чтобы еще болѣе раздражить Павла, готовность короля къ отъѣзду постарались сдѣлать въ его глазахъ доказательствомъ того, какъ мало цѣнилъ онъ убѣжище, которое ему такъ великодушно было предоставлено. Тогда Павелъ забылъ священные законы гостепріимства и приказалъ сказать королю, котораго самъ же пригласилъ въ свою имперію, что если онъ желаетъ получить паспорта, то ему ихъ выдадутъ съ условіемъ, что онъ немедленно воспользуется ими какъ для себя лично, такъ и для всей своей свиты.

Этотъ страшный взрывъ уничтожилъ французовъ, которые не ожидали подобной жестокости.

Графъ д'Аварей не могъ удержаться отъ слезъ и самъ я плакалъ такъ же горько, какъ и онъ самъ, плакалъ о позорѣ, которымъ покрылъ себя монархъ, котораго я въ глубинѣ души продолжалъ еще любить.

Подъ вліяніемъ недалекихъ людей губернаторъ Арсеньевъ рѣшилъ, что высочайшій приказъ касается и лейбъ-гвардіи короля. Стоило большаго труда убѣдить его, что гвардія эта носитъ русскій мундиръ и состоитъ на жалованьи у императора. Только благодаря такимъ разъясненіямъ онъ согласился предоставить старымъ служакамъ отсрочку до полученія отвѣта изъ Петербурга. Но не прошло еще и 48 часовъ, какъ прибылъ третій фельдъ-егерь съ очень опредѣленнымъ приказомъ: «всѣ безъ исключенія французы должны уѣхать и притомъ возможно скорѣе».

Легко себѣ представить горе Людовика и особенно герцогини Ангулемской, которой императоръ подалъ столько надеждъ при ея обрученіи.

Аббатъ Мари почти не владѣлъ собою: онъ передалъ мнѣ черезъ виконта д'Агу, что у него нѣтъ силъ видѣть меня.

Къ неслыханному бѣдствію присоединилось еще пріостановка въ выдачѣ обѣщанной королю денежной помощи, которая раньше аккуратно выплачивалась 1-го января. Между тѣмъ Паленъ еще 4 декабря писалъ Ферзену, что деньги будутъ выплачены сполна. Эстафета за эстафетой летѣла въ Ригу, гдѣ, какъ полагалъ вице-губернаторъ Брискорнъ,

задерживали деньги вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія.

Король, герцогская чета и наконецъ всѣ, кто жилъ въ Ригѣ, хотѣли по крайней мѣрѣ распродать съ аукціона принадлежавшую имъ мебель и вещи. Но губернаторъ нашелъ, что не соотвѣтствуетъ достоинству императорскаго дворца устраивать въ немъ аукціонъ, и запретилъ его очень рѣшительно.

Узнавъ объ этомъ, я, хотя мнѣ и не здоровилось, поспѣшилъ къ Арсеньеву и поставилъ ему на видъ, что въ Петербургѣ послѣ умершихъ въ казенныхъ дворцахъ лицъ чуть не ежедневно устраиваются аукціонныя распродажи. Въ концѣ концовъ удалось его урезонить, и онъ обѣщалъ мнѣ дать соотвѣтственное разрѣшеніе. Но черезъ полчаса послѣ меня явился Брискорнъ и испортилъ все дѣло. Я приказалъ сообщить во дворецъ о результатѣ моихъ переговоровъ съ губернаторомъ, тамъ уже стали готовиться къ аукціону, но на другой день все перемѣнилось.

Съ одной стороны отказывали въ разрѣшеніи устроить аукціонъ, а съ другой торопили отъѣздомъ.

Я былъ въ негодованіи отъ такого обмана, но скоро открылъ причину столь несправедливаго отношенія: хотѣли принудить и короля и свиту оставить ихъ вещи, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ присвоить ихъ или даже сдѣлать видъ, что онѣ куплены на аукціонѣ, на который-де никто не явился.

Тогда мы съ нѣкоторыми друзьями подняли шумъ и дали понять, что общественное мнѣніе объясняетъ отказъ въ разрѣшеніи аукціона мотивами, мало похвальными. Это помогло, и распродажа наконецъ состоялась.

Никогда не забуду я отъѣзда несчастнаго Людовика и герцогини Ангулемской, на долю которыхъ выпали всѣ невзгоды злосчастной судьбы. Всѣ эти храбрые кавалеры, которыхъ принудили къ отъѣзду среди суровой зимы, должны были бы итти пѣшкомъ, если бы почтенные и сострадательные люди не сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить имъ незаслуженныя страданія.

Люди нашей среды вели себя по отношенію къ французамъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречно и даже курляндскіе бюргеры, тронутые ихъ судьбою, всячески старались имъ помогать.

Горестныя сцены потрясли мои и безъ того расшатанные нервы.

Послѣ прощанія съ д'Агу и графомъ д'Аварей я былъ настолько разстроенъ, что на поправленіе понадобилось нѣсколько недѣль.

ГЛАВА V.

Конецъ Павла.

Нужно было бы принять систему Мани, чтобы объяснить непонятное поведеніе нашего бѣднаго императора за послѣдніе мѣсяцы. Добро и зло слѣдовали у него другъ за другомъ. Доброта и варварство въ одинъ и тотъ же день диктовали ему самые противорѣчивые приказы. Въ ту самую минуту, когда всѣ расточали похвалы какой-нибудь справедливой и мудрой мѣрѣ, приходило извѣстіе, что все опять отмѣняется.

Чтобы разгадать эту загадку, я предложу читателю свою гипотезу. Онъ можетъ, конечно, не принять ее, если у него мелькнетъ разгадка, болѣе подходящая къ характеру Павла. По моему мнѣнію, каждый актъ доброты шелъ отъ теплаго чувства, а все то, что носило отпечатокъ жестокости, было результатомъ косвеннаго внушенія, зависти, ненависти, желанія показать самую вѣрную преданность его особѣ и, воспользовавшись положеніемъ, ускорить кризисъ, который становился положительно необходимъ. Благодаря своему вѣроломству и хитрости, интриганы не видѣли другого средства обезопасить себя, какъ совершить преступленіе.

Но возвратимся къ фактамъ.

Тѣ, кто не вникаетъ въ глубь вещей, были чрезвычайно довольны тѣмъ, что Румянцовъ и Державинъ снова были приближены, Нелединскій изъ ссылки былъ возвращенъ въ сенатъ и множество офицеровъ вновь вступили на службу. Но слишкомъ ужъ крута была эта перемѣна, слишкомъ многихъ безъ всякаго различія захватила эта перемѣна, такъ что всякій мыслящій человѣкъ невольно долженъ спросить себя, ради какой тай-

ной цѣли была предпринята такая удивительная мѣра.

Какимъ образомъ примирить нелѣпую смѣлость окружить себя недовольными съ тысячами разныхъ предосторожностей, которыя свидѣтельствовали объ опасеніяхъ и безпокойствѣ? Какимъ образомъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ неминуемой войною англичанамъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, въ то же время взялъ себѣ въ поварихи англичанку, которая жила почти рядомъ съ нимъ? Если всѣ адскіе замыслы и не удались, то во всякомъ случаѣ они показываютъ настойчивость въ осуществленіи задуманнаго плана и объясняютъ непонятное поведеніе императора.

Значеніе Кутайсова, этого необходимаго для коалиціи человѣка, возрастало со дня на день, точно такъ же, какъ и Палена. Публика съ неудовольствіемъ смотрѣла, какъ простого камердинера сдѣлали оберъ-шталмейстеромъ и украсили орденомъ Андрея Первозваннаго. Его любовница Шевалье пріобрѣла огромное на него вліяніе и властно подчинила его себѣ. Вскорѣ она стала торговать мѣстами, чинами и орденами. Весьма вѣроятно, что пришлось удалить Людовика вслѣдствіе ея интригъ. Но въ то время, какъ она покровительствовала французской партіи, дѣятельно работала и другая тайная партія, партія англійская.

Павелъ былъ въ это время занятъ украшеніемъ своего Михайловскаго дворца. Стѣны были еще такъ сыры, что со всѣхъ сторонъ лилась вода, не смотря на то, что онѣ были покрыты великолѣпными коврами. Враги старались уговорить императора не въѣзжать въ новый дворецъ, но онъ обошелся съ ними, какъ съ глупцами, и тогда они пришли къ заключенію, что въ немъ можно жить. Этотъ дворецъ прежде всего долженъ былъ служить убѣжищемъ для государя противъ всякаго покушенія на него. Рвы, подъемные мосты, трудно проходимые коридоры, казалось, дѣлали невозможной подобную попытку. Кромѣ того, Павелъ считалъ себя подъ непосредственнымъ покровительствомъ архангела Михаила, во имя котораго была устроена во дворцѣ церковь.

Императрица схватила простуду въ своихъ сырыхъ апартаментахъ, но не смѣла жаловаться. Великій князь Александръ жестоко страдалъ ревматизмомъ, какъ и весь дворъ. Одинъ Павелъ чувствовалъ себя прекрасно и только и занимался, что украшеніемъ своего новаго жилища, не предчувствуя, что онъ станетъ для него могилой.

Онъ порвалъ почти со всѣми государствами Европы. Растопчинъ былъ уволенъ за попытку смягчить письмо англійскому королю, которое продиктовалъ ему Павелъ. Было ли это обстоятельство дѣйствительнымъ поводомъ или только предлогомъ для увольненія. Паленъ получилъ постъ директора почтъ и такимъ образомъ сдѣлался хозяиномъ всѣхъ государственныхъ и частныхъ тайнъ. Съ этого времени онъ получилъ возможность руководить по своему желанію, рѣшеніями императора*), который дѣйствовалъ всегда по первому впечатлѣнію. Непосредственнымъ приказомъ губернатору онъ могъ пріостановить поѣздку всякаго лица, кто бы то ни былъ, и, наконецъ, достигъ такой власти, при которой все должно было удаваться.

Паленъ не терялъ времени. Онъ открылся Зубовымъ, которые сгорали отъ честолюбія и ненависти къ Павлу. Онъ воспламенилъ мстительность князя Яшвиля, котораго, какъ говорятъ, императоръ однажды въ минуту раздраженія ударилъ; вооружилъ Чичерина, Талызина, Татаринова и др. Чтобы дать сильнѣе почувствовать необходимость заговора, нашли способъ внушить Павлу страхъ передъ его женой и великимъ княземъ Александромъ. Однажды, во время парада, онъ даже старался держаться подальше отъ своихъ сыновей. Дверь своей

*) Такимъ путемъ ему удалось спасти Кутайсова, котораго императоръ вдругъ рѣшилъ удалить отъ себя. Императору обыкновенно представляли извлеченія изъ депешъ иностранныхъ пословъ, которыя вскрывались прежде, чѣмъ разрѣшали вывести ихъ за границу. Устроили такъ, будто шведскій посланникъ писалъ своему правительству: «Плохо освѣдомленная публика воображаетъ, что императоръ собирается уволить своего вѣрнаго Кутайсова. Но Его Величество слишкомъ уменъ и понимаетъ, конечно, что по силѣ его привязанности Кутайсова некѣмъ будетъ замѣнить». Обманутый этой хитростью, императоръ обнялъ Кутайсова и удержалъ при себѣ. Объ этомъ случаѣ Паленъ разсказывалъ въ присутствіи 7—8 лицъ, въ числѣ которыхъ находился и я.

спальни, которая вела въ покои императрицы, онъ приказалъ заколотить.

Какъ ни старались скрывать всѣ нити заговора, но объ немъ, повидимому, провѣдалъ генералъ-прокуроръ Обольяниновъ. Онъ косвеннымъ образомъ предупредилъ о немъ императора, который передалъ объ этомъ своему любимцу Кутайсову. Тотъ пустился увѣрять, что это лживый доносъ, которымъ просто хотѣли выслужиться. Чтобы усыпить Кутайсова, Паленъ устроилъ ему въ награду великолѣпное имѣніе въ Курляндіи и совѣтовалъ ему ни на минуту не разлучаться съ императоромъ, чтобы знать каждое его слово.

Вѣроятно, такимъ именно образомъ онъ узналъ, что императоръ приказалъ Аракчееву прибыть въ Петербургъ въ возможно непродолжительномъ времени. Боясь, что дѣло идетъ о его замѣнѣ, онъ отдалъ секретный приказъ чинить Аракчееву на пути всякія помѣхи и двумя днями ускорилъ исполненіе своего замысла, въ который посвятилъ и генерала Беннигсена. Тотъ являлся къ Палену за паспортомъ и, вѣроятно, высказалъ свое неудовольствіе на обращеніе Павла съ офицерами. Паленъ воспользовался моментомъ, чтобы привлечь Беннигсена къ заговору. Послѣ получасового разговора онъ возвратился въ канцелярію и заявилъ, что паспортъ ему теперь уже не нуженъ, такъ какъ онъ отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Исполненіе плана было назначено въ ночь съ четверга на пятницу. Но когда Паленъ явился съ рапортомъ въ понедѣльникъ, императоръ сказалъ ему сердитымъ тономъ:

— Есть у васъ что-нибудь новое?

— Нѣтъ, Ваше Величество.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что что-то затѣвается.

Уткнувшись въ бумаги, которыя онъ держалъ въ руки *), Паленъ постарался овладѣть собою и сказалъ съ улыбкой:

— Если что-нибудь затѣвается, то я долженъ быть объ этомъ освѣдомленъ. Я долженъ самъ быть при этомъ. Такимъ образомъ, Ваше Величество, можете быть покойны. Уполномочьте только меня арестовывать въ случаѣ необходимости всякаго, кто бы онъ ни былъ.

— Конечно, я даю вамъ это полномочіе, хотя бы то былъ кто-нибудь изъ великихъ князей или даже сама императрица.

— Соблаговолите, Ваше Величество, дать мнѣ о томъ письменный приказъ. Я уже выслѣдилъ кое-что, о чемъ буду завтра имѣть возможность представить Вашему Величеству положительныя извѣстія.

Императоръ написалъ указъ и Паленъ, не смотря на свое сильнѣйшее волненіе, вышелъ съ неподвижнымъ, словно металлическимъ лицомъ. Тотчасъ же увѣдомилъ онъ заговорщиковъ, что не должно терять ни одной минуты.

Послѣ того, какъ заговорщики овладѣютъ Павломъ, графъ Зубовъ взялъ на себя объявить ему о необходимости отречься отъ престола, прочесть самый актъ отреченія и заставить Павла подписать его.

12 марта императоръ поужиналъ въ самомъ спокойномъ и веселомъ настроеніи. На ужинѣ присутствовала и графиня Паленъ. По всей вѣроятности, она не знала о заговорѣ или же думала, что онъ будетъ приведенъ въ исполненіе не такъ скоро. Во время ужина Павелъ сказалъ:

— Мнѣ снилось, будто у меня кривой ротъ, говорятъ, это дурное предзнаменованіе.

— Когда Ваше Величество проснулись, ротъ оказался на мѣстѣ, съ улыбкой замѣтилъ Нарышкинъ [1]).

Императоръ засмѣялся и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Въ 10 часовъ государь по обыкновенію удалялся къ себѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго проходившій вдоль Лѣтняго сада гвардейскій баталіонъ спугнулъ стаю воронъ, которыя взлетѣли съ громкимъ крикомъ. Солдаты оробѣли и стали отказываться идти дальше. «Какъ, вскричалъ тогда Уваровъ, русскіе гренадеры,

*) Большую часть этихъ подробностей я слышалъ изъ устъ самого Палена. «Если бы Павелъ приложилъ руку къ моему сердцу, говорилъ онъ, то онъ открылъ бы весь заговоръ. Но мое лицо оставалось веселымъ и я спасся, благодаря бумагамъ, которыя были у меня въ рукахъ.

[1]) Я слышалъ объ этомъ отъ графини Паленъ и графини Ливенъ. Онѣ разсказывали объ этомъ въ моемъ присутствіи одному изъ своихъ друзей и притомъ именно въ этихъ самыхъ выраженіяхъ.

которые не боятся пушекъ, вдругъ испугались воронъ? Впередъ! Дѣло идетъ о нашемъ государѣ!»

Эти двусмысленныя слова сломили сопротивленіе солдатъ и они, ворча про себя, пошли за своими офицерами.

Другой отрядъ заговорщиковъ поднялся по маленькой лѣстницѣ въ тотъ моментъ, когда Паленъ вышелъ на дворъ, гдѣ уже были выстроены два баталіона гвардіи. Онъ отослалъ гатчинца—офицера, приказавъ ему, въ качествѣ генералъ-губернатора, взять съ собой двѣнадцать человѣкъ и арестовать Обольянинова, а двѣнадцать другихъ послать къ дому Нарышкина. Словомъ, онъ не переставалъ занимать караулъ исполненіемъ разныхъ мнимыхъ приказовъ, не давая ей замѣтить событій, которыя разыгрывались наверху.

Заговорщики [1]) сначала запутались было въ лабиринтѣ дворцовыхъ коридоровъ. Но Уваровъ, которому было извѣстно расположеніе дворца, собралъ ихъ вокругъ себя и повелъ черезъ залъ кавалергардовъ, которыхъ Паленъ за нѣсколько дней во этого ухитрился помѣстить подальше отъ спальни государя. Здѣсь его охраняли только два лейбъ-гусара, стоявшіе у двери въ спальню. Увидѣвъ, что Зубовы въ сопровожденіи деніи заговорщиковъ явились не въ урочное время, они преградили имъ путь, хотя дежурный адъютантъ и объявилъ имъ, что они являются по спеціальному приказанію. «Не пропущу», закричалъ довольно громко одинъ изъ гусаръ и сталъ грозить саблей. Человѣкъ 5—6 бросились на гусара. Тотъ былъ убитъ, его товарища убѣдили, что всякое сопротивленіе безполезно.

Шумъ разбудилъ императора. Онъ всталъ въ одной рубашкѣ и не имѣя времени открыть дверь, ведущую къ императрицѣ, спрятался за ширмы. Вломившись, заговорщики бросились къ постели и къ ужасу своему не нашли тамъ никого. Они кинулись обратно къ двери и тутъ увидали Павла.

— Какъ,—яростно закричалъ онъ князю Зубову.—Развѣ я вернулъ тебя изъ ссылки для того, чтобы ты меня убилъ?

Зубовъ началъ читать актъ отреченія. Тогда выступилъ Беннигсенъ.

— Ваше Величество больше не можете управлять двадцатью миліонами людей. Они дѣлаютъ васъ несчастнымъ. Остается, слѣдовательно, только подписать актъ вашего отреченія отъ престола.

Кипя отъ гнѣва, императоръ отвѣтилъ отказомъ.

— Ты поступилъ со мною, какъ тиранъ,—вскричалъ тогда князь Яшвиль,—смерть тебѣ!—При этихъ словахъ на императора посыпались удары. Онъ былъ раненъ въ плечо, въ голову. Затѣмъ заговорщики схватываютъ его шарфъ, лежавшій около кровати и не смотря на отчаяное сопротивленіе... перо вывадивается у меня изъ рукъ...

Павла уже нѣтъ въ живыхъ.

Пока все это происходило наверху, раненый гусаръ разбудилъ Кутайсова, крича:—Спѣшите къ государю, его убиваютъ.—Тотъ сначала бросился на верхъ, но тутъ мужество его покинуло и въ однихъ туфляхъ онъ убѣжалъ на Литейную, гдѣ жила Л., у которой онъ и скрывался.

Между тѣмъ Паленъ и Зубовы, не видя никого изъ заговорщиковъ, сильно волновались. Наконецъ тѣ появились внизу и стали кричать: «Павелъ умеръ. Да здравствуетъ Александръ!» Паленъ и сопровождавшіе его начальники подхватили этотъ крикъ, но солдаты безмольствовали. «Стало быть, сказали имъ Уваровъ и Талызинъ, вы недовольны, что императоромъ у васъ будетъ Александръ? Павелъ заболѣлъ сегодня утромъ и умеръ. Новый государь заставитъ васъ забыть о его отцѣ, который былъ черезчуръ строгъ».

— Онъ уже умеръ?—спросилъ Паленъ по нѣмецки своего адьютанта, который былъ внизу.

— Я уже объ этомъ вамъ докладывалъ.

— Тогда я отправлюсь наверхъ.

Онъ направился прямо къ графинѣ Ливенъ, разбудилъ ее и сказалъ: «Идите къ императрицѣ и доложите ей, что Павелъ скончался отъ удара и на престолъ вступилъ Александръ».

Послѣ этого онъ явился къ Александру, разбудилъ его и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, сказалъ: «Привѣтствую васъ,

[1]) Это были князья Зубовы Платонъ и Николай, Беннигсенъ, Шалызинъ, Уваровъ, князь Яшвиль, Аргамаковъ, Татариновъ и Гардановъ. Валеріанъ Зубовъ и гр. Паленъ благоразумно держались на дворѣ.

какъ моего государя. Императоръ Павелъ скончался отъ удара». Великій князь громко вскрикнулъ и едва не упалъ въ обморокъ.

— Государь, — продолжалъ Паленъ,— дѣло идетъ о вашей личной безопасности и о безопасности всей императорской фамиліи. Благоволите скорѣе одѣться и выйти, чтобы успокоить колеблющихся солдатъ. Здѣсь генералъ Беннигсенъ, князь Зубовъ, и вашъ адьютантъ. Они засвидѣтельствуютъ о смерти императора Павла. Пока же я отправлюсь къ императрицѣ.

Графиня Ливенъ уже разбудила императрицу, которая, увидѣвъ ее въ ночномъ платьѣ, воскликнула:

— Боже мой! Неужели заболѣлъ кто-нибудь изъ дѣтей?

— Нѣтъ. Я должна сообщить вамъ еще болѣе печальное извѣстіе. Скончался государь.

— Его убили!—воскликнула императрица.— Мнѣ показалось, что я слышала шумъ и подавленные крики.

Графиня Ливенъ помогла ей набросить на себя одежду. Когда императрица хотѣла войти въ комнату Павла, командовавшій карауломъ Паленъ приказалъ не пропускать ее туда.

— Какъ, вы осмѣливаетесь закрывать мнѣ доступъ въ комнату моего мужа?—воскликнула императрица.

— Я дѣлаю это ради Вашего Величества и императора Александра, котораго вы можете скомпрометировать чрезмѣрными выраженіями горя.

Императоръ Павелъ умеръ отъ удара.

— Хочу его видѣть. Его убили.

И она стала умолять солдатъ пропустить ее.

— Запрещаю вамъ именемъ государя императора,—сказалъ имъ Паленъ,—пропускать ее теперь въ первомъ порывѣ горя.

Онъ имѣлъ въ виду выиграть время и дать возможность одѣть убитаго и уничтожить слѣды убійства. Павла одѣвали на спѣхъ; на лицо нахлобучили шляпу, а шею обвязали большимъ носовымъ платкомъ.

Когда все было готово, стали поспѣшно разсылать приказанія командирамъ полковъ и въ губерніи. Къ 5 часамъ утра собрался сенатъ. Полки приводились къ присягѣ новому императору, а къ генералъ-губернаторамъ и къ важнѣйшимъ европейскимъ дворамъ были отправлены курьеры

Генералъ - прокурора Обольянинова арестовали, чтобы помѣшать ему дѣйствовать въ пользу Павла. Послѣ манифеста Александра его освободили. Однако новый императоръ сейчасъ же назначилъ генералъ-прокуроромъ Беклешова.

Извѣстіе о смерти Павла пришло въ Ригу 15-го. Когда я на другой день сидѣлъ за столомъ, ко мнѣ пріѣхалъ одинъ изъ друзей и сказалъ: «Важная новость. Павла уже нѣтъ въ живыхъ. Царствуетъ Александръ. Только что прибылъ курьеръ».

Нечего и говорить, какъ встрепенулся я при такой новости, хотя я уже давно предвидѣлъ и предчувствовалъ катастрофу.

На другой день пришелъ ко мнѣ докторъ... и разсказалъ подробности происшествія. Курьеръ оказался его старымъ знакомымъ и говорилъ, что заговорщики громко говорили по Петербургу о своихъ подвигахъ и хвастались ими, считая это актомъ справедливости, такъ какъ, благодаря имъ, насталъ конецъ страданіямъ 20 милліоновъ людей.

Полученное однимъ рижскимъ купцомъ письмо изъ Петербурга подтверждало всѣ подробности. Заговорщики были названы въ немъ по именамъ. На долю Палена отводилась главная роль въ этой ужасной сценѣ. Вотъ чѣмъ отплатилъ онъ за всѣ благодѣянія и полное довѣріе, которыя ему оказывалъ Павелъ!

Помилованіе, дарованное новымъ императоромъ, и любезное письмо, полученное мною отъ Беклешова, подало мнѣ мысль ѣхать въ Петербургъ и хлопотать о моей пенсіи, которая была у меня отнята вмѣстѣ съ должностью, хотя я всегда исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и точно.

24 апрѣля я тронулся въ путь съ тѣмъ большимъ волненіемъ, что здоровье мое разстроилось и сомнительно было, увижусь ли я еще разъ съ моими друзьями. Наплывъ въ столицу со всѣхъ сторонъ былъ такъ великъ, что всѣ гостинницы были переполнены.

Никогда перемѣна государя не вызывала такого восхищенія, какъ въ этотъ разъ. Въ столицѣ была страшная сума-

тоха, которая еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе ежедневнаго прибытія лицъ, которыя были въ ссылкѣ или въ заключеніи.

Молодой императоръ постоянно повторялъ, что онъ будетъ управлять по законамъ. Онъ особенно старался окружить себя людьми, которые были въ силѣ во времена Екатерины. 15 апрѣля онъ отобралъ у Палена почтовое управленіе и вручилъ его сенатору Трощинскому. Немедленно же уволилъ онъ и Кутайсова, разрѣшивъ ему уѣхать изъ Петербурга.

Онъ возстановилъ Тайный Совѣтъ и назначилъ въ него фельдмаршала Салтыкова, двоихъ Зубовыхъ, вице-канцлера князя Куракина, генералъ-прокурора Беклешова, упомянутаго выше Васильева, Палена, князя Лопухина, князя Гагарина, Кушелева и Трощинскаго. Онъ велѣлъ освободить всѣхъ англійскихъ матросовъ и рѣшилъ остаться покровителемъ Мальтійскаго ордена, заявивъ при этомъ, что онъ предоставляетъ ордену выбрать себѣ другого гросмейстера по соглашенію съ заинтересованными дворами. 2 апрѣля онъ уничтожилъ Тайную Канцелярію и въ тотъ же день подтвердилъ данную Екатериной Жалованную Грамоту Дворянства.

Прежде всего я посѣтилъ Беклешова, который принялъ меня очень хорошо. Затѣмъ я благодарилъ Лопухина и т. д.

Съ трудомъ рѣшился я ѣхать къ Палену. Но нашъ Корфъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрилъ меня честнымъ словомъ, что Паленъ въ разговорѣ съ нимъ отзывался обо мнѣ дружелюбно и съ признательностью. Къ тому же онъ былъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ и Корфу нужно было посѣтить его, если не какъ частное лицо, то какъ сановника. Онъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ и въ 11 часовъ мы отправились.

Комната, прилегающая къ его кабинету, была переполнена генералами, членами департамента иностранныхъ дѣлъ и вообще всевозможными сановниками. Намъ сказали, что его превосходительство занятъ съ посланникомъ графомъ Разумовскимъ, который долженъ возвращаться въ Вѣну. Мы ждали добрыхъ полчаса, пока, наконецъ, появился Паленъ. Тѣ, которые *стояли ближе* къ двери, окружили его сплошной стѣной. Онъ выслушивалъ каждаго, бросалъ слова два направо, слова два налѣво, но замѣтивъ поодаль стоявшаго незнакомаго мнѣ генерала, двинулся къ нему черезъ почтительно разступившуюся толпу, прошелъ возлѣ меня, видимо не замѣтивъ меня, и приблизился къ генералу, съ которымъ сталъ тихо разговаривать, обводя глазами залу. Наши взгляды встрѣтились и, возвращаясь въ кабинетъ, онъ остановился возлѣ меня и сказалъ:

— Это вы? Какъ ваше здоровье? Вы имѣли несчастіе попасть въ опалу. Но я надѣюсь, что теперь все поправится.

Затѣмъ онъ дружески обратился къ Корфу, отвелъ его въ сторону, чтобы поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, и возвратился къ себѣ въ кабинетъ, а мы всей толпой двинулись къ выходу, довольные, что удостоились видѣть героя дня.

Я слѣдилъ глазами за Паленомъ все время, пока онъ былъ въ залѣ. Мнѣ хотѣлось поймать его взоръ и угадать его душевное состояніе. Я разсчитывалъ замѣтить въ его взорахъ глубокое волненіе, а во всей его фигурѣ тотъ отпечатокъ, который выдаетъ наблюдателю внутренній разладъ, прикрытый напускной смѣлостью и развязностью.

Меня ужасало то обстоятельство, что новый монархъ окружилъ себя Зубовыми, Паленами и др., которыхъ общій голосъ прямо называлъ главными участниками послѣдней трагедіи.

Всѣ эти господа, нисколько не стѣсняясь, во всеуслышаніе разсказывали о ней своимъ друзьямъ и знакомымъ. Сравнивъ разсказы столькихъ участниковъ, очень легко было отдѣлить въ нихъ то, въ чемъ всѣ сходились между собою, отъ того, что представлялось прикрасами и выдумками отдѣльныхъ лицъ.

Когда я однажды утромъ явился къ Лопухину, онъ сказалъ мнѣ:

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы остались въ Петербургѣ и вернулись въ третій департаментъ, гдѣ теперь нѣтъ ни лифляндца, ни курляндца.

Прежде чѣмъ представить мою докладную записку по поводу причитающейся мнѣ пенсіи, я прочиталъ ее зятю Палена, графу Медему, который жилъ у него. Тотъ обѣщалъ мнѣ переговорить объ этомъ съ тестемъ, чтобы онъ не высказался противъ удовлетворенія моего хо-

датайства на случай, если государь спроситъ его объ этомъ. Графъ Медемъ передавалъ мнѣ потомъ, что Паленъ нашелъ мою просьбу совершенно справедливой и вполнѣ умѣренной и посовѣтовалъ мнѣ войти въ сношеніе съ нимъ, какъ съ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Съ докладной запискою и прошеніемъ въ карманѣ отправился я къ Палену. На этотъ разъ народу у него было немного. Когда онъ вышелъ изъ кабинета, я подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Генералъ, графъ Медемъ предупреждалъ васъ обо мнѣ»—и вкратцѣ сталъ излагать ему свою просьбу.

— Пойдемте въ кабинетъ,— отвѣчалъ онъ, — у меня есть полчаса свободнаго времени и я хочу поговорить съ вами.

— Я знаю о всемъ, что вамъ пришлось вытерпѣть,—началъ онъ, какъ только мы усѣлись.—Но все это ничто въ сравненіи съ тѣми ужасами, которые были продѣланы надъ людьми, преступленіе которыхъ существовало только въ воображеніи или же состояло просто въ неосторожности. Мы устали служить орудіемъ такой тиранніи. Увидѣвъ, что его безуміе возрастаетъ со дня на день и превращается въ манію жестокости, намъ оставалось на выборъ или освободить міръ отъ чудовища или же въ недалекомъ будущемъ принести въ жертву усиливающемуся безумію и себя самихъ и даже часть императорской фамиліи. Патріотизмъ заставляетъ отдать себя, женъ и дѣтей на лютыя пытки, лишь бы дать счастье униженнымъ, измученнымъ, отправленнымъ въ ссылку, наказаннымъ кнутомъ. Я его впрочемъ всегда ненавидѣлъ и ничѣмъ ему не обязанъ. Онъ мнѣ далъ только эти ордена, но и ихъ я вернулъ обратно при восшествіи на престолъ Александра. Но онъ велѣлъ мнѣ сохранить ихъ и я считаю, что я получилъ ихъ отъ него. Услуга, которую мы оказали государству и человѣчеству, не награждается ни чинами, ни орденами, и я заявилъ государю, что я не приму отъ него никакого подарка. Графъ Панинъ, раздѣлявшій со мною хлопоты, придерживался того же мнѣнія.

— Я не зналъ, что графъ Панинъ былъ при этомъ.

— Мы хотѣли только заставить его отречься. Первоначально у насъ была мысль воспользоваться для этого сенатомъ. Но большинство сенаторовъ—дурачье, безъ всякой души и энергіи. Теперь и сенаторы наслаждаются общимъ счастіемъ, но у нихъ никогда не хватило бы мужества сдѣлать это доброе дѣло. Быть можетъ, мы находились наканунѣ еще болѣе важнаго несчастія. Я поздравляю себя съ этимъ дѣломъ, которое вмѣняю себѣ въ самую большую заслугу, которую мнѣ только пришлось оказать государству, ибо здѣсь я рисковалъ моею жизнью.

Сказавъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько незначительныхъ фразъ, онъ снова вернулся къ прежнему разговору.

— Меня удивляетъ, что императрица-мать въ негодованіи на меня. Она сама подвергалась огромной опасности и я оказалъ ей большую услугу. Я не требую, чтобы она отблагодарила меня за нее, но, по крайней мѣрѣ, она должна ее чувствовать и не пытаться возстановить государя противъ меня. Она безъ сомнѣнія видѣлась съ Нелидовой. Я очень ее уважаю. Что она говорила съ вами по поводу этого? *)

— Я видѣлъ ее одну минуту и притомъ она была окружена, по крайней мѣрѣ, дюжиною дамъ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ часы.

— Прочтите, пожалуйста, мнѣ вашу докладную записку: времени намъ остается немного.

Я наскоро прочиталъ и замѣтилъ, что онъ слушалъ очень разсѣянно.

— Отлично, отлично, — сказалъ Паленъ.

Онъ очень любезно проводилъ меня до дверей, но въ лицѣ его я уловилъ нѣчто такое, что выдавало, что онъ говоритъ не искренно.

Почти каждый день я ѣздилъ въ Смольный къ нашей хорошей знакомой полковницѣ Пальменбахъ и нѣсколько разъ видѣлъ тамъ Нелидову. Встрѣтивъ ее въ первый разъ, я былъ пораженъ происшедшей въ ней перемѣной: волосы посѣдѣли, лицо желтоватаго цвѣта покрылось морщинами и глубокая грусть отражалась на этомъ прежде всегда веселомъ лицѣ. Только при третьемъ посѣщеніи я засталъ ее одну. Я заговорилъ о

*) Этотъ вопросъ показалъ, что вся наша продолжительная бесѣда имѣла цѣлью разузнать о томъ, что думаетъ лицо, близкое къ императрицѣ.

моей женѣ, о прошломъ. Глаза ея наполнились слезами, когда я разсказывалъ ей, что мнѣ пришлось вытерпѣть.

— Несчастный государь,—воскликнула она,—вовсе не такъ виновенъ, какъ они его выставляютъ. Справедливо они оба такъ не любили этого Палена.

При этихъ словахъ ея лицо оживилось и это удивило меня тѣмъ болѣе, что ея обычная осторожность доходила даже до притворства.

— Ему мало того, что онъ сталъ главою заговора противъ своего благодѣтеля и государя. Ему нужно еще поссорить мать съ сыномъ, чтобы самому управлять государствомъ въ качествѣ перваго министра. Но я сомнѣваюсь, чтобы и второй заговоръ удался ему такъ же, какъ и первый. Государь любитъ свою мать, а она обожаетъ его, и не Палену, при всѣхъ его ухищреніяхъ, разрушить эту связь.

Вышли двѣ дѣвицы и разговоръ на этомъ прекратился. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я Нелидову въ гнѣвѣ и безъ ея обычной сдержанности и осторожности.

Графъ Вельегорскій пригласилъ меня сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько визитовъ. Отправились къ Палену. Мы застали его играющимъ въ карты съ Валеріаномъ Зубовымъ, Валецкимъ и Чаплицемъ. Беннигсенъ смотрѣлъ, какъ играютъ. Лицо Палена вытянулось, когда онъ увидѣлъ насъ. Но парой-другою остротъ гр. Вельегорскій вернулъ ему хорошее расположеніе духа. По окончаніи игры мы оба остались у Палена. Тамъ же находились секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ и два мнѣ незнакомые господина.

Не знаю какимъ образомъ разговоръ зашелъ объ императрицѣ.

— Очевидно,—сказалъ Паленъ,—она совершенно напрасно воображаетъ, что она наша государыня. На самомъ дѣлѣ она, какъ и мы всѣ, подданная государя императора и если она занимаетъ первую ступень въ подданствѣ, то я занимаю вторую. Мое стремленіе помѣшать всему, что можетъ подать поводъ къ скандалу и бунту, само собою разумѣется, должно быть вполнѣ искренно. Слышали-ли вы исторію съ образомъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ что произошло. Императрица приказала повѣсить въ церкви новаго Екатерининскаго института образъ съ изображеніемъ Распятія, возлѣ котораго стояли Марія и Магдалина съ надписями, которыя намекали на смерть ея мужа и могли возбудить чернь противъ тѣхъ, кто по слухамъ этому способствовалъ. Эти надписи привлекли въ церковь уже не мало народа, такъ что даже полиція донесла мнѣ объ этомъ. Чтобы не попасть въ просакъ, я командировалъ ловкаго и образованнаго полицейскаго чиновника въ партикулярномъ платьѣ, который скопировалъ эти надписи. Тогда я приказалъ священнику незамѣтнымъ образомъ убрать куда-нибудь эту икону. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ это сдѣлать безъ непосредственнаго приказанія императрицы. И сегодня мнѣ предстоитъ говорить объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ къ матери въ Гатчину. Я слышалъ, что она во что бы то ни стало хочетъ оставить образъ на прежнемъ мѣстѣ. Это невозможно.

Онъ еще нѣсколько разъ употребилъ относительно императрицы рѣзкія выраженія. При выходѣ, гр. Вельегорскій сказалъ мнѣ:

— Я теперь не узнаю Палена. Онъ уменъ, какъ курьеръ, чтобы не сказать хуже: какъ могъ онъ сегодня такъ рѣзко отзываться объ императрицѣ, да еще въ присутствіи свидѣтелей?

— Онъ, вѣроятно, воображаетъ, что онъ пользуется такой благосклонностью, что можетъ идти и противъ императрицы. Но онъ упускаетъ изъ виду одно: императрица женщина, въ ней много упорства, къ тому же сынъ любитъ ее. Игра слишкомъ не равна.

Къ четвергъ я поѣхалъ въ Смольный. Проходя мимо крыльца Нелидовой, я замѣтилъ приготовленія къ отъѣзду въ Гатчину. Я вошелъ и попросилъ разсказать исторію съ образомъ, которая надѣлала большаго шума и которая будто-бы можетъ возбудить склонныя къ безпорядкамъ массы.

— Я очень рада,—сказала она,— что вы пришли. Я могу вамъ разсказать всѣ подробности, такъ какъ я была очевидицей всей этой исторіи и не разъ держала этотъ образъ въ рукахъ.

«Одинъ русскій иконописецъ иногда приносилъ черезъ императрицу образа въ даръ новому институту. Такъ какъ онъ не разсчитывалъ ихъ продать, то императрица

приказала выдать ему 100, а потомъ 200 р. Послѣ этого онъ сталъ являться слишкомъ часто, и послѣдній его образъ Распятія императрица хотѣла было вернуть ему назадъ. На этой иконѣ Св. Дѣва обращается ко Христу со словами, а Онъ отвѣчаетъ ей другими. Такъ какъ эти слова написаны были мелкими славянскими буквами, то никому въ голову не пришло ихъ разобрать. Иконописецъ оставилъ икону камердинеру съ просьбою обратить на нее вниманіе императрицы, такъ какъ онъ по бѣдности своей сильно нуждается. Икона около двухъ недѣль висѣла въ комнатѣ императрицы, которая, при отъѣздѣ въ Гатчину, сказала: «Нужно повѣсить этотъ образъ на виду. Нѣтъ ли тутъ кого-нибудь изъ моего вѣдомства?» Оказалось, что тутъ былъ баронъ Гревеницъ. Императрица позвала его и сказала: «Куда бы помѣстить этотъ образъ?» «Одинъ образъ нуженъ въ церковь Екатерининскаго института». «Въ такомъ случаѣ, велите его туда повѣсить и скажите иконописцу, что по возвращеніи моемъ я его не забуду». Это вамъ можетъ подтвердить весь дворъ императрицы.

«Но Паленъ, которому нужно посѣять вражду между матерью и сыномъ, усмотрѣлъ въ словахъ на иконѣ такой смыслъ, который можетъ вызвать бунтъ. Эта идея нелѣпа и преступна, если признать ее у императрицы. Нужно надѣяться, что государь прикажетъ подробно разобрать это дѣло и дастъ удовлетвореніе своей матери. не разсказывайте этого никому, а главное не называйте меня.

Въ воскресенье вечеромъ я получилъ отъ одного изъ моихъ друзей записку такого содержанія: «Въ 9 часовъ Паленъ со всѣмъ семействомъ уѣзжаетъ въ Ригу. Говорятъ, онъ подалъ въ отставку. Всѣ ѣдутъ къ нему. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же».

— Я не вѣрю въ эту поѣздку,—писалъ я въ отвѣтъ.—Поѣзжайте сами, а потомъ разскажите мнѣ, въ чемъ тамъ дѣло.

Въ 11 часовъ вечера получаю вторичную записку: «Онъ уѣхалъ. Притворялся равнодушнымъ. Но онъ въ отчаяніи».

Все это казалось мнѣ сновидѣніемъ. Тѣмъ не менѣе я спокойно улегся спать и пожелалъ ему счастливаго пути.

Часовъ 9 утра къ гр. Вельегорскому зашло одно лицо, близкое къ государю, и подтвердило о внезапномъ отъѣздѣ Палена.

Во вторникъ утромъ онъ принесъ государю жалобу по поводу иконы и его величество, раздраженный его рѣзкими выраженіями, сказалъ:

— Не забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочемъ, это совершенно невозможно, что подписи были таковы, какъ вы утверждаете. Я самъ осмотрю образъ.

Паленъ сейчасъ же велѣлъ принести икону и показалъ ее императору, который, осмотрѣвъ ее, не сказалъ ничего и уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ потребовалъ отъ матери объясненія. Какъ онъ ни старался смягчить дѣло, императрицѣ, однако, пришлось оправдываться въ своихъ намѣреніяхъ, а это было для нея весьма унизительно. Въ заключеніе своихъ объясненій она сказала:

— Пока Паленъ въ Петербургѣ, я туда не вернусь.

Государь возвратился только въ субботу вечеромъ и не желая лично приказать Палену отправиться въ Остзейскія губерніи, занимался съ нимъ въ воскресенье до обѣдни, а затѣмъ призвалъ генерала-прокурора и за часъ до обѣда поручилъ передать этотъ приказъ Палену.

— Я понимаю смыслъ этого приказа,—возразилъ онъ Беклешову,—и знаю, откуда онъ идетъ. Передайте Его Величеству, что я исполню его приказаніе сегодня въ 8 часовъ вечера и выѣду изъ Петербурга.

Онъ сообщилъ объ этомъ приказѣ своей женѣ и сказалъ, что немедленно потребуетъ полной отставки. Она также написала новой императрицѣ письмо прося уволить ее отъ придворныхъ обязанностей и дать ей возможность сопровождать мужа. Письмо Палена было помѣчено Стрѣльной. Его передали государю, какъ только онъ проснулся, и въ тотъ же день на парадѣ была объявлена его отставка. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ 26 часовъ этотъ человѣкъ, считавшій себя столь прочнымъ и обладавшій необыкновеннымъ тактомъ и умомъ, ѣхалъ уже полнымъ ничтожества въ свое имѣніе.

Наконецъ, и я рѣшился ѣхать, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ. Двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ было совершенно достаточно, чтобы вполнѣ ознакомиться съ системой новаго курса. Мнѣ удалось получить самыя неоспоримыя извѣстія о совершенно другомъ характерѣ новаго царствованія и мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставалось то утѣшеніе, что мнѣ не нужно было уже спрашивать чьихъ-либо указаній для того, чтобы предугадать дальнѣйшіе шаги новаго монарха.

Я вернулся въ лоно своей семьи съ двойнымъ удовлетвореніемъ: я уже успѣлъ оцѣнить прелесть независимости и досуга.

По приглашенію генералъ-губернатора князя Голицина и членовъ первыхъ судебныхъ курляндскихъ установленій я принялъ участіе въ работахъ по преобразованію присутственныхъ мѣстъ и составленію новаго устава судопроизводства. Такимъ образомъ и мой досугъ пошелъ на пользу родинѣ.

По окончаніи моей работы я издалъ ее въ Кенигсбергѣ подъ заглавіемъ. Regimen monarchicum ab ipsa natura incorrupta ratione emanatum omnibus regiminis formis praeferendum summatim demonstratur a. K. A. Ruttieniae Nobili. [1]) Я посвятилъ этотъ этюдъ памяти Екатерины II. Буквы К. А. означаютъ мое имя по русски—Карлъ Александровичъ. Это все, что можно было сдѣлать въ то время, когда враги трона и алтаря имѣютъ все большій и большій успѣхъ.

Какъ благославляю я провидѣніе, удалившее меня изъ Петербурга за долго до грустнаго событія. Если бы я какъ-нибудь случайно замѣтилъ хотъ малѣйшіе признаки заговора, то въ силу присяги и по своимъ убѣжденіямъ, я былъ бы принужденъ открыть страшную тайну.

Многіе смотрѣли бы тогда на меня, какъ на жалкаго доносчика, и мои дѣйствія подали бы поводъ къ клеветамъ на меня. Но такъ какъ я былъ далеко отъ мѣста страшнаго происшествія, то я могъ избѣгнуть всѣхъ непріятностей, не поступившись своими принципами.

Теперь, достигши тихой пристани, я посвящаю остатокъ своихъ дней дружбѣ, обязанностямъ и прелестямъ литературы, какъ совѣтовалъ великій римскій ораторъ:

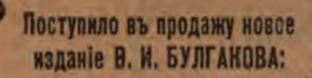
Aptissima omnino sunt arma senectutis artes exercitationesque virtutem quae in omni aetate cultae cum multum diuque vixeris, mirificos afferunt fructus [1]).

Cic. d. off.

[1]) Разсужденіе о томъ, что монархическое правленіе, основанное на самой природѣ и здравомъ смыслѣ, слѣдуетъ предпочитать всѣмъ другимъ формамъ правленія. Русскаго дворянина К. А.

[1]) Самое удобное оружіе противъ старости занятіе искусствами и упражненіе въ добродѣтели. Имъ нужно заниматься во всякомъ возрастѣ. А когда проживешь долго, то они приносятъ удивительные плоды. Цицеронъ.

КОНЕЦЪ.



Японія

Генриха Дюмолара.

(Политическое, экономическое и соціальное положеніе страны).
288 страницъ. Цѣна **80** коп., съ перес. **1** руб.

Содержаніе: Предисловіе. — Историческій очеркъ. — Конституція. — Политика и политическія партіи. — Администрація. — Пресса. — Государственные финансы. — Земледѣліе. — Колоніи. — Торговое и промышленное развитіе Японіи и пресловутая желтая опасность. — Рабочій вопросъ и пауперизмъ. — Народное образованіе. — Религія. — Женскій вопросъ. — Искусство. — Свободная Японія. — Внѣшняя политика. — Японія и Корея. — Заключеніе.

Французское изданіе этой монографіи бывшаго профессора въ Токійскомъ университетѣ одобрено Французскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ и школьныхъ библіотекъ, а также для выдачи въ награду учащимся.

Съ требованіями обращаться: **Контора изданій Ѳ. И. Булгакова, Спб., Ул. Гоголя (б. Малая Морская), 9.**

Тамъ же продается брошюра

КОРЕЯ

(исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность).
Цѣна 10 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССІИ

въ картинахъ В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

16 фотогравюръ съ описаніемъ ихъ самимъ художникомъ.

(Въ форматѣ изданій Ѳ. И. Булгакова „Мейсонье“, „Альма Тадема“, „Кнаусъ“ и „Менцель“).

16 фотогравюръ на отдѣльныхъ листахъ: Портретъ В. В. Верещагина. — Наполеонъ I въ ожиданіи мира. — Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ. — Передъ Москвой: ожиданіе депутаціи бояръ. — Въ Успенскомъ соборѣ. — Въ Кремлѣ пожаръ. — Зарево Замоскворѣчья. — Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. — Въ Городнѣ — пробиваться или отступать? — На этапѣ — дурныя вѣсти изъ Франціи. — На большой дорогѣ — отступленіе, бѣгство. — Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ — «Не замай! Дай подойти!» — «Съ оружіемъ въ рукахъ — разстрѣлять!» — «Въ штыки! Ура, ура, ура!» — Ночной привалъ Великой арміи.

Цѣна **4** руб.; съ перес. **4** руб. **50** коп. За экземпляръ въ изящномъ переплетѣ добавляется **75** коп.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. Ѳ. И. БУЛГАКОВУ.

Для подписчиковъ **«Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки»**, адресующихъ въ редакцію его: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывшая Малая Морская), 9, уступка 10% съ 4 руб. и пересылка безплатно. **Наложеннымъ платежомъ не высылается.**